

ТРАДИЦИИ
И НОВАЦИИ
В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ПРАВА

Международный конгресс
молодых ученых

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА

5–6 апреля 2024 г., Москва

Сборник материалов

Том 2
Гражданско-правовое направление

Москва
Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
2024

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА

Материалы Международного конгресса молодых ученых
5–6 апреля 2024 г., Москва

Том 2

Гражданско-правовое направление

Москва
Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
2024

УДК 34[470+571](082)
ББК 67(2Рос)я43
Т65

Председатель редакционного совета сборника:

Синюков В. Н., проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Редакционная коллегия:

Вавилин Е. В., д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права; *Соменков С. А.*, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права; *Белова Д. А.*, к. ю. н., доцент, кафедры гражданского права; *Суворов Е. Д.*, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права; *Михайлов С. М.*, к. ю. н., доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства; *Гузий Д. А.*, к. ю. н., старший преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства; *Ершова И. В.*, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права; *Олейник Е. В.*, к. ю. н., доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права; *Чугунова К. Ю.*, к. ю. н., преподаватель кафедры предпринимательского и корпоративного права; *Апресова Н. Г.*, к. ю. н., доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права; *Щербакова М. А.*, старший преподаватель кафедры предпринимательского и корпоративного права; *Ефимова Л. Г.*, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой банковского права; *Михеева И. Е.*, к. ю. н., доцент, заместитель заведующего кафедрой банковского права; *Новоселова Л. А.*, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой интеллектуальных прав; *Шахназарова Э. А.*, к. ю. н., старший преподаватель кафедры интеллектуальных прав; *Черных Н. В.*, к. ю. н., доцент, и. о. заведующей кафедрой трудового права и права социального обеспечения; *Челнокова Г. Б.*, к. ю. н., доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения; *Горская Е. Ю.*, к. ю. н., и. о. заведующей кафедрой семейного и жилищного права; *Шепелева Д. В.*, к. ю. н., доцент кафедры семейного и жилищного права; *Корсик К. А.*, д. ю. н., доцент, заведующий кафедрой нотариата; *Елисеева А. А.*, к. ю. н., доцент кафедры нотариата и кафедры гражданского права.

Т65 Традиции и новации в системе современного российского права : материалы Международного конгресса молодых ученых, 5–6 апреля 2024 г., Москва : в 3 т. Т 2. – М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – 427 с. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-907670-46-4

5–6 апреля 2024 г. в рамках XI Московского юридического форума состоялся Международный конгресс молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). В сборник включены доклады, подготовленные для секционных заседаний, проводившихся в рамках конгресса.

УДК 34[470+571](082)
ББК 67(2Рос)я43

СОДЕРЖАНИЕ

Стратегическая сессия «Гражданское право в условиях новой технологической парадигмы»	4
Дискуссионная площадка «Субъекты цивилистического процесса: актуальные проблемы правового статуса» (посвящается 100-летию д. ю. н., профессора М.С. Шакарян)	65
Блиц-доклады «Правопреемство в коммерческих корпорациях: семейные, наследственные и иные аспекты отчуждения (перехода) корпоративных прав»	97
Стратегическая сессия «Новые горизонты бизнеса: проблемы правового регулирования»	144
Круглый стол «Банкротство в цифровой экономике»	183
Конференция «Недобросовестные практики в банковской деятельности»	209
Круглый стол «Актуальные проблемы права интеллектуальной собственности»	236
Круглый стол «Перспективы цифрового взаимодействия в трудовом праве и праве социального обеспечения: теоретические и практические аспекты»	350
Круглый стол «Роль семейного законодательства в масштабе национальной демографической политики»	385
Круглый стол «Обеспечение интересов семьи в нотариальной практике»	407

Стратегическая сессия

«Гражданское право в условиях новой технологической парадигмы»

Амирова А. И.
Северо-Кавказский институт (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России)
Студент

Актуальные вопросы при разделе имущества – на примере аккаунта социальных сетей

В процессе развития интернет сферы усложняются и общественные отношения, которые складываются между членами общества, а следствием всего этого является развитие и усложнение регуляторов общественных отношений.

Не являются исключением и общественные отношения, складывающиеся по поводу собственности, брака и семьи, остро встают вопросы правового регулирования социальных сетей супругов. Аккаунты могут приносить своим владельцам не только славу, но и ощутимую прибыль. Популярные блогеры зарабатывают на рекламе сотни тысяч рублей, а кто-то и миллионы. Столь стремительное развитие медиа сфер общественной жизни за последние несколько десятилетий неизбежно порождает необходимость в изменении такого регулятора общественных отношений как право.

После регистрации брака между супругами возникают не только личные отношения, но и возникающие в связи с ними имущественные отношения, именно они лежат в основе ведения совместного хозяйства и составляют часть содержания тех брачных отношений, которые подчинены воздействию норм семейного права.

Семейный кодекс Российской Федерации, а именно статья 34 гласит, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью¹.

(это источник, его в сноски внизу) Означает ли это, что аккаунт в социальных сетях, который приносит большой доход, также можно считать общим имуществом супругов? В настоящее время в России законодатель не выделяет аккаунт в социальных сетях как определенное имущество, но в зарубежных странах уже начали осуществлять такое сравнение, например в законодательстве Германии не так давно приравнивали аккаунты к собственности в условной графе «нематериальные активы» или «прочее».

Не имея точного определения «аккаунта» как имущество в Российской Федерации, можно выделить несколько вариантов определения данного объекта в определенную категорию.

Во-первых, перечень объектов гражданских прав, указанный в статье 128 Гражданского кодекса открытый, поэтому аккаунт в социальных сети можно было бы отнести к «иному имуществу»². Так поступали суды применительно к криптовалюте до того момента, пока не был официально опубликован Федеральный закон № 259-3 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Во-вторых, данное имущество выделяют как объект интеллектуальной собственности. Если аккаунт в социальных сетях отнести к объекту интеллектуальной собственности, то исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности будет владеть только сам автор.

Так же, согласно семейному кодексу, данные объекты не являются общим имуществом супругов. Авторские права по своей специфике неотчуждаемы и принадлежат только автору самого интеллектуального объекта, но один из супругов может попытаться доказать, что и он принимал участие в создании произведения, поэтому является соавтором, в таком случае обладателями авторских прав будут признаны оба супруга.

Согласно практике для получения доходов от аккаунта гражданин регистрируются как индивидуальный предприниматель, тогда деньги поступают на счет определенного человека. При таком случае соавтору аккаунта не удастся получить какую-то долю от онлайн-бизнеса, но на компенсацию при разводе он претендовать может, но нужно будет объяснить суду, что он вложил в такой онлайн-бизнес и подтвердить этот факт.

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Касательно авторского права, считать профиль в социальных сетях объектом авторского права мы считаем неверно, так как к ним закон относит определенные произведения независимо от достоинств и назначения. Поэтому, в данном случае, к объектам авторского права можно отнести только контент (текст), размещенный на странице пользователя.

В-третьих, ведение аккаунта в социальных сетях некоторые авторы сравнивают с деятельностью Индивидуального Предпринимателя. Согласно пояснениям Верховного суда при разделе ИП, сам бизнес отдельным самостоятельным объектом права не является, а представляет собой деятельность в форме ИП. Исходя из этого, разделить между супругами можно доходы от такого бизнеса и имущество, записанное на такой бизнес, а не сам бизнес. Судебная практика по разделу бизнеса между супругами довольно большая.

Неоднократно суды признают за одним из супругов долю, а второму назначают компенсацию¹.

В-четвертых, заключительное предположение, что это приобретение одним из супругов в период брака неделимой вещи, но разница заключается в том, что вместо неделимого объекта вещных прав супругов приобретается обязательственное право. Если говорить уточняющее, то одним из супругов заключается пользовательское соглашение с компанией – оператором информационной системы. По данному соглашению у гражданина возникает право требовать от оператора оказания услуг, связанных с аккаунтом в социальной сети, принадлежащей компании информационной системы.

Конкретно это услуги по опубликованию информации, размещаемой гражданином-владельцем аккаунта в информационной системе, для определенного круга лиц, на условиях пользовательского соглашения. Это право требования имущественное право – вид имущества².

Данное имущество считается общим имуществом, нажитым в период брака», независимо от того, на кого из супругов данный аккаунт зарегистрирован, то есть данное право приобретено. Поэтому данное имущество должно быть разделено по соглашению, а именно брачным договором, либо судом в случае затребования такого действия любым из супругов.

Но специфика неделимого имущества (право требования по пользовательскому соглашению в связи с одной определенной учетной записью) не дает возможности разделить такое имущества с выделом в натуре доли каждого из супругов. Поэтому в отношении права требования по пользовательскому соглашению как общего имущества возможны два выхода из ситуации по соглашению сторон или решению суда. Первое это-прекращение режима общего имущества с выплатой 1/2 стоимости такого имущества супругом, сохраняющим за собой имущественное право, другому супругу (потребуется оценка стоимости аккаунта, что возмещает трудности); Второе – это сохранение режима общего имущества за обоими супругами (бывшими супругами), с определением применительно к статье 253 ГК РФ порядка осуществления ими прав пользователя по пользовательскому соглашению.

Но есть специалисты, отрицающие такой подход определения места аккаунта в социальных сетях, подтверждая свои доводы они говорят, что данный объект представляет собой право требования к администратору сайта о предоставлении доступа к учетной записи и оказание услуг, связанных с ней, возникшее на основании пользовательского соглашения с администратором и его никак нельзя сравнивать с видом имущества³. По условиям соглашения с сайтом продажа и передача аккаунта третьим лицам запрещена, что в силу п. 3 ст. 388 ГК РФ не позволяет пользователю аккаунта уступать право требования к администратору сайта. В связи с этим такие права являются «необоротоспособными», и поэтому их нельзя оценить, следовательно, и компенсацию супруг получить не сможет.

Подводя итог ко всему вышперечисленному, можно сказать о том, что в настоящее время существует пробел в законодательстве, относящийся к аккаунтам в социальных сетях как определенного актива, который приносит заработок.

На данный момент суды не могут дать точного решения, как правильно поступать с таким имуществом и к каким объектам оно относится. В данной ситуации решением для пар может быть составление соглашения о пользовании данным активом, либо составление брачного договора с пунктами о разделе данного актива. Тем не менее, специалисты предполагают, что в скором времени данные аккаунты как финансовые активы будут приравнены к имуществу. Если с самим аккаунтом в социальных сетях существует однозначность, то с заработком от такого «бизнеса» вполне все ясно. Семейный кодекс определяет, что к общему имуществу относятся все доходы супругов, включая доходы от предпринимательской деятельности и результаты интеллектуальной деятельности.

---

¹ Нестерова Т. И., Адаева Е. А. Вопросы правового регулирования имущественных отношений супругов // Нотариус. 2014. № 6. С. 13–15.

² Мыскин А. В. Брачный договор в системе российского частного права. М. : Статут, 2012. 172 с.

³ Чефранова Е. А. Правовое регулирование имущественных отношений супругов // Российская юстиция. 1996. № 7.

В связи с этим заработок, который приходит благодаря аккаунтам в социальных сетях через различные способы монетизации, рекламные контракты, определяют как общей собственности супругов. Супругам, конечно, можно заключить брачный договор и распределить все финансовые активы по обоюдному согласию, но в законодательстве должен быть механизм, регулирующий такие объекты.

Ашбель Е. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Консорциумы в Европейском Союзе и России: сравнительно-правовой анализ

Согласно Концепции технологического развития России на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р¹, новыми субъектами технологического развития и организационно-правовой формой должны стать такие научно-образовательные структуры как консорциумы. Что же такое консорциумы и для чего изначально они были сформированы Евросоюзом?

Перед проведением аналитической работы целесообразно обозначить ключевые английские аббревиатуры, которые в дальнейшем будут использоваться в статье: EDIC (European Digital Infrastructure Consortium), что в переводе на русский язык означает Европейский Консорциум Цифровой Инфраструктуры; DDPP (The Digital Decade Policy Program) – политика программы цифрового десятилетия до 2030 года.

Документом, который является основным источником при изучении европейских консорциумов, выступает руководство пользователя европейского консорциума цифровой инфраструктуры². Правовую базу и юрисдикцию рассматриваемого субъекта составляют: законодательство Евросоюза; право государства-члена; устав консорциума и прилагаемые к нему дополнительные документы (например, о представительстве государств частными организациями).

Европейские страны, согласно официальному сайту Европейского Союза и в рамках Программы политики Цифрового десятилетия до 2030 года (также именуемой как DDPP), определяют консорциумы как юридическое лицо со своим уставом и минимальным количеством участников-государств: «...Каждый европейский консорциум цифровой инфраструктуры является юридическим лицом, учрежденным решением Комиссии на основании заявки не менее трех государств-членов и одобрения Комиссии...»³.

Правосубъектность европейских консорциумов состоит в их способности заключать договоры с другими юридическими лицами, быть стороной в суде, приобретать в собственность имущество, а также отчуждать его (то же самое касается и результатов интеллектуальной деятельности). Консорциум несет ответственность по своим долгам идентично российскому обществу с ограниченной ответственностью (ООО) – ответственность членов EDIC определяется в соответствии с внесенными ими взносами. Однако члены консорциума могут указать в Уставе, что они берут на себя ответственность сверх их взносов. Что касается льгот и преимуществ, страны-члены EDIC, признанного международной организацией, освобождаются от уплаты НДС на товары или услуги, приобретенных для использования. Это преимущество относится только к неэкономической деятельности.

В качестве обязательных элементов управления консорциумов Евросоюза выступают Ассамблея членов и Директор. Необязательными элементами управления являются Комитет по стратегической ориентации (площадка для обсуждения вопросов стратегического значения EDIC) и Консультативный совет (привлечение экспертов извне для решения задач консорциумов).

Участниками могут быть и международные, государственные и частные организации. Для голосования на ассамблеях членов, страны-участники делятся на те, что вносят финансовый или иной вклад и те, которые не вносят ничего. Первые вправе голосовать, в то время как вторые голосовать не могут, потому называются «странами-наблюдателями». Государственные или частные организации (но с государственным участием или наделенные государственными полномочиями, например, высшие учебные заведения с государственной

---

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении концепции технологического развития России до 2030 года» // URL: <http://static.government.ru/media/files/KU6A00A1K5t8Aw93NfRG6P80IbVp18F.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).

² Руководство пользователя европейского консорциума цифровой инфраструктуры // URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/edic> (дата обращения: 27.03.2024).

³ Страница Программы политики Цифрового десятилетия до 2030 года // URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/europes-digital-decade-digital-targets-2030_en#multi-country-projectsopes-digital-decade-digital-targets-2030_en (дата обращения: 27.03.2024).

аккредитацией и др.) также могут представлять стран-участниц, но при соблюдении ряда определенных условий: консорциум-заявитель должен иметь статус международной организации; страны-участницы обладают преимущественным правом голоса независимо от того, какого размера частные организации осуществили финансовый и нефинансовый вклад и другие условия.

Бюджет консорциумов состоит из: обязательных для всех членов финансовых и нефинансовых взносов; грантов; внешнего финансирования от третьих (физических и юридических) лиц (например, передача активов, пожертвования); прибыли от коммерческой деятельности консорциумов (если консорциум носит коммерческий характер). Годовой бюджет и финансовый отчет должны быть опубликованы (общедоступными). Появляется мысль о том, что данное условие о гласности необходимо для предотвращения подозрений от общественности во взяточничестве и легализации (отмывании) денежных средств внутри консорциумов.

Возникает вопрос: чем консорциумы отличаются от холдингов? Особенность структуры и состава холдингов заключается в наличии управляющей (материнской) компании, в обязанности которой непосредственно входит координация и контроль работы всего холдинга. В консорциумах основным принципом механизма деятельности является равноправие членов. К тому же, у консорциумов Евросоюза межгосударственный уровень, чего нельзя сказать про холдинг.

В России консорциум планируется как внутригосударственная организация: «...консорциумы, способные реализовать крупномасштабные технологические проекты к коммерциализации опытных образцов, основной функционал которых будет направлен на оперативное решение научно-образовательных задач путем выстраивания эффективного взаимодействия между участниками консорциума за счет объединения собственных и внешних ресурсов, перераспределения указанных задач между ними и оптимизации затрат на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы...»¹.

По своей природе потенциальные консорциумы из Концепции напоминают когда-то утвержденные Постановлением Совета Министров СССР от 30 декабря 1975 года № 1062 научно-производственные объединения, сформированные для: «...создания и внедрения в кратчайшие сроки в народное хозяйство новейших образцов машин, оборудования, приборов, материалов и других промышленных изделий, прогрессивных технологических процессов, отвечающих по своим научным, технико-экономическим и другим показателям высшим достижениям отечественной и зарубежной науки и техники...»². Ключевое различие заключается в том, что научно-производственные объединения должны были реализовать поставленные задачи в кратчайшие сроки, в то время как консорциумы направлены на долгосрочную деятельность. Кроме того, данные объединения носят производственный характер (заказчик – производитель), консорциумы же совещательный (участники – участники).

Стремление органов власти РФ сформировать консорциумы как отдельную организационно-правовую форму может объясняться тем, что в российском законодательстве закреплена система из множества видов юридических лиц. Чтобы ее не усложнять, можно создать консорциумы, объединяющие в себе черты юридических лиц в одном флаконе, но с более масштабными стремлениями. Поскольку в самой Концепции подробные сведения о консорциумах не содержатся, но российские консорциумы сходны с европейскими по целям, можно выдвинуть предположение о том, что, вероятнее всего, правовые особенности и задачи у российских консорциумов будут приблизительно такими же.

Консорциум – относительно новое, практически не исследованное юридическое лицо, создаваемое для достижения крупномасштабных целей, разрешения задач, проблем и вопросов через объединение «сильных» членов с общим видением концепции деятельности и выходов из затруднительных ситуаций. Прибыль от его работы является неким вознаграждением, бонусом и источником государственных доходов, а не основным объектом, стремлением и причиной создания, как это происходит у коммерческих организаций (тех же самых научно-производственных объединений СССР).

---

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении концепции технологического развития России до 2030 года» // URL: <http://static.government.ru/media/files/KU6A00A1K5t8Aw93NfRG6P80IbVp18F.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).

² Постановление Совета Министров СССР от 30 декабря 1975 г. «Об утверждении Положения о научно-производственных объединениях» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/600335> (дата обращения: 27.03.2024).

Башаргина В. Р., Мирошниченко Л. Р.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студенты

Правовой режим аккаунта в сети Интернет

В настоящее время аккаунт в Интернете стал неотъемлемой частью жизни практически для любого человека. Кроме того, спектр возможностей их использования расширяется буквально с каждым днем, кто-то использует аккаунт лишь в развлекательных целях, а для кого-то это, например, средство ведения бизнеса. Для гражданско-правовых отношений внедрение новых цифровых технологий вызывает интерес с точки зрения расширения перечня объектов гражданского права и их правового режима.

Для построения полноценного определения интернет-аккаунта представляется необходимым выделить как технические, так и правовые характеристики этого понятия.

Первоначально можно рассмотреть аккаунт через присущие ему признаки. Во-первых, доступ к нему возможен только через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет (далее – сеть Интернет). Во-вторых, каждый аккаунт имеет свой уникальный адрес вида «http://адрес социальной сети/id», где id – индивидуальный номер Пользователя или поддоменное. Например, в Решении Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-211341/2022 от 14 марта 2023 г. дается указание именно на адрес аккаунта: «был предоставлен аккаунт http://youtube.com/** на платформе YouTube»¹. В-третьих, каждый аккаунт содержит определенный «контент», именно он определяет экономическую ценность того или иного аккаунта. В постановлении Президиума ВАС РФ от 22.04.2008 № 255/08 под «контентом» понимается специально подобранные и расположенные определенным образом материалы, которые могут быть использованы с помощью компьютерной программы, являющейся элементом сайта².

Также, Е.Е. Кирсанова в своей диссертационной работе определяет аккаунт следующим образом: «учетная запись пользователя в информационной системе, содержащая идентифицирующую и (или) контактную информацию о нем, а также дополнительные данные, в зависимости от свойств информационной системы и целей обработки данных (например, историю покупок, информацию об активности в интернет-сети и т.д.)»³.

Д.А. Житкова выдвигает следующее обобщенное понятие аккаунта (учетной записи пользователя): это «запись, которая содержит набор определенных сведений, передаваемых пользователем какой-либо компьютерной системе»⁴.

Вместе с тем, важно отметить, что внутри той или иной учетной записи могут содержаться такие категории как, например: результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД), являющиеся объектам гражданских прав, закрепленные в статье 1225 Гражданского кодекса РФ⁵; персональные данные, которые, согласно Федеральному закону «О персональных данных»⁶, представляют собой любую информацию, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных); право автора на имя, то есть право использовать или разрешать использование произведения в том числе вымышленным именем – псевдонимом⁷, который также может использоваться в рамках аккаунта.

Таким образом, с технической точки зрения аккаунт является достаточно многогранным и широким понятием и представляет собой учетную запись, существующую в виртуальной форме на той или иной интернет-площадке в сети Интернет, имеющую свой уникальный адрес (ID), содержащую в себе

---

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-211341/2022 от 14 марта 2023 г.: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Президиума ВАС РФ № 255/08 по делу № А63-14046/2006-С1 от 22.04.2008: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Е. Е. Кирсанова Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 12.

⁴ Д. А. Житкова Правовой статус игровых аккаунтов // Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право : сборник материалов межвузовской научно-практической конференции с международным участием. М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в актуальной редакции) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301..

определенный массив информации – «контент», а также в рамках учетной записи могут быть задействованы и такие категории, как персональные данные, псевдоним, РИД и т.д.

По поводу правовой природы интернет-аккаунта в доктрине также высказываются различные позиции. По мнению К. С. Митягина, страницу в социальной сети можно рассматривать как: сложный объект (мультимедийное произведение), составное произведение, базу данных¹. Согласно позиции Е. С. Гринь, аккаунты могут представлять мультимедийные произведения либо составные произведения². М. М. Панарина указывает, что аккаунт может охраняться как база данных³. Сходную позицию высказывает Е. Е. Кирсанова⁴.

Систематизируя имеющиеся в доктрине высказывания, можно выделить основные точки зрения в отношении правовой природы аккаунта:

1. Аккаунт является составным произведением.
2. Аккаунт – это база данных.
3. Аккаунт представляет собой мультимедийное произведение.
4. В зависимости от вида и особенностей, аккаунт может являться составным произведением, базой данных, мультимедийным произведением.

Аккаунт является нематериальным объектом, он не осязаем и может существовать лишь в рамках интернет-сети. Одновременно с этим, аккаунт потенциально может приносить прибыль, иметь точное денежное выражение и использоваться в коммерческих целях как юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, так и физическими лицами, в том числе самозанятыми. Зачастую он является объектом, созданным в результате творчества автора, как правило, являющегося пользователем какой-либо информационной площадки – социальной сети, что во многом приближает его к категории результатов интеллектуальной деятельности. Кроме того, в отношении аккаунта, как и в отношении прочих объектов интеллектуальной собственности, может быть распространено применение лицензионных договоров на передачу исключительных прав⁵.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, на наш взгляд, на данном этапе развития законодательства наиболее обоснованной позицией по поводу определения места аккаунта в гражданско-правовых отношениях является точка зрения А. Ф. Ахмадуллиной, которая указывает, что: «аккаунт в социальной сети представляет собой сложный многосоставной объект гражданских прав с информационной составляющей, в котором переплетаются и элементы цифровых прав, и элементы прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также иные элементы системы гражданского права»⁶.

Считаем, что не является целесообразным расширение как перечня объектов гражданского права, закрепленного в статье 128 ГК РФ⁷, так и цифровых прав, названных в законодательстве, поскольку цифровое развитие наращивает темпы с каждым днем и законодательство не будет поспевать за всеми отдельными случаями и изменениями. Для эффективного регулирования отношений, связанных с интернет-аккаунтами, достаточно применять договорной способ регулирования. Такой способ посредством включения всех значимых для субъектов условий в необходимой мере обеспечит реализацию имущественных и личных неимущественных интересов и достижения целей, связанных с функционированием аккаунта. Это касается и семейно-правовых, и наследственных, и трудовых, а также иных отношений обладателей аккаунтов.

---

¹ К. С. Митягин. Правовая природа страницы социальной сети // Журнал Суда по интеллектуальным правам. URL: http://ipcmagazine.ru/legal-issues/the-legal-nature-of-a-social-network-page?ysclid=1595cla_jp392681473. – (дата обращения: 04.03.2024).

² Е. С. Гринь. Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 128–134.

³ М. М. Панарина. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование / М. М. Панарина // Наследственное право. 2018. № 3. С. 29–30.

⁴ Е. Е. Кирсанова. Аккаунт как объект гражданских прав // Вестник арбитражной практики. 2020. № 2. – // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2019 № 07АП-5465/2019 по делу № А27-29639/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ А. Ф. Ахмадуллина. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях // Lex russica. 2022. Т. 75. № 12. С. 130–144.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Береснева П. Ю.

Удмуртский государственный университет (УдГУ)

Студент

**Актуальные проблемы деликтной ответственности за вред,
причиненный беспилотным летательным аппаратом при действиях зарубежных субъектов**

В последнее время на большинство стран мира оказало существенное влияние активно проходящие процессы технологизации и цифровизации различных видов деятельности. С целью обеспечения защиты национальных интересов и собственной безопасности, существенное развитие отразилось на предприятиях оборонно-промышленного комплекса России, а именно на беспилотных летательных аппаратах, которые представляют собой основу технологической самостоятельности национального авиастроения, а в нынешней геополитической обстановке имеющие особую актуальность.

За прошедшие года граждане Российской Федерации столкнулись с новой, беспрецедентной ситуацией, в которой выступают потерпевшими в результате причинения вреда их движимому и недвижимому имуществу, посредством атаки беспилотных летательных аппаратов под управлением зарубежных государств. Ввиду стремительных темпов технологического развития, правовое регулирование не успевает обновлять существующие нормы, здесь же, добавляется новый вопрос – определение ответственного лица, компенсирующего причиненный ущерб при атаке сторонним государством.

Воздушный кодекс РФ в п. 5 ст. 32 закрепляет легальное понятие беспилотного летательного аппарата, иначе – БПЛА. Под ним понимается воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот). Стоит заметить, что законодатель апеллирует понятием «воздушное судно», что приравнивается к понятию «летательный аппарат».

Вследствие своих значительных преимуществ в сравнении с альтернативными видами военной техники и эффективности в решение задач таких как разведывательные действия, передача сведений в наземный пункт в реальном времени, боевая атака и т.д., БПЛА в условиях сложившейся обстановки, связанной с проведением специальной военной операции, имеет интерес как для Российской Федерации, так и для зарубежных государств, враждебно настроенных к нашему государству. Последние же, активно пользуются дронами и применяют их к гражданам Российской Федерации. Чаще вреду подвергается население пограничных регионов – Белгородской, Брянской, Курской областей, а также городов федерального значения – Санкт-Петербург и Москва, что не могло вызвать ряд проблем в том числе и в гражданско-правовой области.

Обязательства исходящие из возмещения причиненного вреда в результате нарушения чужого абсолютного права регламентированы ст. 1064 ГК РФ. Согласно данной статье, компенсировать причиненный вред обязано лицо, его совершившие, но учитывая, что в рассмотренной ситуации установить субъект не предоставляется возможным, а атаки иностранных государств не являются военными действиями, на практике осуществить данный механизм невозможно.

Законодательно предусмотрены два способа такого преодоления: аналогия закона, то есть принятие решения по делу на основании правовой нормы, предусматривающей урегулирование сходных общественных отношений, и аналогия права, когда исходят из принципов права в целом, отрасли права или ее института¹. В нашем случае вред компенсируется тремя способами:

1. Используя ссылки на Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее ФЗ № 35). В данном законе закрепляется понятие, что является террористическим актом. Так, до нас важно, что под ним понимается совершение действий, которое влечет причинение значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти воздействия на принятие ими решений²;

2. Используя ссылки на Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ № 68). Согласно данному закону, мы можем определить атаку БПЛА как чрезвычайную ситуацию, то есть обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате аварии, катастрофы, иного бедствия, которые могут повлечь или

¹ Общая теория государства и права // отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 2. Право. М., 2007. С. 746.

² Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей¹;

3. По инициативе представителей соответствующего субъекта.

Так, в первом случае, правоприменители используют ч. 1 ст. 18 ФЗ № 68, которая закрепляет право граждан на компенсацию в случае повреждения либо утраты имущества. Исследуя практику, мы можем сказать, что многие атаки зарубежными БПЛА, Российская Федерация признает терроризмом. Во втором случае, юристы-практики ссылаются на ч. 1 ст. 18 ФЗ № 35. Так, в некоторых случаях местными властями объявляется режим чрезвычайной ситуации. В обоих случаях, мы ссылаемся на постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2019 г. № 1928². В независимости от того, признают ли юридический факт актом терроризма или чрезвычайной ситуацией, размер выплат строго определен и не может превышать следующих сумм: максимальный размер компенсации из расчета за частично утраченное имущество первой необходимости – 50 тыс. рублей на человека, за полностью утраченное имущество первой необходимости – 100 тыс. рублей на человека.

Имуществом первой необходимости признается:

1) предметы для хранения и приготовления пищи – холодильник, газовая либо электрическая плита и шкаф для посуды;

2) предметы мебели для приема пищи – стол и стул;

3) предметы мебели для сна – кровать либо диван;

4) предметы средств информирования граждан – телевизор;

5) предметы средств водоснабжения и отопления – насос для подачи воды, водонагреватель и отопительный котел.

Возможности получить компенсацию за причиненный вред иному имуществу, что не значится в списке – нет.

В третьей ситуации местные власти сами определяют и иницируют помощь пострадавшим гражданам. Так, вследствие атаки двух беспилотников 26 ноября 2023 г. был поврежден жилой дом, решением губернатора Алексея Дюмина было компенсировано 100 тыс. руб. за вред здоровью и 150 тыс. руб. за имущественный вред.

В результате атаки БПЛА 2 марта 2024 года на многоквартирный дом, Правительство Санкт-Петербурга оказало помощь в виде компенсационной выплаты собственникам и нанимателям пострадавших квартир в размере: 150 000 рублей на квартиры первой группы тяжести повреждений, 75 000 рублей на квартиры второй группы тяжести повреждений, 25 000 рублей на квартиры третьей группы тяжести повреждений. Данные выплаты предоставляются Комитетом по социальной политике³.

Исходя из этой ситуации мы можем увидеть, что данная практика закрепляет новообразованную возможность правомерного возмещения вреда государством.

Во всех трех способах компенсации вреда, мы сталкиваемся с дополнительной проблемой – проблемой ограниченности сумм выплат и категории поврежденного имущества, так как Постановление Правительства № 1928 определяет четкий и закрытый перечень. Взыскание оставшейся части причиненного ущерба не предоставляется возможным, как было ранее сказано, в виду невозможности определения и установления ответственного лица, причинившего вред. Настоящая ситуация влечет недостижение целей полного возмещения вреда, закрепленного в ст. 1064 ГК РФ⁴.

Приходя к выводу по исследуемой теме, мы можем сказать, что нормы, регулирующие деликтные обязательства в данном вопросе нуждаются в восполнении образовавшегося пробела.

---

¹ Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

² Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями» от 28.12.2019 № 1928 (ред. от 02.03.2023) // СЗ РФ. 2020. № 1 (ч. II). Ст. 106.

³ Администрация Санкт-Петербурга: Правительство Санкт-Петербурга окажет помощь пострадавшим в результате чрезвычайного происшествия на Пискаревском проспекте от 04.03.2024 // Электронный доступ: URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/275512/>.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

Булгакова Ю. В.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Эмоджи в мессенджерах как юридически значимые сообщения

В современном мире трудно представить человека, который ни разу не пользовался хотя бы одной социальной сетью. Каждый день люди обмениваются сообщениями в мессенджерах, ставят «лайки», отправляют эмоджи. Социальные сети проникли практически во все сферы жизни, в том числе стали неотъемлемой частью бизнеса, так как в настоящее время многие предприниматели предпочитают переносить общение с поставщиками и покупателями в «онлайн» в интересах практичности и оперативности. И именно в этой связи ставятся закономерные вопросы: с какими действиями в социальных сетях можно связать гражданско-правовые последствия, какое юридическое влияние оказывают особенности ведения переписки в мессенджерах на отношения между сторонами по договору?

Эмоджи (от яп. э – «картинка», модзи – «знак») – это изображение, символ, созданный для обозначения той или иной эмоции, призванный сделать текстовое сообщение более выразительным. Отличие эмоджи от смайла в том, что последний является пиктограммой, состоящей из типографических знаков¹. Главная причина их повсеместного использования – наличие универсальных символов и знаков, которые будут просты для понимания людям из разных культур.

Статистика по всему миру показывает, что количество дел, в которых судами принималось во внимание и учитывалось при вынесении решения применение тех или иных эмоджи сторонами спора, неуклонно растет. Например, за прошедшие несколько лет китайские суды рассмотрели более 100 дел, в которых эмоджи выступили в качестве доказательств. В одном из них эмоджи «солнце» суд посчитал согласием на продление договора аренды². В 2023 году в Канаде суд провинции Саскачеван рассматривал дело, по материалам которого выяснилось, что стороны обсуждали условия договора поставки в мессенджере и в ответ на просьбу подтвердить окончательный вариант условий истец отправил эмоджи «палец вверх». Суд признал эмоджи согласием на заключение договора и обязал ответчика выплатить 82 000 канадских долларов вследствие неисполнения данного договора³.

Российские суды не стали исключением и также столкнулись с подобной практикой: в 2022 году Арбитражный суд Краснодарского края признал эмоджи «палец вверх», отправленный в мессенджере WhatsApp покупателем по договору купли-продажи, подтверждением заключения дополнительного соглашения к договору, так как «данный знак в обычно принятом и распространенном понимании при общении посредством электронной переписки означает «хорошо»⁴. Продавец, он же и ответчик, пытался оспорить данное решение и ссылался на то, что отправленный эмоджи может иметь различные значения и, соответственно, интерпретации. Суд первой инстанции, а позднее и апелляционной, доводы ответчика не принял и удовлетворил иск, обосновав это тем, что в дальнейшем в переписке ответчик не уточнял значение отправленного сообщения, а значит, воспринял его как согласие, которое не требуется дополнительно объяснять.

В 2023 году, напротив, Арбитражный суд Кировской области при рассмотрении дела о нарушении сроков поставки пиломатериалов не принял доводы ответчика о том, что тот направил истцу фотографию готового товара, на что истец отреагировал отправкой эмоджи «палец вверх». По мнению суда, фотография не свидетельствует о готовности товара к отгрузке, а эмоджи, соответственно, не свидетельствует о восприятии фотографии истцом как уведомления о готовности товара⁵.

Представленные случаи из судебной практики позволяют сделать определенные выводы о возможности понимания эмоджи в качестве юридически значимых сообщений.

Во-первых, ст. 165.1 ГК РФ не содержит исчерпывающего перечня форм, в которых могут существовать юридически значимые сообщения. К ним предъявляются два требования: связь с гражданско-правовыми последствиями и появление данных последствий с момента доставки сообщения. К тому же правила ст. 165.1

¹ Маркус Свон Понятно без слов: революция эмоджи // URL: <https://tilda.education/articles-emoji-revolution>.

² Виктория Яшина Эмодзи в суде: плюсы, минусы и примеры из практики // URL: <https://pravo.ru/story/242042/>.

³ South West Terminal Ltd. v Achter Land, 2023 SKKB 116 // URL: <https://www.canlii.org/en/sk/skbb/doc/2023/2023skkb116/2023skkb116.html#document>.

⁴ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2023 г. № 15АП-8889/23 по делу № А32-36944/2022 // ИПО «Гарант».

⁵ Решение Арбитражного суда Кировской области от 16 июня 2023 г. по делу № А28-2634/2023 // ИПО «Гарант».

применяются к тем сообщениям, чье регулирование не установлено специальными нормами (как, например, положения об акцепте и оферте).

Из этого следует, что формально эмоджи могут быть включены в данный перечень, если в конкретных случаях сами участники гражданских правоотношений будут придавать данным символам юридическое значение и они будут направлены на корректный адрес с возможностью достоверной идентификации отправителя и адресата.

Во-вторых, юридическое значение отправленных сторонами эмоджи должно вытекать из сложившихся между ними отношений. Это может быть, например, указание в договоре на то, что стороны вкладывают в свои сообщения в переписке определенную юридическую силу. Или использование эмоджи сторонами может исходить из делового обыкновения.

Немногочисленная российская судебная практика свидетельствует о том, что эмоджи должны рассматриваться только в контексте, то есть не могут быть отделены по смыслу от переписки и рассматриваться в отрыве от нее. В связи с этим невозможно установить универсальные правила для толкования судами тех или иных эмоджи. Для точного и недвусмысленного определения их значения суды обязаны соотносить эмоджи с обстоятельствами каждого конкретного дела.

В данной связи выделяются и проблемные аспекты применения эмоджи как юридически значимых сообщений. Прежде всего, данные символы были изначально созданы для выражений эмоций сторон в переписке, значит, как такового содержания они в себе не несут. Но юридически значимое сообщение по своему существу должно иметь некоторое содержание, в этом смысле можно ли ставить вопрос об отнесении эмоджи скорее к способу нанесения подписи с помощью электронных средств, исходя из п. 1 ст. 160 ГК РФ?

Наконец, стоит ли возлагать обязанность по толкованию эмоджи на судей или необходимо приглашать экспертов-лингвистов для разъяснения их смысла? Некоторые судьи в силу возраста могут быть изначально незнакомы с использованием подобных символов. В свою очередь, квалифицированных экспертов, исследующих применение эмоджи с лингвистической точки зрения и способных дать суду заключение, на данный момент очень немного.

Кроме того, встает вопрос: будут ли приниматься судами во внимание переписки в запрещенных на территории РФ социальных сетях, так как ранее с подобной практикой российские правоприменители не сталкивались.

Таким образом, технологии в виде повсеместного использования социальных сетей и мессенджеров с каждым днем все больше проникают в правовое поле многих стран. В связи с этим появляется необходимость урегулировать отдельные вопросы, вытекающие из применения социальных сетей участниками гражданских правоотношений, в том числе употребления ими в переписки эмоджи – графических изображений, описывающих различные эмоции. В обозримом будущем предвидится явная тенденция к толкованию эмоджи в гражданских делах как юридически значимых сообщений, поэтому законодателю и вышестоящим судебным инстанциям необходимо обратить внимание на данный вопрос и выработать направления его решения. Например, в целях поддержания дальнейшего единообразия судебной практики Верховный Суд мог бы включить в свои Обзоры представленные выше дела с использованием эмоджи сторонами гражданских правоотношений. Законодательный орган мог бы внести ясность в правовой статус эмоджи путем внесения поправок в Гражданский кодекс РФ.

Волков А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Дарение на случай смерти: правовое регулирование

В последние годы гражданское законодательство России находится в состоянии постоянного реформирования. Значительные изменения были внесены и в раздел пятый Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) «Наследственное право». Так, Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации», а также Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» закрепили такие правовые конструкции как наследственный договор и совместное завещание супругов, ранее неизвестные российскому гражданскому праву. Таким образом, законодатель закрепил в российском праве новые распорядительные сделки на случай смерти – сделки *mortis causa*. Ранее ст. 1118 ГК РФ закрепляла, что распорядиться имуществом на случай смерти можно только посредством завещания.

Интерес вызывает исследование возможности совершения дарения на случай смерти по российскому гражданскому праву. Традиционно дарение на случай смерти, или *Mortis causa donatio*, признается цивилистами сделкой *inter vivos mortis causa* – то есть сделкой между живыми на случай смерти. В полной мере отнести данную разновидность договора дарения к традиционным сделкам *mortis causa* (как, например, завещание) нельзя. *Mortis causa donatio* являлось особой разновидностью договоров дарения в праве Древнего Рима. Такое соглашение заключалось на случай, если даритель умрет раньше одаряемого лица¹.

Хочется отметить, что изначально *mortis causa donatio* было разновидностью договора дарения, на него не распространялось действие норм о наследовании. Но с течением времени, а именно в период классического римского права, начался процесс распространения норм о завещательных отказах на договоры дарения на случай смерти. Случилось это, во многом, из-за того, что недобросовестные лица, заключая договор дарения на случай смерти и делая таким образом смерть отлагательным условием договора, пытались обойти нормы наследственного права: создавалась угроза уменьшения наследственной массы, нарушения нормы об обязательной доле.

В настоящее время в значительном количестве государств различных правопорядков сохраняется конструкция дарения на случай смерти. Большого развития данный договор получил в странах германской семьи права, таких как Германия, Швейцария, Австрия.

Немецкие цивилисты, следуя, впрочем, опыту цивилистов Рима, выделяют в качестве отдельной категории «сделки между живыми на случай смерти (*Zuwendungen unter Lebenden auf den Todesfall*)». К такой категории как раз и относится дарение на случай смерти. Особенность правового регулирования договора дарения на случай смерти в Германии состоит в том, что по своей сути они очень близки к распоряжениям на случай смерти, однако к таковым не относятся, поскольку находятся в законодательной области между наследственным и обязательственным правом².

Проанализировав различные подходы и взгляды к правовому регулированию договора дарения на случай смерти в России можно сделать следующие выводы.

1. Дарение на случай смерти под отменительным условием.

Современное российское законодательство признает такое условие для обычного договора дарения на случай смерти, исключая его только в отношении дарения в общепольных целях (п. 6 ст. 582 ГК РФ).

П. 4 ст. 578 ГК РФ предусматривает, что «в договоре дарения может быть обусловлено право дарителя отменить дарение в случае, если он переживет одаряемого».

Интересным является то, что в случае смерти одаряемого право дарителя на отмену договора не появляется автоматически, не презюмируется. Для возникновения данного права у дарителя в самом договоре дарения должно предусматриваться соответствующее условие. Современное российское право в данном вопросе следует принципам римского частного права и сходно с некоторыми европейскими правопорядками.

Следует остановиться на вопросе целесообразности и справедливости выделения такого основания для отмены договора дарения, как смерть одаряемого в период жизни дарителя.

Гражданский кодекс, в целом, довольно сухо описывает данное основание для отмены. Для более целостного понимания данного вопроса следует обратиться к судебной практике и доктрине.

Наверное, важнейшим выводом, который можно сделать, является то, что само заявление об отмене договора дарителем, пережившем одаряемого, влечет изъятие подаренного имущества из состава наследственной массы. Таким образом, наследники, при появлении заявления дарителя, утрачивают законное основание владения имуществом. В случае отказа наследников от возврата подаренного имущества даритель может воспользоваться кондикционным иском для своей защиты.

На мой взгляд, рассматриваемое основание для отмены договора является недостаточно справедливым и объективным.

Германское и австрийское право запрещает такое условие в рамках дарения.

Но важно отметить то, что современное российское право признает такое условие только, если оно предусмотрено договором.

Кажется, что в случае исключения данной нормы из Кодекса, мало, что может измениться. Ведь принцип свободы договора продолжает действовать. Никто не может запретить сторонам в своем соглашении избрать смерть как условие для отмены договора.

---

¹ Копылов А. В. Дарение на случай смерти: гражданско-правовое исследование / Мос. гос. ун-т имени М.В.Ломоносова, Юрид. фак. [Электронное издание]. М. : Статут, 2019. 128 с.

² Путинцева Е. П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики. Германия : учеб. пособие / Путинцева Е. П. М. :Статут, 2016. 160 с.

Прямое закрепление данной возможности в ГК РФ кажется не очень логичным и правильным.

2. Дарение на случай смерти под отлагательным условием.

В настоящее время российское законодательство не признает дарение на случай смерти под отлагательным условием. Данная сделка признается ничтожной.

В зарубежных правовых порядках дарение на случай смерти под отлагательным условием допускается, чаще всего на данную сделку распространяются правила о завещательных распоряжениях.

Анализируя противоположные точки зрения на данный вопрос, полагаю, что современное российское законодательство требует кардинальных изменений.

На мой взгляд, следует уйти от ничтожности дарения на случай смерти, признавать данную сделку действительной и распространять на нее действие правил о завещании. Ведь только таким образом можно добиться соблюдения баланса интересов дарителя, одаряемого и наследников.

3. Общий подход к сделкам *mortis causa*.

Сейчас ГК РФ предусматривает лишь три сделки, на основании которых осуществляется переход имущества на случай смерти: завещание, наследственный договор и совместное завещание супругов.

Полагаю, что законодатель крайне консервативен в отношении сделок *mortis causa*. Следует расширить перечень данных сделок, признать смерть, как возможное условие для, если не любой, то большинства существующих сделок.

Российская правовая модель, как и любая другая, содержит большое количество пробелов и недостатков, и, следовательно, необходимо постепенно и детально ее реформировать, используя при этом зарубежный и исторический опыт, а также не бояться кардинальных изменений.

Гаврилов Д. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

Правовое регулирование оборота утилитарных цифровых прав по законодательству Российской Федерации

Необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования гражданского оборота в условиях его цифровизации неуклонно возрастает. Благодаря цифровизации появляются новые механизмы взаимодействия между субъектами гражданских правоотношений, в частности, когда речь идет об инвестиционной деятельности.

Формирование проработанной законодательной базы существенным образом повлияет на снижение рисков, а также повысит привлекательность участия в инновационных проектах, ускорит рост экономических показателей страны посредством привлечения денежных средств в различные отрасли, что обуславливает актуальность и значимость исследуемой темы.

Обсуждение концепции регулирования инвестиционной деятельности с использованием специализированных платформ началось еще в 2016 году, однако такие категории, как «цифровые права» (статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, ГК РФ¹, «утилитарные цифровые права» (статья 8 Федерального закона № 259-ФЗ от 02.08.2019 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», далее – Закон о привлечении инвестиций)², «цифровые финансовые активы» (статья 1 Федерального закона № 259-ФЗ от 31.07.2020 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»)³ появились в отечественном праве только в 2019–2020 годы.

Первое, что бросается в глаза при анализе положений действующего законодательства – законодатель не стал формулировать определение утилитарных цифровых прав (УЦП), ограничившись тем, что это

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон РФ от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 года) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон РФ от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 года) // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

³ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон РФ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 года) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

цифровые права с отсылкой на нормы, в которых указываются их разновидности и квалифицирующие признаки.

Так, из положений статей 8 и 9 Закона о привлечении инвестиций следует, что утилитарные цифровые права – права требования (например, передачи вещей, выполнения работ, оказания услуг, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности).

В современных работах нередко приводится мнение, что УЦП следует определять в качестве утилитарного токена¹. Иными словами, предлагается их рассматривать в качестве способа фиксации права инвестора на получение определенного встречного предоставления от лица, привлекающего инвестиции.

Принадлежность УЦП конкретному лицу подтверждается цифровым свидетельством, которое представляет собой бездокументарную ценную бумагу с одной существенной особенностью – отсутствием номинальной стоимости.

В свою очередь бездокументарную ценную бумагу следует считать обязательственным или иным правом, осуществление и передача которого возможны с соблюдением установленных законом требований². Данная позиция была высказана Е.А. Сухановым, Р.С. Бевзенко, а также другими учеными и во многом отражает содержание статьи 142 ГК РФ.

Немаловажным является вопрос квалификации удостоверения принадлежности утилитарных цифровых прав.

Л.Ю. Василевская в своих работах указывает на то, что токенизация гражданского оборота и совершение в дальнейшем «цифровой сделки» демонстрирует крайне дискуссионную в отечественной доктрине конструкцию «право на право»³.

Л.Г. Ефимова также придерживается мнения о недопустимости формирования в нашем законодательстве «права на собственное право собственности». Иными словами, происходит удостоверение прав конкретного собственника на реальную вещь в цифровом пространстве посредством токена, что представляется нам обоснованным⁴.

Заслуживают внимания и высказывания об отсутствии целесообразности закрепления цифрового свидетельства в качестве ценной бумаги ввиду того, что ценная бумага, не имеющая номинальной стоимости, лишь усложняет гражданский оборот, в связи с чем участники правоотношений сталкиваются с «нагромождением правомочий»⁵.

В то же время с мнением о нецелесообразности введения в оборот цифровых свидетельств нельзя согласиться, так как законодатель сформировал принципиально новый инструмент для осуществления инвестиций – утилитарные цифровые права, оборот которых на рынке без такого механизма, как цифровое свидетельство, невозможен.

Анализируя особенности регулирования оборота утилитарных цифровых прав, необходимо учитывать, что в соответствии с Законом о привлечении инвестиций это возможно исключительно в рамках деятельности инвестиционной платформы, что, по мнению ряда специалистов, позволяет относить данные права к объектам, ограниченным в гражданском обороте⁶.

На наш взгляд, распоряжение утилитарными цифровыми правами предполагает заключение и исполнение сделок с использованием технологии распределенных реестров (смарт-контрактов).

Иными словами, инвестор и лицо, привлекающее инвестиции в рамках инвестиционной платформы, заключают договор, положения которого запрограммированы в виде алгоритма, где определяются существенные условия, порядок передачи утилитарных цифровых прав, их депонирование и т.д.

Оператор инвестиционной платформы обязан проверить выполнение всех условий контракта и подтвердить передачу утилитарных цифровых прав от одного участника к другому, после чего происходит его автоматическое исполнение.

Нам представляется, что данный порядок распоряжения утилитарными цифровыми правами обеспечивает максимальную прозрачность и исключает большинство рисков для сторон.

¹ Степанова Т. А. Правовой режим утилитарных цифровых прав // Образование и право. № 5, 2023. С. 302.

² Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1. М. : Статут. 2020. С. 372.

³ Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111.

⁴ Ефимова Л. Г. Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект : монография. Проспект 2021. С. 156.

⁵ Чурилов А. Ю. К вопросу о целесообразности введения в гражданский кодекс цифровых прав // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 2. С. 108.

⁶ Шевченко О. М. Цифровое свидетельство – новый вид ценной бумаги // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 78.

Несомненно, в первую очередь сфера, в которой возможно широкое применение смарт-контрактов – право интеллектуальной собственности, точнее – распоряжение исключительными правами на такие объекты, как программа для ЭВМ или база данных.

Например, разработчик в рамках инвестиционной платформы предлагает потенциальным инвесторам произвести вложение денежных средств в целях создания лицом, привлекающим инвестиции, востребованного программного обеспечения.

Инвестор в свою очередь становится владельцем УЦП (права пользования результатом интеллектуальной деятельности), которое он сможет реализовать после завершения разработки программы.

В данной ситуации применение смарт-контракта можно рассмотреть как открытую лицензию, то есть автор произведения изначально определяет рамки и условия использования продукта третьими лицами, установив необходимые ограничения, а пользователи смогут свободно присоединяться к такому соглашению¹.

Проведенное исследование позволяет нам заключить, что утилитарные цифровые права по своей сути являются удостоверенными цифровым свидетельством и возникшими на основании специального договора обязательственными правами, распоряжение которыми возможно только в рамках инвестиционной платформы.

Таким образом, правовое регулирование оборота утилитарных цифровых прав находится в стадии формирования, поэтому многие вопросы на данный момент остаются неурегулированными. Необходимо наличие проработанного законодательства, где будут определены действия всех участников инвестиционной платформы, а также меры их ответственности, что будет способствовать привлечению инвестиций и развитию цифровой экономики в нашей стране.

Гребенщиков А. И.

Иркутский институт (филиал)

ВГУЮ (РПА МИНЮСТА России)

Аспирант

Понятие «большие данные» в гражданском праве

В современном мире информация стала одним из наиболее ценных ресурсов. Большие объемы данных, получаемых и обрабатываемых в различных сферах деятельности, приобретают все большее значение, в том числе и в контексте гражданского права. Понятие «большие данные» (Big data) охватывает разнообразные аспекты сбора, хранения, обработки и использования данных, что представляет собой вызовы и возможности для правовой системы.

Определение понятия «большие данные» является важным для правовой системы, поскольку оно позволяет определить границы применения соответствующих норм права. В настоящее время не существует единого общепринятого определения больших данных. Отсутствие определения больших данных создает проблемы для правовой системы. В частности, это затрудняет применение норм права, регулирующих обработку и защиту персональных данных.

Для того чтобы решить эту проблему, необходимо разработать общепринятое определение больших данных. Оно должно быть основано на анализе существующих определений и признаков больших данных. Определение должно быть достаточно широким, чтобы охватывать все аспекты сбора, хранения, обработки и использования больших данных. В то же время оно должно быть достаточно узким, чтобы исключить из его сферы действия другие виды данных.

Разработка определения больших данных поможет решить вопросы, связанные с применением норм права, регулирующих обработку и защиту персональных данных, а также позволит создать правовую базу для развития рынка больших данных.

А.П. Сергеев справедливо замечает, что без разработанного понятийного аппарата (о терминах все слышали, но с правовой точки зрения единства подходов к их толкованию пока нет) и определения существа отношений по использованию указанных технологий и результатов их применения сложно рассчитывать на эффективную модернизацию юридического нормирования².

---

¹ Нагорская В. Б. К вопросу о совместимости свободных (открытых) лицензий и возможностей их использования в технологии Blockchain // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 11. С. 52.

² Сергеев А. П. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права / А. П. Сергеев, авт. Т. А. Терещенко // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.

В законодательстве Европы и Америки понятие «Big data» обычно не имеет четкого юридического определения. Термин чаще всего используется в контексте технологических и бизнес-аспектов, и его правовая интерпретация может различаться в зависимости от конкретной области применения. В контексте защиты персональных данных в Европейском Союзе, вступил в силу General Data Protection Regulation (GDPR), введенный в действие с 25 мая 2018 года, который содержит определение персональных данных, но не содержит специального определения «Big data». В США также нет единого юридического определения. Однако, существует законодательство, регулирующее обработку персональных данных и защиту конфиденциальности, которое может быть применимо к сбору и анализу больших объемов данных. Помимо GDPR, ЕС принял Регламент о правовых рамках для свободного обращения неперсональных данных в Европейском Союзе 2018/1807 от 14 ноября 2018 г., который направлен на облегчение передачи данных внутри ЕС.

Отсутствует легальное определение больших данных и в отечественном законодательстве. Попытки сформулировать данное определение предпринимались. В частности, в 2018 г. в Государственную Думу внесен законопроект № 571124-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который содержит в себе определение больших данных, оператора больших данных, обработки больших данных¹.

Согласно законопроекту большие данные – совокупность неперсонифицированных данных, классифицирующая по групповым признакам, в том числе информационные и статистические сообщения, сведения о местоположении движимых и недвижимых объектов, количественные и качественные характеристики видов деятельности, поведенческие аспекты движимых и недвижимых объектов, полученных от различных владельцев данных либо из различных структурированных или неструктурированных источников данных, посредством сбора с использованием технологий, методов обработки данных, технических средств, обеспечивающих объединение указанной совокупности данных, ее повторное использование, систематическое обновление, форма представления которых не предполагает их отнесение конкретному физическому лицу².

В отечественной юридической литературе предпринимались попытки осмысления природы больших данных такими авторами как К.Г. Антиповой³, И.З. Аюшеевой⁴, А.М. Лаптевой⁵, А.П. Сергеевым, Т.А. Терещенко⁶, но сформулированное определение больших данных можно встретить лишь в работах А.И. Савельева. Так, по мнению ученого: «Большие данные – динамически изменяющийся массив информации, который представляет собой ценность в силу своих больших объемов и возможности эффективной и быстрой обработки автоматизированными средствами, что, в свою очередь, обеспечивает возможность его использования для аналитики, прогнозирования и автоматизации бизнес-процессов», где массив данных определяется как: «существующая в машиночитаемой форме совокупность данных об окружающем мире и (или) о процессах, происходящих в нем, формируемая на основе источников технического или социального происхождения и обладающая действительной или потенциальной коммерческой ценностью»⁷.

Сравнивая предлагаемое к законодательному закреплению и доктринальное определение, полагаем, что формулировка законопроекта не отражает масштабируемость, характерную для больших данных. Отсутствие этого аспекта может быть недостаточным для полного понимания сущности больших данных, т.к. одна из способностей больших данных – это масштабирование вверх или вниз, которое обеспечивает обработку и хранение данных при увеличении или уменьшении их объема. Кроме того, стоит выделить неоднозначность и широту используемых терминов.

¹ До сих пор законопроект находится на стадии независимой антикоррупционной экспертизы. См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://regulation.gov.ru> (дата обращения: 11.02.2024).

² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://regulation.gov.ru> (дата обращения: 11.02.2024).

³ Антипова К. Г. Вопросы правовой квалификации больших данных как цифровых активов // Юридические исследования. 2022. № 11. С. 45–61 // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38928 (дата обращения: 11.02.2024).

⁴ Аюшеева И. З. Большие данные: проблемы определения гражданско-правового режима // Lex russica. 2023. Т. 76. № 10. С. 125–134.

⁵ Лаптева А. М. Правовой режим цифровых активов (на примере Big data) // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 93–104.

⁶ Сергеев А. П. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права / А. П. Сергеев, авт. Т. А. Терещенко // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.

⁷ Антипова К. Г. Вопросы правовой квалификации больших данных как цифровых активов // Юридические исследования. 2022. № 11. С. 45–61 // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38928 (дата обращения: 11.02.2024).

А.И. Савельев упоминает в своем определении «большой объем», что является слишком общим подходом. Что считается «большим» объемом данных? Например, в одной организации один терабайт данных может считаться большим объемом, в то время как в другой это может быть недостаточным. Кроме того, в определении не содержатся способы и методы обработки и получения данных, не упоминается анонимность данных и их неперсонифицированность.

Полагаем, что подход законодателя является более удачным, поскольку охватывает разнообразные аспекты данных и их обработки, подробнее описывает использование технологий, методов обработки данных и технических средств.

Более того, ни в одном из указанных определений не говорится об итоге анализа и обработки больших данных – об инсайте (или аналитических выводах). Считаем, что инсайт представляет собой понимание, полученное из больших данных, которое может использоваться для принятия более обоснованных решений, выявления паттернов, прогнозирования будущих тенденций или оптимизации бизнес-процессов. Это могут быть новые знания, тренды или важные особенности, обнаруженные в данных благодаря их анализу. Стоит отметить, что и большие данные и инсайты могут быть предметом коммерческого интереса.

По нашему мнению, давая определение большим данным в нем необходимо учитывать не только традиционные признаки, выработанные экономическими и техническими науками (объем (Volume), разнообразие (Variety), скорость (Velocity), надежность/достоверность (Veracity), ценность (Value)), но и делать акцент на тех из них, которые значимы для правовой оценки.

Таким образом, определение может иметь следующий вид: большие данные – это обширный и разнообразный объем информации, включающий в себя в том числе статистические данные, информацию о местоположении объектов, а также количественные и качественные характеристики видов деятельности, полученной от различных владельцев или источников данных, обрабатываемой с использованием технологий, направленных на эффективную классификацию, систематическое обновление и повторное использование, при соблюдении принципов обеспечения безопасности и анонимности, не допуская прямой идентификации отдельных субъектов, предоставляя групповую характеристику, Результатом анализа и обработки такой информации являются ценные инсайты для принятия решений и оптимизации процессов.

Захарова Д. В.

Казанский федеральный университет

Студент

Виртуальные объекты в системе объектов гражданских правоотношений

В российском законодательстве отсутствует термин «виртуальное имущество», что является явным пробелом, так как данный продукт современных реалий в корне отличен от привычных объектов гражданских правоотношений, и должен обладать особым правовым регулированием. А в правовой доктрине предложены различные его дефиниции.

Так, известный российский правовед М.А. Рожкова понимает под этим термином «нематериальные объекты, представляющие экономическую ценность, которые могут быть использованы только в виртуальном пространстве»¹.

Виртуальное имущество составляют виртуальные объекты, которые представляют из себя различные дополнительные элементы внешности, «скиллы» игрового персонажа, оружие, полезные артефакты и т.п. В.В. Архипов рассматривает в качестве виртуальных объектов «объекты, которыми пользователи, а точнее их виртуальные герои могут владеть в той или иной online-игре»².

Отсутствие в законодательстве определения виртуального объекта влечет противоречивые решения в судебной практике. Рассмотрим это на конкретных примерах. Так, в 2018 году Никулин В.В. обратился в Чертановский районный суд г. Москвы с иском о взыскании неосновательного обогащения в размере стоимости игрового имущества, неустойки за нарушение сроков удовлетворения требования потребителя, компенсации морального вреда и штрафа за отказ в добровольном порядке исполнения требования потребителя к Wargaming Group Limiter, которая выступала организатором игрового процесса MMORPG «The World of Tanks». Позиция истца была обоснована тем, что его аккаунт в приведенной многопользовательской игре был заблокирован, что не дает ему возможности пользоваться имуществом, приобретенным в игре.

---

¹ Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovy_e_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnosi (дата обращения: 4.03.2024).

² Архипов В. В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 93–114.

Однако было уставлено, что аккаунт истца был заблокирован ввиду нарушений Правил данной игры. В связи с этим фактом суд отказал в удовлетворении исковых требований. В своем решении суд указал, что «для материально-правовых отношений между организатором (владельцем) компьютерной онлайн-игры (юридическим лицом) и пользователем этой игры (физическим лицом) специальным является законодательство о проведении игр (глава 58 ГК РФ: статьи 1062 – 1063). Также это означает, что при разрешении споров о возмездно приобретенных в игре правах, имуществе (и прочем) не применяется ни законодательство о купле-продаже (глава 30 ГК РФ, в том числе статьи 454 и 455, на которые ссылается Истец), ни законодательство об обязательствах вследствие причинения вреда или неосновательного обогащения (главы 59 и 60 ГК РФ, в том числе статьи 1102, 1104 и 1105, на которые также ссылается Истец)»¹. Вместе с тем в Апелляционном определении Ленинского районного суда г. Кемерово от 26 апреля 2013 г. по делу № 11–59/2013 сделан вывод о неприменимости ст. 1062 ГК РФ к отношениям, связанным с виртуальными игровыми пространствами².

Приведенные примеры влекут за собой постановку вопроса об обоснованности или необоснованности применения обозначенных норм гражданского законодательства при разрешении споров, связанных с многопользовательскими online-играми и виртуальным имуществом.

Глава 58 ГК РФ и Федеральный закон РФ от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»³ регулируют складывающиеся правовые отношения по поводу азартных игр. Многопользовательские online-игры к этой категории отнести нельзя, по той простой причине, что они не нацелены на конкретный, конечный результат, в отличие от азартных игр⁴.

Существует точка зрения, согласно которой к объектам виртуальной собственности следует применять нормы вещного права. Сторонником этой позиции является А.В. Лисаченко, который считает, что «виртуальные объекты – есть ценные вещи, так как покупка и продажа их возможна за реальные деньги»⁵. По сути, виртуальные объекты представляют собой нечто большее, чем набор кодов, включенных в интернет-пространство. Это объекты, которые имеют реальную ценность, как в экономическом плане, так и в нематериальном. Вместе с тем в отечественной правовой доктрине устоялась позиция о признании в качестве объектов вещных прав исключительно вещей – предметов материального мира, которыми можно обладать физически, что в отношении виртуальных объектов не представляется возможным.

В статье 128 ГК РФ перечисляются возможные объекты гражданских прав, среди которых упоминается «иное имущество». Поскольку виртуальное имущество не имеет материальной природы, постольку таковое тяготеет к категории «иного имущества», то есть к имущественным правам (а иногда и в совокупности с обязанностями), которые в установленном законом порядке один субъект может уступить другому. Такого подхода в объяснении правовой природы виртуальных объектов придерживается, в частности, А.И. Савельев. Полагаем, данное видение могло бы упростить задачу при решении споров с виртуальными объектами. Однако на данный момент виртуальные объекты не признаны имуществом в юридическом смысле в российском правовом порядке. Тем не менее А.И. Савельев пишет о том, что традиционный взгляд в отношении виртуальных объектов следует менять: «со временем возникнет необходимость в выработке специальных норм в отношении виртуальных объектов, поскольку в силу существующей тенденции к дематериализации и виртуализации имущества отношения, возникающие в виртуальных мирах, будут все хуже и хуже поддаваться интерпретации на языке, унаследованном от римского права»⁶.

В цивилистической науке имеется и точка зрения о признании виртуального имущества охраняемым результатом интеллектуальной деятельности. Аргументируется это тем, что всякое игровое имущество является частью кода компьютерной программы (программы для ЭВМ). Заключаемые с игроками лицензионные (или пользовательские) соглашения содержат указание на пользование игровыми предметами на условиях неисключительной лицензии. Многопользовательские онлайн-игры – это мультимедийные продукты – объекты, включающие в свой состав одновременно несколько охраняемых результатов

¹ Решение Чертановского районного суда г. Москвы от 7 декабря 2018 г. по делу № 02-4488/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Кемерово от 26 апреля 2013 г. по делу № 11–59/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Российская газета. 2006. 31 декабря. № 297.

⁴ Архипов В. В. Указ. соч. С. 93–114.

⁵ Лисаченко А. В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав. М., Юрайт. 2015. С. 10.

⁶ Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

интеллектуальной деятельности (компьютерную программу, базу данных, различного рода произведения, в том числе аудиовизуальные, и т.д.)¹.

Однако представляется более правильным комплексный подход к правовому регулированию рассматриваемых отношений, исходя из того, что в виртуальных игровых пространствах содержатся самые различные отношения: отношения между правообладателем и пользователем, внутриигровые отношения, отношения между пользователем и третьими лицами и др. Одно дело – купля-продажа виртуальных объектов вне игрового процесса, а второе – договорные отношения пользователя многопользовательской online-игры с правообладателем и внутриигровым процессом. Регулирование каждого из отношений должно осуществляться по-разному вследствие того, что юридическая квалификация этих объектов будет соответствовать своему контексту. В данном вопросе важно не просто понимать правовую природу и особенности виртуального объекта, а рассматривать его в совокупности отношений, которые складываются в многопользовательских online-играх, за чем последует формирование подходящего законодательства.

Кашуба Е. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
Аспирант

Передача прав на цифровые финансовые активы – абстрактная распорядительная сделка?

В условиях становления и развития цифровой экономики в России и в мире все острее становится вопрос правового регулирования новых технологических феноменов². Стремительно развивающиеся цифровые технологии ставят перед государством вопрос о необходимости включения их в легальное правовое поле.

В этой связи актуальным представляется вопрос правового регулирования цифровых финансовых активов (далее – ЦФА), которые потенциально способны не только выполнять функции традиционных финансовых инструментов, но и удовлетворять новые потребности оборота в условиях цифровой экономики.

ГК РФ содержит лишь одну статью 141¹, посвященную регулированию цифровых прав как объекта гражданских прав в целом. Легальное определение ЦФА содержится в ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ (далее – Закон о ЦФА). Исходя из названного определения, можно выделить характерные признаки ЦФА:

- содержание ЦФА составляют цифровые права, определенные законом;
- выпуск, учет и обращение цифровых прав возможны только путем внесения или изменения записей в информационные системы.

В литературе отмечается неопределенность места ЦФА среди объектов гражданских прав. По мнению Л.А. Новоселовой, «по существу, ЦФА цифровыми правами не являются, несмотря на провозглашение их таковыми»⁴. Е.Н. Абрамова делает вывод «о невозможности выполнения функций легальной дефиниции нормой, установленной в ст. 141.1 ГК РФ в качестве законодательного определения цифрового права»⁵. В.С. Белых и М.О. Болобонова отмечают возможность отнесения ЦФА к имущественной группе промежуточных прав между вещами и имущественными правами⁶.

Вместе с тем, несмотря на обозначенную неопределенность, ЦФА уже введены в гражданский оборот позитивным правом и могут выступать объектом (предметом) гражданских правоотношений. В связи с этим возникает ряд как теоретических, так сугубо практических вопросов оборота ЦФА, в частности, вопрос о передаче прав на ЦФА от одного лица к другому.

---

¹ Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovy_e_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnosi (дата обращения: 4.03.2024).

² См., например, Вайпан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика, 2017. № 10. С. 5–18 ; Арямов А. А., Руева Е. О., Чигак А. А. Цифровые права – новые горизонты или юридический тупик // Правосудие. Т. 2. № 1. 2020. С. 131–149.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СР. 03.08.2020, № 31 (ч. I). Ст. 5018.

⁴ Оборот цифровых активов в России / Событие. Комментарии экспертов // Закон, 2020. № 12. С. 19.

⁵ Абрамова Е. А. Легальные и фактические признаки цифрового права как объекта гражданских прав // Право и экономика, 2023. № 7. С. 31.

⁶ Белых В. С., Болобонова М. О. Перспективы правового регулирования цифровых финансовых активов в России: спорные вопросы теории и практики // Бизнес, менеджмент и право, 2019. № 1. С. 23.

Часть 1 ст. 4 Закона о ЦФА устанавливает, что ЦФА учитываются в информационной системе в виде записей по правилам такой системы.

В ч. 2 указанной статьи определен порядок внесения или изменения записей о ЦФА. Так, в соответствии с ч. 2 указанной статьи записи о ЦФА могут вноситься или изменяться в соответствии с правилами информационной системы в двух случаях:

- по указанию уполномоченного лица (лица, осуществляющего выпуск ЦФА, или их обладателя, а также в случаях, предусмотренных законом, иных лиц);
- в силу действия, обусловленных сделкой, без дополнительного волеизъявления.

Частью 5 названной статьи установлено, что переход прав, удостоверенных ЦФА, осуществляется с момента внесения записи в информационную систему, если иное не установлено законом. Аналогичные правила применяются в отношении ограничений и обременений ЦФА (ч. 6 ст. 4 Закона о ЦФА).

Таким образом, оборот ЦФА осуществляется в замкнутой информационной системе, а внесение соответствующих записей и их действительность, исходя из рассмотренных положений закона, не ставится в зависимость от наличия каузы сделки, явившейся основанием для указания лица о внесении записи в информационную систему.

Отметим также и некоторое сходство порядка внесения записей о ЦФА в информационные системы с порядком внесения записей о правах на бездокументарные ценные бумаги в соответствующих реестрах (информационной системы как таковой и наличие реестра владельцев ценных бумаг соответственно).

В литературе отмечается сходство ЦФА с векселем и опционом эмитента, а также целесообразность закрепления принципа абстракции в отношении ЦФА¹.

Полагаем, что в пользу данной позиции свидетельствует положение п. 2 ст. 141¹ ГК РФ согласно которому обладателем ЦФА признается лицо, которое имеет возможность распоряжаться им в соответствии с правилами информационной системы, если иное не предусмотрено законом. Соответственно, в вопросе принадлежности ЦФА определенному лицу первостепенное значение имеет наличие записи в реестре, а не основания внесения такой записи или иные обстоятельства.

На наш взгляд, потребности оборота в условиях цифровой экономики, а также современные технологические условия (совершение сделок в электронном виде, возможности обработки огромных массивов данных и т.д.), потенциально позволяющие совершать большое количество сделок с высокой скоростью, свидетельствуют о целесообразности применении принципа абстракции при переходе прав на ЦФА. Иными словами, гражданский оборот обуславливает выбор законодателем и правоприменителем той или иной модели правового регулирования явления общественных отношений. Применительно к рассматриваемому вопросу эффективным способом регулирования является применение принципа абстракции.

Абстрактность сделки направлена на защиту прав третьих лиц, которые в обозначенных выше условиях, смогут полагаться лишь на соответствующую запись в информационной системе без проверки каких-либо дополнительных оснований принадлежности ЦФА правообладателю, указанному в реестре. Считаем, что такое положение дел будет способствовать устойчивости оборота ЦФА, повысит доверие участников рынка и будет стимулировать использование ЦФА в коммерческой и деловой практике.

В случае передачи вещи новому собственнику, ее приобретатель во многом защищен институтом добросовестного приобретателя (п. 1 ст. 302 ГК РФ). Однако, на наш взгляд, на данном этапе развития законодательства и правоприменительной практики, говорить о вещной природе ЦФА или применении норм о вещных правах по аналогии в отношении ЦФА было бы, по меньшей мере, преждевременно. Указанный вывод нельзя сделать и на основе позитивного права (норм ГК РФ и Закона о ЦФА).

Учитывая неопределенность в вопросе правовой природы ЦФА как объекта гражданских прав (в том числе с учетом отнесения ЦФА к цифровым правам как разновидности гражданских прав в соответствии со ст. 141¹ ГК РФ), приобретатель ЦФА нуждается в иных средствах защиты, одним из которых может являться применение принципа абстракции.

Как было указано выше, права на цифровые активы могут возникать с момента внесения соответствующей записи в информационный реестр по заявлению уполномоченного лица. Соответственно, сделка, содержащая волеизъявления лица на переход прав на ЦФА путем внесения записи в информационную систему, можно рассматривать как распорядительную сделку, т.е. такую сделку, которая в отличие от обязательственной, непосредственно направлена на перенесение, обременение, изменение или

---

¹ Мельникова Т. В., Никиташина Н. А., Шаляева Ю. В. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав // Юрист. 2023. № 11. С. 38–39.

прекращение права¹. Распорядительная сделка в виде указания уполномоченного лица в адрес оператора информационной системы на переход прав на ЦФА в пользу иного лица в данном случае не зависит от обязательственной сделки, которая может лежать в основе взаимоотношений сторон.

Представляется обоснованным сравнение ЦФА с обязательственными правами, так как ЦФА признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, определяемые правилами информационной системы и отвечающей установленным законом признакам (п. 1 ст. 141¹ ГК РФ). При этом ЦФА являются разновидностью цифровых прав (ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА). Передача права (требования), вытекающего из обязательственных отношений, может осуществляться посредством уступки (цессии). По мнению А.В. Вошатко цессия является абстрактной распорядительной сделкой, независимой от сделки-основания, лежащей в основе уступки².

Из этого следует, что к уступке применяются иные правила, чем к обязательственной сделке (лежащие в основе уступки), в частности в случае недействительности сделки. Аналогичные правила могут быть и применимы в отношении ЦФА. Следует отметить, что значительна часть правоотношений по поводу ЦФА может быть урегулирована правилами соответствующей информационной системы, что обусловлено самой природой ЦФА. В связи с этим при анализе конкретных правовых ситуаций необходимо будет обращаться к этим правилам, которые могут иметь существенно отличаться в различных информационных системах.

Таким образом, считаем, что несмотря на неопределенность в вопросе правовой природы ЦФА как объекта гражданских прав, текущее законодательное регулирование ЦФА позволяет применять принцип абстракции при переходе прав на такие активы, а указанную сделку рассматривать в качестве распорядительной и применять к ней соответствующее правовое регулирование.

Ковалев В. А.
Ростовский филиал РГУП
Студент

Правовая природа гражданско-правового принципа добросовестности в свете развития искусственного интеллекта

На страницах научной литературы продолжают дискуссии актуальных проблем применения принципа добросовестности. Стоит сказать, что современный мир привносит свою лепту, а именно активная цифровизация всех сфер жизни человека. История появления принципа связана, как не удивительно, с развитием доктрины Римского частного права – «bona fides», которая выражалась в виде доверия к чужой совести, проявляя верность к стороне. На протяжении всей истории развития материального Гражданского законодательства РФ, принцип добросовестности всегда существовал в том или ином виде. Предпосылками всех изменений послужили события 8 июля 2008 года, когда Президент РФ подписал Указ № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса РФ»³, в котором было предложено множество мер, направленных на укрепление нравственных начал частного права в РФ за счет развития принципов права. Один из таких принципов – добросовестность – получил особое внимание. Известные изменения 2013 года вновь затронули обсуждение принципа добросовестности через призму правовой категории, особенно ярко выделилась ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴, которая и задает тон гражданским правоотношениям. По мнению автора, подобные веяния возникли с целью дополнительного закрепления принципа, что связано с намерением государства обеспечить дополнительные гарантии для участников гражданского оборота для того, чтобы развивать гражданское общество.

Чтобы лучше понять суть термина «добросовестность», обратимся к его толкованию. Агарков М.М.⁵ указывал, что добросовестность прежде всего означает честность между людьми, которая является основой гражданского права. Праву имманентно присущий принцип доброй совести, так как право не может не

---

¹ Крашенинников Е. А. Распорядительные сделки // Сборник статей памяти М. М. Агаркова : сборник научных трудов / под ред. Е. А. Крашенинникова; Яросл. гос. ун-т. Ярославль : ЯРГУ, 2007. С. 22.

² Вошатко А. В. Договор уступки требования : дис. ... к-та юрид. наук. Ярославль, 2009. С. 6, 35-81.

³ Указ Президента РФ «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.07.2008 № 1108 // Российская газета. – 23 июля 2008 г. – № 155. – с изм. и доп. в ред. от 6 августа 2014 г.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (статьи 1 – 453) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 5 декабря 1994 г. г. № 32. Ст. 3301 с изм. и доп. в ред. от 24 июля 2023 г.

⁵ Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6. С. 424–436.

основываться на идеях справедливости, иначе зачем бы такой институт существовал. Момотов В.В.¹ трактует добросовестность как модель поведения, основанной на доверии к контрагенту, предполагающей честность лица, вступающего в правоотношения с целью реализации законного интереса, учитывающего взаимный интерес противной стороны, не причиняющий ей вреда и не создающий угрозу причинения вреда иным лицам

Начнем со статьи 1 части первой ГК РФ, где, помимо рассматриваемого принципа, закреплены такие принципы как: участие в общественных отношениях на основании воли и автономии сторон, свободы договора. Неудивительно, что законодатель не ввел дефиницию термина, так как принцип зиждется на представлениях морали. Очевидно, что отличие юридических норм от моральных выражается в точной закреплённой формулировке, чтобы избежать двойственности в трактовке в ходе правоприменительной практики, тем самым обеспечивая объективность применения нормы из раза в раз. Из-за слишком широкого спектра применения принципа, законодатель пошел более логичным путем – путем поэтапного раскрытия значения от нормы к норме. Первоначальное упоминание принципа в ст. 1 ГК РФ позволяет разделять недобросовестное поведение в ходе правоотношений, например, из-за низкого уровня правовой культуры, когда как в статье 10 ГК РФ говорится о конкретных действиях. То есть можно презумировать, что статья 10 подразумевает, что действия недобросовестного субъекта являются умышленными. Также прослеживается полная структура правой нормы: гипотеза, диспозиция, санкция.

В рамках темы, невозможно не рассмотреть добросовестное поведение субъекта гражданских правоотношений в отрыве от недобросовестного. Помимо п. 4 ст. 1 ГК РФ, раскрытие принципа недобросовестного поведения отражается в ст. 10 ГК РФ, где законодатель как раз из более широкого понятия сужает возможную трактовку до принципа недопустимости злоупотребления правом, тем самым идя от большого к меньшему. Не раз принцип добросовестности заполняет и другие пробелы гражданского законодательства – статья 6 части первой ГК РФ, когда полностью отсутствуют необходимые нормы для регулирования новых отношений, например, регулирование отношений при использовании «дипфейк» технологии. При невозможности применения аналогии закона, стороны обязаны соблюдать все начала гражданского законодательства, включая и добросовестность. Это как никогда актуально, так как еще не выработаны отдельные нормы, регулирующие деятельность искусственного интеллекта или технологии «смартконтракта».

Помимо доктринального толкования принципа существуют и позиции высших судов в отношении применения основополагающих начал гражданского законодательства, которые, аналогично законодателю, делают акцент именно на раскрытие темы за счет установления определенных критериев, по которым можно оценить добросовестность. В постановлении пленума Верховного суда № 25² в пункте 1 дается разъяснение, что изначально субъект правоотношения всегда признается добросовестным до тех пор, пока не доказано иное. Придавая объективную окраску действий стороны как добросовестной или недобросовестной следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Автор разделяет мнение Бевзенко Р.С., который отмечает, что поставленная проблема использования принципа добросовестности в гражданском праве объединяет два модуса: как принцип добросовестности, так и законности. По мнению Авакян Е.Г., не стоит допускать излишнюю «интоксикацию» использования начал добросовестности в правоприменительной практике, так как данный принцип нужно использовать как определенный юридический «скальпель» для точечного применения. Суду необходимо руководствоваться в первую очередь принципом законности того или иного поведения стороны. Эксперты отмечают³, что после нововведений 2013 года в ГК РФ, в суды поступают большое количество исков, которые ссылаются на принцип добросовестности, но не имеют ничего общего с ним. Данная правовая конструкция известна десяткам теоретикам, в то время как единицам практикующим юристам. К сожалению, принцип добросовестности зачастую используется для апелляции, при чем обжалуя вполне прозрачные и логичные решение судов первой инстанции вплоть до Верховного суда. Подобные течения возникли из-за развития

¹ Виктор Момотов: Особая роль при реализации и толковании принципа добросовестности принадлежит судам // Адвокатская газета URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/viktor-momotov-osobaya-rol-pri-realizatsii-i-tolkovanii-printsipa-dobrosovestnosti-prinadlezhit-sudam/> (дата обращения: 05.03.2024).

² Постановление пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. — 30.06.2015 № 140. Ст. 6711.

³ Открытый разговор на тему: «Злоупотребление правом и добросовестность» // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kKG6P-8gfow> (дата обращения: 05.03.2024).

человечества, сферы частного предпринимательства, капитализма, когда отношения человека человеку пронизаны нормами права. Можно сделать предположение, что законодатель вкладывал более усредненную модель, которая сходна с категорическим императивом Канта И.: «поступай так, как хочешь чтобы с тобой поступали другие». Из этого вытекает другая проблема – проблема машиночитаемого права. Возможное использование искусственного интеллекта в судопроизводстве является утопичной идеей при неправильно выработанной правоприменительной практики, поэтому необходимо отсекаать необоснованное использование принципа добросовестности. Это связано с тем, что машина работает за счет предустановленного кода и банка информации. В свою очередь, это чревато тем, что машина будет выносить неправильные решения.

В российском законодательстве есть положение, позволяющие создать произведения по заказу (ст. 1296 ГК РФ)¹. Такие договоры могут заключаться с юридическими лицами, а именно подрядчиками, но можно предположить, что это формальность – правовая фикция, поскольку за процессом создания произведения стоят реальные работники. В случае выполнения работы по договору непосредственно автором, то подобные заказы не подходят под ст. 1296, а регулируются подобные правоотношения ст. 1288, где автор обязуется выполнять заказ самостоятельно, а сам автор может быть только гражданин. В современном мире разработкой ИИ занимаются крупные корпорации, которые, как правило, также являются юридическими лицами. Это означает, что, когда ИИ участвует в создании произведений, могут применяться положения ст. 1296 ГК РФ. Однако, личные неимущественные права автора не могут быть переданы или отчуждены. В настоящее время ИИ не обладает этими правами, а также никак не может быть квалифицирован как «автор», но может влиять на создание результатов интеллектуальной деятельности. Более того, подобный контент может быть воспроизведен вторично и, как следствие, иметь меньшую ценность. Важно учитывать принцип добросовестности при использовании ИИ. При заключении договора должен указываться сам факт применения подобных технологий, чтобы не вводить контрагента в заблуждение. Подобная прозрачность предотвращает обман и обеспечивает честные отношения между сторонами.

В современном обществе ИИ стал неотъемлемой частью различных сфер деятельности. На сегодняшний день особенно актуальными становятся вопросы правового статуса технологий. Существует предположение, что объекты интеллектуальной собственности, созданные ИИ, не требуют юридической защиты, подобно программным переводам. Недавнее решение² суда в округе Колумбия, США, отражает подобную позицию, постановив, что работы, созданные ИИ, не требуют правовой защиты, поскольку он лишен творческого потенциала, присущего только человеческой деятельности.

Коробов И. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮФ)

Магистрант

Перспективы «Смарт-контрактов»

На сегодняшний день смарт-контракты привлекли значительное внимание ученых-правоведов и практикующих юристов за влияние, которое они могут оказать на юридическую стезю.

Наиболее точно и приближенно к сегодняшним реалиям высказался ректор МГЮА относительно тенденции «обезличивания»: «В хозяйственной практике РФ достаточно давно появилась тенденция «обезличивания» некоторых вещей, т.е. утраты ими классической вещественной формы и превращение их в форму записи на счете».

Такая тенденция прослеживается и сегодня. Всё больше современные юристы полагаются на электронный документооборот. Технологии дополненной реальности выстраивают новые горизонты для проведения экспертиз и совершения юридически значимых действий, самым актуальным примером может послужить «AppleVisionPro» с дополненной реальностью, с помощью которого в Штатах уже проводятся судебные заседания и реализуется работа экспертов в области проектировки зданий. Сходная тенденция существует в области рассматриваемых моделей смарт-контрактов, а вернее – перспектив их использования. Заменяя бумажный документооборот, они вытесняют привычный для многих юристов порядок работы. Но что, же они из себя представляют?

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) (статьи 1225 – 1551) от 3 февраля 2009 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. – 25 декабря 2006 г. г. – № 52 (ч. I). Ст. 5496 с изм. и доп. в ред. от 14 декабря 2023.

² Civil Action № 22-1564 (BAH). Case 1:22-cv-01564-BAH Document 24 Filed 08/18/23 // URL: district-court-decision-affirming-refusal-of-registration.pdf.

В самом общем смысле, «Умный договор» – электронный протокол, задача которого – передача информации и обеспечение выполнения согласованных условий между сторонами. И тут встает вопрос: неужели это просто еще одна форма для обычных договоров? Вовсе нет.

Они представляют собой действительно революционный инструмент, что и утверждают всё те же авторы: «При рассмотрении смарт-контрактов важно не просто думать о том, как перенести в эту новую технологию существующие концепции и структуры. Скорее подлинная революция смарт-контрактов будет спровоцирована совершенно новыми парадигмами, которые мы еще не спрогнозировали».

Только представьте: можно оформить договор как основной и отринуть, или даже забыть вовсе о способах обеспечения обязательств – за вас это сделает программа. Или, при заключении рамочного договора, вы дополнительно можете заключить «умный» и обезопасить себя – прописав любое обеспечение, которое исполнится моментально. Также, смарт-контракты, далее – СК, могут включать банковские гарантии и пр. способы защиты, однако они бесполезны, т.к. сами по себе СК в них не нуждаются – обязательство будет исполнено. Резоннее предусмотреть обеспечительные меры на случай недействительности или ничтожности СК, но при должной работе программистов и такая необходимость тоже отпадает.

Для теоретиков права тоже наступит новый виток, который принесет равенство вещного и обязательственного прав. Придет конец шаткости обязательственного права относительно вещного. Вещью можно распорядиться, а понудить человека к совершению юр. значимых действий для исполнения договора – долгая процедура. Но сейчас воля человека обретает форму – «Юридический быт создает искусственные приемы для доставления обязательственному праву той твердости, которой не достает ему по его существу». Отчасти этого можно добиться за счет системы «Оракул». «Оракулы сообщают смарт-контракту о наступлении того или иного события, которое влияет на исполнение программного алгоритма».

Следовательно, при наступлении события, воля человека теряется, и договор исполняется автоматически.

Регламентация, по общему правилу, предусмотрена ст. 3271, проектом Федерального закона № 419059–7 «О цифровых финансовых активах», в Федеральном законе от 08.03.2015 № 42-ФЗ, и в силу относительной «молодости» направления, на мой взгляд, применима и аналогия закона. Сейчас такое положение продиктовано отсутствием судебной практики в РФ, однако похожих примеров достаточно, также не сто́ит брезговать имплементацией зарубежного опыта.

Следовательно, модель умных контрактов не просто возможна, а применима в реалиях российского делового оборота и правового обычая.

В качестве самого яркого и свежего примера, можно привести дело ЦУМа. Если кратко, то приложение магазина дало сбой, и мужчина смог заказать дорогую одежду по «смешным» ценам, примерно 19 руб. за кроссовки «Giucci», и подобных заказов он произвел несколько, всего на 19 позиций. В конце концов, ВС РФ встал на сторону гражданина. После рассмотрения данного примера вполне логично может возникнуть вопрос: что если бы стороны заключили «умный контракт»?

Ответ очень прост, т.к. обе стороны заблаговременно согласились с условиями сделки – односторонний отказ от нее не видится возможным. Но если изначальные условия сделки со стороны ЦУМа были изменены или стали результатом технической ошибки, то применима 178 ГК РФ.

Итак, перспектива возможностей видится безграничной.

Одной из них может послужить полное отмирание способов обеспечения обязательств, что облегчит и без того загруженную судебную систему, сократив число первичных исковых заявлений, возникновение нового колоссально огромного направления для цифровых юристов. Или открытие нового рынка ценных бумаг. В конце концов, создание отдельной услуги на Гос. услугах или в «Сбере», где люди смогут совершать значимые сделки без юристов.

Из зарубежных источников: «Смарт-контракты, представленные Ethereum, обычно считаются фундаментальным строительным блоком для приложений децентрализованных финансов (DeFi) и NFT».

На мой взгляд, подобный подход может послужить основой, как для юридической сферы исполнения обязательств, так и для расширения рынка ценных бумаг РФ.

Так, ярким подтверждением вышесказанного служит утверждение Изабеллы Камински. Редактор FT Alphaville, отметила, что умные контракты позволили создавать новые варианты финансовых пирамид, которые сложнее распознать и не получается привлечь к ответственности организаторов. Даже после того, как становится ясным, что это пирамида, умные контракты продолжают работать и требовать исполнения, нет инструмента для их блокирования или отмены. Публикация была основана на статье из Университета Кальяри.

Что касается нового рынка – то здесь применима аналогия с ипотечными облигациями. В целом любое обязательство, которое рано или поздно будет исполнено – является обеспечением, которое можно использовать. В данном случае использовать для создания ценных бумаг или же валюты, в том числе и крипто.

Однако сто́ит быть внимательными, чтобы не попасть в ситуацию США в 2017–18 годах, когда наблюдался огромный пузырь и впоследствии экономический крах вышеупомянутых ипотечных облигаций, свопов.

Таким образом, неохваченным оказался государственный сектор. В данном случае поддержка государства и внедрение необходимых инструментов для создания одной общей цепочки блоков, увеличивает уровень доверия граждан, снижает количество мошеннических прецедентов, дает колоссальный толчок для роста экономики, как за счет выпуска ценных бумаг, так и за счет продажи их за рубеж. Сто́ит учесть, что исключениями служат частные случаи сделок с недвижимостью. Возможно, подобная новелла привнесет положительные черты не только в область договорного частного и коммерческого сектора, но и послужит толчком для создания института индемнитета для неправильных записей в реестр недвижимости, со стороны государства. Помимо этого, работа *due-diligence* юристов также станет не востребованной, однако вместе с тем, % признания сделок оспоримыми или ничтожными, а также применение последствий недействительности сильно сократится. Всё вышеперечисленное требует проведения большой работы, как со стороны государства, так и граждан и фирм, однако сложно пренебречь ее ценностью.

Криушина А. В.

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя
Курсант

СберСпасибо: место в системе объектов гражданского права

Тенденция перемещения деятельности субъектов гражданских правоотношений в виртуальное пространство продолжает свое неумолимое развитие. В настоящее время на российском рынке реализуется активное внедрение и использование цифровых бонусов. Их применение способствует повышению спроса на оказываемые услуги и предлагаемые товары, приданию сервису повышенной востребованности среди пользователей. Одним из наиболее известных в России проектов бонусных программ являются бонусы «Спасибо» от Сбербанка. Их сумма пополняется за каждые потраченные с банковской карты 100 рублей, а также за произведенные в установленном размере покупки у партнеров банка либо в случае хранения определенной суммы на карте. Размер приобретенной клиентом Сбербанка выгоды пропорционален его финансовой активности и подчиняется принципу «чем больше покупок, тем больше бонусов»¹. «СберСпасибо» и подобные ей другие бонусные программы («Мультибонусы», баллы «Браво» и др.) не имеют собственного правового регулирования, поскольку российским законодателем еще не сформирована позиция относительно конкретной формы объекта гражданского права, к которой возможно отнести данную программу.

Опираясь на общие положения об объектах гражданско-правового регулирования, закрепленные в ст. 128 ГК РФ, можно установить, что к их числу законодатель относит и безличные денежные средства (включая цифровой рубль), бездокументарные ценные бумаги, цифровые права². Данный перечень позволяет сделать вывод о готовности законодателя к его расширению в соответствии с эволюционирующими в цифровой среде правоотношениями, что подтверждают периодические изменения и дополнения в данную статью³. В связи с этим встает вопрос о возможности признания бонусных баллов каким-либо из объектов гражданско-правовых отношений или выделения их в качестве самостоятельного объекта с собственным правовым режимом.

Рассматривая соотношение бонусов «Спасибо» с цифровой валютой, следует опираться на признаки, которыми обладает последняя в соответствии с ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА). Данные объекты имеют сходства в части существования в электронной форме и месторасположения в базе данных⁴, однако стоимостный характер имеют лишь денежные средства, поскольку бонусы «Спасибо» могут рассматриваться лишь в качестве скидки на товары или услуги установленных программой партнеров. А.А.

¹ Бонусы «Спасибо» от Сбербанка: как экономить на покупках : в 75 тыс. торговых точек // Banki.ru [сайт]. – 2022 // URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10964594> (дата обращения: 06.03.2024).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ См., например: Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»; Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.03.2024).

⁴ Яковлев О. К. Анализ легального определения цифровой валюты // Евразийская адвокатура. 2021. № 1 (50). С. 40.

Ситник обращает особое внимание на такой признак цифровой валюты как отсутствие лица, обязанного перед «каждым обладателем таких электронных данных»¹, что по своей сути исключает публичный характер оборота данного объекта. В отношении владельца бонусов «Спасибо» действует несколько иной механизм, обязывающий каждого партнера-участника принять данные цифровые накопления и в соответствии с индивидуальными условиями программы перевести их в скидку определенного размера.

Согласно определению, данному в ФЗ «О защите конкуренции», товаром является объектом гражданских прав и «предназначен для продажи, обмена или иного введения в оборот»². Разрешая спор о возврате денежных средств в совокупности с потраченными на приобретение по договору купли-продажи бонусными баллами, Шестой кассационный суд общей юрисдикции в своем определении выделил ряд аспектов, которые, согласно его позиции, не позволяют причислить бонусные баллы (к числу которых традиционно относят «СберСпасибо») к товарам:

- данные бонусы не имеют денежного эквивалента;
- потребитель не несет расходы на их приобретение;
- начисление происходит без взимания вознаграждения;
- сторона, предлагающая определенные товары или услуги, не имеет обязанности «давать возможность воспользоваться начисленными бонусами»³.

Таким образом, на практике суды зачастую склоняются к определению бонусных баллов исключительно как «формы материального стимулирования покупателей к дальнейшему обслуживанию у соответствующего предпринимателя»⁴. Это обуславливает индивидуальный подход к проблеме их возмещения путем личного обращения приобретателя, чье право было нарушено, с заявлением к ответчику при невозможности конвертации утраченных ранее бонусов в деньги. С позицией суда можно согласиться лишь в части: действительно, использованные баллы должны быть возвращены продавцом в том же эквиваленте, однако в ряде случаев использование покупателем баллов составляет значительную часть от уплаченной суммы за товар и, в зависимости от уровня рассматриваемой программы («Спасибо», «Большое Спасибо», «Огромное Спасибо» либо «Больше, чем Спасибо»), может превышать 30 % от покупки. Судам следует учитывать временной критерий и иные усилия, которые предпринимает участник бонусной программы в целях накопления баллов, и, соответственно, потребовать их возмещения в принудительном порядке наравне с денежной суммой.

Автор отмечает, что отсутствие в гражданском законодательстве положений частных норм, регулирующих правовой режим цифровых бонусов, в том числе программы «СберСпасибо», ответственность ее участников вынуждает правоприменителя исходить из общих правил, в частности, обращаться к принципу свободы договора. Так, старший вице-президент ИК Fontvielle А. Хрусталёва прокомментировала данную ситуацию, указав на диспозитивный характер участия в бонусных программах: «Поскольку условия возврата денежных средств устанавливаются самим банком, общих правил, закрепленных в законодательстве, нет, то клиенту приходится соглашаться с ними или не участвовать в таких программах»⁵.

Таким образом, ни современная гражданско-правовая доктрина, ни актуальные примеры судебной практики не содержат полного разъяснения о принадлежности бонусных баллов к какой-либо группе объектов гражданского права. По этой причине происходят неоднократные попытки такой идентификации непосредственно сторонами в зависимости от конкретной ситуации. Следовательно, обращение к правовым режимам различных объектов гражданского права в рамках единого предмета влечет систематическое столкновение с правовыми коллизиями. В связи с данными рисками автором предлагается внести дополнения в ст. 128 ГК РФ, а также в Закон о ЦФА, закрепив в нем понятие цифровых бонусов в качестве самостоятельных объектов гражданских правоотношений и установив критерии добросовестности их обращения.

¹ Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 106.

² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

³ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.07.2021 № 88-16146/2021 по делу № 2-2866/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.03.2024).

⁴ Указ. соч.

⁵ Кэшбэк: что это такое простыми словами, суть, как получить, принцип работы // РИА Новости [сайт]. 2023. URL: <https://clck.ru/39Jk2v> (дата обращения: 07.03.2024).

Лысенко А. И.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Аспирант

Правовое регулирование зачета: опыт Китая

Длительный процесс кодификации норм частного права в Китае завершился в 2020 году¹ принятием Гражданского кодекса Китайской Народной Республики (далее – ГК КНР), вступившим в силу в 2021 году. Являясь первым для Китая, и одним из последних принятых кодифицированных актов гражданского права в развитых странах, ГК КНР вобрал в себя как традиционные правовые институты, так и правовое регулирование явлений, связанных с цифровизацией экономики².

Возникая в своих истоках как институт процессуального права³, зачет сегодня считается неотъемлемой частью материального, гражданского права. Не является новым институт зачета и для гражданского права КНР. До принятия ГК КНР в стране действовали законы, регулирующие отдельные аспекты частного права⁴. Нормы о зачете можно было обнаружить в Законе КНР «О договорах» (принят 2-й сессией Всекитайского собрания народных представителей девятого созыва 15 марта 1999 г.). В действующем ГК КНР зачет регулируется в третьей книге «Договорное право».

Анализ норм, посвященных правовому регулированию зачета в ГК КНР, позволяет выявить сходные с российским правом порядком подходы. Так, ГК КНР допускает зачет путем одностороннего волеизъявления и путем взаимного соглашения сторон (ст. 568-569 ГК КНР). В рамках договорного зачета стороны могут изменить порядок уведомления о зачете и даже отказаться от него, указав обстоятельства, при которых зачет будет производиться автоматически⁵.

Допускаемый односторонним волеизъявлением зачет требует соблюдения установленных законом условий, а именно в диспозиции статьи 568 ГК КНР содержится указание на то, что лицо может заявить о зачете, если «стороны взаимно несут обязательства друг перед другом»⁶, то есть закон предъявляет требование «встречности», что является конститутивным признаком зачета как способа прекращения обязательств.

Предметы предъявляемых к зачету взаимных обязательств должны быть «одного вида и качества» (ст. 568 ГК КНР). Разумно предположить, что указание на характеристику предмета обязательства как «одного вида и качества» эквивалентно условию Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) об однородности предъявляемых к зачету требований. Данное допущение основано на имеющейся в российской доктрине дискуссии относительно понимания термина «однородность», в которой высказывались различные подходы к его толкованию⁷. Верховный Суд РФ в итоге предложил определять однородными те обязательства, при зачете которых стороны окажутся «в том же положении, как если бы оба обязательства были прекращены исполнением»⁸. Полагаем, что телеологическое толкование ст. 568 ГК КНР приведет правоприменителя к тому же выводу.

---

¹ См. подробнее Ван Чжихуа. Путь кодификации гражданского законодательства в Китае // *Lex russica*. 2020. № 3. С. 135–139.

² Алексеенко А. П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 12. С. 199–211.

³ См. подробнее Покровский, И. А. История римского права / И. А. Покровский. М. : Юрайт, 2024. 447 с. – С 369-370.

⁴ См. подробнее Основные положения ГК КНР: сравнительно-правовой анализ: сб. статей / под ред. П. В. Крашенинникова, Л. Ю. Михеевой ; Исслед. центр частн. права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ. М. : Статут, 2022. 216 с. С-9-10.

⁵ William Johnston, Thomas Werlen & Frederick Link (eds). *Set-Off Law and Practice: An International Handbook*. (OUP Oxford, 2018). P. 317.

⁶ В цитатах используется перевод на русский язык с сайта // URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-iii-contract-20200528/enchn>, а также английский перевод с сайта URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/586681>.

⁷ См. подробнее Бевзенко Р. С., Фахретдинов Т. Р. Зачет в гражданском праве: опыт исследования теоретической конструкции и обобщения судебной практики. М. : Статут, 2006. 172 с. С-32-59.

⁸ п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» см. подробнее Рыбалов А. О. Обязательства «простые» и «сложные» (некоторые аспекты спора о понятии обязательства) // *Юрист*. М. : Юрист. 2005. № 5. С. 2–7 .

Приведенная в ст. 568 ГК КНР формулировка («Если стороны имеют взаимные обязательства друг перед другом и предмет обязательств одного вида и качества...») представляется более однозначной в отличие от закрепленной в ст. 410 ГК РФ («Обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования...»), в результате которой вкупе с дискуссией о существовании сложного обязательства⁹ возникла позиция о допустимости зачета требований только из одного договора/основания¹, которая, впрочем, была вскоре скорректирована².

Заметным отличием формулировки ст. 568 ГК КНР от 410 ГК РФ является отсутствие упоминания требования о наступлении срока исполнения предъявляемого к зачету обязательства. Это различие становится более существенным если учесть иное регулирование досрочного исполнения обязательств. Так, ст. 315 ГК РФ по общему правилу не допускает досрочное исполнение в предпринимательских отношениях, в то время как ст. 530 ГК КНР не дифференцирует регулирование по субъектам, а в целом содержит посыл, что если досрочное исполнение не наносит ущерба интересам кредитора, последний не вправе отказаться от его принятия. Ущерб может иметь место в случае, например, заемных обязательств, где кредитор имеет право рассчитывать на проценты за пользование денежными средствами за оговоренный сторонами период.

То есть из буквального прочтения ст. 568 и ст. 530 ГК КНР можно допустить, что если два лица имеют друг к другу денежные требования, срок исполнения которых не наступил, одна из сторон может заявить о зачете, если досрочное исполнение не наносит ущерба его контрагенту. Однако Верховный народный суд КНР придал более расширительное толкование ст. 99 Закона КНР «О договорах»³, указав, что зачет возможен при условии, что сроки исполнения обязательств наступили, а сроки существования обязательств сторон частично перекрываются в период между моментом возникновения задолженности до истечения срока исковой давности⁴. То есть не важно, когда было сделано заявление о зачете, он считается совершенным в момент совпадения всех условий.

Системное толкование других норм кодекса позволяет сделать вывод о том, что такое условие все-таки должно соблюдаться. Так, в статье 549 ГК КНР указано, что должник может потребовать зачета против требования цессионария, если к моменту, когда должник получает уведомление об уступке требования, у должника есть требование к cedentu, срок исполнения которого наступает до или в то же время, когда наступает срок исполнения уступленного права требования.

Приведенная норма также отличается от формулировки ст. 412 ГК РФ, согласно которой зачет против требований цессионария производится, если требование должника к cedentu возникло по основанию, существовавшему к моменту получения должником уведомления об уступке требования, и срок требования наступил до его получения либо этот срок не указан или определен моментом востребования. То есть по российскому закону важно, чтобы срок исполнения обязательства cedента перед должником наступил к моменту получения уведомления об уступке, а по праву КНР право должника на зачет не ограничено датой получения уведомления об уступке, а только тем, чтобы его встречное требование к cedentu «созрело» раньше или одновременно с требованием цессионария к нему.

Однако же если требование должника к cedentu и уступленное цессионарию требование к должнику возникают на основании одного и того же договора, то право должника на зачет не ограничено и сроками исполнения требования.

Как и российской закон (ст. 392 ГК РФ) ГК КНР также запрещает новому должнику выдвигаться против кредитора возражения, основанные на праве первоначального должника на зачет своих встречных требований к кредитору (ст. 553 ГК КНР).

Право поручителя отказать кредитору исполнять обязательство за должника, если последний имеет встречные требования к кредитору, за счет которых кредитор может получить удовлетворение своих требований к должнику полностью или в части закреплено в статье 702 ГК КНР. В российском кодексе такое право подразумевается (ст. 364 ГК РФ), но раскрывается только в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве».

¹ См. подробнее Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с. С – 454.

² Пункт 7 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Статья имела сходные формулировки с действующей ст. 368 ГК КНР.

⁴ Xiamen Yuanchang Real Estate Development Co., Ltd. v. Hainan Yuexin Group Co., Ltd. (Contract Dispute) – Disposal as to When the Active Claims Claimed by the Creditor to be Used for Offsetting. Selected Cases from the Supreme People's Court of the People's Republic of China: Vol. 1. (2019). Springer Nature Singapore. P. 202–203.

Сходным образом ГК КНР и РФ регулируют право сторон запретить зачет договором (ст. 568 ГК КНР и ст. 411 ГК РФ). В то же время если ст. 411 ГК РФ приводит открытый перечень обязательств, по которому зачет недопустим, то ст. 568 ГК КНР ограничивает случаи недопустимости зачета, если это противоречит существу (характеру) обязательств.

На основе приведенного анализа можно сделать вывод, что правовое регулирование реализации права на зачет в ГК КНР во многом сходно с ГК РФ. Вместе с тем ряд законодательных решений ГК КНР, регламентирующих отношения, возникающие в связи с зачетом, являются более эффективными, в связи с чем представляют интерес для последующего заимствования в отечественном правопорядке.

Меновщикова К. М.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ
Студент

Актуальные проблемы авторства произведений, созданных с участием нейросетей

Особо остро сейчас встает проблема места и роли нейросетей в авторском праве. В связи с общедоступностью многих наработок ученых в области искусственного интеллекта люди начали внедрять эти механизмы в создание интеллектуальной собственности. Раздел авторского права и без того является довольно сложным и вызывающим множество дискуссий. Сейчас же суды не понимают, как разрешать вопросы защиты авторских прав произведений, созданных с помощью нейросетей. Сформировалась определенная противоречивая практика, которая демонстрирует некую потерянность в данной сфере, так как нет единой точки зрения относительно новых явлений, вызванных современными реалиями и способностями искусственного интеллекта.

В XXI веке были разработаны различные подходы к пониманию искусственного интеллекта, так как количество исследований и наработок увеличивалось. В целом искусственный интеллект имеет ряд особенностей, среди которых выделяют возможность разрешать и понимать любую задачу, при этом с отсутствием заданного алгоритма решения, способность выводить собственные ответы. Ученые, можно сказать, воссоздают механизмы и процессы в нашем сознании и встраивают их в разработки ИИ, вдохновляясь структурой коры головного мозга.

За последние 10 лет произошли смены акцентов в изучении вышеуказанных явлений. Разработки стали общедоступными и начали использоваться людьми в процессе создания интеллектуальной собственности. Возросла популярность нейросетей, способных быстро обучаться под управлением человека и генерировать изображения, текст, видео на основе загруженного в нее объема данных, которые она может анализировать и в результате выдавать готовое произведение. Такие тенденции вызвали множество вопросов в реализации защиты авторских прав, сгенерированного нейросетями материала.

В России уделяется большое внимание технологиям искусственного интеллекта. Помимо конференций, на которых ведутся активные обсуждения новых разработок и идей, уже сложилась нормативная база по данной теме. Так, в 2019 году был издан Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», который обозначил основные направления деятельности в данной сфере: «Должны быть созданы условия для эффективного взаимодействия государства, организаций, в том числе научных, и граждан в сфере развития искусственного интеллекта...»¹. Акцент сделан на делегирование рутинных производственных задач новым технологиям, способным заменить в данной сфере человека. Однако в законодательстве отсутствует правовая защита контента пользователей, сгенерированного нейросетями.

В Гражданском кодексе РФ автором произведения признается: «гражданин, творческим трудом которого оно создано»². Творческий труд является довольно субъективным критерием оценки, выраженным в тех способностях, навыках, методах построения, визуализации и воплощения, которые использовал человек для создания своего произведения. До сих пор нет единого перечня признаков, которые позволили бы определить данный вид деятельности. С появлением материала, созданного нейросетью, вопросов стало еще больше. Можно ли защитить авторские права на контент, сгенерированный нейросетями?

Например, у ПАО Сбербанк появился сервис GigaChat (пока в режиме бета-версии), с помощью которого пользователи могут создавать изображения и текст. У данной нейросети есть свое пользовательское

---

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

соглашение, которое регулирует использование сервиса. Указывается, что Банк не несет ответственность за сгенерированный контент, пользователь может распространять созданные произведения, но с обязательным указанием данных о том, что оно создано с помощью нейросети, также пользователь принимает на себя все риски, связанные с такой деятельностью¹. Таким образом, институт защиты авторских прав в данном соглашении не реализуется, пользователь должен сам отвечать за контент, который он создал с помощью нейросети. Остается открытым вопрос о том, кто будет автором таких произведений, и будут ли они обладать защитой.

Зарубежные страны столкнулись напрямую с судебными обращениями граждан относительно вопроса защиты и признания авторских прав на произведения, сгенерированные нейросетью. Так, в 2022 году в США девушка обратилась с заявлением о регистрации своего графического романа и признания защиты авторских прав, однако все изображения в данном произведении были созданы с помощью технологии Midjourney. Бюро регистрации авторских прав в США признало авторство лишь над текстом, написанным самой девушкой. Изображения, которые были созданы с помощью программы, не были признаны продуктом творческой деятельности человека и вследствие чего оказались лишены защиты. Адвокат девушки обратил внимание на то, что данный инструмент выполнял лишь вспомогательную функцию, весь процесс состоял из ряда шагов, которые девушка выполняла сама, задавая тезисы программе². Однако данный аргумент не оказался существенным, так как в самом процессе отсутствовал творческий вклад автора.

Данный пример из судебной практики был приведен в интересном документе, выраженном в форме руководства для людей, которые хотят зарегистрировать авторские права на объекты интеллектуальной собственности, созданными с помощью нейросетей. В нем обращается внимание на то, что человек должен вносить существенный вклад в создание произведения и, давая подсказки и тезисы программе, он теряет контроль над результатом деятельности, что исключает защиту и признание таких авторских прав. Однако указывается, что каждый отдельный случай является особенным и требующим внимания, эксперты будут оценивать степень вовлеченности человека в реализацию задуманного³. Таким образом, судебная практика в США на данный момент придерживается антропоцентричного подхода, что произведения, сгенерированные нейросетью не могут быть защищены. Автором должен является человек и созданный им продукт, полученный путем творческой деятельности, однако практики оставляют поле для рассуждений, давая надежду на то, что частичное использование таких механизмов может не исключать авторства.

Интересным и отличающимся от других является подход к проблеме в Китае, в стране, которая одна из первых издала законодательный акт, регламентирующий область использования искусственного интеллекта. В нем отмечены основные правила для разработчиков, в том числе сделан акцент на создание условий для защиты информации от фейковых новостей, алгоритмы предоставления услуг должны соответствовать законодательству страны и уважать социальную мораль и этику. Ответственность за создаваемый контент, главным образом, налагается на поставщиков услуг искусственного интеллекта, именно, они должны обеспечить безопасное использование механизмов, пресечь утечку данных. Резонансным является решение Пекинского интернет-суда, отражающее основные тенденции в Китае в области нейросетей. Истец использовал программу Stable Diffusion для создания изображения, которое было без его согласия использовано 3-м лицом. Суд признал произведение, созданное с помощью нейросетей, подлежащим защите, мотивировав это решение тем, что создатель внес достаточный вклад в полученный результат⁴. Вследствие этого Китай придерживается такой позиции, что сейчас необходимо поддерживать сферу искусственного интеллекта и признавать произведения, созданные с их помощью объектами авторского права.

Таким образом, на данный момент в странах отсутствует единое мнение относительно признания защиты авторских прав интеллектуальной собственности, созданной с помощью нейросетей. Вследствие быстрого распространения технологий искусственного интеллекта в данной области среди потребителей возникают сложности в обеспечении безопасности создаваемых материалов со стороны законодательства. В практике сложились два основных направления в данной области: антропоцентрический, выраженный в том, что только

---

¹ Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat (в режиме бета-тестирования) // Developers Sber: сайт. // URL: <https://developers.sber.ru/docs/ru/policies/gigachat-agreement/beta> (дата обращения: 15.02.2024).

² Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence // Federal Register: офиц. сайт. // URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/03/16/2023-05321/copyright-registration-guidance-works-containing-material-generated-by-artificial-intelligence> (дата обращения: 16.02.2024).

³ Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence // Federal Register: офиц. сайт. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/03/16/2023-05321/copyright-registration-guidance-works-containing-material-generated-by-artificial-intelligence> (дата обращения: 16.02.2024).

⁴ Beijing Internet Court Civil Judgment (2023) Jing 0491 Min Chu № 11279 // Beijing internet court: офиц. сайт. // URL: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/2023-12/28/c_688.htm (дата обращения: 16.02.2024).

с помощью творческой деятельности человека можно обладать авторскими правами на произведения, и подход, выраженный в признании механизма генерирования произведений с помощью нейросетей и признания таковых объектами авторского права, обеспеченными защитой со стороны государства. В России следует обратить особое внимание на то, какого подхода стоит придерживаться, чтобы предотвратить злоупотребления технологиями искусственного интеллекта. Например, разработать правила пользования нейросетями и использования материала, созданного с помощью данной программы, определить ответственность разработчиков за создание программ искусственного интеллекта, ввести реестр нейросетей для всестороннего контроля за их деятельностью, закрепить в Гражданском кодексе порядок защиты авторства на такие произведения.

Миронова Н. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Наследственные права ребенка, зачатого и родившегося после смерти наследодателя

Широкая практика использования вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) в современном мире, а также частота использования криоконсервации половых клеток, тканей и эмбрионов, затрудняет определение правового статуса детей, зачатых после смерти одного из родителей. Сложность в определении правового статуса затрагивает также и наследственные права как детей, зачатых и родившихся после смерти наследодателя, так и лиц, вступивших в наследство на всех законных основаниях в момент открытия наследства.

Применение посмертной репродукции закреплено на законодательном уровне, так согласно ч. 5 ст. 55 Федерального закона № 323 от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан»¹, а также приказу Министерства здравоохранения № 803 от 31.07.2020 «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их использованию»², граждане имеют право на криоконсервацию и хранение своих половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов.

Существующая классификация эмбрионов делит их на два вида: эмбрионы *in vitro* и эмбрионы *in vivo*. Этапы развития эмбриона вида *in vivo* проходят в утробе матери, в свою очередь эмбрионы *in vitro* образуются в результате применения ВРТ и развиваются вне организма матери³.

Законодателем в части наследственных прав урегулирован вопрос правового статуса эмбриона *in vivo*, который был зачат при жизни наследодателя и родился живым после открытия наследства⁴. Однако вопрос с правами на наследство у эмбриона вида *in vitro*, а именно ребенка, который будет зачат и родиться уже после смерти наследодателя, законодателем не урегулирован. Безусловно, такая позиция законодателя защищает права наследников, которые призываются к наследованию на основании п. 1 ст. 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), так как возможное появление еще одного законного наследника через год, а иногда и больше, приведет к нестабильности наследственных отношений.

А.Н. Макарова в своей работе предлагает внести изменения в статью 1116 ГК РФ, добавив положение, которое позволит вступать в наследство лицам, зачатым в течение 6 месяцев после открытия наследства⁵. В таком случае на основании п. 3 ст. 1163 ГК РФ (с внесением предлагаемых изменений) сроки выдачи свидетельства о праве на наследство будут приостановлены на срок не более 16 месяцев. Такое предложение имеет место, однако оно не регулирует вопрос с наследственными правами детей, зачатых и рожденных после 6 месяцев со дня открытия наследства. Проблема, которую поднимает автор в данной работе, возникает еще на моменте с признанием факта отцовства. Согласно п. 2 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) исходя из презумпции отцовства, ребенок, родившийся от лиц, состоящих в

---

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Приказ Министерства здравоохранения № 803 от 31.07.2020 «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 19.10.2020, регистрационный № 60457.

³ Белова Д. А. Правовая природа эмбриона *in vitro* // Lex russica. 2019. № 6 (151) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-embriona-in-vitro> (дата обращения: 16.02.2024).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ, ст. 1116 // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

⁵ Макарова А. С. Эмбрион *in vitro* в наследственных правоотношениях // E-Scio. 2023. № 8 (83) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/embriion-in-vitro-v-nasledstvennyh-pravootnosheniyah> (дата обращения: 17.02.2024).

браке между собой, в течение трехсот дней с момента смерти одного из них, автоматически считается ребенком этих родителей¹. То есть, если мать воспользуется ВРТ после смерти супруга, родит ребенка и срок для презюмирования отцовства не истечет, то отцом ребенка автоматически, на основании свидетельства о регистрации брака, будет вписан умерший супруг, в таком случае на основании ст. 1116 ГК РФ ребенок будет входить в круг лиц, призываемых к наследству.

В случае применения ВРТ и по истечении 300 дней со дня смерти супруга, вопрос с происхождением ребенка от этого родителя не может быть решен автоматически. Автором считается возможным вариант с применением положений ст. 49 СК РФ, в случае если ребенок был рожден от родителей, не состоящих в браке между собой, происхождение ребенка устанавливается в судебном порядке. В соответствии с п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 16.05.2017 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» факт признания отцовства устанавливается в судебном порядке, при наличии доказательств, с достоверностью подтверждающих происхождение ребенка от данного лица². Такими доказательствами могут явиться добровольное информированное согласие мужчины на посмертную инсеминацию, а также генетические тесты, проводимые между рожденным ребенком и кровными родственниками мужчины.

Действующее законодательство прямо не регулирует вопрос с признанием отцовства, ссылаясь на нормы ст. 49 СК РФ, в том случае если ребенок был зачат с помощью ВРТ после смерти отца. Однако такое признание отцовства позволяет ребенку претендовать на все наследственные и иные права, то есть ребенок, родившийся после 5 лет со дня смерти отца и со дня открытия наследства, имеет право подать исковое заявление в суд, в том числе ходатайствуя о восстановлении пропущенного срока в силу того, что он еще не родился. Подобные действия запрещаются ст. 1116 ГК РФ, где к наследству призываются живые лица на момент открытия наследства, а также лица, зачатые при жизни и родившиеся живыми после смерти наследодателя. Прямого запрета на определение происхождения ребенка исходя из смысла ст. 49 СК РФ нет, однако приобретение прав, которые могут возникнуть у ребенка после признания отцовства, не допускается нормами иных нормативных правовых актов.

Для того чтобы отцом ребенка был вписан родитель, чей генетический материал был использован посмертно, в ряде стран, где подобная процедура возможна, необходимо два условия: согласие умершего на посмертное использование его генетического материала и согласие быть родителем будущего ребенка. Например, в законе США Uniform Parentage Act в Article 4 «registry of Paternity» (Закон об установлении происхождения детей, статья 4 «регистрация отцовства») для признания отцовства необходимы именно эти два условия³.

Автор М.Л. Шелютто в своей работе приводит в пример положения, предусмотренные в Германском гражданском уложении, где речь идет о назначении наследодателем последующего наследника, включая лиц, не зачатых при его жизни⁴. В таком случае имеет место отлагательное условие, которое применяется в немецком праве исключительно по отношению к завещанию. М.Л. Шелютто предлагается ввести в российское наследственное право правило Германии, однако автор приходит к выводу, что такая конструкция приведет к неустойчивости положения живых наследников.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что вопрос, связанный с наследственными правами зачатого и родившегося ребенка после смерти отца, требует законодательного регулирования. Автором данной работы считается возможным применение процедуры признания отцовства в случае применения ВРТ, а также последующее приобретение таким ребенком всех прав, которыми он бы обладал, родившись при жизни родителя.

Предусмотренные правилами иностранными странами предполагают внедрение подобных конструкций и в российское право, однако возможные трудности в наследственных отношениях останавливают законодателя от внесения изменений.

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16, ст. 48.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. 2017.

³ США Uniform Parentage Act в Article 4 «registry of Paternity» // URL: <https://clck.ru/38udDS> (дата обращения: 17.02.2024).

⁴ Шелютто Марина Львовна Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4 (59) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deti-zachatyie-posle-smerti-roditelya-ustanovlenie-proishozhdeniya-i-nasledstvennye-prava> (дата обращения: 17.02.2024).

Панков Д. А.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Проблемы и перспективы развития гражданско-правового регулирования искусственного интеллекта

Сегодня внимание человечества в большей мере, чем когда-либо обращено на развитие искусственного интеллекта. Несмотря на то что существующие технологии пока не достигли создания полноценного искусственного разума с самосознанием и мышлением, ученые разработали системы, способные к самообучению и решению сложных задач не только с высокой точностью, но и определенной креативностью. Искусственный интеллект (ИИ) — это программные системы, которые могут моделировать интеллектуальную деятельность человека и постепенно обучаться, используя доступную информацию¹.

Сегодня ИИ используется для составления прогнозов, анализа данных и даже создания произведений искусства, но в основном эти работы сводятся скорее к имитации творчества людей, поскольку для их обучения используются материалы, созданные людьми. Уже в конце XX века в некоторых странах были внесены изменения в законодательство, регулирующие возникновение прав интеллектуальной собственности на объекты, созданные искусственным интеллектом². В российском законодательстве также обсуждается вопрос о регулировании прав в сфере робототехники и применения технологий искусственного интеллекта. Один из аспектов данной работы — правовой режим использования объектов, созданных искусственным интеллектом и правовой статус создателя искусственного интеллекта. С ростом случаев использования результатов деятельности искусственного интеллекта в развлекательной индустрии и предпринимательской деятельности, вопрос о правовом статусе подобных объектов становится все более актуальным.

В большинстве государств этот аспект подлежит рассмотрению сходным образом. Авторское право в современном мире — это совокупность норм, отвечающих за отношения по охране произведений литературы, искусства и науки, установления режима их использования, наделяния авторов правами, личными и имущественными, и защите этих прав. В свою очередь, основой такого единообразия законодательства служит утверждение о том, что создание произведения науки или искусства и его авторство принадлежат исключительно человеку³. Объект, созданный без творческого вклада человеческого сознания, не признается объектом авторского права. Вследствие этого возникают утверждения о недопустимости присвоения авторских прав подобным объектам, что актуализирует необходимость четкого определения предметной области авторского права и установления принципов функционирования систем искусственного интеллекта в системе правовых норм.

В пункте 1 статьи 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что авторство произведения может принадлежать только гражданину, иначе говоря, физическому лицу, творческим трудом которого оно было создано⁴. Это подразумевает, что лицо, создавшее программный код, который, в свою очередь, на основе предоставленных для обучения данных, сформировал итоговый продукт лишь имитируя творческую деятельность человека, не может быть признано его автором в силу того, что такое лицо не внесло личный творческий вклад в его создание, согласно прямому тексту закона. Это положение поднимает вопрос о признании авторства работ «умных машин» лицом, написавшим программный код. Интересно, что данный вопрос был озвучен в резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 года, касающейся правового статуса искусственного интеллекта. В документе отмечается, что целью искусственного интеллекта является дополнение возможностей человека, а не его замена, и что искусственный интеллект должен полностью подчиняться человеческим указаниям, а значит, все юридические последствия деятельности искусственного интеллекта ложатся исключительно на его создателя или пользователя⁵.

---

¹ Аблеев С. Р., Моделирование сознания и искусственный интеллект: пределы возможностей // Вестник экономической безопасности. 2015. № 3.

² Петросян Альбина Артаковна, Строкова Ольга Геннадьевна Особенности зарубежного регулирования авторских прав в сети «интернет» // Современные инновации. 2018. № 1 (23).

³ Кашкин С. Ю., Алтухов А. В. В поисках концепции правового регулирования искусственного интеллекта: платформенные правовые модели. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020;(4):26-40.

⁴ Часть четвертая гражданского кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

⁵ Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в Европейском Союзе // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 1.

По мнению Г.А. Гаджиева и Е.А. Войнакинс в дальнейшем необходимо будет провести классификацию искусственных интеллектуальных систем в зависимости от их творческого потенциала¹. Оценка данного потенциала может быть выполнена с помощью разработки алгоритмов и наборов правил, определяющих функционирование системы. В данном контексте также учитывается воля создателей системы: чем больше степень свободы предоставлена машине, тем меньше возможность предсказать окончательный результат. Следовательно, системы искусственного интеллекта могут быть классифицированы в соответствии с их способностью влиять на окончательный результат. Такая классификация предоставляет ясное представление о том, что лишь небольшая часть созданных систем может попасть в категорию, соответствующую полному циклу творческого процесса, где невозможно предсказать конечный результат. Предложенная классификация включает в себя три категории.

Первая – низкий уровень воздействия на конечный результат. В таких случаях возможно лишь косвенное влияние на полученные результаты. Система искусственного интеллекта не проявляет никакого творчества. Эта категория включает системы, применяемые, например, в текстовых редакторах для проверки текста на наличие ошибок и несоответствия стилистики, а также в фотокамерах аудиоредакторах.

Вторая – способность влиять на конечный результат, однако используется только как инструмент по задумке человека. Его свобода ограничена контекстом или ограниченным объемом информации, используемой для анализа и обучения. Такие системы применяются, например, в графических редакторах для восстановления утраченных фрагментов изображений.

Третья – непредсказуемость конечного результата. В этом случае создание конечного продукта является целью работы системы искусственного интеллекта. Такие системы обладают самообучаемостью и с точки зрения авторского права представляют наибольший интерес, поскольку их способность к функционированию, хотя и связана с намерением создателя, результат полностью независим от действий человека. Однако если системе предоставлены некачественные данные для обучения, то и результат будет неприемлемым. По этой причине в правовых системах большинства стран особое внимание уделяется труду человека в контексте авторского права. До настоящего времени разрешение споров об авторстве основывалось убеждении, что даже если произведение не оригинально на все сто процентов, но для его создания были затрачены значительные усилия, у его создателя есть право на защиту своих прав относительно результатов своей интеллектуальной деятельности.

В соответствии с нормами российского законодательства, устанавливается презумпция авторства и творчества. Презумпция авторства, определенная статьей 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации, позволяет называть автором произведения лицо, указанное на оригинальном экземпляре этого произведения. Презумпция творчества, в свою очередь, подразумевает, что в случае отсутствия новизны, уникальности и оригинальности результата произведения, оно не может рассматриваться как созданное с участием творческого труда.

Основа авторского права построена вокруг конкретного физического лица, обладающего определенными правами, приобретенными в результате своей деятельности. Подобные принципы противоречат возможности признания искусственного интеллекта субъектом права, способным к приобретению прав и обязанностей в результате своих действий. Несмотря на обсуждения этих вопросов, вероятность их воплощения в законодательстве на данный момент остается невысокой.

В России действующее законодательство не только не предусматривает различия между человеческим и машинным творчеством, но и не открывает перспективы для введения подобной градации в ближайшем будущем. Поскольку объектами авторского права считаются произведения науки, литературы и искусства, вне зависимости от их ценности, назначения и формы выражения, созданные системой искусственного интеллекта, соответствуют установленным требованиям.

Согласно статье 1257 Гражданского кодекса РФ, человек, создавший систему искусственного интеллекта, имеет право указать свое авторство, и, как автор, обладает всеми правами, предусмотренными законом. В этом случае его присутствие как автора обеспечивает защиту его прав и интересов.

Рассмотрение созданных системой искусственного интеллекта произведений без присутствия автора может привести к их классификации как общественного достояния, поскольку они были созданы без участия конкретного автора. При этом лицо, создавшее такие произведения с помощью искусственного интеллекта,

---

¹ Гаджиев Г. А., Войнакинс Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4.

может их опубликовать и воспользоваться соответствующими смежными правами, включая право на публикацию и указание своего имени на произведении¹.

Таким образом, для решения споров по правам на произведения, созданные с использованием систем искусственного интеллекта, существуют два варианта: указание создателя системы или ее пользователя в качестве автора или признание произведения не охраняемым авторским правом, с последующим осуществлением его правомерной публикации и возникновением смежных прав.

Прокошкина Д. С.

Саратовская государственная юридическая академия
Студент

Цифровой рубль как новый объект гражданских прав

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага².

Понятие «цифровые рубли» в российское законодательство было добавлено недавно³, положения, уточняющие механизм регулирования работы новой платежной системы, будут добавляться и дорабатываться, так как полноценная реализация проекта введения цифрового рубля произойдет только в ближайшие годы⁴. Однако многие эксперты в области цифрового права уже связывают такое нововведение с определенными рисками, которые могут возникнуть в процессе реализации данного проекта. В частности, волнует вопрос о защите прав пользователей новой платежной системы, определение места в ней участников платформы цифрового рубля, то есть коммерческих банков согласно положению, изданному Центральным банком РФ⁵, и многое другое. Это говорит о необходимости заблаговременного законного урегулирования данных вопросов для предупреждения негативных эффектов. Однако, для наиболее ясного понимания, необходимо в первую очередь определить место и роль цифрового рубля в системе российского права.

Законодатель относит цифровой рубль к объектам гражданских прав, определяя его как имущественное право, а именно безналичное денежное средство, наравне с бездокументарными ценными бумагами и цифровыми правами, исходя из формулировки содержания статьи 128 ГК РФ. Опираясь на положения данной нормы, можно сделать несколько выводов: во-первых, цифровой рубль является имущественным правом, соответственно обладает качествами объекта гражданских прав, во-вторых, цифровой рубль выделен в отдельную подкатегорию имущественных прав, а потому вероятнее всего, имея определенные сходные черты с другими имущественными правами, будет иметь ряд особенностей. Однако в подразделе 3 «Объекты гражданских прав» ГК РФ цифровой рубль больше нигде не упоминается и его содержание не раскрывается, что дает возможность полагать о внесении в будущем изменений в законодательство в данной области права.

Несмотря на то что объекты гражданских прав является важным, основополагающим институтом для многих отраслей российского права, до сих пор в научном сообществе не было выработано единое мнение насчет его главных признаков. Вопрос о сущности объектов гражданских прав поднимали в своих научных

---

¹ Василевская Л. Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023;(5):32-40.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СЗ РФ. 1994 г. № 32 ст. 3301.

³ Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 24.07.2023 № 339-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.

⁴ Массовое внедрение цифрового рубля ожидается в 2025 году. Каковы риски // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/655228a89a79472e3926eb3d?from=copy> (дата обращения: 28.02.2024).

⁵ Положение Центрального банка РФ «О платформе цифрового рубля» // Официальный сайт Центрального банка России // URL: <chromeextension://efaidnbmninnibpcajpcgclclefindmkaj/https://www.cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/2858> (дата обращения: 28.02.2024).

работах Алексеев С.С.¹, Лапач В.А.², Шорников Д.В.³ и другие. Тем не менее, для удобства следует выделить ключевые признаки, которые присущи всем объектам.

Главное, родовое понятие для объекта гражданских прав – это «материальное или духовное благо». «Благо» в настоящем случае является чем-либо, что способно удовлетворить потребности субъекта, принести ему пользу. Однако важно понимать, что данное качество хотя и является «ядром» понятия, но не дает права автоматически приобретать статус объекта гражданских прав. Для прояснения данного момента стоит обратиться к судебной практике.

В процессе рассмотрения уголовного дела № 22-5295/2020⁴, была признана вина граждан Пирона П.Д. в вымогательстве и Пригожина Е.В. в грабеже. В деле фигурирует понятие «криптовалюта», по поводу чего также были сформированы преступные мотивы вышеуказанных лиц. Однако суд не признал «криптовалюту» объектом гражданских прав, в связи с чем он также не мог выступать предметом хищения. «Криптовалюта» не признана законодательством объектом гражданских прав, хотя так же, как и цифровой рубль может быть определена как «благо» и в определенных условиях может быть равноценна денежным средствам (в процессе обмена). Поэтому из всего вышеописанного следует сделать вывод о том, что законодатель, включая в объекты гражданских прав одни блага и исключая другие, предопределяет необходимость наличия и иных ключевых признаков.

Характерным свойством для всех объектов является дискретность, то есть «физическая и/или учетная определенность и обособленность от всех других объектов»⁵. Это означает, что объект обладает ограниченностью и уникальностью в своей форме и/или в своем содержании.

Отдельные важные признаки такие как «системность» и «юридическая привязка» были выделены В.А. Лапачем⁶. Оба этих свойства в первую очередь отражают внешнее возможное отношение субъектов к объектам. По сути, юридическая привязка означает, что законодатель прямо закрепил в нормативном правовом акте определенное благо как объект гражданских правоотношений. Таким образом, после определения цифрового рубля как объекта гражданских прав, начался постепенный процесс закрепления его правового статуса, а также в связи с этим фактом – определение его места во всей правовой системе, что продиктовано не только положениями закона, но и сущностью самого объекта. Поэтому сейчас стоит рассмотреть предполагаемые особенные признаки цифрового рубля как объекта гражданских прав.

Цифровой рубль согласно внесениям изменений в российское законодательство станет частью платежной системы, контролируемой государством⁷. Тем не менее, его нельзя будет окончательно приравнять к рублю, официальной валюте Российской Федерации, так как он в свою очередь будет лишен многих функций денег, кроме платежной: функции средства накопления, меры стоимости⁸. Исходя из сущности самого цифрового рубля, можно предположить, что ему будет свойственна оборотоспособность, однако нельзя исключать возможности введения отдельных ограничений в зависимости от видов субъектов, например, ограничения в гражданском обороте для иностранных лиц или лиц без гражданства.

Изучая вопрос о цифровом рубле как объекте гражданских прав, можно заключить, что российское законодательство располагает всеми необходимыми инструментами и правовой базой для надлежащей подготовки условий введения новой платежной системы. Вероятно, для общества возникновение рубля не станет потрясением, однако значительно увеличившийся темп цифровизации практически во всех областях диктует необходимость всё более частого и основательного переосмысления уже устоявшихся правовых институтов. Важной задачей остается сделать так, чтобы право своевременно и эффективно реагировало на важные изменения в общественной жизни.

¹ Алексеев С. С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права. М. : Госюриздат, 1960. С. 284–308.

² Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / Юридический Центр ПРЕСС, Санкт-Петербург, 2002. 544 с.

³ Шорников Д. В. Еще раз о признаках объектов гражданских прав / Сибирский юридический вестник, № 1. 2007. С. 40–44.

⁴ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.11.2020 по делу № 22-5295/2020 // URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/53533523> (дата обращения: 14.02.2024).

⁵ Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002. 544 с.

⁶ Лапач В. А. Указ. соч. 544 с.

⁷ Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023 г. № 31 (ч. III). Ст. 5766.

⁸ «Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (октябрь 2020 года)» (утв. Банком России) // Официальный сайт Центрального банка России URL: chromeextension://efaidnbnmnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

Родионов И. А.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Магистрант

Пользовательское соглашение об обработке больших данных как смешанный договор

В настоящее время лица, занятые обработкой больших данных, юридически оформляют свою деятельность соглашениями, которые не обозначены в действующем гражданском законодательстве, хотя и не запрещены. Например, ООО «ЯНДЕКС» (далее – «Яндекс») с помощью сервиса аналитики «Яндекс.Метрика» предоставляет возможность получить данные о посещаемости сайта и поведении пользователей, которые могут быть отнесены к большим данным, поскольку обладают соответствующими признаками (объем, оперативность, разнообразие). Условия использования сервиса Яндекс.Метрика включены в пользовательское соглашение компании¹. Аналогичные соглашения опубликованы также Google LLC и обозначены как Terms of Service Google Analytics (Условия использования сервиса Google Analytics или Условия предоставления услуг Google Analytics)². Указанные акты включают в себя отсылки к ряду документов, в которых также закрепляются условия и порядки совершения действий указанными организациями. Такое усложненное оформление отношений создает проблемы в понимании предмета указанных соглашений, а следовательно их гражданской-правовой квалификации.

Исследователями были выявлены четыре вида договоров, связанных с большими данными. Поэтому представляется необходимым четко определить предмет соглашений обработчиков данных и пользователей.

Данные, собранные с помощью веб-аналитики, могут состоять из сведений об источниках трафика, ссылок на сайты, просмотрах страниц и проценте пользователей, которые совершили определенное действие, например покупку или перевод средств. Собранные данные часто используются для аналитики управления взаимоотношениями с клиентами (аналитики CRM от англ. Customer Relationship Management)³, целью которой выступает оптимизация принятия более эффективных бизнес-решений.

Из сказанного следует, что действия лиц, занятых обработкой и хранением больших данных, имеют значение услуги. Услуга в обязательственном праве понимается как определенное действие или деятельность, которые исполнитель осуществляет по заданию заказчика, хотя в науке по этому поводу ведется длительная дискуссия. К отличительным чертам услуг ученые относят: содержание в себе указания на конкретный вид деятельности; указание на специфический результат выполненной работы; эффект, к которому должно привести оказание услуги и (или) момент окончания оказания услуги; потребление услуги в момент ее оказания; результату предшествует совершение действий, которые в зависимости от вида услуги могут не иметь материального результата либо иметь такой результат, при этом факт достижения результата относится больше к показателям качества оказанной услуги, а не факту ее оказания⁴.

Прилагая сказанное о признаках услуг к действиям, совершаемым обработчиками больших данных, можно заключить, что они относятся к услугам. Соответственно, в предмет договора, заключаемого этими лицам, как договора возмездного оказания услуг входит совершение обработчиками и хранителями (исполнителем) по заданию лиц, заинтересованных в получении услуги (заказчика) определенных действий или осуществление им определенной деятельности.

Именно таким образом сформулирован предмет соглашения, заключаемого по поводу сервиса Google Analytics. В частности, он определен как предоставление Google услуг обработки и технической поддержки клиенту в отношении предоставленного сервиса⁵. А вот в соглашении, заключаемом по поводу сервиса Яндекс.Метрика отсутствует указания на то, в его предмет входит оказание услуг. Вместе с тем в п. 3 этого соглашения установлено, что сервис предлагает пользователю бесплатную возможность получения данных о посещаемости сайта или мобильного приложения посредством размещения кода счетчика на сайте

---

¹ Условия использования сервиса Яндекс.Метрика // URL: https://yandex.ru/legal/metrika_termsofuse/20092011/ (дата обращения: 16.01.2024).

² Terms of Service Google Analytics (Условия использования Google Аналитики) // URL: <https://marketingplatform.google.com/about/analytics/terms/ru/> (дата обращения: 16.01.2024).

³ What is CRM? URL: <https://dynamics.microsoft.com/en-us/crm/what-is-crm/> (дата обращения: 16.01.2024).

⁴ См.: Шешенин Е. Д. Предмет обязательства по оказанию услуг // Сб. учен. трудов. Свердловск, 1964. Вып. 3. С. 177 ; Дорохова Н. А. Договоры об оказании информационных услуг : монография. М. : Проспект, 2022. 176 с. ; Мартиросова Л. Э. Оказание услуг как объект гражданских прав // Инновационная наука. 2016. № 8-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okazanie-uslug-kak-obekt-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 14.01.2024).

⁵ Google Ads Data Processing Terms . // URL: <https://business.safety.google/adsprocessor/terms/> (дата обращения: 16.01.2024).

пользователя или интеграции библиотеки в мобильное приложение пользователя¹. То есть предмет такого соглашения определен через потенциальные действия лиц, заинтересованных в получении данных, действия самой организации не определены. Ясно только, что интерес будет удовлетворяться с использованием кода. По сути, предмет такого соглашения ограничен предоставлением использования приложения, иными словами, представляет собой лицензионный договор на программу для ЭВМ и базы данных.

Представляется, что сведение договора об осуществлении веб-аналитики к лицензионному договору не отражает всего круга отношений, в которые вступают лица в связи с обработкой больших данных². Может показаться, что веб-аналитика работает по правилам лицензионного соглашения, однако, последнее фактически дает только самые базовые функции аналитики. Часто этого недостаточно, т.к. разные компании по-разному интерпретируют лицензионное соглашение, из-за чего не исключена ситуация, в которой клиент не может удовлетворить свой интерес с помощью доступных в сервисе инструментов аналитики. Обычно пользователь думает, что легко сможет настроить сервис «под себя», но фактически его ожидания не совпадают с действительностью: настройки приложения не столь широки, чтобы удовлетворить его потребности. При этом компании сразу указывают, что предоставляют базовый сервис «как есть» (например, п. 7 соглашения об использовании сервиса Яндекс.Метрика), а также могут изменять его по своему усмотрению, с чем пользователи считаются согласившимися.

Кроме того, лица, использующие аналитические сервисы, не считают свои интересы нарушенными, поскольку полагаются на заявления компании о их бесплатности. Однако, например, в соответствии с п. 17 соглашения Яндекс.Метрика пользователь понимает и соглашается с тем, что счетчик, установленный на сайте пользователя или его библиотека, интегрированная в мобильное приложение пользователя, собирают данные о посещениях сайта пользователя или данные об устройстве конечного пользователя и об использовании им мобильного приложения пользователя, и в автоматическом режиме передает их Яндексу для получения статистической информации, доступной для дальнейшего использования с помощью сервиса как пользователю, так и Яндексу в его собственных целях³. Поэтому это соглашение очевидно носит возмездный характер (доступ к данным в обмен на доступ к сервису), хотя и взимание платы не предусмотрено.

Таким образом акты, заключаемые с целью обработки и хранения больших данных, как минимум, включают в себя положения договоров об оказании соответствующих услуг (договоров о возмездном оказании услуг), а также использовании программ ЭВМ и баз данных (веб-аналитических сервисов) – лицензионных договоров. Соответственно вышеприведенные и иные так называемые пользовательские соглашения относятся к договорам, причем смешанного характера, поскольку в соответствии с п. 3 ст. 421 ГК РФ содержат элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами.

Следует отметить, что взаимодействие с клиентом по поводу больших данных чаще всего связано с использованием персональных данных, хотя доступен и анонимный веб-анализ, при котором персональные данные пользователя не записываются. Соответственно, в предмет соглашений, заключаемых обработчиками данных, входит также определение порядка использования персональных данных на основе полученного от пользователей согласия на их обработку в соответствии с п. 1 ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Сходное правило установлено и в ст. 4 Общего регламента защиты персональных данных Европейского Союза (GDPR).

Наличие указанного согласия в так называемых пользовательских соглашениях позволяет ответить на вопрос об соотношении последних с договорами⁴. Л.Ю. Василевская верно отмечает, что соглашение не создает новое правоотношение, а только может изменить некоторые условия существующего базового правоотношения или прекратить его. Исходя из такого понимания, наличие согласия лишь осложняет заключаемый сторонами смешанный договор⁵, но не позволяет его определить в качестве соглашения.

¹ Политика конфиденциальности. URL: <https://yandex.ru/legal/confidential> (дата обращения: 16.01.2024).

² См.: Василевская Л. Ю. Пользовательское соглашение, соглашение о конфиденциальности: специфика содержания в контексте предоставления и обработки информации / Цифровизация гражданского оборота: Big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. V / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. Т. V. С. 87.

³ Политика конфиденциальности. URL: <https://yandex.ru/legal/confidential> (дата обращения: 16.01.2024).

⁴ Подробнее о разграничении понятий «договор» и «соглашение» см.: Василевская Л. Ю. Договор и соглашение в гражданском праве: критерии разграничения понятий // Юрист, 2017.

⁵ О смешанных договорах см.: Собчак А. А. Смешанные и комплексные договоры в гражданском праве // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 63–64 ; Брагинский М. И. Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. М. : Статут, 2007. С. 66 ; Брагинский М. И. Непоименованные (безымянные) и смешанные договоры // Хозяйство и право. 2007. № 10. С. 75–76.

На основании изложенного можно заключить, что так называемое пользовательское соглашение об обработке больших данных создает новые правоотношения и потому является договором. Его предмет – действия, связанные с веб-аналитикой. Поскольку совершение таких действия не гарантирует желаемого результата, их можно определить как возмездное оказание услуг. Соответственно, рассматриваемое соглашение является договором возмездного оказания услуг. Вместе с тем, включение в предмет рассматриваемого соглашения указания на возможность использовать сервис, а также согласие на передачу персональных данных позволяет отнести соглашение к смешанным договорам (п. 3 ст. 421 ГК РФ), включающем в себя элементы лицензионного договора и согласия об использовании персональных данных.

Рыскина К. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Баланс интересов участников рынка информационных образовательных продуктов

Легального или доктринального определения понятия «инфобизнес» на данный момент не существует. Указанный термин используется не столько для обозначения определенного вида предпринимательской деятельности, сколько для обозначения феномена – появления на рынке бесчисленного количества онлайн школ, курсов, тренингов и семинаров, зачастую с неочевидной ценностью.

В контексте увеличения количества предлагаемых дистанционных услуг все большее беспокойство вызывает защищенность граждан-потребителей при вступлении в правоотношения с представителями «инфобизнеса». Предлагаем рассмотреть данные договорные связи более подробно.

Актуальной проблемой в настоящий момент является вопрос определения правовой природы договоров, заключаемых между гражданами, с одной стороны, и онлайн-школами, Ed-tech платформами¹, онлайн-проектами и другими участниками рынка информационных образовательных продуктов, с другой стороны. Исходя из юридически значимых признаков, можно определить, что стороны в данном случае заключают договор возмездного оказания услуг, дефиниция которого закреплена в ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ»)². В частности, в соответствии с соглашением исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

Однако возникает закономерный вопрос о квалификации услуг, оказываемых исполнителем по договору, заключаемому с представителями «инфобизнеса»? В настоящий момент не выработано единого подхода к разрешению данного вопроса.

Для начала следует разобраться в двух понятиях – образовательные и информационные услуги. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – «ФЗ Об образовании») под образовательными услугами понимается непосредственное осуществление образовательной деятельности по заданиям и за счет физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг. Платная образовательная услуга характеризуется тем, что она оказывается на возмездной основе, профессиональными участниками, на основании заключения договора возмездного оказания услуг, а также направлена непосредственно на получение определенных знаний и навыков.

Понятие «информационные услуги» встречается в ряде нормативных актов, к примеру в ст. 264 Налогового кодекса РФ³, ст. 26 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации»⁴, ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»⁵ и др. Однако официального закрепления в действующем российском законодательстве указанный термин не получил. По мнению Дороховой Н.А., под информационной услугой следует понимать действия с информацией (поиск, обработка, хранение и (или) передача), направленные на удовлетворение информационных потребностей услугополучателя. Результат информационной услуги может быть закреплен на разнообразных материальных носителях (письменные

---

¹ EdTech (от англ. Education technology – технологии образования) – это сфера, связанная с применением технологий для улучшения процесса обучения.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

⁴ Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 № 125-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 43. Ст. 4169.

⁵ Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

справки, подборки, консультации, заключения и т.п.) или в объективной форме (устные консультации, записи на жестком диске компьютера и на внешних носителях)¹.

Невозможно отрицать сходство указанных категорий. В нашем понимании ключевым отличием образовательных от информационных услуг является конечный результат, на который направлено их оказание. В первом случае следует говорить о приобретении обучающимся навыков, умений, компетенций, знаний, овладение профессией. Для достижения указанных целей образовательные организации составляют план обучения, организуют проведение регулярной аттестации и принимают комплекс других мер. В случае с информационными услугами — вся деятельность направлена исключительно на информирование заказчика. Вместе с тем, исполнитель не должен контролировать усвоение контрагентом знаний.

Большинство представителей «инфобизнеса» в настоящий момент используют конструкцию договора об оказании информационно-консультационных услуг. Это закономерно, поскольку, в отличие от договора, для осуществления образовательной деятельности действующим законодательством установлены повышенные требования: обязательное наличие лицензии (в исключительных случаях допускается оказание образовательных услуг в ее отсутствие)², расширенный перечень обязанностей исполнителей в соответствии с Постановлением Правительства РФ «Об утверждении правил оказания платных образовательных услуг»³ и др.

Более того, исходя из обобщения судебной практики, многие потребители пытались в судебном порядке переqualificировать возникшие между ними и представителями «инфобизнеса» правоотношения в договор об оказании образовательных услуг, однако большинство из подобных попыток не увенчались успехом. Об этом свидетельствует довольно обширная практика разрешения споров с известным «образовательным гигантом» «SkillBox» (ООО «СКИЛБОКС»)⁴. Суды последовательно отказывались признавать деятельность онлайн-платформы образовательной, так как предметом договора являлось «не поэтапное предоставление заказчиком образовательного курса, состоящего из нескольких модулей, а удаленный доступ к платформе, содержащей выбранную заказчиком программу обучения в полном объеме...»⁵. В связи с этим, судебные инстанции указывали на заключение договора оказания услуг удаленного доступа к платформе — информационной услуги. Таким образом, учитывались только формально закрепленные положения и не уделялось должного внимания существу возникающего обязательства и целям потребителя при вступлении в заявленные правоотношения — получение новых компетенций. Кроме того, судьи ссылались на отсутствие принуждения к заключению договора и соблюдение исполнителем ст. 10 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — «Закон о защите прав потребителей»)⁶, предусматривающей обязанность своевременного, полного и качественного информирования потребителей о предоставляемых услугах.

Примечательно, что при разрешении вопроса о правильной квалификации данных правоотношений суды не учитывают рекламные слоганы, информацию на сайтах онлайн курсов, тренингов, мастер-классов и т.п., где исполнители напрямую указывают о возможности приобретения потенциальными клиентами профессиональных навыков; получение сертификатов, подтверждающих компетенции; в некоторых случаях также организуют проведение промежуточной аттестации; ряд исполнителей указывает в названии своего курса слово «Профессия». По нашему мнению, наличие этих характеристик является достаточным основанием для признания деятельности «инфобизнесменов» образовательной, а следовательно, подлежащей более строгой законодательной регламентации.

На наш взгляд сложившаяся на данный момент в судебной практике тенденция квалификации правоотношений между потребителями и представителями «инфобизнеса» вызывает серьезные опасения. К сожалению, большинство из потребителей не обладают юридическими знаниями, поэтому не могут определить вид договора, который они заключают. В связи с этим, предполагая, что заключают соглашение с образовательной организацией, обеспеченный дополнительными гарантиями, оказываются в

¹ См.: Дорохова Н. А. Договоры об оказании информационных услуг : монография // М. : Проспект. 2022. 176 с.

² Постановление Правительства РФ «О лицензировании образовательной деятельности» от 18.09.2020 № 1490 // СЗ РФ. 2020. № 39. Ст. 6067.

³ Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» от 15.09.2020 № 1441 // СЗ РФ. 2020. № 39. Ст. 6035.

⁴ См.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.09.2023 по делу № 88-15331/2023 ; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2023 по делу № 88-24036/2023 ; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2023 по делу № 88-26702/2023 и др.

⁵ См. подробнее об этом Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2023 по делу № 88-29864/2023.

⁶ Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

правоотношениях с исполнителем, совершенно не гарантирующим качество информации, которую он предоставляет.

Для решения сложившейся ситуации следует императивно закрепить в ФЗ «Об образовании» конкретный перечень признаков, при наличии которых деятельность можно признать образовательной. Несомненно, данные требования не должны носить исчерпывающий характер, однако перечисление базовых характеристик, по нашему мнению, внесет определенную ясность для правильной квалификации договорных отношений, возникающих между гражданами-потребителями и представителями «инфобизнеса».

Сомова О. В.

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (НГУ)
Студент

Актуальные проблемы правового регулирования деятельности владельцев агрегаторов в цифровой среде

На настоящий момент времени правовое регулирование деятельности владельцев агрегаторов является наиболее актуальной темой в связи с активным развитием электронной торговли. Это обусловлено тем, что купля-продажа товаров и услуг в онлайн-среде востребована как потребителями, так и продавцами (предпринимателями). На перспективность данной модели бизнеса повлияли также период пандемии и массовый уход иностранных компаний с российского рынка. Кроме того, активное распространение такой формы бизнеса связано с применением алгоритма аутсорсинга, который предполагает рассредоточение производственного процесса по отдельным специализированным пространствам, что значительно упрощает деятельность и экономит ресурсы компаний¹.

Перед тем как разработать эффективное правовое регулирование деятельности владельцев агрегаторов для начала стоит выделить ряд правовых проблем, которые вызывают противоречия и сложности в нахождении консенсуса между бизнесом, государством и потребителями.

Первая правовая проблема заключается в отсутствии единой терминологии в цифровой среде, что связано с различными обозначениями владельца агрегатора. Стоит отметить, что в практике активно используется термин «маркетплейс», который не закреплен непосредственно в нормативных правовых актах Российской Федерации. Так, в Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей»² (далее – Закон о защите прав потребителей) данный субъект охарактеризован как владелец агрегатора информации о товарах (услугах), а в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) – как хозяйствующий субъект, владеющий цифровой платформой. Отсутствие единого термина затрудняет построение правил взаимодействия между всеми участниками цифровых правоотношений, включая продавцов и потребителей. В качестве решения этой проблемы стоит четко разграничить данные понятия и четко сформулировать их соотношение.

Вторая правовая проблема связана с отсутствием единообразных правил взаимодействия владельцев агрегаторов с потребителями³. Ежедневно тысячи покупателей сталкиваются со сложностями поиска достоверной информации на платформе владельца агрегатора. Это осложняется также тем, что у владельцев агрегаторов существуют различные способы доведения соответствующей информации до потребителей, включая размер шрифта и место закрепления информации на сайте. Стоит отметить, что в ноябре 2023 года Генеральная прокуратура Российской Федерации провела проверку цифровой площадки «Wildberries» и нашла существенные нарушения прав потребителей. В то же время правовые аспекты доведения информации до потребителей еще не в полной мере были затронуты, а также не все цифровые площадки подверглись такой проверке.

Третья правовая проблема заключается в закреплении ограниченных обязательств владельца агрегатора в настоящей редакции законодательства о защите прав потребителей, которая не учитывает сегодняшние реалии развития цифровых отношений. Согласно Закону о защите прав потребителей, владелец агрегатора – это лицо, которое создает технологическую площадку, на которой происходит взаимодействие между

---

¹ Подузова Е. Б. Свобода договора как принцип организации договорных связей в цифровой среде: современное толкование в контексте нотариальной практики // Нотариальный вестник. 2020. № 1. С. 19.

² Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 04.04.2023) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

³ Краулин К. К. Пределы гражданско-правовой ответственности владельцев маркетплейсов перед потребителями в РФ и США // Цифровое право. 2022. № 3 (3). С. 30.

потребителем и продавцом. Основными обязанностями владельца агрегатора являются информационное сопровождение, включающее в себя предоставление конкретных сведений о продавце, товаре (услуге) потребителям, возможности выбора, а также помощь в заключении договора с продавцом в качестве посредника при оплате. Однако данная характеристика не учитывает множество других обязанностей, которые также лежат на владельцах агрегаторов, а именно доставка, хранение, возврат товаров или денег в случае брака и др. Отсутствие правового закрепления данных обязательств порождает проблемы в сфере правоприменительной практики, в частности, зачастую происходят нарушения прав и законных интересов продавцов. Речь идет про случаи утери, подмены, утилизации товаров по вине владельцев агрегаторов и др. Представляется, что расширение правового статуса владельца агрегатора путем закрепления обязанностей в сфере хранения, доставки, выдачи товаров и пр. позволит снизить количество неправомерных ситуаций, затрагивающих интересы всех участников цифровых правоотношений, включая потребителей.

Следующая правовая проблема затрагивает гражданско-правовую ответственность владельца агрегатора. На данный момент она тоже носит ограниченный характер¹, так как связана лишь с обязанностью по предоставлению полной и достоверной информации потребителям. Однако правовые аспекты, затрагивающие качество товаров и услуг; ценообразование; отмену в одностороннем порядке заказов потребителей; предоставление товаров, ограниченных в обороте, еще не до конца урегулированы. В этих случаях мы видим явное нарушение прав потребителей, которые являются слабой стороной в рассматриваемых отношениях. В качестве решения этой проблемы следует ввести солидарную ответственность продавца и владельца агрегатора, то есть в ситуации, когда потребитель получил некачественный товар, он сможет обратиться с претензией относительно покупки как к поставщику (продавцу), так и к владельцу агрегатора. В данном случае будет реализована идея, которая содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 года № 26²: если разумный и добросовестный потребитель полагает, что он заключает договор с владельцем агрегатора, то агрегатор также несет ответственность перед потребителем. Безусловно, трактовка данного положения связана с агрегаторами такси, однако видится, что товарный рынок не должен быть исключением.

Пятая правовая проблема связана с блокировкой продавцов. Так, зачастую в силу многочисленных судебных разбирательств владельцы агрегаторов отказывают в заключении договоров о сотрудничестве или размещении товаров продавцам, с которыми их связывал судебный спор. Значимой новеллой в правовом регулировании данной проблемы можно считать принятие «пятого антимонопольного пакета», так как теперь, согласно статье 10.1 Закона о защите конкуренции, хозяйствующий субъект, владеющий цифровой платформой (в том числе владелец агрегатора), не вправе препятствовать доступу на товарный рынок или выходу с него другим хозяйствующим субъектам. Однако данная норма не может полностью гарантировать сокращение неправомерных блокировок продавцов, поэтому следует разработать механизм предупреждения продавца владельцем агрегатора до непосредственной блокировки его личного кабинета.

Рассмотрев проблемы правового регулирования деятельности владельцев агрегаторов, стоит проанализировать, какие модели (траектории дальнейшего развития) обсуждаются на данный момент. Первая модель предполагает сдерживание роста товарного рынка в онлайн-среде путем расширения обязательств владельца агрегатора. Сторонники данной идеи предлагают принять законопроект об ужесточении регулирования деятельности владельцев агрегаторов, который пока еще находится в процессе разработки и требует значительной корректировки до первого чтения. Вторая модель, наоборот, направлена на активное развитие электронной торговли и предполагает выработку сбалансированных правил взаимодействия для того, чтобы избежать возможные риски для роста российской промышленности.

Сравнивая между собой две эти модели, можно констатировать, что необходима разработка такой гибкой траектории, которая бы учитывала интересы всех заинтересованных участников данных правоотношений, за исключением лиц, пользующихся инструментами интернет-торговли для обмана покупателей.

Необходимо выделить те правовые аспекты, которые должны быть четко проработаны и использованы в такой модели, исходя из вышеуказанных правовых проблем. Во-первых, следует разграничить понятия, связанные с владельцем агрегатора и указать на соотношение всех терминов, так или иначе связанных с его деятельностью. Во-вторых, необходимо усилить надзор в сфере предоставления информации потребителям,

---

¹ Краснова С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в РФ. 2022. № 1 (244). С. 76–77.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 года № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // Рос. газета. 2018. 4 июля.

осуществив комплексную проверку цифровых платформ. В-третьих, предлагается расширить перечень обязанностей владельца агрегатора в случаях, связанных с качеством товаров и услуг, механизмом ценообразования, утерей, подменой и утилизацией товаров, предоставленных продавцами. В-четвертых, необходимо ввести солидарную ответственность владельца агрегатора и продавца перед потребителями. В-пятых, разработать систему предупреждения до процесса блокировки во избежание нарушений прав продавцов в случае, если владелец агрегатора ошибочно заблокировал их личные кабинеты. Видится, что данные меры позволят добиться прогресса в рассматриваемой сфере и обеспечить то правовое регулирование деятельности владельцев агрегаторов, которое бы устраивало всех участников цифровых правоотношений.

Станислав П. Д.
Южный федеральный университет (ЮФУ)
Студент

Автоматизированные договоры

На протяжении всего существования человеку для жизни были необходимы различные блага, которые он мог получить многочисленными путями, не исключая взаимодействие с другими людьми, в том числе и в результате заключения сделок.

Само собой, первоначальные договоры были устными, затем, фиксировались на восковых табличках, а далее наносились на бумагу и ее аналоги. Сейчас же, в XXI веке, появились электронные договоры, всё больше и больше входящие в нашу жизнь.

На данный момент, несмотря на развитие технологического прогресса, в мире известно не так много договорных автоматизированных конструкций. Наиболее широкую популярность приобрели смарт-контракты, click-wrap/browse-wrap и договоры-конструкторы.

Самым широко распространенным и наиболее изученным является смарт-контракт. Изначально система блокчейн, которая составляет ядро умных сделок, была предложена американским криптографом Дэвидом Чаумом в 1982 году для работы с криптовалютой, однако, после претворения его идеи в жизнь, принцип работы блокчейна, а именно – поступательный переход от одного элемента к другому после выполнения определенных действий, был перенесен в более широкое договорное поле, в результате чего появились смарт-контракты. Первые умные контракты были определены также в США в 1990-х годах, после написания Н. Сабо своих теоретических работ. Там он излагал идею того, что такие сделки представляют собой: «совокупность обещаний в цифровой форме, включая протоколы, с помощью которых стороны исполняют данные обещания»¹. Такая точка зрения автора породила в дальнейшем множество дискуссий по поводу того, что смарт-контракт:

– договор (Савельев А. И.); – способ исполнения договора (Камалян В. М.); – форма договора (Богданова Е. Е.); – форма правовой самозащиты (Werbach K., Cornell N.)²

Таким образом, суть умных сделок – вопрос открытый, но, по нашему мнению, они представляют из себя форму сделки, записанную в виде программного кода.

Несмотря на более чем тридцатилетнее существование, смарт-контракты до сих пор имеют ряд проблем, таких как:

-невозможность ознакомиться с содержанием сделки, т.к. умный контракт, по своей сути – программный код, а не все владеют языком программирования;

-невозможность учета смарт-контрактом всех факторов влияния на договор, некоторые из которых – существенны (лицо с ограниченными возможностями приобрело в рамках кредитного договора специальное средство передвижения, отличающееся при неуплате средств в срок);

-возникновение ошибок в операционной системе.

Другой вид автоматизированных сделок – click-wrap и browse-wrap. Первый предоставляет лицу возможность быстро выразить свое положительное волеизъявление, даже не открывая условия соглашения, нажав клавишу «Я согласен». Второй же вид сделки действует еще быстрее, поскольку человек заключает сделку, не просто не выбирая какие-то варианты волеизъявления, а всего лишь перейдя на сайт по гиперссылке, предоставленной контрагентом. Такие модели договоров пришли в гражданско-правовые

---

¹ Szabo № Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets. 1996 // URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html

² Чурилов Алексей Юрьевич Смарт-контракты и принципы обязательственного права // Legal Concept. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-i-printsipy-obyazatelstvennogo-prava>.

отношения из Европы и пока что не успели получить в России надлежащего механизма регулирования¹. Во-первых, при участии в таких договорах не всегда существует фактическое понимание лицом сути соглашения, что приводит к дисбалансу интересов сторон и неуважению духа закона. Во-вторых, в ходе заключения browse-wrap соглашений, а именно при промедлении пользователя, могут наступить неблагоприятные для него последствия, поскольку суть таких сделок, как отмечалось ранее, в решительных действиях: прочитать условия контракта, или уйти с сайта. Помимо двух вышеописанных алгоритмов сделок, также существует scroll-wrap соглашения, в которых потребитель ознакомливается с нюансами и, по итогу, заявляет/не заявляет о своей готовности заключить сделку посредством совершения конклюдентных действий. Такой договор, из трех вышеназванных, наиболее соответствует правовым нормам Гражданского кодекса РФ и не несет рисков для сторон при его совершении.

Еще одной интересной формой автоматизации договорных отношений является договор-«конструктор», который составляется, с одной стороны программистом LegalTech, а с другой – потребителем. В результате участники гражданско-правовых отношений получают индивидуальную сделку с четко и понятно прописанными условиями. Однако, в случае взаимодействия с такой договорной конструкцией, есть риск невозможности учесть все тонкости (для специалиста LegalTech) и непонимания сущности соглашения (для потребителя), что приведет к печальным последствиям².

Итак, после изложения различных сложностей, связанных с обширным спектром автоматизированных договорных конструкций, следует привести решения, подходящие для того, или иного вида сделок.

Возвращаясь к проблематике умных-контрактов, можно предложить: копирование условий сделки и их обязательное представление потребителям, по причине невозможности ознакомиться с содержанием сделки; подробное описание условий, отражающих, к примеру, состояние здоровья стороны, или имеются какие-то факторы, ущемляющие одного из контрагентов; установить предел суммы контракта, для уменьшения рисков сторон, т.к. устранить ошибки в операционной системе полностью – весьма сложно.

Для решения вопросов, связанных с click-wrap, browse-wrap и scroll-wrap, то было бы целесообразно сформулировать четкие требования к оформлению документов, касающихся обработки личных данных лица, не устанавливать связь согласия на обработку персональных данных с заключением основного договора, и пользоваться scroll-wrap сделками, как наименее рисковыми для потребителя.

Говоря о проблемах договоров-конструкторов, можно предложить расширить вариативность системы LegalTech, позволив прописывать большее количество условий, а также разработку специальной инструкции, объясняющей принципы работы данной системы, которая будет предоставляться всем потребителям, взаимодействующим с LegalTech.

В заключении хочется надеяться, что существующие проблемы с автоматизированными договорами в скором будущем будут решены законодателем из-за их стремительной популяризации и крайней удобства.

Стаценко М. Г.

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС)

Студент

Цифровая трансформация субъектов гражданских правоотношений

Следует признать, что на современном этапе значительное влияние на развитие науки гражданского права оказывает процесс цифровизации, который сопровождается стремительным внедрением технологий во все сферы деятельности человека. Вышесказанное обусловлено тем, что созданные для дистанционной коммуникации цифровые платформы впоследствии сформировали глобальное информационное пространство, которое обеспечило людей возможностью реализации товаров и услуг в онлайн формате. Следовательно, можно утверждать, что сегодня осуществился переход гражданских правоотношений в цифровое пространство. В результате, описанные изменения гражданского оборота предопределили необходимость внесения изменений в действующее гражданское законодательство. В результате, в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) появились цифровые права, смарт-контракты и изменились правила о письменной форме сделки (к которой приравнивали совершение сделки с помощью электронных и иных технических средств).

¹ Шабаян Виолетта Сергеевна Соглашения click-wrap и browse-wrap: форма заключения договора // Сборник докладов I Международной научно-практической конференции / отв. ред. И. П. Зиновьев ; Южный федеральный университет. Ростов н/Д ; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. – 193-195 с.

² Михальская Нина О базовых юридических дисклеймерах при автоматизации договорной работы // 2021 URL: https://zakon.ru/blog/2021/2/2/o_bazovyh_yuridicheskikh_disklejmerah_pri_avtomatizacii_dogovornoj_raboty.

Однако наименее урегулированным вопросом остается влияние диджитализации гражданских правоотношений на правовой статус их участников. Для участия в цифровом гражданском обороте субъекты стали формировать свои виртуальные проекции или же «цифровые личности», через которые они приобретают права и исполняют обязанности. Цифровой личностью признается система данных о конкретном лице, состоящая из кодифицированной информации, которая может быть распространена в виртуальном пространстве и подлежит обработке искусственным интеллектом¹. В юридической науке в настоящее время нет единого мнения относительно правовой природы цифровой личности субъекта правоотношений.

Так, Д.А. Стренин утверждает, что цифровизация гражданского оборота привела к возникновению нового участника гражданских правоотношений – цифрового субъекта². Автор полагает, что существование лиц вне материального мира исключает возможность признания их физическими или юридическими лицами. На наш взгляд, данная позиция является спорной, поскольку автор не раскрыл специфику правосубъектности цифровых субъектов. Более того, признание законодателем нового субъекта права будет означать изменение всего гражданского законодательства.

Л. Ю. Василевская, рассматривая данную проблему справедливо отмечает, что за «виртуальным» лицом всегда «прячется» реальное. В связи с этим автор считает, что участниками гражданских правоотношений остаются существующие в реальном мире физические и юридические лица, а явление, которое правоведа признают «цифровым» субъектом, выступает средством отражения реального лица в информационной среде, с помощью которого оно может участвовать в гражданском обороте и реализовывать свои права и юридические обязанности в виртуальном пространстве³. Действительно, цифровая личность выступает средством реализации физическим лицом его гражданской правоспособности и дееспособности в виртуальном пространстве.

В связи со значительным объемом аккумулируемых информационно-телекоммуникационными системами данных правоведа признают цифровую личность комплексной категорией, состоящей из следующих элементов: цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след. Содержащаяся в глобальной информационной сети информация не является однородной, она может быть классифицирована по ее содержанию, способу получения, целевому назначению и т.д. Вышесказанное обуславливает необходимость выделения элементов цифровой личности субъекта гражданских правоотношений. Так, в юридической науке признается, что цифровую личность составляют цифровой образ, профиль и след, состоящий из информации о действиях, совершенных лицом в виртуальном пространстве⁴.

Основным элементом цифровой личности выступает цифровой образ субъекта гражданского права, поскольку именно через свои образы физические и юридические лица вступают в гражданские правоотношения. Данное понятие является собирательным: он представлен профилями, аккаунтами и учетными записями на различных цифровых платформах. В связи с тем, что создание цифрового образа является правом, а не обязанностью субъекта, он самостоятельно определяет объем и содержание информации, формирующей его виртуальную проекцию. Поскольку изначально аккаунты и профили использовались исключительно для дистанционной коммуникации, владельцы цифровых платформ не ограничивали пользователей в свободе формирования их цифровых образов.

Однако в настоящее время все больше субъектов гражданских правоотношений используют свои аккаунты для участия в цифровом гражданском обороте. Данное явление характерно как для физических и юридических лиц, создающих коммерческие или же бизнес-аккаунты, так и для лиц, которые через свои пользовательские аккаунты совершают онлайн-сделки. Несмотря на вышеописанную тенденцию, владельцы цифровых платформ не внесли изменений в пользовательские соглашения и не ограничили пользователей строгими требованиями персонификации и аутентификации. В результате глобальное информационное пространство наполнилось множеством поддельных аккаунтов («fake account»), что создало возможность участия неперсонифицированных или несуществующих субъектов в гражданских правоотношениях. Таким образом, в настоящее время далеко не за каждым цифровым образом стоит реальный субъект гражданского права.

---

¹ Степанов О. А., Степанов М. М. Правовое регулирование генезиса цифровой личности // *Правоприменение*. 2022. № 3. С. 20.

² Стренин Д. А. Цифровое лицо – новый субъект права / Д. А. Стренин, А. И. Мороз // *International & Domestic Law: Материалы XV Ежегодной всероссийской конференции по национальному и международному праву*, Площадка Google Meet, 18 декабря 2020 года. Екатеринбург : учебно-научная лаборатория «Sapientia», 2020. С. 27.

³ Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : в 5 т. / Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова, Ф. А. Тасалов ; отв. ред. Л. Ю. Василевская; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Т. 3. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2021. С. 70–72.

⁴ Степанов О. А., Степанов М. М. Указ. соч. С. 20.

В настоящее время в российском гражданском законодательстве не содержится нормативных положений, регулирующих цифровую личность физических и юридических лиц, в связи с чем отсутствует нормативно-правовое закрепление требования к персонификации граждан и организаций, участвующих в цифровом гражданском обороте. В статье 160 ГК РФ закрепляется правило совершения сделки в электронной форме, согласно которому сторона должна использовать «любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю»¹. Однако данное положение не исключает обозначенную проблему отделения цифровой личности от ее владельца.

На наш взгляд, решением вышеописанной проблемы идентификации физических и юридических лиц в виртуальном пространстве выступит разработка соответствующей законодательной базы и, прежде всего, конечно, принятие Цифрового Кодекса. Кроме того, в настоящее время Государственная дума рассматривает Законопроект № 992331-7², который регламентирует порядок обезличивания персональных данных в информационной среде и закрепляет требования к процедуре аутентификации и идентификации физических лиц в информационно-телекоммуникационных системах. Принятие данного законопроекта поспособствует формированию «цифровой среды доверия»³ для пользователей информационно-телекоммуникационных систем и, по нашему мнению, поможет исключить возможность участия в гражданских правоотношениях неидентифицированных субъектов.

Степанова В. С.

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

Студент

Особенности дистанционного заключения договора банковского вклада

Договор банковского вклада можно назвать одним из широко распространенных договоров как среди физических, так и юридических лиц. При этом в настоящее время в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий заключение такого договора зачастую происходит удаленно. Данная тенденция подтверждается и представителями банковской сферы, которые отмечают высокий спрос на дистанционные вклады в последнее время, а также мобильность и экономию времени как преимущества заключения такого договора⁴.

Такой феномен, безусловно, удобен для вкладчиков и значительно упрощает гражданский оборот, однако дистанционное заключение создает правовую неопределенность в части соблюдения письменной формы, которая требуется по п. 1 ст. 836 Гражданского кодекса РФ под страхом ничтожности. В связи с этим в данной работе рассматриваются требования к форме договора банковского вклада и специфика их соблюдения применительно к дистанционному договору, а также возможные варианты преодоления сложностей при удаленном способе заключения банковского вклада.

Прежде всего, если обращаться к общим положениям о форме договора банковского вклада, то п. 1 ст. 836 ГК РФ устанавливает обязательность его заключения в письменной форме. Данному требованию будут соответствовать, например, составление одного документа, подписанного сторонами, обмен письменными офертой и акцептом или внесение вклада в ответ на письменную оферту банка. Более того, п. 1 ст. 836 ГК РФ содержит перечень документов, которые подтверждают соблюдение письменной формы: например, сберегательная книжка, сберегательный или депозитный сертификат либо иной выданный банком вкладчику документ. Соответственно данный перечень можно назвать неисчерпывающим, что может говорить о высокой возможности доказать как вкладчику, так и банку соблюдение письменной формы договора банковского вклада.

Как ранее упоминалось, форма банковского вклада является конститутивной, то есть несоблюдение письменной формы означает ничтожность в соответствии с п. 2 ст. 836 ГК РФ, в связи с чем важно ее соблюдение именно в дистанционных договорах банковского вклада, в которых нет «привычного» составления одного документа.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»: законопроект № 992331-7 / sozd.duma.gov.ru // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/992331-7> (дата обращения: 27.11.2023).

³ Кузнецов Владимир Иванович, Кабытов Павел Петрович Теоретические подходы к категории «цифровая среда доверия» // Юридические исследования. 2021. № 2. С. 71.

⁴ Алешкина Т. Вкладчик на расстоянии // Банки.ру. // URL: <http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=2923335/> (дата обращения: 15.02.2024).

Обращаясь к электронной форме договора банковского вклада, следует отметить, что типичным способом заключения такого дистанционного вклада является обмен письменными офертой и акцептом, так как данная форма включает обмен электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющими достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору, в соответствии с п. 2 ст. 434 ГК РФ.

Помимо положений ГК РФ, договор банковского вклада регулируется также нормами ФЗ «О банках и банковской деятельности», в связи с чем возможно возникновение коллизий между указанными актами. Применительно к вопросу дистанционного заключения, интересно посмотреть на содержание ст. 36 ФЗ «О банках и банковской деятельности», которая устанавливает именно бумажный вариант оформления договора (в двух экземплярах, один из которых выдается вкладчику), исключая возможность электронного варианта заключения договора. Однако такая коллизия норм ГК и ФЗ может объясняться тем, что норма ФЗ является устаревшей и не учитывает динамику изменений гражданского оборота¹.

Что касается использования сберегательной книжки, сберегательного или депозитного сертификата, то такие документы вряд ли применимы при дистанционном заключении договора банковского вклада, так как законодатель предъявляет к ним требование о документальной форме, что сложно соблюсти при удаленном способе.

Важной проблемой применительно к дистанционному заключению договора банковского вклада является необходимость личного присутствия клиента для установления его личности при открытии счета, что является затруднительным при использовании электронных средств. Необходимо учитывать, что договор банковского вклада является реальным, следовательно помимо создания и выдачи определенного документа для возникновения отношений по договору вкладчику необходимо внести определенную сумму на депозитный счет².

Так, в соответствии с п. 1.6 Инструкции Банка России от 2021 года № 204-И «Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам)» до открытия счета банк должен установить, действует ли лицо, обратившееся для открытия счета, от своего имени, по поручению или от имени другого лица, которое будет клиентом. В случае же, если обратившееся для открытия счета лицо является представителем клиента, банку необходимо установить личность представителя клиента и наличие у него полномочий на такие действия.

Кроме того, подобное требование содержится и в п. 5 ст. 7 ФЗ «О противодействии легализации...», в соответствии с которым запрещается открывать вклады клиентам без личного присутствия физического лица, открывающего вклад, либо представителя клиента. При этом в качестве исключения упоминается ситуация, при которой клиент либо представитель клиента уже ранее был идентифицирован при личном присутствии банком.

Данное уточнение позволяет говорить о возможности заключения договора банковского вклада с помощью электронных средств. Однако в случае, если идентификации вкладчика ранее не было, то дистанционная форма заключения договора банковского вклада не применима ввиду публично-правовой цели противодействия отмыванию нелегальных доходов и терроризму³.

Не стоит забывать о том, что договор банковского вклада с вкладчиком-гражданином является публичным, согласно п. 2 ст. 834 ГК РФ. Соответственно, отнесение законодателем договора банковского вклада к публичным уже обосновывает факт повышенной защиты вкладчиков со стороны государства, поэтому необходимость предъявления требований к порядку заключения договора вклада и наличие ограничений в законодательстве могут объясняться его публично-правовым значением.

Несмотря на вышеуказанные ограничения в законодательстве, на практике использование дистанционных банковских вкладов широко распространено, в связи с чем следует рассмотреть возможные способы заключения договора банковского вклада удаленно с учетом и соблюдением императивных норм законодательства.

Интересным вариантом заключения дистанционного договора банковского вклада является использование электронной цифровой подписи (ЭЦП), так как с ее помощью становится возможным

---

¹ Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807-860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос: Статут, 2019. С. 847. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.)

² Фабричнов А. Г. Проблемы использования электронных средств связи в отношениях, возникающих из договора банковского вклада // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 281.

³ Давидян Б. А. Сложности соблюдения письменной формы договора банковского вклада, заключенного через интернет, и пути их преодоления // Современные инновации. 2017. № 1 (15). С. 70.

идентифицировать вкладчика без его личного присутствия при заключении договора. Обращаясь к нормативному закреплению, в ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об электронной подписи» устанавливается, что документ в электронной форме, подписанный квалифицированной электронной подписью, признается равнозначным бумажному документу, подписанному собственноручной подписью, и может применяться в любых правоотношениях, кроме тех, где императивно законодательством установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе.

Соответственно, использование ЭЦП при заключении дистанционного договора банковского вклада возможно ввиду отсутствия ограничений со стороны законодателя¹. При этом, электронные документы, подписанные такой квалифицированной электронной подписью, позволят достоверно определить лицо, подписавшее электронный документ, и будут иметь доказательственное значение соблюдения письменной формы договора вклада, а также являться подтверждением подлинности, авторства и целостности документа, который ее включает².

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что в настоящее время существуют сложности соблюдения письменной формы при заключении дистанционного договора банковского вклада без предварительной идентификации вкладчика банком или без использования электронной цифровой подписи. Возможно, стоит говорить о необходимости введения отдельной электронной формы заключения договора банковского вклада и признания ее законодателем наравне с письменной формой договора для того, чтобы избежать сложностей с его дистанционным заключением и упростить гражданский оборот.

Толмачева А. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аспирант

Проблемы управления в многоквартирных домах: пути решения с использованием цифровых технологий

Согласно ч. 1 ст. 44 Жилищного кодекса Российской Федерации³ (далее – ЖК РФ), общее собрание собственников (далее – ОСС) помещений в многоквартирном доме (далее – МКД) является органом управления МКД, на котором собственники помещений выбирают один из способов управления МКД: управление товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом; управление управляющей организацией; непосредственное управление собственниками помещений в МКД, количество квартир в котором составляет не более чем 30 (тридцать). ОСС помещений в МКД является обязательным органом управления вне зависимости от выбранного способа управления и правового оформления юридического лица (его организационно-правовой формы) или вовсе без образования юридического лица. Компетенция ОСС помещений в МКД определена в ч. 2 ст. 44 ЖК РФ.

Правоприменительная практика выявила множество проблем при проведении ОСС⁴, в их числе представляются особо актуальными проблема отсутствия возможности пресечения проведения заведомо незаконного ОСС и проблема фальсификации протоколов ОСС помещений в МКД. Федеральный закон от 4 августа 2023 года № 441-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации»⁵ внес поправки в части проведения общих собраний собственников помещений в МКД, однако вышеуказанные проблемы не были разрешены до конца.

Действующий порядок проведения общего собрания собственников, предусмотренный положениями ст. 45 ЖК РФ, не предполагает каких-либо механизмов контроля за правомерностью действий инициатора

¹ Давидян Б. А. Сложности соблюдения письменной формы договора банковского вклада, заключенного через интернет, и пути их преодоления // Современные инновации. 2017. № 1 (15). С. 70.

² Ефимова Л. Г. Правовые особенности электронной формы банковских сделок // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 1 (29). С. 39.

³ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

⁴ Письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 15.08.2023 № 48975-КМ/14 «Об оспаривании решений общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407558910/> (дата обращения: 20.02.2024) ; Законопроект № 285045-8 о внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации (в части совершенствования порядка проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/285045-8> (дата обращения: 20.02.2024).

⁵ Федеральный закон от 04.08.2023 № 441-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6173.

общего собрания и лиц, способствующих ему в организации общего собрания. Жилищное законодательство предусматривает лишь набор определенных формальных требований, при условии соблюдения которых решения собственников помещений многоквартирного дома, а также протокол общего собрания собственников будут иметь юридическую силу.

Вместе с тем и собственник помещения МКД, в рамках которого проводится ОСС, и должностное лицо органа, осуществляющего контрольно-надзорные полномочия в сфере ЖКХ, которые имеют основания полагать, что ОСС проводится с нарушением норм права путем фальсификации и подлога документов, а также создания искусственных условий для исполнения формальных требований порядка проведения ОСС (например, фотографирование уведомлений о проведении общего собрания на информационных стендах подъездов с последующим их снятием), лишены возможности пресечь проведение заведомо незаконного общего собрания собственников.

Жилищное законодательство и гражданское законодательство предусматривают возможность оспаривания решений общего собрания только в судебном порядке (ч. 6 ст. 46 ЖК РФ и п. 1 ст. 181.3 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ)). Другими словами, лица, сомневающиеся в правомерности проведения общего собрания собственников, лишены возможности воспрепятствовать проведению заведомо незаконного ОСС. Такая ситуация может создавать условия для нарушения прав собственников. Разрешение данной проблемы представляется возможным при помощи использования цифровых технологий, в частности отправки онлайн уведомлений собственниками помещений в МКД в контрольно-надзорные органы о происходящем проведении заведомо незаконного ОСС, чтобы последние предприняли меры по проверке соблюдения законодательства при проведении ОСС и в случае выявления нарушений осуществили мероприятия по их устранению.

При проведении общего собрания собственников возможно использование онлайн голосования при помощи цифровых технологий. К онлайн голосованию предлагается отнести голосование при помощи платформы Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства (далее – ГИС ЖКХ) (для всех желающих, независимо от субъекта РФ) и голосование при помощи «Электронного дома» на портале Mos.ru (для жителей г. Москвы).

К офлайн способам голосования следует отнести личное заполнение бланка решения при непосредственном присутствии собственника на очной части ОСС, заполнение лично бланка решения и направление его подлинника в уполномоченные органы исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющие государственный жилищный надзор (далее – органы ГЖН), а также личное заполнение в многофункциональных центрах государственных услуг (далее – МФЦ) бланка решения, который в дальнейшем в рамках межведомственного взаимодействия будет направлен МФЦ в органы ГЖН.

Несмотря на всю практичность и удобность онлайн голосования при помощи цифровых технологий, важно обеспечить сочетание онлайн способов голосования с офлайн голосованием ввиду того, что далеко не все собственники жилых помещений на регулярной основе смогут использовать цифровые технологии и понимают весь их функционал. Среди них особенно необходимо выделить пожилых граждан, несовершеннолетних граждан и лиц с ограниченными возможностями.

Необходимо отметить, что реализация прав не может быть поставлена в зависимость от наличия у собственника помещения доступа к сети «Интернет» и личного кабинета в ГИС ЖКХ. Вместе с тем, сочетание офлайн и онлайн способов голосования на ОСС помещений в МКД не вступает в противоречие с принципом равенства прав и свобод человека, предусмотренным ч. 2 ст. 19 Конституции РФ².

Вместе с тем представляется целесообразным законодательное закрепление возможности использования гибридной формы проведения общего собрания собственников. Сейчас в ст. 44.1 ЖК РФ установлены 3 (три) формы общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме: очное голосование (посредством очного присутствия собственников помещений для обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование), заочное голосование (опросным путем или с использованием системы в соответствии со ст. 47.1 ЖК РФ) и очно-заочное голосование. Предлагается заменить имеющиеся формы ОСС помещений в МКД на одну форму – гибридное голосование. При таком подходе гибридное голосование будет включать в себя офлайн способы голосования и онлайн голосование при помощи цифровых технологий. Наименование данного голосования как гибридного представляется верным, так как оно наиболее соответствует его сути.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

Необходимо установить правило о том, что в ситуации, когда собственник проголосует два раза (онлайн и офлайн), и его решение будет различаться (не будет идентичным), то подлинным признается то решение собственника, которое подтверждает факт голосования посредством ГИС ЖКХ, «Электронного дома» на портале Mos.ru или через МФЦ, ввиду наличия верификации таких решений посредством учетной записи и авторизации на сайте Госуслуг, на портале Mos.ru и предъявления паспорта и подтверждения личности в МФЦ. Правило приоритетности решений собственников посредством голосования, имеющего верификацию таких решений, следует закрепить в ЖК РФ.

В аспекте предполагаемого использования гибридного голосования особое значение приобретает вопрос координации взаимодействия между ГИС ЖКХ и МФЦ, который целесообразно возложить на территориальные органы государственного жилищного надзора.

Поскольку для создания правовых последствий необходимо оформить протокол ОСС, то для этого инициатор собрания должен иметь доступ к результатам голосования, но без возможности внесения корректировок в решения собственников, с целью оформления им протокола ОСС. В свете выработки совершенствования правового регулирования особое значение имеет создание условий для обеспечения реального доступа к объективным результатам голосования с целью оформления протокола ОСС.

Также необходимо законодательно закрепить в ЖК РФ положение превентивного характера, обеспечивающее возможность проверки со стороны органов ГЖН решения ОСС помещений в МКД на предмет его ничтожности в случае, когда от собственников МКД массово поступают заявления о фальсификации бланка решения и/или заявления о неучастии в ОСС. Под массовостью стоит понимать поступление данных заявлений от 10 % (десяти процентов) собственников помещений в МКД. В случае закрепления правила приоритетности решений собственников посредством голосования, имеющего верификацию таких решений, обстоятельная проверка со стороны органов ГЖН решения ОСС помещений в МКД на предмет его ничтожности будет эффективной и может предотвратить исполнение незаконного протокола ОСС и негативные последствия, связанные с этим протоколом.

Таким образом, указанные предложения по совершенствованию правовой регламентации проведения ОСС помещений в МКД могут сократить случаи фальсификации бланков решений собственников и, как следствие, обеспечить достоверность протокола ОСС помещений в МКД.

Федоренко М. Р.

Южный Федеральный университет (ЮФУ)

Студент

Особенности правового регулирования нейрохакинга

Периферическая нервная система человека – одна из самых загадочных областей науки, которая до сих пор слабо изучена, представляет собой широкое поле для исследований. Нейрохакинг в современном мире – это практика использования различных методов и технологий для улучшения и оптимизации работы мозга и нервной системы. С помощью нейрохакинга осуществляется своего рода «цифровой тюнинг» человеческого мозга.

Одна из областей нейрохакинга, которая привлекла к себе значительное внимание, – это улучшение когнитивных способностей. Люди все чаще ищут способы развить память, концентрацию внимания, творческие способности и общую когнитивную производительность.

Достижения генной инженерии и нейронауки также способствовали исследованию более футуристических форм нейрохакинга. Такие техники, как оптогенетика, когда в нейроны вводятся светочувствительные белки для контроля их активности, создают точную и целенаправленную модуляцию мозговых цепей.

Использование современных технологий в биоинженерии вызывает не только естественно-научные споры, но и вопросы о правовом регулировании такого синтеза человеческого организма и цифровых разработок. Вопрос законодательного регулирования в России и за рубежом находится только в зачаточном состоянии ввиду неопределенности направления и динамики развития нейротехнологий, невозможности точного прогнозирования последствий их использования. Кроме того, на сегодняшний день известны лишь единичные случаи применения биотехнологий, не говоря уже об отсутствии судебных споров в данной сфере.

Уже сегодня осуществляется внедрение нанотехнологий в организм человека. Так, в начале 2024 года американский предприниматель Илон Маск заявил о вживлении в мозг человека нейрочипа Neuralink, который позволяет с помощью мыслей использовать гаджеты. Данная технология представляет собой микрокапсулу, которая крепится за ухом, как слуховой аппарат, и от которой к мозгу идут нитевидные

электроды¹. Два годами ранее компания Маска уже проводила подобные опыты, но на животных, в частности на шимпанзе, которая научилась играть в видеоигры с помощью чипа.

Говоря о правовом регулировании, необходимо отметить положения дорожной карты Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, которые относят к нейрохакингу нейропротезирование, нейроинтерфейсы, и нейростимуляции².

На данный момент предпринята попытка регулирования синтеза искусственного интеллекта и биотехнологий в РФ такими нормативными актами, как:

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 490 от 10.10.2019³.

2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации, цель которого – создать базовые условия для развития правового регулирования цифровых технологий в сфере медицины.

Наряду с динамичным развитием искусственного интеллекта особое значение стали обретать нейротехнологии, которые в скором будущем позволят расширить возможности естественного интеллекта и интегрировать его с искусственным, создав синтез человеческого разума и цифровых технологий.

Развитие нейротехнологий, в частности нейрохакинга, существенно влияет на объем правосубъектности в силу нескольких факторов:

1. появление новых субъектов права, таких как кибернетические организмы и киборги;
2. возникновение новых прав у этих субъектов;
3. их общественное значение для повышения качества жизни людей с ограниченными возможностями;
4. потенциальное социальное неравенство, которое может возникнуть, когда один субъект права, использующий искусственный нейронный интеллект (ИНИ), получает преимущество перед другим, не имеющим доступа к таким технологиям⁴.

Яркой иллюстрацией того, как нейрохакинг влияет на расширение субъективных прав является признание новых прав, в том числе:

- право на когнитивную свободу, включающее свободу использования нейротехнологий в личных целях, а также защиту от их непреднамеренного или пагубного применения;
- право на психическую конфиденциальность, касающееся защиты активности мозга как автономного источника персональных данных.

Для глубокого изучения этой темы крайне важно проанализировать ее с двух точек зрения:

1. влияние нейрохакинга на правовой статус лиц с ограниченными возможностями, в том числе с психическими расстройствами, которые могут быть признаны ограниченно дееспособными или недееспособными;

2. влияние нейрохакинга на правовой статус дееспособных лиц. Согласно пункту 1 статьи 21 Гражданского кодекса Российской Федерации, под дееспособностью понимается способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, нести гражданские обязанности и исполнять их.

Можно резюмировать, что ограниченная дееспособность или недееспособность может быть определена как форма психической инвалидности. Развитие нейротехнологий проложило путь к восстановлению как психических, так и физических недостатков благодаря прогрессу в биомедицинской инженерии и нейробиологии. К ним относятся разработка и использование нейропротезов, призванных заменить сенсорные и моторные функции у людей с ограниченными возможностями, таких как кохлеарные устройства, роботизированные ноги, роботизированные руки и бионические глаза.

На наш взгляд, хотя нейрохакинг и открывает широкие возможности, необходимо также учитывать этические аспекты и вопросы безопасности. Некоторые вмешательства могут иметь непредвиденные последствия, а долгосрочные эффекты не всегда хорошо изучены.

---

¹ РБК Маск сообщил о вживлении правому человеку нейрочипа Neuralink в мозг // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/30/01/2024/65b83ecd9a7947a9e8fdd575?ysclid=lsrbh4ynf9855094858.

² «Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». дата обращения: 18 февраля, 2024. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6658>.

³ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁴ Черфас Р. А. Влияние нейрохакинга на правосубъектность физического лица / Р. А. Черфас // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета, Уфа, 22 апреля 2022 года. Уфа : Башкирский государственный университет, 2022. С. 294–299. DOI: 10.33184/spprchppr-2022-04-22.60. – EDN® PMJTDN®.

Мы полагаем, что на данном этапе необходимо строгое правовое регулирование технологий нейрохакинга. Однако важно найти баланс между ограничениями, защищающими людей от потенциального вреда, и сохранением прав и свобод человека.

Для решения этих проблем различные группы исследователей, изучающих возможности мозга, объединились, чтобы выступить за установление нейронных прав человека. Ярким примером является американская инициатива US BRAIN Initiative и Morningside Group, которая призвала включить во Всеобщую декларацию прав человека ряд нейроправ, которые включают в себя такие принципы, как свобода воли, ментальная неприкосновенность, равный доступ к технологиям, улучшающим работу мозга, и защита от алгоритмических манипуляций.

Для того чтобы эффективно регулировать развитие и применение нейрохакинга, необходимо соблюсти ряд условий.

Во-первых, необходимо расширить понятие правосубъектности, чтобы охватить все особенности, создаваемые передовыми нейротехнологиями.

Во-вторых, необходимо принять меры по привлечению лиц к ответственности за любые нарушения правовых норм при использовании искусственного интеллекта общего назначения (ИОНИ).

Кроме того, необходимо обеспечить государственный надзор и контроль за деятельностью лиц, обладающими нейротехнологиями, чтобы гарантировать защиту частной жизни и предотвратить несанкционированное использование.

Подводя итоги, на наш взгляд, важно отметить, что правовое регулирование нейрохакинга представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую тщательного учета различных факторов. Нейрохакинг, как быстро развивающаяся область, обладает огромным потенциалом для расширения человеческих возможностей и понимания уникальности человеческого мозга.

Для разработки эффективной и достаточной правовой базы регулирования нейрохакинга крайне важно учитывать междисциплинарность данного правового явления. Особенно важно в эпоху повсеместной цифровизации найти баланс между поощрением инноваций в области нейротехнологий и защитой основных, неотъемлемых прав человека.

Кроме того, создание нейроправа, за которое выступают различные группы, может стать необходимой основой для обеспечения безопасного и этичного использования технологий нейрохакинга. Эти права должны включать в себя такие принципы, как ментальная неприкосновенность, равный доступ к биотехнологиям, защита от преднамеренного вмешательства.

Хаматнурова А. М.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Статус маркетплейса в деловом обороте и судебной практике

На данный момент нормативного понятия маркетплейса не существует, статус таких участников бизнеса не закреплен и их отношения с контрагентами не урегулированы специальными нормами.

В законопроекте № 445923-8¹ предлагается дать новое определение понятию «агрегатор информации о товарах (услугах) (далее – маркетплейс)», расширив понятие и все же приравняв маркетплейс к агрегатору. При этом субъект законодательной инициативы различает маркетплейс как «программу для электронных вычислительных машин и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», позволяющие потребителю одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара дистанционным способом (договора возмездного оказания услуг дистанционным способом), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи дистанционным способом (договор возмездного оказания услуг дистанционным способом), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу маркетплейса в рамках применяемых форм безналичных расчетов в соответствии с пунктом 3 статьи 16.1 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» и Федеральным законом Российской Федерации от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»;» и владельца маркетплейса как организацию «независимо

---

¹ Законопроект № 445923-8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (в части организации деятельности маркетплейсов) // Система обеспечения законодательной деятельности URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8> (дата обращения: 01.02.2024) ;

от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»...».

Законопроект предполагает введение понятий «продавец товаров на маркетплейсах», «пункт выдачи заказов маркетплейсов», «владелец пункта выдачи заказов маркетплейсов», описывает особенности функционирования (взаимоотношения) владельцев маркетплейсов, продавцов товаров на маркетплейсе и владельцев ПВЗ (при этом не затрагивая отношения с покупателями), определяя статус и других участников исследуемых правоотношений. Возможно, данная мера может стать эффективной в текущий момент, но ввиду складывающейся практики¹ может повлечь неожиданные последствия, поскольку не учитывает финансовые агрегаторы и, например, сервисы поиска авиа- и железнодорожных билетов, агрегаторы услуг перевозки пассажиров (такси), которые и подпадают под действующее понятие агрегатора. Но на данный момент законопроект не рассмотрен и в первом чтении.

Роспотребнадзор² при определении правового статуса маркетплейса приравнивает его ко владельцу агрегатора информации о товарах, используя термин из Закона о защите прав потребителей³. При этом маркетплейс выполняет не только информационную функцию, но и выступает агрегатором для заключения договоров купли-продажи. Полагаю, данного понятия недостаточно для характеристики роли маркетплейсов в деловом обороте.

Маркетплейс, по мнению автора, – организация, обеспечивающая работу торговой площадки в сети «Интернет», которая связывает между собой множество продавцов, занимающихся предпринимательской деятельностью, и покупателей путем размещения объявлений о продаже товаров, обеспечивает заключение сделок, принимает оплату за товары, организует хранение и доставку товаров, обеспечивает безопасное проведение сделок, получает за свои услуги плату (например, в виде комиссии).

Отсутствие специальных норм не выводит маркетплейсы из правового поля. В значительном количестве случаев на маркетплейсах (представим себе традиционный рынок) заключаются договоры именно розничной купли-продажи, заключаемый посредством сети Интернет.

Каждое объявление о продаже товаров – публичная оферта, даже если это не заявлено в правилах пользования торговой площадкой (которые также являются публичной офертой⁴), в этом контексте интересна позиция ВС РФ, изложенная в одном из обзоров судебной практики⁵.

«Размещенное на сайте продавца предложение о продаже товара, обращенное к неопределенному кругу лиц и содержащее подробную информацию о товаре и его цене, является публичной офертой. После получения продавцом сообщения потребителя о намерении заключить договор на условиях публичной оферты продавец не вправе в одностороннем порядке изменить объявленную цену товара».

То есть, акцепт договора на маркетплейсе происходит при выражении покупателем желания приобрести товары, которое выражается с помощью кнопки «Оформить заказ» или синонимичной. «Фиксация цены происходит в момент заключения договора между покупателем и интернет-магазином, который определяется моментом оформления заказа с присвоением ему номера, который позволяет потребителю получить информацию о заключенном договоре розничной купли-продажи и его условиях. Изменить цену, объявленную в момент оформления заказа, продавец в одностороннем порядке не вправе». Следовательно, речь идет не о споре о достоверности информации о цене, а о возможности изменения цены как условия договора.

Правила маркетплейса «Ozon» в полной мере это иллюстрируют: «Товар в Заказе оплачивается по цене, указанной на момент нажатия кнопки «Оплатить онлайн» / «Оформить заказ» при оформлении Заказа». Интересно, что современная позиция ВС РФ вступает частично в противоречие с Правилами продажи товаров при дистанционном способе продажи товара по договору розничной купли-продажи, установленных

¹ Генпрокуратурой России завершена проверка компании Wildberries URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=91488185> (дата обращения: 09.02.2024).

² Роспотребнадзор информирует потребителей об условиях возврата товаров с недостатками [сайт] URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=24113 (дата обращения: 01.02.2024).

³ Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (с изм.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 9 апреля 1992 г., № 15. Ст. 766.

⁴ Условия продажи для физических лиц в Ozon. URL: <https://docs.ozon.ru/common/pravila-prodayoi-i-rekvizity/usloviya-prodayoi-tovarov-dlya-fizicheskikh-lits-v-ozon-ru/?country=RU#условия-продажи-товаров-для-физических-лиц-в-ozonru> (дата обращения: 08.02.2024).

⁵ Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.10.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 1, январь, 2024.

Правительством¹, которые определяют момент заключения договора выдачей продавцом потребителю кассового или товарного чека либо иного документа, подтверждающего оплату товара, или с моментом получения продавцом сообщения потребителя о намерении заключить договор розничной купли-продажи.

Это важно, поскольку цены на маркетплейсах отличаются динамикой по сравнению с обычными магазинами и даже интернет-магазинами, что связано в том числе с распродажами как маркетинговым инструментом. Особенно интересно это правило в контексте возможности получения товара с браком. В случае, если покупатель – потребитель, то в таком случае на арену выходит ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей»². У потребителя есть выбор, что потребовать от продавца, однако чаще всего маркетплейс не оставляет выбора и даже в оферте-условиях пользования площадкой указывает возвращение денежных средств как единственный способ разрешения конфликта, не упоминая о других. В большинстве случаев покупателей это устраивает, однако бывают ситуации иного характера. Если покупателю все же нужен именно товар, он может заказать его снова, но что делать, если цена на него уже увеличилась? Маркетплейс может компенсировать разницу в ценах баллами, то есть, сделать скидку. Хотя, казалось бы, договор был заключен между покупателем и продавцом. Здесь открывается вопрос о характере отношений между покупателем и маркетплейсом.

Доставка товара с браком означает ненадлежащее исполнение продавцом или маркетплейсом обязательства, а вот отмена заказа означает неисполнение обязательства. Нередки ситуации, когда продавец отменяет доставку товара, возвращает покупателю деньги, отказываясь от договора в одностороннем порядке. Одно такое дело дошло до Верховного суда³, который установил, что возврат продавцом уплаченных по публичному договору денежных средств без законных на то оснований не влечет юридических последствий, и сам по себе возврат уплаченных за товар денежных средств не является основанием, предусмотренным законом, для отказа от исполнения обязательства.

Эту линию продолжает уже упомянутый обзор судебной практики: «Продавец не вправе включать в публичную оферту условие о возможности отмены им в одностороннем порядке оформленного заказа».

Несмотря на широкое распространение маркетплейсов, их популярность у малого и среднего бизнеса, вопросы правового статуса самих маркетплейсов и других участников торговли, а также характер правоотношений, возникающих между ними, остается неурегулированным, но за последний год судебная практика выявила пробельность защиты прав потребителей и продавцов по сравнению с экономически более влиятельным маркетплейсом.

Храпач А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

3D-биопринтинг: технологический прорыв и перспективы развития современного права

В настоящее время направление биопринтинга активно развивается: из абсолютной фантастики оно становится перспективным методом тканевой инженерии и регенеративной медицины. Биопринтинг – это технология создания тканеинженерных конструкций из биологических клеток (биочернил) на 3D-биопринтерах. Технология 3D-биопечати в будущем может решить одну из главных проблем медицины – дефицит донорских органов. При этом необходимо различать биопринтинг *in situ* и *in vitro*.

При биопечати *in situ* («на месте») происходит создание трехмерных структур из биологических материалов на теле пациента во время хирургической операции. Данный метод не предполагает предварительного создания 3D-моделей органов и тканей и их последующей имплантации в организм. Такой способ может использоваться для лечения обширных дефектов мягких тканей (при ожогах, глубоких ранах кожных покровов).

---

¹ Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изм.) // СЗ РФ. 2021. № 3. Ст. 593.

² Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> ;

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2023 № 7-КГ23-4-К2 // СПС «Консультант.Плюс».

Первая в мире операция с биопечатью *in situ* на человеке была проведена в России в декабре 2023 года¹. С использованием биопринтера, состоящего из «роборуки», системы биопечати и компьютерного зрения, неинвазивным способом была закрыта глубокая рана на теле человека биочернилами, содержащими, в том числе клетки костного мозга пациента.

Учитывая, что биопринтинг *in situ* вышел за пределы лабораторных исследований, необходимо определить правовой режим используемых и получаемых объектов.

При биопечати *in situ* как таковых 3D-моделей органов и тканей человека как объектов материального мира не возникает. При нанесении биочернил на тело пациента они сразу становятся неотъемлемой частью организма. Что касается самих биочернил до биопечати, то их можно рассмотреть в качестве биомедицинского клеточного продукта. В их состав входят живые клетки, а также натуральный или синтетический биоматериал: гидрогели (например, коллаген, гиалуроновая кислота) или синтетические полимеры. Кроме того, могут добавляться биоактивные молекулы и наноматериалы².

В соответствии с Федеральным законом «О биомедицинских клеточных продуктах» под биомедицинскими клеточными продуктами понимается комплекс, состоящий из клеточной линии (клеточных линий) и вспомогательных веществ³. Если они содержат в своем составе клеточную линию (клеточные линии) определенного человека и предназначены для применения этому человеку, то это аутологичный биомедицинский клеточный продукт.

Соответственно, биочернила, применяемые при биопечати, можно отнести к биомедицинскому клеточному продукту, что позволяет распространить на них действие Федерального закона «О биомедицинских клеточных продуктах».

Биопринтинг *in vitro* – это технология создания из биочернил 3D-моделей органов и тканей с возможностью их последующей имплантации.

В лабораториях всего мира уже получилось создать конструкции кожных покровов, печени, миокарда, кровеносных сосудов, костной и хрящевой ткани⁴.

В феврале 2024 года российским ученым Научно-технологического парка биомедицины ПМГМУ имени И.М. Сеченова удалось пересадить фрагмент печени, который был напечатан на 3D-биопринтере, лабораторной мыши. Уже летом планируется масштабный эксперимент по пересадке биопринтных органов значительному количеству животных для получения статически значимых результатов⁵. Учеными из США в 2022 году была проведена успешная имплантация человеку напечатанной на 3D-биопринтере ушной раковины⁶.

Правовой режим биопринтных органов и тканей до сих пор остается неопределенным. С одной стороны, биопечатные органы и ткани приближены к донорским, поскольку они выполняют сходные функции естественных органов и тканей. С другой стороны, существенным отличием является технология их получения (при помощи биопринтинга или от донора). При 3D-биопечати создается аналог органа из клеток пациента. При трансплантации ткань или орган пересаживается от донора к реципиенту во время операций, что несет в себе определенные риски как для донора, так и для реципиента. Поэтому положения Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека», значительно ограничивающие оборотоспособность органов и тканей человека, не способны урегулировать общественные отношения, возникающие при биопринтинге.

Исходя из определения понятия медицинские изделия, приведенного в статье 38 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», биопринтные органы и ткани можно отнести и к ним. Медицинские изделия представляют собой любые инструменты, аппараты, материалы и прочие изделия, которые применяются для лечения, медицинской реабилитации заболеваний,

---

¹ Печать органов и тканей. В России назревает прорыв биопринтинга // URL: <https://ria.ru/20240122/nauka-1922314175.html> (дата обращения: 09.02.2024).

² Gungor-Ozkerim P.S, Inci I, Zhang Y.S, Khademosseini A, Dokmeci M. R. Bioinks for 3D bioprinting: an overview // *Biomater Sci.* 2018. 6. P. 919–923.

³ Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах» от 23.06.2016 № 180-ФЗ // СЗ РФ, № 26 (ч. I), 27.06.2016, ст. 3849.

⁴ Булгин Д. В., Ковтун А. Л., Решетов И. В., Радомская Е. Ю. Перспективы создания искусственных тканей и органов человека на основе метода трехмерной биопечати // *Вестник трансплантологии и искусственных органов.* 2023. № 2. С. 68.

⁵ В Сеченовском Университете пересадили лабораторной мыши фрагмент печени, напечатанной на биопринтере. URL: <https://www.sechenov.ru/pressroom/news/v-sechenovskom-universitete-peresadili-laboratornoy-myshi-fragment-pecheni-napechatannoy-na-bioprint/> (дата обращения: 10.02.2024).

⁶ Напечатанное на 3D-принтере ухо впервые в мире успешно пересадили человеку. URL: <https://naked-science.ru/community/461397> (дата обращения: 11.02.2024).

восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма¹. Кроме того, в номенклатурной классификации медицинских изделий трансплантаты и сопутствующие изделия входят в группу медицинских изделий для восстановления органов и тканей человека².

В зарубежной литературе отмечается, что многие биопечатные имплантаты будут рассматриваться в качестве средств тканевой инженерии³. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О лекарственных средствах современной терапии» включает их в понятие лекарственные средства современной терапии (advanced therapy medicinal products (ATMPs)) наряду с лекарственными средствами геной терапии и соматической клеточной терапии⁴.

В последнее время в российское законодательство вносятся изменения, которые могут вызвать дискуссии о возможности отнесения биопринтных органов и тканей к лекарственным средствам. Так, статью 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 № 61-ФЗ дополнили пунктом 6.3, в котором дается определение понятия высокотехнологичного лекарственного препарата⁵. Он включает генотерапевтические лекарственные препараты, или лекарственные препараты на основе соматических клеток, или тканеинженерные лекарственные препараты.

С 1 сентября 2024 года вступит в силу новая редакция рассматриваемого закона, в которой указано следующее: порядок обращения биотехнологических лекарственных препаратов, предназначенных для применения в соответствии с индивидуальным медицинским назначением и специально изготовленных для конкретного пациента непосредственно в медицинской организации, включая порядок их изготовления, проведения экспертизы, осуществления контроля их качества, применения, хранения, транспортировки и утилизации, устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Таким образом, определение правового режима биопринтных органов и тканей является затруднительным: исходя из действующего законодательства, их можно отнести и к медицинским изделиям, и к различным лекарственным препаратам. Однако ввиду особенностей применяемых технологий биопринтинга, промежуточного положения между естественными органами и искусственными изделиями, биопечатные органы и ткани возможно рассматривать в качестве *suí generis*, требующих самостоятельного правового регулирования. В связи с этим необходимо закрепить понятие биопринтных органов и тканей, требования к технологическому процессу их создания, хранения, имплантации, а также к контролю качества биопринтинга.

В основу правового регулирования биопринтных органов и тканей могут быть положены принципы, закрепленные в Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины и Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека. Применительно к изготовлению и использованию биопринтных органов и тканей одним из главных должен стать принцип получения согласия, который предполагает информирование пациента о проводимых ему медицинских вмешательствах, рисках и иных возможных последствий.

Особенности правового регулирования биопринтных органов и тканей могут выражаться в принципе индивидуализированного лечения и неразрывно связанным с ним принципом использования аутологических клеток пациента при оказании ему медицинской помощи. Технология биопечати позволяет создавать сложные и точные структуры, адаптированные под конкретного человека, а использование собственных клеток пациента в биочернилах существенно снижает риск отторжения биопринтных органов и тканей и увеличивает шансы на благоприятный исход медицинских манипуляций.

Принимая во внимание развитие 3D-биопринтинга чрезвычайно быстрыми темпами, требуется дальнейшее совершенствование законодательства, которое позволит открыть перспективы для широкого применения биопечатных органов и тканей в здравоохранении и обеспечит защиту прав и законных интересов граждан.

---

¹ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СЗ РФ, № 48, 28.11.2011, ст. 6724.

² Приказ Минздрава России от 06.06.2012 № 4н (ред. от 07.07.2020) «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий» // РГ. № 245. 24.10.2012.

³ Li P, Faulkner A. 3D Bioprinting Regulations: a UK/EU Perspective // *European Journal of Risk Regulation*. 2017. 8(2). P. 446.

⁴ Регламент № 1394/2007 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О лекарственных средствах современной терапии и о внесении изменений в Директиву 2001/83/ЕС и Регламент (ЕС) 726/2004» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 № 61-ФЗ // СЗ РФ, № 16, 19.04.2010, ст. 1815.

Цечоева С. М.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Перспективы развития института временной защиты патентов на изобретения в КНР

Отечественное законодательство, в частности положения ст. 1358 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляют, что патентообладателю принадлежит исключительное право на изобретение¹.

Впрочем, временной промежуток между подачей заявки на регистрацию патента и регистрацией последнего является существенным. Возможно разумнее предоставлять временную охрану заявителю сразу, до момента регистрации патента? Указанное, на первый взгляд, ускорит научный прогресс предоставив широкому научному сообществу оперативный допуск к новейшим изобретениям, полезным моделям и т.д.

Указанный механизм правовой защиты имеет место в китайской правовой системе.

Между тем, интеллектуальная собственность, различного рода патенты², стандарты, азартные игры, спортивные мероприятия, онлайн-вещание, независимо от того, защищена ли эта информация и в какой степени, включают широкий спектр регулирующих мер в области управления интеллектуальной собственностью³ и их широкое применение в правовой, административной, экономической, технологической, социальной и других областях, что, кроме прочего, размывает границы нарушения интеллектуальной собственности в цифровой экономике⁴.

Так, существующая система временной охраны, как представляется, защищает патентных заявителей посредством патентных отчислений. На самом деле, из-за акцента на распространении технологий, стремления к эффективности судебной системы и отсутствия судебной защиты для возмещения расходов в период действия временной охраны, система временной охраны неэффективна. Режим охраны, при котором «двойная охрана предоставляется, когда патент получает соответствующее разрешение, и никакая охрана не предоставляется, в случае, патент не получает подобного разрешения», предоставляет больше возможностей для «подводного патента». Что касается ситуации реализации связанных изобретений в течение срока временной охраны, то, с одной стороны, законодательство редко наделяет патентных заявителей правами; с другой стороны, приходится идти на определенные уступки, основываясь на признании прав, являющихся основаниями для патентных отчислений, от которых трудно отказаться лицам, ведущим соответствующие дела. Для реализации системы временной охраны патентов на изобретения необходимо объединить уникальную систему патентной экспертизы в Китае. «Независимо от того, выдано или не выдано соответствующее разрешение, патентные отчисления должны быть уплачены» – таков первоначальный принцип «временной охраны» в Китае. Как самостоятельный этап, патентные отчисления в течение срока временной охраны должны быть основаны на патентном лицензионном отчислении/отчислении за нарушение прав. Кроме того, должны быть установлены специальные стандарты расчета и экспертизы, а также планы реализации.

В системе временной охраны отсутствуют соответствующие системные гарантии, что делает ее весьма несовершенной и малоэффективной. В соответствии с существующей системой, патентные заявители могут требовать уплаты отчислений за реализацию изобретений в период между публикацией патентной заявки и датой выдачи разрешения только после получения патентного разрешения. Если заявка на патент отклоняется, они не имеют права требовать выплаты патентных отчислений⁵.

С точки зрения самих пользователей и с позиции «разумного человека» нетрудно понять «дилемму защиты прав» заявителя патента на практике.

Во-первых, поскольку заявитель патента не защищен законом в течение срока действия временной охраны, уплата соответствующих отчислений не является обязанностью лиц, использующих объект патента. Даже если контрагент решит не платить, он не понесет никаких негативных последствий. Во-вторых, до сих пор неизвестно, может ли заявитель патента получить разрешение, а существующие авторские отчисления за временную охрану примерно эквивалентны авторским отчислениям за нарушение патента. Присутствует не

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

² Decision of the Standing Committee of the National People's Congress on Amending the Patent Law of the People's Republic of China / available at: URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2020-10/17/c_674693.htm.

³ Devonshire-Ellis, Chris & Scott, Andy & Woollard, Sam. (2011). IPR Laws in China. 10.

⁴ Da Huo, Xiaotao Zhang (2022) Green finance and energy efficiency: a dynamic study of the spatial externality of institutional support in a digital economy by using hidden Markov chain. *Energy Economics*. 28:14-16.

⁵ Wang Q. (2007). *A Course in Intellectual Property Law*. Beijing: China Renmin University Press, 314.

только риск того, что связанные технологии станут общественным достоянием в будущем, но и не имеется никаких выгод, оправдывающих указанный риск. Таким образом, положение о «выплате соответствующих отчислений» не может быть реализовано. Соответственно, система временной охраны неэффективна. Как сказал Ян Минг, «основная причина ослабления системы временной охраны заключается в том, что законодательство не предоставляет заявителю конкретной поддержки для требования патентных отчислений от пользователей»¹.

Согласно духу Патентного закона, «обмен общедоступности на охрану должен быть первоначальным намерением и развитием «временной системы охраны». Патентный закон также четко предусматривает, что «заявитель может потребовать от юридического или физического лица, использовавшего его изобретение, уплаты соответствующих отчислений» для реализации цели «обмена общедоступности на охрану». Однако на практике значительное число патентных заявителей, то есть тех, кто в итоге не получает патентного разрешения, не могут получить такую защиту. Как упоминалось ранее, из-за недостаточного механизма судебных гарантий эти заявители вынуждены нести негативные последствия публикации изобретения без охраны последнего, как объекта патентных прав, что следует учитывать при дальнейшем совершенствовании системы временной охраны.

Так называемый «подводный патент» заключается в использовании различных средств для сокрытия патента в течение нескольких лет. После широкого использования технологии патент внезапно становится достоянием общественности, чтобы получить достаточную денежную компенсацию².

Можно сказать, что система временной охраны в определенной степени играет роль катализатора «подводных патентов». Согласно существующей системе, объект временной охраны ограничивается патентообладателем, который в итоге получает разрешение на выдачу патента. Когда многие патентообладатели не могут получить защиту, для них приемлемо различными способами избежать доведения результатов исследований до сведения общественности. Кроме того, в отношении патентного отчисления в течение срока временной охраны применяется метод облегчения судебного преследования после получения разрешения, что создает большую доходность для обладателя «подводного патента».

Напротив, если патентные отчисления могут быть рассчитаны более научно и четко, чтобы разумно защитить патенты на изобретения на всех этапах, а не позволять обязанному лицу добиваться незаконных интересов, «подводный патент» может быть прекращен.

Согласно противоречивому Руководству № 20 Верховного народного суда, в случае если использование, обещание продать, а равно и реализация «связанных изобретений в период временной охраны патентов на изобретения» не является нарушением, однако если законные источники не могут быть предоставлены, патентообладателю должны быть выплачены соответствующие отчисления. Ву Миньи и Е Ронг далее уточнили, что «при рассмотрении суждения о законном источнике следует сосредоточиться на том, получен ли данный объект с помощью законных и легальных коммерческих методов»³.

Цель патентного права — обмен общественной доступности на охрану, однако временная охрана стала компромиссом, основанным на соображениях распространения технологии и экономии судебных ресурсов. Эта специфичная система, в которой отсутствуют инструменты поддержки, затрудняет предоставление надлежащей защиты патентным заявителям. Чтобы решить практическую проблему и улучшить систему временной охраны, выдвигается идея «реализации патентного роялти», на основе которой создаются необходимые для этого механизмы.

Несомненно, что эта концепция нуждается в проверке практикой и временем, что может увеличить нагрузку на суд в краткосрочной перспективе. Полагается усовершенствовать систему временной охраны, чтобы добиться эффекта, когда лицо, использующее изобретение, активно ведет переговоры с заявителем патента об уплате соответствующих отчислений после определенного периода, чтобы сбалансировать интересы обеих сторон и не увеличивать дополнительную нагрузку на судебную систему. Усиление защиты патентных заявителей и обеспечение баланса между их интересами и интересами лиц, использующих изобретения — вот изначальный замысел законодателя, реализация которого необходима для поощрения инноваций.

¹ Yang M. (2013). On the temporary protection system of invention patent from the guiding case № 20 of the Supreme People's Court. Beijing Arbitration Quarterly, (04), 41-56.

² Sun Z. G. (2012). Research about elusion countermeasure of submarine patent strategy. Science and Technology Management Research, 32(09), 167-170.

³ Wu M. Y. & Ye, R. (2019). The enlightenment of enterprise practice under the current system of provisional protection of invention patents--The analysis of guidance of case № 20 of supreme law. Journal of Hebei Youth Administrative Cadres College, 31(04), 66-69.

Шевцов Д. Д.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

**Цифровые бездокументарные ценные бумаги:
terra incognita civilis или форма фиксации имущественных прав?**

На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что глобальная цифровизация стала неотъемлемой частью последовательных изменений ряда социально-экономических процессов. Активное развитие цифровых технологий предполагает не только появление инновационных возможностей для участников гражданского оборота, но и возникновение новых рисков в имущественных отношениях субъектов частного права. Найти в правовой матрице наиболее рациональное и адекватное отражение этим изменениям – безусловно важная и поистине непростая задача, которая стоит перед всем юридическим сообществом, поскольку именно цифровые технологии будут определять место и роль Российской Федерации на мировой арене в ближайшие десятилетия.

Цифровые технологии позволяют модифицировать установленные законодателем гражданско-правовые режимы отдельных имущественных прав за счет их фиксации посредством цифрового кодирования, в том числе с использованием технологии распределенного реестра (англ. DLT – Digital Ledger Technology)¹.

Учетными единицами в протоколах DLT-систем являются токены. Их экономическая природа идентична экономической природе ценных бумаг, поэтому Комиссия по ценным бумагам и биржам США и Служба по надзору за финансовыми рынками Швейцарии признают, что регулирование оборота security-токенов должно охватываться законодательством о бездокументарных ценных бумагах².

В России аналогом security-токенов стала конструкция цифровых финансовых активов в виде имущественных прав, учет которых может предполагать применение DLT-систем. Данный подход состоит в формировании специального порядка выпуска и передачи таких прав, по сути, приобретающих правовой режим так называемых DLT-ценных бумаг, то есть цифровых бездокументарных ценных бумаг.

До принятия Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О цифровых финансовых активах») институт цифровых бездокументарных ценных бумаг (security-токенов) оставался для отечественной системы права категорией terra incognita civilis.

Согласно части 2 статьи 1 данного Федерального закона цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов, а также выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра или в иные информационные системы. Такие цифровые права включают:

- а) денежные требования;
- б) возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам;
- в) права участия в капитале непубличного акционерного общества;
- г) право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Таким образом, закрепляются два способа токенизации прав (требований). Первый из них заключается в выпуске ЦФА на уже существующие бездокументарные ценные бумаги. При этом сохраняется необходимость обращения к лицу, которое ведет реестр обладателей ценных бумаг (регистратор или депозитарий). Второй же способ предполагает выпуск акций в DLT-системе в виде ЦФА. В этом случае лицом, ответственным за внесение записей реестр обладателей становится оператор цифровой платформы по выпуску ЦФА.

Российский законодатель предусмотрел, что выпуск ЦФА производится через информационную систему оператора выпуска ЦФА, тогда как в Германии, Швейцарии, Люксембурге и других странах романо-германской правовой традиции подобных операторов не существует³. Эмитент может либо самостоятельно

---

¹ Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития: цивилистическое исследование : в 5 т. Т. 1 / под ред. Л. Ю. Василевской. М. : Проспект, 2021. С. 95.

² Рожкова М. А. NFT и иные токены: право на запись и право из записи // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 4 (38). С. 34.

³ Гирич М. Г., Ермохин И. С., Левашенко А. Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций. 2022. № 4. С. 182.

выступать регистратором и вести учет DLT-ценных бумаг, имея соответствующие технические знания и навыки, либо обратиться к профессиональным кастодианам / депозитариям.

Важной правовой проблемой является прямой запрет на выпуск цифровых акций акционерного общества (как публичного, так и непубличного), если ранее была осуществлена эмиссия акций данного общества не в виде ЦФА, то есть в традиционной бездокументарной форме (часть 1 статьи 13 Федерального закона «О цифровых финансовых активах»).

Применительно к публичным акционерным обществам это означает невозможность выпуска акций в системе распределенного реестра (англ. STO – Security Token Offering) после их первичного размещения в классической бездокументарной форме (англ. IPO – Initial Public Offering). И наоборот, непубличное акционерное общество, акции которого были выпущены в виде цифровых финансовых активов, не сможет приобрести публичный статус, в том числе посредством проведения IPO (пункт 5 части 3 статьи 13 Федерального закона «О цифровых финансовых активах»).

Отвечает ли такой запрет интересам экономического развития и желанию корпораций расширить свою деятельность посредством привлечения капитала? Представляется, что ответ является однозначным – нет, не отвечает. Следовательно, в перспективе данная норма закона может быть пересмотрена.

Наравне с определением правового режима цифровых финансовых активов бездокументарные ценные бумаги оцифрованы в законодательстве посредством установления правового режима цифровых свидетельств.

В силу части 1 статьи 9 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровое свидетельство представляет собой неэмиссионную бездокументарную ценную бумагу, не имеющую номинальной стоимости, удостоверяющую принадлежность ее владельцу утилитарного цифрового права (далее – УЦП), распоряжаться которым имеет возможность депозитарий, и закрепляющую право ее владельца требовать от этого депозитария оказания услуг по осуществлению УЦП и (или) распоряжения им определенным образом. Таким образом, функция учета УЦП может быть передана депозитарию, который выдает обладателю рассматриваемого цифрового права соответствующее цифровое свидетельство.

Поскольку цифровое свидетельство предоставляет депоненту возможность осуществлять права обладателя УЦП посредством обращения к депозитарию, можно предположить, что целью института цифровых свидетельств должно стать повышение оборотоспособности УЦП. Однако, такая логика не может быть лишена недостатков. В этой связи важно отметить, что распоряжение УЦП возможно лишь в пределах определенной инвестиционной платформы, то есть между ее участниками, в число которых входят лица, которые не являются инвесторами и (или) не привлекают инвестиции.

Имеются все основания утверждать, что по своей сути как цифровое свидетельство, так и цифровые финансовые активы – это токенизированные ценные бумаги. Последние являются аналогом security-токенов, выделяемых за рубежом. Тем не менее, российский законодатель избрал путь разграничения ЦФА и ценных бумаг. Такой подход может быть оценен положительно, с точки зрения особенностей эмиссии бездокументарных ценных бумаг и порядка выпуска ЦФА, так как позволяет избежать ситуации, нередко возникающие в других юрисдикциях. Например, судебная практика США знает немало случаев, когда эмитент выпускает токены, но при этом Комиссия по ценным бумагам и биржам трактует их как ценные бумаги.

Как бездокументарная ценная бумага, так и токен по своей юридической природе представляют собой именно способы фиксации определенных гражданских прав. В свою очередь, цифровые права в действительности являются не новым видом имущественных прав, а только цифровой формой обязательственных и иных прав, причем не всех, а лишь прямо названных в таком качестве законом. Иначе говоря, предусмотренное законом закрепление некоторых имущественных прав в цифровой форме не меняет их юридическую (гражданско-правовую) природу: цифровыми становятся не сами субъективные права, а только формы их закрепления (существования) и обусловленные этим обстоятельством способы осуществления названных прав, в том числе распоряжения ими.

Шевченко А. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Перспективы перехода результатов интеллектуальной деятельности, созданных при помощи нейросетей, в общественное достояние

Традиционно вопрос о праве авторства решается в соответствии со ст. 1257 ГК РФ. Так, «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано»¹. Однако в научных кругах все более актуальным становится вопрос об определении автора произведения, созданного нейросетью. В данном тексте анализируются перспективы перехода таких результатов интеллектуальной деятельности в общественное достояние.

Например, в публикациях подобный подход нередко называют радикальным, аргументируя свои слова тем, что переход результатов интеллектуальной деятельности, созданных при помощи нейросетей, в общественное достояние будет препятствовать развитию инноваций из-за отсутствия экономических стимулов².

Данная аргументация не лишена смысла, однако в ней преобладает сугубо экономический взгляд на проблему (что тоже имеет место), который мало учитывает саму сущность искусственного интеллекта как творца результатов интеллектуальной деятельности. К тому же, в ранее названной позиции умалчивается о неминуемом возникновении такого же большого количества трудностей правового характера в случае закрепления иного подхода. Соответственно эти самые трудности точно так же будут «отпугивать» предполагаемых инвесторов.

Отмечается, что у человека, воспользовавшегося нейросетью при создании произведения, либо же владельца нейросети, возникает право публикатора³. То есть именно через право публикатора будет возможно удовлетворение экономических потребностей, пусть оно и является более узким, нежели право автора.

Стоит заметить, как изящно переход результатов интеллектуальной деятельности, созданных при помощи нейросетей, в общественное достояние прозвали «паллиативом»⁴. Действительно, появление нейросетей выдвинуло множество проблем комплексного характера, решение которых невозможно лишь косметическими изменениями законодательства. В то же время концепция общественного достояния облегчает их, дает возможность фактически отказаться от решения (хотя бы на некоторое время), поэтому было бы логично использовать ее в качестве промежуточного правового режима. Однако все переходные режимы несут в себе опасность, так как зачастую надолго задерживаются в правопорядках, тем самым создавая новую реальность.

Также высказывается мнение о возможности перехода в общественное достояние только в том случае, когда человек лишь дает нейросети команду приступить к работе, т.е. его вклад очевидно мал для признания деятельности творческой⁵.

Такой вариант предполагает дифференциацию на активное взаимодействие человека с нейросетями (с высоким уровнем участия человека, его вовлеченностью) и пассивное (когда человеком не прилагается особых творческих усилий). Для активного взаимодействия тогда требуется закрепление иной концепции авторства в законодательстве.

К тому же переход результатов интеллектуальной деятельности, созданных при помощи нейросетей, в общественное достояние возможен добровольным естественным путем. Необходимо обратить внимание на то, что подобное может произойти как итог использования инструмента отказа от своих авторских прав и передачи произведения в общественное достояние. Такой подход представляется наиболее подходящим для

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть IV) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

² Агибалова Елена Николаевна, Перекрестова Елена Анатольевна Право авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом // Эпоха науки. 2020. № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-avtorstva-na-proizvedeniya-sozdannye-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 17.01.2024).

³ Михович Екатерина Анатольевна Правовой режим произведенный, созданных с помощью искусственного интеллекта // Скиф. 2022. № 5 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-proizvedeniy-sozdannyh-s-pomoschyu-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 18.01.2024).

⁴ Ткаченко И. Н. Проблема определения принадлежности права интеллектуальной собственности на результаты, созданные технологией искусственного интеллекта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-5 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-prinadlezhnosti-prava-intellektualnoy-sobstvennosti-na-rezultaty-sozdannye-tehnologiyey-iskusstvennogo> (дата обращения: 20.01.2024).

⁵ Ткаченко И. Н. Указ. соч. С. 80.

развития инноваций, однако недовольными окажутся в первую очередь пользователи и владельцы нейросетей, так как коммерческий потенциал останется нереализованным¹. В таком случае для разработчиков и владельцев нейросетей было бы рационально предоставлять доступ к платформам и программам на платной основе, чтобы удовлетворить собственные коммерческие интересы.

Вероятно, применение такого подхода будет сопряжено с распространением толкования, закрепленного в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, согласно которому «результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека... объектами авторского права не являются»².

Стоит отметить, что в случае закрепления статуса общественного достояния за результатами интеллектуальной деятельности, созданными при помощи нейросетей, к ним будут достаточно широко применимы, например, положения законодательства о культуре, поскольку такие акты часто апеллируют понятием «общественное достояние». О. А. Городов рассматривает понятие «общественное достояние» по отношению к результатам интеллектуальной деятельности, созданных при помощи нейросетей, во взаимосвязи с понятиями «национальное достояние», «общенациональное достояние», «национальное достояние народов Российской Федерации», «публичное достояние многонационального народа», «общероссийское национальное достояние»³. Таким образом, возникнет большое количество герменевтических путаниц, связанных с широким/узким пониманием термина. В связи с этим необходимо будет привести ранее изданные акты в логическое соответствие с нынешним порядком, на уровне Верховного Суда закрепить общие правила толкования конкретных терминов.

Несмотря на общепринятую «радикальность» концепции общественного достояния, существует немало количество оснований для применения данного правового режима в отношении результатов интеллектуальной деятельности, созданных при помощи нейросетей, на временной основе. Подобная перспектива отражает «паллиативную» суть концепции, подходящую для решения проблем правового статуса произведений, созданных нейросетями без активного участия человека. При этом предполагается учет коммерческого интереса через реализацию прав публикатора.

---

¹ Плешаков Е. А., Просвирнина М. И. Проблема авторства произведения, созданного нейросетью // Образование и право. 2023. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-avtorstva-proizvedeniya-sozdannogo-neyrosetyu> (дата обращения: 22.01.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 19.01.2024).

³ Городов Олег Александрович Особенности изменения результатов интеллектуальной деятельности в режиме общественного достояния // Правоведение. 2017. № 3 (332). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perehodazrezultatov-intellektualnoy-deyatelnosti-v-rezhim-obshchestvennogo-dostoyaniya> (дата обращения: 23.01.2024).

Дискуссионная площадка
«Субъекты цивилистического процесса:
актуальные проблемы правового статуса»
(посвящается 100-летию д. ю. н., профессора М.С. Шакарян)

Афанасьев Л. С.

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС)
Аспирант

Суд как субъект процессуальной справедливости

Вопрос о существовании и существе справедливости проблематичен, как и любой вопрос о существовании и существе чего бы то ни было. Как точно отмечает социолог С. Кордонский: «Прямой вопрос «Что существует?», заданный конкретному человеку, введет его в ступор»¹. Ученый отмечает, что построение теоретического ответа на этот вопрос (теоретической онтологии) будет целью профессионального философа². Профессиональный философ М. Мамардашвили говорил: вопрос о существовании – это философское удивление тому, что «вообще что-то есть. Удивление потому, что ведь должно было быть ничто, а есть нечто»³.

Существование справедливости и судебного процесса может быть рассмотрено с точки зрения теории познания. Одни назовут первое и второе объективной реальностью, другие только второе. Ставить под сомнение объективное существование судебного процесса сложно, так как он представляется судьям, лицам участвующим в деле и другим данным в ощущениях, результаты которых повлияют на их собственное существование. В то же время существование справедливости есть предположение, ее существование предполагается или не предполагается.

Иными словами, справедливость является привносимым элементом человеческого сознания, которое преобразует мир. В этом смысле и право и государство не являются очевидными примерами объективно существующих объектов, но создаются и конструируются согласно представлениям о них. Как говорил Георг Еллинек: «Необходимым признаком всякого права является то, что оно право действующее, иначе говоря, убеждение людей в том, что право действует»⁴. Модифицировав убеждение признаками происхождения от власти и потенциального расхождения с волей и убеждениями попавших под действие власти, мы получим такой признак права как принудительность, который в теории права рассматривается очень часто как основной признак права⁵. Думается, что такой вывод верен не вполне.

Таким образом вопрос о существовании справедливости в праве состоит в том, что с одной стороны право предполагает существование справедливости, а с другой существует убеждение людей в том, что справедливость посредством права действительно существует. И если для философа проблематичным остается вопрос о существовании справедливости, для социолога о действительности права, то для юриста – о способах, формах существования справедливости для права. Не будет преувеличением сказать, что онтологическое угадывание справедливости, убежденность в действительности права находит свое подтверждение в правосудии, в судебном процессе, в деятельности суда. Яснее других об этом было сказано Т.В. Сахновой: «Цивилистический процесс – о вещественная цивилистической процессуальной формой справедливость, творящая право»⁶.

Справедливость как цель деятельности суда звучит торжественно и высокопарно, но есть и убеждение, что она может звучать в спокойной, процессуальной тональности. Для этого необходимо обратиться к рассмотрению справедливости как процессуальной категории в философии и теории права и процесса. Для любого человека не будет преувеличением сказать, что справедливость связана с судебным процессом и установлением истины. Люди «угадывают» в судебном процессе справедливость, ее присутствие,

---

¹ Симон Кордонский, Валерий Бардин. Прикладная Герменевтика информационного пространства: картины мира, теоретические онтологии и верные матрицы. Логос Т. 25 #3 (105) М, 2015 с. 22.

² Там же. С. 23.

³ Мамардашвили М. Введение в философию. М. 2018. С. 21.

⁴ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. 2004. С. 332.

⁵ Там же. С. 333.

⁶ Сахнова Т. В. О реформах цивилистического процесса 2018 – 2019 ГГ.: взгляд сверху. Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 15.

установление предполагают. Но почему? Древние предполагали неразрывность соблюдения закона для осуществления справедливого. Присуждение каждому его собственного, заключенная в действии специальных и общих правил, есть основа справедливости. Если говорить об общих правилах, то можно сравнить их с материальным правом, если о специальных – то в аналогию можно вложить действие правил процессуальных, правил о правилах¹.

Сами правила должны быть сформулированы и определены. Но каким образом? Единственный ставшим научным подход в истории права был предложен на уровне высокой абстракции римскими юристами, которые исходили из таких категорий как лица, вещи, иски, обязательства и деликты. Ими же был придуман и предложен исковой судебный процесс, ставший основным для нас сегодня.

Все дальнейшее в правовой науке было следствием римской юриспруденции. Наряду с этим, многое то, что рассматривалось как продолжение старого стало на деле совершенно новым. Например, это касается теории юридического лица, классификации договоров, интеллектуальной собственности. Для судебного процесса в числе нового оказались *ius actio* вместо *actio ius*, государственный статус правосудия, способы отмены судебного акта. Коснулись ли изменения понимания справедливости? Ведь общеизвестно высказывание Цельса.

Римляне были высоко-практичны, обладали выдающимся инженерным мышлением. Их религиозность пропитывала их древние судебные процессы: они не столько верили своим богам, сколько их опасались. Если резюмировать, то за две тысячи лет истории европейского христианства верующие люди перестали подвергать радикальному сомнению любовь к ним своего Бога, но взамен острой критике и сомнению подвергли свои (человеческие) законы и суды. Новоевропейский гуманизм и крайне левый религиозный остракизм XX века сомнения только подтвердили.

Следовательно, ведущую роль в нашем понимании справедливости играют три вещи: древнеримская юридическая гениальность, древнегреческое и новоевропейское радикальное сомнение и христианская религиозность (и ее атеистическая частность). По слову Ханна Арндт: «Троица религии, авторитетности и традиции, заключенные в акте политического основания Рима, заложили основания нашей правовой системы и переживают упадок с начала Нового Времени, Просвещения»². Теперь, когда к закату подходит и эпоха Просвещения правовая система нуждается в идейной, догматической и социальной самоактуализации. Этой актуализацией и выступает юридическая категория справедливости, синтезированная из наших представлений о религии, морали и власти, но ставшая исключительно юридической категорией.

На наш взгляд право едино в трех лицах: идейном (ему соответствует философский или теолого-политический подход), нормативном (ему соответствует собственно юридический или догмативный подход) и социальном (ему соответствует этический или моральный подход). Они равны друг другу и представляют собой части единой анфилады. Как об этом писал Г.В. Мальцев в книге «Подходы к пониманию права» в 1999 году: «Право есть нормативно-регулятивная система норм, идей и отношений, которая устанавливает поддерживаемый средствами власти порядок организации, контроля, защиты человеческого поведения»³.

Подходам к пониманию справедливости соответствуют взгляды ученых поздне-советского и современного времени. Так, позиция проф. Т.В. Сахновой: «Цивилистический процесс родился потребностью в справедливости и ею же обозначался: *iustitia* суть одновременно правосудие и справедливость как синонимы; само право производно от *iustitia*. Соответственно категория «справедливость» стала пониматься прежде всего как этический или социальный критерий, некая общая идеологема, основополагающая идея формирования и функционирования права и нравственный идеал, но не правоприменительный инструментарий. Правосудие, составляющее ядро цивилистического процесса, онтологически не может быть определяемо через категорию «принуждение»; его высшая цель и пафос – справедливость. Справедливость средств защиты – т.е. методов цивилистического процесса – отыскивается через баланс частного и публичного во взаимодействии заинтересованных лиц и суда в процессуальных отношениях, – иными словами, через гармонизацию процессуального волеизъявления заинтересованного лица и полномочий суда в процедурном развитии процесса «здесь и сейчас»⁴.

¹ Хёффе О. Справедливость: философское введение. Глава «Процессуальная справедливость». Праксис. М. 2007.

² Ханна Арндт. Традиция политической мысли Логос Т. 22 #3. М, 2012. С. 22.

³ Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. Прометей. М. 1999. С. 12.

⁴ Сахнова Т. В. Указ. соч. С. 15.

Баимова Д. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

**Институт замены ненадлежащего ответчика в гражданском судопроизводстве:
проблемы теории и практики**

Исходя из принципа диспозитивности гражданского судопроизводства, положений статей 3, 40, 41 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – «ГПК РФ»¹) право выбора конкретного ответчика по спорному материально-правовому требованию принадлежит истцу. Однако выбранный истцом ответчик не всегда является надлежащим субъектом процессуальных правоотношений. Кто же такой «надлежащий ответчик»?

Гражданское процессуальное законодательство не содержит такого понятия как «стороны» (в том числе «надлежащая сторона»), в связи с чем затруднительно определение понятий «ненадлежащая сторона», «ненадлежащий ответчик».

По мнению М.С. Шакарян, понятие «надлежащей стороны» тесно связано с категорией процессуальной правоспособности. В данном случае не реализуется гражданская или иная материальная правоспособность, поскольку лицо не является субъектом материальных правоотношений, однако, как указывает, М.С. Шакарян, ненадлежащая сторона – процессуально правоспособное лицо². Несомненно, данная позиция справедлива, поскольку ненадлежащий ответчик пользуется всеми субъективными процессуальными правами, которые присущи надлежащей стороне процесса, но поскольку он не связан спорными материальными отношениями с истцом, все действия, совершенные им в процессе рассмотрения гражданского дела, не являются обязательными для надлежащего ответчика, вступающего в процесс вместо него.

В этой связи интересен вопрос распределения судебных расходов в отношении ненадлежащей стороны. На данный момент распространены случаи финансирования судебных издержек сторон иными лицами, не являющимися участниками гражданского судопроизводства, в связи с чем можно выявить проблему, связанную с участием в процессе ненадлежащей стороны. В случае, если ненадлежащий ответчик привлекает денежные средства в целях участия в процессе, возникают достаточно спорные ситуации.

Во-первых, в ГПК РФ императивно не закреплено право ненадлежащего ответчика на возмещение понесенных им судебных расходов, однако, исходя из обобщения судебной практики, можно констатировать, что суды используют системное толкование норм ГПК РФ, признавая за ненадлежащим ответчиком право на возмещение судебных расходов³.

Во-вторых, в случае присуждения ненадлежащему ответчику фактически понесенных им расходов, необходимых для участия в рассмотрении дела, неясно каким образом «спонсор» процесса получит уплаченные им денежные средства.

На наш взгляд, в связи с отсутствием законодательного регулирования подобных ситуаций, стоит применять положения, содержащиеся в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»⁴, где разъясняется возможность перехода прав на возмещение судебных издержек в порядке универсального или сингулярного правопреемства как к лицам, участвующим в деле, так и к иным лицам.

Интересно также проанализировать ситуацию, в которой обе стороны являются надлежащими, однако истец, в удовлетворении требований которого отказано, использует конструкцию внешнего финансирования. Кто же тогда будет надлежащим ответчиком по требованию о взыскании судебных расходов истец или же внешний инвестор?

Законодательство Российской Федерации не содержит положений, позволяющих привлечь в качестве ответчика по данному требованию инвестора, поскольку он не является лицом, участвующим в деле. Подобных ситуаций не встречалось и в судебной практике. Однако, если обратиться к практике разрешения споров в судах Англии, то можно выявить, что английские суды устанавливают имеет ли инвестор определенный интерес в отношении дела или же существенный контроль над ним, если эти обстоятельства

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. 2002. № 220.

² Шакарян М. С. Избранные труды. СПб. : Издательский дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. С. 332.

³ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 10.02.2017 по делу № 33-5295.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Российская газета. 2016. № 43.

установлены, то он должен способствовать возмещению расходов по основаниям, применимым к проигравшей финансируемой стороне¹.

В связи с чем, можно констатировать, что суды Англии учитывают юридическую заинтересованность инвестора в разрешении правового спора, исходя из этого факта они определяют с кого именно подлежит взыскать судебные расходы. На наш взгляд, данный подход видится наиболее рациональным, поскольку позволяет соблюсти баланс интересов истца и инвестора.

Формулируя свои требования, истец излагает обстоятельства и указывает факты, которые свидетельствуют, по его мнению, об ответственности перед ним лица, которого он называет в качестве ответчика. Нередко истцы в ситуациях, когда невозможно в полной мере правильно определить надлежащего ответчика, используют конструкцию процессуального соучастия, впоследствии отказываясь в иске в части требований к ненадлежащему ответчику.

Это способствует процессуальной экономии, но существенно увеличивает судебные издержки, которые будут понесены в процессе рассмотрения дела, к тому же, не исключена вероятность того, что «исключенный» из дела ненадлежащий ответчик в конечном счете окажется надлежащим. Тогда истец уже утратит право на судебную защиту и не сможет повторно обратиться в суд к ранее ненадлежащему ответчику в виду прекращения производства по тождественному иску.

Стоит упомянуть, что замена ненадлежащего ответчика производится либо по ходатайству истца, либо по предложению суда с обязательного согласия истца. Такой подход обусловлен императивно закрепленным правилом, согласно которому суд принимает решение только по заявленным истцом требованиям (ч. 3 ст. 196 ГПК РФ).

В контексте этого правила интересно мнение Г.Л. Осокиной, которая считает, что согласие истца на замену ненадлежащего ответчика другим лицом (надлежащим ответчиком) означает предъявление истцом нового иска в упрощенном порядке, поскольку при замене стороны иски не будут тождественны, что позволяет реализовать предоставленное истцу право на предъявление иска² и свидетельствует о некоем преимуществе данного инструмента перед использованием в сходных ситуациях института процессуального соучастия.

Несомненно институт замены ненадлежащего ответчика способствует соблюдению принципа разумного срока судопроизводства, позволяет добиться цели гражданского судопроизводства – защиты нарушенного или оспариваемого права лица, однако данный институт может повлечь и злоупотребления со стороны истца, в частности, как указывает О.Ю. Фомина, нередко при отказе в удовлетворении требований, предъявленных к замененному по инициативе истца ответчику, который является заведомо ненадлежащим, истец не лишается права повторно предъявить иск к первоначальному – надлежащему ответчику³. Такие действия стороны влекут затягивание в рассмотрении дела и дают истцу дополнительное время для собирания необходимых доказательств.

На практике также существуют проблемы, связанные с взаимодействием института замены ненадлежащей стороны и процессуальным правопреемством, как способами перемены лиц в гражданском судопроизводстве. Поскольку правопреемство зависит от материальных отношений необходимо подчеркнуть, что в материальном праве под правопреемством понимается не только замена стороны обязательственного правоотношения как разновидности относительного правоотношения, но и преемство в отношениях абсолютных. То есть, при изменении субъектного состава материальных правоотношений всегда происходит правопреемство. На основании изложенного следует вывод о том, что правопреемство в любых материальных правоотношениях может являться основанием для процессуального правопреемства. При этом если правопреемство в материальном праве состоялось до предъявления иска в суд, оно будет основанием для замены ненадлежащего ответчика.

Например, в решении по делу, рассматриваемому Верховным Судом Чувашской Республики, было установлено, что замена ненадлежащего ответчика не была произведена поскольку суд первой инстанции не принял во внимание наличие договора уступки права требования, заключенным между ответчиком и иным лицом, в виду ненадлежащего оформления его в качестве доказательства в суде, однако данная

---

¹ Внешнее финансирование судебных и арбитражных процессов в Англии: за чей счет? Опасения инвесторов и надежды финансируемых сторон / URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vneshnee-finansirovanie-sudebnykh-i-arbitrazhnykh-protsessov-v-anglii-za-chey-schet/>.

² Осокина Г. Л. Иск: (теория и практика). М. : Городец, 2000. С. 154.

³ Фомина О. Ю. Трансформация процессуального положения лиц, участвующих в деле, в гражданском судопроизводстве : монография / О. Ю. Фомина. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 13.

процессуальная ошибка не должна влиять на определение заинтересованного в исходе дела истца¹, поскольку были и иные способы убедиться в том, что сторона является ненадлежащей.

Подводя итог вышеизложенному, предполагается рациональным закрепить в ст. 41 ГПК РФ понятие «ненадлежащий ответчик», как незаинтересованное в исходе дела лицо, в отношении которого исходя из материалов дела можно предположить, что он не является субъектом спорного правоотношения. Несомненно, пробелом законодательного регулирования является также и отсутствие императивного закрепления права ненадлежащего ответчика на возмещение понесенным им судебных расходов, считаем необходимым включить данные положения в ст. 98 ГПК РФ, помимо этого сто́ит разработать механизм привлечения внешних инвесторов к несению судебных расходов, эти положения будут способствовать наиболее эффективной защите прав и законных интересов сторон. Также видится необходимым усилить активность суда в части содействия сторонам в представлении доказательств, которые позволили бы определить надлежащую сторону процесса и исключить злоупотребления со стороны истца.

Валетенков А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

К вопросу об обязанности раскрытия доказательств лицами, участвующими в деле, в арбитражном процессе

Одним из элементов судебного доказывания как деятельности суда и участников процесса по установлению фактических обстоятельств дела с помощью судебных доказательств является раскрытие доказательств. Раскрытие доказательств – это инструмент, направленный на реализацию принципа состязательности «по правилам». Именно от того, насколько полно будут установлены обстоятельства дела, зависит законность, обоснованность и справедливость принятого решения.

Официальный документ, в котором определяется раскрытие доказательств, был принят в 2006 году. Пленум ВАС РФ в своем Постановлении «О подготовке дела к судебному разбирательству» дал разъяснения по ст. 65 АПК РФ. Под раскрытием доказательств предлагается понимать представление лицом, участвующим в деле, по своей инициативе и по предложению суда другим лицам, участвующим в деле, и суду всех имеющихся у него доказательств, на основании которых могут быть установлены обстоятельства, обосновывающие его требования и возражения².

Рассмотренное разъяснение относит представление доказательств суду к раскрытию доказательств. Однако это противоречит теории и сложившейся практике. Необходимо четко разграничивать представление и раскрытие доказательств. Раскрывают доказательства стороны друг перед другом и перед другими лицами, участвующими в деле, а суду они представляются.

АПК РФ закрепил положение об обязанности стороны раскрыть доказательства в ст. 65³. Регулирование отдельных аспектов раскрытия доказательств встречается так же в иных статьях АПК РФ (например, ч. 1 абз. 2 ст. 66: «Копии документов, представленных в суд лицом, участвующим в деле, направляются им другим лицам, участвующим в деле, если у них эти документы отсутствуют»; ч. 3 ст. 228, устанавливающая раскрытие доказательств в упрощенном производстве).

Многие исследователи затрагивают вопрос соотношения раскрытия доказательств и принципа состязательности. По мнению Кайзер Ю.В. раскрытие доказательств – это элемент состязательности⁴, Лозовицкая А.Д. соглашается с Андреевой Т.К., Зайцевой А.Г. и другими учеными в том, что раскрытие доказательств – гарантия состязательности в процессе.

---

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Чувашской Республики от 28.09.2016 по делу № 33-5553/2016.

² Постановление Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» // Вестник ВАС РФ 12-2006.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета – Федеральный Вып. № 0 (3534). 2004. Ст. 65.

⁴ Кайзер Ю. В. Раскрытие доказательств в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 8.

В статье 9 АПК РФ, посвященной состязательности, указано: «Лица, участвующие в деле, вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства. Каждому лицу, участвующему в деле, гарантируется право представлять доказательства арбитражному суду и другой стороне по делу»¹.

Не подлежит сомнению, что аргумент – это и довод, и указание на доказательство, которое его подтверждает. Но, если рассматривать раскрытие доказательств с точки зрения родной для этого института англосаксонской правовой системы, то оно предполагает не только указание на доказательство, но и предоставление возможности ознакомиться другой стороне с его содержанием.

При этом в английском процессе отсутствует автоматическое раскрытие доказательств. Оно происходит по заявлению стороны или судебному определению. Английский суд определяет объем раскрытия доказательств и контролирует его в каждом конкретном деле. Такая более активная роль суда является сдерживающим фактором для злоупотребления сторон, направленных на то, чтобы нечестным путем выиграть дело, склонить суд на свою сторону, вопреки достижению истины. Как отмечает Смагина Е.С., сознание многих граждан не нацелено на то, чтобы оказывать друг другу помощь в разрешении дел в независимости от результата. Соответственно, может иметь место злоупотребление, нераскрытие «kozyрей до конца игры»².

Если сторона обязана до судебного заседания раскрыть все свои доказательства, то у нее остается меньше возможностей для «нечестной игры». Поэтому, кроме того, что раскрытие доказательств – гарантия состязательности, можно говорить о том, что это еще и механизм для оперативного установления действительных обстоятельств дела.

Так, Арбитражный суд г. Москвы рассматривал дело о взыскании неустойки за поставку товаров. В первом судебном заседании на стадии судебного разбирательства в начале судебного заседания и повторно при объявлении перерыва в судебном заседании суд предложил сторонам раскрыть доказательства, предоставить процессуальные заявления, имеющиеся доказательства другой стороне. Представители сторон заявили об отсутствии процессуальных ходатайств, заявлений и дополнительных доказательств.

Вместе с тем после перерыва в судебном заседании ответчиком были заявлены ходатайства об истребовании доказательств у налоговых органов, у истца, у третьего лица; заявлено о фальсификации доказательства – договора; ряд ходатайств о приобщении дополнительных доказательств. Ответчик не обосновал невозможность заявления указанных ходатайств до перерыва.

Из содержания указанных ходатайств и приложенных к ним документов усматривается их наличие в распоряжении ответчика до начала судебного разбирательства. Это подтверждает неисполнение ответчиком требований суда о раскрытии доказательств. Суд квалифицировал такое процессуальное поведение как явно направленное на срыв судебного заседания. На ответчика были отнесены судебные расходы³.

Для исключения такой недобросовестной состязательности необходима более детальная законодательная регламентация обязанности и санкций за ее неисполнение.

Английское право запрещает ссылаться на нераскрытое доказательство, в США отсутствие раскрытия доказательств может повлечь неудовлетворение исковых требований. В российском арбитражном процессе нераскрытие доказательств до судебного заседания не лишает стороны права ссылаться на них во время судебного разбирательства. Это сделано прежде всего для того, чтобы суд исходил не из желания наказать недобросовестные стороны, а из необходимости наиболее полно и объективно рассмотреть дело, для чего следует исследовать достаточное количество свидетельствующих о действительном наличии или отсутствии фактов доказательств. В качестве санкции суд может отнести все или часть судебных расходов на лицо, злоупотребившее правом, вне зависимости от исхода дела⁴.

Лозовицкая А.Д., пытаясь обобщить все предлагаемые меры, в числе прочих указывает на следующие варианты санкций: 1) судебный штраф;

2) отнесение судебных расходов; 3) отказ в принятии доказательства; 4) применение правила о молчаливом признании обстоятельств (ч. 3.1 ст. 70 АПК).

При этом в ее диссертации критикуется указание Президиума ВАС РФ об отнесении судебных расходов на сторону, которая вовремя не раскрыла доказательства. Лозовицкая А.Д. считает, что данный подход имеет недостатки, «главным из которых является то, что возложение судебных расходов на сторону, не раскрывшую

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета – Федеральный Вып. № 0 (3534). 2004. Ст. 9.

² Смагина Е. С. Новые обязанности участников гражданского судопроизводства: развитие процессуальной активности или дополнительное обременение? // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 12.

³ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14.06.2018 по делу № А40-49262/18-37-320.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции».

доказательства, не исключает возможности представить их в последующем, вплоть до вынесения решения суда»¹. Ею отстаивается идея о введении санкции в виде непринятия данного доказательства судом. Возложение расходов, штраф и т.п., по мнению данного автора, неэффективны. Приводится единственный аргумент в подтверждение этому выводу: эти меры не блокируют представление, раскрытие и исследование доказательств. По сути автор говорит о том, что одна санкция неэффективна, потому что не дает применить другую, которая отстаивается. На наш взгляд, это не совсем верный подход.

Суть российского процесса, в отличие от английского, в установлении судебной истины, а раскрытое не в срок доказательство может иметь существенное значение для дела. Отказывать в приобщении существенного для дела доказательства и принимать решение, которое заведомо не соответствует реальному положению дел, противоречило бы многим принципам процесса и подрывало саму роль суда, как органа, осуществляющего правосудие. Поэтому именно финансовое наказание является тем инструментом, который может побудить стороны не злоупотреблять правами.

Для того чтобы стороны меньше злоупотребляли тем, что их нераскрытые вовремя доказательства всё же примут, видится целесообразным помимо отнесения судебных расходов возлагать и штраф, наравне со штрафом за непредставление доказательств суду, предусмотренному ч. 8 ст. 66 АПК РФ.

Ветрова А. М.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблема надлежащего обеспечения фактического участия прокурора в гражданском процессе

На сегодняшний день деятельность прокуратуры является одним из важных правовых механизмов обеспечения законности. Согласно статье 129 Конституции РФ² на прокуратуру РФ возложена обязанность по надзору за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина. В рамках гражданского процесса участие прокурора обусловлено данной конституционной обязанностью, а также необходимостью защиты прав и охраняемых законом интересов лиц, не способных самостоятельно отстаивать свои права и свободы в суде. Помимо этого, целью участия прокурора в гражданском процессе является содействие суду в осуществлении правосудия, обеспечение верховенства закона и укрепление законности в процессе осуществления государственно-властных полномочий.

Прокурор является особым участником гражданского процесса, на что неоднократно обращали внимание многие правоведы и специалисты в области гражданского процессуального права. К примеру, М.С. Шакарян³, говоря о том, что по своему процессуальному положению прокурор значительно отличается от остальных субъектов гражданского процессуального права, связывала данную особенность с задачей прокурора по обеспечению прав, свобод, интересов граждан, общества и государства. Для выполнения данной задачи прокурор наделяется специальными полномочиями, которыми не обладают другие субъекты в гражданском судопроизводстве. Важно отметить, что прокурор не осуществляет надзорные функции за деятельностью судов, когда участвует в гражданском процессе, поскольку обратное бы противоречило конституционному принципу независимости судей. Рассуждая о проблеме участия прокурора в гражданском процессе, М.С. Шакарян утверждала, что деятельность прокуратуры по защите лиц в судах и надзорная деятельность никак не противоречат одна другой. Напротив, сочетание данных функций повышает возможность эффективной защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, как частного, так и публичного характера. Данное мнение является обоснованным, поскольку надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина является эффективной гарантией защиты прав и интересов как публичных, так и частных.

Одним из проблемных аспектов данной темы является неопределенность круга уважительных причин для обращения прокурора с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов лиц, не способных самостоятельно обратиться в суд. Согласно ч. 1 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)⁴ перечень уважительных причин является не исчерпывающим, но и такие причины как состояние

¹ Лозовицкая А. Д. Раскрытие доказательств в гражданском процессе Англии : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2021. С. 200.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

³ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970. С. 295.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

здоровья, возраст и недееспособность, указанные в законе, не содержат определенности. Формулировка данной статьи не вносит ясность в подходе к определению уважительности причин, поскольку не содержит возрастные рамки и степень тяжести болезни, которую бы признавали как уважительную. Вследствие этого на практике нечеткие критерии уважительности причин могут стать причиной отказа в принятии исковых заявлений прокуроров на основании ст. 134 ГПК РФ, поскольку оценка причин на соответствие критерию уважительности в соответствии со ст. 45 ГПК РФ остается на усмотрение судей. Как следствие часть граждан остается без должной защиты со стороны прокурора.

Судебная практика сформулировала ряд уважительных причин, изучив которые можно прийти к выводу о достаточно широком их перечне. В качестве иных уважительных причин, по которым гражданин сам не может обратиться в суд, суды относят тяжелую жизненную ситуацию, в которой такое лицо оказалось в результате стихийного бедствия, катастрофы, межэтнического конфликта и т.п.¹. Теория дополняет данный перечень такими уважительными причинами как потеря лицом работы, размер задолженности, служебная зависимость от работодателя, многодетность, бедность и др.².

Ввиду того что причины содержат как субъективный, так и объективный характер, стоит в первую очередь закрепить перечень явно объективных уважительных причин, таких как природные катаклизмы, конфликты военного и межэтнического характера, повлекшие за собой тяжелое бедственное положение. В каждом конкретном случае важно устанавливать причинно-следственную связь между данными событиями и существенным ухудшением положения лиц, которые не способны самостоятельно обратиться в суд. Перечень уважительных причин не может являться закрытым, поскольку причины субъективного характера устанавливаются в индивидуальном порядке.

Суды по-разному подходят к определению уважительности причин. К примеру, суд первой инстанции отказал в принятии искового заявления, ссылаясь на то, что наличие у лица инвалидности не может являться основанием для обращения прокурора в интересах гражданина и не указывает на факт невозможности самостоятельно обратиться в суд с целью защиты своих прав³. Но суд апелляционной инстанции не согласился с такими выводами, поскольку усмотрел в качестве уважительной причины наличие инвалидности в совокупности с преклонным возрастом, что позволяет прокурору действовать в рамках полномочий, предоставляемых ему ч. 1 ст. 45 ГПК РФ. Тем самым, для решения указанной проблемы с неопределенностью перечня уважительных причин, необходимо выработать на законодательном уровне более четкий перечень всех обстоятельств, основанием которого является применение ч. 1 ст. 45 ГПК РФ.

Другой формой участия прокурора в гражданском процессе является дача заключения по делу, категории которого перечислены ч. 3 ст. 45 ГПК РФ. Проблемным моментом является расхождение в формулировках правового регулирования дачи заключения прокурора. Так, Приказ Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве»⁴ возлагает на прокурора обязанность вступить в процесс на любой его стадии и дать заключение по делам о восстановлении на работе, выселении, возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, и в других случаях, установленных в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ. Однако ГПК содержит лишь возможность его участия. Кодекс закрепляет положение о том, неявка прокурора не является препятствием к рассмотрению дела. Данная формулировка явно снижает роль прокурора в судебном заседании. Представляется, что его участие должно быть обязательным, ввиду социально важных категорий дел, по которым необходима дача заключения прокурора. Важность дачи заключения прокурора также объясняется тем, что заключение является дополнительной гарантией законности судебного разбирательства, справедливого вынесения решения в делах повышенной общественной значимости. Поскольку рассмотрение дел, категории которых закреплены в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ непосредственно затрагивает основные конституционные права граждан, важно обеспечить обязательную явку прокурора для полной гарантии законности и правопорядка. Представляется, что неявка прокурора в судебное заседание связывается с высокой нагрузкой работы в органах прокуратуры, поэтому возникает необходимость отложить судебное разбирательство по причине неявки прокурора, надлежаще извещенного о месте и времени рассмотрения дела, на другую дату с учетом разумного срока судебного разбирательства. Таким образом, дача заключения прокурором по делам,

---

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным с обращениями прокурора в суд общей юрисдикции в порядке ст. 45 ГПК РФ от 6 декабря 2016 // Справочная правовая система «Гарант».

² Тарабрин Д. В. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2007. № 2.С. 54.

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 18 мая 2023 г. по делу № 33-18243.2023 // Справочная правовая система «Гарант».

⁴ Приказ Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

имеющим социально важный характер, должно рассматриваться в качестве обязанности ввиду реализации конституционного положения о социальной направленности политики государства. Неявка прокурора по уважительным причинам должна являться основанием для отложения судебного разбирательства.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что участие прокурора в гражданском процессе на сегодняшний день является весьма востребованным в достижении цели полноценной и эффективной защиты прав и законных интересов человека и гражданина. Необходимость участия прокурора обусловлена возложенной на органы прокуратуры задачей по охране частных и публичных интересов. Важно соблюдать баланс частных и публичных интересов в рамках гражданского процесса. Прокурор является субъектом, берущим на себя обязанность помогать социально незащищенным гражданам, однако его функции не должны затрагивать основополагающих принципов гражданского процесса. Полномочия прокурора по защите и охране частных интересов не должны приводить к вмешательству в деятельность суда. Сущность участия прокурора в гражданском процессе выражается в осуществлении деятельности по обеспечению исполнения закона и в реализации дополнительной гарантии защиты прав и законных интересов человека и гражданина. Поэтому для обеспечения полноценной реализации задач, возложенных на прокурора в гражданском процессе, процессуальное законодательство должно быть направлено на надлежащее обеспечение фактического участия прокурора в судебных заседаниях. Тем самым, удастся в полной мере обеспечить четкое закрепление роли прокурора в гражданском процессе. Таким образом, вопросы, связанные с местом прокурора среди субъектов гражданского процессуального права, остаются по-прежнему актуальными, что позволяет говорить о значимости научных трудов М.С. Шакарян и в настоящее время.

Гончаров А. Е.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблемы участия свидетелей в арбитраже (третейском разбирательстве)

Арбитраж (третейское разбирательство) является способом альтернативного разрешения споров, который стороны предварительно договорились применить к уже возникшему или будущему гражданско-правовому спору. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 03.10.2023 № 46-П справедливо отметил, что третейские суды, будучи альтернативной формой защиты права и действуя в качестве институтов гражданского общества, наделены публично значимыми функциями, но не входят в российскую судебную систему и не осуществляют судебную власть¹.

Следует констатировать, что у участников третейского разбирательства отсутствует возможность использовать отдельные гарантии, присущие гражданской процессуальной форме, в том числе при доказывании подлежащих установлению по делу обстоятельств. Это относится и к статусу свидетеля в третейском разбирательстве. Так, возникает ряд проблем получения свидетельских показаний в указанной процедуре разрешения споров.

В Федеральном законе от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об арбитраже»)² отсутствуют нормы, посвященные порядку допроса свидетелей, в том числе несовершеннолетних, свидетельским иммунитетам и привилегиям, правам и обязанностям свидетеля, что, затрудняет участие свидетелей, а также использование свидетельских показаний в качестве доказательств в третейском разбирательстве.

Согласно ст. 19 ФЗ «Об арбитраже» стороны по своему усмотрению договариваются о процедуре третейского разбирательства, а в случае отсутствия такой договоренности третейский суд может осуществлять третейское разбирательство таким образом, каким он посчитает надлежащим. Это относится и к определению относимости и допустимости любого доказательства, что свидетельствует о широком просторе при определении допустимости участия конкретного лица в качестве свидетеля в третейском разбирательстве и при установлении порядка его допроса.

Несмотря на то что отмеченные особенности ФЗ «Об арбитраже» соответствуют самой сущности третейского разбирательства как добровольно используемой процедуры, для которой характерно

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т. В. Солодовниковой» // РГ. № 235. 18.10.2023.

² Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.

определение условий и порядка разрешения спора, полагаем, что применительно к участию свидетеля в третейском разбирательстве в конкретных случаях могут нарушаться права определенных лиц. Так, в условиях отсутствия нормы, регламентирующей действия третейского суда по обеспечению участия педагогического работника либо присутствия законного представителя при допросе несовершеннолетнего свидетеля, может сложиться ситуация, при которой нарушаются как права привлеченного в качестве свидетеля несовершеннолетнего лица, так и публичный порядок Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 38 Конституции РФ детство находится под защитой государства, что, в свою очередь, в указанной ситуации может повлечь за собой негативные процессуальные последствия, например, отмену арбитражного решения государственным судом. Полагаем, что это недопустимо.

Другой сложностью участия свидетеля в третейском разбирательстве является необходимость получения для правильного разрешения дела тех сведений о фактах, которые будут достоверными, то есть соответствовать действительности. Данная проблема связана с тем, что у третейского суда отсутствует юридическая обязанность предупреждения свидетеля об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний.

В науке существует ряд предложений, которые, на наш взгляд, могут способствовать устранению существующих проблем участия свидетеля в третейском разбирательстве. Так, следует согласиться с тем, что при рассмотрении спора в третейском суде эффективно допрашивать свидетеля в порядке обеспечения доказательств нотариусом¹. Однако на сегодняшний день отсутствует возможность обращения к нотариусу для допроса свидетеля по спору, переданному третейскому суду, так как в соответствии со ст. 102 Основ законодательства РФ о нотариате нотариус обеспечивает доказательства только лишь в случае возникновения дела в суде или административном органе². В связи с этим представляется необходимым дополнить указанную статью возможностью нотариуса обеспечивать доказательства при передаче спора в третейский суд.

Обоснованным видится сформулированное в доктрине предложение о том, что третейскому суду следует выдавать стороне для направления в суд или арбитражный суд запрос, направленный на оказание содействия в получении свидетельских показаний путем допроса свидетеля в судебном заседании. В связи с этим предложением некоторые авторы усматривают правовое ограничение, выраженное в отсутствии указания в ст. 63.1 ГПК РФ и ст. 74.1 АПК РФ на возможность получения от государственных судов именно свидетельских показаний³. В связи с этим полагаем необходимым внести соответствующие изменения в указанные процессуальные кодексы.

Само же предложение использовать такой способ получения свидетельских показаний видится нам эффективным, так как он позволит не только вызывать лицо в качестве свидетеля для допроса и предупреждать его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний, но и применять к нему меры процессуального принуждения, в том числе привод, чего не может обеспечить третейский суд⁴.

Представляется, что данные предложения никоим образом не будут устранять преимущества, которые характеризуют третейское разбирательство, так как они направлены на обеспечение достоверности свидетельских показаний и никак не ограничивают конфиденциальность, свободу в определении порядка рассмотрения их спора и другие. Более того, стороны могут в арбитражном соглашении определить такой порядок разбирательства спора, который предусматривает использование указанных способов допроса свидетелей, что обеспечит качество полученных свидетельских показаний.

Рассматривая способы решения проблемы недостоверности свидетельских показаний, следует выделить некоторые предлагаемые в доктрине разновидности допроса свидетеля в третейском разбирательстве. Одни авторы считают действенным методом изобличения ложных свидетельских показаний повторный допрос свидетелей, способствующий детализации показаний, уточнению сведений, выявлению противоречий,

---

¹ Коршакова К. В. Метаморфозы третейского разбирательства: показания свидетеля как отдельное средство доказывания в арбитражном (третейском) разбирательстве // Право и практика. 2018. № 1. С. 150.

² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Российская газета. № 49. 13.03.1993.

³ Губин И. Р. Показания свидетелей как особое средство доказывания, применяемое при проведении третейского разбирательства // Нацразвитие. Наука и образование. 2022. № 1 (4). С. 14.

⁴ Третейское разбирательство, арбитраж: теория и практика : учебно-методическое пособие. – Ижевск: Ижевский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023. С. 51.

устранению неполноты показаний и проверке их достоверность¹. Актуальной является проблема эффективности перекрестного допроса, при котором зачастую задаваемые стороной вопросы свидетелю нацелены на полный подрыв доверия к нему².

Другие авторы предлагают использовать очную ставку при рассмотрении гражданско-правовых споров³, что в условиях возможности самостоятельного определения условий третейского разбирательства сторонами, а при их отсутствии третейским судом по своему усмотрению является возможным вариантом получения достоверных сведений об обстоятельствах дела.

В случае привлечения нескольких свидетелей в третейское разбирательство одним из возможных вариантов является использование так называемой конференции свидетелей, когда одновременно заслушиваются все свидетели, вовлеченные в третейское разбирательство. В доктрине отмечается, что преимуществами данного способа допроса свидетелей являются снижение вероятности дачи недостоверных показаний свидетелями, создание более благоприятной психологической атмосферы допроса, сокращение временных и финансовых затрат на проведение допроса всех свидетелей⁴. Однако следует отметить, что недостатком данного способа допроса будет возможность влияния одних свидетелей на других в силу различных причин.

Полагаем, что в отсутствии законодательных ограничений существует перспективная возможность для использования в третейском разбирательстве указанных способов, а также для разработки и последующего внедрения в практику новых и более эффективных способов проведения допроса свидетелей.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что эффективность привлечения к участию в третейском разбирательстве свидетелей и получения допустимых и достоверных свидетельских показаний зависит от того, каким способом стороны третейского разбирательства и третейский суд получают такие показания, что, несомненно, окажет влияние на арбитражное решение и последующее его исполнение.

Кадышев М. М.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Правовые заключения ученых в цивилистическом процессе: историко-догматический взгляд

Конечная цель правосудия есть внесение правовой определенности в сложившийся социальный конфликт, правильное рассмотрение и разрешение дела в силу правопорядка. Однако окончательный акт разрешенного спора должен соответствовать высшему абстрактному принципу — который право, как феномен социальной реальности, на протяжении всего развития содержит в себе — принципу справедливости (*aequitas*). Достижение справедливого судебного решения возможно при наличии двух синтетических основ: факта и права⁵. Дореволюционные процессуалисты отмечали, что решение по своему логическому содержанию представляет собой силлогизм (заключение), в котором констатированный факт занимает место меньшей посылки, а позитивное предписание — большей посылки⁶. Установление вопросов факта достигается в доказательственной деятельности. Достижение определенности в вопросах

---

¹ Чебыкина Ю. О. Проблемы использования свидетельских показаний в качестве средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе // Наука без границ. 2017. № 5 (10). С. 80.

² Перекрестный допрос в международном арбитраже: девять основополагающих принципов = Cross-examination in international arbitration: nine basic principles / К. Хобер, Х. С. Зусман ; пер. с английского под ред. Н. А. Бабаджаняна. М. : Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права., 2019. С. 77.

³ Смолина Л. А. Очная ставка в гражданском процессе // Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 октября 2016 года / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». Т. 2. Санкт-Петербург: Петрополис, 2017. С. 228.

⁴ Грищенко А. В. Конференция свидетелей (*witness conferencing*) в международном коммерческом арбитраже и возможность ее использования в третейском разбирательстве в России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3 (19). С. 196, 197.

⁵ Право в данном контексте следует интерпретировать как норму, регулирующую (позволяющую регулировать) конкретный случай, найденную и истолкованную в установленном порядке в процессе судебного спора. (Дождев Д. В., Европейская традиция частного права: исследование по римскому и сравнительному праву : в 2 т. Т. 1 М. : Статут, 2021. С. 11).

⁶ Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. Т. I. — Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевич, 1874. С. 409.

права дается сложнее. Представляется, что эффективным механизмом для разрешения сложных вопросов права выступает правовое заключение ученого-юриста по конкретному спору.

АПК РФ допускает возможность обращения к ученым (ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ), однако формально реализация правила монополизирована Судом по интеллектуальным правам. Обоснованность законодательного регулирования ставится под сомнение: разве правовые сложности возникают лишь при рассмотрении дел в Суде по интеллектуальным правам?

Опыт римского и германского правопорядков позволит вывести общие представления о конструировании института заключений ученых по вопросам права в современном цивилистическом процессе и основания расширения его сферы применения.

1. *Responsa prudentium* в римской правовой традиции: позитивный опыт.

Gai., 1, 7: «Ответы знатоков права – это суждения и мнения тех, кому позволено правотворчество»¹. Правом обращения к ученым обладали как органы правосудия, так и тяжущиеся, их представители. Форма выражения *responsa* в римской традиции была письменной или устной, причем как единолично, так и коллегиально².

Содержательная сторона *responsa* ограничивалась исключительно юридической стороной дела – факты воспринимались как установленные исходные данные. Сначала излагались обстоятельства казуса и формулируется вопрос: *quasitum est* («спрашивается»), затем следовал сущностный ответ: *respondi* («ответил, что...»); иногда за ответом следовала формула: *quid iuris sit* («таково право»)³.

Выводя заключение по конкретному случаю, юрисконсульты старались отыскать норму и интерпретировать так, чтобы она соответствовала *aequitas*, а, когда действующие представления о справедливом переросли иррелевантную (устаревшую) норму, они вносили в интерпретацию (толкование) новые представления⁴.

Научные заключения по вопросам права оказали колоссальное влияние на позитивное право, судебную практику и доктрину.

Идеи, изложенные в *responsa prudentium*, опережали имеющийся нормативный массив: юрисконсульт сталкивался с казусом, решая новые или сложные ситуации на основании абстрактных принципов. Повторяющиеся казусы подвергались анализу и типизировались в модельные (образцовые)⁵. Правила, выведенные в правовых заключениях по модельным казусам, спустя время, включались в законоположения⁶.

Обращение судьи или тяжущихся к ученому-юристу с целью разрешения спорного или сложного вопроса права, порожденного социальным конфликтом, позволяло правильно (научно обоснованно) истолковать и применить позитивное предписание, тем самым, добиться правосудия по делу. Справедливое разрешение конкретного дела служит основанием становления аналогичной судебной практики, в том числе находя свое выражение в феномене *iudicatum* (прецедента)⁷.

В основу собрания сочинений римских юрисконсультов положены их *responsa* по конкретным делам. Практические казусы обогащали теоретические положения, Р. Иеринг о римской правовой традиции писал: «Теория и практика у них совсем не различались, их теория была разработана до непосредственного

¹ Институции Гая = *Gai Institutionum commentarii quattuor*: текст, пер. с лат., коммент / под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М. : Статут, 2020. С. 19.

² Гольмстен А. Х. Участие представителей юридической науки в отправлении гражданского правосудия: актовая речь 8 февраля 1905 года – 86 годовщина основания Императорского С.-Петербургского университета // URL: <http://hdl.handle.net/11701/18650> (дата обращения: 11.02.2024).

³ Савельев В. А. Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 108–115.

⁴ И. А. Покровского писал: «Юрист должен быть не только судьей и применителем права, а зачастую и творцом права, законодателем, хотя бы и не в формальном смысле. На его плечи сплошь и рядом возлагается обязанность выработать новую норму для вновь народившихся отношений, изменить старую соответственно изменившимся условиям жизни, а иногда пересмотреть и создать заново целый гражданский уклад, целый гражданский кодекс». (Покровский И. А. «Желательная постановка гражданского права в изучении и преподавании», Киев, 1896, цит. По книге Покровский И. А. «Основные проблемы гражданского права», М.2003, С. 13).

⁵ Гарсиа Гарридо М. Х. Римское частное право: Казусы, иски, институты / пер. с исп. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2005. С. 70–73.

⁶ Компиляторам Дигест Юстиниана (позитивной формы римского права) поручалось сделать извлечения из сборников сочинений великих знатоков права (Ульпиана, Павла, Гая и других), давших ключевые юридические заключения.

⁷ Callist., 1 quaest., D. 1,3,38: «Ибо наш император Север предписал, что в случае сомнений, возникающих из законов, обычай или авторитет дел, постоянно решаемых судами сходным образом, должен иметь силу закона».

применения, а их практика всегда облагораживалась научной обработкой¹. Так, римская казуистическая модель познания юридических закономерностей позволила осмыслить и вывести важнейшие цивилистические институты².

2. Aktenversendung в германской правовой традиции: негативный опыт.

Немецкому правопорядку исторически характерны два института научных заключений по вопросам права – aktenversendung и gutachten. Последний, в сущности, подобен римскому responsa prudentium – большой интерес представляет aktenversendung.

Aktenversendung (буквально «отсылка дела на заключение») есть процессуальный институт, позволяющий суду первой или апелляционной инстанции отправлять материалы дела специально созданной группе профессоров права юридического факультета (Spruchkollegium), которая коллегиально постановляла заключение. Правом обращения обладали стороны (суд – лишь в исключительных случаях), причем тяжущиеся могли косвенно влиять на выбор университета: им предоставлялось право устранения (jus eximendi)³. Форма выражения заключений, состоявшихся путем aktenversendung, была только письменной.

Уникальность университетских заключений выражалась в обязательности: суд был связан вердиктом факультета, облеченным в форму решения⁴. Неоднозначность такой модели участия ученых в цивилистическом процессе подчеркивалась в доктрине. Оскар Булов называет данный институт «движущей силой немецкого правосудия», однако не упускает и критические воззрения на aktenversendung: (1) как подобие суда присяжных; (2) как подобие старогерманского суда шеффенов; (3) как mandatus jurisdictionis (поручение осуществления судебной власти); (4) как экспертизу⁵. А. Х. Гольмстен подчеркивал, что подобная формация aktenversendung вызвала теоретические недоумения: «...какие собственно функции отправляет университет, факультет – что это учреждение в данном случае из себя изображает»⁶.

Представляется, что институт «пересылки дел» с обязательным характером заключения создает возможность осуществление правосудия извне, дискредитируя судебный корпус⁷.

3. Краткое резюме.

Исторический опыт показывает положительный эффект участия представителей науки в процессе на позитивное право, судебную практику и доктрину. Современная монополизация запросов ученым Судом по интеллектуальным правам выглядит необоснованной; представляется правильным расширить сферу применения: возможностью обращаться за заключениями ученых по вопросам права должны обладать все арбитражные суды⁸.

Основа правильного позитивного конструирования института – необязательность, придание правовым заключениям научно-консультативного характера в рамках рассмотрения дела. Такая модель позволит удержать равновесие: улучшить качество правосудия, не нарушая, как минимум, конститутивный судоустройственный принцип – осуществление правосудия только судом.

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. – Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Комп., 1875. С. 13–21.

² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М.: Статут, 2020. С. 55.

³ Гольмстен А. Х. Указ. соч. С. 27.

⁴ Bleckmann M. Rang und Recht. Zur juristischen Austragung von Rangkonflikten im 17. und 18. Jahrhundert. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades. Münster (Westf.), 2003. S. 80–81 // URL: <https://dnb.info/992510759/34> (дата обращения: 01.03.2024)

Aktenversendung предстает высшей точкой юридической силы заключений ученых. Римское responsa и германское gutachten обладали обязательностью при «известных условиях», однако заключения, состоявшиеся путем aktenversendung, приравнивались к решению суда.

⁵ Bulow O. Das Ende des Aktenversendungsrechts eine Gerichtsverfassungsfrage. S. 1–44.

⁶ Гольмстен А. Х. Указ. соч. С. 29–30.

⁷ Справедливости ради, общеправовая роль актенверсендунга имела положительные последствия становления немецкого правопорядка в процессе рецепции римского права. Д. А. Буркова пишет: «Система «пересылки дел» ускорила процесс развития юридических принципов, институтов, понятий и позволила внедрить их применение на практике». (Д. А. Буркова. Роль средневековых университетов в рецепции римского права // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 4. С. 777–789).

⁸ Подобная точка зрения высказывалась В. В. Ярковым (Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Абсаямов, Д. Б. Абушенко, А. И. Бессонова [и др.] ; под ред. В. В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Статут, 2020 // СПС «КонсультантПлюс»).

Причем процессуальная квалификация правового заключения ученого институционно должна различаться. Следуя суждениям А. Т. Боннера, можно помыслить, что в первой и апелляционной инстанции – доказательства с неопределенным правовым статусом; в кассации – субсидиарный инструмент проверки законности судебного акта.

Конева Я. Е.

Самарский государственный экономический университет (СГЭУ)

Магистрант

Проблемы правового статуса судей в современном информационном поле

Вопрос о правовом статусе судей является одним из ключевых, поскольку имеет важное значение для дальнейшего развития и эффективного функционирования судебной системы в целом.

Правовой статус судей описывает общность прав, обязанностей и компетенций судей как личностей и должностных лиц. Этот статус определяет социально-правовое положение судей в обществе, основанных на законах и правилах¹. Цель настоящего исследования состоит в рассмотрении проблем правового статуса судей в информационном поле.

В рамках первой проблемы в научной среде все больше и больше внимание уделяется проблеме низкого уровня мотивации профессионального развития судей, которые работают в аппарате суда уже более 10–15 лет. Вместе с этим, способности к творческому мышлению у таких судей значительно ниже по сравнению с судьями, которые работают от 1 года до 5 лет. Несмотря на то что судьи повышают уровень квалификации, в связи с возникшей цифровизацией необходимо продолжать активно развивать профессиональную культуру в судебной сфере и повышать компетентность судей через использование современных цифровых технологий. Как отмечает В.М. Лебедев – председатель Верховного Суда Российской Федерации: «необходимо расширить возможность применения электронных технологий в сфере правосудия»². Расширение возможности применения электронных технологий в суде, означает расширение компетенции судей через использование данных технологий.

Более того, традиционный вариант взаимодействия с судебными органами поменялся. Посредством автоматизированной системы ГАС «Правосудие» подается сейчас большинство процессуальных документов, а в картотеке судов общей юрисдикции дела отслеживаются дистанционным образом. Через систему «Электронное правосудие» (kadr.arbitr) судья, осуществляющий правосудие в арбитражном суде, может предоставить право дистанционно ознакомиться с материалами дела в режиме ограниченного доступа. Порядок выглядит следующим образом: судья на электронную почту направляет «код доступа», благодаря которому в рамках ограниченного количества времени можно скачать все документы, поданные через эту систему оппонентом. Именно поэтому судьи должны совершенствовать свои умения и навыки в области применения информационных технологий, в первую очередь, для оперативного и удобного взаимодействия граждан с судьями.

Для решения данной проблемы предлагается разработка стратегии совершенствования профессионального образования судей с акцентом на использовании информационных технологий. В качестве основных задач данной стратегии будут поставлены:

1. Проведение специализированных тренингов и семинаров для опытных судей с участием психологов и тренеров по развитию лидерских качеств. Эти мероприятия помогут вдохновить судей на новые достижения и развитие.

2. Создание программ стажировок и обменов опытом с молодыми судьями. Такой обмен позволит опытным судьям увидеть новые подходы к решению задач и возможностей для творчества.

3. Предоставление доступа к онлайн-курсам и образовательным ресурсам по цифровым технологиям для судей, чтобы они могли самостоятельно повышать свою компетентность.

Стратегия будет направлена на улучшение методов обучения, распространение информации и обмен опытом. Особое внимание будет уделено созданию организационно-правового инструмента, способствующего развитию информационно-технологической культуры в судебной деятельности.

Реформирование судебного образования будет играть ключевую роль в этом процессе, обеспечивая профессиональную переподготовку и повышение квалификации судей и других работников судебной системы в условиях информационного общества. Концепция такого рода стратегии будет учитывать особенности профессиональных компетенций судей в области информационных технологий³.

---

¹ Артамонова Ю. С. Современные проблемы правового регулирования статуса судей в Российской Федерации // Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2019. № 1. С. 10.

² Совершенствование правового статуса судей: новые вызовы и решения // URL: <https://www.garant.ru/news/1545292/?ysclid=lslc741o7t995288655> (дата обращения: 14.02.2024).

³ Капустин О. А. Модернизация статуса судьи в условиях информационного общества // Российский судья. 2019. № 8. С. 4.

Вторая проблема – это нежелание со стороны судей пользоваться правом ведения социальных сетей. На наш взгляд, это связано с тем, что на сегодняшний день, отсутствует регламент по поведению судьи в социальных сетях. Поскольку в Интернете практически любой поступок судьи может быть расценен как неподобающий, в соответствии с п. 3 ст. 13 Кодекса судебной этики судья должен проявлять должную осмотрительность при освещении своей деятельности в средствах массовой информации¹. В частности, Председатель Совета судей России В.В. Момотов выразил опасения относительно добавления адвокатов и юристов в друзья судьи в социальных сетях, указывая на возможные этические и юридические последствия в будущих судебных процессах². Исходя из позиции В.В. Момотова, предполагается, что судья вообще никого не должен добавлять в друзья, так как имеется потенциальная вероятность, что данные лица будут участниками процесса.

Для решения проблемы нежелания судей пользоваться правом ведения социальных сетей можно предложить следующие решения:

1. Разработка четкого регламента поведения судей в социальных сетях, который бы определял допустимые и недопустимые действия судей в онлайн-пространстве. Данный регламент должен учитывать этические и юридические аспекты использования социальных сетей судьями.

2. Поддержка и поощрение служебного использования социальных сетей как инструмента для повышения прозрачности и доступности информации о судебной системе. Это может способствовать лучшему взаимодействию с общественностью и повышению доверия к судебной власти.

Вместе с тем данный регламент должен устанавливать дисциплинарную ответственность в случае нарушения новых правил поведения судей в интернет-среде. Например, в одном случае судья лишился должности из-за экстремистских высказываний на своей странице в социальной сети, а в другом случае – из-за использования нецензурных выражений в интернете³.

Использование социальных сетей способствует принципу открытости и прозрачности судебной системы, однако необходимо учитывать возможность нарушения этических норм в Интернете со стороны судей. Для этого следует разработать соответствующий регламент, который бы регулировал поведение судей в социальных сетях и предусматривал ответственность за нарушения.

Подводя итоги исследования, следует прийти к следующим выводам. На сегодняшний день существуют две актуальные проблемы: низкий уровень мотивации профессионального развития судей в связи с отсутствием мотивации развивать свои компетенции в области информационных технологий в судебную деятельность и нежелание со стороны судей пользоваться правом ведения социальных сетей. Решением обозначенных проблем является, во-первых, разработка стратегии совершенствования профессионального образования судей с акцентом на использовании информационных технологий, во-вторых, разработка четкого регламента поведения судей в социальных сетях. Современные технологии все больше и больше пронизывают все сферы человеческой жизни, соответственно судьям просто необходимо научиться работать с цифровизацией.

Миронов Д. С., Горелкина Ю. А.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Студенты

Проблемы извещения участников гражданского судопроизводства в современных условиях

В ст. 2 ГПК РФ закреплена главная задача гражданского судопроизводства – правильное и своевременное рассмотрение гражданских дел.⁴ Но, к сожалению, на сегодняшний день субъекты гражданских правоотношений сталкиваются с такой проблемой, как нарушение своевременности извещения участников спора.

---

¹ Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г. (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70201432/> (дата обращения: 18.02.2024).

² Обзоры материалов СМИ // URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/26861/?ysclid=lsldn6g115675068219 (дата обращения: 14.02.2024).

³ Обзоры материалов СМИ // URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/26861/?ysclid=lsldn6g115675068219 (дата обращения: 14.02.2024).

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. от 26 июля 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: www.consultant.ru.

На основании статьи 113 ГПК РФ, извещения, в определенных законом формах, направляются лицам, участвующим в деле, по адресу проживания, либо по месту работы, с таким расчетом, чтобы указанные лица имели достаточный срок для подготовки к делу и своевременной явки в суд²⁹⁵.

Проблема ненадлежащего извещения участников процесса выражается в наличии пробелов установления способов, с помощью которых можно уведомить адресата должным образом и в сложности доказывания факта вручения судебного извещения. Участник процесса может не получить его как по объективным причинам, так и по субъективным, например, намеренно. Анализ способов получения извещений позволяет выявить их недостатки.

В соответствии со статьей 113 ГПК РФ закреплены следующие способы извещения: заказное письмо с уведомлением о вручении, судебная повестка с уведомлением о вручении, телефонограмма или телеграмма, факсимильная связь либо использование иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату. Данный перечень не является исчерпывающим, вследствие чего законодатель вправе дополнить список.

Направление судебной повестки по почте — один из самых распространенных способов. В повестке содержится вся информация, необходимая для того, чтобы участник гражданского дела явился на судебное разбирательство (наименование и адрес суда, время и место судебного заседания, наименование дела и т.д.). Если ответчик заинтересован в затягивании процесса, так как не уверен в своей правоте, он старается избегать получения соответствующего извещения. В таком случае, судебная повестка возвращается с отметкой об истечении срока хранения.

Ко второму способу относится извещение путем доставки повестки лицом, участвующим в деле, с его согласия. В этом случае лицо обязано вернуть в суд корешок повестки с распиской адресата — это гарантия того, что ответчик извещен о судебном разбирательстве. К сожалению, иногда ответчик, находясь в конфликтных отношениях с истцом, делает все возможное, чтобы не расписываться в получении повестки и не принимать ее¹. В таких ситуациях у заинтересованного лица, подавшего иск, нет никаких доказательств, подтверждающих факт получения повестки ответчиком.

Третий способ напоминает первый — извещение телеграммой, которая оплачивается истцом. Если ответчик проиграет дело, то сумма почтовых расходов взыскивается с него. Как и при первом способе, ответчик, обладая определенным набором знаний, полученных благодаря юридическим консультациям, может уклониться от вручения. Тогда в суд направляется уведомление о невручении телеграммы по причине отсутствия ответчика по указанному в телеграмме адресу.

Четвертым способом является извещение по месту работы участников гражданского судопроизводства. Помощники судьи или секретари звонят в организацию, в которой трудоустроен участник процесса, и сообщают руководителю о необходимости извещения ответчика о времени и месте судебного заседания, об обязанности явиться в суд. Обычно руководство организаций выполняет распоряжения суда, но поскольку эти действия не основаны на законе, могут этого и не делать, за что никакой ответственности не понесут.

Новыми способами извещения являются СМС — извещение и email — извещение. В обоих случаях необходимо согласие ответчика на уведомление соответствующим образом, для чего он должен указать свой номер телефона или электронную почту. Однако существует риск, что номер или почта окажутся недействительными к моменту отправления извещений, или же неверно указанными. В итоге ответчик может не явиться на судебное заседание, в связи, с чем разбирательство дела затянется.

Безусловно, проблемы извещений участников гражданского судопроизводства не остались без внимания, и по этим вопросам высказались ученые-правоведы. Про судебное извещение с помощью СМС-уведомления высказался Е.В. Егоров. Он считает, что в наше время не существует согласованной правовой основы СМС-извещения субъектов гражданского судопроизводства: не установлено нормативными нормами, кто должен быть контент-провайдером услуги по отправке СМС-сообщений, не указан четкий регламент и требования к интерфейсу систем отправки сообщений, что приводит к разрозненности практики применения такого способа извещений².

---

¹ Котоян М. А., Страхов С. Е. Проблема извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по мат. XXXIX междунар. студ. науч.-практ. конф. — № 10 (39). — URL: [https://nauchforum.ru/archive/MN%F_social/10\(39\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MN%F_social/10(39).pdf) (дата обращения: 24.02.2024).

² Егоров Е. В. Актуальные проблемы системы извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений // Администратор суда. — 2012 г. — № 4.

В дополнение к этой проблеме, можно сослаться на высказывание А. П. Рыжакова, который считает возможным указание ответчиком в расписке не своего номера, а родственника или члена семьи, тем самым преднамеренно избежав получения извещения¹.

На вопрос о том, какой способ извещения является наиболее эффективным, отвечает в полной мере В. Г. Гусев. По его мнению, это извещение через курьера. Поскольку такой должности в суде нет, истец вынужден найти незаинтересованное лицо, которое возьмет на себя обязанности курьера добровольно. Если же ответчик откажется расписаться или принять повестку, то в данном случае «нештатных» курьеров можно допросить в качестве свидетелей по делу².

На основе анализа исследуемого материала, мы предполагаем, что в эпоху цифровых технологий необходимо развивать систему извещений через интернет, поскольку подавляющая часть жителей страны имеют доступ к нему. Поэтому необходимо отправлять судебные повестки не только через Госуслуги, но и с помощью мессенджеров и социальных сетей, таких, как WhatsApp, ВКонтакте через официальные страницы судов. Данную процедуру нужно полностью продумать законодателю, например, сделать обязательным указывание на портале Госуслуг ссылки на действительную страницу в социальной сети или подтверждение аккаунта в мессенджере, установить порядок извещения с помощью такого метода и т.д. Также следует сопровождать повестки телефонными звонками, для того, чтобы проинформировать ответчика о том, что извещение пришло и его необходимо прочитать, вместе с этим проговорить всю необходимую информацию, которая содержится в повестке.

Помимо этого, можно ввести должность курьера в суде, тем самым сняв с истца обязанность искать незаинтересованное лицо для выполнения функций по доставке судебной повестки. Поскольку в России не у всех есть возможность использовать интернет, нововведение позволит решить проблему неполучения повестки. Так, курьер заранее свяжется с адресатом и уточнит время, когда будет удобно вручить ему повестку. Если же ответчик откажется принимать повестку, то это можно использовать в качестве доказательства того, что он ее получил. Для этого, например, можно наделить курьера специальными полномочиями, законодательно закрепить возможность видеофиксации, как это сделано в органах внутренних дел. Стоит отметить, что и здесь присутствуют свои сложности, связанные, например, с увеличением расходной статьи федерального бюджета, поиском кадров, которые будут занимать данную должность. Поэтому следует ввести должность курьера в судах одного субъекта Российской Федерации и посмотреть, будет ли это эффективно не только в теории, но и на практике.

Таким образом, в современных реалиях, когда информационные технологии занимают важное место в нашей жизни, правовое регулирование института извещения в гражданском процессе должно постоянно эволюционировать и стремиться к максимальной конкретизации и точности. Важная задача законодателя – найти наиболее эффективный, надежный, а главное, оптимальный механизм извещения участников гражданского судопроизводства, который будет самым практичным в период информационной эпохи.

Парфенова А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

Принцип устности как гарантия реализации прав лиц, участвующих в деле

За последние годы в российском цивилистическом процессе наблюдаются такие тенденции, как оптимизация судопроизводства, а также внедрение различных информационных технологий. Безусловно, эти тенденции продиктованы современными реалиями: в частности, высокой загруженностью судов, необходимостью обеспечения права на доступ к правосудию. Однако они оказывают определенное влияние на принципы судопроизводства, в том числе и принцип устности, и зачастую это влияние отнюдь не положительное.

Принцип устности служит важной гарантией права на судебную защиту. В юридической литературе такой основополагающий принцип цивилистического процесса, как принцип состязательности, рассматривается в тесной взаимосвязи с принципом устности³. В современной доктрине профессором Шерстюком В.М. сформулирован принцип права быть выслушанным как включающий в себя также право быть именно

---

¹ Рыжаков А. П. SMS-извещение // Юрист – практик. Газета для руководителя, юриста, бухгалтера. 2012. № 4. С. 80.

² Гусев В. Г. «Проблема извещения участников гражданского судопроизводства» – . URL: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=863> (дата обращения: 26.02.2024).

³ Решетникова И. В. Конкуренция принципов в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 10–20.

услышанным судом. В процессуальных кодексах содержатся отдельные нормы, закрепляющие и раскрывающие устность разбирательства: суд, при отправлении правосудия, разъясняет права и обязанности участников процесса, объявляет судебный состав, в ходе процесса о наличии ходатайств стороны объявляют устно, материалы оглашаются, прения сторон, их объяснения, доклад по делу производятся в устной форме. Исключения из принципа устности: в частности, упрощенное и приказное производства. Сущность этих производств заключается в рассмотрении дела судом без вызова сторон, в строго определенных сроки, без применения правил о протоколировании. При введении соответствующих институтов предполагалось, что с их помощью будет частично решена одна из основных проблем современной судебной системы — проблема высокой нагрузки судов. Анализируя данные судебной статистики Судебного департамента при ВС РФ, видим: за 2021 год судами общей юрисдикции рассмотрены в порядке приказного производства 18 966 318 дел, в порядке упрощенного — 146 554 дел. За 2022 год указанными судами рассмотрено: в порядке приказного производства 21 187 589 дел, в порядке упрощенного — 127 307 дел. В арбитражных судах статистика похожая: например, за 2022 год — 521 260 дел рассмотрено в порядке упрощенного производства, 300 704 дела рассмотрено в порядке приказного производства¹. Таким образом, достаточно большое количество дел рассматривается в рамках «упрощенных» производств, и полагаем, что эти цифры будут только расти. Подтверждение тому — внесение изменений в АПК РФ в части увеличения размера требований о взыскании денежных средств: по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, размер требований увеличен с 800 тыс. до 1,2 млн рублей, если требование обращено к юридическому лицу, и с 400 тыс. до 600 тыс. рублей, если требование обращено к индивидуальным предпринимателям. По делам, рассматриваемым в порядке приказного производства, размер требований увеличен с 500 тыс. до 750 тыс. рублей². Отчасти, нагрузка на судебную систему снизилась. Однако рассмотрение большого количества дел в «упрощенных» порядках приводит к тому, что принцип устности вообще не действует. Напрашивается вывод, что упрощенные порядки рассмотрения дел отнюдь не упрощают процесс рассмотрения дел, даже наоборот, попытки законодателя сделать «письменный процесс еще более письменным» приводят к критической модернизации процессуальной формы³. Как отмечает Записная Т.В.: «Законодатель в целях снижения судебной нагрузки избрал качестве единственного инструмента увеличение оснований применения упрощенных письменных производств, и данный курс станет фундаментальным сдвигом баланса в сторону значительного усиления письменного начала»⁴. Видится, законодателю необходимо пересмотреть подход усиления письменного начала в судопроизводстве, сгладив дисбаланс между устностью и письменностью усилением действия принципа устности. С учетом развития информационных технологий, наличием возможности онлайн-представления в суд доказательств, ходатайств (особенно ярко это проявляется в арбитражном процессе через систему kad.arbitr.ru), представляется целесообразным ввести возможность подачи устных заявлений, объяснений, которые трансформировались бы в стенограмму. Такая система «голосового помощника» применяется, в частности, в КНР. Также распространение на упрощенные порядки правила о протоколировании гарантировало бы сторонам, что все представленные доказательства были, действительно, исследованы судом. Подобные нормы о протоколировании процессуальным кодексам не в новинку: апелляционные жалобы и представления на определения суда рассматриваются без извещения лиц, при этом ведется протокол. Исходя из личной практики автора, судьи не всегда исследуют все представленные доказательства. По одному из дел судом вынесено определение об отказе в принятии заявления о выдаче судебного приказа с мотивировкой: «...каких-либо доказательств, подтверждающих факт признания ответчиком обязательства по оплате, в том числе, неустойки взыскателем не представлено»⁵. Однако при подаче заявления о выдаче судебного приказа взыскателем было представлено гарантийное письмо должника об оплате задолженности. Напрашивается вывод, что суд даже не обратил внимание на приложенные к заявлению документы. Действительно, протокол является важнейшим гарантом реализации принципа устности. Как отмечает Овчаренко А.В.: «...протоколирование судебного заседания, в том числе с использованием средств аудиозаписи, необходимо рассматривать... в качестве гарантии реализации

¹ Данные судебной статистики. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 19.02.2024).

² Федеральный закон от 25.12.2023 № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации».

³ Остапенко Е. К. Принципы устности и письменности в упрощенных формах судопроизводства / Е. К. Остапенко // Молодой ученый. 2023. № 15 (462). С. 229–231.. URL: <https://moluch.ru/archive/462/101524/> (дата обращения: 25.02.2024).

⁴ Записная Т. В. Усиление письменного начала в ходе реформы гражданского процесса // Мировой судья. 2016. № 2. С. 36.

⁵ Картотека дел Арбитражного суда города Москвы.[Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/58facb6e-87e8-4255-bc94-cedf93756c73> (дата обращения: 03.03.2024).

принципа устности в процессе»¹. Еще одно подтверждение важности протоколирования – его отсутствие является одним из безусловных оснований к отмене решения суда. Обратим внимание на одно из проявлений оптимизации судопроизводства: это упомянутое выше правило о том, что частная жалоба на определение суда первой инстанции рассматривается без извещения лиц, участвующих в деле, судьей единолично. Лица, участвующие в деле, лишены возможности устно пояснить в судебном заседании свою позицию по жалобе. Таким образом, и в этом случае принцип устности не действует. В судебной практике есть случаи, когда апелляционные суды допускают настолько грубые ошибки, что не ведут протоколирование. Так, Первым кассационным судом общей юрисдикции было отменено апелляционное определение Одинцовского городского суда Московской области с мотивировкой: «...как следует из представленных материалов дела, частная жалоба А.А.РА. на определение суда первой инстанции рассмотрена судом без проведения судебного заседания и ведения протокола судебного заседания. Тот факт, что жалоба подлежала рассмотрению без извещения лиц, участвующих в деле, в силу части 3 статьи 333 ГПК РФ не освобождало суд апелляционной инстанции от проведения судебного заседания и ведения протокола судебного заседания в соответствии с требованиями статей 228 и 327 ГПК РФ»².

Следующая тенденция последних лет – внедрение информационных технологий в судопроизводство: в первую очередь, речь идет об участии в судебных заседаниях с использованием веб-конференции и видео-конференц-связи. Такие нормы введены во все процессуальные кодексы. КАС РФ содержит санкцию для лица, участвующего в деле: согласно ст. 118 КАС РФ, в случае нарушения участником судебного разбирательства правил выступления в судебном заседании председательствующий в судебном заседании вправе как ограничить его выступление, так и вовсе лишить его слова. В одном из дел применение мер процессуального принуждения привело к нарушению прав административного истца на участие в судебном заседании. Б. обратился в суд с административным иском к ГУФСИН России по Пермскому краю, о признании незаконными действий должностных лиц, присуждении компенсации за нарушение условий содержания. Судебное заседание, проводилось с использованием системы видео-конференц-связи. Жалобы административного истца на плохую слышимость суд проигнорировал, сотрудника исправительного учреждения посредством видео-конференц-связи не опросил, дважды объявил административному истцу замечания в ответ на его доводы о плохой слышимости процесса и применил меру процессуального принуждения в виде ограничения участия Б. в судебном заседании до стадии прений. Административного истца на прения суд не вызвал, в связи с чем прения и оглашение резолютивной части решения состоялись в отсутствие административного истца. Приведенные обстоятельства расценены судом апелляционной инстанции как существенные нарушения норм процессуального права, что повлекло отмену решения суда с направлением дела на новое рассмотрение³.

Подводя итог, можно сделать вывод, что оптимизация и упрощение судопроизводства, внедрение информационных технологий должны проходить с учетом соблюдения основополагающих начал судопроизводства, в том числе принципа устности. Такое упрощение законодателю необходимо «откорректировать» с учетом наличия в настоящее время нарушения баланса устности и письменности. Безусловно, в современном судопроизводстве, особенно арбитражном, письменное начало занимает практически ведущую роль, однако, личное устное «общение» сторон между собой и с судом создает наилучшую возможность достижения истины в процессе обмена мнениями, облегчает восприятие доказательств по делу и вынесение законного и обоснованного решения.

Подолинский И. А.

Тюменский государственный университет (ТюмГУ)

Магистрант

Особенности правового статуса судьи в рамках цивилистического процесса

На сегодняшний день процессуальные кодексы в рамках специальных глав о субъектах судопроизводства, не содержат положений о том, что судья является отдельным участником судебного процесса.

¹ Овчаренко А. В. Сочетание принципов устности и письменности в гражданском и арбитражном процессах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2013. С. 31.

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.12.2022 № 88-29912/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ П. 19 «Обзор апелляционной практики Пермского краевого суда по гражданским и административным делам за второе полугодие 2021 года» (утв. президиумом Пермского краевого суда 18.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

При этом процессуальная политика, пожалуй, всех цивилистических кодексов направлена на создание закрытых перечней субъектов судопроизводства, что, в целом, обоснованно, поскольку каждый правовой статус в судебном процессе требует закрепления за ним конкретных прав и обязанностей, которые могут реализоваться в рамках судопроизводства. Без закрытого перечня лиц и их определенной законом правоспособности обеспечить порядок в судебном процессе, пожалуй, было бы затруднительно.

Вместе с тем, очевидно, что правовой статус судьи в рамках судебного разбирательства является ключевым и руководящим по объему полномочий.

В рамках доктрины сформулирован принцип судейского руководства¹, сосредотачивающий в себе объем дискреционных и обязательных полномочий судьи, направленных на надлежащее обеспечение порядка судебного процесса, обращение к данному принципу находит отражение и в судебной практике².

Если обратиться к тому, как сформулированы главы процессуальных кодексов о правовом статусе всех участников судопроизводства, то, например, глава 5 АПК РФ имеет название «Лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса». Если обратиться к Главе 4 ГПК РФ, то она имеет аналогичное название «Лица, участвующие в деле и другие участники процесса».

Учитывая тот факт, что правовой статус судьи не перечисляется в рамках данных глав наряду со всеми иными участниками процесса, законодательная логика, видится, следующей: а) либо судья не рассматривается как участник процесса, т.е. ему не придается отдельного правового статуса субъекта с набором прав и обязанностей – и кодекс в дальнейшем по тексту в этих целях делает равнозначными термины суд и судья, считая, что возможности судьи облечены публичными полномочиями, которые итак уже сформулированы через главу о принципах правосудия и отдельном общем Законе РФ «О статусе судей в РФ» от 26.06.1992 № 3132-1; б) либо, поскольку правовой статус судьи раскрывается в отдельных положениях процессуальных кодексов, и, в силу правовой природы неотъемлемости судьи от суда как органа публичной власти, не нуждается в конкретном упоминании в главах об участниках судебного процесса.

Принцип судейского руководства отражает в нормах ч. 2 ст. 12 ГПК РФ и ч. 3 ст. 9 АПК РФ, ст. 156 ГПК РФ сущность роли судьи в ходе судебного заседания. В частности, описывается, что судья, будучи председательствующим в судебном заседании, «создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств и обстоятельств дела», «устраняет все, что не имеет отношения к рассматриваемому делу», «принимает необходимые меры по обеспечению надлежащего порядка в судебном заседании».

Также учитывая, что обязанность судьи сформулирована в рамках принципа состязательности (ст. 12 ГПК РФ и ст. 9 АПК РФ), некоторые ученые рассматривают данный принцип как неотъемлемый элемент принципа состязательности³, что видится обоснованным, поскольку судейские полномочия позволяют обеспечивать некий баланс реализации своих возможностей каждой стороне.

Как отмечал Е.В. Васьковский судебное руководство требует от судьи обеспечение правомерности, последовательности, удобства и быстроты производства⁴.

Как видится, данные ценности судебного процесса сегодня уже являются неотъемлемым стандартом, которым обязан руководствоваться каждый судья, однако, на практике все больше встречаются ситуации, при которых судья может не придерживаться какого-либо из вышеназванного стандарта – нарушает порядок или последовательность судебных стадий⁵, объективно принимает решения, направленные на затягивание судебного процесса, возвращается к рассмотрению уже рассмотренного ходатайства⁶, попросту не подготавливается к назначенному делу, что приводит к бесчисленным отложениям судебного разбирательства по формальным основаниям.

С одной стороны, актом реагирования на нарушение процессуального принципа руководства может стать обжалование в вышестоящую инстанцию, однако оно будет иметь эффект только при явном нарушении процессуального закона, отраженном в судебном акте. Как известно, принятие решения по ряду ходатайств

¹ Лазарев С. В. Судебное управление движением дела. М. : Статут, 2022. 330 с.

² Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2023 № 802-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.03.2024).

³ Вулах Г. М. Арбитражный суд как участник арбитражного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

⁴ Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. Краснодар, 2003. С. 128. (классика российской процессуальной науки).

⁵ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 05.04.2023 № 88-6171/2023 по делу № 2-193/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Два «решения» по одному ходатайству? URL: https://zakon.ru/discussion/2015/11/05/dva_resheniya_po_odnomu_xodatajstvu.

не предполагает вынесение отдельного определения, как следствие, это создает почву для таких «маневров» как повторное рассмотрение уже рассмотренного ходатайства.

Вместе с тем случаи, подобные процессуальной недобросовестности участников процесса, предполагающие действия формально законные, но имеющие цель обхода закона, фактически возможны и со стороны самого судьи¹. Если смоделировать вполне имеющую место на практике ситуацию, при которой судья уходит в совещательную комнату за 5 минут до закрытия работы суда в пятницу и одновременно с этим, согласно публичному регламенту суда, участников процесса просят покинуть здание суда, т.к. рабочее время официально закончено. Очевидно, что судья, формально продолжая быть в совещательной комнате, покинет здание суда, будет беспрепятственно и на законных основаниях взаимодействовать с окружающим миром, и уже в понедельник, согласно его расписанию, будет председательствовать в новых судебных процессах, и в данном случае стороны терпят последствия неопределенности и незнания результата разрешения ходатайства или объявления решения по существу спора. В рамках их процесса нарушается идея тайны совещательной комнаты, смысл которой состоит в отстранении какого-либо влияния на судью при принятии решения. А вместе с тем, стороны, которых фактически принудили покинуть здание суда, будут считаться участвующими при принятии и объявлении решения в судебном заседании, а от этого могут зависеть сроки обжалования того или иного судебного акта, получить данный судебный акт стороны смогут лишь по факту его мотивированного изготовления и направления по почтовой корреспонденции судом.

В судебной практике отсутствуют случаи прямой квалификации поведения судьи как недобросовестного, что возможно объясняется и тем, что судья не причислен кодексом в качестве участника судебного процесса, а значит, применить к нему процессуальный штраф в виде санкции или в качестве эстоппеля заблокировать то или иное процессуальное поведение не представляется возможным, более того такие санкции вправе налагать только сам судья. Как видится, единственным механизмом противодействия судебской недобросовестности на сегодняшний день является обжалование в вышестоящую инстанцию.

Однако правовая природа процессуального нарушения, являющегося основанием для отмены того или иного судебного акта и недобросовестного поведения существенно отличается, поскольку недобросовестное поведение противопоставляется незаконному², а значит, недобросовестную реализацию дискреций судьи нельзя обнаружить в тексте судебного акта, так как она явствует только из фактических обстоятельств – ни один судья не зафиксирует в судебном акте, что он дважды разрешал одно и то же ходатайство по разному, при этом данный факт может быть зафиксирован в аудиопотоколах.

В связи с вышеизложенным стоит прийти к выводу о том, что правовой статус судьи в процессуальных кодексах совершенно особенный и рассчитан на реализацию определенных публично-властных полномочий, предполагающих роль по организации функции государственного правосудия в рамках конкретного цивилистического процесса³. В связи с этим судья обоснованно законодательно не причисляется к статусу участника процесса. Те дискреционные полномочия по руководству судебным процессом или возможности судебского усмотрения при принятии решений, видятся необходимым и очень тонким полномочием, а не элементом его правоспособности как участника процесса. Как видится, сегодня кодексы не рассчитаны на то, что со стороны судьи будут возможны случаи фактического злоупотребления своими полномочиями, поэтому правовые основы статуса судьи на сегодняшний день идеализированы, и фактически злоупотребление правом со стороны судьи попросту аномально для процессуального законодательства, то есть оно за пределами видимости закона.

Ввиду того что судья обладает именно полномочиями, а не правами и обязанностями как участники процесса, возможно требуется сформулировать в процессуальных кодексах понятие злоупотребление процессуальными полномочиями, предполагающее реализацию тех или иных полномочий в обход закона, в ущерб принципам правосудия. При выявлении данного факта в отношении судьи необходимо применять персональные, дисциплинарные санкции, аналогично процессуальному штрафу для участников процесса за нарушение порядка судопроизводства.

---

¹ Бессонов П. В. Злоупотребление правом со стороны суда в арбитражном процессе // Вестник МФЮА. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-so-storony-suda-v-arbitrazhnom-protsesse> (дата обращения: 09.03.2024).

² п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. № 140. 30.06.2015.

³ Васильковский Е. В. Указ. соч. С. 352.

Романова Е. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Ограничивает ли профессиональное представительство в гражданском процессе право на судебную защиту?

В настоящее время представителями в суде согласно ч. 2 ст. 49 ГПК РФ могут быть адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, полномочия которых на ведение дела надлежащим образом оформлены и подтверждены, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами. В.В. Ярков полагает, что «при успешном применении данного правила следующим шагом может быть введение профессионального представительства, основанного, как это принято во многих странах, на статусе адвоката»¹.

В ноябре 2022 г. Верховным Судом РФ была предложена законодательная инициатива² о распространении правил о профессиональном представительстве в гражданском процессе на мировых судей и районные суды.

Стоит отметить, что впервые требование о профессиональном представительстве появилось в действующем АПК РФ. Согласно ч. 5 ст. 59 АПК РФ (ред. от 02.11.2004) представителями граждан могли выступать руководители организаций или лица, состоящие в штате указанных организаций, либо адвокаты, однако данная норма была признана несоответствующей Конституции РФ³. Конституционный Суд РФ установил, что рассматриваемая норма в системной связи с п. 4 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» – лишает работников организаций и частнопрактикующих юристов возможности выполнять обязательства по представительству интересов доверителя в арбитражном суде в случаях, когда клиентом является не гражданин, а организация. Таким образом, критерием для ограничения допуска к участию в качестве представителей в арбитражном процессе являлись не квалификационные требования, связанные с качеством юридической помощи, а организационно-правовая форма участника судопроизводства, что в действующей системе правового регулирования не соответствует Конституции РФ⁴. В новой редакции статьи представителями граждан и организаций получили возможность быть как адвокаты, так и другие лица, оказывающие юридическую помощь.

Министерство юстиции РФ с 2017 года предлагает проект Концепции по регулированию рынка профессиональной юридической помощи, которая предлагает адвокатскую монополию на представительство в судах⁵. Данный проект подвергался неоднократным изменениям и продолжает обсуждаться в профессиональной среде, однако на данный момент не имеет практической реализации. Противоположную позицию занимает Конституционный Суд РФ, который в постановлении от 9 июля 2012 года № 17-П подчеркнул, что требование о профессиональном представительстве относится только к специализированным государственным судам и связано с особенностями рассматриваемых ими дел. Таким образом, единого мнения по данному вопросу среди государственных органов, судов, профессионального сообщества и ученых нет.

О масштабе предлагаемых изменений свидетельствует судебная статистика: в 2022 году количество гражданских и административных дел, принятых к производству мировыми судьями и районными судами составило более 31 млн⁶. При этом количество дел, в которых не требовалось участие профессионального

---

¹ Ярков В. В. Представительство в делах административного судопроизводства // Административное судопроизводство учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция»/ отв. ред. В. В. Ярков; Урал.гос. юрид.ун-т 2-е изд., испр и доп М. : Статут, 2021. С. 115.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 32 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31745/> (дата обращения: 09.03.2024).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 года № 15-П // СЗ РФ. 2004. № 31.

⁴ Там же.

⁵ Проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/deyatelnost-v-sfere-advokatury/konceptsiya-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy/> (дата обращения: 09.03.2024).

⁶ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ URL: <http://cdep.ru/?id=80/> (дата обращения: 09.03.2024).

представителя, составило 426 тыс¹. Таким образом, споров, рассматриваемых с необходимым участием профессионального представителя, было почти в 70 раз меньше. На данный момент не все дела мировых судей и районных судов рассматриваются с участием юристов, поэтому, в случае принятия инициативы ВС РФ необходимость в квалифицированных представителях возрастет в десятки раз. Это может привести к сложностям в защите прав, так как качество юридических услуг может не соответствовать их доступности в условиях монополизации.

Институт судебного представительства является гарантией конституционного права на судебную защиту, закрепленного в ст. 46 Конституции РФ. В развитие этого конституционного положения ст. 3 ГПК РФ устанавливает, что заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов.

С одной стороны, профессиональное представительство обеспечивает осуществление прав граждан, организаций на получение квалифицированной юридической помощи, что гарантировано ст. 48 Конституции РФ, а также дает возможность осуществления правосудия в случаях, когда невозможно личное участие истца, ответчика или третьих лиц в судебном процессе. Эти функции способствуют правильному и своевременному разрешению дела. Представитель осуществляет комплекс процессуальных действий в рамках полномочий, которыми он наделен в связи с выполнением своих функций в суде: подготавливает процессуальные документы, непосредственно участвует в судебном заседании, представляя интересы доверителя, подает ходатайства. Право регулирует сложнейшую материю – общественные отношения, оно должно быть понятным для всех. Однако граждане часто нуждаются в квалифицированной юридической помощи, так как справиться со сложившейся проблемой самостоятельно не могут.

С другой стороны, участие профессионального представителя не всегда является гарантией предоставления качественной юридической помощи доверителю. Стоит отметить, что качество нынешнего юридического образования подвергается критике, а квалификация кадров отличается в ВУЗах². Заместитель председателя правления АЮР И. В. Редькин полагает, что мы имеем не большое количество высококвалифицированных специалистов-юристов, а большое количество выдаваемых дипломов³.

В случае реализации предложения по профессиональному представительству для дел, рассматриваемых районными судами и мировыми судьями, цена на услуги представителя из-за увеличения спроса вырастет. Таким образом, гражданин, не в пользу которого вынесено решение, будет вынужден оплачивать услуги своего представителя, а также возмещать судебные издержки другой стороне. Это может стать причиной отказа от обращения в суд, даже в ситуации, когда права действительно нарушены и нуждаются в судебной защите. По мнению С.С. Казихановой и Д.Ю. Ионовой, это, несомненно, будет препятствовать доступности правосудия⁴.

О.Ю. Фомина отмечает, что профессионализация судебного представительства вне сомнений потребует дополнительных расходов для оплаты труда представителей со стороны государства, на обеспечение качества юридической подготовки и другие расходы⁵.

А.Н. Ведерников рассматривает право на судебную защиту как многоаспектное правовое образование, гарантированное государством и предоставляющее личности возможность обратиться в суд за защитой прав, свобод и законных интересов, защищать их лично или путем привлечения к этому адвоката – представителя, и обязывающее государство восстановить нарушенное право в случае признания судом необоснованности его нарушения⁶. Представляется, что должен сохраниться выбор к кому обратиться юристу с высшим образованием или ученой степенью, адвокату или другому лицу, вовсе не имеющему образования, или защищать свои права лично.

¹ Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2023 года административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/32700/ (дата обращения: 09.03.2024).

² ТАСС: информ. агентство России: сайт. Москва, 2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13592785> (дата обращения: 09.03.2024).

³ Юридический форум. Приложение к газете «Коммерсантъ С-Петербург» № 91 2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2733612> (дата обращения: 09.03.2024).

⁴ Казиханова С. С., Ионова Д. Ю. Профессионализация судебного представительства, или Еще раз к вопросу о доступности правосудия // Хозяйство и право: ежемесячный юридический журнал. 2023. № 11. С. 86.

⁵ Фомина О. Ю. Профессиональное представительство: доводы за и против // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 99.

⁶ Ведерников А. Н. Конституционное право личности на судебную защиту в Российской Федерации и проблемы его реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Н. Ведерников. М., 2012. С. 15.

Активная роль суда в разрешении дела подтверждает необязательность института профессионального представительства, поскольку в соответствии с ч. 1, 8, ст. 150 ГПК РФ суд разъясняет сторонам их процессуальные права и обязанности, вызывает свидетелей, назначает экспертизу и эксперта для ее проведения, привлекает специалиста. Согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, суд сам определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне необходимо их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение. Таким образом, лица, участвующие в деле, не имеющие высшего юридического образования могут защитить свое право без помощи юриста¹.

Правосудие существует для граждан и для организаций, поэтому необходимо обеспечить условия для подлинной реализации ими права на судебную защиту. Правило о распространении профессионального договорного представительства на районные суды и мировых судей, на наш взгляд, ограничит доступ к правосудию.

Сорокина А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Доказательственное значение процессуального поведения лиц, участвующих в деле, в цивилистическом процессе

Традиционно, обстоятельства, имеющие значение для дела, устанавливаются в цивилистическом процессе с помощью определенных в законе средств доказывания (ст. 55 ГПК РФ, ст. 64 АПК РФ). При этом доказательственное значение имеют лишь факты материально-правового характера, которые входят в предмет доказывания и подлежат установлению судом для разрешения дела по существу.

Вопрос же о доказательственном значении процессуального поведения лиц, участвующих в деле, является достаточно дискуссионным и уже исследовался в советской и российской доктрине. Так, С.В. Курылев обращал внимание на то, что помимо объяснений сторон, в определенных случаях доказательственное значение имеют и иные действия (бездействие) сторон, совершаемые как в рамках процесса, так и вне его². А.Т. Боннер, признавая доказательственное значение процессуального поведения, указывал, что «поведение сторон не является самостоятельным средством доказывания, но лишь может служить доказательственным фактом или фактами»³.

Процессуальные действия, совершаемые сторонами (представление и собирание доказательств, участие в их исследовании, заявление ходатайств и отводов и т.д.) являются лишь определенными средствами разрешения материально-правового спора, рассматриваемого судом. Тем не менее, анализ судебной практики⁴ и доктрины позволяет сделать вывод, что процессуальное поведение в некоторых случаях может приобретать доказательственное значение для материально-правовых отношений, входящих в предмет судебного установления⁵.

Рассмотрим основные подходы, выработанные доктриной, обосновывающие правомерность признания доказательственного значения процессуального поведения.

Факты процессуального поведения могут иметь доказательственное значение для установления как тех фактов, с которыми связано разрешение дела по существу⁶, так и фактов, входящих в так называемый локальный предмет доказывания⁷. Так, например, ответчик, заявляя об отмене заочного решения суда,

---

¹ Фомина О. Ю. Указ. соч. С. 98.

² Курылев С. В. Избранные труды // Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. — (Наследие права). С. 203.

³ Боннер А. Т. Проблемы теории судебных доказательств // Избранные труды. Т. V // Москва, Проспект, 2017. С. 773.

⁴ См., например: определение Верховного Суда РФ от 12.02.2024 № 301-ЭС18-9841(2225) по делу № А31-9212/2015 ; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2023 № 88-21631/2023 ; определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 № 88-7430/2023 ; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.12.2023 № 13АП-3200/2023 по делу № А56-12211/2016/тр.12/нр.

⁵ Юдин А. В. «Улики поведения» в гражданском и арбитражном процессе (к вопросу о доказательственном значении фактов процессуального поведения лиц, участвующих в деле) // Вестник гражданского процесса. 2016. № 4. С. 12–32.

⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.02.2023 № Ф09-9816/22 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Гражданский процесс : учебник для студентов юридических высших учебных заведений // Уральский гос. юрид. ун-т ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. В. Ярков. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2021. С. 192.

должен представить доказательства уважительности причин неявки в судебное заседание, а также факты, которые могут повлиять на решение суда (ст. 233 ГПК РФ).

В отдельных случаях доказательственное значение процессуального поведения прямо предусмотрено законом. При уклонении стороны от участия в экспертизе, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым (ч. 3 ст. 79 ГПК РФ). Обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены (ч. 3.1. ст. 70 АПК РФ).

Таким образом, процессуальным законодательством предусматриваются последствия пассивного поведения лиц, участвующих в деле, которые позволяют установить материально-правовые факты. Некоторые исследователи также отмечают, что вышеуказанные нормы следует относить к доказательственным презумпциям, при которых процессуальное поведение сторон в суде приобретает силу доказательства, несмотря на то, что оно прямо не поименовано¹.

Как правило, процессуальное поведение лица должно соответствовать тем материально-правовым требованиям, которые сторона излагает в своей правовой позиции. Соответственно, противоречия между процессуальным поведением лица и его материально-правовыми требованиями, могут вызывать сомнения у суда в состоятельности заявленной позиции.

Например, в споре по договору о международной перевозке груза ответчик возражал против возложения на него оплаты штрафа, основывая свои требования на том, что у него отсутствовала обязанность, за неисполнение которой он был привлечен к ответственности. Однако в процессе им было заявлено ходатайство об уменьшении неустойки по данному договору. Суд посчитал, что данное действие свидетельствует о признании им за собой спорной обязанности².

Процессуальное поведение лица, демонстрируемое в одном процессе, может использоваться для опровержения его материально-правовой позиции по делу в другом процессе. В ряде случаев имеет место процессуальный эстоппель, влекущий утрату права на возражение в суде³.

Так, например, должник, обратился в суд с требованием о признании дополнительного соглашения к договору недействительным, однако в другом процессе ссылался на оспариваемое соглашение как на надлежащее доказательство, то есть фактически признавал его заключенным и действительным, что подтверждалось его дальнейшими действиями. Впоследствии суд отказал в удовлетворении его требований⁴.

Доказательственное значение по делу могут иметь и различные формы злоупотребления процессуальными правами. Судебная практика полна разнообразными примерами: постоянные противоречия в представленных документах⁵ и их несвоевременное предоставление, неоднократное изменение позиции по делу⁶, необоснованные ходатайства и заявления, в том числе об отложении судебного разбирательства или отводе судьи⁷, грубое и неуважительное отношение к другому участнику процесса⁸. Таким поведением сторона «выдает» себя, что позволяет суду сделать вывод о тех фактах, которые лицо пытается скрыть, затягивая процесс. И наоборот, подобные процессуальные действия могут служить дополнительной аргументацией в пользу оппонента.

Представляется, что придание большего значения процессуальному поведению в правоприменительной практике, повышение внимания со стороны суда к подобным процессуальным действиям лиц, участвующих в деле, мотивировало бы их более ответственно подходить к реализации своих прав и обязанностей, что

---

¹ Епатко М. Ю. Противодействие злоупотреблению процессуальными правами в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2019. № 2. С. 153.

² Определение Верховного Суда РФ от 05.07.2022 № 305-ЭС22-12675 по делу № А40-137282/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.08.2023 № 88-16130/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 16.06.2022 № 306-ЭС20-5179(4) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.03.2023 № Ф04-466/2023 по делу № А75-4873/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.11.2023 по делу № 88-37434/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.01.2024 № Ф04-3407/2020 по делу № А02-673/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.01.2024 № Ф04-466/2023 по делу № А75-4873/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

уменьшило бы количество случаев злоупотреблений в виде несвоевременной подачи ходатайств, противоречий в заявленных требованиях и т.п.

Однако важно отметить, что оценка доказательственного значения того или иного акта процессуального поведения полностью относится к компетенции суда, в силу правил оценки доказательств (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ). При этом оценка актов процессуального поведения не должна производиться в отрыве от всех остальных доказательств и установленных фактов. Поэтому следует согласиться с позицией А.Т. Боннера, который утверждал, что эти факты должны исследоваться и оцениваться судом в совокупности с другими обстоятельствами дела¹.

Проанализированная судебная практика позволяет сделать вывод о том, что, хотя и процессуальное поведение лиц, участвующих в деле, не является доказательством в силу прямого указания закона, суды придают ему оценку², и это, несомненно, может оказать влияние на принятие итогового судебного акта³. При этом факты процессуального поведения, являясь доказательственными (промежуточными) фактами, указывают на связь с фактами, входящими в предмет доказывания, а значит, своевременная реакция суда на подобное поведение может позволить быстрее устанавливать обстоятельства по делу.

Филатова Е. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблемы процессуального статуса контролирующего должника лица в деле о несостоятельности (банкротстве)

Особая природа материальных правовых отношений, складывающихся между участниками дел о несостоятельности (банкротстве), предопределила закрепление специальных процессуальных правил их рассмотрения, пронизывающих многие институты цивилистического процесса. В частности, это касается субъектного состава дел о банкротстве, который существенно отличается от круга лиц, участвующих в деле, в арбитражном процессе (ст. 40 АПК РФ).

Процессуальные правоотношения по делу о несостоятельности имеют отличительную особенность – многосубъектность⁴. Так, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»⁵ (далее – Закон о банкротстве) выделяет лиц, участвующих в деле о банкротстве (ст. 34 Закона о банкротстве), и лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве (ст. 35 Закона о банкротстве), различающихся объемом процессуальных прав и обязанностей. Иные лица, не относящиеся к двум указанным категориям, выступают в качестве субъектов отдельных обособленных споров⁶.

До недавнего времени в числе последних было контролирующее должника лицо (далее – КДЛ), за которым признавался статус ответчика по обособленному спору о привлечении к субсидиарной ответственности⁷. Однако поступательное расширение процессуальных прав КДЛ, которое началось с правовых позиций Верховного Суда РФ⁸ и Конституционного Суда РФ⁹ и завершилось внесением поправок в

¹ Боннер А. Т. Указ. соч. С. 773.

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.04.2023 № Ф09-1298/23 по делу № А60-14889/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 № 307-ЭС17-11745(2) по делу № А56-83793/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Подольский Ю. Д. Обособленные споры в банкротстве : монография / Уральск. гос. юрид. ун-т, каф. гражд. процесса. М. : Статут, 2020. С. 69.

⁵ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁶ Алфимова А. С. Процессуальный статус контролирующих должника лиц в деле о банкротстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12. С. 202–209.

⁷ Абзац 1 п. 1 ст. 61.15 Закона о банкротстве; пп. 5 п. 15 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ, № 8, август, 2012.

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.09.2021 № 307-ЭС21-9176 по делу № А56-17680/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 № 49-П «По делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина Н. Е. Акимова» // СЗ РФ. 2021. № 8. Ст. 8141.

ст. 34, 61.15 Закона о банкротстве¹, свидетельствует о том, что КДЛ становится полноценным участником дела о банкротстве, а его процессуальное положение не сводится к участию лишь в одном обособленном споре.

Необходимо учитывать, что сфера реализации предоставленных КДЛ прав ограничена теми вопросами, решение которых может повлиять на привлечение его к ответственности, а также на ее размер (абз. 2 п. 4 ст. 34 Закона о банкротстве). Такие вопросы могут исследоваться не только в обособленных спорах о включении в реестр требований кредиторов и об обжаловании действий (бездействия) арбитражного управляющего, право на участие в которых КДЛ прямо признано высшими судебными инстанциями, но и в обособленных спорах об оспаривании сделок², о разрешении разногласий³, о признании недействительными торгов по реализации имущества должника⁴. Кроме того, КДЛ вправе защищать свои права в спорах, влияющих на производство по делу о банкротстве, путем обжалования судебного акта о взыскании с должника в пользу кредитора задолженности, на основании которого кредитор предъявил свои требования в деле о банкротстве⁵, оспаривания решения о привлечении должника к налоговой ответственности⁶.

Результатом столь оперативного реагирования законодателя на позицию Конституционного Суда РФ о необходимости внесения изменений в Закон о банкротстве стало устранение ряда пробелов, связанных с процессуальным положением КДЛ. В частности, на законодательном уровне закреплено право КДЛ на участие не только в обособленном споре о привлечении к субсидиарной ответственности, но и в иных обособленных спорах, разработан механизм вовлечения КДЛ в дело о банкротстве.

Тем не менее данные нововведения породили некоторые проблемы, которые препятствуют эффективной реализации КДЛ права на судебную защиту. Так, Закон о банкротстве предусматривает два способа приобретения КДЛ статуса лица, участвующего в деле.

Первый способ предполагает, что потенциальное КДЛ еще до возбуждения спора о привлечении к субсидиарной ответственности может подать мотивированное ходатайство о вступлении в дело о банкротстве, по результатам рассмотрения которого арбитражный суд выносит соответствующее определение (п. 4 ст. 34 Закона о банкротстве).

Второй способ предусматривает, что КДЛ, которое не обращалось с вышеуказанным ходатайством, приобретает права участника дела о банкротстве только с момента возбуждения спора о привлечении его к субсидиарной ответственности (абз. 1 и 2 п. 1 ст. 61.15 Закона о банкротстве). При этом первый способ является приоритетным, поскольку лицо, которое участвовало или имело возможность участвовать в деле до подачи заявления о привлечении его к субсидиарной ответственности, лишается права на восстановление пропущенного срока при обжаловании ранее принятых по делу судебных актов (абз. 3 п. 1 ст. 61.15 Закона о банкротстве).

Безусловно, такой подход справедлив в отношении КДЛ, одновременно занимающего иное процессуальное положение (например, конкурсного кредитора). Однако для лица, которое ранее не вступало в дело в качестве КДЛ на основании ходатайства, но теоретически могло воспользоваться этой возможностью, такое процессуальное последствие является излишним. Это связано с тем, что указанный субъект лишается права на заявление возражений относительно наличия у себя статуса КДЛ в рамках спора о привлечении к субсидиарной ответственности, поскольку вынужден заранее заявить о способности определять действия должника и обозначить период контроля, чтобы в будущем не утратить право на восстановление пропущенного срока при обжаловании судебных актов. Таким образом, ходатайство КДЛ о вступлении в дело может трактоваться как признание обстоятельств, входящих в предмет доказывания по обособленному спору о субсидиарной ответственности (ч. 3 ст. 70 АПК РФ).

С учетом вышеизложенного при рассмотрении вопроса о вступлении КДЛ в дело целесообразно установить лишь потенциальную возможность лица влиять на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника в определенный период времени, без определения момента объективного банкротства.

---

¹ Федеральный закон от 21.11.2022 № 452-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2022. № 48. Ст. 8319.

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.10.2022 № Ф04-1313/2020 по делу № А03-4232/2019.

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.12.2021 № Ф08-13403/2021 по делу № А32-31043/2018.

⁴ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 15.11.2023 по делу № А33-453/2015к98.

⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20.01.2023 № Ф06-27842/2022 по делу № А49-7737/2020.

⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.02.2023 № Ф05-233/2023 по делу № А40-107948/2022.

Кроме того, следует исключить из абз. 1 п. 4 ст. 34 Закона о банкротстве правило о «мотивированности» ходатайства, поскольку именно оно обязывает КДЛ обосновать, каким образом оно осуществляло фактический контроль над должником, и привести соответствующие доказательства. В таком случае можно будет избежать ситуации, когда спор о привлечении КДЛ к делу предрешает спор о субсидиарной ответственности¹.

Нерешенным в свете внесенных в Закон о банкротстве изменений остался также вопрос о прекращении прав КДЛ как лица, участвующего в деле о банкротстве. Как показывает складывающаяся судебная практика, если обособленный спор о субсидиарной ответственности завершен и установлено наличие оснований для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности, он сохраняет право на участие в обособленных спорах и общеисковых делах, разрешение которых может повлиять на ее размер². Если же в привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности отказано, он утрачивает свой процессуальный статус³.

Позицию судов в части лишения КДЛ, не привлеченного к субсидиарной ответственности, возможности дальнейшей реализации процессуальных прав нельзя признать верной. У такого лица может сохраняться интерес к формированию и распределению конкурсной массы, поскольку в силу ст. 148 Закона о банкротстве учредители (участники) должника вправе получить имущество должника, не проданное в ходе конкурсного производства или оставшееся после завершения расчетов с конкурсными кредиторами. В связи с этим необходимо признать за КДЛ, не привлеченным к субсидиарной ответственности, право на участие в обособленных спорах, способствующих пополнению конкурсной массы (например, о взыскании убытков с арбитражного управляющего) или уменьшению реестра требований кредиторов (например, о пересмотре по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебного акта о признании требования кредитора обоснованным; об исключении требования из реестра требований кредиторов).

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что законодательное закрепление права КДЛ на участие в обособленных спорах, связанных с привлечением его к субсидиарной ответственности, разрешило многие проблемные вопросы, которые ранее входили в сферу судебного усмотрения и ограничивали отдельных КДЛ в доступе к правосудию. Вместе с тем внесение изменений в Закон о банкротстве является лишь первым шагом на пути к достижению баланса интересов участников процедуры банкротства, поэтому говорить о завершении формирования процессуального положения КДЛ как лица, участвующего в деле о банкротстве, на сегодняшний день преждевременно.

Чернышов Н. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Процессуальное положение Уполномоченного по защите прав предпринимателей в арбитражном процессе

Уполномоченный по защите прав предпринимателей – должностное лицо, наделенное особыми специфическими полномочиями в сфере защиты прав и законных интересов представителей бизнеса. На сегодняшний день в России уполномоченные действуют на уровне Российской Федерации (Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей) и на уровне субъектов РФ. Их правовой статус в полной мере урегулирован специальным Федеральным законом от 7 мая 2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации». В современном контексте рыночной экономики, где прослеживается неотъемлемая необходимость в гармонизации интересов корпоративного сектора и государства, встает вопрос о высокой актуальности и значимости функций, которые осуществляют бизнес-омбудсмены. В этой связи федеральное законодательство, которое определяет их

---

¹ Антонов А. С., Чернышенко Н. С. Закон допустил контролирующих должника лиц к участию в деле о банкротстве // Вестник арбитражной практики. 2022. № 6.

² См., например: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.03.2023 № Ф04-2007/2021 по делу № А45-16437/2018 ; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.11.2022 № Ф07-17213/2022 по делу № А56-8833/2019 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.02.2023 № Ф05-7345/2019 по делу № А40-228634/2017 ; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 01.06.2023 № 07АП-5045/2021(15) по делу № А03-1822/2019.

³ См., например: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.10.2023 № Ф08-8009/2023 по делу № А32-33424/2014 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.03.2022 № Ф05-28300/2021 по делу № А40-183245/2015 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.09.2021 № Ф05-16437/2018 по делу № А40-225472/2017.

правовой статус и должностную компетенцию, превращается в ключевой инструмент и фундамент для формирования стабильной и благоприятной предпринимательской среды в нашей стране.

Статья 53.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹ устанавливает две формы участия в процессе Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей (далее – Уполномоченный): первая – это участие в качестве истца, а вторая – участие в уже инициированном процессе на стороне истца или ответчика в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований. Правда, как демонстрирует практика, именно в отношении второй формы участия Уполномоченного в арбитражном процессе появляется множество вопросов и проблем, возникающих как в научной среде, так и в процессе правоприменения.

В соответствии со статьей 51 АПК РФ третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, вступают в уже начатый судебный процесс до того момента, как судом будет вынесено решение в первой инстанции, в том случае, если оно может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон. Их вступление в процесс оформляется определением суда. Однако, следует отметить, что участие третьих лиц, не имеющих самостоятельных требований, в судебном разбирательстве обычно обусловлено наличием у них определенного процессуального интереса в исходе дела, который может быть связан, например, с возможностью предъявления требований в порядке регресса в будущем. В данном контексте возникает вопрос о характере процессуального интереса у Уполномоченного, особенно если учитывать тот факт, что Арбитражный процессуальный кодекс РФ определяет его как третье лицо.

В литературе этот вопрос также привлекает внимание исследователей. Авторы Комментария к АПК РФ под ред. В.В. Яркова подчеркивают, что статус Уполномоченного видится очень сложным соотносить с признаками, характеризующими третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований, поскольку судебный акт не может оказать влияние на права и обязанности Уполномоченного по отношению к одной из сторон. У него нет материально-правовой связи с ними. В соответствии с оценкой авторов данного комментария, более точным было бы утверждение о том, что Уполномоченные обладают лишь процессуальными правами и обязанностями третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, но не являются третьими лицами по своей сути².

В то же время, профессор С.Ж. Соловых обращает внимание на то, что интерес Уполномоченного в процессе, который позволяет ему выступать в роли третьего лица без самостоятельных требований по отношению к предмету спора, заключается в реализации функции защиты прав представителей бизнеса. Данный интерес непосредственно связан с интересами предпринимателей, что объясняет вступление Уполномоченного в процесс в данном качестве³. Представляется, что его интерес можно считать служебным.

В свете вышеизложенного, особое внимание заслуживает исследование позиции Уполномоченного лица и его роли в рамках арбитражного процесса в сопоставлении с функцией прокурора, преследующего служебный интерес в деле. Однако, закономерен вопрос о том, по какой причине законодатель отнес Уполномоченное лицо к числу третьих лиц, вместо того, чтобы предоставить ему специфический статус в разделе, посвященном участникам процесса, как это имеет место в Гражданском или Арбитражном процессуальных кодексах Российской Федерации, к примеру, в отношении прокурора.

Практика судебных решений по данному вопросу представляет собой ситуацию с некоторой долей неопределенности, изменяясь в зависимости от территориальных и инстанционных факторов. Во многих случаях суды не удовлетворяют ходатайства о привлечении Уполномоченного в качестве третьего лица. К примеру, один из федеральных арбитражных судов подчеркнул, что судебные акты не влияют на права и обязанности Уполномоченного по защите прав предпринимателей, что исключает возможность его участия в процессе в качестве третьего лица⁴.

Главная проблема возникает тогда, когда сторона желает привлечь в процесс региональных Уполномоченных по защите прав предпринимателей. Действительно, согласно пункту 2 статьи 53.1 АПК РФ, вступать в дело в качестве третьего лица может только Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Если подходить к данному законодательному положению формально-юридически,

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002. № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002 г. № 30. Ст. 3012 с изм. и доп. в ред. от 25.12.2023.

² Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Абсалямов, Д. Б. Абушенко, А. И. Бессонова [и др.] ; под ред. В. В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М. : Статут, 2020. 1071 с.

³ Соловых С. Ж. Участие Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в арбитражном процессе // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 31–33.

⁴ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31 мая 2022 № Ф09-9816/21 по делу № А50-21545/2021.

Уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах РФ не обладают правом вступления в процесс в качестве третьего лица, а могут только инициировать процесс, обратившись в арбитражный суд с исковым заявлением в защиту прав участников бизнес-сообщества.

Некоторые суды всё равно привлекают Уполномоченных в субъектах РФ в качестве третьих лиц, толкуя положения статьи 53.1 АПК РФ более расширительно и основываясь на том, что их необходимо применять в тесной связи с содержанием специального федерального закона, который раскрывает основополагающие направления деятельности, права, обязанности и компетенцию федеральных и региональных Уполномоченных по защите прав предпринимателей¹.

Однако, другие суды чаще отказываются привлекать Уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах РФ в качестве третьих лиц, утверждая, что процессуальный закон не предусматривает такую форму их участия в процессе, формально толкуя п. 2 ст. 53.1 АПК РФ². Некоторые судебные органы также отказывают в привлечении Уполномоченных в субъектах РФ в качестве третьих лиц, указывая на то, что трудно представить, что судебный акт может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон обособленного спора³. В таких случаях суды отталкиваются от юридической природы третьих лиц и не допускают Уполномоченных к участию в процессе в таком виде.

Можно сделать вывод, что Уполномоченный по защите прав предпринимателей действительно не имеет процессуальных оснований выступать в роли третьего лица, не предъявляющего самостоятельных требований. В связи с отсутствием материального интереса в исходе дела, их участие в качестве третьих лиц может показаться несоответствующим общему назначению третьих лиц, описанному в процессуальной доктрине.

С учетом сложности этой задачи, важно начать с акцента на изменениях в нормативной базе. В свете улучшения правового положения Уполномоченного по защите прав предпринимателей важно обратить внимание на переосмысление его статуса в арбитражном процессе. Представляется, что его положение можно урегулировать по аналогии с процессуальным положением прокурора, который вступает в процесс и дает заключение по делу в гражданском процессе (п. 3 ст. 45 ГПК РФ). Уполномоченный таким же образом может вступать в арбитражный процесс, но уже не как третье лицо, а как специальный субъект, обладающий специальными знаниями в области предпринимательства и имеющий возможность дать профессиональное заключение по делу. Его роль в таком качестве поможет более эффективно содействовать в защите прав предпринимателей, а суд не столкнется с проблемой привлечения его в процесс в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора.

В заключение, роль Уполномоченного по защите прав предпринимателей в контексте арбитражного процесса значима, так как он официально представляет интересы предпринимательского сообщества, оказывает поддержку в случае возникновения споров и нарушений относительно государства. Однако, для обеспечения последовательности в практике судебных решений и избегания противоречий в правоприменительной практике, требуется более точное определение процессуального статуса Уполномоченного органа в рамках арбитражного судопроизводства.

---

¹ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 21 ноября 2022 по делу № А75-4450/2022 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4412dac5-eaef-4dbc-ae9a-cd7311969bb6/6160774f-b3a9-4288-b53c-7cef9d640a3e/A75-4450-2022_20221121_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.02.2024).

² Определение Арбитражного суда Липецкой области об отказе в удовлетворении ходатайства о вступлении в дело в качестве третьего лица от 10 июля 2015 по делу № А36-2952/2015 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2127a0e6-9ce7-4861-ac94-ffbe2b7e81e1/99020840-2e3f-4bce-9515-e2f4a6eb6db3/A36-2952-2015_20150710_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.02.2024).

³ Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по результатам рассмотрения заявления Лисового Д. В. о взыскании убытков с Колюнко Э. Б., Васильева С. В., Шувалова В. П., Дейнеги Г. И. и Асхабова Г. М. от 14 сентября 2016 по делу № А56-46923/2013 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fb46cbe5-c8c3-44f9-85b1-93e2fe2f101e/5be38c2e-a415-4597-b82f-7a29d45ed787/A56-46923-2013_20160914_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.02.2024).

Юдкина В. В.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Магистрант

К вопросу определения правового статуса истца-представителя в групповом иске

Практика нарушения законных прав в массовом порядке всегда интересовала российского правоприменителя. Загруженность судов индивидуальными исками, трудности с предоставлением доказательств, долгие судебные разбирательства во многом способствовали поиску верных путей решения со стороны российского законодателя. Американский опыт группового производства продемонстрировал неплохие результаты. Тем не менее, у каждой медали есть две стороны.

В Российской Федерации количество коллективных исков возрастает с каждым годом. Наглядно этот пример демонстрирует статистика. Так, количество групповых исков, которые рассмотрели российские суды, в 2020 г. – 782 дела, в 2021 г. – 832, а в 2022 г. – 6434.

Скачок интереса общественности к коллективным искам во многом обусловлен растущей популярностью обсуждения тематики группового производства на конференциях различного уровня. Таким образом, учитывая столь неиссякаемое желание развивать данный институт процессуального права можно прогнозировать и увеличение спроса на данный вид производства в ближайшем будущем.

В юридической литературы многие исследователи рассуждают в рамках своих научных работ о роли истца-представителя, лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, и представителя в коллективных и индивидуальных исках.

Групповой иск по определению признается более сложным в сравнении с индивидуальными исками, поскольку необходимо предоставить достаточный объем доказательств в отношении каждого из членов группы и соблюдать неординарный порядок рассмотрения группового иска¹. Более того, судьба группового иска во многом зависит от благоразумия со стороны заявителя, проявляющего активность в процессе.

Тем не менее, групповой иск обладает приоритетом над индивидуальным иском не присоединившегося участника группы. Однако вопреки принципу права на судебную защиту в России возможность прекращения производства по индивидуальному иску не присоединившегося участника в случае вынесения решения по групповому иску допускается лишь в АПК РФ².

Отличительной особенностью института процессуального соучастия является факт выступления каждого из истцов в процессе от своего имени. При этом соистец может поручить ведение дела одному или нескольким соистцам, а также пользуется правом ведения своих дел через представителя, однако, правовой статус соистца в таком случае изменен не будет. В то же время личное участие в групповом производстве необязательно для членов группы лиц, которые поручают конкретному лицу-члену группы лиц выступать в интересах группы. Однако соистец и его представитель будут двумя разными фигурами в судебном процессе; в групповом производстве лицо, представляющее интересы всей группы, является стороной процесса, олицетворяющей всех заявителей.

В институте группового иска выделяется особый субъект-член группы лиц, обладающий специальным правовым статусом – лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц. По существу, оно обладает всеми процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца, в том числе обязанность по уплате судебных расходов. Анализируя данную информацию, можно прийти к следующим умозаключениям, что лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, не обладает статусом представителя в смысле главы 5 ГПК РФ, главы 6 АПК РФ и главы 5 КАС РФ.

Пожалуй, самым главным отличием лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, и представителя является порядок оформления их полномочий. В случае группового иска одним из необходимых требований к исковому заявлению является указание на лицо, которому поручено ведение соответствующего дела в интересах группы лиц. Так, оно действует на основании своего заявления о присоединении, а не доверенности в случае с представителем. Тем не менее, признавая право каждого на представителя, российский закон признает возможность поручения ведения дела представителю.

В то время как каждый из истцов в рамках индивидуального иска несет судебные расходы самостоятельно, по общему правилу лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, обязано уплачивать

---

¹ Домшенко В. Г. Компетенция и подсудность групповых исков в арбитражном и гражданском процессе: дискуссионные вопросы // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 228–245.

² Долгачев В. В. Групповой иск: сравнительный анализ нормативных конструкций АПК, ГПК и КАС РФ // Закон. 2021. № 2.

судебные расходы, если не предусмотрено иное соглашением. И.В. Кондрашев отмечает, что данное положение не является справедливым по отношению к ответчику, поскольку предъявление иска может быть осуществлено лицом, неспособным компенсировать ответчику все судебные расходы, в то время как в европейских странах, например, Швеции, действует правило подтвержденного финансового состояния лица¹.

Таким образом, представляется, что положения современного закона не являются выгодными для лица, ведущего дело в интересах группы. Отсутствие процессуальных гарантий для такого субъекта порождает злоупотребления различного рода со стороны других участников судопроизводства. Невыгодное материальное положение и постоянные траты на судебные расходы отталкивают инициативных членов группы лиц, а отсутствие требований, предъявляемых к данному лицу (непонятно кто его выбирает или назначает) ставит под сомнение результат судебного процесса, а также подрывает доверие со стороны иных членов группы лиц.

Обратимся к опыту США, где лицом, которое ведет дело в интересах группы лиц, становится наиболее состоятельный и заинтересованный из всех участников². На законодательном уровне установлена обязанность привлечения в судебный процесс, на этапе сертификации иска в качестве группового, профессионального участника – адвоката. Так, независимо от наличия соглашения сторон, суд может присудить разумное вознаграждение адвоката и необлагаемые налогом расходы. Таким образом, роль адвоката в групповом производстве США отличается выгодным материальным положением.

Представляется необходимым внести изменения в законодательные акты, а именно:

- абзац второй пункта 1 статьи 244.22 ГПК РФ после слов «Настоящего кодекса» дополнить словами: «назначенным судом по предложению членов группы лиц»;
- пункт 1 статьи 225.10-1 АПК РФ после слов «Настоящего кодекса» дополнить словами: «назначенное судом по предложению членов группы лиц»;
- пункт 1 статьи 42 КАС РФ после слов «в интересах группы лиц» дополнить словами: «назначенные судом по предложению членов группы лиц».

Таким образом, данный порядок предусматривает следующие важные аспекты. С одной стороны, избрание происходит на основании равного и прямого волеизъявления; с другой стороны, обязанность назначения лица, которое ведет дело в интересах группы, передается в руки самостоятельного и независимого участника судебного процесса – суда – , исключая случаи нахождения в данной должности недобросовестного участника.

---

¹ Ярков В., Кудрявцева Е., Малешин Д., Туманов Д., Смола А., Володарский Д., Сутормин Н., Кондрашов И., Бирюков В., Бевзенко Р., Авилкин В., Фаст И., Молчанов А. Групповые иски в цивилистическом процессе России // Закон. 2019. № 8. С. 38.

² Аболонин Г. О. Гражданское процессуальное право США. М., 2010. С. 94.

Блиц-доклады

«Правопреемство в коммерческих корпорациях: семейные, наследственные и иные аспекты отчуждения (перехода) корпоративных прав»

Адиширинов М. А.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Магистрант

Отдельные проблемы доверительного управления акциями в наследственном деле

В настоящее время институт доверительного управления акциями получает все большую распространенность не только в финансовом секторе для капитализации активов инвестора посредством передачи акций в эффективное управление профессиональным участникам рынка ценных бумаг, а также скрытия бенефициара под «маской» доверительного управляющего, но и в наследственных делах.

Актуальность исследования обусловлена появлением за последние годы в судебной практике значимых дел, которые обнажили ряд проблем, связанных с наследственными правоотношениями и акциями (долями) в уставных капиталах хозяйственных обществ, являющихся составной частью наследственной массы. Такие громкие кейсы, как дело Андрея Трубникова (Natura Siberica), дело Олега Бурлакова (КБ Стройлесбанк), открыли ряд вопросов, поиск ответов на которые находится на стыке наследственного и корпоративного права. Несмотря на то что приведенные кейсы связаны с долями в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью и их доверительным управлением, они послужили отправной точкой для исследования и других немаловажных проблем.

Целью данного исследования является попытка ответить на вопрос, заключающийся в наличии либо отсутствии у доверительного управляющего акциями в наследственном деле обязанности, предусмотренной п. 1 ст. 84.2 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об акционерных обществах»¹ (Далее – Закон об АО), по направлению обязательного предложения о выкупе акций ПАО, а также ограничений, указанных в п. 6 ст. 84.2 Закона об АО.

Как уже было сказано ранее, договор доверительного управления акциями может заключаться в разных ситуациях и с разными целями, что должно исключать одинаковое правовое регулирование². Объем прав и обязанностей, составляющих правовой статус доверительного управляющего, *de lege ferenda* должен быть разным.

На первый взгляд, может показаться, что на доверительного управляющего распространяется как обязанность направления обязательного предложения о выкупе акций ПАО, так и соответствующие ограничения, предусмотренные п. 6 ст. 84.2 Закона об АО. И по общему правилу, это действительно может иметь место при системном толковании норм гражданского законодательства.

Так, в соответствии со ст. 1020 Гражданского кодекса Российской Федерации (Далее – ГК РФ) доверительный управляющий осуществляет правомочия собственника в отношении имущества, переданного в доверительное управление³. При этом стоит отметить, доверительный управляющий вправе предъявлять любые иски в рамках осуществления деятельности по управлению объектом договора, что также укрепляют позицию «собственника».

На основании ч. 15 ст. 5 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О рынке ценных бумаг» доверительный управляющий, если право голоса по ценным бумагам не ограничено договором доверительного управления, несет предусмотренные законом обязанности, связанные с владением ценными бумагами, являющимися объектом доверительного управления⁴.

У лица появляется обязанность по направлению обязательного предложения, предусмотренного п. 1 ст. 84.2 Закона об АО по одному из двух оснований:

---

¹ Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

² Зикун И. И. *Culpa levissima* и субституция при доверительном управлении. *Lex russica*. 2023;76(12):21-31. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.205.12.021-031>.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023).

⁴ Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 11.03.2024).

- 1) приобретение более 30 % акций ПАО (в данном случае важно волеизъявление на целенаправленное получение контроля),
- 2) «случайное» приобретение корпоративного контроля, когда лицо узнало или должно было узнать о наличии соответствующего пакета акций.

В случае передачи акций в доверительное управление второе основание применяться, на наш взгляд, не может, так как выражается воля сторон на заключение соответствующего договора, а значит, акционер не может не знать о количестве акций, которыми он владеет.

Понятие «приобретение» в рассматриваемой норме не раскрывается, что дает возможность понимать ее шире, чем только покупка акций. ФАС в своих Разъяснениях от 11.06.2021 № 19 толкует приобретение не только как покупку, но и как получение иной возможности осуществления предоставленного акциями хозяйственных обществ права голоса, в том числе на основании договора доверительного управления¹. Важно отметить, что такое понимание «приобретения» используется для целей антимонопольного контроля, однако оснований для неприменения соответствующего толкования, может и не быть.

В итоге, толкование приведенных выше норм позволяет говорить о том, что обязанность по направлению обязательного предложения о выкупе акций может быть возложена на доверительного управляющего акциями, как и ограничения, вытекающие из нормы п. 6 ст. 84.2 Закона об АО.

Вместе с тем, представляется, из этого правила есть исключения, вытекающие из существа наследственных отношений.

При том условии, что на наследников не распространяются ни обязанности по направлению обязательного предложения о выкупе акций, ни ограничения по голосованию акциями в силу прямого указания п. 8 ст. 84.2 Закона об АО, о доверительном управляющем акциями, осуществляющем управление в рамках наследственного дела, такого сказать нельзя.

Представляется, что указанные требования и ограничения не должны подпадать под деятельность доверительного управляющего акциями в наследственном деле по следующим причинам:

Основной целью учреждения нотариусом доверительного управления акциями является сохранение имущества (п. 3 ст. 1175 ГК РФ). Положительный эффект получают не только наследники в виде сохранения стоимости актива, но и само общество, требующее в некоторых ситуациях незамедлительного принятия решений и избавляющееся тем самым от потенциальной «парализации».

Помимо этого, в рамках данного договора по общему правилу отсутствует выгодоприобретатель.

Доверительный управляющий финансово не может исполнить обязанность по направлению обязательного предложения о выкупе акций, так как он не вправе исполнять обязательства наследодателя за счет переданного ему в доверительное управление имущества, следовательно, отсутствуют механизмы для реализации указанных требований.

Стоит отметить, что в порядке исключения доверительный управляющий за счет наследственной массы вправе завершать процедуру выкупа ценных бумаг при владении 95 % акций совместно с аффилированными лицами в том случае, если наследодатель перед своей смертью выразил волю на совершение выкупа и начал соответствующую процедуру².

Таким образом, доверительное управление акциями в наследственном деле имеет особый характер и цель, ввиду чего правовой статус доверительного управляющего не должен включать в себя обязанности, предусмотренные ст. 84.2 Закона об АО, так как доверительный управляющий ограничен в части исполнения обязательств за счет наследственной массы. В иных случаях, не связанных с наследованием, соответствующие обязанности и ограничения вполне имеют место.

---

¹ Разъяснения ФАС России от 11.06.2021 № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» (утв. Протоколом Президиума ФАС России от 11.06.2021 № 3).

² Определение Верховного Суда РФ от 26.09.2022 № 306-ЭС22-16931 по делу А12-21762/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Акимова А. С.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Магистрант

Особенности правового регулирования продажи долей в уставном капитале корпорации по праву России, Англии, Франции и Германии

По состоянию на 1 сентября 2023 года в Российской Федерации зарегистрировано более 2,5 миллионов обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО). В настоящее время это самый распространенный вид ведения предпринимательской деятельности. Продажа доли в уставном капитале ООО актуальна как никогда в связи с изменением экономической ситуации, налогового законодательства, становлением новых конкурентоспособных технологий, конфликтами между иностранными участниками и новыми инвестиционными возможностями.

При отчуждении доли в ООО происходит переход прав и обязанностей по этой доле от продавца к покупателю. В этом процессе важно обращать внимание на особенности правопреемства и соблюдать все требования, которые предусмотрены уставом общества и действующим законодательством. Не стоит забывать, что необходимо получить согласие других участников общества на отчуждение доли, а также уведомить об этом общество и соответствующие государственные органы.

Давайте рассмотрим, как происходит продажа доли в разных странах.

Россия. Продажа доли в ООО по праву России происходит в 2 этапа. Первый этап – обязательственная сделка, которая предусматривает заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО между продавцом и покупателем. Договор должен быть составлен в письменной форме и подписан обеими сторонами. В договоре указываются все условия продажи – стоимость доли, порядок оплаты, сроки и условия передачи документов и имущества¹.

Второй этап – распорядительная сделка. Стороны совершают сделку, направленную на передачу доли у нотариуса и на переход права на долю в Федеральной налоговой службе России. После подписания договора продавец должен сообщить об этом в налоговую инспекцию по месту регистрации ООО и представить нужные документы. Необходимо уплатить налог на доходы физических лиц в размере 13 % от прибыли, если продавец является физическим лицом и налоговым резидентом РФ, если нерезидент РФ, то в размере 30 % от прибыли. Если продавец юридическое лицо, то налог на прибыль составляет 20 %. От уплаты налога освобождаются лица в случае, если они приобрели долю в ООО после 01.01.2011 и срок непрерывного владения долей в ООО более 5 лет.

После регистрации сделки в Федеральной налоговой службе России права и обязанности по проданной доле переходят на покупателя, а продавец получает соответствующую сумму за проданную долю.

Важно отметить, что процедура продажи доли в ООО может быть затруднена при наличии ограничений в уставе общества или в случае наличия долгов у ООО. Поэтому перед продажей доли рекомендуется ознакомиться с уставом ООО и проверить его на наличие ограничений, а также оценить финансовое состояние общества.

Англия и США. Англо-американское право исторически не знает различий между акциями и долями участия, понимая под shares любые «доли или паи участия». Договор купли-продажи долей (акций) (SPA – Share Purchase Agreement) является основным договором, используемым при частной продаже акций. Его основная цель – изложить условия сделки в письменной форме, указать любые условия продажи, распределить риски и защитить покупателя, ограничив способность продавца создавать конкурирующий бизнес².

В основе SPA лежит соглашение о том, что продавец продаст, а покупатель приобретет долю компании. Автор отмечает, что обычно продавец соглашается продать акции «с полной гарантией права собственности» – этот специальный термин означает, что продавец владеет акциями напрямую, ему разрешено их продавать, он сделает все необходимое для осуществления передачи и что на акции не распространяются какие-либо права третьих лиц, или ограничения³.

В США специальные правила о порядке отчуждения долей участниками содержатся в операционном соглашении частной компании. Передача доли в собственность третьему лицу обычно возможна только с

---

¹ Бевзенко Р. С. Отчуждение долей в ООО: купля-продажа, сделка по передаче доли, государственная регистрация / <https://zakon.ru/publication/igzakon/10284?ysclid=lvz94kneh790597934> (дата обращения: 20.02.2023).

² Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 44.

³ Использование английского права в российских сделках : монография / И. Айвори, А. Рогоза. 2е изд. М. : Альпина Паблишер, 2016. С. 10.

согласия остальных участников, но иное условие также имеет место в операционном соглашении определенной компании. Если в компании нет операционного соглашения, то следует обратиться к законодательству штата. Все условия продажи доли в дальнейшем прописываются в меморандуме о взаимопонимании, после которого заключается официальный договор.

Процесс заключения договора купли-продажи акций можно разделить на три основных этапа:

- преддоговорный этап. Стороны договариваются о существенных условиях, обмениваются определенными юридическими документами, такими как, например, соглашения о конфиденциальности, проводят due diligence и готовят проект SPA;

- этап заключения договора. На данном этапе происходит обсуждение и заключение договора. Продавец получает необходимые разрешения и выполняет иные условия сделки.

- заключительный этап. На данном этапе все формальности по продаже бизнеса завершены. Стороны решают вопросы с налоговыми обязательствами после продажи¹.

Франция. SARL (Société à responsabilité limitée) – самая популярная форма ведения бизнеса во Франции. Данный тип компании является аналогом общества с ограниченной ответственностью и часто используется в рамках создания предприятия. Преимущества заключаются в упрощенной структуре управления, внутри которой ответственность участников ограничена размером их долей в уставном капитале².

Во Франции каждый участник должен иметь особый документ – долевое свидетельство ООО (SARL), подтверждающее его право на членство в обществе, которое можно отчуждать участникам компании, третьим лицам или передавать по наследству. Чаще всего передача доли третьим лицам осуществляется только с согласия всех участников общества. Но в уставе общества можно предусмотреть отчуждение доли с согласия большинства³.

Участник, который намерен продать свои акции, должен уведомить о своей предлагаемой передаче компанию и каждого из участников. Затем в течение 8 дней созывается общее собрание участников для принятия решения о продаже доли. Передача доли возможна только с согласия большинства, устав может предусматривать единогласие. Лицо, которое собирается продать долю, имеет право голоса. Если компания не сообщила о своем решении в течение 3 месяцев, согласие на отчуждение доли считается приобретенным.

Сделка по отчуждению доли может быть оформлена в виде нотариально заверенного Акта передачи доли в ООО. Он регистрируется в налоговой службе. Регистрационный взнос на передачу акций устанавливается в размере 5 %. По общему правилу регистрационные сборы возлагаются на покупателя. Однако в акте передачи доли может быть предусмотрено, что взнос уплачивает продавец или его разделяют между двумя сторонами, подписавшими акт передачи.

Германия. Аналогом нашего ООО является GmbH (Gesellschaft mit beschränkter Haftung). Если участник общества хочет покинуть компанию, то он может продать свою долю третьим лицам⁴.

В п. 1 ст. 15 Закона об ООО «Распоряжение долями» говорится о том, что доли в ООО отчуждаемы и могут передаваться по наследству. А п. 3 закреплена нотариальная форма договора купли-продажи долей⁵.

Так как свободная продажа доли может быть осуществленная в ущерб участникам (им придется работать вместе с новым участником), то данное положение можно урегулировать уставом. Устав может предусматривать дополнительные условия для распоряжения долей, например, одобрение собранием участников квалифицированным большинством.

Юридическая конструкция договора в Германии сходна с Россией. Отчуждение доли происходит также в 2 этапа: обязательственная сделка (Verpflichtungsgeschäft), когда продавец обязуется передать долю покупателю и распорядительная сделка (Verfügungsgeschäft), когда непосредственно у нотариуса передается доля покупателю. Как правило – это один документ. Однако могут быть и случаи, когда оба договора заверяются отдельно, например, когда одна сторона обещает передать другой стороне долю в ООО через пять лет. Сначала удостоверяется договор об обязательстве, а через пять лет – договор о распоряжении.

Таким образом, сделка по продаже компании или доли в ней отличается в зависимости от страны и размера бизнеса. Мы видим, что в России нотариально удостоверяется только распорядительная сделка по отчуждению доли, а по германскому праву и распорядительная, и обязательственная сделки по отчуждению доли совершаются в нотариальной форме. В Англии, США и Франции напротив нотариальное удостоверение

¹ Cahn A., Donald D. Comparative company law. Cambridge. 2010. P. 249.

² Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 57.

³ Чернявский А. Г. Международное корпоративное право. М., 2019. С. 121.

⁴ Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 56.

⁵ Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung / [https://www.gesetze-im-internet.de/gmbh/_15.html](https://www.gesetze-im-internet.de/gmbh/15.html) (дата обращения: 20.05.2023).

не является обязательным требованием, но может улучшить юридическую защиту при продаже доли в компании.

Что касается продажи доли третьим лицам, то чаще всего данная возможность ограничена согласием других участников. Но иные варианты общество может предусмотреть в уставе (по праву России, Франции и Германии) или в операционном соглашении (по праву Англии и США).

Оформление сделки по продаже доли в ООО – это важный и ответственный процесс. В целом, внимание к деталям и серьезный подход при оформлении сделки по продаже доли в уставном капитале ООО помогут снизить риски и обеспечить безопасность продавца и покупателя.

Балашов Е. М.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

Правопреемство корпоративных прав в обществе с ограниченной ответственностью при разводе супругов

Данная тема исследования всегда будет актуальной в государстве, живущем в условиях рыночной экономики. Хозяйственные общества, наряду с индивидуальным предпринимательством, являются основными субъектами хозяйствования в Российской Федерации.

Согласно официальным данным Росстата, за 2022 год в России развелись 683 тысячи пар. При таком высоком показателе разводов, институт раздела корпоративных прав приобретает особую актуальность.

Однако, прежде чем рассуждать непосредственно о теме статьи, необходимо установить, что значит правопреемство. Правопреемство – это переход права от одного субъекта к другому, второй субъект занимает место первого, объем прав второго субъекта тождественен объему прав первого.

Согласно статье 34 Семейного кодекса, имущество супругов, нажитое во время брака, является совместной собственностью, и, по общему правилу, должно быть разделено между ними при разводе¹.

Однако при разделе доли в ООО супруги могут столкнуться с определенными сложностями. Устав ООО может предусматривать согласие участников ООО на переход доли от к третьему лицу². На практике это означает возможность ситуации, в которой супруг при разводе вправе претендовать на имущественную ценность доли в обществе, однако при этом не становится участником общества и не приобретает каких-либо корпоративных прав.

Арбитражный суд Западно-Сибирского округа дал следующий комментарий данной ситуации, при рассмотрении дела № А45-5976/2022³: «Устав общества с ограниченной ответственностью представляет собой основной документ компании, основанный на гражданско-правовом соглашении о совместной деятельности, определенном в пункте 1 статьи 12 Закона об обществах»⁴.

Поскольку только учредители являются сторонами такого договора, супруг(а) одного из учредителей считается третьим лицом по отношению к остальным участникам подобного договора.

Это соответствует толкованию, представленному в письме от 30.10.2020 Федеральной налоговой службы № КВ-4-14/17869⁵, а также Рекомендациях по применению отдельных положений Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», утвержденных Федеральной нотариальной палатой⁶.

Следовательно, при разводе и дележе имущества супруг(а) участника имеет право только на экономическую ценность его доли в уставном капитале, согласно законодательной презумпции общности имущества, нажитого в период брака.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 1996. № 1. ст. 16.

² Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. ст. 785.

³ Постановление от 19 августа 2022 г. по делу № А45-5976/2022 URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/nyPj1j2s3rrN/>.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355061/ (дата обращения: 07.03.2023).

⁵ Письмо ФНС России от 30.10.2020 № КВ-4-14/17869@ О направлении Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 3 (2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366668/ (дата обращения: 07.03.2023).

⁶ Нотариальный вестник. № 12. 2009.

Однако данный подход не может решить всех проблем, которые могут возникнуть при разделе доли ООО. Дело в том, что ООО не может выплатить стоимость доли, если оно имеет или при таком действии возникнут признаки банкротства.

В заключение можно сделать следующие выводы. Действующее законодательство РФ не в достаточной степени регулирует правоотношения, возникающие между супругом участника корпорации и участниками корпорации. Видится необходимость урегулирования ситуации, описанной в данной статье, законом, в частности внесение изменений в ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

На наш взгляд, подобная ситуация может иметь несколько путей решения.

Во-первых, участники общества с ограниченной ответственностью могут включить в устав пункт об обязательном для участников общества заключении брачного договора, в котором было указано, как будет распределяться доля в ООО при разводе. При этом уставом должно быть определено, как именно она должна распределяться согласно брачному договору.

Во-вторых, можно включить в действующее законодательство норму, согласно которой ООО обязано включить в свой состав лицо, которое имеет право на выплату полагающейся ему доли, в случае если общество не в состоянии выплатить ему сумму доли.

Баркая Е. Д.

Российская школа частного права

Аспирант

Природа доли в ООО и ее залог

При продаже общества доля диспозитивно выражает его внешнюю сторону: лицо хотело стать участником общества – оно им стало. Покупатель же заинтересован в его имущественном наполнении, долгах и обременениях, что понятие «право участия» отобразить неспособно в принципе. Ограниченность права участия, не ведущего к абсолютному контролю над принятием решений в обществе, очевидна. Она проявляется в том, что доля направлена в первую очередь на выражение статуса лица. Только после приобретения такого статуса участник становится управомоченным на получение части прибыли, участие в собраниях, управление и т.д. Однако если отчуждаемые права участия гарантируют абсолютный контроль принятия решений в обществе (что чаще всего и происходит¹), то почти все меняется. Эта особенность доли в ООО как объекта права проецируется и на ее залог.

Обсуждая сущность доли для целей установления на нее залога, Р.С. Бевзенко последовательно отрицает и нарекает ненаучными взгляды на природу доли как на особую вещь, как на абсолютное право и как на аналог общей собственности². В конце концов, автор приходит к выводу, что доля функционально является символом прав и обязанностей, которые она содержит. Однако Р.С. Бевзенко замечает, что доля как символ не является самостоятельным объектом права, не имеет самостоятельной стоимости³. Стоимость имеют права, исходящие из нее. Автор демонстрирует, что эти права могут иметь как обязательственную, так и корпоративную природу. Итак, доли не являются вещами, их ничто не опосредует, а их залог аналогичен залогоу имущественных прав. Кажется, эта позиция абсолютна верна и соответствует закону.

Генеральное правило, касающееся залога долей в России, расположено в нескольких актах: ст. 22 ФЗ от 08.02.1998 № 14 «Об ООО», где упомянут сам механизм передачи доли в залог, а также абз. 2 п. 2 ст. 358.15 ГК РФ, где помимо этого раскрывается порядок осуществления прав из доли. При первом прочтении этих норм складывается четкое впечатление об их аналогичности в части состава. Единственная отличительная черта – осуществление прав участника залогодержателем. На этой основе С.Ю. Филиппова выделяет две категории: право на долю и право из доли, где первое является абсолютным имущественным правом. Второе основывается на относительном правоотношении участника с обществом⁴. С.Ю. Филиппова предполагает, что второе можно заложить как корпоративное право. Однако одновременно замечает невозможность залога такого права отдельно от доли: «Это привело бы к неоправданному расщеплению прав, <...> когда одно лицо

---

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 10.04.2012 по делу № А19-5794/10, Постановление ФАС ВВО от 25.03.2020 по делу № А11-2611/2019, Постановление ФАС СЗО от 14.09.2019 по делу № А56-128439/2018, Постановление ФАС СЗО от 05.04.2017 по делу № А56-22247/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² Бевзенко Р. С. Обеспечение обязательств (залог, поручительство, гарантия) : сборник публикаций. М. : Статут, 2015. С. 524, 525.

³ Указ. соч. С. 526.

⁴ Филиппова С. Ю. Залог прав участника юридического лица и залог акций (доли в уставном (складочном) капитале): какая разница? / Хозяйство и право. 2016. № 11. С. 4, 5.

числилось бы владельцем акций, однако прав из них не имело бы, поскольку на эти права было бы обращено взыскание»¹. Разделение права на долю и прав из доли irrelevantно для установления залога. Заложено может быть лишь право членства (выраженное как доля). В итоге смысл существования второй конструкции связан исключительно с различным диспозитивным набором полномочий, что указывает на их принципиальное сходство.

Причина двойственности объясняется просто. Д.Г. Копылов описывает проблему невостребованности залога немажоритарной доли в уставном капитале. Автор выделяет несколько причин, главной из которых является непубличный характер деятельности ООО. Из нее вытекают следующие: отсутствие обязанности публичного ведения дел приводит к издержкам для выяснения ценности доли определенного общества; обращение взыскания на долю является трудно осуществимым; очень редко покупателю нужна доля, которая не гарантирует абсолютный контроль над принятием решений; наличие устава и корпоративного договора со специфическими условиями и обязанностями². Даже если залогодержатель доли захочет стать участником общества, его желанию будут препятствовать сложившиеся в обществе отношения. Таким образом, эта доля будет невыгодным вложением, потому что ее объектность ограничена.

Законодатель, кажется, попытался учесть именно невыгодность залога доли в пореформенном диспозитивном правиле п. 1 ст. 358.15 ГК РФ об осуществлении залогодержателем прав участника до прекращения залога. Другой вопрос: стал ли залог доли более привлекательным для привлечения кредита. Д.Г. Копылов высказывается, что такой подход привел к повышенным ожиданиям от кредитора, который должен действовать с высокой степенью разумности, избегая злоупотреблений³. Став залогодержателем, он «...получает лишь возможность осуществлять права, принадлежащие залогодателю как участнику общества»⁴. Однако участник все равно сохраняет свой интерес в поддержании стоимости доли и возможность пресечь действия кредитора, каким-то образом ее уменьшающих.

Как итог, попытка законодателя сделать залог немажоритарной доли более распространенным не увенчалась успехом. Другого и быть не могло, потому что право участия гарантирует лишь статус участника и полномочия, вытекающие из него. Его же ценность как имущества из-за этого относительна. В действительности при залоге немажоритарной доли залогодержатель не должен ни иметь, ни осуществлять корпоративные права. При мажоритарной – вмешательство должно быть точечным, оправданным снижением стоимости доли. Понимание проблемы в Германии ясно это демонстрирует.

Внешняя сторона общества – это его доли, а внутренняя – предприятие или имущественное наполнение. Владелец отчужденной доли не просто контролирует процесс принятия решений в обществе, а в обществе, продолжающем свою деятельность, которая приносит систематическую прибыль. В Германии принят подход, в связи с которым решающую роль в вопросе отчуждается ли вместе с правами участия также и предприятие играет количество отчужденных долей, которое должно гарантировать покупателю абсолютный контроль над обществом. Одновременно отчуждение долей ниже этого уровня рассматривается как вложение в капитал, которое не дает никакой защиты качества проданного предприятия, а единственное требование, предъявляемое к такому отчуждению – действительность⁵. Высший суд Германии до сих пор активно применяет этот подход при оценивании покупки прав участия как покупки самого предприятия⁶. Таким образом, осуществление корпоративных прав залогодержателем может быть оправдано при залоге мажоритарной доли, которая охватывает имущественное наполнение общества.

¹ Там же. С. 6, 7.

² Копылов Д. Г. Комментарий к ст. 22 / Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». Т. 1 / под ред. И. С. Шиткиной; Московский гос. ун-т имени М.В.Ломоносова, Юридический фак. М.: С., 2021. С. 409–410.

³ Указ. соч. С. 431.

⁴ Указ. соч. С. 422.

⁵ Glagowski P. Die Mängelgewährleistung beim Unternehmenskauf im Wege des «asset deal» nach der Schuldrechtsreform: unter besonderer Berücksichtigung von fehlerhaften Jahresabschlussangaben. Frankfurt am Main [etc.]: Lang, 2008. S. 16–17.

⁶ BGH. Urteil des VIII. Zivilsenats vom 26.9.2018 – VIII ZR 187/17 URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&sid=53b72112244d61a93679e6591e8ce3f9&nr=88729&pos=5&anz=52>.

Велижанский М. И.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Магистрант

Правопреемство в банках: специфика отчуждения (перехода) корпоративных прав

Правопреемство как институт гражданского права представляет собой сложную систему отношений гражданско-правового характера, которые возникают в ходе перехода субъективных прав и обязанностей одного лица к другому¹. Без правопреемства невозможно представить устойчивое развитие коммерческой деятельности. В свою очередь финансовая стабильность является одним из существенных критериев (англ. – «essential criteria»), изложенных в «Основных принципах эффективного банковского надзора» Базельского комитета по банковскому надзору, что подчеркивает важность института правопреемства для такой кредитной организации как банк².

Как правило, правопреемство корпоративных прав в банке происходит в следующих случаях: 1) реорганизация банка как кредитной организации; 2) ликвидация или банкротство банка как кредитной организации.

Правопреемство в случае реорганизации банка как кредитной организации законодательно урегулировано как общими, так и отраслевыми нормативными правовыми актами. К общим относятся: часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации, Федеральный закон № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», Федеральный закон № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». К отраслевым нормативным правовым актам относятся: Федеральный закон № 395-1 «О банках и банковской деятельности», Инструкция Банка России № 135-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций», Указание Банка России № 4336-У «Об оценке экономического положения банков».

Специфика правопреемства корпоративных прав при реорганизации банка как кредитной организации заключается в следующем: 1) процесс правопреемства начинается с самого начала реорганизации; 2) передача субъективных прав и обязанностей, связанных с принятием управленческих решений в банке может осуществляться с помощью отлагательных условий; 3) в отдельных случаях правопреемнику необходимо заново вступать в реестр банков – участников системы страхования вкладов; 4) правопреемство корпоративных прав и обязанностей зачастую носит протяженный характер; 5) большая значимость уделяется требованиям отраслевых нормативных правовых актов; 6) правопреемнику необходимо получить новые лицензии на осуществление банковской деятельности; 7) окончательное решение принимает Банк России; 8) при реорганизации передача участникам общества (в случае ООО) или акционерам общества (в случае АО) их прав в полном объеме происходит не сразу, а спустя 1 год³.

Правопреемство при ликвидации или банкротстве банка законодательно урегулировано Федеральным законом № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Федеральным законом № 395-1 «О банках и банковской деятельности», Указанием Банка России № 2395-У «О перечне сведений и документов, необходимых для осуществления государственной регистрации кредитной организации в связи с ее ликвидацией, а также порядке их представления в Банк России».

Специфика правопреемства при ликвидации или банкротстве банка заключается в следующем: 1) обширные полномочия Банка России в разрешении вопроса о правопреемстве коммерческого банка⁴; 2) при ликвидации или банкротстве банка фактическим правопреемником становится ликвидатор⁵; 3) при ликвидации или банкротстве банка его обязательства возлагаются на Агентство по страхованию вкладов.

---

¹ Закиров Р. Ю. Конструкция правопреемства и ее отраслевая специфика. Право и Государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 121–122.

² Bank for International Settlements. Core Principles for Effective Banking Supervision. Basel Committee on Banking Supervision. 2012. P. 24.

³ Инструкция Банка России от 2 апреля 2010 г. № 135-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» (с изменениями и дополнениями). Главы 23-28.

⁴ Тарасенко О. А. Банкротство кредитных организаций: особенности и проблемы правового регулирования. Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69) август. С. 86.

⁵ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 12.12.2023) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2024). Ст. 23-23.5.

Зачастую, в виду сложности и масштаба банковской деятельности, невозможно в полной мере отразить особенности правопреемства через законодательство, необходимо также обратиться к конкретным примерам из деятельности банковских организаций. 16 февраля 2024 года ПАО «Совкомбанк» объявил о намерении приобрести и полностью интегрировать в свою структуру ООО «Хоум Кредит Банк» (ООО «ХКФ Банк»)¹. На первом этапе сделки планируется приобретение 51 % акций ООО «ХКФ Банк», а на втором 49 %, которые будут оплачены частями на протяжении 2024–2025 годов. Это будет осуществлено за счет передачи части акций ПАО «Совкомбанк» акционерам приобретаемого банка, которые в свою очередь обязуются не продавать их до 01.01.2025. Такой формат оплаты сделки по приобретению организации поднимает вопрос о переходе субъективных прав и обязанностей на период проведения процедуры слияния двух банков. О.С. Иоффе считал, что только при осуществлении прав и обязанностей, входящих в состав обязательства, в полном объеме, возможен их переход². Представляется уместным сделать вывод об отхождении от классического понимания момента перехода субъективных прав и обязанностей, в связи с наступлением юридически-значимого обстоятельства: в случае с ПАО «Совкомбанк» и ООО «ХКФ Банк» такого обстоятельства нет, вместо него сложный юридический состав, при котором каждый из банков обуславливает (к примеру, отлагательным условием) момент перехода прав и обязанностей для другого. В особенности данный вопрос актуален в рамках корпоративного управления двух организаций, так как после истечения срока запрета продажи акций ПАО «Совкомбанк» в руках у, в будущем «бывшего» правления ООО «ХКФ Банк», окажется механизм реализации корпоративных прав в рамках активов прежней организации (из-за особенностей формата оплаты сделки по приобретению акций), что оставляет неразрешенным вопрос о моменте наступления окончательного перехода всех прав и обязанностей правопреемнику в лице ПАО «Совкомбанк».

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что тема правопреемства (в особенности правопреемства корпоративных прав и обязанностей) в рамках хозяйственной деятельности банков является слабоизученной и нуждается в дальнейшем раскрытии, так как несмотря на глубокую детализацию законодателем самого процесса передачи корпоративных прав и обязанностей от одного банка другому в рамках реорганизации, банкротства или ликвидации, возникают новые особенности, далеко не всегда изученные в рамках юридической науки.

Виноградова М. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Недостовверные заверения об обстоятельствах наследодателя по договору купли-продажи долей как пассив наследственной массы

Заверения об обстоятельствах – это отображение объективной потребности участников сложных договорных конструкций в обеспечении собственных интересов, гарантии достоверности значимых для стороны фактов по сделке. Важно отметить, что данная правовая конструкция появилась в российском законодательстве относительно недавно, в 2015 году, в связи с чем многие аспекты реализации механизма остаются дискуссионными в доктрине и судебной практике. Профессор Харитонов Ю.С. отмечает, что на данный момент российские суды еще не вполне готовы к применению положений, предусмотренных статьей 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)³. Но так ли это на самом деле?

Для раскрытия темы сконструируем следующую ситуацию: общество «А» приобрело 100 % долей в уставном капитале общества «Б», среди продавцов последнего было физическое лицо, владеющее 30 % долей участия. Договор купли-продажи долей включал в себя заверения о том, что все налоги обществом «Б» уплачены, компания не имеет обязательств по оплате штрафов и пеней. После закрытия сделки налоговый орган вынес решение о привлечении общества «Б» к ответственности за налоговое правонарушение в связи с образовавшейся задолженностью по налогам. Компания «А» обращается в суд с требованием к наследникам физического лица, упомянутого в факте. Как поступить судебным органам?

Для разрешения возникшей ситуации вкратце обозначим сам механизм, отраженный в ст. 431.2 ГК РФ. Согласно пункту 1 статьи 431.2 ГК РФ сторона, которая при заключении договора либо до или после его заключения дала другой стороне недостоверные заверения об обстоятельствах, имеющих значение для

¹ Кошкина Ю. Совкомбанк объявил о покупке Хоум Банка. РБК Финансы. 2024.. URL: <https://www.rbc.ru/finances/16/02/2024/65cf88ca9a7947265f243de5> (17.02.2024).

² Иоффе О. С. Обязательственное право. – Москва.: Юридическая литература, 1975. С. 181.

³ Харитонов Ю. С. Заверения об обстоятельствах как новелла российского права (под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой). URL: <https://base.garant.ru/57300653/> (дата обращения: 05.03.2024).

заключения договора, его исполнения или прекращения, обязана возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью таких заверений, или уплатить договорную неустойку¹. В качестве одного из условий наступления ответственности выступает обязательный факт того, что контрагент действительно полагался на сделанные заверения, имел разумные основания для этого. Особое регулирование предусмотрено в сфере предпринимательской деятельности, корпоративных отношений – требование возмещения убытков или взыскание неустойки производится независимо от того, известно ли о недостоверности сделанных заверений другой стороне. Одним из минусов, выделяемых учеными, является то, что фактически возмещению подлежат только прямые убытки, доктрина и судебная практика отрицательно относятся к возможности возмещения косвенных убытков, не имеющих непосредственной причинной связи с поведением должника².

Тем не менее, при предоставлении недостоверных заверений продавцом доли в уставном капитале общества у него возникает обязанность по возмещению убытков или уплаты неустойки. При совершении подобного деликта указанные суммы и обязательства будут входить в состав наследственной массы и являться бременем для наследников в пределах стоимости перешедшего каждому из них наследственного имущества.

Однако не все так однозначно. Как было приведено выше, заверения об обстоятельствах часто связаны с поведением лица, предоставивших их, в самих договорных конструкциях, оформляющих переход прав, часто используются сведения, исходящие от знаний и степени информированности непосредственно самого продавца. Действительно, многие аспекты деятельности или обстоятельств могут быть неизвестны наследникам, но о них должен быть осведомлен наследодатель, предоставивший заверения.

Изменим условия смоделированной ситуации. Физическое лицо передает свою долю в уставном капитале другому лицу, оформляя переход договором купли-продажи. В договор включаются следующие заверения: 1) физическое лицо является дееспособным, 2) физическое лицо не является банкротом. После закрытия сделки выясняется, что предоставленные заверения недостоверны.

На первый взгляд фактура сходится с представленной фабулой ранее – по-прежнему возникает обязанность по возмещению убытков или уплаты неустойки (имущественная обязанность). Однако отличие заключается в характере данных заверений. Все заверения носят личный характер.

Для разрешения возникшей ситуации обратимся к ст. 1112 ГК РФ, в которой указано, что в состав наследства не входят права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя³. Так, в состав наследственной массы не входят права и обязанности, возникшие из договора поручения (п. 1 ст. 977 ГК РФ), комиссии (абз. 1 ст. 1002 ГК РФ) и т.д.⁴ Некая сложность заключается в том, что специального указания в законе относительно личных заверений об обстоятельствах нет, в связи с чем квалифицировать каждое отдельно данное заверение правоприменителю необходимо самостоятельно. Обнаружить связь с личностью лица в данном случае поможет положение, предусмотренное п. 1 ст. 418 ГК РФ, согласно которому обязательство прекращается в случае, если оно иным образом неразрывно связано с личностью должника. В приведенной ситуации такая «иная» связь очевидна, заверения напрямую связаны с характеристикой продавца доли. На взгляд авторов, такая же связь может следовать в случае, если сведения, гарантируемые продавцом, связаны исключительно с его осведомленностью и обстоятельствами, известными ему.

Обратимся к подходу, сложившемуся в судебной практике. Отметим, что количество дел, рассматриваемых судами по данной категории, невелико. Одним из наиболее ключевых и значимых, оказавших влияние на формирование практики по рассматриваемому вопросу является Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2021 № 88-13676/2021⁵.

Согласно фактическим обстоятельствам дела акционерное общество «ЭР-Телеком Холдинг» обратилось с иском к наследникам лица, предоставившего недостоверные заверения об обстоятельствах по договору купли-продажи долей участия в уставном капитале общества. Суды первой, апелляционной и кассационной

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Корпоративное право : учебник (отв. ред. И. С. Шиткина) («Статут», 2019). URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18716&cacheid=B4AC20839FE223CB8AA692522912885C&mode=splus&rnd=ehXIU6UcixpjVsl9#2qblU6UIYCVRmPz5> (дата обращения: 05.03.2024).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

⁴ Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) (4-е изд., перераб. и доп) (Крашенинников П. В.) («Статут», 2019) URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=392663> (дата обращения: 06.03.2024).

⁵ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2021 № 88-13676/2021.

инстанции удовлетворили заявленные требования о возмещении убытков. При подаче жалоб в проверочные инстанции наследники указали, что в договоре было прямо указано на личный характер заверений об обстоятельствах. Тем не менее, был проведен подробный анализ предоставленных сведений, независимо от формального условия в договоре. Суды пришли к выводу, что они не носят личный характер, касаются исполнения обществом обязанности по уплате налогов (заверения относятся к самому активу в виде доли).

Таким образом, осуществив комплексный анализ доктрины, положений законодательства и сложившейся судебной практики, авторы приходят к выводам о том, что включение в состав наследственной массы обязанности по возмещению убытков в результате предоставления наследодателем недостоверных заверений об обстоятельствах зависит от их характера.

Выводы, сделанные в рамках настоящего исследования:

1. В случае, если заверения об обстоятельствах относятся к деятельности непосредственно общества, например, в части уплаты налогов, отсутствия признаков банкротства- имущественная обязанность, вытекающая из деликта в виде предоставления недостоверных сведений, входит в наследственную массу. Наследники в пределах стоимости перешедшего имущества обязаны возместить убытки либо уплатить неустойку.

В случае, если заверения об обстоятельствах связаны с личным поведением наследодателя, совершением им личных действий или характеристиками, относящимися именно к нему – имущественная обязанность, вытекающая из предоставления недостоверных заверений об обстоятельствах, в наследственную массу не входит.

Гильванова А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Корпоративный договор как способ достижения баланса интересов сторон бракоразводного процесса при разделе доли в уставном капитале ООО

Вопрос раздела доли в уставном капитале хозяйственного общества, приобретенной одним из супругов в период брака, в условиях бракоразводного процесса является дискуссионным. Возникает проблематика соотношения правового статуса супруга, определенного нормами семейного законодательства, и правового статуса участника хозяйственного общества, урегулированного нормами гражданского законодательства.

Согласно п. 2 ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) общим имуществом супругов являются, помимо прочего, также и доли в уставном капитале, приобретенные в период брака, при этом не имеет значения, на имя кого или кем из супругов, а также за счет чьих денежных средств приобретена доля. Соответственно, в отношении доли в уставном капитале как общего имущества супругов применим п. 1 ст. 39 СК РФ, который гласит, что при разделе общего имущества супругов их доли признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами.

Однако в то же время права участников общества – имущественные (право на долю) и неимущественные (такие, как, например, право участия в управлении обществом) составляют единый комплекс¹. Более того, следует подчеркнуть, что правовой статус участника общества закрепляется именно за конкретным лицом путем внесения записи в ЕГРЮЛ.

В соответствии с логикой корпоративных отношений, таким образом, доля предоставляет субъективное право на участие в управлении обществом у конкретного физического лица. В то же время доля в уставном капитале семейным правом определяется как общая совместная собственность супругов.

Возникает следующий вопрос: как законодатель регулирует данную сферу отношений при необходимости учета интересов и супругов, и других участников общества?

Ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ № 14-ФЗ) содержит положения, согласно которым уставом общества могут быть предусмотрены различные ограничения на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества в пользу третьих лиц или иных правопреемников в виде условия о необходимости получения предварительного согласия остальных участников общества.

---

¹ Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений : учеб. пособие (Ломакин Д. В.) («Статус», 2020).

Сам по себе факт получения права на половину доли, приобретенной одним из супругов в период брака и входящей в состав совместно нажитого имущества, супругом, который не является участником общества, не представляет собой основание для возникновения у последнего корпоративных прав¹.

В случае присуждения супругу в порядке раздела совместно нажитого имущества доли в уставном капитале общества такой супруг имеет возможность войти в состав участников общества путем соответствующего заявления, направляемого обществу.

Между тем, если уставом общества предусмотрен прямой запрет на вхождение в состав участников общества третьих лиц либо необходимость получения согласия других участников на переход прав на долю или ее часть к третьему лицу, при отсутствии такого согласия у супруга возникает право на получение действительной стоимости доли².

Несомненно, подобное разрешение данного проблемного вопроса подразумевает установление баланса экономических интересов, не умаляет при этом прав бывших супругов и обеспечивает стабильность состава участников общества с ограниченной ответственностью.

Очевидно, нормы, регулирующие данную сферу правоотношений, могут устанавливаться уставом общества. Однако существует ли возможность закрепления таких ограничений в корпоративном договоре? И будут ли нормы корпоративного договора иметь юридическую силу при разделе доли между супругами в процессе расторжения брака?

Понятие корпоративного договора закрепляется в п. 1 ст. 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), согласно которому корпоративный договор – это соглашение между участниками общества об осуществлении ими своих прав, в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления.

По смыслу приведенного выше понятия сторонами корпоративного договора могут являться только участники общества, при этом договор может заключаться как между всеми участниками, так и между некоторыми из них.

Разумеется, корпоративный договор не порождает новых корпоративных прав, его заключение направлено на урегулирование порядка осуществления участниками уже имеющихся у них субъективных прав.

Законодатель приводит открытый перечень возможных условий договора, в том числе положения о порядке приобретения или отчуждения доли в его уставном капитале по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо о воздержании от отчуждения долей до наступления определенных обстоятельств.

Соответственно, исходя из приведенной нормы, можно сделать вывод, что участниками общества могут предусматриваться условия отчуждения доли третьим лицам, в том числе ограничения или запреты. Следовательно, вопрос перехода половины доли супругу, который не является участником общества, попадает под действие норм корпоративного договора.

Вместе с тем, нужно подчеркнуть такое свойство корпоративного договора, как обязательность исполнения его условий участниками общества, выступающими его сторонами.

П. 6 ст. 67.2 ГК РФ устанавливает, что в случае, если участником общества заключена сделка с нарушением условий корпоративного договора и участник знал или должен был знать об ограничениях, определенных корпоративным договором, то по иску других участников договора сделка может быть признана судом недействительной.

Следует обратить внимание на тот факт, что правоприменителем была высказана позиция, что раздел имущества супругов, который производится в соответствии со ст. 38, 39 СК РФ и ст. 254 ГК РФ по правовой природе является сделкой, так как порождает возникновение, изменение или прекращение прав и

---

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023) URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=YB9gw&base=LAW&n=452382&dst=100362&last=1#kizk04Uopl43r8Cs> (дата обращения: 11.02.2024).

² Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157807/#:~:text=c...%20%5C-,Определение%20Конституционного%20Суда%20РФ%20от%2003.07.2014%20№%201564%20О,Об%20обществах%20с%20ограниченной%20ответственностью%22 (дата обращения: 11.02.2024).

обязанностей супругов в отношении их совместной собственности. Правоприменитель при этом ссылается на понятие сделки, приведенное в ст. 153 ГК РФ и являющееся идентичным¹.

На основании вышесказанного можно заключить, что норма, содержащаяся в п. 6 ст. 67.2 ГК РФ может быть применима и к вопросу о разделе доли, входящей в состав совместно нажитого имущества. Таким образом, переход части доли к супругу, не являющемуся участником общества, в процессе расторжения брака, который осуществлен с нарушением условий корпоративного договора, может быть признан судом недействительным.

Вместе с тем, положения о порядке переходе доли или части доли к другому лицу согласно п. 2 ст. 12 ФЗ № 14-ФЗ являются обязательными для включения в устав общества. Если принимать во внимание тот факт, что изложение данных норм в корпоративном договоре будет либо дублировать положения устава, либо противоречить им, возникает вопрос: каким образом разрешается противоречие норм устава общества и корпоративного договора?

Согласно п. 7 ст. 67.2 ГК РФ, который получил свое развитие в п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», стороны не вправе ссылаться на недействительность корпоративного договора в связи с его противоречием положениям устава, и право на предъявление другой стороне требований, основанных на корпоративном договоре, за ними сохраняется.

Ввиду изложенного доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, которая была приобретена одним из супругов в период брака, является частью совместно нажитого имущества и, в случае отсутствия соглашения о разделе имущества между супругами, подлежит разделу поровну между бывшими супругами (по общему правилу, если не установлено иное).

Порядок отчуждения или перехода части доли третьим лицам, в данном случае бывшему супругу, устанавливается уставом общества и может также регулироваться положениями корпоративного договора. В случае противоречия положений корпоративного договора уставу общества приоритетными выступают нормы, закрепленные в корпоративном договоре.

Подводя итог, можно утверждать, что корпоративный договор может свободно выступать в качестве способа достижения компромисса между сторонами бракоразводного процесса, и одновременно средством защиты интересов других участников общества с ограниченной ответственностью, не заинтересованных во вхождении в состав органов управления юридического лица третьих лиц.

Горбачук В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

Фактический контроль бенефициарных владельцев: основание для перехода корпоративных прав

В современном мире решения корпораций часто определяются не лицами, которые заявлены в качестве участников таких корпораций, а третьими лицами, например: бенефициарными владельцами (далее – бенефициары).

Бенефициары действуют и принимают решения через номинальных участников корпорации. Роль номинальных участников сводится лишь к подчинению реальным владельцам бизнеса, то есть к формализации их решений на уровне корпорации.

В связи с этим в юридической литературе получил известность институт фактического контроля.

Под фактическим контролем следует понимать возможность реального воздействия на принятие решений в корпорации. Отличительной чертой такого контроля является отсутствие легальных полномочий у лиц, которые контролируют и руководят деятельностью корпорации фактически. И.С. Шиткина считает, что фактический контроль в свою очередь является видом экономического контроля.

---

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 305-ЭС20-22249 от 06.04.2021 URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f7551923-8bfd-4f5d-87c4-5f25532b4784/46380ab6-50f2-4e17-a8bf-c8378b343e94/A40-324092-2019_20210406_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 12.02.2024).

Иногда на фоне конфликтов интересов возникают конфликты между номинальными участниками и бенефициарами¹. Именно поэтому у последних должна быть возможность легализовать свою реальную власть и отстранить от процесса принятия решений номинальных участников².

Существуют механизмы, которые позволяют произвести переход прав номинального участника к бенефициару.

Стоит выделить концептуальную разницу между переходом прав и их отчуждением.

Отчуждение происходит в момент волеизъявления, а переход прав от одного субъекта к другому не сопровождается наличием волеизъявления в момент перехода прав. Такое волеизъявление может закрепляться до перехода прав (например, при предоставлении безотзывной оферты – call-опциона).

На практике номинальные участники корпорации заключают квазикорпоративный договор с участием бенефициара.

Именно такой корпоративный договор должен служить гарантией и механизмом защиты прав бенефициаров³.

Такие квазикорпоративные договоры закрепляют порядок голосования номинальных участников, порядок согласования действий с бенефициарами, а также случаи (обстоятельства) и порядок перехода корпоративных прав от номинальных участников к бенефициарам.

В настоящей работе рассмотрим базовые положения корпоративного договора, которые опосредуют переход прав от номинальных участников.

Первым таким положением является обязательство по заключению соглашения о предоставлении опциона на заключение договора.

Опцион предоставляет собой безотзывную оферту и именуется в литературе call-опционом.

Условия call-опциона могут предусматривать то, что при определенном поведении (чаще всего при поведении, которое противоречит интересам бенефициара) или при определенных обстоятельствах, акцептант (в рассматриваемом случае – бенефициар или иное лицо, которое также может быть другим номинальным участником) производит акцепт оферты (call-опциона).

Гражданский кодекс Российской Федерации в п. 1 ст. 429.2 указывает, что опцион может быть безвозмездным, если это будет установлено соглашением о предоставлении такого опциона⁴. Так как акцептантом является бенефициар корпорации, то и опцион в таком случае предоставляется без какого-либо встречного предоставления.

Результатом акцепта опциона является то, что номинальный участник перестает быть участником корпорации, а его место занимает либо сам бенефициар, либо иное лицо.

В квазикорпоративном договоре также может быть предусмотрено право одного из участников корпорации понудить к продаже долей (акций) других участников (drag along). Такие положения обычно включаются в договор при наличии в корпорации миноритариев. Однако следует включать и право миноритариев присоединиться к продаже (tag along), это также может упрочить реальную власть бенефициара.

Полагаем, что данный способ перехода прав следует рассматривать лишь в совокупности с call-опционом.

Например, только один участник корпорации предоставил опцион бенефициару, но в соответствии с условиями корпоративного договора такой участник понуждает присоединиться к продаже и других участников.

Данный способ используется для того, чтобы не заключать соглашение о предоставлении опциона с каждым участником корпорации⁵.

Корпоративный договор предусматривает положение о разрешении тупиковых ситуаций (deadlock). Такие ситуации могут возникнуть при наличии конфликта интересов номинальных участников и

---

¹ Осипенко О. В. Корпоративная конфликтология : монография. М. : Статут, 2022, С. 7.

² Гарашук Ольга Алексеевна Практическое использование института бенефициарного владельца в корпоративных отношениях // Мониторинг правоприменения. 2018. № 1 (26). С. 63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskoe-ispolzovanie-instituta-benefitsiarnogo-vladeltsa-v-korporativnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 11.02.2024).

³ Кокорев С. В. Квазикорпоративный договор как правовой инструмент регулирования корпоративных правоотношений // Право и экономика. 2019. № 7. С. 48.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f7eff6cea3ee262cd97814d84d8780fe8e825462/ (дата обращения: 11.02.2024).

⁵ Негодяев В. В. Опционы: актуальные вопросы судебной и нотариальной практики // Нотариальный вестник. 2021. № 3. С. 26.

бенефициаров. В таком случае, могут быть закреплены условия, согласно которым бенефициар вправе требовать перехода корпоративных прав к другому субъекту.

Это условие по своей природе имеет сходство с ранее рассмотренной опционной конструкцией, но не имеет срока и является отлагательным.

Корпоративный договор также может и защищать права бенефициаров от злоупотребления корпоративными правами номинальных участников. Например, в корпоративном договоре часто закрепляется запрет на всякое отчуждение долей без предварительного одобрения бенефициара.

Это положение обеспечивает сохранность состава участников корпорации, а значит, и обеспечивает фактический контроль бенефициара.

Основными столпами рассмотренных положений в корпоративном договоре являются меры ответственности номинальных участников, а именно: возмещение убытков, неустойка, компенсация и возмещение потерь.

Помимо опциона на заключение договора, корпоративного договора, переход прав бенефициару может обеспечиваться опционным договором. Сущность опционного договора заключается в том, что одна сторона вправе требовать совершения действий (то есть исполнения обязательства от другой стороны)¹.

В частности, в договоре может быть предусмотрено, что право заявлять требования возникают у бенефициара при наступлении каких-либо обстоятельств.

Несмотря на то что корпоративный договор может содержать в себе механизмы перехода прав от номинальных участников к бенефициарам, включение таких положений, к сожалению, не гарантирует исполнение в натуре номинальным участником своих обязательств. Данный тезис связан с тем, что стороны корпоративного договора не могут быть понуждены к исполнению обязательств в натуре. Это значит, что у бенефициара появляется риск потерять фактический контроль над корпорацией.

На протяжении последних лет в юридической литературе ведется дискуссия о применении концепции волезамещающего решения суда. Такое волезамещение могло бы способствовать тому, что суд мог бы судебным решением заменить волю номинального участника и тем самым бенефициар в полной мере восстановил бы свои права, которые закреплены в корпоративном договоре. Дело в том, что меры ответственности номинального участника не в полной мере защищают права и интересы бенефициара.

Таким образом, следует сказать, что фактический контроль бенефициара является основанием для перехода корпоративных прав лишь в случаях, которые прямо предусмотрены договорными конструкциями. Однако, не все договорные конструкции в полной мере гарантируют такой переход. Как было указано выше, неисполнимость в натуре корпоративного договора отрицательно влияет на права и обязанности бенефициаров. Хочется верить, что в будущем институт судебного волезамещения появится в российском правопорядке. Наличие такого института сделало бы конструкцию корпоративного договора более эффективной на практике. На сегодняшний день, самыми эффективными конструкциями являются опционные соглашения: опцион на заключение договора и опционный договор. Именно их использование способно быстро и эффективно организовать переход корпоративных прав от номинального участника к бенефициару корпорации.

Григолашвили В. Б.

Московский финансово-юридический университет (МФЮА)

Аспирант

Наследование акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ по праву России и Грузии

Наиболее распространенными видами юридических лиц по их организационно-правовой форме в России и Грузии являются акционерное общество (далее – АО) и общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО). Одним из законодательно предусмотренных способов отчуждения акций в АО и долей в уставном капитале (далее – УК) ООО является универсальное правопреемство в виде наследования.

Общие положения наследования акций и долей в РФ регулируется на основании норм Раздела V «Наследственное право» части третьей Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), а в Грузии – Книги шестой «Наследственное право» Гражданского кодекса Грузии (далее – ГКГ). В соответствии со ст. 1110, 1112 ГК РФ в состав наследства входят переходящие к наследникам в порядке универсального правопреемства, принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства и вещи, иное имущество, в том числе

---

¹ Лубягина Д. В., Бычков Александр Игоревич. «Опционный договор» Имущественные отношения в Российской Федерации, № 1 (172), 2016, С. 72.

имущественные права и обязанности¹. Согласно ст. 1328 ГК наследство включает в себя совокупность имущественных прав и обязанностей наследодателя к моменту смерти, а если деление имущества в натуре невозможно, стоимость этого имущества².

К отношениям по наследованию акций и долей в УК общества, в соответствии с законодательством России и Грузии применяется право того государства, где наследодатель имел постоянное место жительства. Согласно ст. 1224 ГК РФ исключение сделано лишь для недвижимого имущества, которое наследуется по праву страны, где оно находится, но при этом если недвижимое имущества внесено в государственный реестр в РФ — то его наследование осуществляется по законодательству РФ³.

Поскольку процедура наследования начинается с открытия наследства, большое значение имеет установление времени наследования, т.к. стоимость акций и долей в УК хозяйственных обществ напрямую зависит от рыночной стоимости самого хозяйственного общества в определенный момент.

В обеих странах временем открытия наследства является момент смерти наследодателя или день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим (день и момент предполагаемой гибели, указанные в решении суда) (ст. 1114 ГК РФ, ст. 1320 ГКГ).

В соответствии с нормами ст. 1115 ГК РФ и ст. 1324 ГКГ местом открытия наследства признается последнее место жительства наследодателя (т.е. его постоянного или преимущественного проживания). В случае если оно неизвестно или находится за рубежом, то наследство в РФ будет открыто по месту нахождения наследственного имущества на территории РФ. Если же оно находится в разных местах, то учитывается в первую очередь место нахождения недвижимого имущества или его наиболее ценной части исходя из его рыночной стоимости. Согласно ст. 1325 ГКГ если гражданин Грузии временно проживал и умер за границей, то местом открытия наследства после его смерти является место его жительства в Грузии до отъезда за границу, а в случае, когда оно неизвестно, местонахождение наследства или его основной части. А если же гражданин постоянно проживал за границей, то местом открытия наследства после его смерти считается страна его проживания (ст. 1327 ГКГ).

По законодательству обеих стран наследование акций и долей в УК осуществляется как по завещанию, так и по закону, в тех случаях если наследодатель не оставил завещания, либо если завещание признано недействительным полностью или частично, а также может быть и по обоим основаниям (ст. 1111 ГК РФ, ст. 1306 ГК).

Более подробно вопрос наследования прав, связанных с участием в хозяйственных обществах, в России регулируется Федеральными законами от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — закон об АО) и от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — закон об ООО), а в Грузии — Законом № 875-Урс-Хмп от 02.08.2021 «О предпринимателях» (далее — закон о предпринимателях).

Так ст. 93 ГК РФ определяет, что переход доли участника общества в УК ООО к другому лицу возможен в том числе в порядке правопреемства либо на ином законном основании с учетом особенностей, предусмотренных ГК РФ и законом об ООО. П. 1 ст. 1176 ГК РФ и п. 8 ст. 21 Закона об ООО регламентируют, что входящая в состав наследства участника ООО его доля в УК ООО переходит к наследникам, если иное не предусмотрено уставом⁴. Поскольку ООО, обладающее как признаками союзов лиц, так и признаками союзов капиталов⁵, в уставе ООО может содержаться запрет или ограничения перехода корпоративных прав умершего участника к его наследникам, когда для требуется согласие всех его участников (пп. 5 п. 7 ст. 23 Закона об ООО)⁶. Если в такой согласии наследнику будет отказано, то он вправе получить от общества действительную стоимость унаследованной доли либо соответствующую ей часть имущества в соответствии

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «Гарант». URL: / <https://base.garant.ru/10164072/859fd6fac8ef71503c1f4cf807449b5c/> (дата обращения: 07.02.2024) (далее — ГК РФ).

² Гражданский кодекс Грузии. Принят Парламентом Грузии, закон № 786-II от 26.06.1997 (ред. от 28.06.2023) // Законодательный вестник Грузии. URL: / <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?impose=translateRu&publication=125> (дата обращения: 19.02.2024) (далее — ГКГ).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023).

⁴ Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 25.12.2023) // СПС «Гарант». URL: / <https://base.garant.ru/12109720/> (дата обращения: 07.02.2024).

⁵ Басова Н. А. Доля перешла к наследникам. Как устав может защитить компанию от «посторонних» участников // Арбитражная практика. М. : ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. № 7. С. 72–79.

⁶ Корпоративное право : учебный курс (второе издание) (отв. ред. И. С. Шиткина). М. : Кнорус, 2015.

с порядком, предусмотренном правилами ГК РФ, других законов или учредительными документами общества.

В соответствии со п. 4 ст. 1152 ГК РФ в том случае, если согласие участников ООО на переход к наследнику доли не требуется, то доля считается перешедшей к наследнику (что подтверждается и судебной практикой) со дня открытия наследства, независимо от времени его фактического принятия и момента государственной регистрации в качестве участника. Сведения о новых участниках-наследниках также должны быть внесены в список участников ООО (ст. 31.1 Закона об ООО).

До принятия наследником умершего участника общества наследства управление его долей в УК общества осуществляется в порядке доверительного управления на основании ст. 1173 ГК РФ и абз. 2 п. 8 ст. 21 Закона об ООО¹. Как мы видим, в силу установленного ст. 1112 ГК РФ положения о том, что организационные (неимущественные) права наследодателя (права на участие в управлении обществом) в состав наследственного имущества не входят². В Грузии, в соответствии со ст. 30 и 141 Закона о предпринимателях партнер имеет право на самостоятельное распоряжение и отчуждение своей доли без согласия ООО и партнеров за исключением случаев, когда их затрагивает данное ограничение или запрет. Если сопартнеры или наследники большинством голосов не могут достичь согласия относительно управления долей, на основании заявления предпринимательского общества или сопартнера либо одного из наследников суд назначает управляющего долей, который наделяется всеми правами, связанными с долей. Что же касается наследования акций, то по российскому и грузинскому законодательству в состав наследства участника АО входят принадлежавшие ему акции, а наследники, к которым перешли эти акции, становятся участниками АО, приобретающими вследствие этого корпоративные права. Согласия других акционеров или самого АО при этом не требуется, что абсолютно естественно для объединений капиталов (п. 3 ст. 1176 ГК РФ³, п. 2 ст. 172 Закона о предпринимателях⁴). Наследники получают право на выплату со стороны организации-эмитента дивидендов, которые были начислены, но не выплачены наследодателю.

Как мы видим, наследование акций и долей в УК хозяйственных обществ по праву России и Грузии имеет как общие черты, так и свою специфику. Хотя акция и доля в УК ООО имеют хоть сходную правовую природу по характеру объекта гражданского оборота, налицо конфликт между нормами наследственного и корпоративного права, регулирующими данный вопрос⁵. Есть особенности в порядке их наследования, из-за имеющихся между ними различий, которые выражаются в виде и размере предоставленного права участия в хозяйственном обществе, в более тесной личной связи партнеров ООО по сравнению с акционерами АО, принципе дуализма доли как обязательственного права требования и доли как основания участия в ООО, а также в том, что, в отличие от акции, доля в ООО не является ценной бумагой⁶. Считаю, различие законодательного подхода к порядку наследования доли в УК ООО от наследования акций и других видов имущества вполне обоснованным.

Таким образом, наследование, являясь одновременно односторонней сделкой и способом универсального правопреемства, гарантирует как стабильность, так и позитивную динамику гражданского оборота. Институт наследования издревле способствует имущественной связи поколений, создает необходимую основу для эффективной предпринимательской деятельности, в связи с тем, что обладатель акций или долей в УК хозяйственного общества будет иметь возможность передать принадлежащее ему имущество (имущественные права) своим наследникам. С учетом того, что по состоянию на 31.12.2023 в Грузии числилось до 34 тысяч активных компаний, владельцами которых являются юридические лица и

---

¹ Наследование и дарение. Пособие для нотариусов (Ушаков А. А.). М. Деловой двор, 2023.

² Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ : монография (Максуров А. А.). М. : Юстицинформ, 2021. 176 с.

³ ГК РФ.

⁴ Закон Грузии «О предпринимателях» № 875-Урс-Хмп от 02.08.2021 (ред. от 22.02.2023) // Законодательный вестник Грузии. URL: / <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/5230186?publication=2> (дата обращения: 19.02.2024) (далее – Закон о предпринимателях).

⁵ Особенности наследования доли в уставном капитале ООО пережившим супругом (А. А. Бутенко, журнал «Законодательство», № 8, август 2021 г.).

⁶ Э. Пипиа. Сравнительно-правовой анализ понятия доли общества с ограниченной ответственностью. (на груз. яз.) // Самарлис мацне. URL: / <https://heraldoflaw.com/wp-content/uploads/2021/08/ekaterine-pipia.pdf> (дата обращения: 19.02.2024).

граждане РФ, а в целом с марта 2022 года гражданами РФ в Грузии зарегистрировано в 3,6 раза больше компаний, чем в 1995–2021 гг., исследуемый вопрос приобретает еще и практическую актуальность¹.

Гридчина А.А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Корпоративно-правовые способы обеспечения продолжения семейной предпринимательской деятельности при наследовании

В настоящее время в России отсутствует законодательно установленное определение семейного предпринимательства, несмотря на его использование в практической сфере. В данном аспекте затрагиваются общественные отношения, которые регулируются как нормами семейного права, так и корпоративного и предпринимательского права: государственная защита семейных ценностей, свобода предпринимательской деятельности, правопреемство в коммерческих корпорациях. Семейное предпринимательство можно определить как самостоятельную рисковую деятельность, которая осуществляется членами семьи «для достижения экономических и социальных результатов, направленных на удовлетворение имущественных потребностей и гармонизацию интересов семьи в преодолении социально-экономических проблем»². Важной характеристикой семейного предпринимательства являются фидуциарные отношения, основанные на личном доверии между членами семьи.

Многие предприниматели стремятся заранее продумать возможный переход прав к их наследникам. В случае передачи семейной компании или части ее активов по наследству появляются проблемы в виде сохранения особого статуса корпорации как семейного бизнеса, возможности функционирования общества при смене управляющего круга лиц. Сложностью является также то, что «в России, пожалуй, как нигде в мире бизнес (в особенности крупный) очень высоко персонифицирован»³. Перед наследниками стоит задача продолжать управлять компанией, не теряя контрагентов (покупателей, клиентов).

В настоящее время основаниями для наследования являются завещание, наследственный договор и закон (п. 1 ст. 1111 ГК РФ). Наследодатель может по своей воле изменить состав наследников, что приведет к утрате особого статуса семейного предпринимательства, изменению порядка принятия корпоративных решений. Главенствует принцип свободы завещания, закрепляющий право завещателя «завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения»⁴.

Ограничением свободы завещания и одной из проблем наследования семейной компании является право на обязательную долю в наследстве (ст. 1149 ГК РФ). Данное правило усложняет возможность для наследодателя передать доли в обществе конкретным наследникам, которые уже ведут семейный бизнес, поскольку установленные в законе лица наследуют независимо от завещания. В связи с этим происходит дробление долей, что в свою очередь усложняет порядок принятия решений в обществе. При этом новые участники общества не всегда могут полноценно заменить умершего в управлении такой компании, что может повлечь за собой изменения в организационной структуре корпорации, перераспределение управляющих ролей. Даже в случае лишения наследника наследства по воле наследодателя, у него сохраняется право на обязательную долю. Так, по делу № 33-41829/2016⁵ суд указал, что воля наследодателя распорядиться принадлежащим ему имуществом может быть ограничена только наличием права на обязательную долю. Соответственно, за лицом, лишенным наследства, было признано право на долю в праве собственности и истребование имущества из чужого незаконного владения. Несмотря на имеющиеся различия в природе вещных и корпоративных правоотношений, указанный вывод распространяется и на наследование долей и акций хозяйственного общества.

---

¹ Экономическая зависимость Грузии от России: итоги 2023 года. (на груз. яз.) // Transparency International Georgia. URL: / <https://transparency.ge/ge/blog/sakartvelos-rusetze-ekonomikuri-damokidebuleba-2023-clis-shejameba> (дата обращения: 19.02.2024).

² Левушкин А. Н. Семейное предпринимательство и семейный бизнес: понятие, правовая природа и перспективы развития / А. Н. Левушкин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3 (43). С. 206–217.

³ Проблемы наследования бизнеса (Белов В. А.) («Вестник экономического правосудия Российской Федерации», 2015, № 7).

⁴ П. 1 ст. 1119 Гражданского кодекса РФ от 26.11.2001 № 146-ФЗ).

⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 18.11.2016 по делу № 33-41829/2016.

Несмотря на общее правило о том, что «участники общества пользуются преимущественным правом покупки доли»¹, появляются сложности в виде невозможности заинтересованных участников выкупить долю. Соответственно, помимо дробления долей в результате перехода по наследству компании, может возникнуть переход долей к посторонним для семьи лицам. В связи с этим утрачивается фидуциарность в отношениях между совладельцами, что может негативно отразиться на функционировании компании: затруднение принятия решений, блокирование некоторых решений.

Еще одним препятствием при переходе корпоративных прав и обязанностей считается возражение других участников общества против перехода доли к наследникам. Остальные участники общества могут игнорировать обращения наследника по вопросу их согласия на участие в обществе. Данный вывод подтверждается судебной практикой. Например, по делу № А56-52684/2022² при отказе в удовлетворении требований суд ссылаясь, что в уставе общества был предусмотрен порядок перехода долей в уставном капитале: необходимо согласие остальных участников общества. Вследствие того, что на внеочередном собрании участников было принято решение об отказе наследникам в переходе к ним доли в уставном капитале, о выплате им действительной стоимости доли, суд установил, что изменения в ЕГРЮЛ о смене участников в обществе были внесены правомерно.

В связи с тем, что в корпоративных отношениях в непубличных хозяйственных обществах преобладает диспозитивность, в уставе может быть закреплено положение об установлении специальных правил для наследования доли общества. По общему правилу «доли в уставном капитале общества переходят к наследникам граждан»³. В уставе общества могут закрепляться положения, устанавливающие необходимость получения согласия на переход доли со стороны других участников. Такая процедура может быть по-разному реализована: путем проведения внеочередного общего собрания участников или получения от каждого участника согласия/отказа на переход доли. Данный способ может служить действенным механизмом для защиты компании от третьих лиц, поскольку при получении отказа они получают право только на выплату им действительной стоимости доли. Так, можно отразить обязательное одобрение перехода доли к наследникам. Данное правило позволит сохранить управление среди определенного круга лиц, в случае появления неожиданных наследников, которые могут поставить под угрозу существование корпорации. В этом случае необходимо произвести выплату действительной стоимости доли в предусмотренном размере. Уставом также может быть закреплено преимущественное право самого общества на выкуп доли (абз. 2 ч. 4 ст. 21 ФЗ «Об ООО»). В случае отказа всех участников общества от покупки доли, преимущественное право появляется у общества. При реализации этого права доля переходит к обществу, а наследнику выплачивается стоимость доли по цене предложения третьему лицу. Отдельно в уставе можно заранее указать конкретную цену, которая будет выплачиваться при переходе доли. Данное положение о цене можно отразить в виде указания на твердую денежную сумму или указать критерии для ее определения: стоимость чистых активов, чистая прибыль, балансовая стоимость активов (абз. 3 ч. 4 ст. 21 ФЗ «Об ООО»). Для реализации этого права необходимо, чтобы цена покупки обществом доли составляла не менее определенной для участников цены.

Права наследника всегда остаются защищенными даже, если участники общества и само общество отказались от реализации преимущественного права на приобретение доли или в уставе не предусмотрена возможность отчуждения доли третьему лицу. В таком случае общество приобретает обязанность покупки доли по требованию участника/его наследника (ч. 2 ст. 23 ФЗ «Об ООО»).

Другой превентивной мерой при переходе доли может стать заключение соглашения в виде корпоративного договора между участниками семейного предпринимательства, которое будет распространять свое действие как на настоящее, так и на будущее время. В таком соглашении можно прописать порядок изменения состава участников, возможность преобразования семейного предпринимательства в другие формы. При этом важна точность формулировок при заключении корпоративного договора, чтобы исключить возможность появления споров. Так, по делу № А40-23294/2020⁴ суд указал, что между участниками акционерного общества было заключено акционерное соглашение, в котором прописывалось отчуждение части акций от первого акционера к другому, затем обратное отчуждение пакета акций после окончания текущих кредитных обязательств общества, и обязанность второго акционера заключить аналогичное соглашение с наследником первого, в случае его смерти. После смерти

---

¹ Ч. 4 ст. 21 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.07.2023 № Ф07-4758/2023 по делу № А56-52684/2022.

³ Ч. 8 ст. 21 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.08.2022 № Ф05-12195/2021 по делу № А40-23294/2020.

первого акционера наследник обратился ко второму с требованием об отчуждении акций в его пользу, в чем ему было отказано. Наследник обратился в суд за защитой своих прав. Судом было подтверждено, что корпоративный договор может предусматривать права и обязанности в отношении наследников каждой из сторон договора. Но ему отказали в удовлетворении иска, поскольку акционерное соглашение содержит отлагательные условия для реализации права, после наступления которых может быть произведено обратное отчуждение акций. В связи с тем, что кредитные обязательства не были завершены, другие условия соглашения не могут быть применены.

Таким образом, одной из ключевых задач при наследовании долей в обществе является обеспечение функционирования такой корпорации с учетом определенных изменений, вызванных изменением управления. О решении возможных вопросов при наследовании следует позаботиться заранее, поскольку в дальнейшем за такими вопросами могут последовать конфликты между будущими наследниками и другими участниками. Закрепление перехода доли общества в уставе или корпоративном договоре является основными корпоративно-правовыми способами для решения проблем при наследовании семейных компаний.

Иванова А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Судьба доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью при разводе супругов

Корпоративные правоотношения, в том числе связанные с владением долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – долей в ООО), связаны и с другими отраслями российского права. Стоит отметить тесную связь корпоративного и семейного права при регулировании отношений по поводу приобретения доли в ООО супругами за счет средств общего бюджета, а также дальнейшую принадлежность доли в случае расторжения брака.

Согласно п. 2 ст. 34 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), доля в ООО относится к общему имуществу супругов, если приобретена в браке за счет общих средств, независимо от того, на имя кого она оформлена или кем из супругов она была оплачена¹. После оплаты доли в ООО участником становится один из супругов (что отражается в ЕГРЮЛ), однако владеют и пользуются долей супруги сообща. Согласие на действия другого супруга при распоряжении долей презюмируется, что предусмотрено ст. 253 Гражданского кодекса РФ². Конституционный Суд РФ высказал позицию, согласно которой при внесении одним из супругов вклада в уставный капитал ООО считается, что приобретение именно им статуса участника общества предполагает, что другой супруг дал свое согласие на подобное распоряжение общим имуществом супругов³. Поскольку доля в ООО является общим имуществом супругов, то в случае развода при отсутствии брачного договора или соглашения о разделе имущества по общему правилу она будет разделена на равные части, если иное не будет решено судом.

Стоит отметить, что, согласно ст. 21 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», уставом может быть предусмотрен запрет или необходимость получения согласия других участников общества на переход доли другому лицу⁴. Необходимо выяснить, будет ли распространяться данное правило на раздел доли между супругами в случае их развода. В.В. Негодяев считал, что данные ограничения распространяются на супругов. Он отмечал, что в отношении доли в ООО установлен особый правовой режим, отражающий двойственность такой доли: с одной стороны, супруги наделяются имущественным правом на долю, а с другой стороны, корпоративным правом из доли (правом на управление обществом). Поэтому, если доля в уставном капитале ООО приобретена в браке и оформлена на одного из супругов, считается, что правом участия в ООО наделяется именно титульный владелец доли в ООО, другой супруг – не участник – не вправе осуществлять

¹ Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.

⁴ Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

корпоративные права¹. Таким образом, он не является участником общества, а является третьим лицом, поэтому для его вступления в общество необходимо согласие других участников, если это предусмотрено законом. Данная позиция также подтверждается Верховным Судом РФ².

Однако Н.В. Козлова и С. Ю. Филиппова придерживаются обратной точки зрения и отмечают, что доля в ООО приобретается супругами совместно, они являются как бы «единым субъектом» (множественность лиц на стороне одного участника), поэтому изначально приобретают совместные корпоративные права участия в данном обществе независимо от регистрации в ЕГРЮЛ только одного супруга. Получается, что применение уставных ограничений на раздел доли между супругами лишает право собственности супруга в случае расторжения брака³. Похожая позиция поддерживается Московским городским судом, который заявляет, что согласие на отчуждении доли нужно только при купле-продаже или иной сделке, при правопреемстве или при законном основании такое согласие не требуется. Переход части доли в обществах к супругу, не являющемуся членом общества, происходит на законном основании, в силу действующих норм семейного законодательства, а не путем отчуждения доли уставного капитала, поэтому согласие всех участников в данном случае не является необходимым⁴.

Таким образом, существуют две точки зрения по поводу судьбы доли в ООО после развода супругов, каждая из которых отражается в судебной практике. Одна из которых подразумевает необходимость учитывать согласие других участников или запрет на переход доли, если это предусмотрено в уставе, при отчуждении части доли, ранее находящейся в общей собственности супругов. Другая точка зрения отрицает необходимость учитывать данные уставные ограничения. По моему мнению, согласие участников или запрет на переход доли к третьему лицу, если это закреплено в уставе общества, необходимо учитывать, так как данные ограничения направлены на обеспечение корпоративных интересов участников общества в поддержании стабильности и устойчивости отношений внутри общества. Поскольку корпоративные права на практике осуществляет только титульный владелец, то введение третьего лица – другого супруга, в управление обществом без согласия участников может подорвать их интересы.

Также необходимо выяснить, как в дальнейшем развиваются правоотношения в случае, если общество не дало согласие на вступление второго супруга в общество или если уставом наложен запрет на вступление в общество третьих лиц. Согласно ст. 38 СК РФ: в случае, если одному из супругов передается имущество, стоимость которого превышает причитающуюся ему долю, другому супругу может быть присуждена соответствующая денежная или иная компенсация. Путем приобретения доли в ООО один из супругов приобретает имущественные и корпоративные права, а другой только имущественные, следовательно, второй супруг автоматически приобретает право на действительную стоимость доли⁵. Поскольку часть доли находится в собственности обоих супругов после развода в определенных ими самостоятельно или судом долях, но один супругов не может реализовать все правомочия, которые дает доля в ООО, то в качестве защиты его имущественных интересов предусматривается выплата действительной стоимости доли. Данная позиция подтверждается Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, согласно которому в случае отсутствия возможности одного из супругов вступить в общество, он имеет право на выплату действительной стоимости доли на момент обращения с данным заявлением⁶.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что данная проблема актуальна в настоящее время, поскольку доктрина и высшие суды имеют различные взгляды на решение вопроса о принадлежности доли в ООО супругам и ее судьбе в случае расторжения брака. Дискуссии по данному вопросу связаны с различными точками зрения на природу доли в ООО. Из анализа ст. 87 и ст. 90 ГК РФ⁷, ст. 14 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁸ следует, что законодателем под долей понимается имущественный вклад

¹ Негодяев В. В. Сделки с участием супругов с элементами брачного договора (соглашения о разделе имущества) // Нотариальный вестник. 2022. № 9. С. 44.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 11.

³ Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. О праве участия в обществе с ограниченной ответственностью лица, состоящего в браке. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6.

⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 20.07.2021 по делу № 33-15873/2021.

⁵ Харитонов Ю. С. Судьба права на участие в хозяйственном обществе при выделе супружеской доли в уставном капитале ООО // Нотариальный вестник. 2023. № 11. С. 11.

⁶ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.02.2023 № Ф04-8417/2022 по делу № А27-602/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

⁸ Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ.

отдельного участника общества с ограниченной ответственностью, имеющий свою стоимость, что подтверждает имущественный характер. Также существует точка зрения, согласно которой при передаче своего имущества в уставной капитал, участники общества приобретают права требования, которые имеют обязательственный характер¹. Еще позиция связана с тем, что доля в обществе является правом в сфере корпоративных отношений. Так, Р. С. Фатхутдинов отмечал, что доля представляет собой субъективное право на участие в деятельности общества, состоящее из комплекса правомочий участника общества с ограниченной ответственностью². В связи с наличием в юридической доктрине различных подходов к правовой природе доли в ООО возникают различные мнения о разделе доли при разводе супругов, поскольку законодателем подразумевается раздел имущества, но доля имеет и корпоративную природу, в связи с чем раздел корпоративных прав не предусматривается семейным законодательством, что приводит к проблемам отчуждения части доли другому супругу на практике.

По моему мнению, для решения данной проблемы законодательно закрепить порядок отчуждения доли другому супругу при разводе супругов и приравнять его к порядку перехода доли к третьим лицам. Кроме того, законодательное разрешение данного вопроса необходимо предусмотреть в Законе об ООО. Для более детального регулирования и разрешения проблем при разделе доли в связи с расторжением брака, которые могут быть связаны со спецификой общества и отсутствием на данный момент единой законодательной позиции, обществам с ограниченной ответственностью рекомендуется раскрыть вопрос о переходе части доли супругу при расторжении брака в уставе.

Ильина М. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Правовые аспекты решения проблемы «потерянных» акционеров

Функционирование акционерного общества тесно связано с участием в его управлении акционеров. Однако не редки случаи, когда в обществе числятся так называемые «мертвые души» — никаким образом не осуществляющие свои права акционеры, связь с которыми потеряна длительное время. Наличие таких «потерянных» акционеров негативно сказывается на многих аспектах, и, как подчеркивал Верховный Суд в определении от 15.12.2022 № 304-ЭС22-10636 по делу № А27-24426/2020, «нарушает законные интересы акционерного общества, связанные с продолжением ведения его деятельности и поддержания его управляемости», а также препятствует достижению главной цели — извлечению прибыли³. В связи с этим необходимо определить способы избавления общества от таких участников, а также последствия их применения.

Ранее участники корпоративных правоотношений, пытаясь найти решение проблемы вытеснения «мертвых душ», обращались в суд с требованиями о признании акций бесхозяйными и передаче их обществу. Некоторые суды удовлетворяли заявленные требования (решение Подольского городского суда Московской области № 2-2993/2019 от 10 июня 2019 г. по делу № 2-2993/2019, решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-126338/23-189-1044 от 20.10.2023).

Однако следует согласиться с тем, что применение вещно-правовых аналогий в отношении бездокументарных ценных бумаг противоречит доктрине гражданского права. В частности, Е.А. Суханов указывает, что бездокументарные ценные бумаги не обладают свойствами вещи и лишь выполняют функцию фиксации прав акционера⁴, и требуют применения к себе соответствующего режима. Более того, трудно представить себе передачу акций обществу как бесхозяйных без выплаты их стоимости «потерянному» собственнику.

(ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 758.

¹ Русское гражданское право : в 2 ч. / Д. И. Мейер. 3-е изд., испр. М. : Статут, 2003. С. 678–679. Могилевский С. Д. Самойлов И. А. Корпорации в России: правовой статус и основы деятельности / С. Д. Могилевский, И. А. Самойлов. М. : Дело, 2007. С. 44.

² Фатхутдинов Р. С. Уступка доли в основном капитале ООО: теория и практика : монография / Р. С. Фатхутдинов. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 78.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ.

⁴ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. I : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. М. : Статут, 2011. С. 329.

И хотя существуют случаи удовлетворения таких требований, в целом судебная практика является негативной¹.

Другим предлагаемым способом урегулирования проблемы «мертвых душ» является исключение таких акционеров из общества. В настоящее время Гражданский кодекс позволяет в судебном порядке требовать исключение участника из обществ, за исключением публичных акционерных обществ, при условии, что им был причинен существенный вред обществу, или же он существенно затрудняет деятельность и достижение целей общества.

Такой способ крайне затруднителен в применении. Во-первых, потому, что он осложнен необходимостью обращения в суд. Во-вторых, как уже было сказано, его применение невозможно в отношении публичных акционерных обществ.

В недавних определениях Верховный суд², разрешая вопрос о судьбе нераспределенных акций, принадлежащих уже давно ликвидированному юридическому лицу, не только напрямую отверг применение аналогии с бесхозяйными вещами, но и пришел к использованию механизма выкупа акций у «потерянных» акционеров, основанного на аналогии закона со статьями 72, 73, 75, 76 Закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»³. Таким образом акции выкупаются обществом после принятия об этом решения на общем собрании акционеров, в течение года акции, поступившие в собственность АО реализуются на рынке, или же погашаются с уменьшением уставного капитала.

Однако способ, выбранный Верховным судом, не является корректным. Проблема заключается в том, что для обоснования его применения Верховный суд принимает ликвидацию юридического лица за «фактически состоявшийся добровольный выход акционера из корпорации», который свидетельствует об утрате интереса акционера в дальнейшем участии в деятельности общества.

Очевидно, что такое допущение противоречит текущему законодательству – в случае ликвидированного юридического лица некорректно говорить об автоматической потере интереса к участию, и тем более принимать за основание для выкупа акций по аналогии с тем законодательством, которое предусмотрено сейчас.

Более того, предусмотренный порядок выкупа акций возможен только в перечисленных в статье 75 Федерального закона «Об акционерных обществах» случаях и лишь по требованию самого акционера-владельца голосующих акций. Также и механизмы ст. 72 ФЗ «Об акционерных обществах» не предусматривают приобретение обществом акций без согласия акционера-продавца.

Стоит обратить внимание на то, что выкуп акций (buy back) как способ избавления от акционеров широко применяется в англо-американском праве. Так, корпоративный договор может содержать указание на наличие у корпорации права принудительно выкупить акции «потерянного» акционера и погасить их. При этом гарантиями защиты прав «потерянного акционера» выступает обязанность корпорации выплачивать на специальный счет дивиденды в период до выкупа акций, предпринять разумные усилия для поиска такого участника, а также выплатить сумму выкупленных акций с перечислением на соответствующий счет⁴.

Вместе с тем, институт исключения участника общества и вовсе отсутствует в большинстве западных право порядках.

Подводя итог, можно сделать несколько выводов. Безусловно, разрешение столь серьезного вопроса потребует законодательного закрепления, поскольку ни имеющаяся на данный момент довольно противоречивая судебная практика, ни определения Верховного Суда не могут закрыть столь существенный пробел в законодательном регулировании деятельности корпораций. Вместе с тем, следует понимать, что какой бы механизм разрешения проблемы «потерянных» акционеров ни был выбран, он повлечет существенное изменение и дополнение уже существующих норм корпоративного права.

---

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.12.2021 по делу № А56-71063/2020. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 03.01.2024).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС22-13675 по делу № А40-146631/2021.

³ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Martin E. Gold, The Problem of the N^on-Exchanging Shareholder, 46 Fordham L. Rev. 413 (1977). Available at: URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol46/iss3/2>.

Казаков А. Д.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Переход права на долю в ООО при режиме совместной собственности супругов

В процессе правового регулирования возможно появление правоотношений, на которые одновременно распространяют свое действие нормы нескольких отраслей права, вследствие этого на практике возникают трудности, связанные с необходимостью учета различных правовых режимов, касающихся одного и того же предмета, а также с возможными правовыми коллизиями. Так, корпоративные отношения, отличающиеся стабильным составом участников, не терпят вмешательства в свою деятельность третьих лиц, тогда как нормами семейного законодательства могут быть установлены права супруга титульного собственника акций или доли в обществе на указанное имущество, что может привести к юридическим противоречиям. Вопросам соотношения корпоративного и семейного права при переходе доли в ООО посвящена данная статья.

В соответствии с текущим законодательством существуют следующие основные формы перехода права на долю в уставном капитале ООО: сделки (уступка доли в уставном капитале, дарение и др.), выход из общества (как особая односторонняя сделка), получение доли в результате раздела общего совместного имущества супругов (в том числе по решению суда).

При рассмотрении вопроса о правопреемстве при совершении сделок с долей в ООО следует отдельно рассмотреть порядок ее приобретения и порядок отчуждения.

В случае отчуждения доли, которая находится в общей совместной собственности супругов, по общему правилу требуется нотариальное согласие супруга в силу ч. 3 ст. 35 СК РФ. Отсутствие такого согласия управомачивает супруга, чье согласие не было получено, требовать признания сделки недействительной (абз. 2 ч. 3 ст. 35 СК РФ). Законом об ООО установлены случаи, когда нотариальная форма сделки, следовательно, и нотариальная форма согласия, не требуется: при требовании перевода прав покупателя вследствие нарушения преимущественного права покупки; переходе доли исключенного участника к ООО; переходе доли к ООО при отсутствии согласия участников на переход доли по наследству (правопреемству) или при продаже с публичных торгов; в случае выплаты обществом действительной стоимости доли или части доли участника общества по требованию его кредиторов; при распределении части доли, принадлежащей обществу, между участниками или отчуждении ее третьим лицам.

Больше вопросов вызывает приобретение права на долю в ООО супругами. Согласно ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства. В связи с перечисленным возникает ряд вопросов. В случае приобретения доли супругами, кто будет числиться владельцем в ЕГРЮЛ? Если по общему правилу доли супругов в имуществе признаются равными, вправе ли они на равных началах участвовать в делах общества? Ответ на первый вопрос однозначно следует из ч. 8 ст. 11 ФЗ об ООО, где указано, что сведения о размере доли каждого участника содержатся в ЕГРЮЛ, то есть, в качестве владельца доли будет указано конкретное лицо, которое обладает правоустанавливающими документами. Для ответа на второй вопрос необходимо обратиться к положениям ч. 1 ст. 2 ГК РФ, где указано, что гражданское законодательство регулирует основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, корпоративные отношения, договорные и иные обязательства. Из содержания нормы следует, что законодатель, учитывая особенности и правовую природу различных гражданско-правовых отношений, выделяет отдельно вещные, корпоративные, обязательственные отношения. Это подтверждается и различной нормативной базой указанных отношений (раздел II, раздел III, ст. 307.1 ГК РФ). В связи с этим стоит рассматривать долю в ООО в двух значениях¹:

- 1) В качестве имущества, являющегося объектом вещного права или предметом обязательственного;
- 2) В качестве элемента, удостоверяющего корпоративные права лица.

Указанная позиция подтверждается ст. 34 СК РФ, которая включает в состав совместного имущества акции, паи, доли в уставном капитале, но про корпоративные права не упоминает. Из этого следует, что при поступлении доли в уставном капитале ООО в общую собственность супругов имущественные права на нее

---

¹ Качалова А. В. Коллизия норм корпоративного и семейного права / А. В. Качалова // Законодательство. 2021. № 6. С. 7–17. — EDN^o KFWN^oZX.

возникают у обоих, но корпоративными правами будет обладать лишь тот супруг, на имя которого она зарегистрирована в ЕГРЮЛ.

Порядок выхода участника из общества определен ст. 26 ФЗ об ООО. Если подобная возможность предоставлена лицу, оно вправе в любое время без необходимости получения согласия общества или его членов подать нотариально заверенное заявление о выходе. В этом случае доля участника отчуждается обществу. Стоит отдельно рассмотреть данное основание, так как судебная практика по указанному вопросу противоречива. При буквальном толковании положений статьи 26 ФЗ об ООО и СК РФ выход из ООО является сделкой по распоряжению имуществом, требующей соблюдения нотариальной формы, за исключением указанных ранее случаев. Следовательно, необходимо и получение нотариально заверенного согласия супруга. Однако на стадии правоприменения возможны различные случаи решения вопроса. В частности, при определении того, является ли сделка недействительной по ст. 173.1 ГК РФ, суды исходят, во-первых, из положений статьи ч. 2 ст. 154 ГК РФ, согласно которой односторонняя сделка требует волеизъявления только одной стороны, во-вторых, из того, был ли нарушен имущественный интерес супруга, не являющегося членом ООО¹. Если судом установлено, что имущественный интерес супруга нарушен, решение выносится в пользу истца, если нет – в пользу ответчика, суд также исходит из положений ст. 166 ГК РФ, согласно которой оспоримая сделка может быть признана недействительной, если нарушает права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку.

Возникновение права на долю в ООО возможно также при разделе совместного имущества супругов по соглашению между ними или по решению суда, в каждом случае есть свои особенности. При разделе совместно нажитого имущества по соглашению супругов стоит учитывать, что распоряжение долей будет квалифицироваться как отчуждение ее третьему лицу, так как супругу, ранее не являвшемуся членом ООО, перейдут не только имущественные права на долю, но и корпоративные права, поэтому к указанным отношениям будут применяться положения закона о преимущественном праве покупки, возможной необходимости получения согласия всех участников ООО для отчуждения. В случае перехода доли по решению суда стоит вновь вернуться к положению об имущественной и корпоративной составляющей доли в ООО. При присуждении лицу права на долю ему не всегда переходят и корпоративные права. Если уставом общества предусмотрена необходимость получения согласия членов ООО для перехода доли и указанное согласие получено не было, то за лицом остается имущественное право на долю, а также на выплату ее действительной стоимости².

Перечисленные особенности и сложности правового регулирования возникают на этапе правоприменения, разрешения дел судами, с этим же связано и то, что по одним и тем же вопросам выносятся различные решения. Пока что неурегулированность отношений на стыке семейного, гражданского права восполняется судебной практикой, позициями высших судов, однако в будущем возможна законодательная реформа, которая исключит существующие противоречия. Она может выразиться в отнесении корпоративной составляющей доли к совместной собственности супругов, в этом случае текущая судебная практика станет неактуальна. Возможно и иное, например, прямое указание на то, что доля в обществе во всех случаях остается в собственности приобретателя, а супругу в обязательном порядке выплачивается компенсация его части в праве на нее. Более вероятен, конечно, вариант баланса интересов сторон, возможно, что законодатель распространит положения статьи 37 СК РФ на корпоративную составляющую права и уполномочит суды присуждать право членства супругу, принимавшему деятельное участие в хозяйственной жизни общества.

Кожевина К. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

Переход прав на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью при разделе общего имущества супругов

Осложнение корпоративных отношений семейным аспектом поднимает вопрос о соотношении корпоративного и семейного права при определении и реализации имущественных прав супругов.

---

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.01.2024 № Ф05-34289/2023 по делу № А41-89248/2022.

² Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Приобретение доли в ООО в период брака порождает ряд проблем, связанных с определением правового статуса супруга, не указанного в качестве участника в ЕГРЮЛ, и соотношения имущественных и корпоративных прав супругов. Особенно остро эти вопросы встают при разделе общего имущества, в случае, если уставом общества предусмотрены запрет на переход доли к третьим лицам или необходимость получения согласия остальных участников общества на такой переход.

В соответствии с п. 1 ст. 256 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), п. 1 ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. В соответствии с п. 2 ст. 34 СК РФ, приобретенные за счет общих доходов супругов доли в капитале, относятся к имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), вне зависимости от того, на имя кого из супругов они приобретены или кем из супругов внесены денежные средства. Из этого следует, что доля в уставном капитале ООО, приобретенная супругами или одним из супругов в период брака за счет общих доходов, принадлежит им на праве совместной собственности.

Законодательство допускает возможность раздела общего имущества супругов как в период брака, так и после его расторжения, при этом, по общему правилу, доли супругов в общем имуществе признаются равными (п. 1 ст. 38, п. 1 ст. 39 СК РФ).

В юридической литературе отмечается, что правовой режим доли в уставном капитале ООО как объекта прав определяется именно корпоративным законодательством¹. Указанный подход находит подтверждение в судебной практике. При рассмотрении споров суды обращают внимание на то, что положения статей 34, 35 СК РФ устанавливают лишь состав объектов общей совместной собственности супругов и его правовой режим, порядок же вступления в состав участников общества регулируется нормами корпоративного законодательства² и учредительными документами общества³. При этом раздел такого имущества как доля в уставном капитале ООО должен осуществляться с учетом особенностей, установленных пунктами 4, 5, 7, 8 ст. 21 Закона об ООО⁴.

Вместе с тем, необходимо отметить, что Закон об ООО не содержит положений, прямо регулирующих порядок раздела долей ООО как объектов общего имущества супругов. В настоящее время этот вопрос разрешается в основном на уровне судебной практики, в которой, тем не менее, не обнаруживается единого подхода. При этом большая роль отводится положениям устава общества.

Согласно первому подходу, при наличии в уставе общества положения о необходимости получить согласие остальных участников на переход доли к третьим лицам, супруг (бывший супруг), получивший долю в порядке раздела совместно нажитого имущества, имеет возможность войти в состав участников путем направления соответствующего заявления, адресуемого обществу. Если же такое согласие не получено (либо в случае, когда уставом установлен прямой запрет на вхождение в состав участников третьих лиц), у супруга (бывшего супруга) возникает право только на получение действительной стоимости доли. Указанный подход получил широкое распространение в судебной практике. Такую позицию последовательно развивает Верховный Суд⁵, и поддерживают нижестоящие суды⁶.

¹ Чашкова С. Ю. Переход к пережившему супругу доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как общего имущества супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 30–36.

² Определения Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021, от 07.04.2022 № 310-ЭС21-28271 по делу № А83-18085/2020, Постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.11.2023 № Ф04-5246/2023 по делу № А45-35369/2022, от 14.09.2023 № Ф04-6373/2022 по делу № А45-5976/2022, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.04.2023 № Ф05-8060/2023 по делу № А40-2525/2022 и другие.

³ Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.10.2009 № ВАС-13987/09 по делу № А70-958/2009.

⁴ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2023 № 88-33757/2023 по делу № 2-764/2023.

⁵ Определения Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021, от 06.04.2021 № 305-ЭС20-22249 по делу № А40-324092/2019, от 30.03.2023 № 304-ЭС22-20237 по делу № А27-615/2021.

⁶ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.07.2023 № Ф01-2865/2023 по делу № А11-1335/2022, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.09.2023 № Ф09-3801/23 по делу № А76-34224/2020, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.04.2023 № Ф05-8060/2023 по делу № А40-2525/2022, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30.01.2015 № Ф06-19158/2013 по делу № А55-9679/2014, Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 25.06.2014 по делу № А46-12469/2013 и другие.

Аргументация такой позиции основывается, в первую очередь, на разграничении доли в ООО на имущественную и корпоративную составляющие. В подтверждение можно привести вывод судов о том, что сам по себе факт приобретения одним из супругов доли в уставном капитале в период брака не означает, что второй супруг обладает правом на участие в управлении делами соответствующего общества (корпоративным правом). Таким образом, суды признают корпоративные неимущественные права только за тем супругом, который указан в качестве участника в ЕГРЮЛ. Имущественные же права на долю в ООО принадлежат обоим супругам. Указанное согласуется с позицией Конституционного суда, высказанной в Определении от 03.07.2014 № 1564-О¹.

Анализ предшествующей судебной практики свидетельствует о существовании иного подхода к решению вопроса о необходимости получения согласия участников общества на вхождение в его состав супруга, получившего долю в результате раздела общего имущества. Так, например, в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2015 № 11АП-5470/2015 по делу № А55-17740/2013 встречается вывод о том, что при разделе имущества не происходит перехода права собственности на долю, которая уже на момент ее возникновения в качестве объекта права являлась совместной собственностью, а вместо этого происходит изменение установленного законом режима совместной собственности на имущество, нажитое во время брака. В другом судебном акте раздел общего имущества супругов рассматривается как переход прав на долю на законном основании, в связи с чем согласие остальных участников общества на такой переход не требуется².

В доктрине также не сложилось единого мнения по данному вопросу. Большинство специалистов в области корпоративного права поддерживают первый подход³. В то же время, существуют сторонники второго подхода. Так, например, по мнению Н.В. Козловой и С.Ю. Филипповой, «поскольку доля в уставном капитале, приобретенная в период брака лицом, состоящим в браке, принадлежит на праве общей совместной собственности супругам, то оба супруга имеют корпоративные права, пропорциональные размеру такой доли, при этом специфика общей совместной собственности, основанной на фикции единого субъекта права, приводит к тому, что оба этих супруга рассматриваются не как два отдельных участника, а как единый субъект». При этом авторы отмечают, что «регистрация одного из супругов в качестве участника общества не влияет на правовой режим имущества супругов. В связи с этим нет оснований для запроса согласия участников общества»⁴.

Следует согласиться с выводом Е.В. Олейник о том, что «для коммерческих корпораций личность участника имеет важное значение, поэтому супруг участника ООО при разделе имущества не должен входить в состав общества путем получения доли»⁵.

Действительно, характерной особенностью общества с ограниченной ответственностью является его закрытость, которая проявляется, в том числе, в установлении особых правил, ограничивающих вхождение в состав его участников третьих лиц. Поэтому при решении вопроса о возможности надления супруга корпоративными правами в результате раздела общего имущества следует исходить из необходимости соблюдения при этом баланса интересов, поддержания стабильного состава участников ООО, сохранения его

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2014 № 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее ко.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.06.2014 № 5-КГ14-9 по делу № 2-426/12.

³ Олейник Е. В. Доля общества с ограниченной ответственностью как объект совместной собственности супругов в Российской Федерации и государствах — членах Евразийского экономического союза // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 32–36; Егоров А. В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения проф. А. Л. Маковского (1930 – 2020) / отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. М., 2020. С. 244–253; Чупрунов И. С. Сделка в основании преобразовательного судебного решения (на примере судебного раздела имущества супругов). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 апреля 2021 года № 305-ЭС20-22249 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 4. С. 5–22; Кузнецов А. А. Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 62–98; № 4. С. 7–54.

⁴ Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. О праве участия в обществе с ограниченной ответственностью лица, состоящего в браке. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 апреля 2023 года № 305-ЭС22-26611 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 4–21.

⁵ Олейник Е. В. Доля общества с ограниченной ответственностью как объект совместной собственности супругов в Российской Федерации и государствах — членах Евразийского экономического союза // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 32–36.

нормальной хозяйственной деятельности и, в конечном итоге, защиты корпоративных прав других участников и самого общества.

Необходимо отметить, что сформированная ВС РФ правовая позиция ставит возможность приобретения супругом статуса участника ООО в зависимость от положений устава и согласия других участников, тем самым отдавая приоритет корпоративному законодательству. Представляется, что такой подход позволяет учесть интересы всех сторон: общества – в части сохранения нормальной коммерческой деятельности, участников общества – в части недопущения включения в состав участников третьих лиц, супруга (бывшего супруга) – в части реализации имущественных прав путем получения компенсации в размере действительной стоимости доли.

В условиях отсутствия правового регулирования порядка перехода прав на долю ООО к супругу, не являющемуся участником общества, судебной практикой предложено решение – применение к рассматриваемым отношениям положений статьи 21 Закона об ООО по аналогии закона. Вместе с тем, возможность применения аналогии в данном случае вызывает вопросы. Предусмотренные указанной статьей основания перехода прав на долю не охватывают ситуацию раздела общего имущества супругов. По данному вопросу видится необходимость совершенствования корпоративного законодательства в части дополнения статьи 21 Закона об ООО нормой, распространяющей правило о согласительной процедуре (предусмотренной для гражданско-правовых сделок и наследования) на раздел общего имущества супругов.

Лебедик Д. В.
НИ ТГУ
Студент

Выплата действительной стоимости доли общества бывшему супругу участника: проблемы судебной практики

В настоящее время корпоративное законодательство регулирует вопрос об отчуждении долей общества с ограниченной ответственностью в уже упомянутой ранее ст. 21 ФЗ «об ООО», согласно которой отчуждение доли иным участникам общества или третьим лицам по общему правилу без согласия участников, если иное не предусмотрено уставом (получение согласия всех участников), либо в уставе содержится прямой запрет на отчуждение долей общества третьим лицам даже при отказе участников от преимущественного права на покупку долей. До недавнего времени в практике судов существовала дискуссия относительно того, «перебивает» ли право бывшего супруга, которому была при разделе присуждена часть доли в качестве совместно нажитого имущества право участников ООО на стабильный состав общества и запрет на продажу или отчуждение иным образом участником общества своей доли (части доли). В настоящий момент данный вопрос вполне разрешен и, в том числе, отражен в одном из Обзоров ВС РФ и гласит следующее: «В случае присуждения супругу (бывшему супругу) в порядке раздела совместно нажитого имущества доли в уставном капитале общества или же получения части доли как пережившему супругу, такой супруг имеет возможность войти в состав участников со всеми корпоративными правами путем соответствующего заявления, адресуемого обществу»¹. В данной случае позиция ВС РФ сводится к логичной позиции о том, что бывший супруг по общему правилу безусловно вправе требовать включения себя в состав участников общества, однако, как быть в ситуации, если устав ООО либо содержит прямой запрет на отчуждение доли в ООО третьим лицам (п. 2 ст. 21 ФЗ «Об ООО»), либо содержит условие о безусловном запрете отчуждения доли третьему лицу (п. 23 ст. 21 ФЗ «Об ООО»). Из логики ВС РФ следует, что бывший супруг является с точки зрения корпоративного законодательства стандартным третьим лицом, не наделяемым в рамках законодательства об обществах с ограниченной ответственностью каким-либо особым статусом по причине наличия у него в прошлом брачных отношений с участником ООО. В таком случае право на участие в хозяйственном обществе может перейти к бывшему супругу безусловно либо при условии согласия остальных участников общества, если необходимость получения такого согласия предусмотрена уставом общества². Как можно увидеть, порядок для бывших супругов и для иных третьих лиц в контексте ст. 21 ФЗ «Об ООО» ничем не отличается.

Обратим внимание на то, что зачастую участники (учредители) ООО пользуются выгодным для них правом, предусмотренным в п. 2 и 3 ст. 21 ФЗ «Об ООО» на запрет вхождения в состав участников ООО иных

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. М., 2024.

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.11.2023 № Ф04-5246/2023 по делу № А45-35369/2022 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. М., 2024.

третьих лиц, обособляя таким образом само ООО, делая его неприступным для внешнего мира, способного повлиять на корпоративный контроль внутри этого общества. В таком случае, например, бывший супруг, право на долю в ООО за которым признано решением суда, становится в позицию невозможности вхождения в состав участников действующего ООО, так как напрямую блокируется положениями устава ООО. Казалось бы, негативные последствия в виде запрета устава или несогласия участников ООО на вступление лицо восполняет путем предоставленного ему права требовать выплаты действительной стоимости доли (п. 6.1 ст. 23 ФЗ «Об ООО»), однако, возникает вполне резонный вопрос относительно того, в каком порядке лицо может требовать выплаты, если оно так и не смогло стать участником ООО по смыслу положений ФЗ «Об ООО».

В соответствии со складывающейся практикой, СКЭС РФ последовательно отказывает в выплате действительной стоимости доли бывшим супругам, если они так и не стали участниками ООО, но обратились с требованием о выплате действительной стоимости доли. Безусловно, выводы СКЭС РФ в этом плане не подлежат оспариванию, так как исходя из буквального толкования п. 6.1 ФЗ «Об ООО» говорит о возникновении права требовать выплаты только у участника, а, следовательно, для того, чтобы право возникло, необходимо стать участником этого общества.

Между тем, стоит ответить на вопрос о том, как поступать в тех случаях, когда само ООО игнорирует запрос бывшего супруга участника на созыв общего собрания участников по вопросу включения этого лица в состав участников, либо по вопросу выплаты действительной стоимости доли. Так, в рамках дела № А22-6414/2017 СКЭС РФ рассмотрела кассационную жалобу Мирошниковой (на момент обращения в суд Толкачева) А.В. (далее – Истица) на постановления АС СКО и АС Республики Калмыкии о взыскании 5 070 930 рублей задолженности по выплате действительной стоимости доли уставного капитала ООО «ВИЛКОН-ТМ». Один из участников общества в период с 15.02.2002 по 27.06.2016 состоял в зарегистрированном браке с Истицей. В последующем, вступившим в законную силу решением Светлоярского районного суда Волгоградской области по делу № 2-898/2016¹ доля уставного капитала ООО признана совместно нажитым имуществом супругов и разделена между ними; за Истицей признано право на 1/6 доли уставного капитала общества. В свою очередь, Истица 16.05.2017 направила заявление с просьбой созвать и провести внеочередное общее собрание участников общества по вопросу включения ее в состав участников, либо о выплате ей действительной стоимости 1/6 доли уставного капитала общества. Как следует из текста постановления, 25.05.2017 письмо было получено, но какой-либо ответ в адрес Истицы направлен не был, а каких-либо решений об оформлении либо выплате действительной стоимости доли в уставном капитале принято не было. В свою очередь, Истица, полагая, что она в силу положений ФЗ «Об ООО» стала участником ООО на основании вступившего в законную силу решения по делу № 2-898/2016 и что у общества появилась обязанность по выплате действительной стоимости доли уставного капитала, обратилась в суд с иском. В рамках рассмотрения спора СКЭС РФ последовательно указала на ряд замечаний. Во-первых, «право на получение действительной стоимости доли у супруга (бывшего супруга) возникает только в случае отказа других участников в переходе прав на долю или ее часть к такому лицу»², а, во-вторых, что «ссылка суда округа на то, что Толкачева А.В. приобрела статус участника общества на основании вступившего в законную силу решения суда общей юрисдикции, является ошибочным»³. И если касательно второго замечания вопросов не возникает, ведь вступившее в силу решение наделяет лицо, в пользу которого оно вынесено, лишь правом обратиться к обществу с требованием о вхождении в состав участников ООО, а в случае запрета в уставе или отказе остальных участников – требовать выплаты действительной стоимости доли, то относительно первого замечания есть определенная проблема, вызванная полным игнорированием Истицы со стороны Ответчика, при этом СКЭС РФ относительно молчания общества никак не высказалась, комментарии относительно того, как необходимо было поступить Истице в случае молчания Ответчика не дала, а лишь сделала ссылку на п. 5 ст. 21 ФЗ «Об ООО», намекая на необходимость быть участником общества.

Ввиду правовой и фактической неопределенности, возникающей ввиду молчания и игнорирования заявлений обществом о желании быть включенным в состав участников, представляется, что алгоритм

---

¹ См. подробнее: Решение Светлоярского районного суда Волгоградской области по делу № 2-898/2016 // URL: https://svetl-vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18843253&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2020 № 308-ЭС20-11834 по делу № А22-6414/2017 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. М., 2024.

³ Указ. ис.

действий являться следующим. Для начала лицо, получившее в результате раздела имущества право на долю, обращается в общество с заявлением о проведении внеочередного собрания по вопросу включения данного лица в состав участников. В случае, если обществом заявление игнорируется, то лицо обращается в суд с иском о понуждении проведения собрания участников, добивается положительного решения и уже на основании вынесенного в его пользу решения суда требует проведения собрания. В случае, если устав содержит запрет на вхождение или остальные участники ответили отказом, требует выплаты действительной стоимости доли на основании протокола внеочередного собрания участников. Как итог, если общество так и не выплатит действительную стоимость, то на основании решения, утвержденного протоколом, обращаться в суд с требованием о выплате действительной стоимости доли.

В качестве вывода, отметим, что, несмотря на всю громоздкость данной процедуры, именно такая конструкция будет наиболее соответствующей действующему законодательству, тем более что данный вопрос актуален не только для ООО, но и для иных организационно-правовых форм.

Ованян Д. О.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Переход доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью при наследовании

Отчуждение доли в уставном капитале ООО при наследовании имеет отличительные особенности и довольно сложную процедуру, в связи с чем на сегодняшний день возникают спорные вопросы и в судебной практике, что является одной из причин выбора данной темы. Актуальность выбранной темы заключается в широком выборе гражданами общества с ограниченной ответственностью, как организационно-правовой формы юридического лица, и одновременно нерешенность некоторых аспектов отчуждения доли при наследовании может стать предпосылкой и основой для выбора гражданами другой организационно-правовой формы юридического лица, например, акционерного общества (АО).

Наследование доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее ООО) – это переход прав и обязанностей от наследодателя (бывшего участника) общества к наследнику. Доля в обществе наследуется в общем порядке, т.е. по завещанию или по закону. В соответствии с п. 6 ст. 93 ГК РФ, доли в уставном капитале общества переходят к наследникам граждан и к правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества, если иное не предусмотрено уставом общества с ограниченной ответственностью¹. Таким образом, по общему правилу доля в уставном капитале ООО переходит к наследнику, если иное положение не будет установлено в учредительном документе общества – уставе.

Устав общества может содержать следующее положение относительно отчуждения доли при наследовании: доля от бывшего участника ООО переходит к наследнику в полном объеме, т.е. без каких-либо ограничений, устав общества может предусматривать полный запрет на переход доли при наследовании, либо может содержаться положение, согласно которому наследнику необходимо получить согласие остальных участников общества, чтобы вступить в общество. Рассмотрим более подробно вышеуказанные положения.

Согласно одному из способов, если в уставе отсутствуют ограничения, то наследник становится участником общества с момента открытия наследства, т.е. по истечении шести месяцев и с внесением соответствующих сведений в ЕГРЮЛ (Единый государственный реестр юридических лиц) о новом участнике общества. Важно отметить, что в состав наследства не включаются личные неимущественные права и другие нематериальные блага². Из этого следует, что наследник при открытии наследства получает права имущественного характера, и только после того, как он станет новым участником общества он становится обладателем неимущественных прав. Необходимо учитывать, что существует и иная позиция, согласно которой уже при открытии наследства к наследнику переходят и права неимущественного характера. Так, в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного суда говорится, что со дня открытия наследства к наследнику переходят все права, удостоверяемые долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, и он приобретает статус участника общества, если уставом прямо не предусмотрено право участников давать согласие на переход доли... к наследникам участников общества³. Но не является ли вышесказанное противоречием статьи 1112 ГК, когда неимущественные права не переходят по наследству, а

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 41.

² Указ. соч.

³ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 10107/11 // Вестник ВАС РФ, 2012. № 4.

наследник доли получает права неимущественного характера только при вступлении в общество и только тогда будет обладать такими неимущественными правами, как например, право на участие в управлении делами общества. Следует ответить на вопрос: обладает ли наследник таким правом при открытии наследства? Отвечая на данный вопрос, нужно отметить, что первая позиция, в соответствии с которой к наследнику переходят только имущественные права является общим правилом, относящимся к вопросу о наследстве, а не к правовому регулированию при отчуждении доли. Поэтому, более верной является вторая позиция, и основываясь на судебной практике можно сказать, что наследник при открытии наследства получает как имущественные права, так и неимущественные права. Однако некоторые из неимущественных прав наследником могут быть реализованы только после того, как он станет участником общества, включая право на участие в управлении делами общества. Аналогичная позиция содержится в п. 1.4 «Методических рекомендациях о наследовании долей в уставном капитале ООО», согласно которой «неимущественные... права участника (прежде всего, право участия в управлении делами общества) не наследуются, но могут переходить к его наследникам с переходом к ним имущественной составляющей...»¹. Таким образом, наследник доли получает как имущественные права, так и неимущественные, только некоторые права неимущественного характера могут быть им реализованы только при вступлении в общество. Следует обратить внимание на то, что участники общества могут обладать дополнительными правами и обязанностями, последние в соответствии со ст. 8 ФЗ «Об ООО» по наследству не переходят, так как дополнительные права и обязанности непосредственно связаны с личностью участника общества. Необходимо обратить внимание и то, что существует порядок оформления наследственных прав, установленный в методических рекомендациях и содержащий перечень документов, необходимых для предъявления наследником при оформлении наследственных прав на долю в нотариусе. К таким документам можно отнести: устав ООО (или копия), выписка из ЕГРЮЛ, правоустанавливающий документ наследодателя на долю и др.

Второй из возможных вариантов, содержащихся в уставе общества – запрет на переход доли при наследовании или когда участники общества выразили несогласие на переход доли к наследнику в том случае, когда получение такого согласия предусмотрено уставом общества, то наследник вправе претендовать на такое неимущественное право, как получение информации общества о действительной стоимости доли и на такое имущественное право, как выплату действительной стоимости доли общества.

Третьим способом является то, что в уставе общества есть информация, согласно которому наследнику необходимо получить согласие со стороны всех участников общества, то наследник, получив свидетельство о праве на наследство, обращается в общество с тем, чтобы стать новым участником общества. В течение тридцати дней общество направляет наследнику либо письменный отказ на отчуждение доли в пользу наследника, либо согласие на отчуждение. Важно отметить, что согласие общества выражается так же в том случае, если в течение указанного срока не представлены письменные заявления со стороны общества об отказе, таким образом, презюмируется согласие участников, как отмечает И.С. Шиткина это «согласие в форме молчания»². Следует ответить на вопрос: как необходимо поступить в том случае, если один из участников общества выражает отказ от передачи доли наследнику, а голоса всех остальных участников единогласны по вопросу принятия наследника в состав общества? В том случае, если какой-либо из участников отказывается в отчуждении доли в пользу наследника, то это доля переходит обществу, что предусмотрено ст. 23 ФЗ «Об ООО». Однако в судебной практике были случаи, когда действия участника общества по отказу от передачи доли наследнику не отвечали требованиям добросовестности и такие действия признавались судом недействительными. Обратимся более подробно к одной из таких дел, возникших в судебной практике относительно недавно. Наследники обратились в нотариус для регистрации права на долю наследодателя, однако нотариус отказал в регистрации данного права, в связи с тем, что одним из участников общества был выражен отказ в письменной форме, т.е. направлено заявление³. В результате наследники обратились с исковым заявлением в суд, по итогам рассмотрения заявленных требований суд удовлетворил исковые заявления наследников, несмотря на отказ одного участника общества на отчуждение доли. Удовлетворение исковых требований было обусловлено тем, что действия участника общества не отвечали требованиям

¹ «Методические рекомендации по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» (утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28 – 29.05.2010) // Нотариальный вестник. 2011. № 2.

² Корпоративное право : учебник // Е. Г. Афанасьева, В. Ю. Бакшинская, Е. П. Губин [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Кнорус, 2015.

³ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.04.2023 № Ф02-1090/2023, Ф02-1097/2023 по делу № А33-26871/2021 // (дата обращения: 19.02.2024).

добросовестности – участник общества отказал в отчуждении доли еще до обращения наследника с соответствующим требованием. Таким образом, необходимо удостовериться в том, что отказ участника общества от принятия нового участника соответствует требованиям действующего законодательства.

В заключение, можно сказать, что ограничение, а в некоторых случаях и запрет на вступление в общество новых лиц связан с доверительной природой самих участников, так как они заинтересованы в том, чтобы новым участником общества не стало постороннее лицо. Таким образом, наследование доли ООО имеет свои отличительные особенности, включая достаточно сложную процедуру для становления новым участником общества при наследовании, так как в уставе ООО может быть предусмотрен запрет на передачу своей доли (части доли) третьим лицам, либо необходимость получения согласия участников общества на отчуждение доли наследнику, тем самым это создает препятствия для вхождения в состав общества третьих лиц.

Омельчук П. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблема «потерянных» акционеров: анализ существующих механизмов и возможных решений в контексте корпоративного управления

Акционеры корпорации играют ключевую роль в ее управлении и развитии путем принятия совместных решений, однако не все проявляют инициативу и вовлеченность. Законодательного определения «потерянного» или «спящего» акционера не существует, однако в доктрине и судебной практике таких акционеров принято делить на две группы: «пассивные», не интересующиеся внутренними делами компании и акционеры, сознательно уклоняющиеся от принятия важных решений. По данным 2022 года¹, около 6 млн россиян можно отнести к данной категории акционеров.

«Потерянные» акционеры создают множество препятствий для продолжения нормального функционирования общества. Компания несет риски получения административного штрафа² за несвоевременную выплату дивидендов вне зависимости от того, удалось ли найти «спящего» акционера, или нет. Правительственные эксперты отметили³, что корпорации несут большие расходы, связанные с направлением сообщений о проведении заседаний общих собраний, выплатой дивидендов почтовым переводом. В нынешних реалиях эта проблема обострилась ввиду серьезного санкционного давления на акционеров гражданского оборота со стороны недружественных государств. Таким образом, данная проблема действительно актуальна и требует выработки юридических мер на законодательном уровне. Дискуссия о потенциальном решении данной проблемы уже не раз проводилась Центральным банком⁴ и Минэкономразвития⁵, однако попытки урегулировать вопрос ни к чему не привели. Рассмотрим существующие способы решения проблемы.

1. Признание акций бесхозными и их зачисление на счет акционерного общества. Несмотря на то что законодатель прямо не предусмотрел возможность передачи акций «потерянных» акционеров обществу, в судах часто возникали споры⁶, в которых эмитенты требовали признания акций бесхозными, в связи с тем, что собственники от них отказались. Арбитражные суды признавали акции бесхозными, учитывая отсутствие требований о передаче прав на спорные акции со стороны правопреемников⁷, утрату интереса к

---

¹ абз. 2 Пояснительной записки к Законопроекту № 103501–8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/103501-8> (дата обращения: 18.02.24).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. – Ст. 15.20 с изм. и доп. в ред. от 05.01.24.

³ Акционерам перестанут выплачивать дивиденды по почте // Ведомости URL: <https://rg.ru/2022/04/26/akcioneram-perestanut-vyplachivat-dividendy-po-pochte.html> (дата обращения: 03.12.2023).

⁴ ЦБ разберется с «мертвыми акционерами» компаний // Ведомости URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/08/26/654563-mertvimi-aktzionerami-kompanii> (дата обращения: 03.12.2023).

⁵ Минэкономразвития предложило разрешить АО выкупать акции у «пропавших» акционеров // Интерфакс. 2021. URL: <https://www.interfax.ru/business/785058> (дата обращения: 03.12.2023).

⁶ Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского АО по делу № А75-11156/2019 от 22.07.2019 ; Определение Верховного суда по делу № 304-ЭС21-12283 от 09.08.2021.

⁷ Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского АО по делу № А75-11156/2019 от 22.07.2019 ; Определение Верховного суда по делу № 304-ЭС21-12283 от 09.08.2021.

акциям и истечение срока подачи заявления о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица по п. 5.2 ст. 64 ГК¹. Существует и «отказная» тенденция в удовлетворении данных требований². Верховный суд³ отклонил применение норм ст. 225, 226 ГК к акциям «потерянных» акционеров, предложив иной механизм передачи акций эмитенту: суды должны рассматривать требования о выкупе⁴ акций обществом по требованиям акционера, даже в том случае, если заявитель в иске сослался на нормы ГК о бесхозяйных вещах. Акционер, утративший интерес в дальнейшем участии в обществе, вправе⁵ требовать у акционерного общества выкупа его акций. На наш взгляд, данный способ не соответствует действующему законодательству в связи с проведенной реформой в 2013 году⁶.

2. Принудительный выкуп акций. В этом случае мажоритарий инициирует принудительный выкуп акций у всех остальных акционеров, включая «спящих» акционеров. По истечении срока ожидания ответа «потерянных» акционеров, по решению суда акции списываются, что фактически прекращает участие акционера в обществе. Ранее суды отказывались принимать подобные меры⁷, однако Верховный суд, разъяснил, что компания вправе выкупить ценные бумаги потерянного акционера⁸, заплатив за акции рыночную цену, а денежные средства перечислить на депозит нотариуса. Длительное хранение ценных бумаг (например, 10 лет) нарушает права истца, и он может выкупить их, чтобы вернуть в гражданский оборот. По мнению ВС РФ, решение оправдано, поскольку оно позволяет преодолеть пробел в праве и способствует достижению общего блага для акционерного общества.

На наш взгляд, существующая процедура не позволит решить проблему. Данный юридический механизм регламентирует процедуру только в публичных акционерных обществах, что не отвечает интересам непубличных обществ, а также не предполагает «вытеснения» исключительно «спящих» миноритариев. Данную процедуру применяют исключительно в отношении миноритарных акционеров, однако, как показала практика, бездействовать может и мажоритарий⁹.

3. Исключение «потерянного» акционера из общества и выкуп его ценных бумаг. Положения ст. 67 ГК РФ устанавливают открытый перечень оснований для принудительного исключения акционера из акционерного общества в судебном порядке. Акционеры НПАО должны потребовать исключения «спящего» акционера, доказав существенное причинение вреда обществу действиями (бездействием) акционера, затруднение деятельности и (или) достижение целей обществом, грубое нарушение акционером своих обязанностей.

Данный метод несовершенен ввиду ряда факторов. Во-первых, отмечается¹⁰ неопределенность формулировки п. 1 ст. 67: сложно представить нанесение значительного ущерба или серьезного затруднения деятельности общества без нарушения своих корпоративных обязанностей в грубой форме. В связи с этим становится проблематично определить какое именно основание должно быть доказано для исключения «спящего» акционера, нужно ли доказывать все обстоятельства в совокупности, руководствуясь толкованием разъяснений ВС РФ¹¹. Во-вторых, как отмечается в судебной практике¹², суд признает данную меру

¹ Постановление АС Поволжского округа от 07.12.2017 № Ф06-27085/17 по делу № А55-4434/2017.

² Постановление АС Западно-Сибирского округа от 05.04.2021 № Ф04-957/2021 по делу № А 75-18996 /2019, определение ВС от 26.07.2021 № 304-ЭС 21-11230.

³ Определения СКЭС ВС от 15.12.2022 № 304-ЭС 22-10636 по делу № А 27-24426 /2020, от 31.01.2023 № 305-ЭС 22-13675 по делу № А40-146631/2021.

⁴ На основании статей 72, 73, 75 и 76 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО).

⁵ В соответствии со ст. 75 и 76 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об акционерных обществах» // КонсультантПлюс.

⁶ Важно отметить, что понятия «бесхозяйная вещь» и «брошенная вещь» относятся только к вещам, а не бездокументарным ценным бумагам, которые с 1 октября 2013 года, являются имущественными правами.

⁷ Определение СКЭС ВС от 09.08.2021 по делу № 304-ЭС21-12283 // КонсультантПлюс.

⁸ Определение СКЭС ВС от 15.12.2022 по делу № 304-ЭС22-10636 // КонсультантПлюс.

⁹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.09.2023 по делу № А40-128945/23-117-789.

¹⁰ Цепов Г. В. Исключение акционера из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение корпоративного контракта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10. С. 96–113 ; Кузнецова Л. В. Исключение акционера из общества с ограниченной ответственностью // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2006. № 9. С. 4–19.

¹¹ П. 35 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹² Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28 сентября 2021 г. № Ф08-9609/21 по делу № А32-2248/2020, определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2014 по делу № 306-ЭС14-14.

исключительной, применяемой при намеренном и злом систематическом уклонении¹ от участия в общих собраниях акционеров общества и голосования по вопросам их повестки. Соответственно, хотя данный метод и используется чаще всего на практике, он не лишен недостатков, и требует определенной доработки на законодательном уровне.

Предлагаемые способы решения проблемы. Во-первых, необходимо создать критерии определения «потерянного» акционера на законодательном уровне. Идея была предложена в законопроекте Минэкономразвития², а также положительно оценена юридическим сообществом³. Нельзя не согласиться с выделенными критериями, а именно, отсутствием ответов на сообщения о проведении общего собрания, не принятия бюллетеней для голосования и дивидендов более двух лет подряд и при этом не менее чем два раза подряд. Данные предложения позволят разграничить «потерянных» и уклоняющихся акционеров, намеренно избегающих принятия ряда решений. За счет регламентации данных критериев как участникам корпорации, так и суду станет проще оценить обоснованность доказательств «потерянности» акционера.

Во-вторых, важно регламентировать порядок поиска «спящего» акционера на примере законодательства США⁴. Установленный четкий порядок действий, которой должен быть предпринят для поиска акционера, позволит разрешить ряд проблем. Для акционеров, стремящихся найти «спящего» акционера, будет понятен порядок действий, которые нужно совершить, чтобы предпринять максимальные усилия для его поиска. Для суда же данная процедура облегчит оценку обоснованности доказательств по надлежащему поиску «спящего» акционера, что потенциально снизит количество спорных решений в связи с размытыми критериями, выработанными на данный момент лишь в судебной практике.

В-третьих, должны быть предусмотрены положения в специальном законодательстве о принудительном выкупе акций «потерянного» акционера по истечении ограниченного количества времени на примере положений законодательства и устоявшейся практики Великобритании, что поддерживается российскими юристами в дискуссиях⁵.

Панова Д. В., Кусмаев П. Р.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

Правопреемство в обществах с ограниченной ответственностью в условиях санкционных и контрсанкционных ограничений

Актуальность настоящего исследования обосновывается структурными изменениями экономики, начавшимися в 2022 году, когда в отношении российских лиц рядом иностранных государств были введены различные санкционные ограничения. Вследствие этого изменилась и национальная политика по отношению к государствам, совершающим в отношении РФ и лиц, связанных с РФ, недружественные действия⁶ (далее – «недружественные страны») а также лицам, связанным с такими недружественными странами (далее – «недружественные лица»). В частности, был предусмотрен особый порядок перехода прав и обязанностей на доли в уставных капиталах российских обществ с ограниченной ответственностью (далее – «ООО») в ситуации, при которой одной из сторон сделки является недружественное лицо.

На практике, однако, возникла правовая неопределенность, вызванная недостаточной проработанностью контрсанкционных правил и заключающаяся в невозможности определения исчерпывающего круга сделок, подпадающих под новое регулирование. При этом изменения в политической

¹ Толкование систематического уклонения дал Верховный суд в Постановлении Пленума в п. 14 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» от 25.12.2019.

² Законопроект № 103501–8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» // sozd.duma.gov.ru URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/103501-8> (дата обращения: 07.10.23).

³ Филипенко В. Избавление от «потерянных» акционеров: возможные способы и предложения // *Цивилистика*. 2021. № 4. С. 215 // Байбекова Э. Ф., Иванов Д. С. «Мертвые души» в деятельности акционерного общества: судебная практика и правовое регулирование // *Правовая концепция = Судебная парадигма*. 2021. Т. 20. № 2. С. 145.

⁴ 17 CFR § 240.17Ad-17 – Lost securityholders and unresponsive payees.

⁵ Мнение М. Филатова в статье «Потерялся акционер: что делать бизнесу» // *Гарант* URL: <https://pravo.ru/story/246409/> (дата обращения: 03.12.2023) // Филипенко В. Избавление от «потерянных» акционеров: возможные способы и предложения // *Цивилистика*. 2021. № 4. С. 216.

⁶ Перечень недружественных стран утвержден Распоряжением Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р. В него, в частности, включены государства ЕС, Австралия, Великобритания, Канада, США и пр.

ситуации спровоцировали активный исход иностранного бизнеса и инвесторов, что обострило проблему применения экстренно введенных новелл.

Так, 1 марта 2022 года был издан Указ Президента РФ № 81¹, которым был введен особый порядок совершения сделок с ценными бумагами и недвижимостью с недружественными лицами. В частности, было определено, что такие сделки должны совершаться с предварительного разрешения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в РФ (далее – «Правительственная комиссия»).

8 сентября 2022 года был издан Указ Президента РФ № 618², установивший особый порядок совершения сделок, которые приводят к прямому или косвенному установлению, изменению или прекращению прав владения, пользования или распоряжения долями в российских ООО³.

При этом, как следует из положений указов (например, п. 4 Указа Президента РФ № 520) и правоприменительной практики⁴, совершение сделки без получения разрешения Правительственной комиссии приводит к ее ничтожности, в связи с чем она не влечет никаких правовых последствий с момента ее совершения.

Были изданы и иные контрсанкционные указы Президента РФ, которые, однако, не имеют большого интереса в контексте темы настоящей статьи.

Таким образом, на сегодняшний момент установлены особые условия совершения сделок, влекущих за собой возникновение, изменение и прекращение прав на доли в уставных капиталах российских ООО.

В связи с тем, что правопреемство предполагает переход прав, в том числе и на доли в уставных капиталах российских ООО, интересным представляется вопрос о применимости Указов Президента РФ № 81 и № 618 к названным отношениям.

Основной проблемой является определение точного круга сделок, подпадающих под регулирование Указов Президента РФ № 81 и № 618. Так, Указ Президента РФ № 618 оставляет перечень сделок с долями ООО, требующих получения разрешения Правительственной комиссии, открытым.

В связи с этим возникают вопросы, например, связанные с тем, будет ли допускаться конструкция, при которой одно российское лицо (А), владеющее долей в другом российском лице (В), реорганизуется в форме присоединения к третьему российскому лицу (С), мажоритарием которого является недружественное лицо, вследствие чего такое недружественное лицо фактически устанавливает косвенный контроль над вторым лицом (В)? Будет ли допускаться наследование доли в российском ООО недружественным лицом? Будет ли совершение таких сделок без получения разрешения Правительственной комиссии признаваться обходом закона?

И если ответ на первый вопрос (относительно реорганизации) прямо содержится в Официальном разъяснении Министерства финансов РФ № 1 по вопросам применения Указа Президента РФ № 618 (далее – «ОР-1»), в соответствии с которым для осуществления добровольной реорганизации ООО также требуется получить разрешение Правительственной комиссии в случае если стороной сделки является недружественное лицо, то прямого ответа на второй вопрос (относительно наследования) в документе найти не удастся.

Представляется правильным сделать вывод о том, что реализация наследования долей в уставных капиталах ООО в настоящий момент также должна подпадать под действие Указов Президента РФ № 81 и 618 по нескольким причинам. Во-первых, формулировка «переход доли в уставном капитале ООО к одному участнику данного общества либо к третьему лицу» соответствует названию ст. 21 Закона об ООО, которая подробно регулирует, в частности, вопросы наследования долей: при наследовании лицо приобретает права владения, пользования и распоряжения наследуемой долей. Во-вторых, как было отмечено выше, под положения Указа Президента РФ № 618 подпадает добровольная реорганизация юридического лица, которая, также как и наследование, является частным случаем универсального правопреемства.

---

¹ Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Указ Президента РФ от 08.09.2022 № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Указ Президента РФ от 15.10.2022 № 737 распространил положения Указа Президента РФ от 08.09.2022 № 618 и Указа Президента РФ от 01.03.2022 № 81 на совершение сделок в отношении акций и долей российских кредитных и некредитных финансовых организаций. Отдельно был подписан Указ Президента РФ от 05.08.2022 № 520, установивший ограничения на оборот акций и долей стратегических российских организаций.

⁴ Показательно дело ООО «Бауэр технология», в рамках которого суд впервые указал на недействительность сделки, совершенной без использования специального порядка получения разрешения Правительственной комиссии (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.10.2023 по делу № А41-101031/2022).

При этом важно, что до подписания Указа Президента РФ № 618 действовали иные правила. Так, были изданы Письма ФНП от 02.03.2022 № 1176/03-16-3 и от 15.03.2022 № 1392/03-16-3, в рамках которых ФНП было указано на нераспространение положений Указов Президента РФ № 79 и № 81 на отношения наследственного правопреемства (в том числе наследование долей в уставных капиталах ООО). Однако после подписания Указа Президента РФ № 618 в сентябре 2022 года каких-либо новых разъяснений относительно применения к отношениям наследственного правопреемства уже положений данного указа издано не было.

В связи с этим отсутствуют основания полагать, что положения Указа Президента РФ № 81 с учетом Указа Президента РФ № 618 не распространяются на отношения наследования долей в уставных капиталах ООО недружественными лицами.

При этом в таком случае возникают вопросы осуществления принятия наследства на практике. Например, должен ли нотариус отказать недружественному лицу в выдаче свидетельства о праве на наследство? Или нотариус обязан выдать свидетельство, при этом установив институт доверительного управления долей до получения разрешения Правительственной комиссии? Что произойдет, если разрешение получено не будет? Представляется, что ответы на названные вопросы должна дать ФНП.

Что касается случаев сингулярного правопреемства (например, цессия¹, перевод долга²), то они также подпадают под критерии Указов Президента РФ № 81 и № 618, в связи с чем для их совершения требуется получения согласия Правительственной комиссии. Например, в ОР-1 содержится положение о том, что согласие Правительственной комиссии требуется для совершения сделок по залогу доли в ООО, в связи с чем можно сделать вывод о том, что перемена сторон в рамках договора залога доли в ООО также будет подпадать под установленные ограничения.

Таким образом, в настоящий момент установлены многочисленные ограничения на возможность совершения сделок с долями в уставных капиталах российских ООО в случае, если хотя бы одной стороной таких сделок является недружественное лицо. Вместе с тем, ни в Указах Президента РФ, ни в разъяснениях Минфина РФ не содержится исчерпывающего перечня сделок, требующих получения разрешения Правительственной комиссии. В связи с этим возникают вопросы относительно распространения положений Указов Президента РФ № 81 и № 618 на отношения наследования долей в уставных капиталах ООО. Если до подписания Указа Президента РФ № 618 вопрос о необходимости получения разрешения в этом случае решался отрицательно, то после подписания он остается открытым, поскольку новых разъяснений в связи с появлением Указа Президента РФ № 618 издано не было. В отношении же реорганизации как другой формы универсального правопреемства, а также форм сингулярного правопреемства получать разрешение Правительственной комиссии необходимо.

Полянина Д. И.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Споры о правах на долю и акции при разделе супружеского имущества и способы их предотвращения

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде только за первое полугодие 2023 года в суды общей юрисдикции поступило 24 725 дел о разделе совместно нажитого имущества между супругами³. К сожалению, официальных данных о том, какой процент из приведенного количества дел составляют споры о разделе акций и долей в уставном капитале общества, мы не обнаруживаем. Однако, следует полагать, что семейно-корпоративные споры по поводу бизнес-активов не являются редкостью.

В литературе можно встретить выделение до 9 различных ситуаций, в условиях которых предметом семейных споров становятся различные вопросы обладания акциями или долями участия⁴. В этой же работе нас будут интересовать лишь аспекты отчуждения (перехода) корпоративных прав. В самом общем виде проблему необходимо сформулировать следующим образом: бывший супруг в результате раздела совместно

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.08.2022 по делу № А40-310946/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.08.2023 № 46-КГ23-7-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7041> (дата обращения: 25.02.2024).

⁴ Ю. Михальчук, А. Горева. Семейно-корпоративные споры: от раздела общего имущества до вмешательства в дела компании // Журнал Цивилистика. Семейное право, № 3 май-июнь, 2021.

нажитого имущества пытается вступить в хозяйственное общество и приобрести право на оспаривание корпоративных решений, сделок, требовать предоставления документов.

По смыслу п. 2 ст. 34 Семейного Кодекса (далее – СК) совместно нажитым имуществом признаются в том числе акции и доли в уставном капитале, приобретенные за счет общих доходов супругов. Общими же доходами супругов считаются любые доходы и выплаты, не имеющие целевого назначения, полученные во время брака.

При всей кажущейся ясности понятий иногда первые трудности возникают уже на этапе определения возможности применения режима совместной собственности для конкретных бизнес-активов, то есть еще до решения вопроса о способе раздела этого актива.

Системное толкование статей 36 и 37 СК приводит к следующему выводу: имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, презюмируется собственностью этого супруга. Однако, имущество каждого из супругов может быть признано судом их совместной собственностью, если будет установлено, что в период брака за счет общего имущества или имущества каждого из супругов были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества.

Приведенные нормы должны помочь нам ответить на следующий вопрос: должны ли бизнес-активы, приобретенные одним из супругов до вступления в брак, но существенно возросшие в цене за счет вложений второго супруга, признаваться совместно нажитым имуществом.

Суды могут поддержать заявителя, сумевшего ясно и убедительно доказать наличие улучшений его стараниями¹. На данном этапе развития практики основное препятствие для удовлетворения иска бывшего супруга – отсутствие доказательств его личного вклада в рост ценности бизнес-актива или значимости таких вложений².

Так суд отказал в разделе доли супруга в обществе, потому как вложенные в нее семейные средства составляют 0,25 % действительной стоимости этой доли (всего 1 200 рублей), а потому не свидетельствуют о значительности вложения по смыслу статьи 37 СК³.

Иными возможными примерами действий, влияющих на увеличение стоимости доли, могут являться вклады в имущество компании или ремонт уже принадлежащего обществу имущества⁴.

Следующей, центральной проблемой при разделе акций и долей становятся собственно трудности при переходе корпоративных прав.

Устав хозяйственного общества может предусматривать запрет («барьер») на «вход» третьих лиц. Так в Обществах с ограниченной ответственностью (далее – ООО) может действовать требование об обязательном получении согласия всех участников общества на вступление третьего лица в их состав. Отсутствие такого согласия станет непреодолимым препятствием для бывшего супруга при попытке получить корпоративные права, но оставит возможность требовать выплаты половины действительной стоимости доли⁵.

Уставом непубличного акционерного общества может быть предусмотрена необходимость получения согласия акционеров на отчуждение акций третьим лицам. Такое ограничение устанавливается на срок не более 5 лет со дня регистрации акционерного общества или соответствующих изменений в уставе, а согласие считается полученным при ненаправлении отказа в течение 30 дней после уведомления общества о намерении осуществить отчуждение акций⁶.

Существующие к моменту раздела общего имущества ограничения на присоединение третьих лиц распространяются и на бывшего супруга, этот подход поддерживается судебной практикой⁷.

---

¹ Решение Октябрьского районного суда города Екатеринбурга от 25.07.2023 № 2–158/2023(2–4530/2022).
Решение Выборгского районного суда города Санкт-Петербурга от 09.09.2013 по делу № 2–779/2013(2–7740/2012).

² Решение Куйбышевского районного суда города Омска от 18.01.2018 по делу № 2–306/2018(2–5554/2017).
Решение Плесецкого районного суда Архангельской области от 03.04.2017 по делу № 2–3/2017.
Апелляционное определение Димитровградского городского суда Ульяновской области от 11.11.2015 по делу № 11–102/2015.

³ Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 06.07.2022 по делу № 33–20018/2022, 2–51/2022.

⁴ Онлайн дискуссия «Семейно-корпоративные споры» // Клуб корпоративных споров, 26.01.2024.

⁵ П. 10 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

⁶ П. 5 ст. 7 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2023 № 304-ЭС22-20237 по делу № А27-615/2021.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 5-КГ15-34.

Однако А. В. Егоров считает такую практику в корне ошибочной: и акции, и доли в ООО должны для целей разрешения семейного спора рассматриваться как неделимые объекты. Такие объекты подлежат продаже целиком (при этом покупателем может выступить один из супругов), и только после этого происходит раздел вырученных от реализации средств пропорционально размерам долей супругов. Неизбежная опасность обратного подхода проявляется в следующем простейшем примере: деление долей участия 50 % на 50 % приводит к неизбежному будущему дедлоку. Альтернативой продаже активов вполне может стать сохранение акций или долей за одним из супругов с гарантированной компенсацией стоимости доли второго. Экономической разницы между предложенными вариантами раздела имущества нет¹.

К сожалению, пока практика идет по прямо противоположному пути, а бывшие супруги захватывают серьезные корпоративные возможности. Среди таких управленческих опций можно выделить: взыскание убытков с топ-менеджеров, оспаривание сделок и корпоративных решений, истребование документов, участие в принятии решения об исключении из состава участников общества².

Подобные интервенции, безусловно, не помогают компании развиваться, скорее оказывают негативное влияние на бизнес-процессы, а потому воздействие семейных конфликтов на дела общества должно быть минимальным. Соответствующие ограничения могут быть установлены не только уставом, но и брачным договором, соглашением о разделе имущества, корпоративным договором.

В частности, условия брачного договора или соглашения о разделе имущества могут предусматривать механизм установления собственности, зависящий от того, на чье имя оформлено приобретение долей в ООО или акций. Корпоративный же договор может предусматривать обязанность заключения брачного договора с условием о сохранении акций или долей в уставном капитале за определенным супругом и запрет их отчуждения. Аналогичным возможным условием следует признать положение об обязанности заключить соглашение о разделе имущества. Обеспечивать названные условия может неустойка или опционное соглашение³.

Таким образом, семейно-корпоративные споры могут возникнуть даже по поводу имущества, приобретенного одним из супругов до вступления в брак. В таких случаях переход бизнес-активов из единоличной собственности в общую происходит в силу требований императивной нормы, но при доказанных обстоятельствах увеличения стоимости актива посредством действий второго супруга.

Распределение акций и долей в ООО возможно и желательно диспозитивно, посредством брачного или корпоративного договоров, соглашения о разделе имущества. Действие указанных механизмов с высокой долей вероятности поможет спасти хозяйственное общество от негативного влияния семейных конфликтов.

Кроме того, отказ судов от сложившейся порочной практики пропорционального деления акций и долей между бывшими супругами в пользу системы реализации бизнес-активов и распределения денежных средств поможет решить множество проблем.

Пронина А. К.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Согласие супруга на сделку с долями ООО (акциями): практика применения и последствия его отсутствия

В настоящее время в Российской Федерации в связи с падением стоимости активов российских компаний на фоне снижения инвестиционной деятельности из-за внешнеполитической ситуации большой популярностью пользуются сделки слияний и поглощений (от англ. «mergers and acquisitions» или М&А; далее – сделки М&А). Для успешного проведения такой сделки необходимо учитывать множество факторов, которые на этапе интеграции бизнес-процессов компаний могут проявиться не самым лучшим образом.

Ни для кого не секрет, что физические лица могут быть стороной подобной сделки, поэтому возникает необходимость дополнительно учитывать специфику их правового статуса. Так, если в сделке М&А доли общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) или акции, продавцом или покупателем которых выступает физическое лицо, то становится актуальным вопрос о согласии супруга на сделку. Впервые об этом необходимо задуматься при проведении процедуры «Due Diligence» (с англ. «должная осмотрительность»), то

¹ Егоров А. В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / А. Г. Архипова, А. В. Асосков, В. В. Безбах [и др.] ; отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М. : Статут, 2020.

² Онлайн дискуссия «Семейно-корпоративные споры» // Клуб корпоративных споров, 26.01.2024.

³ Ю. Михальчук, А. Горева. Семейно-корпоративные споры: от раздела общего имущества до вмешательства в дела компании // Журнал Цивилистика. Семейное право, № 3 май-июнь, 2021.

есть проверка прав на доли или акции) в рамках оценки рисков по ранее совершенным сделкам с долями или акциями, а также при структурировании сделки.

Стоит отметить, что порядок получения согласия супруга, а также правовые последствия его отсутствия разнятся применительно к долям ООО и к акциям. Разберемся, в чем кроются отличия. Для сделок с долями ООО сама сделка по отчуждению доли требует нотариального удостоверения. В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (Далее – СК РФ) для заключения такой сделки нужно получить нотариально удостоверенное согласие супруга¹. В случае, если согласие супруга получено не было, такой супруг в течение года со дня, когда стало известно/должно было стать известно о сделке, вправе требовать суд признать ее недействительной.

В случае сделок с акциями закон не устанавливает обязательную нотариальную форму. Предполагается, что сделка по распоряжению общим имуществом совершается с согласия супруга². При этом такую сделку суд может признать недействительной по мотивам отсутствия согласия супруга только по его требованию и только в случае, если доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о несогласии супруга на совершение сделки.

Например, в споре о признании недействительным договора купли-продажи акций истец представил письменное обращение к покупателю, в котором было возражение истца против продажи акций по меньшей (чем он указал) цене³. Суд удовлетворил требование, т.к. другая сторона сделки знала о несогласии супруги продавца на отчуждение акций на изложенных в оспариваемой сделке нерыночных условиях. Таким образом, практика показывает, что требование о предоставлении предварительного согласия супруга как на сделки с долями ООО, так и с акциями оправдано.

В целях минимизации риска оспаривания сделки рекомендуется получать согласие супруга на сделку с акциями, если нет точной уверенности, что супруг знает о сделке (например, если он также продает свои акции). В случае если по результатам проведения процедуры «Due Diligence» выявляются нарушения, например, в виде отсутствия согласия супруга на отчуждение доли, то следует включить в документы по сделке заверения об обстоятельствах или положения о возмещении потерь.

Нередко в деловом обороте встречаются и другие случаи. Один из супругов может потребовать через суд признать недействительной сделку по выходу другого супруга из общества и восстановить его долю. Так, в одном из споров⁴, все судебные инстанции, вплоть до Верховного Суда РФ, отказали в удовлетворении иска. Суды аргументировали свои решения следующим образом: супруг обладал правом выхода из ООО и его заявление было нотариально удостоверено; супруг, не являющийся участником ООО, имеет право лишь на имущественную часть действительной стоимости доли в уставном капитале, выход супруга из ООО не нарушает прав; недобросовестное поведение ООО и его участников, а также то, что сделка была совершена с намерением причинить вред доказано не было. Суды определили, что права супруга-участника ООО возникают из личного участия и регламентированы нормами корпоративного, а не семейного законодательства. Несмотря на то что доля в уставном капитале поступает в общую совместную собственность супругов⁵, только один из них – участник ООО – обладает корпоративными правами и обязанностями. Для распоряжения этими правами и выполнения обязанностей согласие другой стороны не требуется.

На практике вопрос по распоряжению общим имуществом супругов довольно часто становится предметом судебных тяжб. Поскольку закон умалчивает о некоторых вопросах в части отнесения определенных сделок к сделкам по распоряжению общим имуществом, приходится обращаться к решениям судов. В одном из дел⁶ суд четко сформулировал, что увеличение уставного капитала общества не является сделкой по распоряжению общим имуществом супругов, поэтому у истца-супруга нет оснований оспаривать такую сделку лишь по мотивам отсутствия согласия.

Таким образом, для того чтобы снизить риски негативных последствий отсутствия согласия супруга в любом виде сделок M&A можно использовать разные инструменты, такие как: брачный договор; условия о возмещении потерь, заверения об обстоятельствах; отлагательные условия получения согласия супруга в договоре.

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. ст. 16.

² СК РФ ст. 35.

³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.06.2014 № А70-3109/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2021 № 310-ЭС21-12927 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ СК РФ ст. 34.

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.10.2022 № 305-ЭС22-18961 // СПС «КонсультантПлюс».

Свирина Е. Д.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Место брачного договора в регулировании корпоративных правоотношений с участием супругов

Семейные отношения оказывают влияние на многие сферы деятельности супругов, в том числе и корпоративные правоотношения. В настоящее время особенно актуальными становятся вопросы защиты предпринимательской деятельности юридических лиц от «семейных рисков», в частности, связанных с разделом имущества при прекращении брака.

В соответствии с действующим семейным законодательством Российской Федерации, приобретенные в период зарегистрированного брака «ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации», являются совместной собственностью супругов вне зависимости от того, на имя кого из супругов они приобретены¹. Кроме того, судебная практика, основываясь на нормах семейного права, признает совместным имуществом приобретенные до брака доли/паи/вклады (далее – доли) в уставном (складочном) капитале юридических лиц, акции акционерных обществ, при наличии определенных условий, а именно: в период брака за счет общего имущества или имущества одного из супругов были внесены вложения, которые увеличили как номинальную, так и действительную стоимость доли².

Таким образом, в соответствии с приведенными положениями, нормы семейного законодательства рассматривают долю (вклад, пай) в уставном (складочном) капитале корпоративных юридических лиц в качестве имущественного права, а именно общего имущества супругов, при этом не затрагивают права участия в юридическом лице и управления им³. В то же время стоит упомянуть, что супруг, который вступает в юридическое лицо и получает долю, приобретает имущественные и корпоративные права, второй же супруг получает право управления корпорацией только при разделе имущества и официальном вступлении в юридическое лицо в качестве участника.

В связи с тем, что Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) квалифицирует доли в уставном (складочном) капитале юридических лиц в качестве совместного имущества, при разделе общего имущества по общему правилу доли супругов признаются равными. Исходя из данного положения, доли в уставном капитале разделяются поровну между обоими супругами.

Для того чтобы обеспечить эффективность функционирования юридического лица и недопустимость вступления в него лиц, не заинтересованных в деятельности данного субъекта гражданских правоотношений, участники юридического лица в учредительном документе предусматривают недопущение перехода доли. Так, в соответствии с п. 10 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ «Об ООО»), уставом общества может быть предусмотрена необходимость получения согласия всех участников общества на переход доли или части доли в уставном капитале общества к третьему лицу. В указанной ситуации второй супруг непременно приобретает имущественные права, а для получения корпоративных прав потребуются запросить согласие иных участников. Как следует из практики Верховного Суда Российской Федерации, при отсутствии согласия всех участников юридического лица на переход доли третьему лицу (в рассматриваемой ситуации – супругу), у такого лица возникает право обратиться к обществу с требованием о выплате действительной стоимости присужденной ей доли⁴. Следовательно, включения подобного условия в учредительный документ юридического лица обладает определенными недостатками, поскольку подразумевает компенсацию супругу рыночной стоимости доли.

Для урегулирования указанных спорных моментов СК РФ предусматривает несколько договорных конструкций, позволяющих супругам самостоятельно определить режим имущества, исходя из профессиональных интересов и потребностей каждого из них. Одним из таких механизмов является брачный договор.

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16. – Ст. 40.

² Решение Выборгского районного суда Санкт-Петербурга от 9 сентября 2013 года по делу № 2-779/2013 (2-7740/2012).

³ Богданова Е. Е. Спорные вопросы раздела имущества супругов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-razdela-imuschestva-suprugov> (дата обращения: 02.03.2024). – С. 110.

⁴ Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2020 г. № 308-ЭС20-11834 по делу № А22-641 4/2017.

Статья 40 СК РФ определяет, что «брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения»¹. Супруги вправе определить в брачном договоре имущество, которое будет передано каждому из супругов в случае расторжения брака, а также включить в брачный договор любые иные положения, касающиеся имущественных отношений супругов². Как было указано ранее, доли в соответствии с семейным законодательством относятся к имущественным правам, следовательно их раздел может быть урегулирован, в том числе брачным договором.

Как следует из официальной статистики, приведенной на сайте Федеральной нотариальной палаты, за 2021 год 16 % семейных пар от общего количества зарегистрированных в этот период браков заключили брачный договор³. Может показаться, что данные указывают на отсутствие заинтересованности в заключении подобных соглашений, однако в сравнении со статистикой десятилетней давности количество заключенных брачных договоров увеличилось в три раза. Следовательно, граждане Российской Федерации уделяют все больше внимания защите имущественной сферы, в том числе корпоративных отношений, заранее определяя наиболее выгодный и практичный для них режим имущества.

Заключая брачный договор, супруги (в том числе, будущие) могут предусмотреть следующие варианты раздела долей в уставном (складочном) капитале, отличающиеся от законного режима имущества, установленного СК РФ. Во-первых, в соответствии с нормами семейного законодательства, в брачном договоре супруги вправе определить режим совместной долевой собственности, то есть заранее разделить долю в уставном капитале между собой. Во-вторых, супруги имеют право предусмотреть отдельный режим имущества, определив имущественные и корпоративные права в уставном (складочном) капитале юридического лица за супругом, обладающим опытом участия в юридическом лице и осуществлении предпринимательской деятельности, при условии, что подобный раздел имущества не ставит другого супруга в неблагоприятное положение. Последствием несоблюдения указанного условия является признание брачного договора недействительным и приведение сторон в положение, существовавшее до заключения брачного договора, а именно восстановление режима совместной собственности супругов⁴, в том числе, в отношении долей в уставном (складочном) капитале юридических лиц.

Первый вариант содержания брачного договора в сравнении с законным режимом имущества супругов не обладает преимуществами, поскольку подразумевает передачу как имущественных, так и корпоративных прав второму супругу, который не обладает интересом в приобретении статуса участника корпоративных отношений. Артемова А.Н. указывает, что «вхождение в состав участников и наделение правом на участие в управлении делами корпорации лица, не имеющего интереса в ее деятельности, может не только существенно осложнить функционирование корпорации, но и вовсе парализовать ее деятельность, сделать невозможным эффективное взаимодействие в вопросе совместного принятия решений»⁵.

Более предпочтительным и практичным вариантом для супругов является включение в содержание брачного договора режима отдельной собственности в отношении долей в капитале юридических лиц, акций в акционерных обществах, что означает передачу долей супругу, имеющему интерес в пользовании и распоряжении ей.

В настоящий момент дискуссионным является вопрос о возможности включения в учредительный документ юридического лица обязанности участника, состоящего в зарегистрированном браке, заключить брачный договор. С одной стороны, наличие указанного положения в учредительном документе нарушает такой основополагающий принцип гражданского права, как свобода договора, поскольку по правовой природе брачный договор является соглашением, в которое супруги вступают по взаимному согласию, которое не может быть основано на принуждении. С другой стороны, обязывая участников заключить брачный договор, юридическое лицо действует в интересах как самого себя, так и семьи. Наличие брачного договора между супругами позволит отделить имущество, требуемое для осуществления предпринимательской деятельности, от имущества, необходимого для семейной жизни.

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16. – Ст. 40.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16. – Ст. 42.

³ Федеральная нотариальная палата URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/trend-na-brachnye-dogovory-prodolzhaet-nabirat-оборотy-2202> (дата обращения: 03.03.2024).

⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.01.2022 № Ф07-16217/2021 по делу № А56-73782/2017.

⁵ Артемова А. Н. Правовая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: коллизия корпоративного и семейного права // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3. № 3. С. 90.

В заключение хотелось бы отметить, что в случае участия одного из супругов в корпоративных отношениях заключение брачного договора, как следует из представленного анализа, является эффективным механизмом для защиты интересов как супругов, так и других участников (членов) юридического лица. Супруги, заключая брачный договор, выбирают наиболее благоприятный для них и иных участников гражданского оборота, режим имущества.

Соломин В. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Режим имущества ликвидированного юридического лица: правопреемство или декларативный характер реестра?

В 2014 году с принятием Федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 05.05.2014 № 99-ФЗ в статью 64 Гражданского кодекса РФ (далее – «ГК РФ») был внесен пункт 5.2, который определяет особую процедуру распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица. Согласно данной процедуре, обнаруженное имущество распределяется среди заинтересованных лиц по заявлению в суд со стороны заинтересованного лица или уполномоченного государственного органа. В этом случае суд назначает арбитражного управляющего, который отвечает за распределение обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица.

Заявление о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества может быть подано в течение пяти лет с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о прекращении юридического лица. Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица может быть назначена при наличии достаточных средств и возможности распределения обнаруженного имущества между заинтересованными лицами.

Эта процедура вызывает много вопросов и споров в судебной практике и теории права. Одна из ключевых проблем заключается в определении правового режима обнаруженного имущества и субъекта такого имущества.

И некоторые ученые полагают, что в результате ликвидации происходит передача прав на обнаруженное имущество к некоему гражданско-правовому сообществу участников и кредиторов ликвидированного юридического лица. Например, А.Г. Карапетов и Д.В. Новак, рассматривая вопрос о правовой природе требования о распределении обнаруженного имущества, пишут, что «любое имущество организации, которое не было реализовано при ликвидации, считается перешедшим на абсолютном праве непосредственно сообществу лиц, имеющих право на распределение между ними обнаруженного имущества»¹. Это сравнивается с наследственным имуществом, которое признается принадлежащим наследнику с момента открытия наследства вне зависимости от времени его фактического принятия, согласно пункту 4 статьи 1152 ГК РФ.

Однако в контексте российского гражданского законодательства встает вопрос о соответствии данной концепции нормам ГК РФ, особенно учитывая, что пункт 1 статьи 61 ГК РФ подчеркивает, что ликвидация юридического лица приводит к его прекращению без передачи его прав и обязанностей к другим лицам в рамках универсального правопреемства. Это может вызвать сомнения в правомерности данного подхода, поскольку закон не предусматривает универсальное правопреемство.

В то же время, стоит отметить, что пункт 5.2 статьи 64 ГК РФ оставляет возможность передачи тех прав и обязанностей, которые не утрачивают своей силы в момент ликвидации. Такой подход может рассматриваться как исключение из общего принципа и предполагает, что часть прав и обязанностей юридического лица может сохраняться даже после его ликвидации.

Другой точкой зрения, которая может ответить на данную проблему, – это признание ликвидированного юридического лица субъектом права, и, следовательно, оно сохраняет свое право собственности на обнаруженное имущество. На данный момент некоторые суды придерживаются данного подхода. Например, Арбитражный суд Дальневосточного округа в Постановлении от 29.07.2022 № Ф03-3216/2022 по делу № А04-2429/2021 указал, что «введение процедуры распределения обнаруженного имущества

---

¹ Авторы комментария – А. Г. Карапетов, Д. В. Новак. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022 с. 1479.

ликвидированного юридического лица в силу вышеизложенных норм ГК РФ как раз и влечет частичное восстановление правоспособности ликвидированного юридического лица, что позволяет иным лицам заявить свои требования к данному юридическому лицу»¹. Однако этот подход противоречит пункту 3 статьи 49 ГК РФ, согласно которому правоспособность юридического лица возникает с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании, что не происходит в процессе распределения обнаруженного имущества.

Отметим, что данное решение вносит новую теоретическую проблему, связанную с восстановлением правоспособности ликвидированного юридического лица. Если процедура распределения обнаруженного имущества влечет частичное восстановление правоспособности, то возникает вопрос: кому принадлежит имущество до введения этой процедуры? Согласно данной позиции, правоспособность восстанавливается только в момент введения процедуры, а до этого момента юридическое лицо считается неправопособным, то есть не имеет правового статуса. Таким образом, возникает парадокс: до ликвидации имущество принадлежит юридическому лицу, после ликвидации необнаруженное имущество не может быть ему приписано (поскольку отсутствует субъект права), но в случае введения процедуры распределения обнаруженного имущества, оно снова становится его собственностью. Такой подход представляется затруднительным и малоприменимым в реальной ситуации.

Позиция Д.И. Степанова представляется интересной в свете обсуждаемого вопроса. Он отмечает, что «ЕГРЮЛ в отечественных условиях – это всего лишь информационный ресурс, то его значение не только не может абсолютизироваться, но, напротив, записи в ЕГРЮЛ, а также информация, содержащаяся в таком реестре, – с позиций правоприменительной практики и доктринального осмысления рассматриваемых институтов – должны быть сведены к сугубо техническим моментам, лишенным какого-либо серьезного правового значения»². По мнению Д.И. Степанова запись в реестре подтверждает факт существования юридического лица для всех третьих лиц, но для исключительных случаев, может признаваться правоспособность организации, которая не внесена в реестр³.

Подобная ситуация существует в Германии. Так, в Германии юридическое лицо считается существующим пока у него есть какие-либо активы, даже записи в реестре больше нет⁴.

Если бы в России была закреплена подобная концепция, возможно, споры, связанные с процедурой распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица, не возникали бы. Однако на данный момент запись в ЕГРЮЛ имеет порождующий характер в соответствии с действующим законодательством.

На данный момент более обоснованной и соответствующей действующему законодательству является, на наш взгляд, точка зрения А.Г. Карапетова и Д.В. Новака о том, что имущество ликвидированного лица переходит в порядке правопреемства к сообществу лиц, имеющих право на распределение между ними обнаруженного имущества с момента ликвидации организации.

Тарасов Р. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблемы перехода права на долю в обществе с ограниченной ответственностью при наследовании

В сфере наследования корпоративных прав часто возникают споры, связанные с пересечением регулирования наследственного и корпоративного права. Одной из проблем является вопрос перехода права на долю в обществе с ограниченной ответственностью. Данный вопрос остается нерешенным как на уровне доктринальных разработок, так и в судебной практике.

¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29.07.2022 № Ф03-3216/2022 по делу № А04-2429/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

² Степанов Д. И. Аннулирование реорганизации: повод задуматься над концептуальными подходами в области создания юридических лиц // Закон. 2007. № 3. С. 69.

³ Там же.

⁴ Bork, Reinhard. «Die Als Vermögenslos Gelöschte GmbH Im Prozeß» JuristenZeitung 46, No. 18 (1991): 841–50. URL: <http://www.jstor.org/stable/20822181>.

Наследование корпоративных прав регулируется ст. 1176, ст. 1177, ст. 1179 Гражданского кодекса РФ¹ и специальными законами. Закрепление порядка наследования в отдельных нормах представляется обоснованным в связи с особой правовой природой.

В доктрине представлено несколько позиций, отражающих сущность прав участия в юридических лицах. Согласно первой позиции права на участие есть право управления корпорацией. Так, О.В. Гутников отмечает, что содержанием корпоративного права является правомочие по управлению юридическим лицом и комплекс связанных с ним производных правомочий (по получению информации и иных), а также правомочий на защиту. Осуществление правомочий, входящих в субъективное корпоративное право, имеет ряд особенностей и связывается с обстоятельствами, установленными законом и учредительными документами юридического лица². Следующая позиция отражает точку зрения, согласно которой корпоративные права имеют имущественную природу³. Однако не стоит отрицать наличие неимущественных прав внутри корпоративных отношений. Д.В. Ломакин считает, что неимущественные права участников направлены на обеспечение реализации имущественных прав, что делает корпоративное правоотношение по своей сути имущественным⁴. Третья позиция представляет собой синтез представленных ранее позиций, ее сторонником является И.С. Шиткина⁵. По ее мнению, корпоративные правоотношения состоят одновременно из организационно-управленческих (неимущественных) и имущественных прав и обязанностей. Кроме того, они взаимосвязаны между собой, но могут реализовываться отдельно друг от друга. Так, можно не участвовать в общем собрании участников, тем самым не реализовывать организационно-управленческие права, но получать дивиденды и реализовывать имущественные права.

Таким образом, в доктрине существует несколько точек зрения о правовой природе корпоративных прав: организационно-управленческая, имущественная и смешанная. Наиболее компромиссной является позиция двойственной природы корпоративных прав: организационно-управленческой (неимущественной) и имущественной, так как данная позиция наиболее полно отражает сущность корпоративных прав, которая сложилась в последнее время.

Согласно ст. 1176 ГК РФ, состав наследства участника хозяйственных обществ, хозяйственных товариществ и производственных кооперативов входят акции, доли, паи, которые подтверждают наличие корпоративных прав у наследодателя. Однако несмотря на то, что законодатель разрешает наследование прав участия в данных организациях, существуют некоторые ограничения. Так, согласно ст. 93 ГК РФ, доли в уставном капитале общества переходят к наследникам граждан, являвшихся участниками общества, если иное не предусмотрено уставом общества с ограниченной ответственностью. Переход доли к наследникам также может быть возможен только после получения согласия участников общества на отчуждение этой доли. В случае если такое согласие не будет получено, то наследники имеют право на получение действительной стоимости доли⁶. Согласно ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», документом, на основании которого наследнику переходит доля в обществе, может быть свидетельство о праве на наследство⁷. Однако право на владение долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью наступает с момента принятия наследства. До этого момента на основании ст. 1173 ГК РФ нотариус заключает договор доверительного управления в качестве учредителя. Таким образом, в законодательстве детально урегулирован вопрос о наследовании доли в ООО, однако момент перехода прав на долю законодателем не раскрыт.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Гутников О. В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 63.

³ Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица : учебник. М. : Статут, 2005. С. 158.

⁴ Ломакин Д. В. Теория корпоративных правоотношений: от мифа к реальности // Хозяйство и право. 2009. № 7. С. 58.

⁵ Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 1. М. : Статут, 2017. С. 66.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Белоус Нины Ивановны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 2 статьи 14 и пункта 2 статьи 26 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 15.11.2007 № 758-О-О // СПС «КонсультантПлюс» ; Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Аблаевой Людмилы Кондратьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 6 статьи 93 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 8 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 16.12.2010 № 1633-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

В доктрине и в судебной практике сложилось несколько точек зрения по поводу момента перехода прав на долю. По мнению С.И. Федченко, моментом перехода доли, полученной в порядке универсального правопреемства, является момент внесения соответствующих сведений в ЕГРЮЛ¹. Такая точка зрения поддерживается Арбитражным судом Волго-Вятского округа². А.В. Ремизова утверждает, что момент перехода непосредственно связан с моментом открытия наследства, и абсолютно никакие факторы не могут повлиять на это³. Данная позиция находит отражение в судебных актах Семнадцатого арбитражного апелляционного суда. Согласно его позиции, корпоративные права переходят с момента открытия наследства на основании ст. 1152 ГК РФ, то есть принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации⁴. Также высказывается точка зрения, согласно которой принятие наследства, в состав которого наряду с иным имуществом входят доли, не может являться основанием приобретения статуса участника хозяйственного общества. Объекты, владение которыми предполагает получение статуса участника общества, не могут приобретаться бездействием, поскольку от состава их собственников зависит законность принимаемых корпорацией решений и, соответственно, стабильность ее деятельности. Оснований возникновения прав на доли или акции недостаточно для возникновения прав участника хозяйственного общества. В отношении обществ с ограниченной ответственностью основанием приобретения статуса участника общества является действие наследника по уведомлению общества о получении свидетельства о праве на наследство⁵. Данная позиция подтверждается также решением Арбитражного суда Северо-Западного округа⁶.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что проблема момента перехода прав на долю в ООО актуален в наши дни, поскольку на него до сих пор не найдено решение. При рассмотрении данных споров необходимо дать ответ на вопрос о приоритетности норм наследственного или корпоративного права. Предлагается учитывать нормы корпоративного права в случае коллизии, поскольку они отражают специфику такого объекта как доля. Поэтому момент перехода права на долю в ООО наступает с получения согласия других участников, если это предусмотрено уставом. В случае, если получения согласия не требуется, то с момента получения свидетельства о праве на наследование, что закреплено в действующем законодательстве.

Хурманов М. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Договор доверительного управления долей в уставном капитале ООО при наследовании

Наследование долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО, общество) является сложным процессом. Иногда он может сопровождаться крупными корпоративно-наследственными конфликтами, как это было, например, в компании Natura Siberica⁷. Доли в уставном капитале ООО являются ценным активом, который предоставляет определенные права и обязанности их владельцам. Они входят в состав наследства участника ООО (ст. 93, 1176 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)). В ситуации, когда умирает один из участников или несколько участников общества, на практике могут возникнуть сложные обстоятельства, при которых бизнес будет фактически парализован, например, в связи с отсутствием кворума на голосовании для решения важных вопросов или в связи с тем, что общество не

¹ Федченко С. И. Переход доли участника общества с ограниченной ответственностью к правопреемникам (наследникам) // Российский налоговый курьер. 2010. № 5. С. 76.

² Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 18.11.2010 по делу № А39-765/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Ремизова А. В. Момент перехода доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в порядке наследственного правопреемства // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6. С. 299.

⁴ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2023 № 17АП-9853/2023-ГК по делу № А50-3602/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Летуа Т. В. Принятие наследства как основание возникновения прав участника хозяйственного общества // Lex russica. 2016. № 9. С. 148.

⁶ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 30.09.2010 по делу № А66-13018/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Наследственный конфликт в Natura Siberica, судя по всему, завершен // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/01/11/958565-nasledstvennii-konflikt-v-natura-siberica> (дата обращения: 24.02.2024).

должно принимать каких-либо действий, которые бы затрагивали права и законные интересы наследников, до истечения разумного срока для обращения к нотариусу с заявлением о принятии мер по управлению наследуемой долей¹, иначе такие решения можно будет оспорить.

Важно отметить, что по общему правилу наследники автоматически получают все права, удостоверяемые долей в уставном капитале ООО, со дня открытия наследства, если уставом общества не предусмотрен запрет на переход доли к наследникам или барьер в виде необходимости получения у иных участников общества согласия на данный переход (п. 4 ст. 1152 ГК РФ, п. 8 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ «Об ООО»). При этом реализовать права, вытекающие из доли уставного капитала ООО, наследник может только после принятия наследства и получения свидетельства о праве на наследство. В этой связи, чтобы осуществлять права из соответствующей доли, чтобы бизнес мог дальше функционировать, возможно установить доверительное управление долей в уставном капитале общества (ст. 1173 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 1012 ГК РФ «по договору доверительного управления имуществом одна сторона (учредитель управления) передает другой стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а другая сторона обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя)». Управление следует понимать широко. Согласно п. 2, 3 ст. 1012 ГК РФ в нее включаются любые фактические и юридические действия (в том числе сделки с третьими лицами).

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 1012 ГК РФ передача имущества не влечет перехода права собственности к доверительному управляющему, хотя дает ему возможность осуществлять все правомочия собственника. Однако эти правомочия не переходят к нему от собственника, а возникают из данного договора в форме определенных обязанностей по управлению имуществом. Собственник же сохраняет все свои правомочия, но принимает на себя обязательства воздерживаться от действий, которые бы препятствовали доверительному управляющему исполнять свои обязательства².

В связи с вышеизложенным возникает несколько вопросов. Во-первых, возможно ли передать долю в уставном капитале общества в доверительное управление, не передав «право собственности» (юридическое обладание долей) на нее? Во-вторых, является ли доверительный управляющий представителем наследников?

Отвечая на первый вопрос, нужно отметить, что достаточно дискуссионным является вопрос о сущности доли уставного капитала ООО, но нам представляется верным утверждением, что существует право на долю в уставном капитале и права на основании доли или права из доли в уставном капитале общества. Право на долю является имущественным правом, которым можно распоряжаться путем разных сделок (например, купля-продажа, дарение и пр.) и которое включается в состав наследства. Права из доли включают в себя как имущественное право (например, в виде права на действительную стоимость доли), так и корпоративные права (п. 2 ст. 65.1 ГК РФ)³. Однако невозможно иметь права из доли, не имея право на долю. Следовательно, чтобы получить ряд корпоративных прав для участия в управлении компанией, нужно получить право на долю.

Остается неразрешимым вопрос о том, как это сделать в рамках договора доверительного управления имуществом. Ведь конституирующим признаком такого договора является сохранение права собственности (юридическое обладание долей) за собственником. К тому же, как отмечает Е.А. Суханов⁴, данная договорная конструкция задумывалась в противовес англо-американскому трасту, с присущими ему особенностями в виде расщепления права собственности по общему праву и праву справедливости.

Поскольку российская правовая система относится к континентальной правовой семье, есть смысл обратиться к опыту регулирования управления чужим имуществом в Германии. В германском праве управление чужим имуществом может строиться по двум моделям: по модели представительства и по модели доверительной собственности⁵. В последнем случае управляющий получает полноценное право

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 27.03.2012 № 12653/11 по делу № А36-3192/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

² Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М., 2002. С. 802.

³ Шиткина И. С., Филиппова С. Ю. О возможности и порядке наделения доверительного управляющего корпоративными правами при наследовании доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Нотариальный вестник. 2015. № 9. С. 28.

⁴ Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 11. С. 44–56.

⁵ Егоров А. В. Управление имуществом, зарубежный опыт: Германия // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. М. : ЮРИТ-Вестник. 2001. № 9. С. 128–138.

собственности, и в обороте он выступает полноценным собственником в отношении со всеми третьими лицами, однако управляющий ограничен в управлении обязательственными отношениями, которые устанавливают обязанность рационально использовать имущество и возратить его выгодоприобретателю.

Представительская модель управления чужим имуществом более распространена в Германии. Она основана на договоре возмездного ведения чужих дел, к которому применяются правила о поручении. Управляющий не приобретает право собственности на имущество, а получает доверенность и действует от имени и в интересах выгодоприобретателя. К тому же в других государствах (например, в Австрии, Швейцарии, Чехии) управление чужим имуществом рассматривается также как представительство¹.

ГК РФ, по сути, закрепляет два этих вида: с одной стороны, доверительный управляющий не приобретает право собственности на переданное имущество, с другой стороны, сделки с ним он совершает от своего имени, будто является собственником, но указывая при этом, что действует в качестве доверительного управляющего.

Отечественная модель порождает определенные проблемы на практике. Так, например, когда уставом общества не предусмотрена необходимость получения согласия его участников или же такое согласие получено, то к наследникам со дня открытия наследства переходят все права и обязанности из доли (в том числе корпоративные, но с момента получения такого согласия). Далее, когда нотариус заключает договор доверительного управления долей в уставном капитале ООО, доверительный управляющий не сможет присутствовать и принимать решения на общем собрании, поскольку он должен быть либо участником ООО, либо представителем участника (абз. 2 п. 2 ст. 37 ФЗ «Об ООО»). Однако он не является ни участником общества, ни его представителем, т.к. в гражданском обороте он выступает от своего имени.

Если мы представим, что согласно букве закона нотариус передаст долю в уставном капитале ООО доверительному управляющему, то это будет означать отчуждение доли, и наследники не будут иметь тех прав, которые к ним перешли по наследованию. Впоследствии управляющему нужно будет обратно передавать долю в порядке отчуждения. Но это противоречит существу доверительного управления имуществом, закрепленному в ГК РФ. Тем более что согласно специальному регулированию этого вида управления (п. 8 ст. 1173 ГК РФ), после получения свидетельства о праве на наследство наследник вправе потребовать от управляющего передачи «имущества, права на которое перешли к этому наследнику», что свидетельствует о том, что право собственности или юридическое обладание всегда должно оставаться у наследников.

На наш взгляд, все проблемные вопросы снимаются, если принять во внимание представительскую модель доверительного управления. Такой механизм имеет право на существование, поскольку общие правила главы 53 ГК применяются к доверительному управлению имуществом, учрежденному по законным основаниям, если иное не вытекает из существа таких отношений (п. 2 ст. 1026 ГК РФ). В таком случае доверительный управляющий сможет без препятствий осуществлять управление долями в уставном капитале ООО, действуя от имени наследников и в их интересах и реализуя их права через полномочия, выраженные в договоре (п. 4 ст. 185 ГК РФ). Интересным представляется мнение о том, что доверительный управляющий является косвенным представителем участника, но не прямым². Однако соответствующие авторы не относят данный договор к числу предоставляющих возможность представительства на общем собрании общества.

Несмотря на законодательные проблемы, на практике участники общества допускают доверительного управляющего к осуществлению прав участника, которые исходят из «права собственности» на долю в уставном капитале общества³. Но понятное юридическое обоснование этому науке, законодателю и судебной практике еще следует выработать.

---

¹ Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 11. С. 44–56.

² Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» : в 2 т. / под ред. И. С. Шиткиной; Московский гос. ун-т имени М.В.Ломоносова, Юридический фак. М. : Статут, 2021.

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.12.2020 № Ф09-6534/20 по делу № А76-35886/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Стратегическая сессия

«Новые горизонты бизнеса: проблемы правового регулирования»

Антонов А. В., Егоров Г. А.
Университет имени О.Е. Кутафина
Студенты

Правовой режим бизнес-аккаунтов в мессенджерах и социальных сетях

Современное общество всё быстрее движется к интеграции сфер жизнедеятельности и общественных институтов с информационными технологиями. С течением времени тенденция цифровизации бизнеса развивается все активнее. Предприниматели используют Интернет не только как средство продвижения, но и как непосредственную площадку для ведения предпринимательской деятельности. Однако в силу новизны такого метода ведения бизнеса в его правовом регулировании не могли не возникнуть проблемы. Эти проблемы обусловлены во многом пробелами в законодательстве. До тех пор пока государство не устранил данные пробелы, будет вставать вопрос о правовом режиме бизнес-аккаунтов.

В первую очередь необходимо дать определение понятию «аккаунт». В настоящее время в законодательстве отсутствуют легальные определения «аккаунт» и «бизнес-аккаунт». Однако в науке некоторые ученые пытаются дать доктринальные определения. Так, Е.С. Гринь определяет аккаунт как мультимедийный продукт – «произведение, выраженное в электронной (цифровой) форме, включающее несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности». Впрочем, сто́ит отметить, что попытки квалифицировать аккаунт в подзаконных актах органов государственной власти. Так, например, в Приказе Росстата от 22.08.2022 № 583 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения за использованием цифровых платформ» содержится следующее определение: «Аккаунт (учетная запись) – запись, образованная совокупностью идентификаторов, технических и иных данных, служащих для различения и идентификации, взаимодействующих с цифровым решением пользователей (физических и юридических лиц) и технических объектов (аппаратных и программных средств), а также описания значимых в контексте целевого использования цифрового решения характеристик пользователей и технических объектов». Однако данный приказ на сегодняшний день до сих пор не вступил в силу, а следовательно, не имеет юридической силы. Тем не менее, Росстатом была произведена попытка дать соответствующее определение, так что не упомянуть о нем мы не можем. Принимая во внимание данные определения, можно попытаться вывести определение бизнес-аккаунта. Бизнес-аккаунт – это разновидность аккаунта, который используется для осуществления предпринимательской деятельности или содействия в ней

Важным инструментом определения правовой природы бизнес-аккаунтов являются позиции арбитражных судов по этому вопросу. Так, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2018 № 13АП-30540/2017 по делу № А21-6695/2017 устанавливает, что передаваемые по договору купли-продажи предприятия как имущественного комплекса материальные активы, согласно договору, представляли собой в том числе аккаунты. Более того, аккаунт может быть предметом договоров на выполнение работ по сопровождению аккаунтов в социальных сетях, что указано в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 10.01.2023 № Ф05-31696/2022 по делу № А40-77662/2022, а также купли-продажи, что в свою очередь установлено Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 14.07.2022 № Ф05-6061/2020 по делу № А40-143196/2016.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что суды могут рассматривать как аккаунты, так и бизнес-аккаунты в качестве объектов гражданских прав. Однако существует один немаловажный фактор, можно даже сказать, краеугольный, который может предопределить решение суда независимо от сложившейся практики – пользовательские соглашения. Интернет не является однородной структурой – в различных его уголках могут действовать принципиально различные правила. Создавая аккаунт на каком-либо сайте или регистрируясь в социальных сетях, мы соглашаемся с условиями пользовательского соглашения, тем самым распространяя на себя правила той или иной площадки. Сайты не входят в предмет рассмотрения данной статьи, поэтому остановимся на аккаунтах в социальных сетях и мессенджерах. Пользовательские соглашения соцсетей и мессенджеров не всегда могут соответствовать нормам российского законодательства – в зависимости от принадлежности социальных сетей может быть установлена юрисдикция другого государства. Т.к. в зависимости от площадки могут отличаться и правила, приведем в качестве примеров принципиально

различных ситуаций социальную сеть «ВКонтакте» и мессенджер «Whatsapp». Говоря о «ВКонтакте», стоит отметить значительные ограничения в использовании аккаунтов: пользователь обязан не предоставлять доступ другим пользователям к собственной персональной странице или к отдельной содержащейся на ней информации в случае, если это может привести к нарушению законодательства Российской Федерации и/или правил социальной сети (п. 4 ст. 6.1 Пользовательского соглашения). И если законодательство, по мнению судов, допускает передачу аккаунтов, то «ВКонтакте» запрещает любым способом, в том числе, но не ограничиваясь, путем обмана, злоупотребления доверием, взлома, пытаться получить доступ к логину и паролю другого пользователя (ст. 6.3.10 соглашения), а также регистрировать группу (объединение) лиц или юридическое лицо в качестве пользователя (ст. 6.3.1 соглашения, возможны исключения). Да, согласно ст. 5.13.1 соглашения пользователи могут создать сообщество для «для целей информирования других Пользователей о каких-либо событиях, мероприятиях, организациях, как коммерческих, так и некоммерческих (например, благотворительных)». В отличие от профиля, сообщество возможно продать другому лицу (ст. 5.13.2 соглашения), однако мы находим такой формат крайне неудобным. Допустим, если речь идет о каком-либо юридическом лице, то создание сообщества удобно и эффективно. Однако если идет речь об индивидуальных предпринимателях, то удобство и эффективность такого способа остается под вопросом. Совершенно иную ситуацию мы можем наблюдать у мессенджера «Whatsapp». В 2023 году мессенджер запустил программу «Whatsapp Business», которая позволяет создать в мессенджере полноценный бизнес-аккаунт. Согласно ч. 3 Условий бизнес-аккаунт должен использоваться исключительно в деловых, коммерческих и иных разрешенных целях. Впрочем, особого внимания заслуживает тот факт, что Условия предоставления услуг «Whatsapp Business» не предусматривают возможности продать аккаунт.

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод – отношения по распоряжению аккаунтом, в том числе бизнес-аккаунтом обладают неопределенным статусом с правовой точки зрения. С одной стороны, распоряжение аккаунтом в большинстве интернет-площадок запрещено. С другой стороны, суды признают бизнес-аккаунт частью активов предприятия, что означает, что они могут быть реализованы, в том числе проданы. Некоторые площадки, такие как «ВКонтакте», предоставляют альтернативу в качестве сообществ, некоторые площадки, такие как «Whatsapp», создают особый тип аккаунтов специально для данной деятельности. Однако мы вынуждены констатировать, что ни один из вышеперечисленных способов не может в полной мере создать полноценный инструмент для ведения бизнеса. Во многом это связано с тем, что предпринимательство пришло в социальные сети сравнительно недавно, поэтому государство еще не успело создать необходимые механизмы правового регулирования. Тем не менее, на сегодняшний день эта проблема остается довольно крупным пробелом в праве, который требует заполнения.

Воронова А. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

Правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере услуг общественного питания

Сфера общественного питания является неотъемлемой частью нашей жизни, оказывая влияние и на каждого человека, и на общество в целом. В настоящее время данная сфера проходит быстрое развитие, и, несмотря на вызовы пандемии COVID-19 и иные обстоятельства, продолжает расширяться. В период, когда предприятия общественного питания были вынуждены принимать меры для преодоления кризиса, они активно внедряли доставку еды и готовой продукции, а также переводили свой бизнес в онлайн формат. Эти изменения значительно увеличили количество людей, заказывающих пищу на дом, ввиду удобства и оперативности такого вида услуг. После пандемии количество людей, питающихся вне дома, начинает расти. Как следствие, сфера общественного питания остается востребованной и популярной среди предпринимателей, несмотря на высокие риски. В соответствии с данными Федеральной службы государственной статистики оборот общественного питания за январь – ноябрь 2022 г. составил 2 119 391,7 млн руб., в 2023 оборот общественного питания за этот же период увеличился и достиг цифры в 2 550 588,4 млн руб.¹ Увеличивающееся количество предприятий общественного питания приводит к ужесточению конкуренции между ними. Это, в свою очередь, требует серьезных мер по правовому регулированию и контролю качества услуг, предоставляемых данными предприятиями.

¹ Федеральная служба государственной статистики (Росстат) 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (дата обращения: 17.02.2024). – свободный. – Текст: электронный.

Правовое регулирование – это воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения и развития, осуществляемое при помощи системы правовых средств, представляющих собой многообразные правовые явления, такие как нормы права, юридические факты, правоотношения, индивидуальные предписания, акты реализации прав и обязанностей¹. Государство осуществляет регулирование сферы услуг общественного питания используя экономические, административные и иные методы. Качество предоставляемых услуг в вышеназванной сфере регулируется в основном с помощью нормативных правовых актов, которые определяют права, обязанности и требования к каждой из сторон.

На данный момент в Российской Федерации нет единого нормативного правового акта, который регулировал бы комплекс отношений в рассматриваемой сфере услуг, что усложняет процесс взаимодействия сторон, участвующих в производстве и реализации продукции. Общие правовые нормы содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации² и в Законе РФ «О защите прав потребителей»³. Например, закон гарантирует потребителю право на получение необходимой и достоверной информации об исполнителе и оказываемых услугах общественного питания, которая доводится до сведения потребителя в наглядной и доступной форме. Кроме того, потребитель имеет право требовать, чтобы оказываемая услуга была безопасна для его жизни, здоровья и имущества.

Несмотря на то что в названных законах содержатся многие права и обязанности, регламентирование этой сферы следовало проводить более детально и обоснованно, с учетом многих факторов и аспектов, поэтому принимались другие нормативные акты. К примеру, Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил оказания услуг общественного питания»⁴, которое регулирует отношения между потребителями и исполнителями в сфере оказания услуг общественного питания. Важное значение так же имеет Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов»⁵. Данный закон регулирует отношения в области организации питания, обеспечения качества пищевых продуктов и их безопасности для здоровья человека и будущих поколений.

Государство, формируя комплекс требований для услуг общественного питания, разрабатывает и утверждает общие стандарты. В настоящий момент действует большое количество актов стандартизации, к примеру, «ГОСТ 31985-2013. Межгосударственный стандарт. Услуги общественного питания. Термины и определения»⁶. Соответствие продукции (услуги) требованиям, установленным в межгосударственных стандартах, позволяет потребителю быть уверенным в качестве и безопасности потребляемой продукции (услуги). Первого мая 2024 года вступит в силу ГОСТ Р 71162-2023 «Услуги общественного питания. Доставка продукции общественного питания по заказам потребителей. Общие требования»⁷. Данный стандарт является актуальным и востребованным, так как он установит требования к услугам доставки продукции общественного питания, тем самым устранив пробел в нормативно-правовом регулировании.

На сегодняшний день в России действует большое количество санитарных правил и норм, многие из которых регламентируют деятельность общественного питания. В них указываются требования, предъявляемые к оборудованию, производственным процессам и многому другому в сфере общественного

---

¹ Сенин И. Н. Правовое регулирование и правовая система // Юридический вестник Дагестанского государственного университета 2017. № 1. С. 16–20. DOI: 10.21779/2224-0241-2017-21-1-16-20.

² Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): текст с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022: [принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года]. – Москва, 2023. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

³ Российская Федерация. Законы. Закон РФ «О защите прав потребителей»: ред. от 05.12.2022. в силу с 05.12.2022. – Москва, 2023. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

⁴ Российская Федерация. Правительство. Об утверждении Правил оказания услуг общественного питания: постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1515 – Москва, 2023. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

⁵ Российская Федерация. Законы. Федеральный закон О качестве и безопасности пищевых продуктов: текст с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022 [принят Государственной Думой 1 декабря 1999 года: одобрен Советом Федерации 23 декабря 1999 года]. – Москва, 2023. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

⁶ Российская Федерация. ГОСТ. ГОСТ 31985-2013. Межгосударственный стандарт. Услуги общественного питания. Термины и определения [введен в действие Приказом Росстандарта от 27.06.2013 № 191-ст]. – Москва, 2023. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

⁷ Российская Федерация. ГОСТ. ГОСТ Р 71162-2023. Услуги общественного питания. Доставка продукции общественного питания по заказам потребителей. Общие требования [введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 21 декабря 2023 г. № 1603-ст]. – Москва, 2023. – Доступ из профессиональной СПС «Кодекс». – Текст: электронный.

питания¹. СанПиНы являются результатом научных исследований и многолетних практик. Сфера общественного питания тесно связана со здоровьем потребителей, поэтому невозможно переоценить важность проведенных для принятия СанПиНов исследований, они применяются на всех стадиях организации общественного питания. С 1 января 2022 года начали действовать санитарно-эпидемиологические правила и нормы СанПиН 2.3/2.4.3590-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации общественного питания населения»². Данные нормы направлены на обеспечение безопасных услуг общественного питания населению и предотвращение угроз возникновения и распространения инфекционных и неинфекционных заболеваний.

Наличие большого числа нормативно-правовых документов в сфере общественного питания несет противоречивый характер. Улучшая качество предоставляемых услуг, оно делает малый бизнес нерентабельным³. Создание единого нормативного правового акта, регулирующего сферу услуг общественного питания, представляется необходимым в силу значимости данной отрасли и высоких рисков, связанных с предпринимательской деятельностью на этом рынке. Данный акт, помимо общих положений о сфере применения и целях, должен устанавливать наиболее значимые определения, к примеру: «продукция общественного питания», «изготовитель продукции общественного питания», «потребитель продукции общественного питания», «кейтеринг» и иные, закреплять типы предприятий общественного питания. Кроме того, единый акт должен включать в себя основные права и обязанности изготовителя, потребителя, предприятий общественного питания и иных участников процессов по изготовлению, покупке, продаже, заказу, доставке и потреблению общественного питания, данные процессы так же должны быть регламентированы. Единый акт должен устанавливать основные требования к качеству и безопасности продукции, нормы по государственному контролю за качеством и безопасностью продукции, предусматривать ответственность за нарушение, предусмотренных данным актом норм.

Систематизация и объединение различных правовых норм помогут уполномоченным на это органам государственной власти более эффективно регулировать данную сферу. Введение единого нормативного правового акта также упростит для предпринимателей ведение деятельности, снизит правовые риски и обеспечит более эффективную защиту прав потребителей. Кроме того, создание единого акта позволит установить общие стандарты и требования к качеству продукции и услуг, что в свою очередь повысит доверие потребителей и способствует развитию бизнеса в данной отрасли.

Гридасова Е. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Правовое регулирование торговой деятельности с использованием агрегаторов

Актуальность выбранной темы обусловлена активным развитием цифровых технологий, что привело к появлению большого количества разнообразных цифровых платформ: торговых, рекламных, инвестиционных.

Цифровые платформы называют будущим рыночной экономики, образцами предпринимательского бизнеса, поскольку они значительно упростили доступ к рынку как для потребителей, так и для продавцов. При этом неурегулированными остаются многие вопросы цифровых торговых площадок.

Если обратиться к статье А.В. Алтухова, И.В. Ершовой, С.Ю. Кашкина, то они понимают под платформой группу технологий, которые используются в качестве основы, обеспечивающей создание конкретизированной и специализированной системы цифрового взаимодействия, и являются ядром инновационного развития⁴.

---

¹ Глебова Е. В., Лаптева Е. П. Новые требования для предприятий общественного питания // Научные труды Дальрыбвтуза 2022. № 2. С. 6–12.

² Российская Федерация. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 27.10.2020 № 32 «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил и норм СанПиН 2.3/2.4.3590-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации общественного питания населения» (вместе с «СанПиН 2.3/2.4.3590-20. Санитарно-эпидемиологические правила и нормы...»)(Зарегистрировано в Минюсте России 11.11.2020 № 60833). – Москва, 2023. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

³ Пшецукова К. Х. Правовое обеспечение предприятий общественного питания в РФ // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития 2015. № 23. С. 186–190.

⁴ Алтухов А. В., Ершова И. В., Кашкин С. Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.

По мнению А.В. Габова, платформа – это прежде всего сайт, интернет-ресурс, вход в который с использованием технологических инструментов позволяет ее участнику осуществлять дистанционное, электронное, юридически значимое (влекущее правовые последствия) взаимодействие с другими субъектами для различных целей. То есть платформы – это всегда технологическая информационная система, которая использует определенное программное обеспечение, в основном в информационно-телекоммуникационной сети Интернет¹.

Таким образом, в самом общем виде, платформа – это информационная система, работающая через сеть Интернет, которая обеспечивает взаимодействие участников платформы друг с другом, позволяя им создавать и обмениваться ценностями.

В отечественном законодательстве была предпринята попытка урегулировать отношения в сфере торговли посредством цифровых платформ. С 1 января 2019 г. вступили в силу изменения в Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей), определяющие правовой статус лиц, организующих торговлю посредством цифровых платформ, их обязанности и ответственность перед потребителями. Однако это не охватывает все вопросы правового регулирования торговой деятельности с использованием агрегаторов, оставляя законодательные пробелы.

Закон о защите прав потребителей косвенно закрепил понятие торгового агрегатора. Под ним понимается программа для электронных вычислительных машин и (или) сайт и (или) страница сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и которые представляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг) путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов².

Исходя из понятия, которое дает законодатель, можно сделать вывод о субъектном составе отношений по использованию цифровых торговых платформ. Среди них выделяют: владельца агрегатора, продавцов, потребителей, и других участников. Владелец агрегатора регулирует концептуальные вопросы, создают веб-сайт, проводят его поисковую оптимизацию и следят за своей репутацией.

Продавцы (селлеры) на этой торговой площадке – это, как правило юридические лица, индивидуальные предприниматели или самозанятые граждане, выступающие на агрегаторе в качестве отдельного онлайн-магазина со своим наименованием и торговой маркой. Они предоставляют подробную характеристику или описание товаров, фото и видео, следят за качеством выставляемых товаров. В свою очередь, владельцы торговых агрегаторов устанавливают индивидуальные требования для продавцов, желающих разместить свои товары на их платформе. Например, для сотрудничества с Lamoda требуется, чтобы компании имели зарегистрированный товарный знак или разрешение правообладателя на использование товарного знака.

Отношения между продавцом (исполнителем) и владельцем агрегатора определяются договором. Например, это может быть договор возмездного оказания услуг, один из посреднических договоров (агентский договор, договор комиссии и др.), непоименованный или смешанный договор.

Проблемным вопросом остается регулирование ответственности владельца агрегатора. Согласно п. 2.1 ст. 12 Закона о защите прав потребителей можно сделать вывод, что владелец агрегатора отвечает за недостоверность информации, если он вносил в нее изменения³. Однако за исполнение договора по общему правилу перед потребителем отвечает продавец (исполнитель). Способ размещения информации и доведение ее до потребителя выбирает сам владелец цифровой торговой платформы. Законодателем не установлены требования к месту, способу и размеру, однако важно, чтобы она была наглядной и доступной и требовала совершения дополнительных действий. Например, переходов по неизвестным ссылкам, но если информация была неверно указана самим продавцом или исполнителем, владелец агрегатора освобождается от возмещения убытков потребителю.

Стоит обратить внимание также на п. 2.2 ст. 12, исходя из которого потребитель вправе предъявить требование к владельцу агрегатора о возврате суммы произведенной им предварительной оплаты товара (услуги), правда в случае, если товар не передан (услуга не оказана) в срок, в связи с чем потребитель

---

¹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Российская газета. № 8. 16.01.1996.

² Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Российская газета. № 8. 16.01.1996.

³ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Российская газета. № 8. 16.01.1996.

отказался от договора¹. Следовательно, помимо требования о возврате суммы предоплаты, потребитель должен предоставить владельцу агрегатора подтверждение направления продавцу уведомления об отказе от исполнения договора купли-продажи или договора возмездного оказания услуг.

Долгое время остро стояла проблема соблюдения продавцами и владельцами агрегаторов обязательных требований к маркировке товаров. Ранее они позиционировали себя в роли курьерских служб, чем смогли воспользоваться недобросовестные поставщики, продавая несертифицированные товары через цифровые торговые платформы. Постановлением Правительства Российской Федерации от 29.07.2022 № 1351 с 1 марта 2023 года маркировка для маркетплейсов стала обязательной и включена в предмет государственного контроля (надзора). Помимо этого, на продавцов и владельцев агрегаторов ложится обязанность передавать информацию в систему «Честный знак», что делает покупки через маркетплейсы более безопасными для потребителей.

Исходя из действующего законодательства можно сделать вывод о том, что сейчас выработаны лишь общие положения по вопросам обязанностей и ответственности владельцев цифровых платформ. Однако все еще требуется детальная регламентация механизмов защиты прав потребителей, конкретизация правового статуса, прав и обязанностей, а также усиление ответственности владельцев торговых агрегаторов.

**Зубар
ев Н. С.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Аспирант

К вопросу о тенденциях нормативного правового регулирования деятельности маркетплейсов

В последние годы все активнее по всему миру, включая Российскую Федерацию, развиваются инструменты электронной торговли. Особенно стремительное развитие данной сферы пришлось на период пандемии коронавируса COVID-19 и в постпандемийную эпоху. Одним из наиболее распространенных в настоящее время инструментов электронной торговли являются так называемые маркетплейсы. Так, по данным исследования, проведенного сервисом «ЮKassa», в 2023 году маркетплейсы стали локомотивом развития электронной торговли, показав себя в качестве самого быстрорастущего ее сегмента, а оборот в рассматриваемой сфере вырос на 32 процента по сравнению с 2022 годом². Однако, несмотря на то, что на сегодняшний день едва ли возможно представить себе потребителей, которые не осуществляли покупки посредством использования электронных торговых площадок, или т.н. маркетплейсов, отношения в рассматриваемой сфере фактически остаются за пределами законодательного урегулирования.

В частности, дискуссионными остаются вопросы юридического статуса маркетплейса, соотношения терминов «маркетплейс», «агрегатор» и иных смежных категорий, пределов ответственности торговой площадки, продавца и покупателя, реализации принципа свободы договора в контексте рассматриваемых правоотношений и т.д.

Несмотря на это, мнения по поводу того, следует ли устанавливать рамки законодательного существования маркетплейсов, или же в процессе регулирования их деятельности можно обойтись без глубокой законодательной проработки данного вопроса, разнятся как среди ученых, так и среди представителей бизнес-сообщества. Так, к примеру, кандидат юридических наук Н.В. Козинец отмечает, что особенности функционирования маркетплейсов «требуют детального изучения юристами-исследователями и законодателем, а также должны найти актуальное отражение в действующем законодательстве Российской Федерации»³. М.В. Вронская и М.А. Исаев полагают, что «сфера электронной торговли с использованием маркетплейсов требует определенных законодательных изменений, которые бы улучшили состояние

---

¹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Российская газета. № 8. 16.01.1996.

² «ЮKassa»: в 2023 году лидерами в онлайн-торговле стали маркетплейсы. Текст – электронный // Retail.ru: [сайт] URL: <https://www.retail.ru/news/yukassa-v-2023-godu-liderami-v-onlayn-torgovle-stali-marketpleysy-29-yanvarya-2024-237115/> (дата обращения: 13.02.2024).

³ Козинец Н. В. Правовое регулирование деятельности маркетплейсов: актуальные проблемы // Закон и власть. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-marketpleysov-aktualnye-problemy> (дата обращения: 08.02.2024).

действующего правового регулирования»¹. Заместитель министра промышленности и торговли Российской Федерации Виктор Евтухов также настаивает на введении нормативного регулирования в отношении маркетплейсов: «Маркетплейсы — это основа малого и среднего бизнеса. На таких площадках работают даже уже не сотни тысяч, а миллионы бизнесменов. На первом этапе мы дали отрасли возможность активного развития. Но сегодня в отношении онлайн-торговли должно быть введено нормативно-правовое регулирование»². В свою очередь, представители бизнес-сообщества последовательно отвергают идею регулирования деятельности маркетплейсов «сверху». В их числе и заместитель генерального директора AliExpress СНГ Сергей Лебедев: «Отрасль очень молодая. Жесткое регулирование может привести к торможению ее развития».

В данном контексте интересно проследить закономерности развития нормативно-правового регулирования рассматриваемой области в Российской Федерации. Законодатель, обращая все больше внимания на деятельность маркетплейсов и легальный аспект их функционирования, предпринимает последовательные попытки к урегулированию как отмеченных в предыдущем абзаце, так и иных возникающих в данной сфере вопросов. Так, в 2019 году были внесены изменения в Закон от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»³ (далее — Закон о защите прав потребителей), впервые закрепившие понятие товарного агрегатора в сети Интернет, а также определившие правовой статус рассматриваемой категории.

Так, в основных понятиях Закона о защите прав потребителей в рассматриваемый период закрепляется понятие владельца агрегатора информации о товарах (услугах), очерчиваются пределы ответственности такого владельца. Важнейшее значение данной законодательной новеллы для рассматриваемой проблематики состоит в том, что, по сути, законодатель впервые определяет рамки правового бытия маркетплейсов, впервые обращает внимание на их существование. В дальнейшем, как уже отмечалось ранее, в период пандемии COVID-19 и в постпандемийную эпоху произошел стремительный количественный и качественный рост деятельности маркетплейсов, что, в свою очередь, предопределило необходимость дальнейшего урегулирования в рассматриваемой сфере. В частности, было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2463⁴, определяющее правила продажи товаров дистанционным способом. Закрепленные в нем положения способствовали существенному развитию правового регулирования электронной торговли, в том числе и с использованием маркетплейсов. В частности, появилась норма, которая возложила обязанность по размещению на веб-сайте оферты продавца (производителя) для ознакомления с ней покупателем (потребителем). После указанных изменений в сфере развития нормативного регулирования на пару лет наступило некое затишье, а возникающие в процессе их функционирования пробелы и «белые пятна» последовательно «заполнялись» положениями оферт самих маркетплейсов и постепенно накапливающейся судебной практикой, охватывающей различные аспекты рассматриваемых правоотношений.

Однако, в октябре 2023 года в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации был внесен законопроект⁵, которым предлагается дополнить Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 381-ФЗ) и Закон о защите прав потребителей нормами, детализирующими

¹ Вронская М. В., Исаев М. А. Российский рынок электронной коммерции в период covid-19: правовое регулирование и тенденции // Право и политика. 2022. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-rynok-elektronnoy-kommertsii-v-period-covid-19-pravovoe-regulirovanie-i-tendentsii> (дата обращения: 13.02.2024).

² Маркетплейсы в законе. Власти будут регулировать e-commerce. Текст — электронный // Новый проспект: [сайт]. URL: <https://newprospect.ru/news/articles/marketpleysy-v-zakone-vlasti-budut-regulirovat-e-commerce/> (дата обращения: 13.02.2024).

³ Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

⁴ Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 3. Ст. 593.

⁵ Проект федерального закона № 445923-8 «О внесении изменения в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8> (дата обращения: 12.02.2024).

особенности правового положения владельцев маркетплейсов, продавцов товаров на маркетплейсах и владельцев пунктов выдачи заказов. Авторами инициативы предлагается, в числе прочего, установление понятийного аппарата в рассматриваемой сфере, определение порядка пересмотра условий соглашений между маркетплейсами и потребителями, а также продавцами, урегулирование порядка начисления продавцам штрафов и неустоек и т.д.

Как отмечается в пояснительной записке к данному законопроекту, существующие реалии показывают несовершенство действующей системы регулирования рассматриваемой отрасли. Депутатами отмечается, что маркетплейсы являются сильной стороной в рассматриваемых правоотношениях и зачастую злоупотребляют правом, навязывая по отношению к продавцам и покупателям несправедливые условия. Среди конкретных предложений, в числе прочего, закрепление положения о том, что условия соглашений и оферт маркетплейсы могут пересматривать не чаще одного раза в год, установление обязанности по направлению маркетплейсом мотивированного письменного уведомления о принятии решения о наложении штрафов или иных санкций, а также запрета на одностороннюю блокировку доступа к личному кабинету продавца или владельца пункта выдачи заказа.

В настоящее время относительно данного законопроекта ведется активная дискуссия, его положения критикуются как юристами, так и представителями бизнеса и общественных организаций. Среди несовершенств стоит отметить как некоторые недостатки юридической техники, так и то, что отдельные его положения (к примеру, ограничение на продажу маркетплейсами с оборотом более 150 млрд рублей собственной продукции, запрет на пересмотр условий оферт чаще 1 раза в год, предоставление потребителю права предъявления требования о возмещении убытков к владельцу маркетплейса и т.д.) не учитывают реалий ведения бизнеса в данной сфере и, несомненно, нуждаются в дополнительной «отшлифовке» и доработке.

Таким образом, в настоящей статье было проанализировано развитие правового регулирования деятельности маркетплейсов, проблемы и правовые пробелы, имеющиеся в рассматриваемой сфере, точки зрения, существующие на сегодняшний день, а также предлагаемые пути их решения как с точки зрения законодателя, так и с позиций бизнеса и потребителей. Пожалуй, центральным до сих пор остается вопрос: а нужно ли вообще регулировать деятельность маркетплейсов? И если да, то какими путями и средствами.

Обобщая точки зрения, существующие на сегодняшний день, представляется возможным выделить две противоположных. Первая, которая исходит, по большей части, от бизнес-сообщества и людей, непосредственно представляющих маркетплейсы, заключается в том, что не стоит создавать излишних законодательных препон и трогать то, что, по их мнению, и так прекрасно работает. Вторая же активно продвигается законодателем, действующим, по сути, от имени потребителей и состоит в том, что маркетплейсы злоупотребляют своим доминирующим положением на рынке и действуют в рамках несправедливых правил, установленных положениями оферт самих площадок и соглашений, заключаемых ими с потребителями и продавцами, зачастую не оставляя им альтернативы.

Думается, что понять можно сторонников обеих точек зрения, а идеальным инструментом к решению накопившихся проблем является поиск и нахождение баланса интересов всех субъектов.

Иванов В. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аспирант

Поддержка технологического предпринимательства в свете Федерального закона «О развитии технологических компаний в Российской Федерации»

В современном мире ежедневно происходит развитие каждой сферы человеческой деятельности путем внедрения новых технологий и инновационных продуктов. Одновременно с развитием технологией развиваются и компании, осуществляющие инновационную деятельность. Как отмечает З.В. Рыбина, технологическое предпринимательство – это естественная ступень эволюционного развития экономики хозяйствующих предприятий любой из стран. В обоснование вышеизложенного автор аргументирует, что усложнение сферы науки и техники, а также замена традиционных элементов предприятий, таких как труд, земля и капитал, технологиями, является фактором, способствующим расцвету технологического предпринимательства¹.

---

¹ Рыбина З. В. Аспекты становления инновационного уклада в российской экономике // ПСЭ. 2015. № 1 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-stanovleniya-innovatsionnogo-uklada-v-rossiyskoy-ekonomike> (дата обращения: 15.02.2024).

Это отличает технологическое предпринимательство от других форм предпринимательской деятельности, поскольку оно предполагает создание новых продуктов и активов, тесно связанных с прогрессом в области научно-технических знаний и правом на интеллектуальную собственность компании.

В то же время многие авторы отмечали и по сей день отмечают проблемы взаимоотношений государства с предприятиями, которые, с одной стороны, сопровождаются чрезмерным контролем и иными административными барьерами для полноценного развития технологий, а, с другой стороны, характеризуются отставанием нормативно-правового регулирования, а также недостаточной поддержкой предприятий технологических компаний¹.

В августе 2023 г. в России был принят Федеральный закон № 478-ФЗ от 04.08.2023 «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О развитии технологических компаний в РФ»). Данный акт закрепляет правовые основы деятельности и принципы государственной поддержки технологических компаний². Анализ положений данного акта позволяет увидеть его сходство с Федеральным законом № 209-ФЗ от 24.07.2007 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части понятийного аппарата, порядка наделения компаний статусом (внесения в реестр) и формами поддержки³.

Под технологической компанией законодатель понимает российскую коммерческую организацию, осуществляющую деятельность по разработке, производству продукции с использованием инновационных технологий. Определение инновационных технологий также приводится в названном акте.

Несомненно, принятие такого акта позволяет говорить о позитивных тенденциях, которые подтверждают заинтересованность государства в установлении определенного правового режима для технологического предпринимательства.

В Постановлении Правительства Российской Федерации № 1847 от 02.11.2023, указаны виды малых технологических компаний⁴. К таким компаниям были отнесены: стартапы с минимальными показателями выручки, стартапы, ранние компании, зрелые компании. По аналогии с малым и средним предпринимательством одним из основных критериев отнесения к той или иной категории является объем выручки компании, который варьируется от объема выручки ниже 1 млн рублей до 4 млрд рублей.

Интересен тот факт, что Правительство РФ в своем акте использует понятие «стартап», в то время как законодатель ограничивается понятием «малых технологических компаний». Видится, что в отечественном законодательстве эти два понятия рассматриваются как синонимы.

Однако на данный момент существуют некоторые противоречия, которые могут вызывать проблемы как с предоставлением поддержки, так и с ее получением.

Одной из основных трудностей компаний, разрабатывающих, развивающих и коммерциализирующих новые технологии, является ограниченность в ресурсах. В ч. 2 ст. 4 ФЗ «О развитии технологических компаний в РФ» одной из форм поддержки указывается финансовая поддержка. Однако законодатель, говоря о возможности предоставления такой поддержки, добавил формулировку «с учетом обоснованного риска технологических компаний при недостижении результата такой поддержки»⁵. На данный момент не совсем понятно, каким образом будет определяться критерий «обоснованного риска». Его формулировки могут быть различными и неоднозначными. Это может привести к произвольной интерпретации закона со стороны государственных органов или финансовых институтов, что затруднит предсказание и планирование финансовых потребностей компании. В то же время наличие такого критерия может стать неким барьером, так как для получения поддержки компании будут избегать рискованных инновационных проектов из-за возможных негативных последствий при недостижении ожидаемых результатов. Это может привести к снижению инновационной активности и технологического развития.

---

¹ Земцов С. П. Технологическое предпринимательство как фактор развития России / С. П. Земцов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 1 (53). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48320773> (дата обращения: 15.02.2024).

² Федеральный закон от 04.08.2023 № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» // СЗ РФ, № 32 от 07.08.2023 (ч. I), ст. 6210.

³ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ, № 31 от 30.07.2007 (ч. I), ст. 4006.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 02.11.2023 № 1847 «Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических компаний, формировании и ведении реестра малых технологических компаний и об информационном взаимодействии» // СЗ РФ, № 46 от 13.11.2023 (ч. I), ст. 8248.

⁵ ФЗ «О развитии технологических компаний в РФ», ст. 4.

ФЗ «О развитии технологических компаний в РФ» в ст. 6 устанавливает деятельность центра экспертизы для малых технологических компаний¹. На официальном сайте Минэкономразвития РФ содержится перечень таких центров: Фонд Сколково, Фонд Бортника и Центр поддержки инжиниринга и инноваций². Стоит отметить, что характер деятельности этих центров предоставляет возможность для объединения экспертного сообщества и академической сферы с предпринимательским сектором.

Центры экспертизы исследует следующие показатели:

- наличие исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности;
- наличие опыта разработки новой или значительно улучшенной продукции;
- соответствие доли выручки от основного вида деятельности и реализации собственных товаров и услуг установленным критериям;

- оценка спроса на разрабатываемые решения;
- уровень квалификации сотрудников;
- наличие необходимых помещений и оборудования;
- наличие конкурентных преимуществ у проектов компании.

Решение законодателя о введении центров экспертизы для технологических компаний можно понять. Инновации – это высокорисковый сегмент, который часто не оправдывает вложенные средства.

Однако сложность и объективность оценки данных критериев может быть вызвана неоднозначностью в их интерпретации со стороны центров экспертизы. Например, наличие опыта разработки новой продукции может подвергаться различной трактовке в зависимости от критериев, применяемых конкретным центром экспертизы. Это может привести к субъективным выводам и недостаточной объективности процесса оценки, что может повлечь отказ от внесения компании в реестр и невозможности получения поддержки.

Во-вторых, процесс сбора и предоставления необходимой для оценки информации может оказаться затратным и трудоемким для малых компаний. Некоторые критерии, такие как исключительные права на результат интеллектуальной деятельности или конкурентные преимущества у проектов компании, могут потребовать обширной документации и доказательств, что может оказаться непосильной задачей для компаний с ограниченными ресурсами. Причем в ч. 4 и ч. 5 названной нормы прямо указывается, что экспертиза проводится за счет технологических компаний с предоставлением последними всей необходимой документации.

В-третьих, риск отказа в получении статуса малой технологической компании при несоответствии установленным критериям может создать неопределенность и дополнительные риски для компаний. Несмотря на попытки создать стимулы для инновационной деятельности и развития технологического предпринимательства, процесс экспертизы может стать препятствием для компаний, которые не смогут удовлетворить строгие критерии оценки.

Само собой сказанное не является исчерпывающим перечнем проблем, с которыми могут столкнуться технологические компании в процессе своего взаимодействия с государством и центрами экспертизы. Но сложно оспорить факт, что тот путь, который предложен законодателем, является плодотворной почвой для становления эффективного правового режима технологического предпринимательства. Эти меры способствуют формированию инструментов государственной поддержки и стимулирования рассматриваемого сегмента экономики.

Однако, несмотря на положительные аспекты, выявлен и ряд проблем, связанных с процессом экспертизы и критериями оценки. Неопределенность и субъективность в интерпретации критериев, а также высокая сложность и затратность процесса могут создать дополнительные препятствия для развития малых технологических компаний.

Таким образом, хотя введение Федерального закона «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» представляет собой важный шаг в направлении стимулирования технологического предпринимательства, дальнейшие усовершенствования и корректировки в процессе оценки и поддержки компаний являются необходимыми для оптимизации его.

---

¹ ФЗ «О развитии технологических компаний в РФ», ст. 6.

² Реестр малых технологических компаний // URL:

https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_tehnologicheskogo_predprinimatelstva/reestr_malyh_tehnologicheskikh_kompaniy/.

Касьянова И. А.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Страхование ответственности при использовании искусственного интеллекта

Стремительное развитие искусственного интеллекта имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, использование искусственного интеллекта в работе упрощает жизнь общества. Однако правовое регулирование данной области значительно отстает, что порождает определенные проблемы, например, в случаях, когда использование искусственного интеллекта повлекло за собой негативные последствия.

Как разработчики, так и обычные пользователи могут пострадать от использования искусственного интеллекта, что порождает необходимость в разработке правовых гарантий, обеспечивающих их защиту, а именно: страхование ответственности.

Прежде чем приступить к вопросу о страховании ответственности, необходимо дать легальное понятие искусственного интеллекта. Так в ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве»¹, а также в утвержденной Указом Президента от 10.10.2019 № 490 национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, искусственный интеллект определен, как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека².

Что же касается вопроса о страховании имущественной ответственности при использовании искусственного интеллекта, то здесь возникают определенные сложности, поскольку данный институт российского законодательства находится только в стадии разработки.

В целом вопрос о юридической ответственности при применении систем искусственного интеллекта нашел свое отражение в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 г.³. В данной концепции было обозначено, что институт юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом не требует кардинальных изменений, но при этом некоторые аспекты ответственности необходимо доработать.

Однако наиболее важный вопрос о возможности страхования имущественной ответственности был выдвинут немного позднее. Так, Минэкономразвития предложило определенный механизм, способный обеспечить компенсацию вреда, который был причинен при использовании искусственного интеллекта. Данный механизм был предложен в качестве поправки в ФЗ «об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций»⁴. Стоит пояснить, что п. 4 ст. 5 вышеназванного закона предусматривает возможность добровольного страхования гражданской ответственности за причинение вреда при реализации экспериментального правового режима⁵.

Законопроект, предложенный Минэкономразвития имеет своей целью предупреждение и сокращение возникновения возможных негативных последствий при применении искусственного интеллекта. Сам законопроект содержит в себе следующие положения: во-первых, об обязанности субъектов

---

¹ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «о проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ, № 17, 27.04.2020, ст. 2701.

² Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ, № 41, 14.10.2019, ст. 5700.

³ Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года // СЗ РФ, № 35, 31.08.2020, ст. 5593.

⁴ Законопроект № 512628-8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (в части совершенствования механизмов применения экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций).

⁵ Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Российская газета. № 173. 06.08.2020.

экспериментальных правовых режимов вести реестр о лицах, которые вступили с ними в правоотношения по использованию искусственного интеллекта, а также положение о том, кто будет нести ответственность за неправильную эксплуатацию технологий искусственного интеллекта. Также в пояснительной записке к законопроекту отмечено, что субъект ЭПР должен создать реестр, позволяющий определить результаты интеллектуальной деятельности, созданных при использовании ИИ, а также их правообладателей.

Во-вторых, в законопроект включено положение о внедрении конструкции, которая позволяет определить лицо, ответственное за причинение вреда в результате использования технологий, созданных при применении искусственного интеллекта.

В-третьих, предполагается внедрение обязанности субъектов ЭПР по страхованию гражданской ответственности при использовании ИИ завред причиненный жизни, здоровью или имуществу других лиц.

И наконец данный законопроект включает в себя положение о создании специальной комиссии, которая будет выявлять обстоятельства, из-за которых при применении искусственного интеллекта был причинен вред.

Относительно вышеперечисленных положений законопроекта, необходимо отметить следующее: законодательство РФ действительно нуждается во внедрении такой правовой гарантии, как страхование имущественной ответственности при применении ИИ, однако внедрении соответствующих положений должно быть постепенным. Прежде чем устанавливать страхование ответственности следует учитывать, что технологии искусственного интеллекта являются нестандартным продуктом с совершенно различными вариациями риска, именно поэтому для начала необходимо выработать оптимальный подход при оценке соответствующих рисков, с целью формирования единой базы страховых случаев.

Создание такой базы определит: какие страховые случаи чаще всего возникают при использовании ИИ, кто будет нести ответственность, а также каким образом рассчитывать страховое возмещение.

При исследовании вопроса о страховании ответственности при использовании ИИ, необходимо также затронуть и зарубежный опыт.

Страхование ответственности в данной области в зарубежных странах также находится в стадии разработки. Так, экспертная группа по ответственности и новым технологиям Европейского Союза подготовила отчет, в котором рассмотрела основные дискуссионные моменты страхования имущественной ответственности¹. Первый вопрос, который был поставлен на обсуждение комиссией, стоит ли вводить обязательное страхование ответственности или достаточно оставить данный вопрос на усмотрение страхователей?

С одной стороны, нет необходимости для введения обязательного страхования, потому что искусственный интеллект еще не до конца исследован и рынок может просто не предложить страховое возмещение ввиду того, что ущерб будет сложно рассчитать. Также эксперты поясняют, что возможно страховые случаи в данной области будут настолько редки, что у причинителя вреда будет возможность при помощи собственных средств компенсировать ущерб.

При этом в отчете также определено, что в некоторых областях обязательное страхование показало исключительно положительные результаты и действительно работает. Например, наиболее подходящими областями для обязательного страхования являются области, связанные с опасными видами деятельности. Именно поэтому эксперты полностью не исключают внедрение обязательного страхования для определенных видов цифровых технологий, которые в той или иной степени обладают большей степенью опасности или при использовании которых маловероятно, что причинители вреда смогут покрыть убытки собственными средствами.

Также зарубежными исследователями уделяется огромное значение такому условию страхования, как возможность определения страховщиком вероятного риска, а также способность рассчитать величину ущерба.

Как уже было отмечено ранее, в отечественном законодательстве до сих пор нет правовой определенности относительно субъекта ответственности. Такая же проблема существует и в зарубежных странах.

Так, на обсуждениях Европарламента поднимался вопрос о лицах, ответственных за использование искусственного интеллекта. В результате данных дискуссий появилось множество различных сторон, которые потенциально могут быть привлечены к ответственности за ущерб, связанный с ИИ.

Таким образом, вопрос об обязательном страховании имущественной ответственности еще предстоит исследовать, поскольку на данном этапе правового регулирования нельзя с точностью сказать о необходимости внедрения именно обязательного страхования.

---

¹ Report on Liability for Artificial Intelligence and other emerging digital technologies on 21 November 2019.

Необходимо понимать, что внедрение обязательного страхования ответственности на данном этапе, может повлечь за собой нерациональные финансовые затраты. Прежде чем вводить обязательное страхование, необходимо для начала определить степень риска использования ИИ. Поскольку в некоторых случаях риск может быть равен нулю и тогда необходимость в страховании отпадает.

Также необходимо выработать обстоятельства, при которых чаще всего возникают негативные последствия при использовании ИИ, это поможет определить ответственных лиц и порядок возмещения вреда.

Следует отметить, что Законопроект, предложенный Минэкономразвития, будет отправной точкой в исследовании вопроса о возможном внедрении обязательного страхования ответственности при использовании искусственного.

Краулин К. К.

Государственный академический университет гуманитарных наук
Аспирант

Понятие маркетплейса и его владельца в российском законодательстве

В сентябре 2023 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»¹, посвященный регулированию деятельности маркетплейсов (далее – «Законопроект № 445923-8»).

Положения указанного законопроекта уже вызвали широкую дискуссию в СМИ и органах государственной власти. Вместе с тем отдельного анализа требует понятийный аппарат, который инициаторы законопроекта предлагают ввести в Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации».

Так, законопроектом вводятся понятия маркетплейса, владельца маркетплейса, продавца товаров на маркетплейсах, а также пункта выдачи заказов на маркетплейсов и владельца таких пунктов выдачи заказов. Ключевыми для предполагаемой сферы действия нового регулирования и одновременно наиболее спорными среди терминов, вводимых законопроектом, являются именно понятия маркетплейса и его владельца, в связи с чем настоящая статья посвящена только этим терминам в целях определения целесообразности их нормативно-правового закрепления в принципе.

Авторы Законопроекта № 445923-8 предлагают определить агрегатора информации о товарах или услугах (маркетплейс)² как «программу для электронных вычислительных машин и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», позволяющие потребителю одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара дистанционным способом (договора возмездного оказания услуг дистанционным способом), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи дистанционным способом (договор возмездного оказания услуг дистанционным способом), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу маркетплейса в рамках применяемых форм безналичных расчетов...».

В свою очередь термин «владелец маркетплейса» в Законопроекте № 445923-8 дублирует приведенное выше определение маркетплейса, отличаясь от него лишь фразой «организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин...» – и далее идентично определению термина «маркетплейс».

Однако явление маркетплейсов и их владельцев для целей регулирования отношений по продаже с их посредничеством товаров, работ или услуг еще в 2018 г. было отражено в Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», когда он был дополнен нормами о владельцах агрегатора.

---

¹ Законопроект № 445923-8 «О внесении изменения в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8> (дата обращения: 18.02.2024).

² В законопроекте используется следующая лингвистическая конструкция: «агрегатор информации о товарах (услугах) (далее – маркетплейс)», см. п. 1 ст. 1 Законопроекта № 445923-8.

В соответствии с абз. 13 преамбулы указанного закона владельцами агрегатора являются организации и индивидуальные предприниматели, которые одновременно¹: (1) владеют программой для ЭВМ или сайтом и (или) страницей сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет; (2) предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг); (3) предоставляют потребителю возможность произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов.

Таким образом, определение маркетплейса и его владельца, предложенное в Законопроекте № 445923-8, полностью совпадает по содержанию с понятием «владелец агрегатора», предусмотренном в Законе о защите прав потребителей, на что справедливо обращается внимание в заключениях Правового управления Аппарата Государственной Думы РФ² и Общественной палаты³, в которых указывается на необходимость унификации этих понятий.

Сходное с Законом о защите прав потребителей определение маркетплейса содержится и в Стандартах по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов, утвержденных в октябре 2023 г. Комиссией Минпромторга по созданию условий саморегулирования в электронной торговле⁴: «онлайн-платформа владельца агрегатора... позволяющая потребителю одновременно ознакомиться с предложением продавца товаров о заключении договора купли-продажи товара, заключить с продавцом товаров договор купли-продажи, а также произвести оплату указанного товара путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов».

В свою очередь в приказах Росстата по статистическому наблюдению за торговлей маркетплейсы определены как «цифровые платформы, специализирующиеся на продаже товаров или услуг (через сайт или мобильное приложение)»⁵, а в судебной практике преимущественно определяются как «платформа электронной коммерции, онлайн-магазин электронной торговли, предоставляющий информацию о продукте или услуге третьих лиц, чьи операции обрабатываются оператором маркетплейса»⁶.

Следует отметить, что несмотря на наличие в Законе о защите прав термина «владелец агрегатора»⁷, попытки выделить маркетплейсы в отдельную юридическую сущность в других нормативных правовых актах предпринимались и ранее.

Так, еще в 2021 г. в Государственную Думу РФ был внесен проект федерального закона «О маркетплейсе», в котором также предлагалось ввести понятия «маркетплейс» и «владелец маркетплейса»⁸. Этот законопроект не затрагивал отношения маркетплейсов с продавцами или потребителями, однако при

¹ См. о проблемах квалификации отдельных сервисов как агрегаторов в: Краулин К. К. Пределы гражданско-правовой ответственности владельцев маркетплейсов перед потребителями в РФ и США // *Цифровое право (Digital Law Journal)*. 2022. № 3 (Т. 3). – С. 26–29.

² Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального собрания РФ от 29.11.2023 № вн.2-1/5354 «На проект федерального закона № 445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (первое чтение) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Письмо Общественной палаты РФ от 12.01.2024 № 80П-1/21 «Заключение по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов, утв. Комиссией по созданию условий саморегулирования в электронной торговле в Российской Федерации, Протокол от 03.10.2023 № 15-381 (подписаны 10.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ приказы Росстата от 31.07.2023 № 363 и № 364, от 07.04.2023 № 161, от 30.07.2021 № 463.

⁶ постановления Суда по интеллектуальным правам от 20.12.2023 № С01-2517/2023 по делу № А40-43037/2023, от 31.05.2023 № С01-835/2023 по делу № А40-245994/2021, от 17.11.2022 № С01-1906/2022 по делу № А71-18514/2021, от 15.06.2022 № С01-712/2022 по делу № А40-154619/2020 ; постановления Десятого арбитражного апелляционного суда от 16.11.2022 № 10АП-18144/2022 по делу № А41-6042/2022, от 23.09.2022 № 10АП-13218/2022 по делу № А41-80851/2021, от 14.09.2022 № 10АП-10952/2022 по делу № А41-44938/2021 [и др.]; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 № 88-21607/2023.

⁷ о различиях между терминами «агрегатор» и «маркетплейс» с точки зрения их экономической сущности и устоявшейся рыночной практике в: Бычков А. И. Агрегаторы и маркетплейсы // *Экономико-правовой бюллетень*. 2019. № 12. 160 с.

⁸ Ст. 1 проекта федерального закона № 1015918-7 «О маркетплейсе» (первое чтение) // СПС «КонсультантПлюс».

его рассмотрении было также указано на необходимость соотнесения предложенных дефиниций с существующем в законодательстве понятием владельца агрегатора¹.

Однако в этой части наиболее удачным видится проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским операторам маркетплейсов на компенсацию части затрат, связанных с продвижением продукции на внешних рынках посредством маркетплейса»². В нем маркетплейс предлагалось определить как «сайт... и (или) мобильное приложение, которые предоставляют возможность третьим лицам (продавцам) размещать информацию об их продукции и позволяют покупателям заключать в отношении такой продукции договоры купли-продажи с доставкой продукции в место, указанное покупателем, посредством оформления заказа указанной продукции на маркетплейсе, а также производить оплату по таким договорам», а «оператор маркетплейса» определялся как «юридическое лицо,... которое является владельцем маркетплейса, оказывает продавцам услуги по складскому хранению продукции, ее доставке на внешний рынок до места, указанного покупателем продукции, а также принимает оплату за товары от покупателей продукции и передает вырученные от реализации продукции денежные средства продавцу».

Приведенные определения в отличие от дефиниции владельца агрегатора в Законе о защите прав потребителей не указывают на обязательную возможность внесения потребителем предоплаты посредством маркетплейса, в связи с чем охватывают и платформы-агрегаторы без такого функционала, которые несмотря на это, вероятно, также должны быть охвачены новым регулированием. В противном случае может возникнуть риск выведения маркетплейсов из-под действия нового закона за счет перехода только на модель оплаты при получении в пунктах выдачи заказов.

Подводя итог, представляется, что «маркетплейс» и его «владелец» для целей обсуждаемого комплексного регулирования их деятельности требуют наличия в законодательстве двух самостоятельных дефиниций, что обусловлено в том числе юридической техникой при описании норм в отношении продавцов, покупателей, владельцев пунктов выдачи заказов и других субъектов.

Эти термины надлежит унифицировать с понятием «владельца агрегатора» в Законе о защите прав потребителей с возможным уточнением в целях его распространения не только на маркетплейсы с функционалом по внесению предоплаты покупателем. При этом вместо термина «маркетплейс» в зависимости от сферы действия нового регулирования может быть использован уже существующий в упомянутом законе термин «агрегатор информации о товарах (услугах)» или просто «агрегатор информации о товарах». Указанное позволит избежать коллизий и иных трудностей в правоприменении.

Лихотников Г. М.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Правовые особенности регулирования финансовых экосистем

В ходе анализа современных экономических отношений, можно отчетливо выделить тенденцию на цифровизацию различных сфер рынка. Активное технологическое развитие, доступность мобильных устройств и интернета позволило предоставлять множество услуг, товаров и иных экономических операций гораздо быстрее, проще и выгоднее, минуя лишние издержки.

Современные компании, обнаруживая экономическую необходимость перехода на предоставление своих услуг и товаров интернет-способами, обращаются к созданию цифровых платформ – программных онлайн-инфраструктур, которые облегчают взаимодействие пользователей и транзакций. Однако современное развитие данной отрасли рынка создало в ней огромную конкуренцию за спрос потребителей. И соответствующим ответом, и инновацией стал переход на следующий этап цифрового рынка – организация экономических экосистем.

Составным элементом экосистемы становятся несколько цифровых платформ, объединяющихся и создающих крепкую внутреннюю взаимосвязь между собой. Взаимная интеграция, удобство пользования, общая клиентская база и многие другие выгоды от кооперации платформ создают устойчивую экономическую

---

¹ Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального собрания РФ «По проекту федерального закона № 1015918-7 «О маркетплейсе» (первое чтение) // СПС «КонсультантПлюс».

² Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским операторам маркетплейсов на компенсацию части затрат, связанных с продвижением продукции на внешних рынках посредством маркетплейса» (по состоянию на 29.10.2020) (подготовлен Минпромторгом России, ID проекта 04/12/10-20/00109899) // СПС «КонсультантПлюс».

организацию, способную предоставлять широкий спектр возможностей для пользователя и приносить огромную прибыль. По прогнозам экспертов, деятельность экосистем может составлять до одной трети глобального ВВП¹.

Таким образом, финансовую экосистему можно определить как бизнес-модель персонифицированной направленности, объединяющая между собой два или более юридических лица, предоставляющая различного рода информацию, услуги и товары, которые представлены на единой цифровой платформе в режиме онлайн.

Столь стремительное развитие рынка экосистем и его весомое значения для экономики государства требует от законодателя немалого объема правовой проработки, регламентации и регулирования в целях защиты рынка, потребителей и государственных интересов. Рассматривая потенциальные риски экосистемы, наиболее первостепенными выделяются: угроза монополизация рынка, защита персональных данных клиента и, специфичная для отечественных экосистем, угроза основной банковской деятельности организации. Подробнее рассмотрим каждую из них.

Создание на рынке столь крупного игрока в лице экосистемы, неизбежно будет влиять возможность выхода на рынок малого и среднего бизнеса, и тенденция на расширение сфер влияния экосистемы и наращивание капитала может ухудшить положение дел. Экосистемы могут куда эффективнее привлекать клиентов, как и с помощью ценовых методов, путем демпинга цен из-за эффекта масштаба, так и неценовых методов таких как доверие клиента узнаваемому бренду и предоставления более удобных и стабильных платформ для потребителя, за счет финансовой возможности привлечения первоклассных программистов. Ярким примером может стать деятельность Яндекса по приобретению Uber Russia в 2018, 2023² г. и Delivery Club в 2022 г.³, которое создало преимущественное положение компании в сфере предоставления услуг такси и доставки еды соответственно. Таким образом, без должного правового регулирования и вмешательства антимонопольного законодательства, данная тенденция к монополизации может оказать значительное негативное влияние на развитие экономики государства, на качество и доступность предоставляемых гражданам услуг и товаров.

Взаимосвязь элементов и платформ – ключевая особенность экосистемы, обеспечивающая ее эффективное функционирование. Обеспечивается она за непрерывной циркуляции огромного массива данных о клиенте между сервисами. Адреса, персональные данные, данные банковских аккаунтов, IP-адреса, номера телефонов и другие необходимые данные для оказания услуг сервисами находятся в общих базах крупных экосистем, что делает их достаточно уязвимыми для различных злоумышленников и хакерских атак, и объемы возможных утечек данных могут повлечь за собой значительные последствия. Так, к примеру в феврале 2022 масштабная утечка данных того же Яндекса, привела к публикации в сети данных по разным оценкам около 8 миллионов пользователей⁴. Без должной ответственности для компаний-экосистем и без эффективной правовой базы, принуждающей их к сохранению безопасности данных клиента, может создаться угроза конституционным правам человека и стабильности правопорядка.

Анализируя наиболее крупные зарубежные компании, развивающие свои экосистемы, такие как Apple, Amazon, Facebook, Google, Microsoft и Tencent, можно отметить, что их специфика в том, что в первую очередь технологические корпорации, которые приобрели свою значимость в первую очередь за счет научных разработок, ноу хау, реализации технологичных бизнес-моделей. И лишь во вторую очередь они начали образовывать вокруг себя инфраструктуру, предоставляющую широкий спектр товаров и услуг, образовывать вокруг этого экосистемы. Отечественная специфика экосистем состоит в том, что «первичными» компаниями становятся зачастую банковские организации («Сбербанк», «Альфа-банк», Банк ВТБ, «Тинькофф банк» и др.), аккумулирующие огромное количество финансовых средств, инвестирование которых позволило им развить собственные технологические сервисы и образовать за счет них экосистемы. В свою очередь экосистемы не банковского происхождения («Mail.ru», «МТС», «Яндекс»)⁵ так же активно проникают в сферу деятельности кредитных организаций. Такая отечественная специфика приводит к дополнительным рискам для банковской

¹ Insurance beyond digital: The rise of ecosystems and platforms. McKinsey URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/insurance-beyond-digital-the-rise-of-ecosystems-and-platforms> (дата обращения: 06.03.2024).

² «Яндекс полностью выкупил долю Uber в совместном бизнесе» URL: <https://yandex.ru/company/news/21-04-2023> (дата обращения: 06.03.2024).

³ «Delivery Club становится частью бизнеса Яндекса» URL: <https://yandex.ru/company/news/2022-23-08> (дата обращения: 06.03.2024).

⁴ РБК Эксперты оценили объем попавших в Сеть данных клиентов доставки еды URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/22/05/2022/628686b59a794707c30fe00f (дата обращения: 06.03.2024).

⁵ Например, система ЯндексПэй URL: <https://bank.yandex.ru/pay> (дата обращения: 06.03.2024).

системы РФ, поскольку сфера развития технологических продуктов требует постоянных инновационных ращений, стартапов и других высокорискованных действий, что может создать угрозу для вкладчиков и кредиторов в случае экономически неэффективной деятельности данных организаций.

Рассмотренные риски представляют значение для определения основных направлений для правовой работы, поскольку, в силу особенностей экосистемы, создаваемая угрозы достаточно велика, чтобы не предоставлять возможность решения этих вопросов исключительно рыночным механизмам.

Осознавая это, законодатель уже начал движение в сторону регуляции цифровой экономики. Значимую роль в этом сыграла пандемия коронавируса, сместившая огромный спектр экономических и иных социальных отношений в сторону цифровизации. Так 2020–2022 гг. были изданы ряд федеральных законов организующих политику правового регулирования рынка цифровых услуг и экосистем, такие как Федеральный закон «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» от 20.07.2020 № 211-ФЗ, Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ и ряд нормативных правовых актов Центрального банка РФ о цифровых финансовых активах и финансовых платформ.

По итогам анализа данных нормативных актов, можно прийти к выводу, что законодатель осознает основные проблемы финансовых платформ и экосистем и старается создать правовую базу для регулирования их деятельности. В частности, ст. 12 ФЗ «Федерального закона о совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» устанавливает гарантии защиты личных данных клиента, ст. 8 обеспечивает стабильность финансовой платформы и запрещает на кредитную деятельность операторам и т.д.

Однако при анализе правового регулирования данной сферы не стоит забывать об экономических интересах общества и государства, поскольку, помимо обеспечения защиты интересов потребителя и малых участников рынка, данные нормативные акты обязаны создать устойчивую и эффективную регулятивную среду, которая будет способствовать, а не препятствовать развитию технологически и экономически значимой отрасли. Необходимо найти тонкий баланс интересов операторов экосистем и ее пользователей, поскольку данный рынок инновационный и находится на этапе своего становления. Излишне строгая и жесткая регуляция может навредить как самой отрасли, лишив экономику технологического развития и изрядной доли экономической прибыли, так и навредить пользователям лишив их достаточно эффективной и удобной экономической системы, значительно ускоряющей и упрощающей процесс взаимодействия между разными отраслями. Так же стоит заметить, что несмотря на риски монополизации данные системы, наоборот, стимулируют некоторые секторы рынка и предоставляют им более удобные экономические инструменты для выхода на рынок малого и среднего бизнеса. Такими секторами можно выделить рынок потребительских товаров, значительно расширяющийся за счет возможностей экосистем маркетплейсов таких как Ozon и Wildberries¹, сектор продажи пищевой продукции за счет Сбермаркета и Яндекс Доставки и многих других экосистем.

В заключении хотелось бы отметить, что несмотря на большие риски развития экосистем, очевидны так же и экономические выгоды от их расширения. И перед законодателем стоит сложная задача по созданию устойчивого правового поля, для стимулирования развития перспективной отрасли с учетом важности защиты рынка от монополии, защиты персональных данных и прав клиента, регулирование которых должно осуществляться с минимальным вредом для операторов и организаторов настоящих и будущих экосистем.

Магомедов Д. М.

Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ РПА (Минюста России)
студент

Новая область для развития бизнеса в Российской Федерации: частные военные компании

В современном мире военные услуги пользуются достаточно большим спросом, из-за чего начали появляться частные военные компании – те, кто оказывают эти услуги. Бывают случаи, когда привлечение обычной армии невозможно, и для выполнения определенных задач привлекаются частные военные компании.

Что же такое ЧВК? Возьмем определение из «документа Монтрё». ЧВК – это частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги, независимо от того, как

---

¹ Forbes Ozon: институт развития предпринимательства URL: <https://club.forbes.ru/artem-afanasiev/ozon-institut-razvitiya-predprinimatelstva> (дата обращения: 06.03.2024).

они себя характеризуют. Военные и охранные услуги включают, в частности, вооруженную охрану и защиту людей и объектов, например транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатацию боевых комплексов; содержание под стражей заключенных; и консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников¹.

Политика в отношении деятельности военных организаций и, как следствие, меры по регулированию и ограничению этой деятельности в разных регионах складывались в разное время. В условиях современности такие компании характеризуются как предприятия, осуществляющие деятельность в сфере охраны важнейших военно-стратегических объектов, защиты граждан путем участия таких подразделений в военных конфликтах, а также сбора разведывательных данных и построения стратегических направлений деятельности².

Регулирование частных военных компаний неоднозначно и хотя стремится к унификации, все-таки некоторые государства, а в частности Российская Федерация на законодательном уровне запрещает создание вооруженных формирований, а руководство такими организациями и их финансирование карается законом. Но, несмотря на это, в России существует несколько частных военных компаний, это «РСБ-Групп», а также всеми известная «Вагнер-Групп» – они так же входят в список самых известных ЧВК мира³.

Ввиду сложившейся политической ситуации, Российские ЧВК зарекомендовали себя как надежный союзник в достижении внешнеполитических целей РФ. Здесь можно вспомнить о деятельности «Вагнер-Групп» на территории СВО.

Также следует отметить, что «ЧВК Вагнер» отстаивает и защищает интересы Российской Федерации и ее партнеров на территории Африки. С 2017 года «Вагнер-Групп» начала свою деятельность в нескольких африканских странах, где многие из ее операций сосредоточены на вопросах безопасности. Она часто предоставляла и предоставляет услуги безопасности и военизированной помощи. Проводила кампании по дезинформации проблемных режимов в обмен на уступки в ресурсах и дипломатическую поддержку. «Вагнер» наиболее активен в Центральноафриканской Республике (ЦАР), Ливии, Мали и Судане, все из которых имеют непростые отношения с Западом из-за колониального наследия и присущих им политических разногласий⁴.

Но есть и обратная сторона ЧВК, также связанная с деятельностью «Вагнер-Групп». Речь идет безусловно о событиях 24 июня 2023 года, которые были названы «Маршем справедливости» или же «Мятежом Пригожина». Что, собственно, произошло из-за отсутствия регламентированного закона «О ЧВК», который бы непосредственно регулировал бы деятельность «Вагнер».

Необходимым является создание Федерального закона (как это сделано с частной охранной деятельностью в РФ), который установит правовое положение ЧВК в России. Он должен отделить легальные ЧВК – те, которые действуют в соответствии с действующим законодательством и в интересах России от нелегальных, противоречащих интересам РФ и нарушающих закон.

Считаем необходимым также привести и мнение Владимира Владимировича Путина по вопросу о деятельности ЧВК.

В 2012 году В. В. Путин, занимающий на тот момент должность премьер-министра, поддержал идею создания системы ЧВК. Был разработан проект, по условиям которого частные военные компании могут существовать в форме ООО, подлежат аккредитации на 5 лет, могут оказывать три вида услуг: военные, охранные и консультативные, в случае военного положения ЧВК станут резервом Министерства обороны РФ, но данный законопроект был снят с рассмотрения⁵.

Если сделать ЧВК законными, то нужно одним из первых шагов пересмотреть статью о наемничестве, ибо запрет на действия с целью получения материального вознаграждения за участие в военных действиях лицам, не являющимися гражданами одной из сторон конфликта, значительно снижает количество стран, в которых ЧВК смогут осуществлять свою деятельность. При создании законодательства, регулирующего

¹ Документ Монтрё // [newsb.ru URL: https://newsb.ru/wp-content/docs/montre.pdf](https://newsb.ru/wp-content/docs/montre.pdf) (дата обращения: 05.10.2023).

² Слепенков В. А. Частные военные компании в международном измерении: принципы регулирования деятельности / В. А. Слепенков // Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии. 2022. № 31 (дата обращения: 05.10.2023).

³ Астапова А. А. Правовое понятие наемничества. Сравнительный анализ наемнической деятельности и частных военных компаний / А. А. Астапова // ЮЗГУ. 2022. № 34 (дата обращения: 10.09.2023).

⁴ Алмазы из Африки и ближневосточная нефть: как зарабатывает ЧВК «Вагнер» // [trtrussian.com URL: https://www.trtrussian.com/magazine/almaz-y-iz-afriki-i-blizhnvestochnaya-neft-kak-zarabatyvaet-chvk-vagner-12431370](https://www.trtrussian.com/magazine/almaz-y-iz-afriki-i-blizhnvestochnaya-neft-kak-zarabatyvaet-chvk-vagner-12431370) (дата обращения: 05.10.2023).

⁵ Путин поддержал идею создания в России частных военных компаний // [ria.ru URL: https://ria.ru/20120411/623227984.html](https://ria.ru/20120411/623227984.html) (дата обращения: 05.10.2023).

деятельность ЧВК, можно принять во внимание «Документ Монтрё», который хотя и не имеет юридической силы, но может быть основанием для создания необходимой нормативной правовой базы¹.

Как бы небыли закреплены в мировом правовом поле ЧВК посредством: Документа Монтрё, Международного Кодекса поведения ЧВК, актов Ассоциации Международного Кодекса ЧВК данная деятельность нуждается в полноценном правовом регулировании как для России, так и для иностранных государств. Следует выделить такие аспекты как:

1. В первую очередь это закрепление статуса сотрудника частной военной и охранной компании с разграничением данной деятельности от наемничества. Для того чтобы отделить ЧВК от статуса наемников, следует наделить их статусом юридического лица. Это позволит им с момента получения лицензии легально осуществлять свою профессиональную деятельность;

2. Установление в соответствии с международным правом уголовной ответственности за различные преступления, пресечение деятельности ЧВК в офшорных зонах и зонах криминалитета;

3. Установление компетентного органа реализующий надзор за всей подотчетной деятельностью ЧВК в том числе надзор за кадровой политикой и зарубежного участия по государственным контрактам, установление реестра компаний данной деятельности с учетом лиц там состоящих;

4. Заинтересованность в пополнении штата ЧВК бывшими военными, ветеранами боевых действий и специалистами узкого военного профиля для предотвращения присоединения данного круга лиц к организованной преступности;

5. Оказание услуг, связанных с участием ЧВК в военных действиях, строго по договору между ЧВК и страной-нанимательницей;

6. Подчиненность ЧВК государственным структурам страны нанимательницы;

7. Права ЧВК на территории страны-нанимательницы².

Именно для того, чтобы предотвратить плачевные случаи, и необходимо создание нормативной базы регулирования ЧВК.

Также нужно отметить зарубежный опыт в этой области. В ряде стран есть законы, регулирующие деятельность ЧВК. Однако у компаний есть возможности обходить эти ограничения. Во многих же государствах законодательство, касающееся ЧВК, отсутствует. Так, в Австрии и Германии не предусмотрены нормы для индустрии частной военной и охранной деятельности. В этих странах придерживаются регулирования, характерного для коммерческих компаний. В законодательстве Великобритании также нет упоминаний о ЧВК и военно-охранной деятельности (предпринимательстве), но имеются акты, регламентирующие вопросы частных охранных организаций, которым в том числе разрешается предоставлять соответствующие услуги гражданским и военным заказчикам за рубежом. Ряд государств Европейского Союза осуществляет контроль экспорта услуг по подготовке и обучению персонала для использования военных технологий. В частности, Чехия, Венгрия и Италия требуют наличия специальных лицензий на любые услуги по обучению, связанному с использованием вооружений, а Эстония и Польша регулируют также предоставление консультационных услуг в отношении товаров военного назначения, включая «техническую поддержку, касающуюся усовершенствования, производства, сборки, тестирования, ремонта, транспортировки и хранения товаров военного назначения или любые другие связанные с ними услуги». В Швеции в отдельную категорию лицензирования выделено «обучение в военных целях»³.

Подводя итоги ко всей сделанной работе, мы можем сказать, что такое ЧВК, для чего он был создан и как используется в мире. Какие есть цели и задачи у ЧВК.

Также необходимо отметить, что действующие ЧВК помимо того, что никак не зарегистрированы, они также не платят налоги. Здесь можно вспомнить случай, связанный с Мятажом Пригожина, когда у последнего попытались изъять 4 миллиарда рублей. Следует понимать, что это далеко не весь заработок ЧВК «Вагнер» за год.

Анализируя вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что ЧВК перспективная форма ведения бизнеса в будущем, для функционирования которой необходимо принять закон, регулирующий ее деятельность.

---

¹ Крикунов Д. Д. Правовой статус частных военных компаний в современном мире / Д. Д. Крикунов // Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 2019. № 24 (дата обращения: 10.09.2023).

² Копытов С. Л. Причины возникновения, особенности применения и нормативный потенциал частных военных компаний / С. Л. Копытов // ВИПЭ ФСИН России. 2022. № 27 (дата обращения: 10.09.2023).

³ Что известно о частных военных компаниях и их правовом статусе в разных странах // tass.ru URL: <https://tass.ru/info/17079899/> (дата обращения: 05.10.2023).

Таким образом мы можем сделать вывод о том, что в нынешней ситуации в мире, да и, в частности, в России ЧВК является необходимым и важным элементом и способом реализации защиты интересов Российской Федерации в военных конфликтах, а также в различных областях по всему миру. ЧВК способствует интересам России там, где не может быть введены официальные вооруженные силы. По этой причине должен быть принят и реализован федеральный закон о деятельности ЧВК.

Малышева А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Страховая защита интересов предпринимателя от киберрисков

В настоящее время в условиях цифровизации и автоматизации бизнес-процессов особенно актуальной становится проблема киберугроз и киберпреступлений, совершаемых в отношении организаций по всему миру. Число кибератак с каждым годом увеличивается, особенный рост пришелся на период пандемии COVID-19 в 2020 году, когда организовывался преимущественно дистанционный формат работы предприятий. Эксперты отмечают непрерывный рост числа уникальных киберинцидентов и заражений вредоносным программным обеспечением. По данным «РТК-Солар», полученным в ходе опроса, посвященного качеству инвестиций в кибербезопасность, не менее 20 миллионов рублей в год без учета репутационных потерь компании теряют от кибератак, которые реализуются в отношении организаций почти каждый месяц¹.

Основной подход, который нашел свое отражение в российском законодательстве и юридической доктрине, заключается в отнесении кибербезопасности к одному из направлений информационной безопасности. Государство системно обеспечивает информационную безопасность, однако развитие правовых средств обеспечения кибербезопасности в России значительно отстает от технических, организационных, программно-аппаратных и иных. На данный момент законодательство в сфере кибербезопасности представлено актами стратегического планирования², специальными нормами о защите персональных данных от утечек и противодействию киберинцидентам, комплексом норм о защите информационной инфраструктуры. В этой связи признается необходимым развивать законодательство, в котором отражались бы угрозы и меры, которые необходимо предпринимать для защиты от них.

Одним из возможных методов защиты интересов предпринимателей в условиях развивающейся законодательной базы в сфере информационной безопасности является киберстрахование – страховой продукт по защите информационных рисков компаний, чья деятельность связана с обработкой и хранением данных. Страховщики разрабатывают правила страхования киберрисков, основываясь на собственном и зарубежном опыте, однако указанный вид страхования является относительно новым и требует изучения. Основными проблемами в указанной сфере являются отсутствие понимания сути киберстрахования, убеждение в том, что надежная и дорогостоящая кибергигиена способна исключить киберриски и убытки, которые они могут повлечь, а также сложность определения страхового случая и ограниченное покрытие рисков из-за отсутствия стандартизированных правил страхования.

В зависимости от объекта страхования делится на имущественное и личное, киберстрахование относится к имущественному страхованию, так как объектом являются интересы, связанные с имуществом. Киберстрахование является так называемым комплексным страхованием, включая объекты разных видов имущественного страхования, представляющие собой имущественные интересы, связанные с: риском утраты (гибели) недостачи или повреждения имущества, риском ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда имуществу других лиц, риском убытков от предпринимательской деятельности, риском неполучения доходов³.

В силу специфики договора киберстрахования перечень имущества, подлежащего страхованию, может определяться по-разному в зависимости от правил, принятых страховщиком. Благодаря конкретизации страховщик получает возможность просчитать риски и предложить подходящие страхователю условия договора. Страхование киберрисков может распространяться на производственное и компьютерное

---

¹ Сетевое издание РИА Новости: Исследование показало, сколько ущерба нанесли хакеры российским компаниям // URL: <https://ria.ru/20230906/uscherb-1894430533.html> (дата обращения: 05.03.2024) ;

² Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2022 № 4088-р «Об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 52. Ст. 9726 ;

³ п. 4 ст. 4 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015–1 (ред. от 04.08.2023) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Официальный интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> – 04.08.2023;

оборудование; готовую продукцию, сырье и материалы; денежные средства и акции; компьютерные программы (причем только лицензионное программное обеспечение); электронные базы данных (включая электронные данные); «облачные» сервисы; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Страховой риск по договору киберстрахования напрямую связан с инцидентом, повлекшим нарушение кибербезопасности. Причинами такого инцидента может стать шифрование данных, блокировка или создание помех в работе информационной системы или браузеров программой-вымогателем, нарушение работоспособности информационной системы, вызванное вредоносным программным обеспечением, DoS/DDoS-атаки, APT-атаки (целевые атаки), подключение компьютера к ботнету вследствие заражения системы вирусом через уязвимость программного обеспечения, невнимательности пользователя (маскировка под «полезное содержимое»), использование санкционированного доступа к компьютеру, Kill Chain («убийственная цепочка»).

В силу высокой вероятности наступления страхового случая страховщики расширяют перечень исключений из страхования и оснований для отказа в выплате страхового возмещения. Например, из страхования исключаются события, которые связаны с противоправными действиями работников страхователя, субподрядчиков, работников дочерних обществ страхователя, события, связанные со стихийными бедствиями или обстоятельствами непреодолимой силы (война, массовые беспорядки и т.д.). При страховании от убытков в результате перерыва в хозяйственной деятельности не подлежат возмещению убытки, если во время такого перерыва наступают события, носящие чрезвычайный характер и увеличивающие перерыв в хозяйственной деятельности, к исключению также относится перерыв, увеличенный в результате рассмотрения дел в суде или арбитраже¹. Исключаются из страхования также киберинциденты в отношении программного обеспечения, если оно является нелицензионным (нарушает патентные, лицензионные или авторские права)². К исключениям также относится неспособность системы страхователя справиться с количеством запросов, на которое она изначально не была рассчитана, только если такое количество запросов не возникло в результате нарушения кибербезопасности.

На данный момент в России среди страховщиков отсутствует единообразное понимание перечня страховых рисков в договорах киберстрахования, при этом круг рисков, подлежащих страхованию, существенно сужается страховщиками путем установления исключений. В целях развития отечественного киберстрахования и повышения спроса на указанный страховой продукт необходимо объединить общие усилия страховых компаний. Также целесообразной будет унификация таких понятий, как страховой риск и страховой случай в нормативных правовых актах и стандартах оказания страховых услуг.

Нараева Е. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Комплаенс как метод минимизации рисков

Перед многими публичными акционерными обществами стоит вечный вопрос: как наиболее эффективно осуществлять корпоративное управление, какими инструментами воспользоваться? И один из самых очевидных ответов на этот вопрос содержится в применении системы управления рисками и внутреннего контроля в деятельности общества. Постепенно функция управления рисками стала приобретать все более важное значение, переходя из разряда консультативной в контрольную, просто установить стандарты работы становится недостаточно, необходимо осуществлять надзор за соблюдением необходимых процедур и действий. С 2018 года статус положений о системе управления рисками и о применении внутреннего контроля является императивным в силу законодательных положений — так, Закон содержит положения, закрепляющие обязанность не только по организации системы управления рисками и внутреннего контроля³,

---

¹ Правила комплексного страхования имущественных интересов юридических лиц от инцидентов, связанных с нарушением кибербезопасности, № 36.2 // Приказ генерального директора ООО СК «Сбербанк страхование» от 22.11.2022 № 551;

² Правила страхования информационных рисков // Приказ генерального директора СПАО «Ингосстрах» от 30.04.2019 № 181.

³ п. 1 ст. 87.1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета. 2009. № 252.

но и по проведению внутреннего аудита на оценку надежность и безопасность данных систем¹. В связи с этим актуальность в исследовании вопросов корпоративного комплаенса только возрастает.

Прежде чем глубже погружаться в предметную область, необходимо заложить сущностные основы комплаенса. Термин «комплаенс» (от англ. compliance – соответствие, согласие) означает действие в соответствии с запросом или указанием, соответствие каким-либо внутренним или внешним требованиям. Иными словами, комплаенс – это соблюдение правил, законов, стандартов и политик или соответствие им.

Как система организационных и управленческих действий комплаенс включает следующие компоненты:

- меры по организации соблюдения законов, нормативных правовых актов, внутренних документов, стандартов;
- меры по контролю за соблюдением правил и норм, содержащихся в законах, иных нормативных правовых актах, внутренних документах, стандартах;
- выявление нарушений таких норм и правил;
- оценка рисков выявленных нарушений с точки зрения применения тех или иных санкций со стороны государственных регулирующих и контролирующих органов, контрагентов, акционеров, оценка финансовых и репутационных потерь в результате несоблюдения организацией законов, инструкций, правил, стандартов или кодексов поведения;
- устранение выявленных нарушений, а также разработка мер по предупреждению нарушений в будущем (путем принятия необходимых внутренних документов, их новых редакций и пр.)².

Любые контрольные функции имеют своей целью сведения на нет вероятности возникновения любого риска и/или смягчение последствий его реализации³. Под минимизацией последствий подразумевается, что сотрудники организации знают, что они будут делать при реализации риска и каким будет их дальнейший алгоритм действий в каждом конкретном сценарии развития событий.

В России термин «комплаенс-контроль» впервые был введен в банковской сфере в 1999 году – в соответствии с Указанием ЦБ РФ он под собой имел в виду «внутренний контроль за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитной организации»⁴. Таким образом, Банк России стал первым регулятором, который закрепил правовой статус комплаенс-системы.

С тех пор прошло более 20 лет, заметен очевидный прогресс среди российских компаний в осознании важности раскрытия всех необходимых показателей их бизнес-моделей, в том числе в сфере управления рисками и преодоления конфликта интересов. Этому способствовало принятие Кодекса корпоративного управления, вопреки тому, что содержание ключевых понятий в нем подробно не раскрывалось и сам Кодекс носил исключительно рекомендательный характер. Документ повлиял в целом на общий климат предпринимательской среды, закрепив основные положения конструктивных коммуникаций как между компаниями, так и внутри их.

Постепенно применение комплаенса популяризировалось и в других отраслях права, в том числе в санкционном, антимонопольном и корпоративном праве. Последний вид комплаенса разберем более подробно.

С практической точки зрения корпоративный комплаенс включает разработку внутренней системы политик и мер по контролю, выявлению и предупреждению нарушений законодательства⁵. Данный процесс достаточно трудоёмок, так как необходимо предусмотреть систему нормативных актов, которая отличалась бы гибкостью, способностью быстро реагировать на нововведения и изменения. Но несмотря на это, процедура создания комплаенса это большая инвестиция, которая поможет организации в перспективе сохранить как материальные, так и трудовые ресурсы. Таким образом можно предупредить большое количество рисков и предусмотреть наиболее эффективные методы управления хозяйственным обществом.

---

¹ п. 2 ст. 87.1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета. 2009. № 252.

² Амброжевич О. Комплаенс. С ним или без него // Вестник Национальной ассоциации участников фондового рынка. 2011. № 9. С. 56 ; Беляева И. Ю., Козлова Н. П. Репутационные риски компании // Экономические системы. 2014. № 3. С. 28–33.

³ Черепанова В. А. Комплаенс-программа организации // М. : Инфра-М, 2016. С. 12.

⁴ Указание ЦБ РФ от 7 июля 1999 г. № 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях» // Вестник Банка России. 1999. № 41.

⁵ Батаева Б. С. Перспективы развития комплаенса как средства улучшения корпоративного управления в российских компаниях / Б. С. Батаева, В. А. Черепанова // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 5. С. 30–36.

Любая корпоративная организация имеет свою систему управления рисками и внутреннего контроля и осуществляет ее через органы корпорации в соответствии с закрепленными в законе и учредительных документах полномочиями. Другое дело, что в зависимости от организационно-правовой формы корпорации будут определяться и требования к порядку организации системы управления рисками и внутреннего контроля. Проиллюстрировать данный тезис предлагаю следующим примером: создание ревизионной комиссии в непубличном акционерном обществе является обязательным, если уставом непубличного общества не предусмотрено отсутствие ревизионной комиссии или создание ее в исключительных случаях. Однако в свою очередь для публичных акционерных обществ наоборот закрепляется обязанность по формированию ревизионной комиссии в предусмотренных уставом случаях¹. Как мы видим, уставные документы имеют одну из важнейших ролей в определении системы внутреннего контроля и на практике существует много примеров, подтверждающих данный тезис.

Очевидно, что корпоративный комплаенс в России реализуется в основном через контроль, функционал которого нацелен на недопущения нарушений антикоррупционного законодательства. Это не в должной мере отвечает целям устойчивого развития компаний. Традиционная для отечественного бизнеса модель комплаенс-контроля нуждается в глубокой проработке новой парадигмы, концепции комплаенс-менеджмента. Если следовать мировым практикам, фундамент нового подхода должны составить такие принципы, как:

- добровольность (исключением могут стать банковский, страховой бизнес, а также государственные корпорации и компании);
- соразмерность системы контроля и значимых для деятельности организации факторов;
- ответственность комплаенс-структур за общий контроль в управлении комплаенс-рисками;
- соответствие комплаенс-процедур потенциальным рискам;
- открытость комплаенс-процедур;
- неотвратимость наказания;
- неукоснительное соблюдение принципов деловой этики.

Большим недостатком существующей комплаенс-системы выступает сложившаяся практика в отдельных компаниях подчинения сотрудников, отвечающих за выявление нарушений во внутренних политиках и в законодательстве, генеральному директору. Представляется, что данная схема управления не будет отвечать критериям эффективности и надежности в силу заинтересованности генерального директора в результатах проверки. Более оптимальным вариантом является установление отчетности совету директоров, так как именно этот орган обеспечивает стратегическую работу всего хозяйственного общества и осуществляет руководство. В связи с этим предлагаю включить в соответствующие нормативные правовые акты дополнительное полномочие для совета директоров по координации и контролю комплаенс-службы, вплоть до принятия участия в управлении основными рисками.

Новая парадигма комплаенс потребует от российского бизнеса новых инвестиций для автоматизации комплаенс-процессов. Именно автоматизация позволяет совершенствовать функции комплаенс-менеджмента, обеспечивая точность данных, повышая качество оценки комплаенс-рисков, мониторинга, управления инцидентами и скорость выявления подозрительных ситуаций.

Перемит Н. В.

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ВГУЮ (РПА Минюста России)

Студент

О правовых инструментах достижения высокого качества корпоративного управления в рамках ESG-стратегий: опыт российской коммерческой практики

Сегодня управленческим стратегиям в бизнес-среде уделяется пристальное внимание. Такая фокусировка логична, поскольку воплощает идею успешного целеполагания, на которой основывается предпринимательская деятельность как таковая. Теория менеджмента исходит из дифференциации управления на категории внешнего и внутреннего (или самоуправления). Очевидно, что различие проводится по субъектному критерию: в первом случае субъект управления – внешний по отношению к объекту, во втором – имеет место дополнительное усложнение субъекта управления с выделением в нем самом управляемого объекта. То есть о системности речь заходит только во втором случае.

---

¹ п. 1 ст. 85 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета. 2009. № 252.

Юридическое лицо (компания), конечно, — пример социальной микросистемы. При этом мы отталкиваемся от материального понятия о юридическом лице, включающего обособленное имущество, переданное ему в процессе создания его участниками для достижения определенной цели. Причем цель эта настолько превышает средства отдельных лиц, что «об изолированном преследовании [ее] не может быть и речи»¹. Именно в этой цели и кроется важность корпоративного управления.

Тематика предназначения конструкции юридического лица достаточно глубоко исследована. Однако, дабы не слишком отступать от темы, остановимся на двух подходах, имеющих в контексте представленной темы принципиальное значение. Их можно обозначить терминами «экономический» и «юридический».

Первый касается способа оформления (модели) ведения бизнеса. Предназначение компании формулируется в целом так же, как и предназначение любой другой формы (при единстве содержания): получение прибыли — имущественного прироста. Достаточно распространенная в англо-американской правовой системе, эта идея встречает некоторое неприятие в российской правовой науке. Одним из самых категорических критиков экономического подхода является Е. А. Суханов. В своих трудах он отстаивает принципиальную инородность воспринятых из англо-американского права конструктов, в первую очередь потому, что взгляд на компанию как на сеть контрактов (net of contracts) приводит только к дополнительному государственному вмешательству и не является в подлинном смысле правовым².

Поэтому логичным представляется принять строго юридический подход, согласно которому юридическое лицо — это субъект гражданских прав, обладающий обособленным имуществом, несущим самостоятельно гражданско-правовую ответственность в пределах этого имущества. И при таком решении вопроса о природе компании мы увидим совсем иное ее предназначение: защита прав и законных интересов участников оборота. Не только участников юридического лица, но и других лиц, вступающих с ними в имущественные отношения (кредиторов, контрагентов).

Таким образом, юридическое лицо есть микросистема с внутренним управлением всеми ее составляющими, целью которой является наиболее полная защита прав и законных интересов участников гражданского оборота, включенных в общественные отношения, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности.

Однако современное положение дел указывает на необходимость изменения самой идеи «эффективности бизнеса» в сторону ее расширения через целевой критерий. Такие мнения сейчас высказываются в рамках ESG-повестки, пустившей корни практически во все более или менее крупные корпоративные структуры. Сама концепция ESG на данном этапе в представлении не нуждается. В сущности, она исчерпывается раскрытием аббревиатуры: экология, социальная ответственность и высококачественное управление. Сейчас она стремительно распространяется, и, по разным оценкам, к 2025 г. активы ESG-фондов вырастут до 50-60 трлн долларов из 120 трлн общих³.

Высокое качество корпоративного управления — это одна из составляющих «триады» устойчивого развития. Акцент смещается на социальную «миссию» бизнеса, его роль в системе институтов общества. Мы считаем важным поднять вопрос о критериях качества корпоративного управления. Суть его состоит в том, чтобы выяснить, какие из них соответствуют концепции устойчивого развития, а какие, напротив, для нее не подходят.

Существует несколько подходов, начиная с вошедших в основу концепции устойчивого развития, заканчивая предложенными совсем недавно; подробному их описанию и разъяснению уже посвящены некоторые обстоятельные исследования⁴. Поэтому целесообразно выявить наиболее удачные решения каждого из подходов и на их основе разработать некое комплексное решение, которое бы нашло широкое применение в российских компаниях.

Принятая в 2022 г. Директива Европейского Союза об обеспечении корпорациями устойчивого развития (Corporate Sustainability Due Diligence and amending Directive, Директива) обращает внимание на так называемые «непредвиденные репутационные риски», правда только в отношении наиболее крупных

¹ Иеринг Р. фон. Цель в праве / под ред. В. Р. Лицкого. СПб. : Н. В. Муравьев, 1881. С. 161.

² Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014. С. 23–25; О предмете корпоративного права // Актуальные проблемы частного права: Сб. статей к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова. Москва Екатеринбург / отв. ред. Б. М. Гонгало, В. Ем. М. : Статут, 2014. С. 227–249 и другие.

³ Снесарь Д. ESG: всерьез, надолго, зелено (опубликовано в газете «Ведомости»). URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/04/26/867742-esg-vserez> (дата обращения: 20.12.2023).

⁴ Корпоративное управление в контексте ESG: новое понимание устойчивости. Аналитика профессоров и аспирантов университета Перуджи; эмпирические данные ESG-рейтинга устойчивого корпоративного управления (совместная разработка АКР «Да-Стратегия» и Университета Перуджи) (опубликовано на сайте АКР «Да-Стратегия»). URL: <http://corprtransparency.ru/analytics> (дата обращения: 20.12.2023).

компаний (large companies). Соблюдение прав человека и нейтрализация различных аспектов негативного влияния на окружающую среду предлагается включить в обязанности директоров компаний (стр. 20). Вернее, правильнее будет сказать, расширению подлежит основная обязанность директора: действовать в интересах юридического лица, проявляя качество, названное в российском праве разумностью (в судебной практике, сформированной Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации (ВАС РФ)¹, и в доктрине подчеркивается, что правильнее интерпретировать duty of care юрисдикций общего права как проявление заботливости²). Соответствующие правила подлежат включению в корпоративные правила и стратегии (стр. 54).

Однако предложенное Директивой регулирование с учетом позиции стейкхолдеров (stakeholder – в буквальном смысле любая заинтересованная сторона) и продиктованное социальной ответственностью бизнеса не представляется возможным реализовать в условиях своеобразия положения российских корпораций и современного состояния экономики нашей страны. Даже несмотря на все более и более положительные оценки ESG-повестки со стороны российских предпринимателей и инвесторов³, ее внедрение задерживается.

Во многом это связано с отсутствием модели реальной ответственности в связи с неопределенностью в отношении субъектов, которые при справедливом распределении корпоративных рычагов влияния должны ее нести. Предлагаем начинать работу в этом направлении с того, в чем мы видим корень проблемы и основную причину отставания России в достижении целей устойчивого развития – с усовершенствования структуры органов управления, в частности и в первую очередь Совета директоров. Компаниям необходимо уделять внимание точно функциям отдельных директоров, их взаимодействию друг с другом и с участниками юридического лица.

Не менее значимый аспект – создание контрольных подразделений в корпорациях, по сути, представляющих собой классический европейский Наблюдательный совет. В дальнейшем дифференциация этого управленческого органа позволит установить ответственных за реализацию внутреннего контроля в компании, частично избавив директоров от учета всех возможных рисков, исходящих от стейкхолдеров с их многогранными интересами и потребностями.

Как промежуточное звено между Советом директоров и участниками Наблюдательный совет и последующая специализация отдельных его участников позволит:

- 1) надлежащим образом учесть цели устойчивого развития (в рамках концепции ESG) и оценить, способна ли компания к планомерной их реализации и, если способна, то в какой мере;
- 2) защитить интересы миноритарных акционеров от принятия необдуманных управленческих решений руководством компании или иного нарушения их прав и законных интересов;
- 3) обеспечить контроль за акционерами с целью выявления среди них «активистов», стремящихся к быстрому извлечению прибыли в ущерб долгосрочным инвестициям; борясь тем самым с практически коммерчески экстремистским шрот-терминизмом;
- 4) наконец, продолжить совершенствование составляющих duty of care директора, установление его более четких границ и уяснение, что для каждой компании подлежит включению в обязанности единоличного исполнительного органа.

Резюмируя, можно сказать о недостатке внимания к внутреннему контролю в отечественной системе корпоративного управления, что препятствует достижению целей устойчивого развития. Исправление этого недостатка посредством предложенных правовых инструментов позволит модифицировать отечественное корпоративное право с учетом веяний устойчивого развития.

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 22.05.2007 № 871/07 по делу № А32-56380/2005-26/1596 // Вестник ВАС РФ. 2007. № 8.

² Шиткина И. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: классическая доктрина и современные тенденции правоприменения // Хозяйство и право. 2013. № 3. С. 3–18; Брисов Ю. В. Ответственность исполнительного органа юридического лица за недобросовестные и/или неразумные действия. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 2. С. 297.

³ Устойчивое развитие в стратегии российского бизнеса. Сборник корпоративных практик. М. : Российский Союз Промышленников и Предпринимателей, 2023. С. 6–9.

Петров И. А.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Понятие и принципы антикоррупционного комплаенса в бизнесе и проблемы в их реализации

Пройдя путь от факультативной консультации по вопросам коррупционных рисков, антикоррупционный комплаенс возрос в своей значимости в геометрической прогрессии, а вместе с этим увеличил свое присутствие в деятельности многих бизнесов и организаций. Реализуется он путем сложившейся в частном секторе практики реализации требований ст. 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (далее – Федеральный закон № 273), предусматривающей реализацию организациями мер по предупреждению коррупции, в целом установившихся как типичные по форме, чего нельзя сказать об их содержании. Особенности деятельности организаций неизбежно приводят к возникновению уникальных, специфических черт регулирования антикоррупционных рисков.

Легального определения понятия «антикоррупционный комплаенс» законодательство на сегодняшний день не содержит, что, по нашему мнению, является одной из проблем, сказывающихся на практике правоприменения. Изучив доктринальные позиции по рассматриваемому вопросу, антикоррупционный комплаенс в бизнесе – это комплекс регулярных мер по гарантированию соответствия деятельности компании требованиям актуального законодательства и иным нормативным документам-регуляторам, а также формирование внутри предприятия механизмов анализа и оценки рисков коррупционно небезопасных аспектов деятельности и обеспечение абсолютной защиты бизнеса от угроз.

Изначальные комплаенс-принципы были введены для банков и обрели регулирование после принятия в 2005 г. Базельским комитетом по банковскому надзору одноименного документа¹.

Основополагающим принципом является «Законность», который представляет из себя абсолютное соответствие антикоррупционной политики российскому и иностранному законодательству, а также иным действующим общепринятым нормам. Следование фирмами принципу законности предполагает создание системы противодействия коррупции, которая бы отвечала требованиям действующего законодательства и учитывала актуальную мировую практику- концепции, выражающейся в отказе от злостного использования компанией пробелов в законодательстве, что формально может не нарушать нормы права, но точно наносит ущерб иным институтам и гражданам.

Еще одним действующим принципом является «Приоритет мер предупреждения коррупции», подразумевающий ориентацию организации на реализацию превентивных антикоррупционных мероприятий и ориентацию на внедрение препятствующих нарушению действующих норм процедур.

Среди основных принципов называется «Абсолютная нетерпимость к коррупции», определяющий особое отношение организаций к коррупционным действиям². То есть способствует выработке полной нетерпимости ко взяточничеству как специальному аппарату управления и регулирования деятельности предприятий, а также формированию коллективного отторжения коррупции в привычном поведении членов организации.

Первой страной, выведшее противоборство коррупции в сферу законодательного регулирования, были США. В 1977 г. принятый Конгрессом США закон возвел подкуп должностных лиц иностранных государств в категорию уголовных преступлений, а также вывел из-под запрета возможность осуществлять подобные платежи иностранным публичным образованиям и лицам для обеспечения продвижения правительственных интересов в другой стране³.

В России существует серьезная проблема внедрения антикоррупционного комплаенса в организации, которые зачастую вводят его в политику своих предприятий лишь формально, не принимая никаких мер для его поддержки. Кроме того, важной проблемой являются двойные стандарты для руководящего состава и его сотрудников. Так как в меру отсутствия личного примера со стороны руководства и принципа полного

---

¹ О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору: письмо Банка России от 2 ноября 2007 г. № 173-Т // СПС «КонсультантПлюс»: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72313/ (дата обращения: 01.03.2024).

² Федеральный закон « О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273 // СЗ РФ. – Ст. 6.

³ U.S. C. United States Code, 2021 Edition Title 15 – Commerce and Trade Chapter 2b – Securities Exchanges Sec. 78dd-1 – Prohibited foreign trade practices by issuers From the U. S. Government Publishing Office // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2021-title15/html/USCODE-2021-title15-chap2B-sec78dd-1.htm> (дата обращения: 02.03.2024).

неприятия коррупции не только провозглашаемого, но и реализуемого начальством, наладить эффективное развитие комплаенса в организации не представляется возможным.

Существуют прецеденты, например, когда большинству сотрудников известны коррупционные махинации их директора, однако никто ничего не предпринимает, так как, в силу исторических особенностей 1930–1940-х годов, многие приравнивают оглашение подобных вещей публично или донесение их в органы власти к порицаемому общественным мнением «стукачеству». Это психологический барьер, с которым населению России предстоит долгая и усердная работа.

В итоге можно прийти к выводу о том, что антикоррупционный комплаенс является важнейшим регулятором в сфере бизнеса и взаимодействия различных подразделений фирм и компаний. Российская Федерация реализует активную политику противодействия коррупции, а также выдвигает тезис о полном неприятии «взяточничества», что позволяет частным и государственным организациям в полной мере использовать принципы вышеуказанного вида комплаенса, основываясь на нормативных правовых актах.

Петрова С. А., Парастатова В. И.

Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА)

Студенты

Отдельные вопросы правового статуса несовершеннолетнего в сфере предпринимательской деятельности

В настоящее время молодежное предпринимательство имеет большое значение для развития экономики страны. Согласно национальным стратегиям развития России, бизнес – одно из приоритетных направлений современной политики¹. Следовательно, государственная власть заинтересована в поддержке предпринимательства для совершенствования экономической сферы жизни общества. Однако, несмотря на то что тема является актуальной на сегодняшний день, нельзя не отметить, что имеется ряд проблем, которые требуют должного внимания, анализа и оценки.

Прежде всего, сложность возникает при трактовке понятия «молодежное предпринимательство». На законодательном уровне отсутствует официальное определение данного термина. Это, в свою очередь, затрудняет выделение круга субъектов молодежного предпринимательства и вызывает дискуссии в юридической науке о возрастных границах для лица, начинающего реализовывать себя в сфере бизнеса.

Научной общественностью обсуждается вопрос о необходимости определения в законе нижней границы для начала осуществления предпринимательской деятельности. Так, некоторые деятели считают, что индивидуальные предприниматели – полностью дееспособные граждане, достигшие 18-летнего возраста². В частности, данной точки зрения придерживаются М.Д. Шапсугова, К.Я. Ярошенко, А.В. Мицык.

Другие авторы сходятся во мнении о том, что молодой предприниматель – гражданин, достигший 16-лет, поскольку, он, в отдельных случаях, указанных в законодательстве, может стать полностью дееспособным³. Поддерживаем указанную точку зрения, так как, предпринимательскую деятельность должны осуществлять только те несовершеннолетние граждане, которые уже обладают всесторонней правосубъектностью.

Сходной позицией придерживается Верховный Суд РФ, которая выражается в том, что гражданин способен своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, в том числе право на предпринимательскую деятельность, в полном объеме по достижении возраста 18 лет, а также со времени вступления в брак или объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным по достижении возраста 16 лет, когда он с согласия родителя, попечителя или усыновителя занимается предпринимательской деятельностью⁴.

Некоторые ученые, напротив, полагают, что 14-летний возраст приемлем для занятия предпринимательством, потому что именно с этого момента лицо, в соответствии со ст. 26 ГК РФ, становится

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // РГ. – № 159. – 2020.

² Попондопуло В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право. М. : Норма. 2008. С. 123.

³ Илюхин А. В. Условия и порядок объявления несовершеннолетних полностью дееспособными (эмансипации) // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 82–89.

⁴ Решение Верховного Суда РФ от 27 июня 2002 г. «№ ГКПИ2002-643 (документ не опубликован) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2024).

деликтоспособным¹. Поэтому, у него появляется возможность распоряжаться доходами, в том числе, полученных от предпринимательской деятельности. Также, он правомочен заключать ряд сделок. Однако, юный бизнесмен для совершения операций с недвижимым имуществом, обязан получить письменное согласие законного представителя.

Стоит отметить, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск деятельность субъектов, которые обладают как правоспособностью, так и дееспособностью². Однако, на современном этапе развития законодательства в РФ, лицо, достигшее 14 лет, не обладает исключительным правом на совершение юридически значимых действий в сфере бизнеса. Оно ограничивается письменным согласием законного представителя молодого предпринимателя – родителя, попечителя, усыновителя.

В подтверждении вышесказанного можно привести случай, обсуждаемый во всех средствах массовой информации³. Так, в Ленинградской области 14-летний мальчик смог заработать 2 млн рублей, начав развивать бизнес по выращиванию тюльпанов. Однако, обращаем внимание на то, что закупка оборудования для производства товара и его продажа осуществлялась благодаря поддержке отца. Следовательно, определение в качестве субъектов малого и среднего бизнеса несовершеннолетнего гражданина в возрасте 14 лет никак не коррелирует с характерным признаком предпринимательской деятельности – самостоятельностью.

Кроме того, в прошлом году во всей стране стал известен 14-летний предприниматель из Тюменской области, который прославился выращиванием бычков⁴. Александр Сотников в таком раннем возрасте уже преуспел в бизнесе. Однако, этому поспособствовали его родственники. Мальчик признался, что инвестором и менеджером по продажам стал его отец. Данный пример еще раз подчеркивает, что самостоятельная предпринимательская деятельность в юном возрасте затруднительна.

Поэтому, важно на законодательном уровне установить правовой статус несовершеннолетних субъектов, достигших 14-летнего возраста. Введение термина «юный предприниматель», содержащее в себе определенные условия осуществления предпринимательской деятельности, для указанных выше лиц, поспособствует устранению пробела в праве, связанного с возрастными пределами молодых бизнесменов.

Отсутствие в законодательстве нижней возрастной границы для начала осуществления предпринимательской деятельности приводит к коллизии в вопросе о привлечении несовершеннолетнего бизнесмена к ответственности. В ст. 26 ГК РФ закреплено, что несовершеннолетние от 14 до 18 лет несут ответственность по сделкам, указанным в п. 1,2 данной статьи, самостоятельно⁵. В другом же случае физическое лицо является субъектом ответственности за совершение налоговых правонарушений с 16 лет⁶. Также, наказание за совершение экономических преступлений, по общему правилу, назначается по достижении 16 лет⁷. Данное противоречие свидетельствует о том, что определенные в налоговом и уголовном праве возрастные границы не соответствуют возможности привлечения лица, достигшего 14 лет, к имущественной ответственности. Таким образом, процесс применения санкций к несовершеннолетним гражданам, обладающих частичной дееспособностью, в сфере предпринимательства, осложняется на практике.

Таким образом, правовой статус лиц, достигших 14 и 16 лет, в предпринимательском праве требует законодательного совершенствования. Поэтому, предлагается: на уровне права закрепить официальное определение термина «молодежное предпринимательство», что урегулирует вопрос о круге субъектов в бизнесе; установить полномочия несовершеннолетнего предпринимателя, не обладающего полной дееспособностью, посредством введения понятия «юный предприниматель», для которого установить особый правовой статус в сфере бизнеса и утверждения вида сделок, которые он сможет заключать; следует внести изменения в ГК РФ, установив единый 16-летний возраст молодого предпринимателя.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ – 1994 – № 32 – Ст. 3301.

² Указ. соч.

³ Анна Грень. Школьник из Ленобласти вырастил в гараже тюльпанов на 2 млн рублей // Комсомольская правда. 18.02.2024. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27568.5/4892714/> (дата обращения: 01.03.2024).

⁴ Оксана Титенко. Бизнес на буренках. Школьник в 14 лет официально стал предпринимателем // Аргументы и факты 06.08.2023. URL: tmn.aif.ru/ (дата обращения: 01.03.2024).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994 – № 32.

⁶ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 31.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 25.

Романенко А. Н.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Партнерское финансирование: традиция Ислама, ставшая новеллой Российского права

Российское право и экономика, объединяя собой десятки народов, каждый из которых имеет свою собственную культуру и религию, формировались и функционируют как гибкие социальные явления. Они всегда старались отразить баланс эффективности экономического роста и сохранения традиции. Это породило необходимость создания специальных экономико-юридических инструментов, которые удовлетворяли бы возникшую социальную потребность. Одним из них является партнерское финансирование, введенное в качестве эксперимента в отдельных субъектах РФ. Тематика данного нововведения стоит сейчас в центре внимания многих российских юристов и экономистов, так как требуется достаточно много работы для внедрения данного законопроекта в единую систему законодательства РФ. В данной статье автор ставит перед собой цель провести анализ теоретических и практических вопросов партнерского финансирования, а также определить перспективу внедрения и развития данного института в российском праве.

Впервые институт исламского банкинга появился в Египте в 1960-е годы. Однако он не получил широкого признания и вынужден был покинуть экономическое поле. С притоком мусульманского населения в Западную Европу начала возникать потребность в данных финансовых продуктах. Первый исламский банк в этом регионе появился в 1978 г. в Люксембурге. Позже в Швейцарии сформировалась международная финансовая группа Islamic Finance House. Некоторые европейские банки, уловив запрос общества, начали открывать финансовые «окна» для целевой мусульманской клиентуры, которые были отделены от основной банковской организации. Особый расцвет эти институты получили в Соединенном Королевстве: исламские финансовые продукты здесь пользовались спросом с 1982 года вместе с появлением банка Al-Barakah, который функционировал на общих основаниях с другими английскими банками. Здесь же в 2004 году появился первый полностью мусульманский банк в Европе – Исламский банк Великобритании¹. На сегодняшний день только 2 страны имеют полностью исламскую финансовую систему – Иран и Судан. Остальные страны такие как Малайзия, Индонезия, Бангладеш обладают дуалистической системой банкинга, т.е. сочетанием исламских финансов и традиционных (европейских) с преобладанием последних.

За время существования исламских банков устоялся довольно широкий перечень предоставляемых ими финансовых продуктов:

Иджара – представляет из себя договор, имеющий много сходств с такой разновидностью аренды, как лизинг. По соглашению сторон лицо передает право пользования определенным имуществом за арендную плату. Однако в традиционном лизинге лизингополучатель несет амортизационные, налоговые и страховые издержки. Здесь же данное бремя лежит на собственнике имущества.

Мурабаха – это договор купли-продажи в рассрочку, где банк покупает определенную вещь в интересах клиента, а последний в свою очередь производит оплату в порядке рассрочки.

Мушарака – это договор, устанавливающий партнерство или совместную собственность на вещь, где участники делят все доходы и убытки пополам. Прибыль распределяется либо пропорционально вложенному капиталу, либо соразмерно доли участия.

Мудараба – это договор партнерского инвестирования, где партнер финансирует 100 % коммерческого предприятия, а другое лицо выполняет роль управляющего. При этом, в отличие от мушараки, риск провала полностью лежит на финансисте. Тем не менее нормы ислама в этом соглашении предоставляют большую свободу договора в части распределения прибыли².

Предоставление этих финансовых услуг имеет ряд особенностей, вытекающих из предписаний шариата, по сравнению с европейскими. Во-первых, они ориентированы на реальные активы: это обуславливает отсутствие фьючерсов. Банки в исламском праве могут заработать только на реализованных проектах. Во-вторых, эти институты сформировались в результате запрета на взимания процентов (рибы), а также на спекуляцию с ценными бумагами. Права и обязанности сторон и другие условия строго определены, что исключает неопределенность условий договора (гарар). В-третьих, существует ряд инвестиционных запретов: производство алкоголя, табака, организация азартных игр и публичных домов, переработка мяса нечистых животных. В-четвертых, к исламским банкам установлены особые организационные предписания: бухгалтерский учет и управленческие структуры организации, осуществляющей мусульманский банкинг

¹ Оришев А. Б. Исламский банкинг в Европе // Бизнес и дизайн ревю. 2016. № 3 (3).

² Седов П. Д. Проблемы правового регулирования исламского банкинга в современных условиях // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 5.

должны быть отделены от основной финансовой компании. Также деятельность должна контролироваться шариатским наблюдательным советом и другими органами финансового контроля на основе регламентированного порядка ведения отчетности¹.

У нас в России об учреждении институтов исламского банкинга заговорили относительно недавно. Это обусловлено рядом предпосылок. Россия в отличие от стран Европы имеет на своей территории коренное население, которое традиционно исповедует ислам. Процесс их вовлечения в единую экономическую жизнь создает спрос на халяльные финансовые продукты. Внедрение пробных институтов обеспечивает реализацию статьи 28 Конституции РФ, в соответствии с которой каждый может действовать в соответствии со своими религиозными убеждениями². Помимо этого, мы имеем богатый международный опыт как в странах Европы и Востока, так и в странах СНГ таких как Киргизия, Казахстан, где исламские финансы твердо внедрены на уровне гражданского и финансового законодательства³. В настоящее время имеется опыт функционирования данных финансовых продуктов в нашей стране на базе юр. лиц общей правоспособности: хозяйственных товариществ и обществ, потребительских кооперативов и других различных финансовых и нефинансовых организаций. Это свидетельствует о том, что реализация проекта по внедрению этого института может происходить в рамках действующего законодательства⁴.

Совокупность вышеупомянутых фактов побудило законодателя принять ФЗ № 417, который установил экспериментальный правовой режим партнерского финансирования на территории Башкортостана, Дагестана, Чечни и Татарстана. Использование термина «партнерское финансирование» в данном законе представляется более корректным, чем «исламский банкинг», т.к. отражает светский характер государства и исключает дискриминацию по религиозному признаку⁵. Участниками эксперимента могут стать юр. лица, внесенные в реестр, который ведет Банк России. Согласно данному акту деятельностью по партнерскому финансированию признается совершение участниками эксперимента сделок и операций, отвечающих дополнительным требованиям ФЗ № 417, которые отражают традиционные предписания шариата и международный опыт исламского банкинга, о котором говорилось выше. Участники должны соответствовать определенным требованиям в части минимального уставного капитала (с 1 сентября 2023 года – 10 миллионов рублей, с 1 января 2024 года – 15 миллионов рублей) и места нахождения юр. лица (на территориях субъектов проведения ЭПР). Для научно-методических, аналитических и экспертных консультаций при Правительстве РФ создан Экспертный совет, который участвует в обсуждении законопроектов, связанных с партнерским финансированием, а также вносит рекомендации о целесообразности внесения изменений в законодательство⁶.

На данный момент в правоприменительной практике партнерского финансирования выявлено ряд проблем. Многие участники ЭПР отмечают, что в законе установлены завышенные требования к величине уставного капитала, порядку отчетности, квалификации специалистов в условиях их недостатка. Зависимость от успешности предприятия ставит кредитора в более уязвимое положение. Такие риски могут быть нивелированы применением обеспечительных инструментов, однако эти инструменты, включая страхование, по большей части противоречат принципам ислама. В настоящее время ведется разработка законопроекта о взаимном страховании (такафу), который позволит в определенной мере уравнивать положения сторон в обязательстве. Отмечается также сложность внедрения таких финансовых институтов в единое поле гражданского, финансового, а в особенности налогового законодательства. Обложение НДС наценки по договорам купли-продажи в рассрочку снижает их доходность на 20 % по сравнению с классическим банковским кредитом, проценты которого не облагаются налогом. А отсутствие в законодательстве единой

---

¹ Вильданова М. М. Партнерское финансирование как условие благоприятного развития экономики России // Право и практика. 2023. № 2.

² Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.02.2024).

³ Legal Forum – ПМЮФ: Партнерское финансирование в России: что мы ожидаем от эксперимента? // youtube.com (дата обращения: 17.02.2024). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XDI8lywCnDs&t=528s>.

⁴ Иванов О. М. Регулирование партнерского финансирования: правовой эксперимент и его участники. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023;(1):60-69.

⁵ Чубыкина Е. Партнерское финансирование: перспективы развития // Право.ру: интернет-издание. URL: <https://pravo.ru/opinion/249831/>. Дата публикации: 14.11.2023.

⁶ Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».

терминологии по мусульманским финансам усложняет правоприменение и международное экономическое сотрудничество¹.

Исходя из теории исламского банкинга и международного опыта его применения можно сказать, что внедрение данного института является залогом экономического благополучия России. Нашей стране в условиях санкций приходится подстраиваться под новые геополитические условия, предполагающих евразийскую интеграцию со странами Востока. Однако стоит помнить из зарубежной практики, что этот институт в той же мере прямо или косвенно способствует исламизации культуры. Наша же задача должна состоять в обеспечении многообразия культурно-экономических интересов только в той мере, в какой это способствует их равенству и благотворному сосуществованию.

Струков Ю. А.

МГУ имени М.В.Ломоносова

Студент

Стандарт управления коммерческим риском: необходимость или тренд?

Сегодня управление рисками или, иначе говоря, риск-менеджмент, становятся крайне востребованными. Коммерсанты не желают нести потери от ненадежных договорных связей и нестабильной рыночной ситуации, поэтому предусматривают все новые способы нивелирования этих потерь. Главным инструментом регламентации такой деятельности в торговой организации является принятый стандарт или другой внутренний акт, регламентирующий учет риска в бизнес-процессах.

Стоит сказать, что сфера стандартизации развивается «семимильными шагами». Это неудивительно, учитывая массовый рост производства и спроса², а также постоянную изменчивость и развитие торговли. Количество стандартов растет с каждым годом, на сегодняшний день действует почти 1000 стандартов, однако на данный момент стандарты касаются только управления риском в целом³, в то же время для торгового оборота крайне значимо учитывание именно коммерческого риска, поэтому возникает вопрос: должен ли появиться на свет стандарт по управлению коммерческим риском или в нем нет необходимости?

Прежде, чем ответить на данный вопрос, необходимо обозначить, что такое коммерческий риск и управление им. Понятие риска происходит от испанского обозначения «подводной скалы», которую должен обходить коммерсант, чтобы избежать крушения «корабля» или, иначе говоря, торговой организации. Действительно, сама по себе предпринимательская деятельность неизбежно связана с рисками: коммерческими, юридическими, экологическими, политическими, социальными и так далее. Их всех объединяет ситуация неопределенности и возможности возникновения негативных последствий в торговой деятельности.

Одним из самых часто встречающихся рисков является риск коммерческий. Он возникает вследствие осуществления торговых операций, в частности, из-за неправильного выбора контрагента, снижения спроса на продукцию, изменения рыночной цены. Исходя из этих характеристик, я хочу предложить свое определение: коммерческий риск – это присущая коммерческой организации потенциальная возможность несения имущественных, денежных потерь вследствие изменения рыночной конъюнктуры или нарушения обязательств со стороны контрагентов.

Аналогичное определение появилось в стандарте Банка России по управлению рисками форекс-дилеров⁴: коммерческий риск – риск возникновения финансовых потерь, в том числе уменьшение доходов или повышение расходов, в результате ошибок, допущенных при принятии коммерческих решений или неэффективного управления.

При этом сами коммерческие риски разнообразны, и я считаю, что могут быть классифицированы по критерию сферы возникновения: объективные (изменения уровня инфляции, рыночной цены, спроса на товары) и субъективные (ненадежность и недобросовестность контрагентов).

Так, например, ненадежный поставщик не поставил необходимое оборудование покупателю, вследствие чего у последнего возникли задолженность перед лицом, для которого он обязался его приобрести, и последующие убытки. Этот практический пример показывает, насколько важно учитывать коммерческий риск

---

¹ Иванов О. М. Регулирование партнерского финансирования: правовой эксперимент и его участники. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023;(1):60-69.

² Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. М. : Статут, 2012. Т. 2. С. 179.

³ ГОСТ Р 51897-2011/Руководство ИСО 73:2009 Менеджмент риска. Термины и определения; ГОСТ Р ИСО/МЭК 31010-2011 Менеджмент риска. Методы оценки риска.

⁴ Базовый стандарт по управлению рисками форекс-дилеров (утв. Банком России 15.02.2024 № КФНП-3).

в торговой деятельности. Если бы покупатель изначально позаботился о внедрении в организацию средств риск-менеджмента, в том числе, стандартов, то данной ситуации можно было бы избежать. Например, стандарт предусматривал бы критерии проверки добросовестности контрагента (его прежних договорных связей, финансового состояния, отчетности, судебных прений), соблюдение которых предостерегло покупателя от заключения договора с данным поставщиком.

Такие примеры случаются регулярно и приносят вред не только отдельным коммерсантам, но и торговле в целом. Учитывая, что невозможно вести коммерческую деятельность и при этом не нести риски, коммерсанты должны смириться с возможностью наступления таких негативных, неопределенных событий и постараться минимизировать их.

Для этого и осуществляется управление коммерческим риском, которое, как писал А.М. Германчук, представляет собой логическую последовательность управленческих действий, охватывающую анализ факторов риска, оценку максимального диапазона возможных рисков, возникающих при осуществлении коммерческой деятельности, а также разработку стратегических и тактических мероприятий, направленных на снижение уровня риска и (или) его предотвращение и контроль за их реализацией¹.

То есть риск-менеджмент включает себя анализ возможных ситуаций наступления риска, их оценку, а также проведение мероприятий по снижению негативных последствий от таких ситуаций и контроль за их осуществлением. Примерно такие же этапы управления предусматривают стандарты по риск-менеджменту. Однако прежде, чем перейти к их описанию, необходимо обозначить ряд проблем, связанных с их распространением.

Во-первых, тот или иной стандарт имеет свою национальную специфику, что предполагает применение их в разных странах с особой осторожностью и пониманием различий. Однако этот факт не всегда соблюдается в торговых организациях, которые затем жалуются на неэффективность стандарта. Во-вторых, развитие стандартизации привело к появлению большого количества стандартов по риск-менеджменту, которые существенно отличаются в определении одних и тех же понятий.

Этот факт отмечается также в самом тексте новых стандартов, например, касающихся регулирования искусственного интеллекта: «В некоторых стандартах «риск» предполагает потенциальные негативные последствия... В других стандартах «риск» предполагает отрицательное или положительное отклонение от целей. Такое различие в направленности зачастую может приводить к путанице при попытке понять и надлежащим образом внедрить отвечающий требованиям процесс управления рисками»². Решению этой проблемы может способствовать создание национальной организации, которая будет уполномочена требовать единообразия терминов в стандартах.

В-третьих, стандарты ГОСТ, действующие в России, являются простым переводом стандартов ISO, тем самым они не отражают специфику российской торговли и не позволяют эффективно управлять рисками.

Теперь с пониманием недостатков перейдем к содержательной части стандартов риск-менеджмента, в частности, AS/№ZS 4360 – Управление риском; COSO, FERMA, ISO 31000. Все они предусматривают сходное определение поэтапного управления рисками: определение целей и внутренней среды организации, идентификация риска, его оценка и анализ, реагирование на риск, контроль и мониторинг. Как видно, эти стандарты описывают управление обобщенно, без необходимой для учета коммерческого риска конкретизации.

К примеру, непонятно, как нивелировать негативные последствия от нарушения обязательства контрагентом или минимизировать убытки от изменения спроса на рынке. Эти вопросы должны регулироваться конкретными методиками, предусмотренными отдельным стандартом, так как коммерческие риски, впрочем, как и другие, имеют свою специфику.

Стоит также отметить, что коммерческий риск может контролироваться организацией и посредством других правовых средств, в первую очередь, договорных, но без стандарта, объединяющего все процессы и позволяющего слаженно действовать сотрудникам организации в целях управления коммерческим риском, не будет достигнут необходимый эффект по минимизации влияния рискованных событий на торговую деятельность компании.

Итак, отвечая на вопрос моей статьи, необходим ли стандарт по управлению коммерческим риском или в мире существует ненужный тренд на стандартизацию всего, что поддается регламентации, я отвечаю, что в этом тренде видится дальнейшее развитие регулирования торгового оборота, поэтому стандарт по управлению коммерческим риском не только актуален, но и необходим. В таком стандарте, я считаю, должны

---

¹ Германчук А. М. Управление коммерческой деятельностью организаций на основе маркетинга : дис. ... канд. экон. наук / А. М. Германчук. – Донецк, 2000. 276 с.

² ПНСТ 776-2022 Информационные технологии (ИТ). Интеллект искусственный. Управление рисками.

будут урегулированы положения под двум направлениям – изменение рыночной конъюнктуры и связи с контрагентами.

В рамках первого направления должны быть отражены такие положения, как методы анализа состояния рынка, способы стабилизации своего положения и спроса на товары в условиях рыночного беспокойства, этапы борьбы с экономическим упадком в деятельности компании из-за повышенной инфляции или злоупотреблений со стороны конкурентов. В рамках второго направления подлежат урегулированию вопросы определения надежности и добросовестности контрагента, возможные договорные конструкции, способствующие минимизации риска и порядок мониторинга финансового состояния контрагентов.

Получается, стандартизация служит эффективным современным способом управления рисками, и коммерческий риск не должен являться исключением. Поэтому хочется верить, что в скором времени появится соответствующий стандарт, который, несомненно, поможет бизнесу существовать более стабильно и эффективно.

Щаднова А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблемы «двойной» ответственности контролирующего должника лица в рамках дела о несостоятельности (банкротстве)

Одной из главных задач, стоящей перед законодателем, является стабильность гражданского оборота. Наиболее эффективным методом для достижения данной задачи является справедливое распределение рисков между участниками гражданско-правовых отношений.

В связи с динамичным развитием общества перед правоприменителем встают новые неурегулированные вопросы, которые требуют немедленного разъяснения и решения. В частности, не теряет своей актуальности вопрос о возможности наложения «двойной» ответственности на контролирующее должника лицо (далее – КДЛ).

Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о несостоятельности (банкротстве)) закреплены возможность наложения ответственности на конкретное лицо за причиненные должнику убытки и возможность привлечения конкретного лица к субсидиарной ответственности по долгам должника.

Взыскание убытков с КДЛ по обязательствам должника носит классическую деликтную природу, что подтверждается как законодательством, так и доктриной.

Правовая природа института субсидиарной ответственности КДЛ является одной из основных проблем современных исследователей в области несостоятельности (банкротства) в настоящее время.

Общепринятым пониманием считается вывод, что субсидиарная ответственность обладает экстраординарным характером в связи с особым основанием и причинно-следственной связью и, согласно ст. 399 Гражданского кодекса РФ, несет дополнительную ответственность в случае невозможности удовлетворения требования основным должником. В случае привлечения к субсидиарной ответственности КДЛ в рамках несостоятельности (банкротства) необходимо учитывать положения ст. 61.11-61.13 Закона о несостоятельности (банкротстве), общая характеристика которых сводится к совершению КДЛ деликтного деяния.

Верховный Суд РФ аналогично исходит из деликтной сущности субсидиарной ответственности, применяя к данным отношениям главы 15 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда¹.

Стоит отметить, что о деликтной природе субсидиарной ответственности еще в 2013 году говорили Егоров А.В. и Усачева К.А., проводя параллель между субсидиарной ответственностью в российском законодательстве и западной концепцией «снятия корпоративного покрова». Ученые пришли к выводу, что модель деликтной ответственности считается «наиболее адекватной и балансирующей должным образом все встречные интересы участников конфликта (кредиторов юридического лица и контролирующих лиц)»². Также

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве», п. 2 // URL: <http://www.consultant.ru>.

² Егоров А. В., Усачева К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 12.

ученые поднимают вопрос о соотношении субсидиарной ответственности и взыскании убытков, подводя их под общий знаменатель — деликтную ответственность. Иными словами, речь идет о возможном поглощении субсидиарной ответственности единственным требованием — возмещение убытков.

Критически к данному подходу относится Суворов Е.Д., говоря о том, что рамки субсидиарной ответственности нельзя подвести к критериям привлечения к классической деликтной ответственности ввиду того, что «существует неопределенность, как минимум, в отношении вреда, его размера, фигуры потерпевшего, причинно-следственной связи, оснований для вывода о противоправности, вины, что нетрадиционно для обязательств из причинения вреда»¹. Говоря о конкуренции субсидиарной ответственности и возмещении убытков, ученый приходит к выводу, что основополагающим критерием является признание КДЛ самостоятельного статуса должника. Следовательно, привлечение к субсидиарной ответственности возможно при доказанности совершения КДЛ противоправных деяний вопреки учету самостоятельного статуса должника. Иными словами, если КДЛ выступает в качестве органа юридического лица, то применяются положения о взыскании убытков за причиненный вред. Однако в случае, если КДЛ и юридическое лицо сливаются в одном статусе, то имеются основания для привлечения к субсидиарной ответственности.

Споры относительно природы субсидиарной ответственности происходят не только в доктрине, но и в судебной практике. Стоит отметить, что одним из ключевых судебных актов, связанных с двойным взысканием по отношению к КДЛ, является Определение Верховного Суда РФ от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007. В данном судебном акте четко изложена позиция о том, что ключевым критерием возможности такого взыскания является их зачетный характер по отношению друг к другу. Таким образом, необходимо соотнести сумму недействительной сделки и размер общей задолженности юридического лица-должника, который поставил окончательную точку в вопросе самостоятельного выхода из финансового кризиса².

Несмотря на данное разъяснение, судебная практика полна различными подходами. Так, например, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в своем Постановлении от 07.10.2022 № 13АП-19729/2022 пришел к выводу о возможности двойного взыскания с КДЛ. Исходя из существа дела, основаниями являлись реституционное требование и непередача документации конкурсному управляющему. По мнению суда, из реституционного требования возникает обязанность по возмещению убытков, а совокупность двух оснований указывает на возможность привлечения к субсидиарной ответственности за доведение юридического лица-должника до банкротства. Таким образом, суд указывает на несовпадение оснований двух ответственностей и упрочняет свою позицию п. 6 ст. 61.20 Закона о несостоятельности (банкротстве): «ответственность в виде убытков подлежит применению в части, не покрытой субсидиарной ответственностью»³. Позже Арбитражный суд Северо-Западного округа в своем Постановлении от 18.01.2023 № Ф07-16466/2022 поддержал мнение апелляционного суда.

Однако есть ряд ученых, критикующих формулировку п. 6 ст. 61.20 Закона о несостоятельности (банкротстве). Например, Лотфуллин Р.К. верно отметил, что «в п. 6 ст. 61.20 Закона о банкротстве должна быть ссылка только на ст. 61.11 и 61.12, так как именно в них установлены основания субсидиарной ответственности, либо фраза «не покрытой размером субсидиарной ответственности» должна быть изложена без слова «субсидиарной», так как в ст. 61.13 речь идет об ответственности за нарушение банкротного законодательства»⁴.

Одним из последних громких прецедентов является Определение Верховного Суда РФ от 23.11.2023 № 307-ЭС20-22591. Суд приходит к невозможности наложения субсидиарной ответственности на КДЛ на том основании, что в процессе торгов реституционного требования весь ущерб не был восполнен. Также Суд отметил двойной характер реституционного требования и взыскания убытков в связи с оспариванием недействительной сделки.

Отсутствие единого подхода к определению правовой природы субсидиарной ответственности КДЛ прямо пропорционально влияет на сложившееся отсутствие единства судебной практики. Данное обстоятельство может нарушать права и законные интересы как кредиторов, так и КДЛ. В настоящее время

---

¹ Суворов Е. Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 7.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007(2) по делу № А40-203647/2015 // URL: <http://www.consultant.ru>.

³ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.10.2022 по делу № А56-97740/2018/суб.1 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>.

⁴ Лотфуллин Р. К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве // *М*, 2021.

нагрузка на суды растет в геометрической прогрессии, о чем говорит Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ. В связи с этим проблемы в регулировании и соотношении таких важных категорий, как «субсидиарная ответственность» и «возмещение убытков», требуют более длительных сроков для разрешения. В большинстве своем такие споры растягиваются на несколько лет в связи с тем, что стороны идут за защитой своего права вплоть до Верховного Суда РФ. Представляется целесообразным внесение дополнений в Главу III.2. Закона о несостоятельности (банкротстве) в части формулировки оснований для возмещения убытков, дабы избежать конкуренции с субсидиарной ответственностью и соответственно двойного взыскания за одно и то же деяние. В последующем видится важным издание специального Постановления Пленума Верховного Суда РФ, который даст разъяснения по самым частым вопросам судебной практики, тем самым максимально приведя понимание ответственности контролирующего должника лица в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) под единый знаменатель.

Эшпулатов Т. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аспирант

Принудительная редомициляция в современной России

Слово «редомициляция» происходит от слова «домициль» (от лат. *domicilium* – местопребывание) – «понятие международного налогового права и налогового права ряда стран, означающее основное место постоянного проживания физического лица или регистрации юридического лица»¹. Иными словами, редомициляция – это изменение личного закона юридического лица, то есть процедура перерегистрации компании из одной юрисдикции в другую без потери правосубъектности. Данный институт появился в российском правовом поле с момента принятия Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»² (далее – Закон № 290-ФЗ). Но стоит отметить, что в Законе № 290-ФЗ не дается легального определения редомициляции.

Редомициляция отличается от релокации бизнеса тем, что при первом варианте происходит сохранение организационно-правовой формы компании, модели корпоративного управления, в то время как релокация предполагает переезд части сотрудников в другую юрисдикцию или открытие нового бизнеса, либо же получение стартап-визы.

Внедрение процедуры редомициляции в 2018 году было вызвано 1) необходимостью устранения проблемы уклонения от уплаты налогов российскими резидентами, которые вели бизнес за рубежом и платили налоги в разы меньше по договорам об избежании двойного налогообложения³, а также 2) введенными за рубежом санкциями в отношении иностранных компаний, акционерами или конечными бенефициарами которых являются российские физические или юридические лица. Для этого Российская Федерация активно начала реализацию мероприятий по возвращению зарегистрированных в офшорах организаций и их активов в российскую экономику. И если до 2022 года редомициляция не пользовалась большой популярностью и привлекательностью, то после февральских событий 2022 года количество редомицилировавших компаний из иностранной юрисдикции увеличилось в разы.

К числу нормативных актов, которые регулируют отношения в процессе редомициляции, помимо Закона № 290-ФЗ относятся также Закон № 291-ФЗ⁴, Налоговый кодекс⁵, Закон № 173-ФЗ⁶, Закон № 140-ФЗ⁷, Закон

¹ Толкушкин А. В. Энциклопедия российского и международного налогообложения / А. В. Толкушкин; Рос. отд-ние Междунар. налоговой ассоц., Группа компаний «Докар». М. : Юристъ, 2003. – 909,[1] с.; 22 см. – (Interpretationes).

² СЗ РФ. 2018. № 32. (ч. I). Ст. 5083.

³ Список международных договоров об избежании двойного налогообложения между Российской Федерацией и другими государствами (List of the tax agreements for the avoidance of double taxation between the Russian Federation and other States) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://minfin.gov.ru> по состоянию на 12.01.2023.

⁴ Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5084.

⁵ Абз. 8 п. 3 ст. 224, пп. 1.1 п. 3 ст. 284, пп. 1.2 п. 3 ст. 284, п. 4.1 ст. 284 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

⁶ Подпункт «е.1» п. 7 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

⁷ Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3367.

№ 39-ФЗ¹, Закон № 135-ФЗ². Необходимость ускорения процедуры редомициляции отмечается в поручении Президента России В. В. Путина Правительству РФ в июне 2023 года на ПМЭФ. Так, В. В. Путин отметил, что до конца 2023 года необходимо ускорить возвращение активов в ключевых отраслях из иностранной юрисдикции в российскую³.

Рассмотрим термин «принудительной» редомициляции. Если до середины 2023 года использовались исключительно косвенные методы стимулирования переезда иностранных организаций в российскую юрисдикцию, то после принятия Федерального закона 4 августа 2023 г. № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» от⁴ (далее — Закон № 470-ФЗ) появился «прямой» метод принуждения к переезду иностранных организаций в Россию. Попытки решить вопрос принудительной редомициляции были предприняты еще в 2022 году, когда в Госдуму внесли новый Законопроект № 104796-8 «О внешней администрации по управлению организацией»⁵ (далее — Законопроект № 104796-8), который не прошел второе и третье чтения и не был принят в итоге. В соответствии с ч. 3 ст. 1 Законопроекта № 104796-8 внешняя администрация назначалась по решению суда в отношении организации, которая соответствует трем критериям:

- 1) доля лица из недружественного государства в организации составляет не менее 25 %;
- 2) организация имеет существенное значение для обеспечения стабильности экономики и гражданского оборота, защиты прав;
- 3) и законных интересов граждан в РФ или субъекте РФ⁶.

Итак, Закон № 470-ФЗ (ст. 2) распространяет свое действие на принудительную редомициляцию на экономически значимые организации (далее — ЭЗО). В законе приведены лишь критерии определения таких ЭЗО, но перечень таких организаций должен быть утвержден Правительством РФ, однако на сегодняшний день такой перечень до сих пор не разработан. По словам первого замминистра экономического развития РФ Ильи Торосова на Всероссийском форуме реструктуризации долга первая редакция такого перечня может появиться уже в феврале 2024 года⁷.

В Законе № 470-ФЗ (ст. 2) дается легальное определение экономически значимых организаций, а также приводятся критерии для определения таких организаций. Так, ЭЗО — это «российское хозяйственное общество, имеющее существенное значение для обеспечения экономического суверенитета и экономической безопасности Российской Федерации, включенное в утвержденный Правительством перечень таких организаций и отвечающих следующим условиям...». Названные в ст. 2 Закона № 470-ФЗ условия отнесения к категории ЭЗО можно разделить на следующие группы:

I. Количественные критерии:

- суммарный объем выручки за последний отчетный год не превышает 75 млрд рублей;
- количество работников составляет более 4 тысяч человек;
- суммарная стоимость активов за последний заверченный отчетный год превышает 150 млрд рублей;
- сумма уплаченных налогов в России составляет не менее 10 млрд рублей;
- совокупная стоимость имущества, находящегося в доверительном управлении, по данным финансовой отчетности за последний отчетный период составляет не менее 400 млрд рублей.

II. Качественные критерии:

- ЭЗО или ее дочерние общества являются субъектом критической информационной инфраструктуры;
- ЭЗО или ее дочерние общества являются градообразующей организацией;
- ЭЗО или ее дочерние общества являются системно значимой кредитной организацией;
- и другие признаки, указанные в п. 2 ч. 1 ст. 2 Закона № 470-ФЗ.

III. Критерий участия граждан России или российских организаций в иностранных холдинговых компаниях составляет более 50 % (подробнее в пп. 3 п. 1 ст. 2 Закона № 470-ФЗ).

¹ Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.

² Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31. (1 ч.). Ст. 3434.

³ URL: <https://quote.ru/news/article/653110429a7947e0a1a40380> (дата обращения: 17.02.2024).

⁴ Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» // СЗ РФ. 2023. № 32. (ч. I). Ст. 6202.

⁵ Проект Федерального закона № 104796-8 «О внешней администрации по управлению организацией» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 12.04.2022) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://sozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 12.04.2022.

⁶ Там же.

⁷ URL: <https://www.interfax.ru/russia/945340> (дата обращения: 17.02.2024).

После начала февральских событий в 2022 году зарегистрированные в недружественных государствах¹ российские организации столкнулись с ограничениями по движению капиталов. Ситуация лишь обострилась после введения Евросоюзом санкций в отношении российского центрального депозитария (НРД).

В качестве целей принудительной редомициляции можно назвать:

– поддержка российских резидентов (фактически российские резиденты были лишены всех юридических и экономических возможностей управления бизнесом и не было возможности подать даже налоговую отчетность);

– уменьшение рисков в сфере корпоративного управления (в частности, необходимо было устранить корпоративный дедлок, при котором ни российские резиденты, ни иностранные лица не могли управлять корпорациями);

– возобновление выплат дивидендов российским резидентам;

– обеспечение экономического суверенитета и экономической безопасности Российской Федерации;

– «перехват» управления ЭЗО, недопущение остановки и банкротства ЭЗО.

В заключение отметим, что последствия принудительной редомициляции, скорее, будут благоприятными, нежели наоборот. Предполагаем, что принятый Закон № 470-ФЗ приведет к увеличению спроса на акции ЭЗО как со стороны российских резидентов, так и со стороны нерезидентов из «дружественных» стран. Более того, принудительная редомициляция снизит риски корпоративного управления, так как ЭЗО смогут вести свою деятельность без препятствий ввиду устранения барьеров для движения капиталов, а это, в свою очередь, позитивно отразится на стоимости акций только что созданных публичных акционерных обществ на базе ЭЗО.

Лебедева В. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблематика правовой природы корпоративных договоров

Корпоративный договор является относительно новой юридической конструкцией в Российской Федерации. Корпоративные деловые взаимоотношения в последние годы развиваются довольно стремительно, что, несомненно, влечет за собой возникновение новых правовых институтов, ранее неизвестных отечественному законодательству. Одним из таковых и является институт корпоративного договора. В зарубежных государствах данный институт существует довольно давно: в Германии, Швейцарии, Италии, Великобритании такая конструкция известна еще со второй половины XIX века.

Первое возникновение конструкции корпоративного договора в Российской Федерации связано с принятием в 2008 и 2009 годах поправок соответственно в Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». В результате реформирования законодательства российское корпоративное право пополнилось конструкциями «договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью» и «акционерное соглашение». Впоследствии, в 2014 году, произошла унификация данных понятий и объединение их в единый термин «корпоративный договор», нашедший свое закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – Гражданский кодекс)².

Согласно статье 67.2 Гражданского кодекса участники хозяйственного общества или некоторые из них вправе заключить между собой корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав (договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, акционерное соглашение), в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств.

¹ Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3394.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Если обобщить вышеуказанное законодательное понятие, то корпоративный договор можно определить в качестве соглашения участников хозяйственного общества, которое регламентирует порядок и правила осуществления их корпоративных прав и обязанностей. Таким образом, сущность корпоративных договоров заключается в том, что они направлены на регулирование внутренних отношений участников корпораций, а именно на реализацию отношений, связанных с участием и управлением.

Однако, несмотря на имеющееся законодательное регулирование, в доктрине имеется большое количество дискуссионных вопросов, в том числе относительно правовой природы рассматриваемого юридического феномена. Правовая природа корпоративных договоров интересна, прежде всего, потому, что законодатель не выделил их в качестве самостоятельной договорной конструкции, а закрепил в главе 4 Гражданского кодекса, посвященной юридическим лицам, а, если конкретнее, то применительно к коммерческим корпоративным организациям.

Существующие на данный момент позиции по поводу правовой природы корпоративного договора можно разделить на три группы.

Во-первых, он рассматривается в качестве классического гражданско-правового договора. Данный подход, называемый также в доктрине обязательственным, разделяют такие правоведы как Е.А. Суханов, Д.В. Ломакин, А.И. Масляев. Концепция признания за корпоративным договором исключительно обязательственно-правовой природы, действительно, имела место, и даже была актуальна в начале становления этого правового института в России. В 2008 году авторы Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации¹ указывали, что необходимо четко закрепить обязательственно-правовую природу корпоративных соглашений, чтобы исключить их действие как на третьих лиц, так и на само хозяйственное общество. Однако после включения в Гражданский кодекс статьи 67.2 теоретическое обоснование данной концепции подвергается критике.

Е.А. Суханов активно критикует законодательные изменения, произошедшие в 2014 году вследствие принятия статьи 67.2 Гражданского кодекса, полагая, что существующая на данный момент конструкция не характерна для отечественного правопорядка. Он отмечает, что «содержание корпоративных прав может определяться только законом, а любое регулирование корпоративных отношений посредством договорных конструкций противоречит сущности корпоративного права. Поэтому корпоративное соглашение участников общества не может носить характер источника корпоративного регулирования, а представляет собой обычный гражданско-правовой договор»².

По моему мнению, данная концепция всё же не позволяет в полной мере учесть все нюансы сущности корпоративного договора. Д.В. Ломакин³ для подтверждения своей позиции апеллирует тем, что корпоративный договор не порождает правовые последствия для самого хозяйственного общества, а потому имеет обязательственно-правовую природу, так как обязательственные правоотношения являются относительными и имеют влияние только на их стороны. Подобная аргументация весьма неоднозначна. Во-первых, согласно статье 308 Гражданского кодекса в случаях, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон, обязательство может создавать для третьих лиц права в отношении одной или обеих сторон обязательства. Во-вторых, как следует из положений статьи 67.2 Гражданского кодекса корпоративный договор в определенных случаях имеет непосредственное воздействие на хозяйственное общество – речь идет о возможности оспаривания решений органов управления общества в связи с нарушениями положений такого договора. Поэтому несмотря на то, что корпоративный договор направлен на регулирование отношений внутри хозяйственного общества, он порождает также внешний эффект.

Вторая позиция заключается в том, что корпоративный договор признается источником регулирования корпоративных отношений, нормо-договором локального уровня. Обосновывается это тем, что корпоративный договор не наделяет участника общества правами, а указывает на способ реализации этих прав, а потому не является гражданско-правовой сделкой. В.А. Лаптев – сторонник данной позиции – отмечает: «Если предположить, что корпоративный договор выступает обычной гражданско-правовой сделкой, тогда теряется его предмет, а именно – действия его сторон не направлены на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязательства сторон не имеют конечной цели (например,

---

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

² Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014.

³ Ломакин Д. В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8. С. 19.

приобретение недвижимости либо получение ссуды). Таким образом, мы приходим к ложному выводу, что любой корпоративный договор будет незаключенным»¹.

Сторонники третьего подхода отмечают «особый, имущественно-организационный характер корпоративных отношений»², а потому отрицают исключительно обязательственную природу корпоративного договора. Например, И.С. Шиткина рассматривает корпоративный договор в качестве института, обладающего двойственной правовой природой и сочетающего в себе черты обязательственно-правовой и корпоративной конструкции. В качестве обоснования обязательственной природы сторонники данной концепции указывают, что корпоративный договор имеет характер классического гражданско-правового договора, так как участники общества – стороны договора – принимают на себя взаимные обязательства по осуществлению своих корпоративных прав, при этом на лиц, не являющихся сторонами договора, такие обязательства не распространяются. С другой стороны, корпоративный договор обладает организационным характером, поскольку, принимая на себя обязательства по осуществлению своих прав определенным образом / воздержанию от этого, стороны договора тем самым организуют управленческий процесс в хозяйственном обществе. Соответственно, такой договор одновременно имеет и корпоративно-правовую природу.

Подводя итог анализу правовой природы корпоративного договора, стоит отметить, что в зарубежных правовых системах этот вопрос решен вполне однозначно. В странах романо-германской системы права, например, в Германии, корпоративный договор является разновидностью гражданско-правового договора, соответственно, тут существует обязательственный подход к его правовой природе. В англосаксонской системе преобладает корпоративный подход. В российской же доктрине существует несколько основных точек зрения относительно сущности данной конструкции, и каждая из них имеет право на существование. Однако, более обоснованной с теоретической точки зрения и более соответствующей положениям действующего законодательства представляется концепция смешанной правовой природы. Всё же, с учетом законодательных изменений, произошедших в 2014 году и касающихся института корпоративного договора, смотреть на него исключительно как на обязательственную или исключительно как на корпоративную конструкцию нельзя.

---

¹ Лаптев В. А. Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений // Предпринимательское право. 2016. № 1.

² Корпоративное право : учеб. курс : учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2011.

Круглый стол «Банкротство в цифровой экономике»

Бек А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина

Студент

Аккаунт социальной сети в конкурсной массе при банкротстве должника

Непрерывное и постоянное развитие общества в области новых технологий требует от государства регулирования правоотношений в цифровом пространстве. Законодательство о банкротстве не является исключением. Так, в связи с возникновением цифровых активов и признанием их как объектов гражданского права в судебной практике стал возникать вопрос о возможности включения их в конкурсную массу и последующей реализацией такого имущества¹.

В правовой доктрине выделяют следующие объекты цифровых активов: криптовалюта, большие данные («Big data»), доменные имена и аккаунты, виртуальное имущество (включая виртуальные объекты в игровом цифровом пространстве, страницы социальных сетей, накопительные системы и бонусные баллы, мили и т.д., а также иные подобные информационные объекты)². Если вопрос по поводу относимости цифровых активов к объектам гражданского права, как это уже указывалось выше, не является новшеством и ответ на данный вопрос является однозначным, так как правоприменитель³ и правовая доктрина⁴ сходятся на положительном ответе. То вопрос, который затрагивает допустимость включения некоторых цифровых активов в конкурсную массу должника вызывает дискуссию. В данной работе будет исследован вопрос по поводу возможности включения лишь аккаунта в социальных сетях в конкурсную массу должника, так как для изучения отдельных видов цифровых активов (криптовалюта, токенов и т.д.) потребуется большой объем исследования.

Прежде чем перейти к анализу поставленного вопроса необходимо дать легальное определение конкурсной массы, которое дано в ст. 131 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: «Конкурсная масса представляет собой имущество должника, которое имелось у него к моменту введения конкурсного производства, а также появилось в ходе процедуры несостоятельности (банкротства)»⁵. Важно отметить, что не каждое имущество может включаться в конкурсную массу, а исключительно ликвидное и обладающее имущественной ценностью. Таким образом, безрассудное и повсеместное включение всех активов не приведет к необходимому возможному результату, который преследует формирование конкурсной массы – удовлетворение требований кредиторов. Вышеуказанная позиция поддерживается судебной практикой: «Любое имущество должника, имеющее экономическую ценность, для кредиторов (включая криптовалюту), не может быть произвольно исключено из конкурсной массы без прямо предусмотренных ст. 131, 132, 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» либо иными федеральными законами оснований»⁶.

В настоящее время, в связи с развитием спектра услуг и информационных технологий, граждане, ставшие известными благодаря своему роду деятельности (музыка, кино, театр, юмор и т.д.) перенесли свою деятельность на персональный аккаунт в социальной сети. Данные электронные ресурсы позволяют накапливать имущественную массу граждан, так как являются источниками дохода, что позволяет ставить вопрос о возможности включения в конкурсную массу соответствующих объектов. Но исходя лишь из данных тезисов, вывод делать преждевременно.

---

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

² Османова Д. О. Цифровые активы в конкурсной массе должника // Право и цифровая экономика. 2023. № 2. С. 34–42.

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.05.2018 № 09АП-16416/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Савельев А. И. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 8. С. 136–153.

⁵ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190, (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024).

⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.05.2018 № 09АП-16416/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Безусловно, было бы нецелесообразно представлять социальную страницу в социальной сети в отрыве от самой информации, доступ к которой закрыт самим пользователем от третьих лиц и доступ к которой предоставляется только самим владельцем¹. На наш взгляд, видится, что большую имущественную ценность представляют совершенно иные факторы: численность и охват аудитории, которые заинтересованы в просмотре данного аккаунта или страницы; в популярности самого пользователя; в востребованности со стороны рекламодателей, которые используют страницу в рекламных целях, за что пользователь получает вознаграждение и т.д. Немаловажную роль играет само содержание страницы, которую ведет пользователь. Таким образом можно проследить закономерную и тесную связь между владельцем страницы и его творческой деятельностью по наполнению ее содержания и экономической ценностью аккаунта. Чем популярнее владелец, тем более востребована страница социальной сети.

Из вышесказанного следует, что было бы нецелесообразным включать страницу социальной сети в конкурсную массу из-за тесной связи ее владельца и ее ликвидностью. Так, при продаже аккаунта третьему лицу, последнее не сможет в полном объеме извлекать прибыль без первоначального обладателя. Таким образом, видится логичным включать в конкурсную массу именно получаемый доход от данного объекта.

Но, в связи с этим возникает вопрос о порядке реализации такого конкурсного актива. Османова Д.О. в своей работе предлагает следующую форму – право требования к должнику об уплате дохода от деятельности за счет использования такого цифрового актива, как социальная страница².

К сожалению, на данный момент судебная практика и законодательство в России не может предоставить ответ на выше поставленный вопрос о возможности включения аккаунта в социальной сети в конкурсную массу, так как отсутствует соответствующая практика.

Именно поэтому необходимо обратиться к сравнительному правоведению, для анализа зарубежного законодательства и судебной практики.

Так, в 2015 году в Южном округе Онтарио рассматривалось дело № 14-22564, в котором судья постановил, что должник обязан передать кредиторам пароли от учетных записей в социальных сетях (аккаунты компании) в рамках конкурсного производства. Кредиторы рассматривали аккаунты как актив, которые обладают экономической ценностью и поэтому должны подлежать включению в конкурсную массу, в то время как должник рассматривал их не как собственность компании, а свою личную, которая не должна входить в конкурсную массу³.

Суд, в своем решении, не согласился с должником и указал, что аккаунт социальной сети компании подпадает под определение «property of the estate», под которым в широком смысле понимается всё имущество, обладающее имущественной ценностью⁴. Более того, суд указывал на то, что клиенты должника могли заходить на его страницу и тем самым узнать о новых товарах, то есть становясь при этом потенциальными покупателями. И несмотря на то, что должник часто упоминал свое имя на странице, эти действия не указывают на персонификации аккаунта⁵. Таким образом, если гражданин ведет свой аккаунт для продвижения собственной компании, то аккаунт в социальной сети представляет имущественную ценность и тем самым может быть частью конкурсной массы.

Подводя итог к вышесказанному следует отметить, что включение аккаунта социальной сети в конкурсную массу зависит от целей его использования. Так, если гражданин использует свою учетную запись в социальных сетях для предпринимательских целей и продвижения компании, то это актив. Однако, если гражданин использует свою учетную запись исключительно в личных целях, то аккаунт в социальных сетях не будет иметь какую-либо имущественную ценность, так как он неразрывно связан с личностью владельца аккаунта, но в то же время, те денежные средства, которые лицо получает от ведения аккаунта должны переходить в конкурсную массу.

---

¹ Османова Д. О. Цифровые активы в конкурсной массе должника // Право и цифровая экономика. 2023. № 2. С. 34–42.

² Там же.

³ Social media accounts in bankruptcy: business or personal. URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/social-media-accounts-in-bankruptcy-bus-31467/> (дата обращения: 17.02.2024).

⁴ 11 U. S. Code § 541 – Property of the estate <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/541> (дата обращения: 17.02.2024).

⁵ Memorandum opinion regarding motion of Jeremy alcede to revoke confirmation of plan. URL: <https://www.txscourts.gov/sites/txs/files/In%20re%20CTLI.pdf> (дата обращения: 17.02.2024) г.).

Беляева М. М.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Цифровая валюта (криптовалюта) в составе конкурсной массы должника

В современных реалиях экономическое пространство Российской Федерации стремительно развивается во многих направлениях, что обусловлено глобальной цифровизацией и движением в сторону нового типа общественного строя – информационного общества. В связи с этим возникает необходимость совершенствования, разветвления правового регулирования новых аспектов экономики. Одним из нововведений является цифровая валюта (криптовалюта), которая уже приобрела популярность как среди граждан России, так и на международном поле.

Рассмотрим понятие цифровой валюты (криптовалюты). Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей¹. Следовательно, цифровая валюта (криптовалюта) – это совокупность электронных данных, наделенных функцией платежа или инвестиции. Важно добавить, что криптовалюта не может являться средством платежа на территории Российской Федерации, так как единственной валютой платежа признается российский рубль. При этом криптовалюта и токены имеют определенную имущественную ценность, которая зависит от ценности заложенного в них ресурса (актива)².

В доктрине имеют место дискуссии о юридической природе криптовалюты. А. И. Савельев считает, что криптовалюту возможно отнести к объектам гражданских прав в качестве иного имущества, для которого необходимо создать специальное понятие, допускает использование криптовалюты в качестве платежного средства, однако деньгами в юридическом смысле ее не признает³. А. В. Саженов полагает, что правовая природа криптовалюты может быть установлена отнесением ее к вещам, включая этот объект в сформированную систему вещных и обязательственных правоотношений⁴. Важно отметить, что признание криптовалюты в качестве бестелесной вещи означает определение ее сущности в качестве имущественного права, чего автор не допускает. По мнению Л. Г. Ефимовой, криптовалюты не могут быть отнесены ни к вещам, ни к имущественным правам, они являются объектами абсолютного цифрового права, обозначенного в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ⁵.

Рассматривая юридическую природу цифровых валют, невозможно не обратить внимание на вопрос о возможности их включения в конкурсную массу должника при его банкротстве. Легальное определение конкурсной массы дано в пункте 1 статьи 131 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: «Все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства»⁶. Следовательно, конкурсная масса представляет собой имущество, при этом в отношении термина «имущество» в отечественной судебной практике по делам о банкротстве используется расширительное толкование⁷. Так, судом «имущество» рассматривается как «совокупность вещей, имущественных прав и обязательств должника, т.е. его активов и пассивов»⁸. По мнению Л.В. Санниковой, Ю.С. Харитоновой, к цифровым активам следует относить: 1) токены, 2) криптовалюты, 3) большие данные, 4) имена аккаунтов, 5) виртуальное игровое имущество⁹.

Относительно недавно Верховный Суд РФ вынес определение, в котором отнес криптовалюту к категории «имущество». Фабула дела состоит в том, что ПАО «Сбербанк» требовало взыскания с А. Попова

¹ См.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Белых В. С., Болобонова М. О. Перспективы правового регулирования цифровых финансовых активов в России: спорные вопросы теории и практики // Бизнес, менеджмент и право. 2019. № 1. С. 18–23.

³ Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 8. С. 136–153.

⁴ Саженов А. В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право : монография / отв. ред. Е. Б. Лаутс. М. : Статут, 2019. С. 157–180.

⁵ Ефимова Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4 (507).

⁶ См.: Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См., например: Постановление Президиума ВАС России от 20 сентября 2011 г. № 4344/11 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

⁸ Шишмарева Т. П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 38.

⁹ Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Правовая сущность новых цифровых прав // Закон. 2018. № 9. С. 86–88.

(далее – Ответчик) неосновательного обогащения в сумме 840 000 рублей, которую мошенники перечислили на счет ответчика, неправомерно списав их со счета клиентки (далее – Истец, Ксения) банка. Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении требования, что и привело дело в Верховный Суд РФ. Попов утверждал, что является «трейдером» (продавцом криптовалюты), при этом со счета клиентки банка Ксении деньги перечислялись частями, что для Ответчика являлось свидетельством того, что платежи Ксения совершала самостоятельно по своей воле. Гражданская коллегия указала, что в действиях Попова, которые заключались в передаче своего имущества (криптовалюты) взамен на получение денежных средств, противоправность отсутствует¹.

Особенности гражданского оборота криптовалют, заключающиеся в их исключительном нахождении в цифровой среде, фиксации в распределительном реестре на блокчейн-платформе², использовании специализированных виртуальных кошельков, защищенных шифрованием, возможности производить операции с криптовалютой анонимно, обуславливают формирование неоднозначной и противоречивой судебной практики по делам, связанным со спорами, предметом которых является криптовалюта.

Одним из запоминающихся прецедентов является постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. по делу № А40-124668/2017, в соответствии с которым криптовалюта была признана судом имуществом, имеющим экономическую ценность, и на основании этого включена в состав конкурсной массы³. Позднее в постановлении Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 июля 2018 по делу № А57-21957/2017 суд также пришел к выводу, что в силу анонимности пользователей и отсутствия контролирующего центра в системе криптовалюты точно определить принадлежность криптовалюты в криптовалютном кошельке конкретному субъекту не представляется возможным⁴. Иначе говоря, суд признал невозможность определения правообладателя цифровых прав.

Интерес представляет другое дело, при рассмотрении которого Арбитражный суд г. Москвы обязал должника передать данные доступа к криптокошельку финансовому управляющему в присутствии нотариуса, а также лично присутствовать при входе в кошелек «для составления акта-приема передачи имущества (биткоинов) с целью включения в конкурсную массу». Это определение оставили без изменения апелляционная и кассационная инстанции⁵. Таким образом, суд положительно решил вопрос о включении ЦФА в конкурсную массу. По мнению старшего юриста ЮК «РКТ», на основании подобных тенденций в судебной практике в скором будущем появится возможность включения в конкурсную массу №FT-токенов, Big data и даже оборотоспособных внутриигровых объектов⁶.

Однако стоит отметить, что суд не всегда положительно разрешает вопрос о включении криптовалюты в конкурсную массу должника. Например, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-243242/2021 суд отказал в удовлетворении требования о взыскании криптовалюты в связи с невозможностью определения ее принадлежности истцу⁷.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в настоящий момент национальное законодательство находится в состоянии неопределенности относительно места цифровой валюты (криптовалюты) в системе объектов гражданских правоотношений. В силу этого остается нерешенным вопрос о включении криптовалюты в состав конкурсной массы должника. Прийти к однозначному решению данного вопроса возможно только при должной конкретизации законодательства, регламентирующего правовой режим рассматриваемых объектов.

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 по делу № 44-КГ20-17-К7 // СПС «КонсультантПлюс».

² Старовойтова А. С. Проблемы гражданско-правовой защиты цифровых прав // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VIII Межд. науч.-практ.конф. 2019. С. 211–215.

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда г. Москвы от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.07.2018 по делу № А57-21957/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.08.2019 по делу № Ф05-8713/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ От признания до отрицания: как суды решают дела с криптовалютой // Правовое интернет-издание «Право.ру» // URL: <https://pravo.ru/story/239374/> (дата обращения: 09.03.2024).

⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.12.2022 по делу № А40-243242/21 // СПС «КонсультантПлюс».

Богданова Е. А.

СПби (ф) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Студент

Правовое положение криптовалюты в банкротном процессе

Интенсивные темпы цифровизации экономики создают новые институты, которые зачастую функционируют без участия государства. Поскольку данные процессы формируются и проходят без участия третьей стороны в виде представителей какой-либо власти, то вопрос о регулировании этих общественных отношений решает каждое государство отдельно в рамках своей национальной юрисдикции, более характерно это видно на примере экосистемы децентрализованных финансов (DeFi) и криптовалюты.

Сама природа криптовалюты заметно отличается от общих характеристик традиционных денежных систем. Ее стоимость формируется и изменяется исходя из количества инвестиций ее держателей, в отличие от всех ныне существующих систем, где ценность денежных единиц базируется на материальных благах. Также стоит отметить, что в этой системе присутствует анонимность пользователей, доподлинно нельзя персонифицировать отдельных держателей криптокошелька. Тем не менее в российской юрисдикции правовой статус криптовалюты до конца не понятен.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...»¹ (далее – ФЗ-259) в ч. 3 в ст. 1 раскрывает понятие «цифровая валюта», которое по своему смысловому содержанию совпадает с такими основными признаками криптовалюты, как:

1. возможность использования в качестве средства платежа,
2. в обороте не имеет обозначения как денежной единицы РФ, иностранного государства и т.д.
3. может являться способом инвестиции,
4. отсутствует эмиссионный, контрольно-управляющий центр,
5. отметки о совершении транзакций или других финансовых операций вносятся в реестр определенной информационной системы.

В рамках данного исследования, предлагается авторская дефиниция: криптовалюта – самоопределяемый и саморегулируемый актив в виде цифровой валюты.

Вопрос о принадлежности криптовалюты к той или иной правовой категории ставился неоднократно в современном научном дискурсе, особенно, учитывая природу данного актива. Текущая судебная практика не дает единообразного и внятного понимания ее положения в существующей правовой действительности, в том числе и в процессе банкротства физических и юридических лиц.

При анализе судебной практики следует обратить внимание, как в одном из апелляционных постановлений выявляется фундаментальная, здравая правовая позиция статуса криптовалюты в банкротном процессе. Рассматривая дело в апелляционной инстанции², суд отменил решение нижестоящего суда с указанием на нарушение норм материального права.

Ошибочно толкуя смысл ст. 128 ГК РФ³, должник возражал финансовому управляющему по его ходатайству о включении содержащейся на его криптокошельке криптовалюты в конкурсную массу, ссылаясь на тот факт, что данный актив не является объектом гражданских прав при буквальном толковании нормы. На это апелляция разъяснила, что список данной нормы является открытым. Важно учитывать фундаментальный принцип «экономической значимости имущества». Суд обозначил, что основания для исключения имущества из конкурсной массы предусмотрены только в ст. 131, 132, 213.25 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ «, произвольные решения суда не допускаются. Ввиду отсутствия контроля со стороны криптофинансовой биржи и невозможности идентификации пользователей, судом были перечислены основные способы определения принадлежности криптокошелька конкретному гражданину:

---

¹ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Российская газета. 2020. 6 августа. – № 173; СПС «КонсультантПлюс» <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.02.2024).

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 06.02.2024).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. 1994. 8 декабря. – № 238-239; URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 06.02.2024).

⁴ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190 ; СПС «КонсультантПлюс» <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.02.2024).

1. протоколирование получения доступа должником к криптокошельку на веб-странице в телекоммуникационной сети «Интернет» с дополнительным заверением доказательства у нотариуса;
2. личные пояснения должника, либо его представителя.

Специфика доказывания факта принадлежности конкретного криптокошелька базируется только на непосредственном признании самого гражданина-банкрота о наличии доступа к нему. Отсутствие в ФЗ «О несостоятельности» и АПК РФ мер воздействия на должника с целью принуждения его к действиям, направленным на подтверждение факта принадлежности криптокошелька, исключает возможность предотвращения ситуации сокрытия активов, имеющих экономическую ценность и подлежащих включению в конкурсную массу. Аналогичный прецедент нашел отражение в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа¹, где конкурсный кредитор, обращаясь с жалобой по факту бездействия финансового управляющего, указал на отсутствие в его действиях мер, адресованных на выявление у должника и его членов семьи криптовалюты. Ссылаясь на неопределенное положение этого актива, совокупность характерных особенностей в виде анонимности владельцев и отсутствие контроля за оборотом и ее отсутствие в списке объектов гражданских прав, перечисленных в ст. 128 ГК РФ, как основание для непризнания криптовалюты имуществом, суд отказал конкурсному кредитору в требованиях, содержащихся в его жалобе.

Помимо всего прочего, имеется и позиция коллегии по гражданским делам ВС РФ, где в казусе по неосновательному обогащению фигурирующую криптовалюту, в качестве предмета спорного договора купли-продажи, признали имуществом. Хоть основная правовая позиция сформирована в рамках сугубо классического цивилистического спора, но явная позиция ВС РФ по спорному вопросу правового статуса криптовалюты, дает правоприменителям возможность использовать данный прецедент для подтверждения своей позиции в иных спорах.

Вопрос идентификации криптовалюты в качестве имущества нашел свое упоминание в ч. 4 ст. 68 ФЗ «Об исполнительном производстве».

Законодатель не всегда успевает должным образом урегулировать новые для нашей юрисдикции общественные отношения, поэтому в будущем этот спорный вопрос следует решить.

В качестве авторской модели предлагаем следующее:

1. Как общую меру, необходимо произвести комплексное изменение законодательства разных отраслей. По аналогии с положением ч. 6 ст. 14 ФЗ-259, которая ставит условие применения института судебной защиты только при уведомлении налоговых органов о наличии, можно обязать держателей криптокошельков уведомлять соответствующие профильные государственные органы о регистрации на криптобирже. Изменение можно внести в ту же ст. 14 ФЗ-259 или в соответствующие положения НК РФ. В данном комплексе мер определяющим моментом будет условие соблюдения баланса норм императивного и диспозитивного характера.

2. В профильных правоотношениях (банкротное право), связанных с криптовалютой, следует обобщить судебную практику, которая на данный момент является разношерстной. При наличии не единого, но популярного мнения судов криптовалюту следует признать полноправным объектом гражданских прав.

3. Опять же как общую меру можно выдвинуть предложение о частичной легализации оборота криптовалюты. Следует заметить, что непосредственный оборот криптовалюты на территории нашей страны присутствует и было бы недальновидно при существующей общемировой тенденции развития этого актива запрещать ее использование. Запреты неизбежно ведут к вовлечению населения в теневую экономику. Следовательно, при соответствующем сбалансированном и эффективном уровне контроля со стороны государства использование криптовалюты станет фактором не только привлечения большего потока денежных средств в финансовую систему страны, но и упростит деятельность публичных и частных субъектов в различных отраслях права, в том числе и в сфере банкротства.

Исходя из всего вышперечисленного, допустимо констатировать тот факт, что тема фигурирования криптовалюты в банкротном процессе имеет место, исходя из анализа разноплановой судебной практики. Последнее только подтверждает спорный характер данного актива и необходимость его должного регулирования. Важно указать, что эффективная координация оборота криптовалюты заключается не только в локальном воздействии на конкретную отрасль, но и в общеправовом регламентировании общественных отношений для исключения правовых пробелов и коллизий.

---

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.10.2018 по делу № А57-21957/2017 // URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 06.02.2024).

Галиева Р. Р.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Судьба цифровых активов при банкротстве

Институт несостоятельности набирает все большие обороты. Так согласно статистике доля инициированных банкротных процедур, в первом квартале 2023 года выросла на 12 % в сравнении с аналогичным периодом 2022 года¹. В тех же временных рамках количество корпоративных банкротств упало почти на 50 %, что, однако, связано с мораторием на банкротство. Подобное развитие бросает новые вызовы законодателю и судебной системе. Как регулировать новые явления в уже давно расшитой канве института несостоятельности?

Цифровые права (digital rights) не так давно вошли в перечень объектов гражданских прав. В 2021 году законодатель ввел специальное регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Согласно ст. 1 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» ЦФА признаются цифровые права, включающие: денежные требования; возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; права участия в капитале непубличного акционерного общества; право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА. Их обращение (выпуск и учет) возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы². То есть ЦФА могут удостоверяют как денежные требования, так и корпоративные права.

Выпуск ЦФА начался только в середине 2022 г. Одна из первых сделок состоялась в июне 2022 г., ее участником стала компанией ВТБ Факторинг на платформе «Лайтхаус». В связи с этим обширной судебной практики, связанной с ЦФА, на данный момент нет.

Стоит отметить, что наибольшее сходство ЦФА имеют с эмиссионными ценными бумагами. Например, в Экспертном заключении по проекту № 419059-7 ФЗ «О цифровых финансовых активах...» за основу правового режима ЦФА взят известный действующему законодательству институт бездокументарных ценных бумаг³. Кроме того, большинство выпущенных ЦФА удостоверяют денежные требования. В связи с этим можно предположить, что в настоящее время ЦФА – это новая оболочка обращения денежных прав требований⁴.

ЦФА в соответствии со ст. 128 ГК РФ представляет собой объект гражданских прав, относящийся к имущественным правам. Однако ЦФА не подлежат разделу при отчуждении. Об этом свидетельствуют некоторые положения № 259-ФЗ. В частности, ч. 1 ст. 2 № 259-ФЗ говорит о том, что права, удостоверенные ЦФА, возникают у первого обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой осуществляется выпуск ЦФА, записи о зачислении ЦФА указанному лицу. Другими словами, законодатель предполагает, что права, удостоверяемые ЦФА, едины и переходят в комплексе. То есть не существует ситуации, при которой запись о смене обладателя может быть произведена только в отношении какого-либо одного права, связанного с конкретным ЦФА. Например, если ЦФА удостоверяет право участия в капитале непубличного акционерного общества, то невозможно произвести отчуждение лишь права на получение дивидендов без отчуждения иных прав.

Так, согласно п. 1 ст. 146 ГК РФ с переходом права на документальную ценную бумагу переходят все удостоверенные ею права в совокупности. Аналогичное можно наблюдать и у бездокументарных ценных бумаг. Например, Д.В. Ломакин, ссылаясь на положения п. 2 ст. 149.2 ГК РФ, пишет, что законодатель прямо говорит о едином моменте перехода комплекса прав участия (членства), удостоверяемых акцией, и приурочивает его к акту внесения приходной записи по лицевому счету приобретателя, открытому в реестре акционеров⁵.

---

¹ Статистика по несостоятельности (банкротству) URL: <https://fedresurs.ru/news/4353186e-a965-450c-9acf-8efd86cf6e39> (дата обращения: 07.03.2024).

² Леонтьева Н. Е. Цифровые финансовые активы: новый объект или давно известная сущность? // Образование и право. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-finansovyye-aktivyy-novyy-obekt-ili-davno-izvestnaya-suschnost> (дата обращения: 07.03.2024).

³ Правовое регулирование выпуска цифровых финансовых активов (Лаптева А. М.) // Журнал российского права. 2023. № 8.

⁴ Правовое регулирование выпуска цифровых финансовых активов (Лаптева А. М.) // Журнал российского права. 2023. № 8.

⁵ Корпоративное право : учебник // отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2019 (автор главы – Д. В. Ломакин).

Законодатель относит цифровые права к числу имущественных прав наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. В то же время необходимо отметить, что в ст. 128 ГК РФ цифровые права упоминаются наряду с бездокументарными ценными бумагами. Таким образом, законодатель не отождествляет эти права. Однако данному выводу противоречит абз. 2 п. 1 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», согласно которому акции непубличного общества могут быть выпущены в виде цифровых финансовых активов¹.

Согласно п. 4 ст. 1 № 259-ФЗ выпуск, учет и обращение эмиссионных ценных бумаг, возможность осуществления прав по которым удостоверяется ЦФА, регулируются Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» с учетом особенностей, предусмотренных Федеральным законом № 259-ФЗ.

Анализируя зарубежные правовые порядки, можно найти легально закрепленное сходство ЦФА и ценных бумаг. Так в американской правовой системе регулирование ЦФА основано на применении норм, ранее разработанных для регулирования рынка ценных бумаг².

Такой вид ЦФА как цифровая валюта признается имуществом Законом о банкротстве³. Она получила наибольшее распространение в судебной практике.

Один из главных кейсов, описывающих «судьбу» криптовалюты при банкротстве – дело Царькова. Во время судебной квалификации суд столкнулся с проблемой: криптовалюта относится к ценным бумагам, деньгам, или иным объектам гражданского права, поскольку сама по себе в ст. 128 ГК РФ она не поименована. Суд апелляционной инстанции отметил, что в гражданском законодательстве закреплен открытый перечень подобных объектов, поэтому отнесение цифровых активов к иному имуществу вполне реально.

Однако данный подход не получил широкого распространения в судебной практике. Например, в похожем кейсе⁴ суд пришел к диаметрально противоположному выводу. Он посчитал, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав, а если бы и была отнесена, то анонимность пользователей и иные ее особенности не позволили бы установить принадлежность именно должнику, следовательно, использовать в дальнейшем для удовлетворения требований кредиторов.

Ключевая проблема правового статуса криптовалюты при банкротстве – невозможность идентификации собственника. Однако с иными видами ЦФА дела обстоят иначе. К примеру, токены имеют определенного эмитента, потому что для их размещения используется технология блокчейн – последовательность блоков, содержащих информацию. Поэтому по цепочке последовательных переходов собственник такого вида ЦФА вполне определим.

Согласно ст. 131 Закона о банкротстве, все имущество должника подлежит включению в конкурсную массу, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Поскольку ЦФА не отнесены законодателем к числу таковых, логично предположить, что дело Царькова разрешено более верно.

Таким образом, включение любого актива в конкурсную массу идет на пользу банкротному процессу. Необходимо создать специальные правила учета, хранения и оценки ЦФА должника при рассмотрении дела о банкротстве. Эти правила должны дать ответы на многие вопросы: если должник захочет скрыть информацию о ЦФА, есть ли у арбитражного управляющего возможность установить их наличие? если есть, то как обеспечить ее сохранность от сделок, которые должник может совершить в обход арбитражного управляющего?

---

¹ Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав (Мельникова Т. В., Никиташина Н. А., Шаляева Ю. В.) («Юрист», 2023, № 11).

² Гирич М. Г., Ермохин И. С., Левашенко А. Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 176–192; Башкатов М., Айрапетян Л., Малахов А. [и др.] Виртуальные активы: токенизация и эмиссия токенов. М. : Фонд «Центр стратегических разработок», 2022. 40 с. ; Татоян А. А. Операции с цифровыми финансовыми активами в России и за рубежом: понятие, сущность и особенности для целей налогообложения // Образование и право. 2022. № 12. С. 101–104.

³ Ст. 2 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)». (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024).

⁴ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 июля 2018 г. по делу № А57-21957/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Гордиенко Е. В.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Банкротство криптовалютных бирж: ключевые проблемы и возможные решения

Следствием стремительного и неконтролируемого роста рынка криптовалют, начавшегося в 2010-х г. стала череда банкротств крупных криптобирж в новом десятилетии. Апогеем этого процесса стала «криптозима» – банкротство крупнейшей биржи FTX и резкое снижение стоимости финансовых криптоактивов¹.

Указанный пример предопределил научный интерес настоящего исследования. На первом месте среди проблем, которые могут возникнуть в процедуре банкротства криптобирж, обнаруживается сложность установления правовой природы фактически ключевого актива такого должника – криптовалюты.

Криптовалюта – это цифровой актив на основе технологии блокчейн, который использует криптографию для обеспечения безопасности и анонимности транзакций. Она применяется для различных целей, включая инвестирование, покупку товаров и услуг, а также для переводов и международных платежей.

Криптобиржи играют важную роль в экосистеме криптовалют, предоставляя пользователям возможность их покупки, продажи и обмена. Они также предоставляют различные сопутствующие услуги, такие как «хранение» криптовалюты, или связанные с ней торговые инструменты и аналитику. Доступность криптовалюты и рост активности в Интернете в результате пандемии COVID-19 создали для клиентов прекрасную возможность для исследования, инвестирования и продажи криптовалюты². Истории о клиентах и их недавно заработанных богатствах от простых инвестиций в криптовалюту разожгли пламя криптопомешательства. На фоне подобной популярности связанные с такой деятельностью риски были отодвинуты на второй план и, как показывает текущая действительность, очень зря.

Важно отметить, что единого подхода к природе криптовалюты до сих пор не существует, что на практике приводит к многочисленным проблемам в случае банкротства такого субъекта (о чем подробнее будет сказано далее). Так, в США суды до сих пор не сошлись во мнении о классификации криптовалюты как актива при банкротстве, маневрируя между ценной бумагой, биржевым товаром (commodity) и валютой³. Регулирующие органы по-разному подходят к решению вопроса о корректной классификации криптовалюты, что, в свою очередь, влияет на правовой режим такого актива в процедуре банкротства.

В частности, Комиссия по торговле товарными фьючерсами США квалифицировала криптовалюту как товар, а Комиссия по ценным бумагам и биржам США продолжает отстаивать позицию о том, что правовой режим криптовалют тождественен ценным бумагам. Банкротные суды, в отличие от указанных коллег, пока что не заняли однозначную позицию.

Важность решения данного вопроса предопределена объемом возможностей в рамках процедуры банкротства. В том случае, если суд по делам о банкротстве постановит, что криптовалюта является товаром, арбитражный управляющий сможет предотвратить ее мошеннические переводы путем восстановления «утраченных» криптовалютных токенов. В ситуации, когда суд по делам о банкротстве решит рассматривать криптовалюту в качестве валюты, перед арбитражным управляющим будет стоять почти невыполнимая задача – конвертировать указанную «валюту» в фиатные деньги.

Это обусловлено тем, что при рассмотрении подобных споров суды обращают внимание на три ключевых даты: дата первоначального депозита клиента в криптобирже, дата подачи криптобиржей заявления о банкротстве и дата распространения арбитражным управляющим имущества должника. Для должника и кредиторов эти даты означают разный размер оценки их требований, что потенциально может привести к нарушению их имущественных прав.

Подобное обнаружение подводит ко второй не менее важной проблеме, на которую следует обратить внимание, – незащищенность клиентов такого должника (по сравнению с обычной процедурой банкротства юридических лиц). Во многом первая и вторая проблема взаимосвязаны, поскольку обе проистекают из неопределенности правового режима криптовалюты.

---

¹ Keith Miller, John D. Penn & Sara Chenetz, Crypto-Related Bankruptcies Timeline, PERKINs COIE. URL: <https://www.virtualcurrencyreport.com/2022/09/crypto-related-bankruptcies-timeline> (дата обращения: 21.02.2024).

² I put my life savings incrypto': how a generation of amateurs got hooked on high-risk trading. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2021/jun/19/life-savings-in-crypto-generation-of-amateurs-hooked-on-high-risk-trading> (дата обращения: 21.02.2024).

³ Berkman Klein Center, A Brief History and Overview of Cryptocurrency. URL: www.cyber.harvard.edu/cyberlaw_winter10/A_brief_history_and_overview_of_cryptocurrency (дата обращения: 21.02.2024).

В том случае, если суд по делам о банкротстве решит квалифицировать действия криптокредиторов как операции с ценными бумагами, то сделки с участием биржевых брокеров, банков, инвестиционных компаний и клиринговых агентств будут освобождены от защиты «автоматического приостановления» (аналог моратория на удовлетворение требований кредиторов в российском праве) – фактически самого сильного защитного механизма для должника.

Учитывая подобные риски, многие криптовалютные биржи включают в клиентские соглашения положения, касающиеся правового статуса клиентов соответствующей биржи, определяя его в качестве общего необеспеченного кредитора или держателя акций. Это позволяет нивелировать риск неприменения реабилитационных механизмов в случае банкротства. Однако никто не информирует клиентов о том, что подобное условие в контексте банкротства означает понижение очереди до последнего значения. Это, свою очередь, порождает многочисленные споры уже в рамках процедуры банкротства.

Помимо этого, неопределенность правового режима криптовалюты приводит к тому, что криптовалютные кошельки не подлежат страхованию Федеральной корпорацией по страхованию вкладов (FDIC). Это означает, что в процедуре банкротства размещенные в криптовалюты средства растворяются в конкурсной массе, и, учитывая очередность удовлетворения требований клиентов, последние никогда не смогут их вернуть. И хотя некоторые криптовалюты, такие как Stablecoin, обеспечены реальной валютой, большинство из них не имеют запаса капитала для защиты от подобных событий.

Так что по сравнению с процедурой банкротства юридических лиц ситуация банкротства криптовалютных бирж во много раз усложняет статус клиента. Недостаточное регулирование указанного вопроса наряду с отсутствием устоявшейся судебной практики делает положение такого потенциального кредитора максимально нестабильным и незащищенным. В целях наиболее эффективной защиты российских граждан думается важным обратить внимание на обнаруженные в указанной части проблемы, имеющиеся в зарубежном законодательстве, с целью создания превентивного механизма от подобных ситуаций, учитывая распространенность и привлекательность деятельности с использованием криптовалюты.

Определение правовой природы криптовалюты позволит избежать связанных с этим вопросом судебных споров, а злоупотреблений со стороны должника.

По мнению автора настоящей работы, криптовалюта должна быть воспринята в качестве особого актива с разработкой соответствующего законодательства. Наиболее сбалансированным подходом, способным защитить права кредиторов, является рассмотрение криптовалюты как разновидности биржевого товара. Однако за неимением специального регулирования в указанной области думается возможным на текущий момент отождествить правовой режим криптовалюты с бездокументарными ценными бумагами.

Косяченко Е. Е.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аспирант

Правовая квалификация криптовалюты как объекта права для целей реализации в составе конкурсной массы

Стремительно меняющийся мир технологий привносит изменения в сложившийся социальный уклад. Не стоит также отрицать, что привлечение механизмов и результатов цифровизации, напрямую затрагивает и процедуру банкротства.

Банкротству как явлению отводится уникальное междисциплинарное место на стыке права и экономики. В последней сфере активные технологические изменения отмечены и закреплены в программе «Цифровая экономика Российской Федерации» утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1632-р от 28.06.2017¹.

В представляемой статье исследование процедуры банкротства через призму цифровой экономики будет рассмотрено предпринятием попытки правовой квалификации криптовалюты.

Рассматривая криптовалюту посредством возможности ее отнесения к объектам гражданских прав, стоит в первую очередь обратиться к соответствующей статье Гражданского кодекса РФ – 128².

---

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р // Официальный интернет-портал Правительства РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 19.02.2024).

² ст. 128, Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023). URL:

Так, в указанной статье имеется незакрытый перечень объектов гражданских прав, при этом криптовалюта, как известно, прямо не поименована.

Основной задачей данной статьи будет обоснование следующего положения: криптовалюта в настоящее время не имеет полноценной законодательной оценки, на время переходного периода к достижению первого ее можно относить к иному имуществу, тогда как в будущем перечень объектов может быть расширен в сторону добавления криптовалюты.

В основном законодательном базисе понятие криптовалюта действительно отсутствует. При этом законодательство в направлении цифровизации не стоит на месте, его развитие было отмечено принятием в 2020 году Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ.

Рассматриваемый закон устанавливает режим имущества для цифровой валюты (именно в эту группу можно отнести криптовалюту) для ряда Федеральных законов, в том числе профильного закона в сфере банкротства.

Если же речь заходит об отнесении криптовалюты к конкретному объекту в рамках 128 статьи Гражданского кодекса, то прийти к выводу о том, что криптовалюту в настоящее время следует относить к иному имуществу можно с использованием метода «от противного».

Доктринальные свойства имущества выделяет Е.А. Суханов, указывая, что понятие имущества непостоянно, оно может иметь разные смысловые нагрузки: использоваться для обозначения конкретных вещей, выступать в качестве совокупности прав и обязанностей субъекта либо совокупности вещей, прав требования, а также долгов (обязанностей).

Подобного мнения о широком характере понятия «имущество» придерживаются и другие ученые. Таким образом, можно прийти к выводу, что заложение законодателем открытости понятия и перечня имеет под собой цель оставления возможности включения новых объектов, в том числе появившихся в связи с технологическим развитием.

Криптовалюта не может быть отнесена к группе вещей по причине отсутствия ее законодательного введения в гражданский оборот. Аналогичный признак вещи и логика неотнесения встречается в позиции Верховного Суда по вопросам разрешения правовой квалификации самовольного строения.

Криптовалюта также нельзя признать и в качестве результата работ и услуг. При ее создании отсутствует как таковой процесс создания либо исполнитель, также отсутствует и обязательственный компонент.

Более того, криптовалюта не связана с творческой, мыслительной деятельностью человека, соответственно некорректным будет ее рассмотрение в качестве результата интеллектуальной деятельности. Вдобавок криптовалюта не является нематериальным благом, т.к. она не принадлежит человеку от рождения или в силу закона.

Соответственно, наиболее близким и общим понятием, к которому можно отнести криптовалюты в настоящее время – это иное имущество. При этом толкуя подобное понятие в рамках анализируемой статьи стоит обратить внимание на неясный объем наполнения группы «иное имущество», на исторический контекст вносимых изменений, а также на обладание криптовалютой признаками правовой химеры (подобно вещам криптовалюта может обладать самостоятельной ценностью, а подобно имущественным правам – криптовалюта не является объектом материального мира).

Соединяя в себе признаки вещи и имущественного права, при этом полноценно не соответствуя каждой из названных групп, криптовалюта может быть отнесена к иному имуществу. Имущество может быть прочтено по-разному, поэтому здесь также важно сделать оговорку, что термин «иное имущество» скорее носит характер собирательного, нежели чем представляет самостоятельный объект.

Предпосылки к отнесению криптовалюты к объектам гражданских прав уже сложились на практике.

Самым известным по состоянию на сегодняшнее время можно считать дело Царькова¹. Арбитражным управляющим был обнаружен крипто-кошелек, им же подано заявление о включении содержимого в конкурную массу и об обязанности о передаче пароля от кошелька. Примечательно, что добиться требуемого арбитражному управляющему удалось только в апелляционной инстанции, – суд первой инстанции вынес отказ по причине невозможности отнесения криптовалюты к какому-либо из типов имущества, более того, суд посчитал, что криптовалюта находится вне правового поля на территории РФ.

Позиция суда первой инстанции представляет особый интерес в рассмотрении вопроса включения объектов цифровизации в процесс банкротства, более того нередко другие суды придерживаются той же

---

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f7871578ce9b026c450f64790704bd48c7d94bcb/ (дата обращения: 19.02.2024)

¹ «09-ААС признал криптовалюту имуществом» // URL: <https://pravo.ru/story/202325/> (дата обращения: 19.02.2024).

позиции. Интерес заключается в соотношении позиции суда с принципами, положенными в основу процедуры. Встает закономерный вопрос – нарушаются ли права кредиторов, которые в связи с законодательными недостатками фактически лишаются права удовлетворении своих требований за счет конкурсной массы? Более того, подобная позиция российских судов может натолкнуть недобросовестных должников на ведение большей части денежного оборота в криптовалюте.

Возвращаясь к постановлению 9 Арбитражного апелляционного суда важно обратить внимание на указание суда, что любое имущество должника, которое имеет экономическую ценность для кредиторов, не может произвольно исключаться из конкурсной массы.

Логика отнесения криптовалюты как объекта к имуществу прослеживается и в позиции Верховного Суда РФ¹. Выходит, что криптовалюта может быть включена в конкурсную массу должника, а при невозможности ее реализации, может быть передана кредиторам в порядке отступного.

О потенциальном закреплении криптовалюты в качестве отдельного объекта в составе группы «иное имущество» также свидетельствуют и продвижение в сторону принятия цифровой валюты в целом и закреплении цифровых прав (в том числе дополнение ст. 141.1 Гражданского кодекса, поименование в ст. 128 ГК РФ).

Аналогичный интерес законодателя к цифровизации гражданского оборота проявляется и при указании цифрового рубля как отдельного объекта в составе иного имущества.

Закрепление криптовалюты в качестве объекта гражданских прав могло бы привести достаточно положительных изменений, к примеру, к появлению дополнительного объекта налогообложения, к справедливому разрешению банкротных дел в части выявления крипто-активов должника и их включения в конкурсную массу, к сокращению гражданских споров, связанных с крипто-валютой. А для разрешения гражданских споров, существующих уже сегодня, к криптовалюте возможно применение режима иного имущества.

Таким образом, появление криптовалюты в гражданском обороте, регулярные операции по их покупке и продаже, а также присвоением им фактической экономической ценности, скорее всего приведут законодателя в состояние необходимости признания криптовалюты в качестве объекта гражданского оборота в составе группы «иное имущество»

Лепешкин А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аспирант

Проблемы поиска и возврата цифровых финансовых активов в конкурсную массу должника

В наши дни криптовалюта используется как средство платежа, инвестиций и накопления имущества, представляет экономический интерес и имеет материальную ценность.

В 2022 году Россия вошла в тройку крупнейших стран по объемам криптодобычи, по результатам начала 2023 года Россия заняла второе место в мире². Подобный интерес к цифровым активам свидетельствует об актуальности регулирования данной сферы и возникающих в ней проблемах.

Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ³ законодатель отнес цифровые права к объектам гражданских прав (статья 128 Гражданского кодекса РФ⁴).

Вместе с дополнением перечня объектов гражданских прав законодатель дополнил главу 6 Гражданского кодекса РФ статьей 141.1, которая закрепляет понятие цифровых прав. Как отмечают С.А. Карелина, И.В. Фролов, «принятием указанной нормы законодатель фактически вплотную подошел к намерению устранить сформировавшуюся в настоящее время в правовой системе России неопределенность относительно природы, назначения и юридического оформления такой категории, как «криптовалюта»⁵.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. № 44-КГ20-17-К7 // Официальный портал Верховного Суда РФ / URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1976088 (дата обращения: 19.02.2024).

² См.: Криптовалюта и майнинг в России. Что изменилось за 2023 год // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/658be0b39a7947a6c793eabb?from=copy/> (дата обращения: 01.03.2024).

³ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2024).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2024).

⁵ Карелина С. А., Фролов И. В. Правовое регулирование обращения криптовалюты и технологий блокчейн в России: проблемы правоприменения в экономической деятельности и сфере несостоятельности (банкротства) // Правовое

Затем был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ¹ (далее – Закон о ЦФА), предметом которого является урегулирование отношений, возникающих при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, а также отношений, возникающих при обороте цифровой валюты в РФ.

Согласно части 2 статьи 1 Закона о ЦФА цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. Ю.К. Цареградская отмечает, что определением цифровых финансовых активов «законодатель определяет так называемые токены, которые являются средством инвестирования и существуют в цифровом виде в системе блокчейн»².

Отдельно статьей 19 Закона о ЦФА норма статьи 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) была дополнена частью второй, которая признает цифровую валюту для целей Закона о банкротстве имуществом.

Как отмечает С.А. Карелина, «созданное правовое регулирование ЦФА направлено прежде всего на установление алгоритмов государственного контроля за эмиссией и оборотом токенов как средством привлечения капитала резидентами РФ, видимо, чтобы пресечь недобросовестное поведение эмитентов»³.

Конкурсную массу должника составляет имущество, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства. Среди цифровых активов Т.П. Шишмарева выделяет «токены и криптовалюты, контент, большие данные (Big data), доменные имена и аккаунты, а также виртуальное игровое имущество (имеющее реальную или потенциальную стоимость)»⁴. По мнению И.В. Фролова, законодатель фактически относит криптовалюту к категории цифровых прав⁵.

Следовательно, для целей Закона о банкротстве указанные виды цифровых активов признаются имуществом, подлежат поиску и возврату в конкурсную массу в делах о банкротстве.

Одним из способов выявления цифровых активов является требование арбитражного управляющего об обязанности должника передать управляющему данные биржевых криптовалютных аккаунтов, доступ к биткоин-кошелькам (включая сайт доступа к кошельку, уникальный номер кошелька, пароль к кошельку), справки о наличии и (или) отсутствии средств на электронных кошельках, криптовалюты (E-gold, WebMoney Gold, Bitcoin, Litecoin, №ХТ, PRCoin и т.д.), сведений о наличии задекларированной криптовалюты, иных цифровых финансовых активах, которое удовлетворяется в полном объеме (постановления Арбитражного суда Московского округа от 15.02.2024 по делу № А40-262282/2021, от 27.06.2022 по делу № А41-26885/2020, от 15.08.2019 по делу № А40-12639/2016, Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.12.2022 по делу № А42-1581-11/2021, определения Арбитражного суда города Москвы от 21.02.2024 по делу № А40-167650/2023, Арбитражного суда Московской области от 09.02.2024 по делу № А41-101973/2023).

Заявление об истребовании доказательств нередко содержит связанное требование об обязанности личной передачи должником истребуемых данных в присутствии нотариуса. Личная передача обусловлена критерием исполнимости судебного акта: переданный пароль можно изменить в любой момент, а неверная раскладка клавиатуры (заглавные, прописные буквы, латиница) и ID-идентификатор могут создать проблемы при входе в аккаунт.

При этом истребование данных о цифровых активах допускается в банкротстве не только физических лиц, но и юридических лиц при истребовании финансовой и иной документации у директора общества.

регулирование экономических отношений в современных условиях цифровой экономики / кол. авт. ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М., 2019. С. 118–121.

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2024).

² Цареградская Ю. К. Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 32–38.

³ Карелина С. А. Институт несостоятельности (банкротства) в эпоху цифровизации // LegalTech в сфере предпринимательской деятельности : монография / Р. Н. Адельшин, Е. И. Андреева, Л. В. Андреева [и др.] ; отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2023. С. 100–110.

⁴ Шишмарева Т. П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 37–43.

⁵ Фролов И. В. Криптовалюта как цифровой финансовый актив в российской юрисдикции: к вопросу о вещной или обязательственной природе // Право и экономика. 2019. № 6. С. 5–17.

При оценке обоснованности истребования доказательств у криптовалютных бирж, суды указывают на необходимость предоставления достаточных доказательств наличия фактов владения криптовалютой, обращение взыскание на которую привело бы к пополнению конкурсной массы должника. При отсутствии доказательств владения криптовалютой в истребовании может быть отказано (постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.09.2021 по делу № А63-14676/2020, Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.04.2023 по делу № А65-20646/2019, от 05.02.2024 по делу № А65-20646/2019, Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2021 по делу № А40-131942/2020, от 30.08.2023 по делу № А40-147494/2019).

В подобных случаях отказ в истребовании доказательств обосновывается соблюдением правовой определенности, которая предполагает стабильность правового регулирования и исполнимость судебных решений (постановления КС РФ от 30.07.2001 № 13-П, от 05.02.2007 № 2-П). Отсутствие доказательств наличия криптовалюты не повлечет возможность исполнения судебного акта в нарушение статьи 16 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Биржи без верификации и некастодиальные кошельки¹ не позволяют истребовать данные о цифровых активах должника у самих бирж. При истребовании данных о регистрации лица на криптовалютной бирже, данных о его аккаунте, состоянии счета и сделках суд может отказать ввиду известности логинов, паролей для хранения криптовалюты только владельцу. Данное обстоятельство нивелирует возможность истребования обусловленных доказательств непосредственно у криптобиржи (определение Арбитражного суда Калининградской области от 01.02.2024 по делу № А21-2272-7/2023). Однако судебной практике известны случаи истребования сведений о криптокошельках и криптоактивах должника у криптовалютной биржи (определение Арбитражного суда Ульяновской области от 02.02.2024 по делу № А72-4636/2023).

При таких обстоятельствах способы пополнения конкурсной массы должника за счет поиска и возврата в нее цифровых финансовых активов представляются неэффективными.

Проблема заключается в том, что у лица возникает возможность скрыть от арбитражного управляющего активы без претерпевания гражданско-правовой ответственности. Для ее решения следует предусмотреть опровержимую презумпцию: при наличии доказательств принадлежности лицу цифровых финансовых активов предполагается, что лицо обладает достаточной информацией для доступа к ним. Уклонение от раскрытия арбитражному управляющему и суду указанной информации является основанием для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности (взыскания убытков) по обязательствам юридического лица, а в случае с банкротством физического лица – основанием для неосвобождения гражданина от обязательств по результатам реализации имущества гражданина.

В таком случае лицо будет привлечено к ответственности за недобросовестное уклонение и нераскрытие информации о доступе к цифровым финансовым активам. Предлагаемая презумпция перераспределит бремя доказывания наличия цифровых финансовых активов в целях пополнения конкурсной массы, предназначенной для удовлетворения требований кредиторов должника.

Мавлетхузин Т. И., Асадуллина Д. Д.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Студенты

Цифровой след в банкротстве: новые вызовы и возможности

Век, в который мы живем, можно смело назвать временем информации, технологий и цифровизации. Развитие информационно-коммуникационных систем, появление новых форм, средств и методов обработки информации, повсеместное использование онлайн-сервисов и социальных сетей привело к тому, что цифровые технологии проникли практически во все сферы нашей жизни. Люди проводят всё больше времени в «цифровом» пространстве, и порой даже не задумываются о том, сколько информации о них хранится на различных цифровых площадках всемирной паутины, и к каким юридическим последствиям может привести постоянный обмен данными.

¹ Картухин В. Ю., Кудрявцев А. В. Специфика регулирования и правового режима криптовалюты как отдельной категории имущественных прав должника – физического лица в процессе несостоятельности (банкротства) // Право и бизнес. 2023. № 4. С. 27–30.

В статье биржи без верификации определяются как централизованные онлайн-платформы без обязательного прохождения процедуры подтверждения личности (без KYC) и децентрализованные биржи (DEX), где процедура проверки личности полностью отсутствует; некастодиальные кошельки определяются как вид криптокошельков, в которых ключи принадлежат непосредственно его владельцу и не передаются третьим лицам.

Все чаще и чаще можно услышать такие термины, как «цифровой след», «цифровая тень», «цифровой профиль», «цифровое присутствие», «цифровой штамп». Отметим, что на сегодняшний день данные категории не имеют законодательного закрепления, однако активно используются в средствах массовой информации, научных исследованиях, а также рекомендательных (информационных) документах органов государственной власти. Так, например, Консультативный совет при Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) выпустил методические рекомендации¹, в которых представил свое видение данных категорий.

Приведем наиболее удачное, на наш взгляд, определение цифрового следа. Цифровой след – это информация о действиях, транзакциях, коммуникациях и иной активности человека, содержащаяся на цифровых площадках информационно-коммуникационной сети Интернет. Наглядными примерами такой информации могут служить данные, размещенные в личных аккаунтах в социальных сетях (записи, комментарии, фотографии, адреса и т.д.).

Изучение цифрового следа является инструментом, позволяющим узнать о деловой репутации, образе жизни, социальных связях, имущественном положении человека и использовать эту информацию с целью минимизации рисков, извлечения прибыли, выявления правонарушений и т.д. Так, банки анализируют социальные сети своих клиентов при выдаче кредита, бизнесмены анализируют цифровые профили своих контрагентов при заключении сделок, менеджеры по продажам и маркетологи занимаются аналитикой цифровых портретов своих потенциальных потребителей, а криминалисты используют цифровую доказательственную информацию в процессе расследования преступлений. Не стоят на месте и государственные органы: Федеральная антимонопольная служба и Федеральная налоговая служба добывают «цифровые улики» с помощью IP- и MAC-адресов. Наконец, изучение цифрового следа должника является одной из бурно развивающихся и активно применяемых практик, применяемых в процедурах банкротства.

Анализ цифрового следа должника является неординарным, но всё чаще используемым способом поиска скрытых активов должника, выявления подозрительных сделок, установления признаков аффилированности (например, факта родственных или дружеских отношений) и так далее. Такие данные о должнике являются весьма ценной информацией как для кредиторов, так и для арбитражных управляющих, и всё чаще используются в качестве доказательств в суде (так называемые электронные доказательства).

Остановимся подробнее на практике использования цифрового следа при установлении признаков аффилированности между различными участниками дела о банкротстве. Не секрет, что установить доподлинную связь между конкретными участниками дела о банкротстве (например, между арбитражным управляющим и кредитором, между кредитором и должником) проблематично, поскольку последние явно не стремятся «афишировать» дружеский характер их взаимоотношений, ведь он, как правило, носит недобросовестный характер и направлен во вред другим участникам дела о банкротстве. Анализ цифрового следа в подобных ситуациях является вспомогательным средством, способным раскрыть согласованный характер их действий, выявить признаки «контролируемого» банкротства.

Из анализа судебной практики следует, что суды принимают в качестве допустимых доказательств совместные фотографии, списки друзей, размещенные в социальных сетях участников дела о банкротстве. Так и произошло в деле о банкротстве ООО ПКФ «Прибой Сервис»², где суд использовал в качестве доказательства аффилированности участников дела о банкротстве сведения о «друзьях» из социальной сети «ВКонтакте», а в деле о банкротстве ПАО «Банк Премьер Кредит» суд при рассмотрении обособленного спора об оспаривании сделки учел, что, по данным социальной сети «ВКонтакте», один из участников сделки является племянником другого³.

Совместные фотографии, размещенные в социальных сетях, также могут помочь составить «карту связей». В деле о банкротстве ООО «ТД Сибирь» конкурсный управляющий оспорил сделки должника на сумму более 74 миллионов рублей⁴. Он установил, что платежи осуществлялись в пользу бывшей супруги учредителя должника. Несмотря на то что супруги ссылались на то, что давно развелись и не общаются, суд сделал вывод о наличии заинтересованности и признал платежи недействительными, поскольку в материалах дела были представлены скриншоты фотографий из социальной сети, на которых официально бывшие

---

¹ Методические рекомендации по организационной защите физическим лицом своих персональных данных Роскомнадзора. URL: <https://pd.rkn.gov.ru/library/p195/> (дата обращения: 02.03.2024).

² Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2023 № 15АП-22140/2022 по делу № А53-4752/2020.

³ Постановление арбитражного суда Московского округа от 16.10.2019 по делу № А40-139272/2017.

⁴ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2019 по делу № А67-10563/2017.

супруги вели себя как семья: ездили в совместный отпуск, отмечали семейные праздники, что следовало из их комментариев к фотографиям.

Необходимо понимать, что подобные сведения являются чаще всего косвенными доказательствами, т.е. суд не может лишь на основании этих доказательств установить факт аффилированности лиц¹. Тем не менее на сегодняшний день складывается положительная тенденция по использованию подобных доказательств, что предоставляет участникам дела о банкротстве широкий инструментарий для противодействия злоупотреблению правами.

Изучение цифрового следа должника позволяет арбитражному управляющему получить сведения об активах должника, его реальном местожительстве, передвижениях. На практике для получения такой информации арбитражный управляющий направляет запросы мобильным операторам, авиакомпаниям, каршеринговым организациям, сервисам доставки и интернет-магазинам. Так, например, сведения о реальном местожительстве должника позволяют сделать вывод о сокрытии им имущества и создании искусственного иммунитета на «единственное» жилье, которое фактически не является таковым.

Еще один цифровой след, который может быть оставлен должником при совершении звонков или отправлении сообщений – это IMEI-идентификатор мобильного устройства, отражающий его модель и серийный номер. Получение кода IMEI от мобильного оператора должника позволяет арбитражному управляющему установить, каким устройством пользуется должник. Принимая во внимание, что арбитражный управляющий действует в интересах конкурсной массы, использование должником дорогостоящего мобильного телефона нарушает права и законные интересы кредиторов в условиях недостаточности имущества должника для полного погашения реестра требований кредиторов. В одном из дел суд направил в адрес мобильного оператора должника запрос и в дальнейшем определил, что должник пользуется дорогостоящим мобильным телефоном, который не был учтен в качестве его активов².

Подытожим, что использование цифрового следа в банкротстве открывает новые возможности для его участников: с использованием современных технологий анализ данных можно проводить более быстро и точно, что способствует более эффективному проведению процедур банкротства. Однако вопросы цифрового следа в банкротстве также вызывают необходимость развития соответствующего законодательства и практики на уровне Верховного Суда Российской Федерации, в том числе для защиты данных и устранения возможности злоупотребления цифровым следом.

Мякинченко С. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Включение виртуальных игровых объектов в конкурсную массу должника: проблемы правоприменения

В современном мире цифровая экономика занимает значительное место в жизни общества. Виртуальные игровые объекты приобретают значительную ценность, порой превышая по своей стоимости реальные активы. Увеличение количества транзакций, связанных с покупкой и продажей виртуальных игровых объектов, требует решения не только проблем определения юридической природы таких объектов, но и проблем, связанных с их включением в конкурсную массу должника при банкротстве. Сложность при решении этого вопроса заключается в том, что традиционное законодательство часто не учитывает специфику цифровых активов. Это приводит к неопределенностям при рассмотрении дел о банкротстве по вопросу о включении в конкурсную массу таких объектов, в том числе виртуального игрового имущества.

Большинство многопользовательских онлайн-игр предлагают функцию внутриигровых покупок, которые позволяют игрокам улучшать характеристики своих персонажей, продлевать время игровых сессий и получать другие преимущества. Кроме того, множество игровых платформ дает возможность пользователям зарабатывать реальные деньги, превращая виртуальную экономику в часть реального мирового экономического оборота. Так, в игровом мире «Entropia Universe» были зафиксированы крупные сделки, включая покупку космической станции за 330 000 долларов США, что подчеркивает значительную

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.07.2021 № Ф05-10112/2018 по делу № А40-122284/2015, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.12.2023 № Ф09-5712/21 по делу № А60-27015/2020, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.07.2023 № Ф09-5861/21 по делу № А60-35075/2018.

² Определение Арбитражного суда Красноярского края от 29.08.2023 по делу № А33-29305/2021.

экономическую ценность виртуальных объектов внутри игровых платформ в современных условиях цифровизация.

Согласно ст. 131 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹, в конкурсную массу должника, признанного банкротом, включается все его имущество, наличное на дату открытия конкурсного производства, а также имущество, обнаруженное или приобретенное после этой даты. При этом существуют виды имущества, которые по ст. 446 ГПК РФ² и действующему законодательству о банкротстве исключаются из конкурсной массы. Виртуальные объекты не упоминаются среди этих видов имущества, что оставляет открытым вопрос о возможности их включения в состав активов должника для последующей реализации в рамках процедуры банкротства.

Для того чтобы ответить на указанный вопрос, необходимо решить, к каким видам объектов гражданских прав относятся виртуальные, в том числе внутриигровые, объекты. Можно ли включить их в открытый перечень объектов, относящихся к имуществу в соответствии со ст. 128 ГК РФ?³ Если это возможно, какова их природа как имущественных объектов?

На данный момент в российском законодательстве не существует официального определения термина «виртуальный объект». В доктрине применяются различные подходы к определению юридической природы внутриигровых объектов. В соответствии с вещно-правовой теорией пользователь обладает абсолютными правами на виртуальное игровое имущество, несмотря на его нематериальный характер и невозможность физического владения. Контроль над имуществом осуществляется через пароли аналогично физическому владению реальными вещами. Вещно-правовой режим для виртуального имущества предполагает его законное обращение на рынке, применение правил о виндикации и о добросовестном приобретателе⁴. Однако поскольку вещные права распространяются только на материальные объекты, с точки зрения формального подхода придать игровым объектам режим вещи нельзя. Анализ судебной практики⁵ показал, что исследуемые отношения могут быть признаны отношениями из игры, поскольку они ограничены ее рамками, поэтому не подлежат судебной защите на основании ст. 1062 ГК РФ⁶. Однако, учитывая отсутствие выигрыша в традиционном понимании и ориентацию на развлечение, такой подход также не представляется подходящим. Попытки квалифицировать виртуальные объекты как результат интеллектуальной деятельности сталкиваются с проблемами из-за возможности неограниченного приобретения идентичных объектов и сложности их индивидуальной квалификации. Подход, основанный на понимании виртуальных объектов как «киного имущества» согласно ст. 128 ГК РФ, хотя и предоставляет определенные права пользователям, требует дальнейшего развития и анализа в доктринальных исследованиях и судебной практике.

Следует признать, что в своем большинстве виртуальные игровые объекты являются результатом интеллектуальной деятельности, а именно сложными объектами, так как включают в себя и программу для ЭВМ, являющуюся основой как всей компьютерной игры, так и самого виртуального объекта, и художественное произведение (например, AWP «Градиент» в игре CS:GO).

Важно учитывать, что лицензионные соглашения обычно ограничивают права пользователей на виртуальные игровые объекты, запрещая их обмен, продажу или передачу вне игровой платформы и предусматривая возможность блокировки аккаунта за нарушение этих условий. Это означает, что виртуальные игровые объекты, оборот которых ограничен рамками игровой платформы, не могут считаться оборотоспособными активами для включения в конкурсную массу, ввиду ограничений, предусмотренных лицензионными соглашениями. Однако, лицензионные соглашения некоторых игр, например, «Entropia Universe», предполагают возможность использования виртуальных игровых объектов в реальной жизни (обмен на предметы реальной жизни). В таком случае мы можем говорить об общих правилах применения ст. 1235 ГК РФ, так как отношения, складывающиеся в связи с распоряжением и использованием виртуальным игровым объектом, выходят за рамки игровых отношений. Вышесказанное в контексте таких игровых

¹ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 36.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4523; СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 20.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32 Ст. 3301. СЗ РФ. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.

⁴ Лисаченко А. В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав. М., Юрайт. 2015. С. 10.

⁵ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.11.2014 по делу № А40-91072/14-90-176 // Картотека арбитражных дел. URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/277fdd53-f30b-4de4-a282-732bc448297e/773baf5c-4c12-44c4-840e-d46d4aaf7adb/A40-910722014_20141124_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.02.2024).

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4398.

объектов позволяет сделать вывод о применении к ним правил ч. 2 п. 1 ст. 1284 ГК РФ, согласно которой на право использования произведения, принадлежащее лицензиату, может быть обращено взыскание. В таком случае виртуальные игровые объекты подлежат включению в конкурсную массу. Данная правовая позиция находит отражение в судебной практике¹.

Также важно учитывать, что развитие блокчейн-игр, таких как EOS Dynasty, My Crypto и Heroes, предоставляющих право собственности на игровые объекты в виде цифровых токенов, открывает новые перспективы в мире виртуального имущества.

Множество подходов к трактовке имущества в законодательстве и доктрине подчеркивает его эволюционирующий характер, способный изменяться в соответствии с новыми потребностями и отношениями. Поэтому игровые объекты могут быть рассмотрены как часть имущества, подпадающего под категорию «иное имущество» и, соответственно, входящего в состав активов конкурсной массы должника. На данный момент разработка общего подхода к квалификации виртуальных объектов представляется сложной задачей, требующей индивидуального анализа каждого конкретного случая.

Таким образом, по общему правилу, виртуальные игровые объекты, являющиеся результатами интеллектуальной деятельности, не могут быть включены в конкурсную массу при банкротстве. Однако из данного правила существуют два важных исключения: игры с лицензионными соглашениями, в которых разрешено использование виртуальных игровых объектов в реальном мире, и блокчейн-игры, где виртуальное игровое имущество представляет собой цифровой токен.

Не меньшей проблемой при включении виртуальных игровых объектов в конкурсную массу являются затруднения в установлении самого факта наличия или отсутствия игровых объектов у должника. В контексте текущего развития подходов к виртуальным игровым объектам, арбитражным управляющим рекомендуется применять методики, аналогичные тем, что используются для работы с криптовалютой. В первую очередь, арбитражному управляющему следует направлять запросы должникам о наличии у них таких объектов. В случае нераскрытия должником данных сведений, арбитражный управляющий вправе обратиться в суд с ходатайством об истребовании доказательств.

При обнаружении игрового объекта, если должник отказывается передать его в конкурсную массу, арбитражному управляющему следует подать ходатайство в суд об истребовании игрового объекта у должника, то есть передать доступ к игровому аккаунту².

Необходимо отметить, что ввиду технических особенностей виртуальных игровых объектов довольно трудно получить контроль над данным активом и включить его в конкурсную массу без согласия и содействия должника, поскольку фактический контроль обеспечивается доступом к игровому аккаунту.

Для корректной оценки стоимости виртуального игрового объекта и выявления его потенциала на рынке, арбитражный управляющий должен тщательно анализировать текущие рыночные тенденции и спрос на аналогичные активы. Важно учитывать уникальность и редкость объекта, а также провести анализ его стоимости на игровых биржах. Кроме того, необходимо привлекать экспертов для профессиональной оценки этих объектов.

Таким образом, с учетом отсутствия специального правового регулирования, арбитражным управляющим стоит руководствоваться общими нормами законодательства о банкротстве, применимыми к имуществу. Практика постепенно развивается, однако представляется, что законодательное регулирование отношений по поводу включения виртуальных игровых объектов в конкурсную массу при банкротстве необходимо.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 96.

² См., напр: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс» [Официальный сайт]. URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/201805/u/usukkz7wdco3d_sa/Postanovlenie_suda_JWj.pdf (дата обращения: 03.03.2024) ; Постановление от 15 августа 2019 г. по делу № А40-12639/2016 // Судебные правовые акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/aRbTXzBxLBbd/> (дата обращения: 06.03.2024).

Савельева Е. В.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Магистрант

Правовой статус криптоактивов в рамках процедуры о несостоятельности (банкротстве)

В условиях цифровизации экономики актуальным становится вопрос о статусе цифровых активов, таких как криптовалюта и токены, при банкротстве. Действующее законодательство РФ не определяет их как имущество, что создает проблемы при реализации в процессе банкротства.

С одной стороны, отсутствие правового регулирования позволяет недобросовестным должникам скрывать активы, переводя их в криптовалюту. С другой стороны, из-за неопределенности статуса криптоактивов затруднена их реализация в интересах кредиторов.

Так, в недавнем деле о банкротстве должник перевел значительные средства в криптовалюту, но конкурсный управляющий не смог получить к ним доступ из-за анонимности кошелька. В результате активы не были включены в конкурсную массу, и требования кредиторов остались неудовлетворенными.

По мнению экспертов, для решения проблемы необходимо внести изменения в законодательство о банкротстве¹. Во-первых, следует четко определить цифровые финансовые активы, включая криптовалюты, как имущество должника. Во-вторых, нужно установить процедуры выявления таких активов и предоставления доступа к ним конкурсному управляющему. Например, при наличии доказательств владения криптокошельком. В-третьих, необходимо проработать механизм реализации криптоактивов, в том числе при невозможности идентифицировать владельца кошелька.

Таким образом, урегулирование статуса цифровых финансовых активов в процедуре банкротства будет способствовать защите прав кредиторов и не допустит злоупотреблений со стороны недобросовестных должников. При этом важно сбалансировать интересы всех участников процесса. Комплексное правовое регулирование необходимо для адаптации института банкротства к современным экономическим реалиям.

Цифровая революция переворачивает наш мир. Технологический прогресс породил цифровые финансовые активы, вызывающие необходимость правового регулирования. Их официальное закрепление в законодательстве крайне важно для использования в качестве платежного средства.

Выпуск и обращение цифровых активов – серьезный вызов законодателям. В 2020 году в России принят закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты»². Он определяет цифровые финансовые активы как имущественные права, реализуемые через распределенный реестр. После его принятия цифровые активы были включены в конкурсную массу при банкротстве. Это важно для должников, кредиторов и арбитражных управляющих.

Особенности цифровых активов остаются дискуссионным вопросом. Несмотря на принятый закон, российский регулятор, возможно, обходит эту тему. Считается, что требуется дополнительное регулирование, а терминологические споры продолжаются. Многие полагают, что цифровые активы – это лишь электронные данные, а не денежные единицы. Правила бухучета цифровых активов неясны из-за отсутствия регулирования. Тем не менее, их учет необходим арбитражным управляющим для выявления активов в интересах кредиторов³.

Проблема правового статуса цифровых финансовых активов и криптовалюты была замечена еще до законодательного регулирования. Суды уже наработали практику по делам о банкротстве, включая цифровые активы в конкурсную массу.

Яркий пример – дело о банкротстве Царькова – первый случай признания криптовалюты имуществом должника. Финансовый управляющий обнаружил криптокошелек с биткоинами, но должник отказался предоставить пароль. После решения суда пароль был получен, однако содержимое кошелька не включили в конкурсную массу.

Суд отметил сложность определения активов в криптовалюте, а также анонимность пользователей блокчейна. Поэтому включение цифровых активов было признано невозможным из-за выхода за рамки правового поля.

---

¹ Гаврин Д. А. Цифровые финансовые активы и валюта в делах о несостоятельности (банкротстве) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 82.

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.

³ Калинин П. Д. Правовое регулирование реализации цифровых активов должника // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 132.

Исключение криптоактивов нарушает интересы кредиторов и стимулирует должников переводить активы в цифровую форму. При оспаривании сделок с цифровыми активами возможно их отчуждение и вывод денег из криптовалюты.

Проблема правового статуса цифровых финансовых активов и криптовалюты была замечена еще до законодательного регулирования. Суды уже наработали практику по делам о банкротстве, включая цифровые активы в конкурсную массу.

Яркий пример — дело о банкротстве № А40–124668/17, первый случай признания криптовалюты имуществом должника¹. Финансовый управляющий обнаружил криптокошелек с биткоинами, но должник отказался предоставить пароль. После решения суда пароль был получен, однако содержимое кошелька не включили в конкурсную массу.

Суд отметил сложность определения активов в криптовалюте, а также анонимность пользователей блокчейна. Поэтому включение цифровых активов было признано невозможным из-за выхода за рамки правового поля.

Исключение криптоактивов нарушает интересы кредиторов и стимулирует должников переводить активы в цифровую форму. При оспаривании сделок с цифровыми активами возможно их отчуждение и вывод денег из криптовалюты.

Подводя итог, важно отметить, что цифровые финансовые активы в контексте процедуры банкротства подпадают под понятие «имущество». Это подтверждается судебной практикой и закреплено в законе «О цифровых финансовых активах». Однако этот закон — это лишь основа для будущих изменений. Он предусматривает обязанность запросить у должника информацию о наличии цифровых активов и криптовалюты. Сложности возникают из-за возможного недобросовестного поведения должника, который может скрывать данные.

Анонимность цифровых активов также осложняет поиск достоверной информации. Это требует совершенствования механизмов защиты прав кредиторов в российском законодательстве. Цифровые активы должны включаться в конкурсную массу для обеспечения справедливости. Законодатель должен определить их статус как обычных имущественных прав, учитывая отсутствие существенных различий.

Рассмотренный закон — первый шаг в регулировании цифровых активов при банкротстве. Он предусматривает запрос информации у должника, но сохраняются риски недобросовестного поведения и сокрытия данных. Анонимность цифровых активов затрудняет получение достоверной информации. В связи с этим российский законодатель должен совершенствовать механизмы защиты прав кредиторов в отношении цифровых финансовых активов.

Сотникова А. Ю.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Правовые проблемы включения цифровых финансовых активов в конкурсную массу несостоятельного должника

Цифровые финансовые активы (далее — ЦФА), такие как криптовалюты, токены и некоторые другие, всё шире используются в коммерческой деятельности предпринимателей для расчетов по финансовым операциям. При этом существующее нормативное регулирование не в полной мере отвечает их природе, и в случае банкротства должника его кредиторы при обращении в суд сталкиваются с проблемами, связанными со сложностями включения этих активов в конкурсную массу. Законодательство и судебная практика по этому вопросу пока не приведены в соответствие друг другу.

Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» (далее — ФЗ о ЦФА) определяет цифровые финансовые активы как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы².

---

¹ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 05.03.2018 по делу № А40-124668/17-71-160Ф // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

В доктрине к ЦФА относят, в частности, токены и криптовалюты, контент (информация интернет-ресурсов), большие данные (Big data), имена доменов и аккаунты, а также игровое имущество, находящееся в виртуальной плоскости¹.

Первыми случаями включения ЦФА в конкурсную массу в делах о банкротстве суды начали еще в 2018 году (в частности, первое такое дело – А40-124668/2017 и в особенности – Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по нему от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018²).

Исходя из с п. 1 ст. 131 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»³, всё имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, является конкурсной массой. Тем не менее, включить цифровые активы в состав конкурсной массы не так просто, как иное имущество. Сама природа цифровых активов усложняет их включение в конкурсную массу. Без согласия должника получить доступ к криптовалюте крайне трудно, если не невозможно. Тем не менее, есть только один единственный способ определить принадлежность цифровых активов – наличие кода доступа⁴. Криптокошельки ведутся под псевдонимами, что мешает доказать факт владения конкретным лицом таким активом⁵. Должник вполне может скрыть эту информацию; кроме того, вряд ли конкурсный управляющий будет заведомо знать о наличии такого имущества.

Конкурсный управляющий в рамках своих полномочий может направить запрос о предоставлении сведений о цифровых финансовых активах⁶. Так, в деле о банкротстве ООО «Национальное Диджитал Агентство» (№ А40– 39250/2020⁷) конкурсный управляющий обратился с апелляционной жалобой в Девятый арбитражный апелляционный суд, пытаясь добиться истребования доказательств у Росфинмониторинга. Бывший руководитель и единственный участник банкрота был привлечен к субсидиарной ответственности по требованиям, составлявшим в сумме 96 миллионов рублей. Налоговые органы не нашли у него дорогостоящего имущества. Конкурсный управляющий обратился в Росфинмониторинг с запросом о предоставлении информации о наличии криптовалюты в собственности должника. Регулирующий орган отказал, сославшись на недопустимость распространения сведений, составляющих тайну на основании ст. 8 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ⁸. Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении жалобы, поскольку «осуществление мероприятий, не относящихся к противодействию отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, включая предоставление сведений об информировании по конкретным сделкам, в целях, не связанных с возложенными на Росфинмониторинг задачами, выходит за рамки его полномочий»⁹. Кроме того, суды посчитали, что не были представлены доказательства наличия у Росфинмониторинга запрашиваемой информации.

В рамках имеющихся по Закону о банкротстве полномочий арбитражный управляющий не совсем бессилён. Он в состоянии, в частности, найти следы криптовалюты должника, если он приобретал ее на специализированных биржах по безналичному расчету: информация об этом может содержаться в выписке из банковских операций. Можно также направить запрос в адрес криптовалютной биржи: эта возможность имплицитно следует из содержания ст. 20.3 Закона о банкротстве. Нотариальный осмотр аккаунта на сайте

¹ См., например: Санникова Л. В., Харитоновна Ю. С. Правовая сущность новых финансовых активов // Закон. 2018. № 9. С. 87. Обзор мнений см.: Захаркина А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 507–508.

² Определение Арбитражного суда г. Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/17 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Шишмарёва Т. П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 41.

⁵ С. 32. См., кроме того, решение Ленинского районного суда г. Ульяновска от 13.04.2018 по делу № 1444/2018 // СПС «Гарант».

⁶ См., в частности, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 марта 2023 г. по делу № 09АП-2359/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/30c063f2-f2eb-4b54-9525-c0dbe309721e> (дата обращения: 05.12.2023).

⁷ Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f50e809a-c468-424f-9f6e-0c7ca301bf8a> (дата обращения: 05.12.2023).

⁸ Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-39250/20 от 25 апреля 2022 г. // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f50e809a-c468-424f-9f6e-0c7ca301bf8a/6021a6e0-13c4-4ab7-9ad7-6cd463e8c47b/A40-39250-2020_20220426_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.12.2023).

обмена криптовалюты может также заявить как свидетельство о факте перевода криптовалюты¹. Наконец, на мой взгляд, конкурсному управляющему в любом случае имеет смысл направлять запрос должнику с требованием раскрыть информацию о наличии криптовалюты и указывать, как именно нужно предоставить эту информацию: логин, уникальный номер, пароль на электронном носителе, а также лично присутствовать при входе в биткоин- кошелёк у нотариуса.

Отдельная проблема – хранение актива. Арбитражный управляющий обязан принять все возможные меры для сохранности имущества (п. 2 ст. 129 Закона о банкротстве) – это правило относится и к криптовалютам; при этом порядок хранения включенной в конкурсную массу криптовалюты не установлен. На практике конкурсные управляющие самостоятельно решают, как именно они будут обеспечивать ее сохранность. Один из вариантов – по аналогии со ст. 133 Закона о банкротстве создать новый криптовалютный кошелёк для перевода имеющейся валюты с кошелька должника. Такие действия, помимо прочего, исключают возможность должника провести сделки с криптовалютой в обход арбитражного управляющего².

Кроме того, цифровые финансовые активы могут обладать высокой волатильностью, что существенно усложняет их оценку и распределение между кредиторами. Например, если должник имеет значительные инвестиции в криптовалюты, то их стоимость может значительно изменяться в зависимости от текущей ситуации на рынке, а курс может существенно меняться в пределах даже нескольких часов. Впрочем, тут есть определенные тонкости: по общему правилу реализация имущества должника проводится на основании предложенного конкурсным управляющим и утвержденного собранием кредиторов или комитетом кредиторов порядка продажи имущества должника (п. 1.1 ст. 139 Закона о банкротстве), и в ряде случаев возможно реализовать такое имущество не посредством торгов, а путем заключения прямого договора купли-продажи. Так поступил Арбитражный суд Пермского края в определении от 11 января 2022 г. по делу № А50–6372/18³.

В целом включение ЦФА в конкурсную массу предполагает создание особых правил и процедур, которые помогут эффективно учитывать и оценивать соответствующие активы при рассмотрении дел о банкротстве должников. Для решения указанных проблем можно использовать следующие подходы:

1. Разработать единую систему учета и регулирования цифровых активов, которая позволит эффективно учитывать такие активы при рассмотрении дел о банкротстве. Это может включать создание специальных регистров цифровых активов и установление правил и процедур для их учета и оценки.
2. Создать методики оценки цифровых активов, учитывающих их высокую волатильность и риск потери доступа. Такие методики могут включать использование средневзвешенной стоимости актива за определенный период времени или экспертизы.

Федосеева А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Трансформация торгов в электронной форме в процедурах несостоятельности (банкротства)

Максимально полное и соразмерное удовлетворение требований кредиторов является главной целью процедур банкротства. На современном этапе развития цифровой экономики ее достижение наиболее полным образом обеспечивают торги в электронной форме.

Электронные торги позволяют привлечь наиболее широкий круг участников посредством предоставления заинтересованным лицам равного доступа к участию в торгах и, таким образом, должны обеспечивать высокую эффективность реализации имущества должника, однако статистические данные показывают иное. Так, по данным за 2015–2023 год, количество лотов по торгам, признанных несостоявшимися, продолжает значительно превышать количество успешно реализованных, при этом стоимость реализованного имущества существенно снижена по сравнению с начальной стоимостью⁴. Не

¹ Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 53.

² Криптовалюта в банкротстве: как ее найти и продать /Право.ру. Доступно по: URL: <https://pravo.ru/story/244806/> (дата обращения: 19.12.2023).

³ Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6b6a58a0-9464-41c6-ad49-91430194d51c> (дата обращения: 05.12.2023). Банкротилось физическое лицо.

⁴ Анализ торгов по банкротству и активности ЭТП по результатам 2015–2023 года // URL: <https://fedresurs.ru/news/b2da5c1e-8961-4f20-9dd4-653253ca2205>.

менее важной проблемой является затягивание процедуры банкротства. Осуществление продажи имущества происходит по истечении общего срока, предусмотренного процедурами конкурсного производства и реализации имущества в соответствии с Законом о банкротстве¹.

Иначе говоря, несмотря на многочисленные изменения института несостоятельности (банкротства) неэффективность торгов в электронной форме является серьезным вызовом. Эту проблему может решить Проект Федерального закона № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее – законопроект).

Помимо таких ключевых изменений этого законопроекта, как внедрение новой модели торгов, сходной с идеей «голландского аукциона», императивного указания законопроекта на содержание в заявке на участие в торгах обязательства приобрести имущество по цене предложения, он предусматривает и другие важные положения.

Так, серьезной проблемой современных электронных торгов является отсутствие достаточной информации на государственных сайтах по торгам. Огромное количество площадок для проведения торгов не позволяет покупателю охватить весь спектр представленных лотов. Поиск информации занимает много времени. Неудобный интерфейс осложняет процесс поиска лота. Законопроект предусматривает создание на государственном уровне системы раскрытия информации о конкурсной массе по образцу маркетплейсов. В ней будет формироваться вся электронная база об имуществе должника, об инвентаризации имущества, подготовке и проведении торгов. Это позволит пресечь недобросовестные действия арбитражных управляющих и наилучшим образом подготовиться к торгам на основе представленных сведений.

В настоящее время существует негосударственный маркетплейс электронных торгов «Единый Информатор». Он демонстрирует множество полезных опций в виде удобного интерфейса с возможностью покупателя предложить свою цену продавцу, что позволяет сформировать стоимость на основе анализа рынка, актуальной информации, способствующей сокращению временных и финансовых затрат. Среди преимуществ перед электронными площадками можно выделить сбор лотов с большого количества торговых площадок. Не менее интересным является возможность увидеть все имущество, реализуемое банком и разделенное по категориям, в отдельной брендированной витрине банка. Данный маркетплейс предусматривает несколько тарифных планов. Тариф «Профессионал» позволяет получить за дополнительную плату большее количество полезных функций, например, прямые ссылки на ЕФРСБ и электронные торговые площадки, большой объем опубликованной информации о лоте и документации и др.

Также существуют различные агрегаторы торгов, которые также помогают оценивать лоты со многих площадок. Среди них можно назвать сервис «ТBankrot», Probankrot.ru, бесплатный государственный поиск лотов, например, «Федресурс» и др. Несмотря на их широкий функционал они имеют определенные недостатки. Так, возникают трудности с оперативным обновлением большого объема информации. При этом система поиска, интерфейс до сих пор не являются удобными и эффективными, особенно у бесплатных официальных государственных агрегаторов. Таким образом, лицу без специализированного образования потребуется не только освоить правила проведения торгов, но и овладеть нюансами функционирования различных торговых площадок и агрегаторов, что может представлять дополнительную проблему для него. Необходимо учесть все их преимущества и недостатки и исправить их путем создания единого маркетплейса с простым и прозрачным использованием.

Огромным вызовом является страх потенциальных покупателей при проведении торгов на различных площадках, слабо развитых негосударственных маркетплейсах. Именно поэтому реализация положений законопроекта в доступном виде для покупателей является необходимой составляющей формирования высокоэффективного механизма проведения электронных торгов в сфере банкротства. Вовлеченность в процесс реализации имущества будет повышена в результате создания не только сайта «маркетплейса», но и мобильного приложения, которое позволит быстро отслеживать лоты, получать уведомления и упростит взаимодействие всех субъектов торгов. В зависимости от аналитической оценки количества просмотров страницы, добавления лота в закладки и другой активности потенциальных покупателей наиболее эффективным образом будет формироваться понимание уровня конкуренции, наличие/отсутствие спроса.

---

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. № 209-210. 02.11.2002.

² Проект Федерального закона № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.05.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем для оптимальной работы данной системы необходимо наделить ее оператора полномочиями варьировать цену исходя из покупательского спроса.

Обязанность организатора торгов обеспечить ознакомление потенциальных покупателей с имуществом должника вне зависимости от технической исправности средств связи была внесена в п. 9 ст. 110 Закона о банкротстве в 2016 г. Несмотря на это проблема информирования покупателей о состоянии лота является актуальной в настоящее время. Риск заинтересованных лиц купить по итогам торгов имущество, состояние которого будет отличаться от заявленного, по-прежнему высок. В связи с этим считаем необходимым закрепить в Законе о банкротстве обязательное требование в виде размещения фотографий и документов продаваемого имущества на странице торгов, что добавит им прозрачности и эффективности. Необходимо закрепить в Законе о банкротстве перечень всей документации, которую нужно опубликовать в числе всех сведений об имуществе. В настоящее время заинтересованным лицам требуется направлять запрос организатору торгов, чтобы ознакомиться со всей документацией и имуществом. Наиболее популярными средствами связи остаются телефонный номер и электронная почта, что не всегда является удобным и быстрым способом. Внедрение в функционал маркетплейса, электронной площадки возможности напрямую с интернет-страницы направить запрос на ознакомление существенно бы упростило реализацию процесса получения достоверных сведений о состоянии имущества должника. Автоматическая фиксация факта обращения потенциального покупателя за данной возможностью позволила бы быстрее реагировать организатору торгов на данное обращение.

Помимо этого, торги в электронной форме требуют бесперебойной работы электронной площадки, однако на практике это не всегда реализуется. В связи с этим необходимо обозначить гарантии участников на случай технических проблем на законодательном уровне.

К числу положительных изменений законопроекта можно отнести норму об обеспечении взаимодействия программно-технических средств электронной площадки с государственной информационной системой в соответствии с ч. 13 ст. 4 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». (далее – 44 – ФЗ). На практике часто возникают споры в случае технических перебоев при проведении торгов, а также это является действенным инструментом для злоупотреблений¹. Учитывая объемы и механизмы проведения торгов в рамках 44-ФЗ данное изменение поможет решить указанные проблемы. В связи с данной проблематикой не исключается рассмотрение вопроса о возвращении контроля антимонопольным органом за банкротными торгами, поскольку новый курс, предложенный Верховным Судом РФ, хотя и теоретически обоснован, но на практике негативно способствует защите прав участников торгов в связи с загруженной судебной системой и увеличением финансовых и временных затрат².

Таким образом, требуется модернизация электронной формы торгов и улучшение механизма взаимодействия покупателей с различными площадками, включая маркетплейсы. В случае принятия законопроекта необходим последующий анализ его реализации на практике для дальнейшего его совершенствования. С учетом огромного количества злоупотреблений и нарушений порядка проведения электронных торгов необходимо направить вектор правового регулирования в сторону внедрения дополнительных гарантий участников.

Яковлев А. Г.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Дистанционные технологии при проведении собраний кредиторов

С развитием передовых информационных технологий стал очевидным переход очных и громоздких структур в упрощенный информационный формат. Особенно явно это доказали ограничения в связи с эпидемией Covid-19, в результате которых многие сферы жизни перешли на дистанционный формат.

Подобное развитие цифровых технологий прослеживается и в сфере банкротства. Сначала законодателем был введен Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (ЕФРСБ), который ведется в электронной форме, в него регулярно вносятся сведения. Таким образом, все сведения оказывались общедоступными, не имеющими ограничений при передаче, что позволило собрать и обработать

---

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.11.2017 по делу № 306-ЭС17-10491, А57-15765/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2» О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» п. 37 // СПС «КонсультантПлюс».

необходимые данные о контрагентах и оценить возможные риски, возникающие при взаимоотношениях с ними.

В дальнейшем появилась практика дистанционного банкротства граждан и проведения собраний кредиторов должника с использованием дистанционных технологий. Практика применения последнего законодателем окончательно не закреплялась, но при этом активно применяется при осуществлении процедур банкротства, особенно когда у должника большое количество кредиторов и они находятся в разных регионах страны.

В этом есть и еще один плюс – участие в собрании, проводимом дистанционно, экономит денежные средства должника и других участников собрания. В таком формате отсутствуют расходы на аренду помещения и т.д., дополнительные транспортные и иные расходы, связанные с проведением собрания, в том числе не расходуются бюджетные средства, связанные с командировочными расходами сотрудников государственных органов, которые принимают участие в собрании.

Согласно ст. 12 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ арбитражный управляющий организует и проводит собрания кредиторов, при этом сам формат проведения собрания находится в дискреции арбитражного управляющего и кредиторов. В указанную арбитражным управляющим дату и время представители кредиторов собираются в заданном месте для обсуждения вопросов из повестки дня и голосования по ним. Тем не менее возможно проведение собрания как в очной, так и в дистанционной форме (через видеосвязь или электронные платформы), а также в заочной форме.

Несмотря на то что п. 4 ст. 213.8 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» допускает проводить в форме заочного голосования для сокращения расходов по делу, по настоящему ставшей результатом цифровых технологий такую форму назвать нельзя.

Тем не менее ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в части проведения собраний кредиторов с использованием дистанционных технологий не дополнялся, что порождает определенные сомнения у участников процедур банкротства в правомерности таких собраний, количество проводимых таким образом собраний неуклонно растет.

По данным официального сайта ЕФРСБ «Федресурс», на сегодняшний день наиболее заметными сервисами по предоставлению услуг, связанных с дистанционными собраниями, являются: Коннектор (SobKred.ru), Tender.one, Bankro.TECH, МЭТС, Россия онлайн и другие². Как правило, основными удобствами данных сервисов является автоматический подсчет голосов при голосовании кредиторов, анализ и составление журнала явки участников, качество аудио и видео передачи.

Тем не менее вопрос о законности проведения собраний в дистанционном формате регулярно поднимается на практике. К примеру, в деле № А60-19923/2021 о банкротстве екатеринбургского ООО «Иком» один из кредиторов оспаривал решение собрания кредиторов должника в связи с тем, что якобы не было законных оснований для проведения собрания дистанционно на электронной площадке для проведения собраний кредиторов «Коннектор»³. Данные доводы судом приняты не были, и он вынес определение, согласно которому в удовлетворении жалобы кредитора было отказано.

Суд пояснил, что кредитор не имел право голоса, так как являлся залоговым кредитором, кроме того, он также был надлежащим образом извещен о собрании. Что важнее, суд объяснил, что само по себе проведение собрания кредиторов в режиме дистанционного голосования не говорит о нарушении прав и законных интересов кредиторов при учете соблюдения арбитражным управляющим ряда требований.

Как известно, в соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» все кредиторы были уведомлены надлежащим образом о его проведении и проинформированы о порядке и месте ознакомления с материалами собрания. Чтобы соблюсти требования законодательства, арбитражный управляющий должен соблюсти следующие требования, применяемые исключительно при дистанционном формате проведения собрания кредиторов:

---

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. № 209-210. 02.11.2002.

² Практика использования дистанционного электронного голосования в банкротстве – СРО СОЭП // Федресурс, Исполнительный директор саморегулируемой организации операторов электронных площадок «Союз операторов электронных площадок» Липкин И. Б. URL: <https://fedresurs.ru/news/a9ee2b26-a252-47be-9773-56592fc6a359> (дата обращения: 01.03.2024).

³ Определение Арбитражного суда Свердловской области от 05.12.2022 № А60-19923-17/2021 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/570e67ed-dd46-4d89-a8a1-7e66571d3ec4/296da589-4bb1-41b8-b822-9868ba7b8049/A60-19923-2021_20221205_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.03.2024).

– К публикации на ЕФРСБ о проведении собрания кредиторов необходимо приложить руководство для участника собрания кредиторов, в котором будет отражен порядок использования электронной платформы и голосования в рамках нее.

– В сообщении обязательно должна быть указана точная ссылка, по которой кредитору нужно будет подключаться для участия в собрании кредиторов.

Указанные доводы подтверждаются актуальной судебной практикой (Решение АС Магаданской области от 14 апреля 2023 г. по делу № А37-105/2022, Определение АС г. Москвы от 03.03.2023 по делу № А41-36234/2020 и иные).

Как следует из пункта 1 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018¹, собрание кредиторов должника вправе принять решение по вопросу, прямо не отнесенному Законом о банкротстве к его компетенции. При этом такое решение не должно препятствовать осуществлению процедур банкротства и исполнению арбитражным управляющим его обязанностей, вторгаться в сферу компетенции иных лиц.

В пункте 7 названного Обзора отражено, что существенным обстоятельством, позволяющим принимать решения собрания в форме заочного голосования (без совместного присутствия, т.е. в том числе и посредством электронных средств), является ранее принятое решение собрание кредиторов о возможности проведения последующих собраний в форме заочного голосования (без совместного присутствия).

Таким образом Верховный суд также поддержал факт законности проведения собраний кредиторов с помощью электронных платформ или видеосвязи, что окончательно говорит о внедрении данных технологий в сферу банкротства.

Таким образом, существующая цифровая интеграция и внедрение новых технологий во все сферы жизни общества, не обходя стороной и процедуру банкротства. В настоящее время практика проведения дистанционных собраний кредиторов все больше становится обыденной ситуацией, экономящей время и денежные средства как кредиторов, так и должника.

---

¹ Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства // Президиум Верховного Суда РФ URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/27513/> (дата обращения: 02.03.2024).

Конференция «Недобросовестные практики в банковской деятельности»

Бардин Г. С.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Недобросовестные банковские практики при страховании для целей выдачи кредита

Недобросовестные практики в банковской сфере являются существенной проблемой, снижающей авторитет всей банковской системы в целом и банков в частности. Для борьбы с ними Банк России проводит проверки участников рынка и занимается просветительской деятельностью. Недобросовестное поведение на рынке при страховании для целей выдачи кредита является достаточно серьезной проблемой, на специфику и способы решения которой обращено внимание в настоящей статье на примере страхования предмета ипотеки и страхования жизни и здоровья.

При заключении кредитного договора банк может потребовать обеспечить исполнение заемщиком своих обязательств, например, залогом имущества (залог недвижимого имущества при оформлении кредитного договора называется ипотекой). При этом в соответствии со статьей 343 ГК РФ¹ залогодатель (если заложенное имущество находится у него) обязан застраховать имущество от рисков утраты и повреждения за свой счет на сумму не ниже размера обеспеченного залогом требования. Договор страхования предмета ипотеки заключается в пользу залогодержателя, если иное не установлено самим договором. Залогодатель обязуется за счет своих средств страховать заложенное имущество в полной стоимости (если же стоимость выше размера обеспеченного обязательства – на сумму не ниже суммы этого обязательства)². Страхование может произвести и сам залогодержатель, в этом случае он вправе потребовать возмещения своих расходов. Есть также ряд особенностей, касающихся страхования ответственности заемщика и страхования финансового риска кредитора. В отличие от страхования предмета залога при оформлении ипотеки страхование жизни и здоровья можно предложить по любому виду кредита. Подобный вид страхования предполагает, что в случае смерти или инвалидности (только I и II группы) страхования компания погасит долг. Законодательство в сфере страхования жизни и здоровья прошло существенную эволюцию, на данный момент законом сужен перечень случаев отказа страховой компании по выплате страхового возмещения. Особенность состоит в том, что банки выступают посредниками, за свои услуги они берут плату – комиссию.

Недобросовестные банковские практики в свете рассмотренных видов страхования могут носить разнообразный характер. Во-первых, остается нерешенным вопрос о правомерности взимания комиссии за подключение заемщика к программе страхования. Ряд судов занимает позицию, согласно которой подобный платеж носит незаконный характер и может быть рассмотрен в качестве недобросовестной банковской практики. Согласно позиции Свердловского областного суда и Московского городского суда³, в соответствии со статьей 10 ГК РФ предполагается ограничение принципа свободы договора в случае недобросовестного поведения банка, когда он явно выходит за пределы интересов заемщика, существенно завышая стоимость оказываемых услуг (то есть комиссии). Как указывают суды, нередки случаи, когда стоимость незначительных действий банка по передаче информации о заемщике страховой организации существенно превышает даже сами страховые взносы; стоимость услуги существенно перевешивает комфорт от нее⁴. Соответственно, делают вывод суды, недобросовестность в подобной ситуации очевидна. Выводы подтверждаются и рядом

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

² Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционные определения Московского городского суда от 12.08.2014 по делу № 33-29669, Свердловского областного суда от 10.01.2014 по делу № 33-103/2014 // URL: <https://www.asn-news.ru/post/901> (дата обращения: 08.03.2024).

⁴ Наталья Заруцкая. Финуполномоченный впервые назвал банки с неприемлемыми практиками.. // URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/06/02/978265-finupolnomochennii-nazval-banki-s-samim-bolshim-kolichestvom-zhalob> (дата обращения: 08.03.2024).

авторов в их научных работах¹. Во-вторых, при заключении договоров потребительского кредитования некоторые банки обуславливают выдачу кредита оформлением договора страхования с аккредитованной страховой организацией. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 27.07.2021 № 11-КГ21-15-К6, сама по себе обязанность страховать жизни и здоровье при выдаче кредита не являются нарушением законодательства Российской Федерации, но навязывание конкретного страховщика, который аккредитован банком (при этом остается неясным и подлежащим каждый раз установлению вопрос, соответствуют ли предъявляемые банком при аккредитации критерии законодательству Российской Федерации) является недобросовестной практикой, противоречащей законодательству Российской Федерации². В-третьих, наличествует также практика «двух страховок», по которой оформляется два договора страхования при заключении кредитного договора; неясным для потребителя услуги остается то, какой из них обеспечительный. Риски для заемщика состоят в том, что при досрочном возврате он может не получить часть выплаченной страховой премии от страховщика, поскольку тот будет ссылаться на договор, не являющийся обеспечительным. Подобная практика также должна быть рассмотрена в качестве недобросовестной рыночной практики. Только приведенные примеры свидетельствуют, что банки практикуют недобросовестное поведение на рынке, ищут новые способы обхода появляющихся со стороны актов Банка России, законодательства или судебной практики ограничений.

Решение подобной проблемы затруднено в связи с тем, что законодательство Российской Федерации большую роль в регулировании отводит договорным отношениям, а все договоры отследить невозможно, к тому же и не требуется. Одним из действенных способов являются проверки и рекомендации Банка России. Благодаря предписаниям регулятора удалось добиться существенного снижения показателей недобросовестных практик на рынке ипотечного кредитования³. Тем не менее, остается ряд проблем, которые решаются другим способом, например, повышением финансовой и правовой грамотности потребителей услуг. Этим также занимается Банк России совместно с Правительством Российской Федерации (в частности, Министерством финансов Российской Федерации). При рассмотрении механизмов решения проблемы недобросовестных банковских практик необходимо отметить, что не все участники рынка считают, что проблема эта массовая и носит серьезный характер. Вице-президент Ассоциации банков России, например, считает, что случаи недобросовестного поведения единичные.

Рассмотренная в работе проблема является важной для российского рынка кредитования, остается актуальной. Благодаря активным действиям Банка России, судов, Министерства финансов Российской Федерации, существенная часть противоречий разрешена. Дальнейшее улучшение ситуации с недобросовестными практиками в банковском секторе зависит во многом от самих банков, от того, как они будут реагировать на предупреждения и рекомендации уполномоченных органов.

Габелкова А. Д.

СПБИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Студент

Организационно-правовые аспекты борьбы с недобросовестными практиками банков, основанными на незаконном использовании персональных данных клиентов

Недобросовестные практики в финансовой системе любого государства уже давно не являются редкостью. В научной литературе данное понятие определяют как «любые умышленные действия в сегментах рынка финансовых услуг, связанные с обманом, злоупотреблением доверием или бездействием с целью получения выгоды»⁴.

В частности, в банковском сегменте недобросовестные практики можно разделить на две большие группы:

¹ Козлов М., Жукова Т. Вопросы правомерности комиссии за подключение к программе страхования // Банковское обозрение. Приложение «БанкНадзор». 2015. № 1. С. 53–56.

² Определение Верховного Суда РФ от 27.07.2021 № 11-КГ21-15-К6 // URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2023048 (дата обращения: 08.03.2024).

³ ЦБ отметил, что явные недобросовестные практики на рынке ипотеки ушли в прошлое // URL: <https://www.interfax.ru/business/923319> (дата обращения: 08.03.2024).

⁴ Некрасова Т. Н. Недобросовестные практики на рынке финансовых услуг как угроза экономической безопасности страны // Актуальные проблемы экономики и правления. 2019. № 3 (23). С. 23–26.

1) недобросовестные практики, представляющие интерес для банка: недобросовестное информирование, продажа неподходящих продуктов, непрозрачное ценообразование, связанная продажа и подмена продукта¹;

2) недобросовестные практики, представляющие интерес для сотрудника банка. К данной группе можно отнести оформление кредита на клиента без его ведома, перевод чужих средств на собственные счета, подделка данных о заемщике при оформлении кредита и продажа конфиденциальной информации о клиенте банка в корыстных целях².

В отечественном законодательстве предусмотрены нормы³, направленные на защиту персональных данных клиентов банка, среди которых наиболее важные – статья 857 ГК РФ («Банковская тайна»), Федеральный закон «О персональных данных».

Но несмотря на наличие правовой базы, охраняющей персональные данные клиентов банковских кредитных организаций, в последние годы нередки случаи злоупотребления сотрудниками банков своими служебными полномочиями в целях получения личной выгоды.

Так, ярким примером превышения должностных полномочий сотрудником банка является прецедент, случившийся в 2015 году в Республике Тыва. Работник кредитного отдела банка в целях получения средств для погашения собственной задолженности по кредитным обязательствам, обманывала клиентов, сообщая, что заявка на получение кредита отклонена (хотя на самом деле заявка одобрялась), после чего присваивала все деньги себе⁴.

Другой инцидент произошел в 2020 году в Кемерово, когда главный экономист корпоративного отдела Россельхозбанка, занимающийся работой с клиентами крупного бизнеса, перед своим уходом на работу в другую организацию, скопировал на личную почту конфиденциальную информацию о клиентах банка, после чего продал сведения третьим лицам⁵.

Достаточно показательной в аспекте превышения сотрудником банка своих полномочий в целях получения выгоды необходимо признать и деятельность, осуществляемую топ-менеджером МТС-банка в период с 2019 года по 2021 год. Он продавал помимо персональных данных клиентов, сведения о сумме кредитов, месте и дате заключения договора. Лица, получавшие от него информацию, далее передавали ее исполнительному директору агентства, оказывающего услуги по «списанию» кредитной задолженности граждан. За все время их совместной деятельности личная информация более 5 тысяч клиентов была незаконно передана в пользование третьим лицам⁶.

В чем причина того, что банковские работники способны практически беспрепятственно заимствовать персональные данные клиентов в целях личного обогащения? Вероятнее всего первостепенная проблема кроется в недостаточно качественном контроле за деятельностью банков. Для подтверждения этой мысли необходимо рассмотреть, какие методы контроля за деятельностью банковских кредитных организаций используются в Российской Федерации в настоящий момент.

Согласно Федеральному закону «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁷, ЦБ РФ является органом банковского надзора, использующим для этого следующие методы: дистанционный документарный надзор, инспектирование и лицензирование.

Целью дистанционного надзора является, в первую очередь, выявление проблем в деятельности кредитной организации, связанных с риском, и своевременное принятие мер по преодолению негативных последствий этих рисков. Инспектирование, в свою очередь, дает возможность оценить уровень финансового благосостояния банковской организации, правомерность ее деятельности, связанной с соблюдением действующего российского законодательства и нераспространения персональных данных клиентов, а также конкурентоспособность банка. В том случае, если коммерческий банк не соблюдает действующее

---

¹ Виды недобросовестного поведения участников финансового рынка. Центральный банк России.. URL: https://www.cbr.ru/protection_rights/np/ (дата обращения: 11.02.2024).

² Банковское мошенничество // SearchInform.. URL: <https://searchinform.ru/resheniya/otraslevye-resheniya/informatsionnaya-bezopasnost-bankov/bankovskoe-moshennichestvo> (дата обращения: 11.02.2024).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.12.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410 ; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

⁴ В Тыве сотрудницу банка подозревают в мошенничестве с кредитами // Хакасия Информ.. URL: <https://hakas.info/news/62810> (дата обращения: 12.02.2024).

⁵ Экс-сотрудника РСХБ приговорили к исправительным работам за разглашение данных клиентов // Интерфакс.. URL: <https://www.interfax.ru/russia/719076> (дата обращения: 12.02.2024).

⁶ Банкир продал базу // Коммерсантъ.. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5482258> (дата обращения: 13.02.2024).

⁷ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

законодательство, то Банк России вправе отозвать у этого банка лицензию на осуществление банковской деятельности¹.

Впрочем, надзор за деятельностью банковских организаций осуществляется с опорой не только на российское законодательство, но также используются некоторые международные принципы. Например, принципы Базельского комитета по банковскому надзору, декларирующие создание системы постоянного аудита, подвластного центральному банку, в каждом банке для осуществления постоянного высокоэффективного надзора за их внутрихозяйственной деятельностью. Кроме того, рекомендуется создать систему делегирования полномочий и обязанностей на всех уровнях. Особое внимание также уместно уделить возвращению среди сотрудников банка высоких этических и профессиональных стандартов для предотвращения совершения ими преступных деяний².

Анализируя представленные выше случаи использования сотрудниками банков персональных данных клиентов с целью получения выгоды, не составляет труда сделать вывод о том, что в настоящее время используемые методы контроля и надзора за деятельностью банков не являются достаточно эффективными, чтобы предоставить надежную защиту интересов их клиентов.

В связи с этим обстоятельством, встал острый вопрос о необходимости усовершенствования существующей в настоящее время системы контроля за деятельностью банков в Российской Федерации.

В первую очередь целесообразно законодательное закрепление за ЦБ РФ функции информационного мониторинга, заключающейся в сборе и анализе оперативной информации о деятельности банка и его сотрудников. Для достижения поставленной цели необходимо создать и внедрить систему непрерывного аудита банков. Более того, банки также, как и Центральный банк Российской Федерации, должны осуществлять функцию информационного мониторинга, путем постоянного аккумулирования и переработки массива поступающей информации для снижения числа недобросовестных практик внутри системы. Кроме того, следует ввести функцию по информированию клиентов, с последующим подписанием ими информационного согласия. Данная функция обеспечит понимание клиентами сути тех операций, в которых они принимают непосредственное участие. Это положение будет логичнее всего интегрировать в Главу III Федерального закона «О банках и банковской деятельности», затрагивающую некоторыми статьями защиту прав, интересов вкладчиков кредитных организаций³.

Помимо этого, для защиты прав вкладчиков кредитных организаций требуется закрепление в договоре вкладчика с банком пункта о предоставлении вкладчику актуальной информации о деятельности банка, его рентабельности и соблюдении им законодательства Российской Федерации.

Обратимся к международной практике, в которой уже достаточно давно широко распространен принцип «Знай своего клиента», предполагающий, что финансовая организация, прежде чем заключить договор с новым потребителем услуг, узнает о нем всю необходимую информацию (персональные данные, цель получения кредита и иное). Так почему же не существует противоположного ему принципа – «Знай своего банкира»? Существование данного принципа и его повсеместное применение позволило бы потенциальным клиентам банковских кредитных организаций заблаговременно удостовериться, что выбранный ими банк и его сотрудники не будут стремиться к личному обогащению, посредством использования информации о самом клиенте, его банковском счете и т.п.

Подводя итог, сто́ит отметить, что в данный момент в Российской Федерации действительно существует острая проблема утечки персональных данных клиентов банков. В ходе работы было выявлено, что основной причиной данного явления выступает недостаточный контроль за деятельностью банков со стороны Центрального банка Российской Федерации. В связи с этим были выдвинуты предложения по корректировке контрольного механизма, применяемого в сфере банковского надзора, при помощи следующих новаторских методов: закрепление за всеми звеньями банковской системы функции информационного мониторинга, а также за банковскими кредитными организациями функции по информированию клиентов, введение в деятельность банков принципа «Знай своего банкира».

---

¹ Банковский надзор // Большая российская энциклопедия.. URL: <https://bigenc.ru/c/bankovskii-nadzor-0ed6dd> (дата обращения: 12.02.2024).

² Core Principles Methodology // BIS. URL: <https://www.bis.org/publ/bcbs130.pdf> (дата обращения: 13.02.2024).

³ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

Даниленко Н. В., Малыгин И. Ю.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студенты

**Возврат страховой премии при погашении потребительского кредита:
эволюция недобросовестных практик и их регулирования**

Страхование рисков заемщика при потребительском кредите является одним из самых распространенных видов дополнительных услуг, имеющим достаточно обширный массив профильного регулирования, содержащегося в том числе в Федеральном законе от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»¹ (далее – Закон № 353-ФЗ). Однако наличие законодательства, защищающего интересы заемщиков, не может предотвратить появление в этой сфере недобросовестных практик, увеличивающих доход банков путем нарушения прав потребителей данной финансовой услуги. Одной из главных таких проблем является отказ в возврате страховых премий при досрочном погашении потребительского кредита. Для понимания ситуации нужно углубиться в историю правового регулирования вопроса.

В соответствии с частью 2.4 статьи 7 Закона № 353-ФЗ все страховые полисы по критериям их правовой связи с кредитом и последствиям для заемщика можно разделить на обеспечительные и необеспечительные. К первому виду согласно приведенной норме относятся договоры страхования, которые либо влияют на условия выданного кредита (реальный признак), либо в качестве выгодоприобретателя предусматривают кредитную организацию (номинальный признак). Наличия хотя бы одного из указанных признаков достаточно, чтобы признать страховку обеспечительной. Необеспечительные страховки – это страховки, не подпадающие под данные указанные законом признаки.

Данная классификация появилась с принятием Закона № 483-ФЗ² (далее – Закон № 483-ФЗ), которым в Закон № 353-ФЗ были внедрены первые положения доктрины *linked contract's*³. Она имеет существенное значение для решения вопросов: о возврате премий в случае досрочного прекращения кредита; о возможности наложения кредитором на заемщика санкции в виде повышения процентной ставки по кредиту (отмены дисконта) в случаях, если нарушаются требования к его обеспечению посредством страхования; о легитимности квалификации личного страхования как обеспечительного (вопреки ограничению, установленному пунктом 1 статьи 932 Гражданского кодекса РФ⁴).

Главной из перечисленных задач Закона № 483-ФЗ видится именно решение проблемы невозвратных страховых премий по договору добровольного страхования, заключенному в целях обеспечения исполнения обязательств заемщика по договору потребительского кредита (займа). Согласно части 12 статьи 11 Закона № 353-ФЗ (далее – специальная норма) в случае полного досрочного исполнения заемщиком, являющимся страхователем, обязательств по такому договору, страховщик на основании заявления заемщика обязан вернуть ему страховую премию за вычетом части, исчисляемой пропорционально времени, в течение которого действовало страхование.

До внедрения Законом № 483-ФЗ специальной нормы вопрос возврата решался судами исходя из норм, предусмотренных пунктами 1 и 3 статьи 958 ГК РФ (далее – общая норма). Страхование, включающее условия, напрямую не связанные с кредитом (например, возможность наступления страхового случая после выплаты кредита, либо определение срока действия договора страхования и размера страховой выплаты безотносительно к кредиту и сумме остатка по нему), признавалось судами самостоятельным – не имеющим отношения к кредиту. Вернуть премию по пункту 1 статьи 958 ГК РФ не представлялось возможным, так как договор продолжал действовать в силу сохранения риска наступления страхового случая. Отказ страхователя от необеспечительного полиса также не давал ему права на возврат страховой премии (абзац второй пункта 3

---

¹ Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

² Федеральный закон от 27.12.2019 № 483-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 11 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» и статью 9.1 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СЗ РФ. 2019. № 52 (ч. I). Ст. 7801.

³ См. подробнее: Гуна А. Н. Доктрина взаимосвязанных договоров (*linked contracts*): сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11. С. 52–95.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (далее – ГК РФ) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

статьи 958 ГК РФ). Такая практика была официально признана Верховным Судом РФ правомерной и соответствующей действующему на тот момент регулированию¹.

Вышеописанные поправки, введенные Законом № 483-ФЗ, породили в науке справедливые ожидания об изменении правоприменительной практики в данном вопросе в пользу потребителя. Так, в своем труде, вышедшем в 2020 году, И.Е. Михеева выразила следующее мнение: «После вступления указанных изменений в законную силу многолетние практики отказа в возврате страхового возмещения будут исключены, и у заемщика при досрочном погашении всей суммы кредита появится право на возврат страховой премии независимо от условий договора страхования»².

Вместе с тем, время показало, что, несмотря на старания законодателя в вопросе защиты прав потребителей услуг потребительского кредитования, указанная норма не искоренила проблему. Во-первых, потому что, как было отмечено выше, норма пункта 12 статьи 11 Закона № 353-ФЗ является специальной, то есть распространяется только на обеспечительные страховки. Возврат же страховых премий по необеспечительным страховкам в случае досрочного возврата потребительского кредита продолжает регулироваться пунктами 1 и 3 статьи 958 ГК РФ, в связи с чем суды продолжают правомерно отказывать потребителям в заявленных ими требованиях³. А во-вторых, ввиду того, что банками был порожден ряд недобросовестных практик в целях обхода специальной нормы и получения дополнительной прибыли от невозвратных страховых премий. Рассмотрим наиболее популярные из них.

Формально трактуя норму части 2.4 статьи 7 Закона № 353-ФЗ, страховщики стали разделять риски внутри договора страхования на связанные с обеспечением и нет. Это приводило к тому, что страховые организации возвращали страховую премию только по тем страховкам, которые покрывали исключительно риски, которые, по их мнению, служили целям обеспечения договора потребительского кредита. В информационном письме Банк России⁴ признал данную практику недобросовестной в связи с тем, что закон не содержит оговорки о рисках, служащих целям обеспечения исполнения обязательств, и рисках, не преследующих такую цель.

Другой практикой, созданной для обхода нововведенных рестрикций, стало «двойное страхование»⁵. Клиенту в данной практике оформляются два полиса с большой разницей в цене – один обеспечительный (по минимальной цене), а другой необеспечительный (с высокой комиссией банка за продажу). Цель указанной практики – при досрочном погашении кредита не допустить возврата страховой премии по необеспечительной страховке посредством перевода вопроса возврата премий из сферы действия правил специальной нормы в область применения общей нормы статьи 958 ГК РФ.

Иным способом обхода действия специальной нормы стала практика «переноса (перераспределения)» цены страховой услуги. Так, страховка при заключении договора потребительского кредита продается в совокупности с иными товарами и услугами, например, с флеш-картой, содержащей неперiodическое издание «Альманах потребителя»⁶. «Страховая премия» в таком случае фактически представляет собой два платежа: один из них есть собственно страховая премия, а второй – значительно больший – является оплатой данного дополнительного продукта, возврат стоимости которого после окончания периода охлаждения становился невозможен.

---

¹ п. 7 Обзора практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по добровольному личному страхованию, связанному с предоставлением потребительского кредита (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. Ноябрь. 2019.

² Михеева И. Е. Недобросовестные практики страхования при потребительском кредитовании // Банковское право. 2020. № 4. С. 37–43.

³ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2023 № 88-8581/2023; Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2023 № 88-8586/2023.

⁴ Информационное письмо Банка России от 13.07.2021 № ИН-06-59/50 «О возврате части уплаченной страховой премии по отдельным страховым рискам при досрочном исполнении заемщиком обязательств по договору потребительского кредита (займа)» // Вестник Банка России. № 49. 21.07.2021.

⁵ Апелляционное определение Московского областного суда № 33-5785/2014 от 14 апреля 2014 г. по делу № 33-5785/2014; Решение Краснопереконского районного суда г. Ярославля (Ярославская область) № 2-671/2019 2-671/2019-М-396/2019 М-396/2019 от 29 мая 2019 г. по делу № 2-671/2019.

⁶ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 июня 2022 г. по делу № А76-41404/2021; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 марта 2022 г. по делу № А76-34836/2021.

Благодаря ужесточению требований об информировании заемщика о приобретаемой им дополнительной услуге в соответствии с частями 2 и 2.7 статьи 7 Закона № 353-ФЗ и указанием Банка России от 17.05.2022 № 6139-У¹ вышеописанные недобросовестные практики постепенно приходят в упадок.

Искоренению сложившейся ситуации препятствует существование так называемого института «банкострахования», под которым понимается процесс интеграции коммерческих банков и страховых компаний в целях реализации как страховых, так и банковских продуктов на основе совмещения каналов продаж и клиентской базы партнера². Страховщики, обладая значительно меньшей рыночной силой, вынуждены идти на сотрудничество с банками, принимая их условия. Видится, что необходимо предпринимать меры по исправлению причин появления недобросовестных практик, а не их «симптомов», например, переосмыслив природу страхования при кредите, признав ее страхованием рисков самого банка (статья 933 ГК РФ), в котором у него нет оснований требовать уплаты страховой премии заемщиком.

Таким образом, появление деления страховок на обеспечительные и необеспечительные создало дифференцированный подход к возврату страховых премий. Премии по обеспечительным страховкам, если они не обременены недобросовестными практиками, возвращаются по специальным нормам Закона № 353-ФЗ, с учетом интересов слабой стороны – заемщика. Возврат же премий по необеспечительным страховкам все еще правомерно осуществлять именно по общим правилам, предусмотренным ГК РФ.

Емельянова С. М.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Misselling: введение в заблуждение потребителей финансовых продуктов и услуг

Банк России, осуществляя поведенческий надзор за деятельностью финансовых организаций, в последние годы все чаще обращает внимание на распространение так называемого misconduct conduction – «ненадлежащего поведения», которое объединяет различные виды недобросовестных практик в банковской деятельности. Так, в августе 2021 года Банк России подготовил глоссарий³, в котором систематизировал пять видов недобросовестных практик на финансовом рынке, дал им определение и краткую характеристику. Кроме того, в мае 2023 года было опубликовано Письмо Банка России № 59-3-5/26752 «О публикациях недобросовестных практик на сайте Банка России»⁴, где мегарегулятор в целях информирования потребителей финансовых услуг сообщил о размещении на своем сайте последних актуальных примеров недобросовестного поведения банков и кредитных организаций. В условиях повышенного внимания Центрального банка Российской Федерации к защите потребителей от злоупотреблений финансовых организаций я хочу рассмотреть в своей работе подмену финансового продукта (mis-selling) как одну из самых распространенных недобросовестных практик на рынке финансовых услуг.

Законодательного определения данного понятия нет, в науке термин также слабо проработан. Уже упомянутый мною глоссарий определяет подмену продукта как «продажу одного финансового продукта под видом другого», при этом Банк России акцентирует внимание, что приведенное определение отражает mis-selling в узком смысле, хотя также mis-selling нередко используется для обозначения любой неприемлемой практики или недобросовестного поведения финансовых организаций при их взаимодействии с

---

¹ Указание Банка России от 17.05.2022 № 6139-У «О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления добровольного страхования жизни и здоровья заемщика по договору потребительского кредита (займа), к объему и содержанию предоставляемой информации о договоре добровольного страхования жизни и здоровья заемщика по договору потребительского кредита (займа), а также о форме, способах и порядке предоставления указанной информации» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.09.2022 № 70179) // Вестник Банка России. № 47. 05.10.2022.

² Салимова Т. А., Екимов А. В. Содержание понятия «Банкострахование» и тенденции развития банковского страхования в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 36 (318). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-bankostrahovanie-i-tendentsii-razvitiya-bankovskogo-strahovaniya-v-rossii> (дата обращения: 01.03.2024).

³ Глоссарий Банка России с основными видами недобросовестных практик от 02.08.2021 // URL: https://static.consultant.ru/obj/file/doc/bank_020821-np.pdf (дата обращения: 05.03.2024).

⁴ Письмо Банка России от 28. 04. 2023 года № 59-3-5.26752 «О публикациях недобросовестных практик на сайте Банка России» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406752638/?ysclid=lsd8cofk9j208058432> (дата обращения: 05.03.2024).

потребителями и инвесторами¹. В практике Великобритании mis-selling понимается как неспособность организации обеспечить для потребителей услуг «справедливые результаты», которые включают (i) справедливое отношение к потребителям услуг; (ii) понимание потребителями ключевых особенностей продуктов или услуг, предоставление им всей необходимой информации; (iii) принятие взвешенного решения о вложении средств в покупку продукта или услуги на основании правдивой, четкой информации, которая не вводит в заблуждение, а также (iv) рекомендацию со стороны продающей организации только подходящих продуктов². Интересно, что в Великобритании mis-selling выражается в двух формах – предоставление вводящей в заблуждение информации и рекомендация приобрести неподходящие продукты³, которая Банком России выделяется в качестве самостоятельного вида недобросовестного поведения финансовых организаций и определяется как «продажа неподходящих продуктов (unsuitable selling)». Разграничить две названные недобросовестные практики действительно трудно, ведь продажа неподходящего продукта обусловлена поверхностными знаниями о рынке финансовых услуг, возрастом, психологической склонностью к риску и другими особенностями наиболее уязвимых категорий населения. Те же факторы влияют на легкость введения в заблуждение финансовыми организациями своих клиентов относительно видов продаваемых продуктов. Банк России, разграничивая эти понятия, приводит конкретные примеры: продажа неподходящих продуктов, это, например, (i) продажа инвестиционных продуктов, предполагающих получение дохода в долгосрочной перспективе, социально незащищенным слоям населения и гражданам пенсионного возраста и (ii) продажа продуктов с высоким уровнем риска без оценки аппетита к риску клиента; а подмена продукта, это (i) предложение комбинированного продукта, инвестиционного или страхового продукта под видом банковского вклада и (ii) предложение услуг компаний, не имеющих лицензию Банка России (не входящих в реестр Банка России), под видом лицензированной деятельности. Таким образом, можно говорить о более сознательном характере недобросовестного поведения в форме mis-selling, так как финансовой организации нужно приложить определенные усилия, чтобы «навязать» клиенту продукт или услугу, которые очевидно не должны были быть изначально проданы, в то время как продажа неподходящих продуктов характеризуется скорее незаинтересованностью финансовой организации, отсутствием с ее стороны усилий по разъяснению потребителям неподходящего характера продукта или услуги – она просто продает, не задумываясь о пользе для конкретного потребителя.

На практике подмена продукта является довольно частым явлением и постоянно становится объектом внимания широкой общественности. Так, например, Эльвира Набиуллина, председатель Банка России, в одном из своих выступлений перечислила случаи mis-selling⁴: потребителю, имеющему ежемесячный доход в размере двадцати тысяч рублей в месяц, продали паи паевого инвестиционного фонда вместо оформления вклада; другому потребителю оформили договор накопительного страхования жизни с ежемесячными взносами в размере ста тысяч рублей в течение пяти лет, акцентируя внимание, что заключение соответствующего договора является условием открытия вклада. Кроме того, председатель Банка России также рассказала о «вопиющей» практике оформления услуг против воли гражданина – клиенту предложили оформить два договора страхования: один в обеспечение (покрывает риски по кредиту) с небольшой страховой премией, а второй как добровольный, дороже в десять раз, и, хотя мужчина поставил отметку о согласии только на обеспечительную страховку, финансовая организация оформила оба варианта.

Обеспокоенность мега-регулятора финансового рынка злоупотреблениями банков и небанковских кредитных организаций выразилась в принятии конкретных мер по защите потребителей: с сентября 2022 года Банк России может приостанавливать продажи и требовать возврата потребителям денег при обнаружении подмены продукта или иной недобросовестной практики – соответствующее Указание⁵ было

¹ Виды недобросовестного поведения участников финансового рынка // URL: https://cbr.ru/protection_rights/np/ (дата обращения: 05.03.2024).

² Financial Services Authority. Final guidance: Risks to customers from financial incentives, 2013, P. 9 // URL: <https://www.fca.org.uk/publication/finalised-guidance/fsa-fg13-01.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).

³ Financial Conduct Authority. Financial services mis-selling: regulation and redress. Report by the Comptroller and Auditor General, 2016, P. 5. URL: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2016/02/Financial-services-mis-selling-regulation-and-redress.a.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).

⁴ Выступление Эльвиры Набиуллиной о недобросовестных практиках банков // URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/03/02/964984-nabiullina-perechislila-dikie-praktiki-bankov> (дата обращения: 05.03.2024).

⁵ Указание Банка России № 6119-У от 31.03.2022 «О порядке применения Банком России к кредитной организации мер, предусмотренных статьей 741 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», и к некредитной финансовой организации мер, предусмотренных

опубликовано на сайте Центрального банка Российской Федерации. Спорный характер этого документа связан с формулировкой о том, что применение описанных мер будет касаться финансовых продуктов, по которым допускаются систематические нарушения. Именно систематичность нарушений выявить на практике может оказаться труднее всего. Об этом говорит Олег Скворцов, Председатель Правления Ассоциации Российских Банков, отмечая, что «практика мисселинга – это зачастую не официальная политика, а следствие «перегибов» и нарушений на местах. В документах Банка России разница между ситуацией, когда мисселинг превращается в политику кредитной организации, и ситуацией, когда происходит единичное нарушение на месте, четко не обозначена. Не отмечена и разница в потенциальных наказаниях»¹. Кроме того, механизм выявления нарушений также четко не определен – предполагается, что потребители самостоятельно будут сообщать об эпизодах недобросовестных практик, хотя потребители не всегда могут понять, что их ввели в заблуждение или им навязали финансовый продукт. Видится, что для эффективного решения проблемы mis-selling требуется принятие гораздо более широких и разнообразных мер. Так, например, исследователь Ю. С. Эзрох предлагает такие способы борьбы с подменой продуктов как: (i) введение внутреннего контроля финансовой грамотности клиента с целью определения понимания им смысла и пользы от приобретаемых продукта или услуги; (ii) проведение «контрольных закупок» с помощью метода тайного покупателя для усиления поведенческого надзора; (iii) повышение легкости восприятия клиентами условий предоставления финансовых продуктов².

В заключение следует сказать, что проблема mis-selling в течение уже нескольких лет не находит своего решения, хотя регулярно обсуждается и порицается. Между тем, противодействие недобросовестным практикам необходимо для защиты конкурентной среды, интересов потребителей финансовых услуг и взаимного доверия участников рынка, а значит, требует не просто декларации потенциальных возможных решений, а реальных действий по борьбе со злоупотреблениями более сильных субъектов финансового рынка.

Клеандров М. И.

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

«Мисселинг» как форма недобросовестной практики в банковской деятельности, и пути ее регулирования

В период пандемии Covid-19 российский финансовый рынок, как и многие другие сферы, был подвержен дестабилизации в связи с увеличением кредитных рисков, ухудшению финансового положения многих банковских организаций, снижению стоимости российского рубля и других факторов. С целью сохранения финансового положения финансовые компании начали активно прибегать к различным недобросовестным операциям, вследствие чего на 2020 год резко возросло количество жалоб на банки и кредитные организации.

Летом 2021 года Банк России, с целью устранить дальнейшую неопределенность в понятиях и недопонимания при обсуждении вопросов, опубликовал перечень понятий и терминов, которые характеризуют наиболее популярные виды практик в банковской деятельности, которые носят звание «недобросовестных». К ним были отнесены:

Unsuitable selling – продажа неподходящих продуктов. Продавец не учитывает индивидуальных особенностей клиента (расы, пола, возраста, вероисповедания, индивидуальных предпочтений и т.д.). Ситуация, банк предлагает лицу с диагностированным гастритом кредитную карту завышенными процентами, которые компенсируются скидкой на рестораны индийской кухни – наглядный пример «unsuitable selling».

Misinforming – недобросовестное информирование клиента. В основном, это манипуляции с процентными ставками, курсами валют и другими финансовыми показателями в ущерб клиентам.

Tied selling – связанная продажа. Эта практика связана с навязыванием финансового продукта при условии, что клиент уже покупает другой. Mispricing – непрозрачное ценообразование. Лицо вводят в

статьей 768-1 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // URL: <https://www.cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/2641> (дата обращения: 05.03.2024).

¹ Новость о том, что Банк России борется с мисселингом // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5560853?ysclid=ltej5lw5x3682922170> (дата обращения: 05.03.2024).

² Эзрох Ю. С. Мисселинг в банковской системе России: накопленные проблемы и пути их решения // Научный журнал «Финансы и бизнес», 2020. С. 3–23.

заблуждение относительно размера комиссий, стоимости, справедливой стоимости финансового продукта/услуги.

Последняя и самая популярная недобросовестная практика в банковской деятельности – Misselling (Мисселинг) – подмена продукта.

Термин «Мисселинг» происходит от английского «mis» и «selling» то есть «Неправильная продажа». Само понятие подразумевает собой очень распространенную в России практику, формально не нарушающую ни уголовное, ни административное, ни гражданское законодательство, но очень тонко проходящую между фактической безнаказанностью и использованием возможностей для введения клиента в заблуждение и скрытия подвоха для явной выгоды. Суть в том, что покупателю пытаются продать товар или услугу, намеренно искажая его потенциальную пользу, на словах подстраивая ее под потребности клиента с целью вызвать у него чувство необходимости в приобретении. Своего рода «банковская манипуляция».

Определить точную дату появления понятия «Мисселинг» в Российской правовой системе затруднительно, так как оно было адаптировано из зарубежных источников, в частности, из финансового законодательства Великобритании, где термин впервые появился 1980-х годах в результате различных скандалов, связанных с искажением информации или ненадлежащей продажей финансовых продуктов клиентам.

Целевая аудитория, на которую направлены юридические лица, занимающиеся мисселингом – люди преклонного возраста и люди с низкой финансовой грамотностью. У аферистов, вводящих клиентов в заблуждение одна цель – заработать. Основных путей достижения цели три: навязать, скрыть информацию, выгодно продать.

Согласно официальной статистике Банка России, число жалоб от потребителей финансовых услуг на мисселинг на 2022 и 2023 год равняется примерно 349,8 тыс. и 325,3 тыс. Указанное позволяет сделать вывод, что ориентация на такой узкий круг потребителей работает весьма эффективно, и проблема такой недобросовестной практики очень актуальна.

В целях повышения доверия со стороны клиентов банки публично заявляют о том, что их политика против мисселинга. Однако банки продолжают вести себя недобросовестно.

Надо отметить, что с 1 июля 2022 года Банк России ввел новое правило, согласно которому банки строго обязаны информировать своих клиентов, что тот или иной финансовый продукт не является вкладом, не гарантирует фиксированного дохода и не попадает под обязательное государственное страхование. Причем эта информация должна на 100 % соответствовать тому, что написано в информационных документах, а сам клиент имеет полное право на ознакомление и подпись. За обход данного правила банку следует санкция в виде запрета на продажу продукта до момента устранения замечания. Такое правило введено Банком России в первую очередь для профилактики от мисселинга. Однако даже государственное регулирование не всегда может обеспечить полную безопасность клиента, если он в силу тех или иных обстоятельств совершенно финансово безграмотен.

Официально мисселинг не признается уголовно наказуемым преступлением или административным правонарушением и является лишь «недобросовестной практикой». То есть по сути единственные нормы, которые данная практика нарушает на территории РФ – принципы добросовестности. Единственное положение в законе, номинально регулирующее недобросовестные практики – статья 10 «Информация о товарах (работах, услугах) Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей». В ней содержится правило о предоставлении клиенту полной информации о товаре или услуге. Однако для регулирования такой узконаправленной практики, как мисселинг, информации в данной статье слишком мало. Из-за чего на практике достаточно сложно доказать, был ли клиент действительно введен в заблуждение, как минимум, потому что официально клиент «ознакомлен с условиями договора», поставив свою подпись.

Такая практика по регулированию мисселинга крайне неэффективна.

Полагаю, что необходимо на законодательном уровне внести изменения в Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», а именно в Главу III. Обеспечение стабильности банковской системы, защита прав, интересов вкладчиков и кредиторов кредитных организаций статье 28 изложить в следующей редакции:

«Статья 28. Финансовые махинации в банковской деятельности, связанные с недобросовестной практикой

Недобросовестные практики в банковской деятельности – это деяния, совершенные должностными лицами банка или третьими лицами в интересах банка, которые привели или могли привести к негативным последствиям для клиентов банка, его доверителей или иных участников финансовых отношений.

К недобросовестным практикам в банковской деятельности относятся:

- а) Предоставление заведомо ложной или недостоверной информации о банковских услугах или условиях их предоставления;
- б) использование сведений и документов клиентов банка без их согласия в целях личной выгоды или причинения ущерба клиенту;
- в) скрытие информации о рисках, связанных с банковскими операциями, или искажение существенных условий соглашения между банком и клиентом;
- г) проведение операций, нарушающих установленные нормы банковского законодательства или правила внутреннего контроля банка;
- д) злоупотребление служебным положением с целью незаконного обогащения за счет интересов банка или его клиентов»

Совершение одного и более подпункта пункта 2 влечет за собой заморозку активов и лицензии банка до проведения полного расследования его деятельности, а также штраф, пятикратно превышающий сумму потери клиента. В случае если итоговая сумма штрафа окажется меньше двух тысяч рублей, итоговый штраф будет равняться двум тысячам рублей».

В заключении следует отметить, что углубленное изучение такой практики, как мисселинг и гарантированные санкции за совершение сходных банковских махинаций позволяет не только существенно расширить понимание рядового гражданина о методах манипуляции потребителей, но и положить начало дальнейшему развитию противодействия подобным «схемам» на территории Российской Федерации.

Климашин Д. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Правовые проблемы применения смарт-контрактов на платформе цифрового рубля

Цифровой рубль – это цифровая валюта Центрального банка Российской Федерации, признанная российским законодателем в качестве нового вида безналичных денежных средств¹ и новой формы национальной валюты². Его введение ознаменовало новый этап развития финансовой системы, который открывает новые возможности как для государства, так и для граждан. Цифровой рубль предлагает множество преимуществ, в числе которых удобство, скорость и безопасность при проведении финансовых операций, а также их прозрачность.

В рамках концепции цифрового рубля, разработанной Банком России в апреле 2021 года (далее – «Концепция»), отмечалось, что привлекательной характеристикой цифрового рубля являются его функциональные возможности и, в частности, «применение технологии распределенных реестров <...> для обеспечения возможности использования смарт-контрактов»³.

Сам по себе смарт-контракт можно рассматривать с двух точек зрения: с технической и с юридической. С технической – это компьютерная программа, связанная с исполнением обязательств, обладающая двумя основными функциями: исполнение сделки и отслеживание исполнения (нарушения) воли, согласованной в сделке⁴. С юридической точки зрения в доктрине смарт-контракт рассматривается как способ заключения и/или исполнения традиционных договоров, как самостоятельный гражданско-правовой договор, либо как новый способ обеспечения исполнения обязательств⁵. При этом использование смарт-контрактов не противоречит гражданскому законодательству: согласно абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ письменная форма сделки считается соблюденной в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, а согласно п. 2 ст. 434 ГК РФ договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного).

Эта технология, как утверждается в Концепции, должна сократить расходы на управление бюджетными платежами посредством автоматизации и упрощения процессов, а также снижения корреспондирующих операционных рисков. Также указано, что коммерческие организации смогут оптимизировать бизнес-

---

¹ Согласно ст. 128 ГК РФ.

² Согласно ст. 140 ГК РФ.

³ Концепция цифрового рубля. Стр.4 // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 05.03.2024).

⁴ Смарт-контракты: что, зачем и как. М. : Симплоер, 2018 – Стр.15.

⁵ Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект (коллектив авторов ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Л. Г. Ефимова). – «Перспектив», 2021 г. – Стр. 107-109.

процессы, а клиенты — использовать смарт-контракты, предварительно созданные финансовыми организациями и верифицированные Банком России.

В данном контексте особый интерес представляет законопроект № 1080911-7¹, который на момент написания данной статьи уже принят Государственной Думой РФ в трех чтениях. Он предусматривает ряд изменений в законы, расширяющие перспективы применения смарт-контрактов на платформе цифрового рубля, а также, как указано в пояснительной записке к этому законопроекту, направлен на «развитие отношений на финансовом рынке при участии операторов финансовых платформ за счет вовлечения в процесс финансового инвестирования широкого круга лиц <...> и увеличения числа реализуемых через финансовую платформу продуктов и услуг»².

В частности, статья 4 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ (далее — ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ) дополняется частью 11, допускающей использование цифровых финансовых активов⁴ (далее — «ЦФА») в качестве встречного предоставления за товары, работы, услуги, информацию и результаты интеллектуальной деятельности по внешнеторговым договорам, заключенным между резидентами и нерезидентами. Аналогичное разрешение было предоставлено для утилитарных цифровых прав⁵ (далее — «УЦП») путем дополнения статьи 8 ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ (далее — ФЗ от 02.08.2019 № 259-ФЗ) частью 16 соответствующего содержания.

Интерес к этим правовым институтам в рамках темы данной статьи обусловлен тем, что и ЦФА, и УЦП, и платформа цифрового рубля, и смарт-контракты существуют в цифровом пространстве, чем впоследствии обязательно будут пользоваться разработчики смарт-контрактов. Исходя из анализа текущего нормативного правового регулирования можно предположить, что темпы оборота ЦФА и УЦП на внешнем и внутреннем рынках будут год за годом увеличиваться. И немалую роль в этом могут сыграть и цифровой рубль, и разработанные специально для работы на его платформе смарт-контракты.

Также при помощи смарт-контрактов, воплощенных на платформе цифрового рубля, банки смогут сделать еще более эффективным оказание ряда банковских услуг, а также сократить расходы банков. В Аналитическом обзоре Банка России, посвященном смарт-контрактам, отмечено, что с их помощью можно автоматизировать оказание таких услуг как финансирование цепочек поставок, ипотечное кредитование, кредитование малого бизнеса⁷.

Кроме того, как банки, так и частные предприятия могут применять смарт-контракты для автоматизации и упрощения части процедур комплаенса. Для банков это в первую очередь проверка на предмет соответствия законодательству о противодействии отмыванию доходов и финансированию терроризма, для частных предприятий — это верификация и проверка полномочий подписанта, проверка платежеспособности и иных рисков. Однако оракул (программа, которая обеспечивает информационное взаимодействие смарт-контракта и «внешнего мира»⁸) не сможет выполнить полноценную проверку самостоятельно. Поэтому необходимо наладить механизм его взаимодействия с комплаенс-офицером и грамотно распределить зоны ответственности.

Важно отметить, что, хотя смарт-контракты имеют большое количество преимуществ, они также имеют ряд недостатков. Самый большой недостаток — это недостаточный уровень безопасности. Поскольку смарт-контракт — это в первую очередь программа, он может быть подвержен «атакам» со стороны. На данный

¹ Законопроект № 1080911-7 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1080911-7> (дата обращения: 05.03.2024).

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 1080911-7.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 03.08.2020. — № 31. — ст. 5018.

⁴ Определение закреплено в ч. 2 ст. 1 ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ.

⁵ Определение закреплено в п. 10 ч. 1 ст. 2 и ч. 1 и 3 ст. 8 ФЗ от 02.08.2019 № 259-ФЗ.

⁶ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 05.08.2019. — № 31. — ст. 4418.

⁷ Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты». Стр.9 // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf (дата обращения: 06.03.2024).

⁸ Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект (коллектив авторов ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Л. Г. Ефимова). — «Перспектив», 2021 г. — Стр. 30.

момент имеется огромное количество примеров использования уязвимостей в смарт-контрактах, среди которых можно назвать, например, взлом криптовалютной биржи OKEx¹, лендингового протокола Compound, произошедший дважды: в декабре 2020 года² и в октябре 2021 года³, а также атака на торговую платформу на блокчейне Solana, на основании которой в США было возбуждено первое в истории уголовное дело, связанное с атакой на смарт-контракт⁴. Анализ таких ситуаций наглядно свидетельствует о необходимости повышения уровня кибербезопасности, а также показывают, что даже профессиональный аудит не является панацеей.

Вследствие этого для минимизации рисков Банку России необходимо усовершенствовать существующее законодательство с целью защиты потребителей банковских услуг от неправомерных посягательств. В частности, для безопасного внедрения смарт-контрактов в процесс оказания банковских услуг следует закрепить нормы о порядке применения смарт-контрактов, об управлении регуляторными⁵ и операционными рисками⁶ и об информационной безопасности при применении смарт-контрактов.

Порядок применения смарт-контрактов на платформе цифрового рубля следует общим образом урегулировать путем дополнения Положения Банка России «О платформе цифрового рубля»⁷, очертив границы дозволенного поведения для всех участников правоотношений. Впоследствии правоприменитель сможет использовать эти нормы по аналогии при работе с иными смарт-контрактами.

В сфере управления рисками, связанными с применением смарт-контрактов, особое внимание стоит уделить адаптации главы 7 Положения Банка России от 8 апреля 2020 г. № 716-П, которая посвящена управлению «киберрисками». А для обеспечения информационной безопасности следует разработать стандарт обеспечения информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации при использовании технологии смарт-контрактов. При определенных обстоятельствах может потребоваться разработка нормативного акта по аналогии с Положением Банка России от 17 апреля 2019 г. № 683-П⁸.

Таким образом, на данный момент российское законодательство в целом имеет необходимую юридическую основу для того чтобы считать простую письменную форму смарт-контрактов соблюденной, а сама технология имеет множество способов применения. Однако в силу уязвимости самой технологии, Банку России следует проработать для нее нормативную базу о порядке применения, об управлении рисками и об информационной безопасности перед тем разрешить банкам использовать ее при оказании банковских услуг.

Краснощеков Т. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Недобросовестные практики банков-профессиональных участников рынка ценных бумаг

Актуальность проблемы связана с восстановлением интереса к инвестиционной деятельности со стороны частных инвесторов (граждан). При этом стоит отметить, что Министерство финансов России заинтересовано в росте фондового рынка и увеличении числа инвесторов.

---

¹ Хакеры атаковали криптовалютную биржу OKEx. // URL: <https://www.securitylab.ru/news/492830.php> (дата обращения: 05.03.2024).

² DeFi-проект Compound Finance похитил средства клиентов на \$ 10,8 млн. // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5fc889d59a7947db2698e50c> (дата обращения: 05.03.2024).

³ Протокол Compound вновь потерял десятки миллионов долларов из-за бага в смарт-контракте // URL: <https://forklog.com/news/protokol-compound-vnov-poteryal-desyatki-millionov-dollarov-iz-za-baga-v-smart-kontrakte> (дата обращения: 05.03.2024).

⁴ В США арестовали подозреваемого во взломе децентрализованной криптобиржи // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/64ae65709a79473dea569f11> (дата обращения: 05.03.2024).

⁵ Определение представлено в Положении Банка России от 16.12.2003 № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах».

⁶ Определение представлено в пункте 4.1 приложения 1 к Указанию Банка России от 15 апреля 2015 года № 3624-У «О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы».

⁷ Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454540/ (дата обращения: 09.03.2024).

⁸ Положение Банка России от 17 апреля 2019 г. № 683-П «Об установлении обязательных для кредитных организаций требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента» // URL: <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/812> (дата обращения: 09.03.2024).

Министр финансов Антон Силуанов поделился многообещающими планами, среди которых: введение нового ИИС-3, не повышение налога на доход в ближайшем будущем, страхование средств ИИС от банкротств брокеров, а также будущее снижение ключевой ставки, которое подтолкнет рынок ценных бумаг к развитию. Увеличение рынка можно также наблюдать в росте индекса Московской биржи (IMOEX) (с начала СВО IMOEX неуклонно растет).

Исследуя вопрос недобросовестных практик в инвестиционной деятельности, необходимо напомнить ключевые понятия и характерные особенности, и принципы сотрудничества брокеров и инвесторов.

Напомним, что брокером признается профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий брокерскую деятельность¹, брокер — посредник между инвестором и биржей. Им может выступать банк или инвестиционные и брокерские компании. В настоящее время большинство крупных банков являются брокерами.

Участие банков в инвестиционной деятельности обусловлено привлечением нового дохода в форме комиссионных за сделки. Инвесторы также предпочитают заключать сделки через банки, т.к. их репутация способствует большому доверию².

Из сотрудничества банков-брокеров и инвесторов вытекает ряд особенностей.

Во-первых, необходимо отметить важнейшую особенность — доверие инвестора к брокеру. Аналитический центр НАФИ в декабре 2020 года опросил 1 600 человек в 53 регионах России о готовности к инвестированию. Опрос показал, что 65 % респондентов «совсем не разбираются в инвестициях», 90 % не имели инвестиционного опыта, а у 76 % нет интереса к инвестированию³. Именно проблема недоверия мешает частным инвесторам открыть брокерский счет и купить свою первую акцию. В связи с этим на брокерах лежит большая ответственность вселить уверенность в стабильности как компаний, так и рынка ценных бумаг в целом. Помимо этого, брокер должен поддерживать свою репутацию: иметь большое количество клиентов, хорошо работающую поддержку, оперативно выполнять свои обязанности (это касается своевременной покупки/продажи ценных бумаг, вывода средств, постоянной актуализации данных). В случае плохой работы брокера, инвестор может усомниться в инвестициях, забрать свои деньги и больше никогда не войти в эту «реку» еще раз (несмотря на перспективы роста рынка).

Во-вторых, инвестиции имеют преимущественно цифровую форму (в руках акции уже не подержать). Тут следует отметить преимущества и проблемы такой формы. С одной стороны, это простота взаимодействий «в несколько кликов», постоянный доступ к системе в режиме 24/7 и оперативная помощь тех. поддержки. Проблемами же могут оказаться сбои в системе, лаги и шанс перегрузок, которые могут напрямую повлиять на прибыль или убыток.

В-третьих, приток новых инвесторов за счет привлекательных условий. Брокеры постоянно делают выгодные предложения и могут даже подарить акции новому инвестору, из-за чего попробовать инвестировать становится легче.

Рассматривая вопросы о недобросовестных практиках, стоит отметить особую роль Центрального банка Российской Федерации как регулятора деятельности частных банков. Торговую активность с признаками недобросовестного поведения выявляет Ситуационный центр мониторинга биржевых торгов, действующий в Банке России. В режиме реального времени анализирует новостной фон и открытые источники информации (в том числе социальные медиа) и отслеживает торги.

В одно время существовала недобросовестная практика, выражающаяся в помощи прохождения обязательного тестирования для неквалифицированных инвесторов для совершения сделок со сложными и высоко рисковыми финансовыми инструментами со стороны брокеров. 1 октября 2021 года в силу вступил порядок тестирования, разработанный Банком России, предусматривающий защиту прав и средств неквалифицированных инвесторов. Это тестирование было обязательным и не позволяло делать ряд сделок без его прохождения, что не нравилось брокерам, зарабатывающим на количестве сделок. Ввиду этого Банк России вскоре заметил высокий процент инвесторов, сдавших это сложное тестирование с первого раза у разных брокеров. Как оказалось, брокеры помогали инвесторам (выводили правильный ответ или подсвечивали его)⁴. Эта практика ведет к потере средств начинающих инвесторов, не способных в полной мере оценить риск инструмента, не знающих особенностей этих инструментов.

---

¹ Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О рынке ценных бумаг» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2024) (дата обращения: 10.02.2024).

² URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10963743&ysclid=lsj8tgn2al183507279> (дата обращения: 10.02.2024).

³ URL: <https://smart-lab.ru/blog/676675.php?ysclid=lskqgua7c3408762643> (дата обращения: 10.02.2024).

⁴ URL: <https://rb.ru/news/brokers-investors-test/?ysclid=lsccsjjq2q9959784908> (дата обращения: 10.02.2024).

Одной из недобросовестных практик также может являться немного завышенный анализ рынка от финансовых экспертов банков-брокеров. Тут ситуация для выявления сложнее. Для брокеров иногда выгодно, чтобы частные инвесторы вкладывались в определенные сектора экономики (или в акции самих брокеров), поэтому в своих анализах возможно завышение вероятности скорого развития этой отрасли. Мнения экспертов не являются индивидуальными инвестиционными рекомендациями, поэтому если обещаемый прогноз не сбудется, их нельзя привлечь к ответственности. Минимизировать риски с таких прогнозов возможно, только если самостоятельно разобраться в тонкостях рынка и истории компаний.

Брокеры иногда могут навязывать дополнительные услуги, что также является недобросовестной практикой. Важно помнить, что стоит внимательно изучить условия, чтобы понимать, есть ли связь в этих продуктах или банк просто пытается еще больше заработать на вас.

Представляется, что также необходимо рассмотреть тему недобросовестных «маленьких» брокеров, а именно небольших инвестиционных и брокерских компаний, зарабатывающих обманом своих клиентов. Разумеется, со стороны опытных инвесторов, а тем более начинающих инвесторов, беспокоящихся о возможной потере своих средств, к ним нет доверия. Однако находятся люди, ищущие золотые горы за несколько дней. Суть деятельности этих брокеров сводится к присваиванию средств инвестора, то есть уклонению от возможности вывода этих средств. При этом средства переводятся на офшорный счет и в случае, если клиент захочет вывести немного средств, ему позволяют это сделать, но не позволят вывести всю сумму под разными предлогами (дополнительная верификация, вдруг появившиеся штрафы и задолженности перед брокером, на погашение которых были направлены эти средства и т.д.). Тут можно дать единственный совет – не связываться с такими сомнительными брокерами. Важно помнить, инвестор зарабатывает на росте стоимости компаний, курса валют, спроса на природные ресурсы и т.д., а не на волшебных брокерах, которые обещают удвоить ваш капитал. За надежность брокера говорит его репутация и клиентская база, и не бывает добросовестных брокеров с невероятно низкой комиссией, о котором никто не знает.

В заключении хочется обратить внимание на цитату Джордана Белфорта, который отметил, что «люди не покупают акции, людям продают акции». Таким образом, брокеры постоянно стремятся увеличить число своих инвесторов. От кампаний брокеров отчасти зависит судьба инвесторов, поэтому необходимо своевременно выявлять недобросовестные практики и предотвращать дальнейшее их использование.

Лаврова И. Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС при Президенте РФ)

Студент

Мошеннические действия, связанные с открытием банковских счетов

На банк возложена обязанность идентифицировать клиента, находящегося у него на обслуживании, что закреплено в п.1 ст.7 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹, а также в ст. 5 и 30 Федерального закона Российской Федерации от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»². Согласно п. 2.1 Положения ЦБ РФ № 499-П от 15.10.2015³ в целях идентификации клиента кредитной организацией осуществляется сбор сведений и документов, являющихся основанием совершения банковских операций и иных сделок.

При этом банковский счет может быть открыт банком не только на основании предоставленных оригиналов или заверенных копий необходимых документов, но и при получении их в электронном виде, порядок получения и подтверждения достоверности которых определяется банковскими правилами⁴. При

¹ Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 19.10.2023 № 503-ФЗ) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Положение об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. ЦБ РФ 15.10.2015 № 499-П) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Инструкция ЦБ РФ от 30.06.2021 № 204-И «Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам)» (ред. Указания ЦБ РФ от 10.04.2023 № 6409-У) // СПС «КонсультантПлюс».

получении документов в электронном виде могут возникать ситуации совершения мошеннических действий, которые весьма участились в последнее время.

Например, потенциальный клиент может в электронном виде отправить свои правоустанавливающие документы, а сам в отделение банка не явиться. Единственное, что остается сделать банку, – это проверить достоверность документов, однако отсутствие базы данных, которой располагает МВД, или правовых механизмов требования оригинальных документов, например, из ФНС, не позволяет банкам в полной мере провести идентификацию клиента. Как следствие, происходит открытие банковского счета, на который поступают денежные средства, а потом в неизвестном направлении утекают.

Как правило, банки в таких ситуациях проигрывают дела, потому что суды ссылаются на то, что банк – это профессиональный участник рынка ценных бумаг, поэтому на нем лежит ответственность по верной идентификации клиента.

Например, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 11.09.2023¹ суд удовлетворил требования в части взыскания долга с банка, поскольку поставщик не получал перечисленные истцом денежные средства во исполнение договора поставки, а сам расчетный счет был открыт в банке не поставщиком, а неустановленными лицами. Таким образом, договор банковского счета был признан недействительным, перечисленные покупателем денежные средства были признаны убытками, подлежащими взысканию с банка ввиду его установленной вины и факта наличия причинно-следственной связи между действиями банка в неправомерном открытии банковского счета неустановленным лицам под видом общества и понесенными истцом убытками.

Подобные выводы содержатся также в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2022², где суд постановил, что расчетный счет, открытый в банке, ответчику не принадлежит и был открыт по поддельным документам, поэтому сами действия по открытию счета, переводу денежных средств являются ничтожными и не влекущими в соответствии со ст. 167 ГК РФ юридических последствий для юридического лица.

Интересным представляется постановление, вынесенное Арбитражным судом Волго-Вятского округа от 07.11.2023³, где было установлено, что зачисление банком денежных средств на расчетный счет, открытый им на имя контрагента на основании заявления лиц, не уполномоченных действовать от имени указанного общества, свидетельствует о ненадлежащем исполнении банком положений действующего законодательства, регулирующих порядок осуществления безналичных расчетов.

Получается, что банки ввиду недоработки всеобщей системы электронной идентификации клиентов вынуждены нести расходы по возмещению убытков, тогда как реальные правонарушители остаются безнаказанными.

Кроме того, даже нотариально заверенная копия доверенности на открытие банковского счета не гарантирует ее достоверность. Несмотря на то что нотариусы обязаны проверять подлинность документа, удостоверяющего личность⁴, они не всегда с этим справляются, поскольку у них, как и у банков, отсутствует доступ к базе данных МВД со скан-образцами первых двух листов паспорта. Все это приводит к тому, что банк проверяет доверенность по формальным признакам и открывает счет, в то время как из-за ненадлежащей идентификации со стороны нотариуса настоящий владелец счета доверенность не выдавал.

Отмечается, что взыскать убытки с нотариуса, по вине которого с банковского счета были списаны деньги, практически невозможно⁵. Например, суды отказали в удовлетворении требования банка к нотариусу о взыскании в порядке регресса с него денежных средств в размере 6 325 718,33 руб., уплаченных банком в качестве возмещения клиенту. Банк понес ущерб в результате противоправных действий нотариуса, выдавшего ничтожную доверенность, однако суды пришли к выводу, что «все действия, связанные с нотариальным удостоверением доверенности, в том числе установление личности обратившегося, нотариус

---

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.09.2023 № Ф05-19216/2023 по делу № А40-160305/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2022 № 09АП-66565/2022 по делу № А40-102824/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.11.2023 № Ф01-6572/2023 по делу № А43-6642/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Ст. 42 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Севастьянова Ю. Предъявление требований к счету по поддельной доверенности: риски банков («Юридическая работа в кредитной организации», 2021, № 4) // СПС «КонсультантПлюс».

выполнил и убытки истца возникли вследствие действий третьих лиц»¹. Более того, закон не предусматривает исчерпывающего перечня методов и способов удостоверения личности и проверки подлинности документов, а также перечня применяемых при этом технических средств, и оставляет вопрос о полноте и достаточности проверки на усмотрение нотариуса, который в данном случае, по мнению судов, надлежащим образом исполнил свои обязанности и проверил личность гражданина с помощью сервиса Единой информационной системы нотариата, а других действий от него законодательством не требуется, поэтому и отказать в удостоверении доверенности он не мог.

Во избежание подобных неблагоприятных ситуаций для банков, можно предложить внедрить аналогичный механизм, который содержится в ч.1 ст.36 Закона № 218-ФЗ², а именно запретить осуществлять сделки без личного участия. Весьма эффективным, на наш взгляд, может считаться запрет на открытие/снятие/перечисление денежных средств со счета без личного участия физического лица, что позволит защитить права и интересы как клиентов, так и самих банков.

Также можно предложить следующий подход: позволить клиенту открывать счет без личного присутствия, однако «независимую оценку надежности клиента должна представить другая кредитная организация, которая имела ранее деловые отношения с данным клиентом и, следовательно, идентифицировала его с использованием систем внутреннего контроля и готова гарантировать его личность при заключении договора банковского счета»³. Такая практика имеет успешное применение во многих европейских странах.

Банк России в рамках ежегодной встречи кредитных организаций с руководством регулятора в 2023 году на вопрос о том, что наблюдаются проблемы с едиными требованиями по дистанционной идентификации физического лица и регламентации этого процесса, ответил, что он совместно с Минцифры России и АО «ЦБТ» ведет работу, направленную на развитие Единой биометрической системы, которая обеспечивает возможность проведения идентификации и аутентификации без личного присутствия, а также в целях совершенствования возможностей удаленного приема клиентов Банком России разрабатывается вопрос «законодательного обеспечения возможности установления в рамках экспериментального правового режима (ЭПР) специального регулирования, позволяющего проводить идентификацию с использованием технологии видео-конференц-связи»⁴.

Таким образом, проблема мошеннических действий, связанных с неправомерным открытием банковских счетов, все еще остается актуальной и требующей разрешения. Наблюдается несправедливость, когда на банк возлагают обязанность возмещать убытки из-за несовершенства самой системы верификации клиентов. Банкам необходимо иметь биометрию клиентов и доступ к базам данных МВД или ФНС, чтобы была возможность сверять предоставленные документы с оригиналами, поскольку в настоящий момент сверять фотографию из паспорта клиента не с чем, а в базе банка паспорт отображается, как действительный. Банк «Тинькофф» уже начал предпринимать шаги по своей защите от мошенников, и курьеры, доставляющие кредитные карты, делают фотографии клиентов. Возможно, другие банки последуют примеру банка «Тинькофф». Однако необходима разработка правовых механизмов ликвидации пробелов в законодательстве, иначе мошеннические действия в отношении банков так и будут продолжаться.

---

¹ Решение Фрунзенского районного суда Санкт-Петербурга от 20.11.2018, оставленное без изменения Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 13.06.2019 и Определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.02.2020 № 88–2037/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 19.10.2023 № 503-ФЗ) «О государственной регистрации недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Нардина О. В. Проблемы реализации требований российского законодательства по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в финансово-кредитной системе («Банковское право», 2008, № 3) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Ответы Банка России на вопросы (предложения) банков, поступившие в рамках ежегодной встречи кредитных организаций с руководством регулятора (Приложение к Письму Банка России от 24.07.2023 № 03-23-16/6611) («Официальный сайт Ассоциации «Россия», 2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Литвиненко А. К.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Как банк может нас обмануть и как с этим бороться?

Возникновение доверительного характера в банковских правоотношениях объясняется следующим: во-первых, у клиента исторически сформировалось повышенное доверие к деятельности банков; во-вторых, повсеместный переход на безналичные расчеты вынуждает граждан хранить свои деньги в банке; и, в-третьих, деятельность кредитных организаций лицензируется, за ней осуществляется постоянный надзор со стороны Банка России.

Владение большими данными и их использование банками уже не вызывает сомнений. Как пишет С. Г. Иванович, «использование данных о клиенте и его потребностях, дает понимание, какие потребности клиента необходимо удовлетворить: его предпочтения в покупках, его возраст, его семейное положение, а также история поиска и пользования сервисами экосистемы»¹.

В ряде случаев, используя доверительное отношение своих клиентов, банки ведут себя недобросовестно. Поэтому потерять деньги можно не только от действий мошенников, но и от организаций, предоставляющих финансовые услуги населению.

Феномен современной финансовой системы, **«МИССЕЛИНГ»** (от англ. misselling – «неправильная продажа»), который представляет собой ряд взаимосвязанных недобросовестных практик и приемов продажи финансовых услуг, наносящий весомый ущерб репутации российских банков и подрывающий долгосрочную лояльность их клиентов, остается важнейшей нерешенной социальной проблемой обеспечения финансовой безопасности и высокого качества обслуживания граждан.

На самом деле, этим термином обозначается лишь один из видов такого поведения – подмена одного продукта другим. Правильное же название всех недобросовестных практик – «ненадлежащее поведение» (на англ. misconduct). Существуют такие виды недобросовестного поведения банков:

1. Misinforming (недобросовестное информирование) – искажение, предоставление пользователю неполной информации о финансовой услуге или продукте.

2. Unsuitable selling (продажа неподходящих продуктов) – реализация продуктов уязвимым и социально незащищенным категориям клиентов, не учитываются знания, склонность к риску, возраст и другие особенности человека.

3. Mispricing (непрозрачное ценообразование) – введение в заблуждение относительно размера комиссий или справедливой стоимости: от сложных тарифов, в которых скрыта переплата, до случаев, когда клиент платит за дешевую услугу по цене дорогой.

4. Tied selling (связанная продажа) – навязывание страховки при выдаче кредита, хотя банк в любом случае должен предложить вариант на сопоставимых по сроку и сумме условиях без страхования.

5. Misselling (подмена продукта) – предложение одной финансовой услуги или продукта под видом другой².

Подтверждением проблем с банковским обслуживанием служит статистика поступивших в Службу по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг Банка России (была создана в марте 2014 г.) жалоб потребителей финансовых услуг и инвесторов. Общее количество таких жалоб за 2021 г. достигло 310,7 тыс. (из них жалоб в отношении кредитных организаций – 172,5 тыс.). При этом жалобы на недобросовестную продажу относительно сложных финансовых продуктов составили 4,1 тыс. (в январе – июне 2022 г. количество жалоб, поступивших по вопросам мисселинга, выросло на 32,9 % по сравнению с январем – июнем 2021 г. и составило 2,9 тыс.)³. Однако в конце февраля Центральный банк сообщил о сокращении мисселинга почти в два раза за период 2023 г. Было проведено 120 контрольных мероприятий, и ЦБ заявил, что в 2023 г. получил 325 000 жалоб от потребителей финансовых услуг, что на 7,7 % меньше общего числа жалоб за 2022 г.

Одной из причин, определяющей укорененность «мисселинга» в практике даже крупнейших международных финансовых институтов, является неравномерное распределение информации между банком

---

¹ Иванович М. Н. Указ. соч. С. 50.

² Банк России «Глоссарий понятий и терминов, характеризующих основные виды недобросовестных практик на финансовом рынке» от 02.08.2021 // Правовые ресурсы. – 2021.

³ Банк России. (2022а) Отчет о работе с обращениями январь – декабрь 2021 года. Служба по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/39752/2021_4.pdf.

или страховой компанией и их клиентами в отношении риска при приобретении финансового продукта или услуги. Продавец всегда лучше информирован о специфике и качестве продаваемого товара, чем покупатель.

Другой причиной является объективно существующее неравенство позиций сторон в переговорном процессе: «потребитель находится в слабом положении как в отношении его «переговорной силы» (bargaining power), так и в отношении его уровня знаний. Это приводит к тому, что потребитель соглашается с условиями, заранее составленными продавцом или поставщиком, не имея возможности влиять на содержание условий»¹.

Первые две причины усиливаются за счет третьей – уровня финансовой грамотности населения. Именно непонимание особенностей продукта (экономической составляющей сделки) и базовых условий заключаемого контракта (юридической составляющей сделки) создает возможности для недобросовестных сделок.

Важную роль в предотвращении «мисселинга» сыграло учреждение должности и создание службы финансового уполномоченного (омбудсмена)² по защите прав потребителей финансовых услуг, который проводит обязательное досудебное разбирательство между банком и недовольным клиентом, и меры, предпринимаемые банковским сообществом.

Уже в июне 2018 г. несколько профессиональных организаций подписали «Меморандум о взаимодействии ассоциаций, объединяющих кредитные организации и саморегулируемые организации в сфере финансового рынка», целью создания которого явилось предупреждение недобросовестных практик продаж. Были сформулированы обязательства по предоставлению полной, прозрачной и ясной информации о характере финансовых продуктов, их стоимости и рисках, а также иных существенных условиях.

В настоящее время Центральный банк ведет активную работу над поправками в законодательстве, предполагающими кратное повышение штрафов для банков за мисселинг, теперь их могут привязать к капиталу банков. Нынешние пределы (до 0,1 % минимального размера уставного капитала), по оценке председателя ЦБ, практически «не материальны» для банков (для должностных лиц от 2 до 4 тысяч рублей, для юридических – от 20 до 40 тысяч рублей) и не перекрывают выгоду, извлекаемую финансовыми организациями от неприемлемых практик в отношении потребителей. Центробанк готовит поправки, по которым наказание за такие нарушения может быть повышено до применяемого для антиотмывочного законодательства – 0,1–1 % от размера капитала, но не менее 100 тысяч рублей. Например, для Сбербанка, собственные средства которого составляют 6,1 трлн рублей, по отчетности МСФО за третий квартал 2023 года, по нижней границе штраф может составить 6,1 млрд рублей.

Для того чтобы избежать заключения недобросовестных сделок, граждане должны внимательно проверять все условия договора перед подписанием. Важно обратить внимание на следующие детали:

1) С кем Вы заключаете договор. Если вы пришли в банк, а в договоре указана другая организация (например, страховая компания), то стоит сразу обратиться к сотрудникам банка;

2) Срок, на который заключается договор;

3) Имеется ли возможность досрочного вывода денег, и будут ли штрафы или какие-либо изменения, связанные с доходом;

4) Стоимость обслуживания и размер комиссии;

5) Для защиты вложенных средств, важно понимать, какая часть дохода будет гарантирована, а какая потенциальна и отчего это зависит.

На современном этапе происходит трансформация банковской деятельности, обусловленная появлением банковских экосистем, цифровизацией банковской деятельности, концентрацией у банков больших данных клиентов, а также высокорисковым характером банковской деятельности для клиентов. Для предотвращения недобросовестных практик со стороны банков необходимо совершенствовать гражданско-правовую ответственность банков за недобросовестное поведение, в первую очередь, важно установить ответственность непосредственно продавца и всей организации, которые допускают намеренное введение в заблуждение клиента. Должны быть установлены правила продажи сложных финансовых услуг, стандарты информирования граждан. В век цифровизации наиболее удобным и эффективным способом информирования граждан является создание ярких и понятных иллюстраций, которые будут четко и доступно показывать суть финансового продукта или услуги, которую предлагает приобрести Банк.

¹ Cour de Justice de l'Union Européenne. (2000) Judgment of the European Court of Justice of 27 June 2000, joint cases C-240/98 to C-244/98. pp. I-4963–I-4977. P. I-4973. URL: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?jsessionid=5BECA51B872305F24FB43E7D08585BD?text=&docid=45388&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=6190796>.

² Федеральный закон Российской Федерации «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» от 04.06.2018 № 123 // СЗ РФ. – 2018.

Малкова А. А.

Омская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Курсант**Мошенничество в сфере кредитования: способы защиты прав заемщика**

На данный момент одним из наиболее распространенных видов мошенничества в сфере кредитования является дистанционное мошенничество с использованием социальной инженерии. С его помощью преступникам во втором квартале 2023 года удалось похитить у клиентов банков около 3,6 млрд рублей, при этом возвращены были лишь 4,5 % от общего объема¹. В данном случае классической схемой является звонок потерпевшему с представлением звонящего сотрудником банка и убеждением гражданина в необходимости сообщения кодов, приходящих на его номер телефона, при введении которых мошенники заключают от его имени кредитный договор².

При рассмотрении подобных кейсов возникает закономерный вопрос – предусмотрены ли на данный момент гражданским законодательством эффективные способы защиты нарушенного права в подобных прецедентах. Анализ судебной практики показывает, что в большинстве случаев потерпевшие подают иск о признании сделки недействительной, однако суд, как правило, не встает на их сторону, говоря о собственной ответственности за разглашение конфиденциальной информации³.

Тем не менее в ситуации, когда потерпевший после совершения в отношении него мошеннических действий, осуществил звонок в банк с требованием о прекращении всех операций по своему счету, то в соответствии с п. 2 ст. 821 ГК РФ у него имеется реальная возможность для защиты нарушенного права через доказывание одностороннего отказа от договора кредита. При подтверждении данного факта, в случае если сумма кредита еще не была перечислена на счет заемщика, суд будет вынужден признать обязательство прекращенным, и переведенная на счет другому лицу денежная сумма может быть взыскана как неосновательное обогащение.

Однако на данный момент необходимо констатировать, что анализируемый способ защиты является нерабочим ввиду сроков рассмотрения обращений граждан, которые самостоятельно устанавливаются кредитными организациями и составляют примерно 10-15 рабочих дней. Безусловно, за период их изучения, сумма кредита уже будет перечислена на счет получателя денежных средств, что полностью нивелирует возможность отказа заемщика от заключенного кредитного договора. В настоящее время уже подготовлены соответствующие изменения в законодательство⁴, согласно которым произойдет унификация требований к банковским организациям, однако принятый нормативный акт всё же не решит проблему в применении п. 2 ст. 821 ГК РФ.

В рамках уголовного законодательства потерпевший может заявить в компетентные органы о совершенном в отношении него преступлении и ждать установления личности потерпевшего, для его последующего привлечения в гражданское судопроизводство.

Анализ большинства судебных решений дает основания утверждать, что на данный момент в гражданском законодательстве отсутствуют нормы, которые бы в полной мере обеспечивали защиту лица, ставшего жертвой мошеннических действий в вопросах кредитования. В своем определении⁵ Конституционный суд указал на то, что при разрешении подобных споров: «особого внимания требует исследование добросовестности и осмотрительности банков. В частности, при дистанционном оформлении кредитного договора необходимо принимать повышенные меры предосторожности в случае оформления

¹[Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_2q_2023/ (дата обращения: 23.12.2023).

² См., например: гражданское дело № 2-2540/2020 г. Октябрьского районного суда г. Омска.. URL: https://octobercourt-oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=157733739&delo_id=1540005&new=0&tx_number=1 (дата обращения: 18.12.2023).

³ См.: Дело № 33-2323/2021 Ульяновского областного суда.. URL: <http://www.ulobsud.ru/index1.php?option=3&id=90&idCard=94651> (дата обращения: 18.12.2023).

⁴ Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 442-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Доступ СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2022 г. № 2669-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юшковой Ксении Андреевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 179 Гражданского кодекса». Доступ СПС «КонсультантПлюс».

клиентом заявки на получение кредита и незамедлительной выдаче банку распоряжения о перечислении кредитных денежных средств в пользу третьего лица (лиц)».

Согласно материалам дела студентка из Иркутска, имевшая счет в банке ВТБ, стала жертвой телефонных мошенников. По данному факту полицией было возбуждено уголовное дело, и девушка была признана потерпевшей. Тем не менее банк отказал в аннулировании кредита, ссылаясь на то, что при совершении сделки через онлайн-банк, ими были приняты все меры, необходимые для заключения подобного вида договоров и ответственность за разглашение смс-кодов третьим лицам находится в исключительной зоне ответственности клиента¹.

Суд первой инстанции принял сторону банка и отказал в удовлетворении исковых требований девушки о признании заключенного кредитного договора недействительным. Однако апелляционная инстанция отменила решение нижестоящего суда, признала заключенные от имени студентки сделки недействительными и освободила ее от исполнения обязательств. В обоснование своего решения суд указал на то, что ответчик не проявил должной осмотрительности при заключении данного договора, так как судом было установлено, что банк владел информацией о реальных финансовых возможностях студентки (т.к. она являлась клиентом данного банка и ранее уже оформляла карту для получения ежемесячной стипендии), но несмотря на это, на имя девушки было одобрено оформление двух кредитов подряд на крупную сумму, денежные средства за которые были переведены с интервалом в несколько минут на сторонний счет. Помимо этого, суд обратил внимание на то, что действия со стороны банка не отвечали принципу добросовестности, так как при заключении подобных сделок он как наиболее «сильная сторона» подобных правоотношений должен учитывать интересы потребителя и обеспечивать безопасность дистанционного предоставления услуг.

В противовес приведенному ранее положительному примеру и в качестве подтверждения противоречивости судебной практики сто́ит обратить внимание на дело № 2-1820/2020², в соответствии с фабулой которого, Будахян В.С. обратился в суд с иском к Банку ВТБ о взыскании денежной суммы, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда и штрафа. Исходя из материалов дела, 10 сентября 2019 г. на номер истца поступил звонок, содержащий информацию о мошеннических действиях с использованием его банковской карты, собеседник попросил продиктовать номер карты, на что истец ответил отказом. Истец с целью блокировки карты позвонил в ЦКО ВТБ, звонок был переадресован на другой номер. Истец с целью сохранения денежных средств сообщил лицу, представившемуся сотрудником банка, содержание поступающих смс-сообщений, содержащих текст из цифр, после чего с кредитной карты были списаны денежные средства на общую сумму 100 161 руб. После списания денежных средств истец вновь обратился ЦКБ ВТБ. Переадресации звонка не было. Истец сообщил сотруднику банка о совершающихся мошеннических действиях, сотрудник сообщил, что операция находится в обработке. Истец потребовал отозвать распоряжение о переводе, в последующем написал два заявления об отзыве распоряжения о переводах, произведенных 10.09.2019, однако денежные средства фактически были списаны. Суд вынес решение об отказе в удовлетворении иска Будахяна В.С. ввиду того, что он добровольно передал третьему лицу коды, содержащиеся в смс-сообщениях.

Проанализировав предложенный кейс, полагаем, что решение суда является необоснованным ввиду того, что, во-первых, заемщик со своей стороны предпринял все возможные меры для недопущения совершения мошеннических действий с его счетом, а во-вторых, разговаривая с сотрудником банка, потерпевший действовал добросовестно, так как он не предполагал и не мог предполагать, что данное лицо таковым не является. В таком случае, возникает вопрос, почему бремя несения ответственности за переадресацию звонка ложится на клиента? На наш взгляд, при разрешении спора суд не учитывал добросовестность действий банка, который в данном случае был обязан должным образом осуществлять защиту системы связи со своими клиентами.

Подводя итог рассмотрению проблемы поиска эффективных способов защиты заемщиков, подвергнутых мошенническим действиям, основываясь на анализе складывающейся судебной практики, можно предложить следующие пути ее решения.

Во-первых, с целью эффективной возможности применения предусмотренного п. 2 ст. 821 ГК РФ одностороннего отказа от исполнения кредитного договора сто́ит рассмотреть вопрос о немедленной

---

¹ См.: Дело № 33-16253/2023 Свердловского областного суда г. Екатеринбурга.. URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9028931&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 04.03.2024).

² См.: Дело №2-1820/2020 Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга.. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pWpyZDvSEdrv/#snippet> (дата обращения: 18.12.2023).

блокировке всех действий, происходящих на счете заемщика в момент получения банком обращения со стороны клиента и до выяснения обстоятельств его предъявления. Во-вторых, в условиях развития видов и способов совершения мошеннических действий в сфере кредитования, необходимым и целесообразным является введение запрета для банковских организаций на совершение переводов денежных средств на карты сторонних банков при исполнении кредитных обязательств. И несмотря на то, что данный способ является довольно радикальным, именно он позволит обеспечить надлежащую защиту заемщика от действий мошенников. В-третьих, одним из наиболее пропагандируемых способов защиты на данный момент является самозапрет на кредит, который, по мнению специалистов, позволит свести к минимуму количество совершаемых в данной сфере преступлений. Предложенные инициативы не только позволят обезопасить граждан от мошеннических действий в сфере кредитования, но и обеспечат их защиту нормами гражданского права, а также повысят уровень ответственности для банковских организаций, чтобы они в свою очередь действовали добросовестно по отношению к своим клиентам.

Николаев А. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Недобросовестные практики, связанные с досрочным погашением заемщиком задолженности по договору потребительского кредита

Одной из самых востребованных банковских услуг среди физических лиц является потребительский кредит. По данным Банка России на октябрь 2023 года общее число граждан, имеющих кредиты и займы, достигло 47 миллионов человек¹, что является рекордным показателем за последнее время. В то же время Службой финансового уполномоченного – специализированного юрисдикционного института, призванного разрешать споры между финансовыми организациями и потребителями финансовых услуг – был выявлен общий рост количества обращений к кредитным организациям в 2022 году, в том числе с требованиями, связанными с кредитным страхованием². В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть наиболее распространенные недобросовестные практики, применяемых в банковской деятельности при досрочном погашении заемщиком задолженности по договору потребительского кредита, а также предложить возможные меры по защите прав граждан от недобросовестного поведения со стороны банков как профессиональных участников финансового рынка.

В банковской деятельности сформировалась практика предложения заемщикам разных условий договора потребительского кредита в части процентной ставки в зависимости от наличия или отсутствия договора страхования в целях снижения риска невозврата кредитных денежных средств, а именно в Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»³ (далее – Закон о потребительском кредите) были введены критерии «обеспечительного» страхования (часть 2.4 статьи 7). От наличия этих критериев зависит право заемщика на возврат части страховой премии по договорам страхования. Речь идет о предложении кредитором разных условий кредитного договора – прежде всего процентной ставки – в зависимости от заключения договора страхования либо указании кредитора в качестве выгодоприобретателя в договоре страхования, при условии, что страховая сумма подлежит пересчету соразмерно оставшейся задолженности.

В соответствии с частью 12 статьи 11 Закона о потребительском кредите в случае досрочного погашения задолженности по кредитному договору заемщик вправе требовать возврата страховой премии по «обеспечительному» договору страхования пропорционально неиспользованному периоду при отсутствии событий с признаками страхового случая. До вступления данной нормы в силу в банковской практике были распространены ситуации, когда в самом договоре «обеспечительного» страхования не было предусмотрено право на возврат страховой премии при досрочном отказе от него, и банки в целях сохранения денежных средств отказывали клиентам в возврате страховой премии, несмотря на то, что при погашении кредитной

---

¹ Количество граждан, имеющих кредиты и займы, выросло до 47 млн // Банк России [сайт]. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=17161> (дата обращения: 24.02.2024).

² Воронин Ю. В. Итоги рассмотрения обращений в отношении кредитных организаций Службой финансового уполномоченного за 2022 год. // Вестник Службы финансового уполномоченного. 2023. № 01 (08). С. 22–29.

³ Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

задолженности страховая сумма становилась равной нулю, и страхование само по себе не представляло самостоятельной цели для заемщика¹.

После внесения законодателем определенности в данном вопросе, некоторые банки нашли способ обойти положения Закона о потребительском кредите, пытаясь формально не нарушить законодательство. Так, плату за «обеспечительное» коллективное страхование стали делить на две части: страховую премию, которая впоследствии перечислялась страховщику, и плату за присоединение к коллективному договору страхования, являвшуюся комиссионным вознаграждением банка за услуги, связанные с организацией страхования (например, за «подключение» к договору коллективного страхования жизни, здоровья и финансовых рисков). При этом размер комиссии явно не соответствовал размеру страховой премии – Службой финансового уполномоченного зафиксированы случаи, когда средний размер банковской комиссии за присоединение к договору страхования в 24 раза превышал размер страховой премии².

На наш взгляд, такую несоразмерность можно считать недобросовестной практикой, так как она устанавливается банками в целях невозвращения заемщику как можно большего объема денежных средств, уплаченных им за страхование. При таком подходе заемщик в случае досрочного погашения задолженности может рассчитывать только на возврат страховой премии пропорционально неиспользованному периоду, а возврат комиссии не предусмотрен.

Следует отдельно упомянуть правовую позицию Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, в соответствии с которой невключение в договор коллективного страхования условия о возврате платы за участие в программе страхования (причем как страховой премии, так и реальных расходов банка, связанных с подключением заемщика к программе страхования) при отказе от участия в ней ущемляет права потребителя³.

В судебной практике в целом закрепилась правовая позиция, в соответствии с которой услуги, оказываемые кредитными организациями при подключении заемщиков к программам страхования, признаются длящимися, и при отказе от страхования комиссия за подключение к такой услуге является экономически нецелесообразной для потребителя финансовых услуг⁴. Банковская комиссия, как и страховая премия, подлежит возврату пропорционально неиспользованному периоду.

В то же время некоторые суды при рассмотрении и разрешении аналогичных споров встают на сторону банка, указывая, что услуга по включению в программу страхования является отдельной платной услугой и включает в себя плату за сбор, обработку и передачу всей необходимой информации о потребителе, оформление документации. Подписав заявление на заключение договора об оказании услуг в рамках правил добровольного страхования, заемщик ознакомился с тарифами банка, а также выразил согласие оплатить подключение к программе страхования⁵.

В целях дальнейшего обеспечения единообразия судебной практики представляется целесообразным прямо закрепить в части 12 статьи 11 Закона о потребительском кредите обязанность кредитора на основании заявления заемщика возратить комиссию за подключение к программе страхования за вычетом части, исчисляемой пропорционально времени, в течение которого действовало страхование.

Службой финансового уполномоченного также выявлена другая недобросовестная практика, направленная на отказ в возврате платы за страхование при досрочном погашении кредита. Банк при выдаче кредита может предложить заемщику договор страхования, который нивелирует риски неполучения переданных кредитных денежных средств, несмотря на формальное отсутствие признаков «обеспечительности», установленных Законом о потребительском кредите. Такой договор является «самостоятельным» и в принципе не предполагает возврат платы за страхование (как страховую премию, так и комиссию банка) при его досрочном прекращении, так как иное гражданским законодательством РФ не предусмотрено.

Для этого в качестве выгодоприобретателя «первой очереди» указывается кредитор (банк) в размере непогашенной задолженности, а оставшуюся часть страховой выплаты получает заемщик или его близкие

---

¹ Михеева И. Е. Недобросовестные практики страхования при потребительском кредитовании // Банковское право. 2020. № 4. С. 37–43.

² Воронин Ю. В. Комиссия банка в разы превышает размер страховой премии // Вестник Службы финансового уполномоченного. 2023. № 02 (09). С. 28–31.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 49-КГ17-24.

⁴ См., например, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.03.2023 № 88-5913/2023 по делу № 2-1-998/2022, Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2023 № 88-11575/2023 по делу № 2-1435/2022, Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.06.2023 № 88-12385/2023.

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 12.07.23 по делу № 33-6562/2023.

родственники. Помимо этого, в договоре страхования может быть предусмотрено, что банк является выгодоприобретателем по всем страховым рискам, за исключением одного (с самым маленьким размером возмещения, которое получит заемщик при наступлении страхового случая).

На сегодняшний день не все суды признают такие договоры страхования «обеспечительными», аргументируя это тем, что банк не является единственным выгодоприобретателем, в законодательстве о потребительском кредитовании отсутствует понятие «основного», «первоочередного» выгодоприобретателя. Соответственно, требование потребителя финансовых услуг о возврате страховой премии после истечения предусмотренного условиями программы страхования периода охлаждения не подлежит удовлетворению¹.

Нам представляется целесообразным предложение Д.В. Новака включить в статью 958 Гражданского кодекса РФ безусловное право потребителя требовать возврата страховой премии, так как аналогичная норма уже существует в потребительском законодательстве по отношению к другим услугам². Установление правовой определенности в данном вопросе поможет избежать ситуаций, когда банк отказывает заемщику в возврате страховой премии по договору страхования, по сути являющемся обеспечительным.

Включение банком в договор страхования условий, которые направлены исключительно на уклонение от обязанности по возврату части платы за страхование, следует признавать недобросовестным поведением профессионального участника финансового рынка, направленным на получение дополнительного дохода. Подобные практики в литературе признают проявлением информационной и договорной диспропорций³.

При дальнейшем системном совершенствовании Закона о потребительском кредите, необходимо учитывать сложившуюся судебную практику, практику Службы финансового уполномоченного, в также акты Банка России, так как именно в эти органы обращаются за защитой нарушенных прав в сфере финансовых услуг.

Осокин А. В. Кузнецова Е. А.

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова (МГУ)
Студенты

Нелегальные практики в сфере партнерского финансирования: постановка проблемы

Принятие Закона о партнерском финансировании⁴ в 2023 г. и запуск эксперимента о проведении партнерского (исламского) финансирования потребовал формирования надлежащего регуляторного режима. Как верно отмечает И.А. Хаванова, российское законодательство не запрещает предоставление услуг партнерского финансирования, но в некоторых случаях их оказание затруднено отсутствием специального законодательного регулирования, требующей выработки соответствующих подходов к регулированию и надзору⁵. При этом действующий Закон о партнерском финансировании указывает лишь на некоторые особенности, присущие исламскому финансированию (например, запрет на установление процентов, а также запрет на финансирование «харамных» видов деятельности (производство алкоголя, оружия и т.п.)), но не обеспечивает каких-то различий в области регулирования деятельности организаций партнерского финансирования (далее – ОПФ).

Согласно ч. 1 ст. 2 Закона о партнерском финансировании перечень операций, осуществляемых ОПФ, является, во-первых, ограниченным, а, во-вторых, не отличается от операций, совершаемыми обычными участниками финансового рынка в части регуляторного воздействия. Иначе говоря, Закон о партнерском финансировании не дает каких-либо регуляторных послаблений в части совершаемых ОПФ операций, за

---

¹ См., например, Апелляционное определение Рязанского областного суда от 08.02.23 по делу № 33-175/2023, Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.06.2023 № 88-12273/2023.

² Новак Д. В. Наибольшее число недобросовестных практик выявляется в сфере потребительского кредитования // Вестник Службы финансового уполномоченного. 2023. № 03 (10). С. 34–35.

³ Михеева И. Е. Недобросовестное поведение банков как правонарушение // Банковское право. 2021. № 6. С. 15–23.

⁴ Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6419.

⁵ Хаванова И. А. Исламское (партнерское) финансирование: российский эксперимент и международные налоговые договоры // Банковское право. 2024. № 1. С. 28–38.

исключением одного аспекта, связанного с тем, что ОПФ при финансировании товаров в рассрочку освобождается от обязательного условия по осуществлению торговой и производственной деятельности¹.

В таких обстоятельствах актуализируется вопрос о необходимости проведения эксперимента и введения специального регулирования. Действительно, действующий Закон о партнерском финансировании не делает регуляторных послаблений для ОПФ, которые нуждаются в ряде послаблений. В отсутствие жесткого регуляторного режима ОПФ начинают искать способы уклонения от соблюдения строгого пруденциального регулирования путем выработки нелегальных практик партнерского финансирования. Сами по себе нелегальные практики не являются новым явлением для регулирования финансовых рынков, поскольку наличие регуляторного арбитража, то есть ситуации расхождения регуляторного законодательства по существу вопроса между двумя законами², позволяет ОПФ обосновывать возможность, например, доверительного управления денежными средствами без лицензии Банка России.

Действительно, на первый взгляд может показаться, что формулировки Закона о партнерском финансировании исключают необходимость наличия лицензии Банка России для осуществления определенных операций. При этом в ч. 5 ст. 2 Закона о партнерском финансировании указано, что ОПФ вправе совмещать деятельность по партнерскому финансированию с осуществлением иных видов деятельности при условии соблюдения требований, установленных Законом о партнерском финансировании и другими федеральными законами. Буквальное толкование этого положения свидетельствует о необходимости соблюдения ОПФ всех требований к операциям, предусмотренным специальным законодательством.

При этом буквальное толкование данного положения сводит на нет необходимость проведения эксперимента по партнерскому финансированию, поскольку отсутствуют выгоды от данного регуляторного режима для ОПФ. Пытаясь избежать необходимости соблюдения регуляторного законодательства, ОПФ пытаются истолковать положения Закона о партнерском финансировании как позволяющие осуществлять ряд операций без лицензии Банка России в силу вхождения в реестр участников эксперимента по партнерскому финансированию. На наш взгляд, именно в этом проявляется нелегальная деятельность ОПФ, а также возникновение нелегальных кредиторов (ОПФ, осуществляющих операции без специальной лицензии).

ОПФ исходят из следующих регуляторных последствий включения в реестр участников партнерского финансирования Банка России:

во-первых, специальный статус участника эксперимента позволяет им выдавать беспроцентные и потребительские займы без лицензии Банка России на том основании, что в Законе о партнерском финансировании предусмотрена возможность выдачи займов, но без «вознаграждения, выраженного в виде процентной ставки», то есть процентов;

во-вторых, в число операций, совершаемых участниками эксперимента по партнерскому финансированию относятся «прием имущества в доверительное управление», а в отношении выдачи займов и выпуска облигаций упоминается возможность привлечения «денежных средств и (или) иного имущества». По этой причине целесообразно допустить возможность осуществления доверительного управления денежными средствами, хотя такая деятельность предполагает (i) наличие статуса профессионального участника рынка ценных бумаг, а также (ii) наличие лицензии на осуществление деятельности по управлению денежными средствами³;

в-третьих, на основании статуса участник эксперимента по партнерскому финансированию ОПФ просят освободить их от соблюдения требований к активам и размещению (страховых) резервов, если деятельность на финансовом рынке осуществляется обществом взаимного страхования. Вероятно, такая трактовка статуса участника эксперимента является расширительной и влечет возникновение на стороне ОПФ статуса нелегального кредитора.

По мнению А.Г. Карапетова, крайне затруднительно установить связь, подтверждающую, что источником заемных средств выступали систематически привлекаемые организацией денежные средства, что не позволяет оперативно и эффективно выводить с финансового рынка «нелегальных кредиторов»⁴. Следовательно, допущение регуляторных послаблений в отход от буквального положений Закона о

---

¹ См. ч. 1.1 ст. 6 Федерального закона от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3627.

² Белицкая А. В., Лаутс Е. Б. Эффективность правового регулирования финансового рынка // Право и бизнес. 2023. № 2. С. 18–25.

³ См.: ст. 5 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

⁴ Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019. С. 249 (автор комментария — А. Г. Карапетов).

партнерском финансировании рискует увеличить число нелегальных кредиторов на российском финансовом рынке, которые будут усиливать системные риски, а также риски отмывания денежных средств при помощи ослабления регуляторного воздействия на ряд участников финансового рынка.

При этом недопущение регуляторных послаблений для ОПФ в рамках эксперимента и буквальное толкование положений Закона о партнерском финансировании являет собой диалектическое противоречие: с одной стороны, ОПФ не должны иметь преимуществ перед участниками финансового рынка, а, с другой стороны, отсутствие регуляторных преимуществ сводит на нет смысл эксперимента, предполагающего развитие партнерского (исламского) финансирования. В этой связи необходимо надеяться на выработку новых регуляторных подходов по итогам проведения эксперимента, либо устранения специального регуляторного режима партнерского финансирования.

Труфанов М. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Сравнительно-правовое исследование выдачи онлайн-кредитов

Понятие банковского кредита традиционно подразделяется на понятие банковского кредита в экономическом и правовом смысле¹.

В настоящее время кредитные организации выдают заемщикам множество кредитов различных видов².

Правовой основой онлайн-кредитования потребителей является Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) (далее – ГК РФ), в котором предусмотрены основные положения о договоре займа и кредитном договоре. Специальным законом, в котором урегулированы общие правила потребительского кредитования является Федеральный закон от 21.12.2013 № 353 «О потребительском кредите (займе)» (далее – ФЗ № 353). В ФЗ № 353 предусмотрено легальное определение понятия «потребительский кредит», под которым понимаются денежные средства, предоставленные кредитором заемщику на основании кредитного договора, договора займа, в том числе с использованием электронных средств платежа, в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, в том числе с лимитом кредитования.

Для заключения договора о предоставлении потребительского кредита в эпоху цифровизации достаточно воспользоваться приложением или личным кабинетом на официальном сайте кредитной организации. Такой кредит является онлайн-кредитом, т.к. заключается дистанционно.

При заключении договора о предоставлении потребительского кредита дистанционно кредитная организация должна согласовать с заемщиком индивидуальные условия, которые указаны в п. 9 ст. 5 ФЗ № 353. Эти 16 подпунктов индивидуальных условий являются открытым перечнем и могут дополняться иными условиями.

Однако актуальной является проблема мошенничества, когда в результате обмана, звонков, запугивания и различными СМС-кодами клиентов банков вводят в заблуждение и оформляют на них кредиты, которые потом переводят третьим лицам.

Относительно недавно Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 января 2023 г. № 5-КГ22-121-К2³, рассматривался жалоба по спору относительно получения онлайн-кредита. В данном деле судебный орган поддержал потребителя, сославшись на то, что: назначение кода, который был использован мошенниками для оформления на клиента кредита, было указано латинским шрифтом, в нарушение требований пункта 2 статьи 8 Закона о защите прав потребителей о предоставлении информации на русском языке.

При заключении онлайн-кредитов используется электронная подпись.

В соответствии с ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»⁴ видами электронных подписей, отношения в области использования которых регулируются настоящим Федеральным законом, являются простая электронная подпись и усиленная электронная подпись.

---

¹ Проблемы правового регулирования банковского кредита : учебник для студентов магистратуры, специалитета и аспирантуры юридических вузов / Д. Г. Алексеева, Л. Г. Ефимова, О. М. Иванов [и др.] ; отв. ред. Ефимова Л. Г. М. : ООО «Прспект», 2017. С. 5.

² Банковское право : учебник для бакалавров / Д. Г. Алексеева, А. Г. Гузнов, Л. Г. Ефимова [и др.]. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Прспект, 2019. С. 462.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.2023 № 5-КГ22-121-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

Различаются усиленная неквалифицированная электронная подпись и усиленная квалифицированная электронная подпись.

Данное деление электронных подписей на ПЭП, УНЭП И УКЭП прямо обусловлено требованиями к подписи для признания документа, равнозначным документу, подписанному на бумажном носителе.

Простая электронная подпись (ПЭП) представляет собой наиболее доступную форму электронной подписи, не требующую затрат на сертификаты, личную идентификацию или специальные технические устройства для создания ключей. Обычно ПЭП создается путем ввода специальных кодов, паролей или получения СМС на мобильный телефон, иногда также используется адрес электронной почты. Основной целью ПЭП является подтверждение факта подписи определенным лицом. В отличие от усиленных подписей, ПЭП обычно не обеспечивает доказательство отсутствия изменений в документе, так как для ее формирования не используются специальные криптографические алгоритмы.

Договор о потребительском кредите, подписанный с использованием СМС-кода, будет приравниваться к документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, в соответствии с нормативными правовыми актами и соглашениями между участниками электронного взаимодействия. Таким образом, электронный документ, подписанный ПЭП, имеет правовую силу, а его подпись считается эквивалентной собственноручной подписи.

В США также, как и в Российской Федерации существует практика выдачи онлайн-кредитов. Однако в США отношение к кредитам отличается. В практике российских банков хорошая кредитная история потребителю необходима для того, чтобы банк принял положительное решение о предоставлении кредита. Иной подход имеется при кредитовании граждан США. Кредитный рейтинг американца определяет, на каких условиях банк сможет кредитовать его, то есть степень доверия банка к финансовой грамотности и ответственности соискателя, к его способности правильно управлять своими денежными средствами.

Разница в процессе выдачи кредита небольшая, в США также готовы выдавать онлайн-кредиты в банках, но главной разницей будет – кредиторская активность, от этого зависят условия, на которых потребителю выдадут онлайн-кредит.

Интересна практика Европейского Союза. Так, например, в Италии существует практика, когда квалифицированный поставщик услуг сам определяет способ идентификации клиента. У кредитора имеется большое количество квалифицированных поставщиков услуг, которые идентифицируют клиентов по видеозвонку и выпускают таким образом квалифицированный сертификат электронной подписи, который обычно используется однократно, для заключения конкретной сделки. Все складывается в определенную систему – SPID, к этой системе подключены как онлайн-сервисы государственного управления, так и онлайн-сервисы частных членов. Подключиться пользователю можно любого устройства: компьютера, планшета и смартфона каждый раз, когда есть кнопка «Войти с SPID» на сайте или в сервисном приложении. Стоит отметить, что в 2022 году доступ через SPID превысил один миллиард, почти удвоив количество в 2021 году, где было зарегистрировано 570 миллионов. За последний год было выпущено более 6 миллионов идентификационных данных, достигнув 33,5 миллиона¹.

Интересна позиция петербургского депутата А.А. Рябоконева А.А., который предложил дополнить ст. 7 ФЗ 353 положением, предусматривающим требование о необходимости собственноручно подписывать кредитный договор². Полагаю, что данная инициатива имеет большое значение для решения указанной проблемы, поскольку в таком случае нынешняя практика СМС-кодов от мошенников снизится.

На основе изложенного, представляется, что внедрение онлайн-кредитования демонстрировало себя как удобный и эффективный механизм предоставления кредитов через интернет, и его появление было лишь вопросом времени. Считаю, что вопросы идентификации клиентов, исключая возможность мошенничества, являются временными и будут решены в будущем.

---

¹ SPID Public Digital Identity System // AGID URL: <https://www.spid.gov.it/en/> (дата обращения: 19.02.2024).

² Онлайн-кредитование предлагают запретить // Парламентская газета URL: <https://www.pnp.ru/economics/onlayn-kreditovanie-predlagayut-zapretit.html> (дата обращения: 19.02.2024).

Круглый стол «Актуальные проблемы права интеллектуальной собственности»

Абрамов С. Б.

Российская государственная академия интеллектуальной собственности
(ФГБОУ ВО РГАИС)
Аспирант

Причинная связь между нарушением интеллектуальных прав и моральным вредом как условие возложения обязанности по компенсации морального вреда

Несмотря на то что правила применения требования о наличии причинной связи между противоправным поведением и моральным вредом, исследовались многими учеными (в том числе А.М.Эрделевским¹, О.В.Дашко², А.Т.Табунщиковым³), в настоящее время отсутствуют научные труды, в которых бы выделялись и подвергались анализу особенности применения данного условия к нарушению прав на интеллектуальную собственность.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 в п. 18 дает самые общие разъяснения в отношении причинной связи применительно к компенсации морального вреда, указывая на необходимую обусловленность страданий потерпевшего вредом, который был ему причинен⁴.

Специфика причинной связи в контексте морального вреда, вызванного нарушением интеллектуальных прав, может заключаться в необходимости соблюдения, в частности, перечисленных ниже двух требований для удовлетворения иска о компенсации такого вреда. В противном случае в наличии причинной связи следует усомниться:

1. Соответствие страданий, перенесенных правообладателем, тем видам страданий, которые в принципе могут быть испытаны правообладателем в результате нарушения его интеллектуальных прав в конкретной ситуации.

В Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 приведен перечень примеров негативных эмоций, которые могут составлять нравственные страдания (см. п. 14).

Очевидно, что из этого перечня нарушение прав на интеллектуальную собственность может вызвать преимущественно следующие нравственные страдания: чувство унижения, беспомощности, разочарования, стыда.

При этом, в научных исследованиях по психологии выделяются и иные базовые негативные эмоции, которые, по мнению автора данной публикации, равным образом могут явиться следствием нарушения интеллектуальных прав, в том числе: гнев, отвращение⁵, тревога, печаль⁶, уныние и безразличие⁷.

Соответственно, если (например, исходя из медицинского заключения) суду становится очевидно, что виды эмоционального стресса иные, чем перечислены выше, то причинно-следственную связь между нарушением интеллектуальных прав и моральным вредом, причиненным правообладателю, необходимо поставить под сомнение.

Так, в общем случае вряд ли способно быть последствием нарушения прав на интеллектуальную собственность чувство страха.

---

¹ Эрделевский А. М. Проблемы компенсации за причинение страданий в российском и зарубежном праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / А. М. Эрделевский. — Москва, 2000. С. 34.

² Дашко О. В. Моральный вред и особенности его компенсации за нарушение авторских и смежных прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Москва, 2006. 207 с.

³ Табунщиков А. Т. Компенсация морального вреда в гражданском законодательстве Российской Федерации : дис. ... кан. юрид. наук : 12.00.03 / А. Т. Табунщиков. — Белгород, 2005. С. 48.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 03.05.2023).

⁵ Изард К. Э. Эмоции человека М., 1980. С. 52–71. Ekman P. An Argument for Basic Emotions.

⁶ Alan S. Cowen, Dacher Keltner. Self-report captures 27 distinct categories of emotion bridged by continuous gradients URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.1702247114> (дата обращения: 03.11.2023).

⁷ Куликов Л. В. Психология настроения личности : дис. ... д-ра псих. наук : 19.00.11 / Л. В. Куликов. — Санкт-Петербург, 1997. С. 89.

2. По делам о защите авторских прав на произведение, где истцом является один из соавторов: нарушение интеллектуальных прав именно на ту часть произведения/объекта патентных прав, в создании которой истец принимал непосредственное участие.

Данное требование является актуальным лишь в случае, когда:

– нарушение прав на произведение/объект патентных прав затронуло произведение/ объект патентных прав не полностью, а только в части, и при этом;

– доказано, что истец испытал нравственные страдания (а возможно и физические страдания как их последствие), является соавтором произведения в целом, однако он не участвовал в создании той его части, которая была непосредственно затронута нарушением.

Кроме того, на практике могут встречаться и специфические для нарушения интеллектуальных прав случаи несоответствия масштабов нарушения, доказанному объему страданий правообладателя.

Например, если нарушитель без разрешения автора незаконно использовал буквально один абзац, имеющий, притом, второстепенное значение, из многостраничного литературного произведения, а автором-истцом доказано, что он испытал глубочайшие нравственные страдания, то суд вправе усомниться в том, что именно это, столь незначительное нарушение, стало причиной таких интенсивных страданий автора.

Таким образом, причинная связь между нарушением интеллектуальных прав и моральным вредом имеет описанную выше специфику, которая должна учитываться судами при рассмотрении соответствующих дел.

Бабичева В. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Оммаж: цитирование, пародия или новый способ свободного использования произведения?

Сфера искусства представляет широкое поле для реализации творческой деятельности. Порой автор настолько впечатлен оригинальным произведением, что стремится выразить признательность и уважение к труду создателя оригинала путем заимствования существенных частей произведения для создания нового результата интеллектуальной деятельности. Так, немецкий скульптор Стефан Балкенхол, желая отдать дань уважения картине французского живописца Эдуарда Мане «Завтрак на траве», создал скульптуру главной героини картины Эдуарда Мане «Завтрак на траве», остальных персонажей произведения изобразил на панно. Другой автор, китайский художник Ян Пей Минг, изобразил героев картины Мане в мрачных тонах и добавил в композицию символы смерти. Обе работы были выставлены в галерее Парижа в рамках выставки работ современных художников под названием «Завтрак на траве». Данное явление в искусстве получило название «оммаж».

Оммаж в переводе с французского означает «признательность», его главная характерная черта – проявление глубочайшего уважения автору путем подражания его работам. Данное явление встречается в сфере изобразительного искусства, литературы, архитектуры, кинематографа. Является ли такое подражание нарушением авторского права создателя оригинала или подобное выражение признательности – способ свободного использования произведения?

В ст. 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержится случаи свободного использования произведения: в культурных целях, например путем цитирования, иллюстрирования или создания пародий¹. Необходимо проанализировать характерные черты оммажа и сравнить данное явление с иллюстрацией, цитированием и пародией.

Иллюстрация используется в значении пояснения, наглядного примера и не является основным объектом использования². Иллюстрирование – дополнительный материал, усиливающий восприятие зрителя, усиливающий привлекательность предоставляемой информации³. Оммаж, в отличие от иллюстрирования, имеет целью восхваление оригинальной работы, его элементы служат основой нового объекта творческой деятельности, а не дополнительной составляющей.

Оммаж проявляется в виде заимствования стиля, похожих элементов оригинала. Данные черты свойственны для цитирования – полного или частичного воспроизведения того или иного объекта авторских

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ // СЗ РФ. – 2006 г. – № 52 (ч. 1) – Ст. 5496.

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10 августа 2015 г. № С01-113/2013 по делу № А76-13283/2012.

³ Постановления Суда по интеллектуальным правам от 24 марта 2016 г. № С01-184/2016 по делу № А46-9718/2015.

прав независимо от его формы. Целями цитирования являются: научные, полемические, критические, информационные, учебные цели, а также раскрытие творческого замысла автора (подп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ). В российском праве цитирование допустимо для всех видов произведений¹. Отдельное использование частей произведения в создании оммажа можно признать цитированием в целях раскрытия творческого замысла автора. Однако в данном случае возникает проблема определения правомерного объема использования элементов оригинала. Иногда для создания оммажа автор использует существенную часть произведения или даже все произведение. Так, в серии литографий представителя поп-арта Роя Лихтенштейна в память о Пабло Пикассо был изображен бык из оригинальной работы Пикассо, но уже в другом стиле. Лихтенштейн старался представить произведения так, будто Пикассо написал бы ее в 70-е. В кинематографе примером оммажа является фильм режиссер Тимура Бекмамбетова, повторяющий сюжет оригинальной экранизации Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или с легким паром». Новый вариант картины вышел к 30-летию юбилею оригинала, в нем явно прослеживается связь с картиной Эльдара Рязанова, имеется сходная идея: по сюжету персонажи фильма являются родственниками уже известных зрителю героев и повторяют историю своих родителей, вплоть до диалогов. Следовательно, использование большей части первоначального произведения необходимо признавать не цитированием, а созданием производного произведения путем переработки оригинала.

Согласно п. 2 ст. 1259 ГК РФ под производным произведением понимается такое произведение, которое «представляет собой переработку другого произведения». Необходимым признаком переработки является цель автора изменений расширить возможности использования первоначального произведения. Переработка также требует получения согласия автора или правообладателя в отношении оригинального произведения².

Возможно ли признать оммаж пародией на первоначальное произведение? Пародия свойственны следующие признаки: комический характер, узнаваемость воспринимающим лицом³, творческий вклад. Одинаковая черта пародии и оммажа – связь с первоначальным произведением и узнаваемость в новой работе⁴. Однако оммаж нельзя отождествлять с пародией. Пародии важен юмористический или критический эффект⁵, а оммаж направлен на восхваление произведения, в нем отсутствует ирония или критика. Автор оммажа не ищет коммерческой выгоды, когда как создатели пародий часто ставят цель получения прибыли от результата своего труда.

Является ли необходимым выделение оммажа в качестве отдельного вида свободного использования произведения? Оммаж способствует культурному обогащению, популяризации произведений искусства и повышению интереса к ним в обществе⁶. Оммаж становится более доступным искусством: люди могут увидеть работу, например в галерее или музее. Публика видит не сам шедевр, а оригинал созданного на его основе производного произведения, что позволяет ознакомиться с произведением и повысить его узнаваемость. Следовательно, создание оммажа представляется обоснованным.

Однако возникает возможность недобросовестного использования оригинала. Если создание оммажа или способ его использования вмешиваются в экономическую сферу, присущую оригинальному произведению (лицензирование, распространение, воспроизведение и т.д.), то это нарушает исключительное право на оригинал, в данном случае необходимо разрешение правообладателя. Но в случае некоммерческого использования такой характер обращения оммажа вполне возможен в режиме свободного использования.

Как обеспечить правомерное использование первоначального произведения при создании оммажа? Необходимо, чтобы данный способ свободного использования имел ряд условий, в рамках которых заимствовать элементы первоначального произведения можно без разрешения правообладателя. Следовательно, можно выделить следующие характерные особенности оммажа в качестве нового способа свободного использования:

¹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) / отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. — : Юридическая фирма «Контракт»: Инфра-М, 2009. С. 201.

² Михайлов С. В. Презумпция творческого характера (оригинальности) объектов авторских прав // Lex russica. 2021. Т. 74. № 10. С. 9–25.

³ Лукьянов Р. Л. Гражданско-правовой режим охраны пародии // Право интеллектуальной собственности. 2012. № 1 (21).

⁴ Ворожевич А. Пародия как случай свободного использования объекта авторского права. Авторское право и смежные права. № 10. Октябрь 2019.

⁵ Лемяцких Е. О. Пародия как случай свободного использования произведения. Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 2 (28). Июнь 2020. С. 84–88.

⁶ Егорова А. С. Оммаж — новый способ свободного использования произведения // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 67–71.

Оммаж может быть использован в отношении произведений искусства: литературы, живописи, скульптуры, фотографии аудиовизуальных произведений;

Оммаж может быть создан только в отношении правомерно опубликованных произведений;

Автор оммажа должен указывать имя автора первоначального произведения и название первоначального произведения, которое является основой результата творческой деятельности, оммажу должны быть свойственна узнаваемость оригинального произведения;

Оммаж должен быть создан с целью отдать дань уважения автору первоначального произведения, не носить критического характера по отношению к оригиналу, не иметь цели получения прибыли от результата творческого труда;

Оммаж должен способствовать распространению культуры, знакомить общество с работами автора оригинала, использоваться для опубликования в культурных целях. Данные произведения могут демонстрироваться на выставках, показах, музеях и галереях, посвященных работам создателей оригинала, а также для публикации в биографиях или сборниках их работ.

Таким образом, закрепление оммажа в качестве способа свободного использования произведения позволит авторам выразить уважение к творчеству создателей оригинала, будет способствовать повышению узнаваемости и известности создателей оригинальных работ и культурному обогащению общества.

Багдасарова М. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Использование персонажей мультфильмов на кондитерских изделиях: проблемы защиты исключительных прав

В последнее время кондитерское производство набирает все большие обороты, с каждым днем растет число индивидуальных предпринимателей и самозанятых, основная деятельность которых связана с изготовлением тортов, пирожных и других кондитерских изделий. Однако далеко не все производители знают о том, что изготовление «безобидного» торта на заказ, например, ко дню рождения ребенка, с использованием его любимого героя мультфильма может привести к несению гражданско-правовой ответственности.

Для начала следует разобраться с тем, что такое персонаж и определить, является ли он объектом авторского права. Согласно п. 3 ст. 1259 ГК РФ, охране подлежат произведения, выраженные в какой-либо объективной форме¹. Под персонажем следует понимать совокупность описаний и (или) изображений того или иного действующего лица в произведении в форме (формах), присущей (присущих) произведению: в письменной, устной форме, в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме и др.² Охране подлежит персонаж в качестве произведения изобразительного искусства (изображение, рисунок) и в качестве самостоятельного результата интеллектуальной деятельности, в отрыве от произведения (аудиовизуального либо произведения изобразительного искусства). Кроме того, в отношении персонажа может быть зарегистрирован товарный знак или серия товарных знаков.

Таким образом в случае, если персонаж имеет самостоятельную правовую охрану в отрыве от произведения в целом, его использование третьими лицами возможно только с согласия правообладателя.

Тем не менее, несмотря на положения закона, нарушения исключительных прав на персонажи происходят довольно часто. Подавляющее большинство кондитеров даже не подозревают о том, что «Лунтик», слепленный из мастики или «Чебурашка», распечатанный на съедобной сахарной бумаге, — представляют собой нарушение исключительных прав.

Приведем пример из судебной практики. ООО «Студия анимационного кино «Мельница» (далее — Общество, Студия) является правообладателем товарных знаков «Лунтик», «Кузя», «Божья Коровка Мила», «Гусеницы Вупсень и Пупсень», а также обладателем исключительных авторских прав на произведения изобразительного искусства-рисунки (изображения) этих персонажей. В апреле 2018 года Общество заказало у ИП Н. торт с изображением персонажей мультфильмов «Лунтик» и «Смешарики». Получив торт, Общество направило претензию в адрес предпринимателя с предложением об уплате компенсации в размере 300 тыс. руб. за нарушение исключительных прав на товарные знаки. Кондитер не ответил на претензию, и Общество

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

обратилось в суд. Оно потребовало взыскать с предпринимателя 90 тыс. руб. за нарушение исключительных прав на товарные знаки и изображения мультипликационных персонажей, судебные расходы и расходы на экспертизу.

При этом суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении заявленных требований, исходил из того, что действия истца по заказу торта совершены исключительно с целью последующего заявления требований о взыскании компенсации и свидетельствуют о злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ). Суд апелляционной инстанции выводы суда первой инстанции поддержал, указав, что в торговой точке предпринимателя отсутствовало предложение к продаже указанного изделия, поскольку каталог с изображением персонажей и товарных знаков в свободном доступе отсутствовал, а торт, на котором были размещены спорные объемные изображения, изготовлен предпринимателем в единственном экземпляре исключительно по индивидуальному заказу представителя истца в рамках договора бытового подряда, являющегося публичным.

Судебная коллегия Суда по интеллектуальным правам не согласилась с выводами судов в силу следующего: при рассмотрении спора по существу в материалы дела доказательств, свидетельствующих о злоупотреблении правом со стороны истца, не представлено. Сам по себе факт обращения истца в суд за защитой нарушенных прав не может свидетельствовать о злоупотреблении правом. В ходе рассмотрения дела было установлено и не оспорено предпринимателем, что представитель истца заказал ответчику изготовить торт, выбрав вариант в предложенном им каталоге, а затем в назначенную дату за плату получил готовое кондитерское изделие. Следовательно, в данном случае каталог представляет собой не информационный ресурс, то есть совокупность отдельных документов, массивов документов, обычно структурированных в базы данных и используемых определенной информационной системой, а является предложением к продаже товаров по образцам (п. 1 ст. 497 ГК РФ), содержащимся в каталогах, проспектах, буклетах, представленным в фотографиях и других информационных материалах¹.

Суд первой инстанции в новом рассмотрении удовлетворил иск частично — взыскал с ИП Н. в пользу Студии 45 тыс. руб. компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки и произведения изобразительного искусства². В остальной части в удовлетворении заявленных требований было отказано.

Как показывает анализ судебной практики, зачастую защита прав на персонажей маскируется защитой прав на изображения (рисунки) или на товарные знаки.

Однако, если автор или иной правообладатель хочет защитить свои права на персонажа не как на произведение изобразительного искусства (или товарный знак), а как на самостоятельный результат интеллектуальной деятельности, он должен обосновать, что такой персонаж имеет самостоятельную правовую охрану. При этом учитывается, обладает ли конкретное действующее лицо произведения достаточными индивидуализирующими его характеристиками: в частности, определены ли внешний вид действующего лица произведения, характер, отличительные черты (например, движения, голос, мимика, речевые особенности) или другие особенности, в силу которых действующее лицо произведения является узнаваемым даже при его использовании отдельно от всего произведения в целом. При подтверждении наличия индивидуализирующих характеристик действующего лица его охраноспособность в качестве персонажа презюмируется.

Число судебных разбирательств о защите исключительных прав на персонажа как самостоятельного результата интеллектуальной деятельности в разы меньше, чем о защите персонажей как произведений изобразительного искусства или товарного знака на персонажа. Почему так происходит? Связано это со сложностью в доказывании того, что персонаж существует в разрыве от произведения как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности. Гораздо проще и понятнее указать на нарушение в отношении изображения или товарного знака, чем обосновывать суду, что конкретный персонаж обладает рядом индивидуализирующих его характеристик.

Кроме того, как отмечал Суд по интеллектуальным правам, «признание персонажа в качестве результата творческого труда не означает, что данная часть произведения является самостоятельным объектом

---

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 03.06.2019 по делу № А13-15191/2018 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3dea5761-d3cb-4b05-8fd1-9ad42eaca037/2a0fdebd-77ae-4e47-bddf-828c2f686582/A13-15191-2018_20190603_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 30.01.2024).

² Решение арбитражного суда Вологодской области от 19.07.2019 по делу № А13-15191/2018 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3dea5761-d3cb-4b05-8fd1-9ad42eaca037/0decbc5d-cc3e-458d-9aaa-2ce39c867836/A13-15191-2018_20190719_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 30.01.2024).

авторского права»¹. В отношении персонажа произведения не возникает самостоятельное исключительное право. Возможность самостоятельного использования персонажа, в отрыве от целого произведения, не ведет к признанию персонажа в качестве самостоятельного произведения. Такое использование может осуществляться самим автором или иным лицом на основании лицензионного договора, устанавливающего соответствующие пределы использования произведения лицензиатом. Персонаж произведения не может быть объектом договора об отчуждении исключительного права, поскольку на него распространяется исключительное право на произведение в целом.

В связи с этим правообладатели-мультипликаторы регистрируют товарные знаки на персонажей, а также обеспечивают доказательства наличия у них прав на изображения (рисунки) персонажей с тем, чтобы обезопасить себя наиболее надежным способом защиты от возможных нарушений своих исключительных прав, так как судебная практика по этому вопросу складывается в пользу авторов и правообладателей.

В свою очередь, чтобы кондитерам не выплачивать многотысячные компенсации за нарушения исключительных прав, им следует заключать лицензионные договоры с правообладателями, оформляя надлежащим образом права на использование персонажей на своих кондитерских изделиях.

Бойко Е. А.

Ленинградский Государственный
Университет имени А.С. Пушкина
Студент

Коммерческая тайна и искусственный интеллект: основные риски и их минимизация.

Искусственный Интеллект (далее – ИИ) в наше время – это важная составляющая прогресса всего мира. Компании активно применяют ИИ в своей деятельности с целью усовершенствовать, повысить эффективность выполнения части задач. Однако применение технологий ИИ Компаниями может иметь риски. Одной из таких проблемных зон является взаимодействие ИИ и Коммерческой тайны.

Перед тем, как перейти к основной проблеме, необходимо разобраться, как работает генеративный ИИ. Нейросети не только работают на принципе шведского стола: наборы исходных данных для обучения ИИ содержат материалы, защищенные авторским правом, и редко предполагают наличие согласия от первоначальных создателей, но также они потребляют информацию, поступающую от пользователей. Нематериальные активы компаний, такие как коммерческая тайна, каким-либо образом попавшие на шведский стол, могут быть так же использованы для дальнейшего обучения ИИ.

Коммерческая тайна может включать в себя различные конфиденциальные данные, такие как проприетарные алгоритмы, обучающие данные и бизнес-стратегии, и другую информацию, которая предоставляет конкурентное преимущество. В отличие от патентов и авторских прав, коммерческая тайна не требует официальной регистрации. Вместо этого она опирается на обеспечение конфиденциальности и принятие разумных мер предосторожности для защиты информации.

Во время использования искусственного интеллекта и «кормления» его данными есть риск того, что часть этой информации может сохраниться на серверах искусственного интеллекта и попасть в руки конкурентов или стать общедоступной.

У некоторых корпораций уже случались инциденты, когда по неосмотрительности сотрудников коммерческая тайна была под угрозой. А некоторые компании и вовсе обнаружили зацепки, что их тайная информация была использована для обучения.

В 2023 году ChatGPT, чат-бот с искусственным интеллектом, стал источником утечки важных корпоративных данных Samsung.

В одном из случаев инженер по ошибке ввел в чат-бот исходный код, связанный с полупроводниковым оборудованием. В другом случае сотрудник Samsung решил поделиться секретным исходным кодом с ChatGPT, чтобы облегчить его проверку, но это привело к утечке корпоративных данных. Третий инцидент произошел, когда специалист использовал ChatGPT для создания протокола встречи. Все три случая привели к тому, что скрытая информация Samsung стала доступной для ChatGPT².

---

¹ Информационная справка по вопросам, возникающим при применении пункта 7 статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (части произведения) (утверждена постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.12.2022 № СП-21/33) // СПС «КонсультантПлюс».

² IZ.RU. Вот и поговорили: почему из-за чат-ботов происходят утечки данных.

Этот случай ярко демонстрирует необходимость предпринимать меры защиты конфиденциальной информации уже на начальных этапах, когда ввод технологий ИИ только появляется в планах компании. Важно уметь предвидеть риски и применять всевозможные меры для обеспечения безопасности данных.

В результате серии инцидентов, большее количество которых произошло в 2023 году, многие компании отказались использовать ChatGPT или ограничили его использование своими сотрудниками.

Например, Apple запретила своим сотрудникам использовать ChatGPT и другие ИИ-сервисы. Это связано с опасениями компрометации проприетарного кода Apple и других конфиденциальных данных.

В январе Amazon запретила своим сотрудникам делиться любым или конфиденциальной информацией с чат-ботом OpenAI после обнаружения ответов ChatGPT, сходных с внутренними данными Amazon¹.

Киберинциденты с ChatGPT и другими чат-ботами неправильно называть утечками данных. Это связано с тем, что утечки обычно происходят из защищенных систем, в то время как передача конфиденциальной информации пользователем для обработки в ChatGPT можно сравнить с выкладыванием этих данных в публичную таблицу от Google.

Также интересно упомянуть, что ChatGPT по умолчанию сохраняет историю чатов, хотя пользователи могут отключить эту функцию. Однако все равно неясно, как удаление чата влияет на данные, будут ли они использоваться для дальнейшего обучения ИИ?

Более того, в марте 2023 года OpenAI временно отключала ChatGPT для исправления ошибки, позволившей некоторым пользователям просматривать историю чатов других пользователей. Этот случай вызывает беспокойство, поскольку нет гарантий, что подобное не может повториться. А что, если кому-то станет видна коммерческая тайна какой-либо компании?

Однако существуют меры, которые компании могут предпринять для минимизации риска раскрытия коммерческой тайны в условиях внедрения искусственного интеллекта. Анализируя собранную информацию, можно предложить несколько подходов:

1. Развертывание нейросети on-premise (локально). Здесь подразумевается обработка и хранение данных ближе к их источнику, а не передача в централизованную облачную инфраструктуру. В таком случае необходимо использовать собственное дополнительное оборудование, размещенное на собственных площадях. Это существенно повышает уровень конфиденциальности и безопасности данных, позволяя сохранять конфиденциальную информацию ближе к источнику и снижая риск несанкционированного доступа и использования информации в нежелательных целях.

2. Ввод технических мер, которые должны ограничивать доступ сотрудников к веб-версиям ИИ, а также к Telegram-ботам. В документах стоит обозначить ответственность за утечки конфиденциальной информации в системы ИИ.

3. Внедрение применения строгого контроля доступа, введение дополнительных соглашений о неразглашении (NDA) и других мер безопасности. Соглашения о конфиденциальности и неразглашении играют важную роль в установлении юридически обязательных норм и обеспечении соблюдения конфиденциальности коммерческой тайны сотрудниками, подрядчиками и деловыми партнерами.

Как раз в соглашении и политике конфиденциальности можно прописать запреты для сотрудников ссылаться или вводить конфиденциальную информацию и коммерческую тайну в чат-боты и языковые модели на базе искусственного интеллекта, такие как чат GPT.

4. Фиксирование фактов пользования секретной информацией: дата, время, место доступа, устройство, с которого был осуществлен доступ, а также сведения о лицах, связанных с этим доступом; необходимо применение средств шифрования и криптографии; будет полезно внедрение средств мониторинга сетей и протоколирования всех фактов и процедур обращения с конфиденциальной информацией; важно ограничить к сведениям доступ (указать Ф. И. О. сотрудника, определить когда и каким образом может запрашиваться и использоваться информация), определить ответственное лицо за эту процедуру; составить список лиц, которые имеют доступ к секретным сведениям; разработать документы о порядке использования

Жертвами киберинцидентов с сервисами становятся корпорации и рядовые пользователи. URL: <https://iz.ru/1494443/dmitrii-bulgakov/vot-i-pogovorili-pochemu-iz-za-chat-botov-proiskhodiat-utechki-dannykh> (дата обращения: 17.02.2024).

¹ Forbes. Apple Joins A Growing List Of Companies Cracking Down On Use Of ChatGPT By Staffers—Here's Why. URL: <https://www.forbes.com/sites/siladityaray/2023/05/19/apple-joins-a-growing-list-of-companies-cracking-down-on-use-of-chatgpt-by-staffers-heres-why/?sh=3c5f529928ff> (дата обращения: 17.02.2024).

информации работниками (положения, инструкции, договоры с сотрудниками об использовании информации)¹.

5. Если коммерческая информация все же попала в базы ИИ, то следует создать фальшивые данные, которые можно отправить ChatGPT вместе с реальными, чтобы запутать систему и усложнить различение настоящих сведений от поддельных².

Подводя итог, можно еще раз указать на то, что Коммерческая тайна – один из важнейших нематериальных активов компании, которому просто необходима дополнительная защита. Использование ИИ – часто уже не просто прихоть, но скорее необходимость. Поэтому перечисленные рекомендации будут полезны предпринимателям, бизнесменам, которые планируют использовать или уже используют технологии ИИ в своей компании и стремятся обезопасить Коммерческую информацию, а проведенное исследование поможет обратить внимание на зоны риска.

Действия по защите, перечисленные в статье, могут быть затратны по времени, средствам и оборудованию, однако именно эти шаги могут помочь как обезопасить важные данные компании, так и использовать технологии ИИ безопасно. Никто не знает, что произойдет завтра, какие проблемы на серверах ИИ могут возникнуть, а потому перестраховка и активные действия по защите – единственный и самый правильный выход для дальновидных предпринимателей в мире инноваций и технологий.

Бойматова Д. А.

Ленинградский государственный университет
имени Пушкина (ЛГУ)
Студент

Авторское право на продукты деятельности Искусственного интеллекта

Искусственный интеллект стремительно интегрируется в различные аспекты юридической работы, помогая улучшить эффективность и качество юридических услуг. Он способен обрабатывать большие объемы информации, анализировать данные, выявлять паттерны и тенденции, что позволяет ускорить процессы принятия решений и снизить вероятность ошибок. Однако, вместе с этим, возникают вопросы о том, как сохранить баланс между использованием искусственного интеллекта и ролью человеческого фактора в юридической практике. Несмотря на важность технологических инноваций, нельзя недооценивать роль профессионального мастерства и моральных принципов юриста. На сегодняшний день, ключевыми задачами являются обеспечение безопасности данных, защита личной информации, этический и юридический контроль за использованием искусственного интеллекта, а также обучение специалистов новым технологиям.

Это вступление было написано чатом GPT по запросу «Напиши вступление для статьи «Искусственный интеллект в юридической деятельности» и в некоторых местах отредактировано автором этой статьи. Он ничем не отличается от текстов и статей, которые пишут люди и вполне может быть использован для публикаций. Однако встает вопрос о том, можно ли считать автора правообладателем данного текста, с учетом внесенных поправок? Кем можно считать искусственный интеллект (ИИ) в этом случае: соавтором или инструментом? В данной статье на моем примере будет разбираться поставленный вопрос, так как, несмотря на то, что мировую огласку технология искусственного интеллекта получила только в 2022 году, за столь короткий срок, ее уже повсеместно внедряют не только в повседневную жизнь человека, но и в более профессиональные сферы. Будь то сферы дизайна, архитектуры, музыки, медицины и юриспруденции, искусственный интеллект всё больше и больше проникает в нашу жизнь и создает новые ситуации и правовые вопросы, которые требуют решения и регулирования. В данной статье будут рассмотрены позиции иностранных судов и правоприменителей, а также точки зрения российских юристов на правосубъектность искусственного интеллекта и продуктов его деятельности.

Обращаясь к опыту иностранных государств, мы можем понять, что каждая отдельная страна имеет свой индивидуальный взгляд на поставленный вопрос. Так в США в деле «Тайлер против Бюро регистрации авторских прав», которое решало несколько стран, однако для этой статьи рассмотрим точку зрения США, суд

---

¹ Конфиденциальные сведения и ноу-хау: вводный режим коммерческой тайны в организации
URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/yazovskiy/1263297/?ysclid=lpo8l8wzrt690756080> (дата обращения: 26.10.2023).

² IZ.RU. Вот и поговорили: почему из-за чат-ботов происходят утечки данных.

Жертвами киберинцидентов с сервисами становятся корпорации и рядовые пользователи.
URL: <https://iz.ru/1494443/dmitrii-bulgakov/vot-i-pogovorili-pochemu-iz-za-chat-botov-proiskhodiat-utechki-dannykh> (дата обращения: 17.02.2024).

вынес решение, по которому ИИ не может обладать авторскими правами на произведения. Вкратце аргументы сводятся к тому, что «авторское право никогда не предоставлялось работе, при создании которой «отсутствовала направляющая рука человека», у искусственного интеллекта отсутствует творческий потенциал, присущий человеку». Было отмечено, что искусственному интеллекту не требуются какие-либо авторские права на созданный им объект¹. Точка зрения правоприменителя здесь ясна: наделение ИИ правосубъектностью, а его продукта какими-либо правами необходимо только человеку или компании, которая его использует, так как определенный доход от объектов деятельности ИИ уходит им, а не самому алгоритму. Если мы наделим ИИ субъектоспособностью, то встанет вопрос об этичности данного наделения, так как дарование искусственному интеллекту какой бы то ни было перечень прав и обязанностей приводит нас к вопросу о том, как он будет этот перечень реализовать, не имея базовых понятий желания, нужды или свободы воли. С данной точкой зрения согласна некоторая часть российских исследователей, так Крысанова-Кирсанова И.Г. и Трушина И.О. пишут «искусственный интеллект хотя и обладает базовыми характеристиками правосубъектности, в полной мере не сможет заменить человека и являться субъектом права»². Таким образом, мы можем прийти к одному из способов решения поставленной задачи: ИИ не является автором созданного текста, и текст не может быть объектом правоотношений.

В Китае вопрос с авторскими правами решили по-другому. Авторские права, на произведения, созданные ИИ, могут быть защищены в соответствии с законом об авторском праве Китая³. Суть возникшего спора заключалась в том, что истец, являющийся владельцем программы Dreamwriter, написал статью для своего сайта, в конце статьи было оставлено примечание о том, что авторство текста принадлежит ИИ. Ответчик скопировал данную статью и с таким же названием на свой веб-сайт, скопировав так же и примечание. После судебного разбирательства авторство статьи было защищено истцом. Был поставлен вопрос о том, является ли произведение, созданное ИИ, творением и является ли автор творцом. Так как истец написал статью, процесс создания которой был разделен на несколько этапов, в которых он проявлял свою креативность, суд постановил, что он может являться автором статьи. То есть, когда автор, используя ИИ, и превращает процесс работы не просто в запрос – ответ, а в креативный процесс, к которому он разрабатывает определенный план и осуществляет большую часть работы, то работа, всё равно считаясь работой ИИ, может быть сохранена авторскими правами. Тут встает вопрос о том, что является мерилем креативности? Есть предположение, что этот вопрос уже будет рассматриваться самим судом с привлечением экспертов. С этой точки зрения, вступление в данной статье так же может быть защищено авторскими правами, так как автором статьи была проведена некая корректировка текста, а также было использовано несколько способов подачи материала, которые автор придумывал сам.

Европейский Союз, рассматривая вопрос ответственности роботов⁴, предлагает создать отдельную категорию лиц, специально для роботов и искусственного интеллекта – «электронных людей». В тексте дается объяснение, что придавать роботам правосубъектность бессмысленно, так как они не являются достаточно автономными существами, обладающими своей волей. Поднимая вопрос об ответственности, которую должны нести роботы в своих действиях, авторы статьи понимают, что «...не может быть и речи о том, что он может нести частичную или полную ответственность за свои действия или бездействие», так как наличие ответственности подразумевает придание роботу определенных черт, что сразу приводит нас к этической проблеме правоспособности роботов. Так, если они будут обладать чувствами, желаниями и потребностями, обслуживание человека может стать не главной их задачей, что приведет за собой дилемму в их личности. Однако автор этой статьи считает, что создание отдельной категории лиц поможет в дальнейшем избежать пробелов в праве, так как данная концепция будет новой и полностью проработанной, затрагивающей все вопросы, которые могут возникнуть в процессе использования искусственного интеллекта.

Рассматривая этот вопрос с точки зрения парадигмы российского права, можно следовать Гражданскому кодексу РФ (ГК РФ)⁵, в котором закреплено понятие интеллектуальных прав. В пункте 1 статьи 1228 ГК РФ

¹ Электронный ресурс. URL: <https://www.ipstars.com/NewsAndAnalysis/The-latest-news-on-the-DABUS-patent-case/Index/7366>.

² Крысанова-Кирсанова Ирина Георгиевна, Трушина Ирина Олеговна Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-iskusstvennogo-intellekta-1> (дата обращения: 07.02.2024).

³ URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010>.

⁴ Электронный ресурс. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU\(2016\)571379_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU(2016)571379_EN.pdf).

⁵ Электронный ресурс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/.

автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Рассматривая этот вопрос с данной точки зрения, можно причислить авторские права за вступление автору этой статьи, несмотря на то, что ИИ сделало работу, российское законодательство признает авторство работ лишь за физическим лицом, в данном случае ИИ можно рассматривать как инструмент достижения цели, а не лицо его достигшее. С данной точки зрения не появляется никаких вопросов и дискуссий по поводу субъектоспособности ИИ, так как ею он обладать не будет и это не приведет к проблеме этики в сторону ИИ. В этом случае будет важно лишь фактическое творческое участие человека в процессе создания творения. Однако законодательство в данной сфере требует доработки, ведь если авторство зависит от творческого влияния человека, то при отсутствии этого влияния, вопрос остается открытым.

На данный момент концепция правосубъектности ИИ требует рассмотрения, и выпущено уже много теорий по данному вопросу, некоторые из которых были рассмотрены в данном тексте. По итогу решения вопроса, автор пришла к выводу, что в зависимости от различных стран, конечное решение будет разным. То, что в Китае будет защищаться под авторскими правами, в США будет считаться народным достоянием и не сможет защищаться законом. В России же авторские права будут принадлежать тому, кто внес наибольший творческий вклад, который сложно оценить или взвесить. Можно прийти к выводу, что данный вопрос будет решаться в будущем и приход к его решению будет новым витком для юридической науки.

Борулёва Е. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

Патентование генома человека как изобретения: соответствие условиям охраноспособности

Правовая охрана генома человека является сегодняшней реальностью не только биомедицины, геномной инженерии, но и интеллектуальной собственности, в которой более часто встречаемый правовой режим охраны генома человека и созданной на его основе продукции представляется патентованием. Конкретизируя институт патентования, всё чаще мы видим случаи патентования генома человека в виде изобретения, однако в юридическом сообществе возникают одинаковые вопросы, на которые судебными инстанциями даются разные ответы в различных юрисдикциях.

В частности, соответствует ли геном человека (искусственно созданная последовательность нуклеидов) условиям патентоспособности? На данный вопрос мы попытаемся дать ответ в данной научной работе.

Сложность однозначного ответа на данный вопрос состоит в частности в том, что изобретение по своей сущности должно решать какую-либо поставленную техническую проблему с помощью технологических средств, т.е. изобретение должно содержать вклад в развитие уровня технологий. Данная грань между научным открытием и промышленно применимым изобретением в сфере геномной инженерии достаточно размытая. Так, учитывая достигнутый прогресс в данной сфере изолирование клеток ДНК не удовлетворяют условиям охраноспособности в качестве изобретения, поскольку находятся так или иначе в естественной среде, изолирование отдельного гена или последовательности не представляет инновационного прорыва и в медицине применяется как рутинная работа. Невозможность запатентовать геном человека в качестве изобретения объясняется либо тем, что в формулировках заявки на изобретение отсутствует изобретательский уровень, либо тем, что изолированный ген признается открытием, которое не признается охраняемым результатом интеллектуальной деятельности во многих юрисдикциях, несмотря на нормы Стокгольмской конвенции об учреждении ВОИС¹.

Например, прямо предусмотрено Законом о патентах Республики Индии, что по смыслу закона обычное открытие живого или неживого вещества, встречающегося в природе, не может охраняться как изобретение, поскольку является непатентуемым открытием².

Норма ст. 27 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – Соглашение ТРИПС)³ описывает три условия охраноспособности патентуемого объекта в виде изобретения, которых придерживаются все государства – члены Всемирной торговой организации: новизна,

¹ Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности (Подписана в Стокгольме 14.07.1967, изменена 02.10.1979).

² TIE Patents (Amendment) Act, № 15 of 2005 // Ministry of Law and Justice (Legislative Department) // New Delhi, the 5th April, 2005 1Chaitra 15,1927 (Saka).

³ Приложение 1С Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности. 15 апреля 1994 г., Марракеш.

изобретательский уровень и промышленная применимость – аналогичные критерии охраноспособности определены Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹.

Предлагаем разобрать каждый критерий охраноспособности изобретения в контексте патентования генома человека.

Новизна изобретения. Под новизной изобретения понимают то, что оно не является известным из уровня техники², поэтому патентные ведомства при экспертизе по существу анализируют общедоступные сведения уровня техники, который был на момент подачи заявки³.

Однако судебные инстанции иностранных юрисдикций трактуют критерий новизны биотехнологических продуктов иначе. Резонансным решением в мировом сообществе стало дело «Diamond v. Chakrabarty», в котором Верховный Суд США впервые сказал о том, что живой генетически измененный организм может претендовать на патентную охрану в качестве нового «производства» или «состава вещества», и для проведения различия между патентоспособными объектами и непатентоспособными продуктами природы необходимо выяснить, является ли заявленное изобретение результатом вмешательства человека⁴, поскольку такой организм был искусственно создан человеком и является его разработкой.

Более того, запатентованной может быть последовательность ДНК, которая существует в природе, но изобретатель представил ее изолированной или в очищенной форме, поэтому можно сказать, что не существует в такой форме в нечистом состоянии. Например, Апелляционная инстанция в деле «Merck & Co. v. OlinMathiesonChemical Corp.» поддержала законность патента на очищенный витамин B12, отметив превосходство над ранее доступным витамином B12, получаемого из крупного рогатого скота⁵. Также изолированность генома как характеристика новизны применяется в Директиве Европейского Союза 98/44/ЕС⁶.

Таким образом, новизна биотехнологического изобретения разрешается по двум критериям: результат деятельности человека (вмешательство в последовательность ДНК в нечистом состоянии) и изолирование или очищенная форма.

Стоит отметить, что экспертизой, в частности Роспатентом РФ, рассматривается отдельно каждая независимая формула изобретения, а, следовательно, сегодня многие коммерческие организации, занимающиеся генной инженерией и иными биотехнологиями, изменяя несколько пунктов независимой формулы (дополняя формулу или исключая пункт), проходят экспертизу по новизне изобретения. Такая схема поведения патентообладателей является одновременно и оправданной в контексте рыночных отношений, и противоречащей общественным интересам в сфере развития технологий биомедицины.

Изобретательский уровень изобретения. Согласно п. 2 ст. 1350 ГК РФ, изобретательский уровень определяется тем, что изобретение для специалиста явным образом не следует уровню техники⁷, в других юрисдикциях, например в США, изобретательский уровень раскрывается через критерий неочевидности – данный критерий отвечает на вопрос, является ли изобретение совершенным по сравнению с уровнем техники. Соответствие данному условию патентоспособности последовательности ДНК несколько проблематична, поскольку изобретателю/заявителю необходимо доказать сложность и непредсказуемость клонирования гена. Учитывая развитие биотехнологий доказать неочевидность другим специалистам, становится труднее: например, достижения в области химии белка (составляющий элемент гена), облегчающие выделение, очистку и секвенирование представляющих интерес белков, могут сделать клонирование генов доступным специалистам в области генной инженерии⁸. Так, в деле «Hybritech, Inc.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4 от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СЗ РФ. Вып. № 52, 2006 г. – ст. 5496.

² См. 4.

³ Руководство по проведению экспертизы заявок на изобретения по существу. Часть третья // URL: 1 (rospatent.gov.ru).

⁴ DIAMOND v. CHAKRABARTY, 447 U.S. 303 (1980). № 79-136, United States Supreme Court // URL: DIAMOND v. CHAKRABARTY, 447 U.S. 303 (1980) | FindLaw (дата обращения: 02.03.2024).

⁵ Merck & Co., Inc., Appellant, v. Olin Mathieson Chemical Corporation, Appellee, 253 F.2d 156 (4th Cir. 1958). U. S. Court of Appeals for the Fourth Circuit // URL: Merck & Co., Inc., Appellant, v. Olin Mathieson Chemical Corporation, Appellee, 253 F.2d 156 (4th Cir. 1958):: Justia (дата обращения: 02.03.2024).

⁶ Directive 98/44/EC of the European Parliament and of the Council of 6 July 1998 on the legal protection of biotechnological inventions // URL: Directive – 98/44 – En – EUR-Lex (europa.eu) (дата обращения: 02.03.2024).

⁷ Указ. соч.

⁸ Kate H. Murashige, Section 202/103 Issues in Biotechnology Patent Prosecution, 16 A.I.P.L.A. Q.J. 294, 295 (1988) ; Kevin J. McGough, Daniel P. Burke / A case for expansive patent protection of biotechnology inventions, Harvard Journal of Law & Technology, Vol. 6 // URL: 0005f01.tif (harvard.edu) (дата обращения: 02.03.2024).

v. Monoclonal Antibodies, Inc.» формула изобретения «сэндвич-анализ» была признана недействительной на основании очевидности изобретения, аргументируя наличием использования поликлональных антител для изготовления иных¹.

Также в деле «Amgen, Inc. v.Chugai Pharmaceutical Co» Суд подчеркнул, что изобретатель может претендовать на разработанный геном как на неочевидное изобретения, если докажет, что уровень техники лишь предполагает эксперименты в перспективе, но не раскрывает, как найти эту последовательность².

Промышленная применимость. Данный критерий предполагает потенциальную возможность или практическое использование изобретения, однако всё больше юрисдикций принимают во внимание практическое использование. Характерно прослеживается реализация промышленной применимости к биотехнологическому изобретению в праве Европейского Союза. В частности, Директива 98/44/ЕС содержит норму о том, что последовательность ДНК без указания функций не содержит технической информации, а следовательно не подлежит правовой охране в виде изобретения, более того предусмотрено обязательное требование об описании промышленного использования генома при подаче заявки на патент³.

Более того, в соответствии с п. 4 ст. 1350 ГК РФ промышленная применимость характеризуется только реальным практическим использованием в разных сферах жизнедеятельности человека.

Следовательно, геном человека может быть зарегистрирован как самостоятельно, так и в качестве самостоятельной формулы изобретения при патентовании генной продукции, поэтому, кажется более вероятным регистрация генома в Российской Федерации как составной части изобретения, а не отдельного объекта.

Выводы. Подводя итог всему вышесказанному, сто́ит сказать, что геном человека соответствует критериям охраноспособности в качестве изобретения, если на последовательность ДНК было вмешательство изобретателя и при условии соблюдения формальных критериев заполнения заявки, однако в некоторых случаях остается открытым вопрос о принадлежности его к объектам интеллектуальной собственности. В то же время нельзя исключать специфику генома человека как объекта, в связи с чем, Наффилдский совет по биоэтике предложил пересмотреть условия патентоспособности⁴.

Бродяная Д. Ю.

Донецкий государственный университет
Студент

Особенности правового регулирования деятельности электронных библиотек

В период цифрового развития и распространения информационных технологий, которые проникли во все сферы нашей жизни, меняются и способы потребления информации.

Одним из самых важных институтов в информационной инфраструктуре выступают библиотеки. Они обрабатывают и накапливают в документальной форме достижения науки и литературы, предоставляя к ним доступ широкого круга лиц. Оцифровка произведений науки и литературы породила перспективу развития электронных библиотек, которые, представляя собой информационную систему, обеспечивают хранение разнородных электронных документов (в том числе книг) и предоставляют доступ к ним через различные электронные устройства и программные системы, в том числе, в информационных сетях.

При создании электронных библиотек одними из ключевых являются вопросы регулирования авторских прав на произведения, а также доступа к ним потребителей. Следовательно, самым проблематичным аспектом здесь является обеспечение баланса интересов, поскольку действующее законодательство не учитывает полностью современные реалии в период цифровизации, что значительно препятствует свободному доступу к информации.

---

¹ Hybritech Incorporated, Plaintiff-appellee, v. Abbott Laboratories, Defendant-appellant, 849 F.2d 1446 (Fed. Cir. 1988). U. S. Court of Appeals for the Federal Circuit // URL: Hybritech Incorporated, Plaintiff-appellee, v. Abbott Laboratories, Defendant-appellant, 849 F.2d 1446 (Fed. Cir. 1988):: Justia (дата обращения: 02.03.2024).

² Amgen, Inc. v. Hoechst Marion Roussel, Inc., 126 F. Supp. 2d 69 (D. Mass. 2001). US District Court for the District of Massachusetts // URL: Amgen, Inc. v. Hoechst Marion Roussel, Inc., 126 F. Supp. 2d 69 (D. Mass. 2001):: Justia (дата обращения: 02.03.2024).

³ Указ. соч.

⁴ The ethics of patenting DN^oA, a discussion paper. N^ouffield Council on Bioethic 2002 / ISBN^o 1 904384 02 1 // URL: The-ethics-of-patenting-DN^oA-a-discussion-paper.pdf (nuffieldbioethics.org) (дата обращения: 02.03.2024).

Первым и значимым международным документом в области авторского права является Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений, принятая 9 сентября 1886 года¹, к которой Российская Федерация присоединилась 13 марта 1995 года. Бернская конвенция, защищая интересы авторов по всему миру, устанавливает минимальные гарантии охраны авторских прав. Она требует предоставления авторам таких прав как: право на перевод (ст. 8), право на воспроизведение (ст. 9), право на публичное вещание, исполнение и чтение (ст. 11), право на переработку (ст. 12) и т.д.

Нормы Бернской конвенции также дополняют положения Договора ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 года², которые касаются охраны произведений и прав их авторов в цифровой среде.

Большое значение также имеют положения, содержащиеся в Окинавской хартии глобального информационного общества, принятой 22 июля 2000 года³, Декларации принципов построения информационного общества, принятой 12 декабря 2003 года⁴, а также Хартии о сохранении цифрового наследия, принятой 15 октября 2003 года⁵.

В отечественном законодательстве к основным законодательным актам, относящимся к сфере функционирования библиотек, относится, прежде всего, Конституция РФ⁶, закрепляющая право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, право участвовать в культурной жизни, пользоваться учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям и т.д.

Дополняют базовые права, закрепленные в Конституции, Основы законодательства Российской Федерации о культуре⁷, которые указывают на центральную роль культуры в развитии и самореализации личности, гуманизации общества. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации»⁸ гарантирует сохранность объектов культурного наследия, в том числе путем их оцифровки. А также Федеральный закон «О библиотечном деле»⁹ – правовая база для сохранения и развития библиотечного дела в Российской Федерации.

Большое значение в рассматриваемом аспекте имеет, помимо всего прочего, положения части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁰, которые также играют немаловажную роль при создании и функционировании библиотек.

Проанализировав уже существующее регулирование законодательством вопросов создания и функционирования библиотек, можно сделать вывод, что государством хотя и признается важность роли библиотек, однако современное право отстает в реформировании и приспособлении их к новым реалиям. Обеспечивая соблюдение интересов правообладателей, совершенно не учитывается потребность включения в электронные библиотеки охраняемых объектов авторского права.

В науке не раз высказывалось мнение о том, что основные правомочия автора, касающиеся предоставления права на использование, распространение и копирование своих произведений, вступает в противоречие с их широкой доступностью и публичностью.

Из этого следует, что для получения согласия на создание электронной формы произведения, в отношении которого действует исключительное право, необходимо, во-первых, искать авторов

¹ Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

² Договор ВОИС по авторскому праву // WIPO Copyright Treaty (WCT). 1996. URL: <https://www.wipo.int/treaties/en/ip/wct/>.

³ Окинавская хартия глобального информационного общества от 22.07.2000 URL: <https://rb.ru/story/china-virtual-idols-labor/> (дата обращения: 05.03.2024).

⁴ Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» от 12.12.2003 URL: <https://cis.minsk.by/page/3550/deklaracia-principov?ysclid=ltkjgoi07k669744575> (дата обращения: 05.03.2024).

⁵ Хартия о сохранении цифрового наследия от 15.10.2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml (дата обращения: 05.03.2024).

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31.

⁷ Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 19.11.1992. № 46. Ст. 2615.

⁸ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

⁹ О библиотечном деле: Федеральный закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 2.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. – 25.12.2006. – № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

произведений, учитывая, что далеко не всегда правообладателем является непосредственно сам автор, что значительно усложняет и затягивает этот процесс. Во-вторых, получение и оформление согласия на изготовление электронной копии произведения также является проблемным для библиотек. В-третьих, существенным является необходимость уплатить вознаграждение при заключении договора между библиотекой и правообладателем, а это говорит о проблеме финансовой составляющей, поскольку если права на произведения принадлежат, например, какому-нибудь издательству, то их целью будет получить максимальную выгоду.

В своей научной статье Козлова Н.В., Косовец А.А., Ворожевич А.С. указывают на то, что авторское право базируется на балансе частных и общественных интересов. Наряду с обеспечением интересов правообладателей, закон должен обеспечивать общество достаточно свободным доступом к произведениям науки и литературы¹.

Авторы научной статьи также выражают мнение о целесообразности разработки и принятия федерального закона о создании специальных лицензированных организаций, специализирующихся на переводе в электронную форму произведений, преимущественно связанных с образованием и наукой, с использованием средств, защищающих цифровой контент от неправомерного копирования.

Согласно действующему законодательству, оцифровка произведений и предоставление в общий доступ возможна только после перехода их в общественное достояние, а также в случае заключения договора с автором или обладателем смежных прав. Но как уже указывалось ранее, заключение договора с правообладателем представляет для электронных библиотек очень трудоемкий и долгий процесс, который в итоге может оказаться безуспешным. А перевод в электронную форму исключительно произведений, перешедших в общественное достояние, значительно сокращает объем наполнения электронных библиотек.

То есть практически все произведения, которые находятся под авторским правом, а также договор на использование которых не был заключен, не могут быть свободно распространены в электронных библиотеках.

В связи с этим нельзя не согласиться с целесообразностью создания специализированных организаций, деятельность которых будет и защищать авторские права, и содействовать распространению электронных произведений.

Об этом также говорят в своей работе Зуйкина К.Л., Соколова Д.В., Скалабан А. В., указывая, что множество трудов науки и литературы могут быть недоступны для широкой публики в связи с положениями законодательства, которые ограничивают этот доступ, охраняя права авторов произведений и других правообладателей. Большинство произведений XX века, которые на сегодняшний день защищены авторским правом, не могут быть опубликованы в электронных библиотеках и представлены общественности².

Авторами работы рассматриваются законодательно предусмотренные открытые лицензии, которые призваны упростить процесс получения согласия на свободное использование произведений и доступ к ним. То есть автор произведения вместо заключения лицензионного договора с каждой отдельной библиотекой, может предоставить открытую лицензию сразу всем желающим.

Следовательно, публикуя произведения под открытой лицензией, электронные библиотеки смогут расширить имеющуюся коллекцию произведений, при этом посодействовать авторам в распространении их работ, а также, что немаловажно, сделать эти произведения доступными для читателей. Но такой подход также не может гарантировать стопроцентное обеспечение библиотек произведениями науки и литературы.

Таким образом, поскольку в современном мире использование электронных библиотек становится с каждым днем все более актуальным, просматривается необходимость законодательно закрепить разумный и сбалансированный подход, который будет гарантировать обеспечение свободного использования произведений, при этом без причинения необоснованного ущерба интересам авторов этих произведений и иных правообладателей.

---

¹ Козлова Н. В., Косовец А. А., Ворожевич А. С. Электронные библиотеки научно-образовательных организаций: правовые проблемы создания и деятельности // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2015. № 6. С. 89.

² Зуйкина К. Л., Соколова Д. В., Скалабан А. В. Электронные библиотеки в России. Текущий статус и перспективы развития. М. : Ваш формат, 2017. С. 78.

Возисова А. А., Колчанова П. В.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студенты

«Совместная собственность» в исключительном праве на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: проблемы правового регулирования

В современных условиях право интеллектуальной собственности развивается стремительными темпами. Связано это с тем, что с каждым днем под влиянием цифровизации общественные отношения усложняются, появляются новые объекты охраны, и, следовательно, все это требует надлежащего, отвечающего современным требованиям правового регулирования. В данной статье рассматривается проблема исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности (РИД) или средства индивидуализации (СИ), принадлежащего нескольким лицам, и совершение сделок с долями в исключительном праве на РИД.

Согласно п. 2 ст. 1229 ГК РФ допускается, что результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, за исключением исключительного права на фирменное наименование, могут принадлежать одному или нескольким лицам совместно.

Согласно п. 3 этой же статьи все лица, являющиеся правообладателями данного РИД или СИ вправе использовать такой результат или такое средство по своему усмотрению, если Гражданским кодексом РФ или соглашением между правообладателями не предусмотрено иное.

В свою очередь, распоряжение исключительным правом осуществляется правообладателями совместно.

Таким образом, на первоначальном этапе мы можем видеть следующую правовую конструкцию: один результат интеллектуальной деятельности, одно исключительное право и несколько правообладателей. Все это сходно с конструкцией совместной собственности, существующей в вещном праве, но в данном случае имеет место не собственность на вещь (так называемая, «доля в праве»), а владение исключительным правом на РИД или СИ.

Однако, следует учитывать, что законом допускается и существование нескольких самостоятельных прав на один РИД или СИ. Данная конструкция предусмотрена п. 4 ст. 1229.

В отличие от вышеуказанной конструкции правообладания, такой правовой режим допускается в следующих случаях, прямо указанных в законе: 1) при независимом создании топологии интегральной микросхемы; 2) при добросовестном и независимом получении сведений, составляющих содержание ноу-хау; 3) при предоставлении права использования места происхождения товара.

Наиболее проблемным нам представляется вопрос множественности правообладателей исключительного права на РИД или СИ. В настоящее время в законе господствует диспозитивный подход при регулировании отношений нескольких правообладателей исключительного права на РИД или СИ, а именно данные отношения регулируются соглашением между правообладателями. Но возникает вопрос: не будет ли такой порядок приводить к злоупотреблению правом? Может быть, будет целесообразно более детально урегулировать этот порядок?

В данном случае, внимание стоит обратить на особую природу объекта права – а именно, на его нематериальный, творческий характер, что предполагает тесную связь РИД или СИ с личностью правообладателя и может привести к возникновению разногласий и противоречий между несколькими правообладателями. Например, если один из правообладателей рассматривает данный объект лишь как средство достижения материальной выгоды, а другой, являющийся его непосредственным автором, как исключительно творческий объект. В такой ситуации неизбежно нарушение баланса интересов правообладателей.

Интересен и вопрос распоряжения долей в исключительном праве на РИД или СИ. В настоящее время в законе не существует четких предписаний относительно данного правомочия. Гражданский кодекс говорит нам лишь о «совместности» действий правообладателей при распоряжении исключительным правом. Но достаточно ли такого регулирования в современных условиях? И что же понимать под термином «распоряжение долей в исключительном праве на РИД или СИ»?

В нынешних условиях законодатель прямо не отвечает на вопрос о том, можно ли выделить в исключительном праве долю и распорядиться не всем правом, а лишь его частью. Из данного вопроса вытекает и другой – применимы ли к исключительному праву положения вещного права об общей собственности? В доктрине существуют несколько точек зрения. Одни ученые настаивают на том, что положения вещного права никак не применимы к исключительным правам, основываясь на нормативных положениях п. 3 ст. 1227 ГК РФ, что, в свою очередь, предполагает невозможность применения положений о

долевой и совместной собственности к исключительному праву на РИД или СИ¹. Данный тезис подтверждается в том числе и судебной практикой, которая указывает на то, что «законодатель разграничил вещные и интеллектуальные права и способы их защиты»². С другой стороны, некоторые ученые придерживаются противоположной точки зрения, настаивая на том, что п. 3 ст. 1227 ГК РФ не содержит императивного запрета на аналогию закона³.

Если следовать законодательному запрету на применение положений вещного права к исключительному праву – говорить о применении режима совместной собственности в праве на вещь к конструкции, предусмотренной статьей п. 2 ст. 1229 ГК РФ нельзя. Вслед за этим неизбежно возникает вопрос – каким образом осуществляется распоряжение исключительным правом на РИД или СИ, принадлежащим нескольким правообладателям? На практике распоряжение исключительным правом на РИД или СИ чаще всего осуществляется путем заключения договора об отчуждении исключительного права или лицензионного договора. Но как поступать в случае, если, например, со стороны лицензиара выступает несколько правообладателей?

В указанной ситуации законодатель не устанавливает конкретных предписаний относительно получения согласия остальных правообладателей, как в случае совместной собственности нескольких лиц на вещь. При этом также нельзя однозначно утверждать, что при заключении лицензионного договора такое согласие предполагается. Но, при этом, законодателем установлено, что распоряжение исключительным правом на РИД или СИ осуществляется правообладателями совместно. В чем же выражается тогда эта совместность? Понятно, что суть совместного распоряжения исключительным правом предполагает согласованность действий лиц, являющихся правообладателями. Но как подтвердить факт принятия совместного решения о распоряжении, и нужно ли вообще его подтверждать?

Помимо вышеназванного, ГК РФ подтверждает факт наличия между правообладателями в исключительном праве на РИД или СИ особых, так называемых «внутренних» взаимоотношений, подлежащих регулированию. В связи с этим абзацем первым п. 3 ст. 1229 ГК РФ установлено, что такие взаимоотношения определяются соглашением между лицами, которым исключительное право на РИД или СИ принадлежит совместно. В данном соглашении обладатели права могут урегулировать такие вопросы, как: использование соответствующего РИД или СИ, распоряжение исключительным правом, распределение доходов от совместного использования РИД или СИ и другие. Указанная диспозитивная норма, как нам представляется, недостаточно учитывает специфику существующего правового режима.

Хотелось бы обратить внимание и на еще одно спорное положение ГК РФ. Так, согласно п. 3 ст. 1229 ГК РФ доходы от совместного использования или распоряжения исключительным правом на РИД или СИ распределяются между всеми правообладателями в равных долях. На первый взгляд кажется, что, если законодатель указывает на распределение доходов между правообладателями равным образом, то можно сделать вывод о том, что и доли в исключительном праве на РИД или СИ предполагаются равными. Следовательно, возникает вопрос о возможности выделения доли в исключительном праве на РИД или СИ и, например, дальнейшем ее отчуждении. Однако, если обратиться к практике Верховного Суда РФ, то мы столкнемся с позицией о том, что у правообладателей отсутствует право на раздел принадлежащего им исключительного права и выдел из него долей⁴.

Обозначенная нами в данной статье правовая «недосказанность» представляется в современных условиях довольно существенной. Однако еще в 2012 году в Государственную Думу РФ был внесен Законопроект № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В нем содержались, на наш взгляд, довольно разумные и необходимые положения о порядке взаимоотношений правообладателей в исключительном праве на РИД или СИ, а также положения о порядке отчуждения доли в исключительном праве. Но, к сожалению, с того времени в ст. 1229 ГК РФ так и не было внесено необходимых поправок, способных учитывать специфику данных правоотношений и обеспечить надлежащее и отвечающее

---

¹ Гаврилов Е. В. Неприменение к интеллектуальным правам положений о вещных правах как пример запрета аналогии закона в гражданско-правовых отношениях // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 12. С. 25–34.

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2021 № 09АП-65679/2020-ГК по делу № А40-117545/2020.

³ Сергеев А. П. Применение правил раздела II «Право собственности и другие вещные права» Гражданского кодекса РФ к отношениям интеллектуальной собственности // Закон. 2018. № 12. С. 93.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» п. 35.

современным требованиям правовое регулирование принадлежности исключительного права на РИД или СИ нескольким лицам.

Гаврилова В. Д.

Волгоградский государственный университет (ВолГУ)

Студент

«Deep-fake» – объект авторского права?

Развитие искусственного интеллекта (далее – AI) привело к интеграции технологии deep-fake (далее – дипфейковые технологии, ДТ), позволяющей создавать подобие людей и заменять лицо, мимику, голос одного существующего человека на другого. Соответствующие аудио- и видеозаписи получили название «deep-fakes» (далее – дипфейки).

На наш взгляд, анализ правовой природы «дипфейков» требует понимания того, что в принципе представляет данная технология. Так, например, путем использования ДТ была создана Снежана Туманова, которая ведет прогноз погоды и хочет заменить конкурентов – живых людей. Вызывают опасения утверждения телеканала о том, что это эксперимент и «пока» не планируется отказ от живых людей¹. Думается, наиболее ярким и резонансным примером использования ДТ является создание «дипфейков» Президента РФ В. В. Путина на сервисе TikTok, которые делятся рецептом «президентского оливье» и звонят чиновникам².

Получив минимальное представление о дипфейках, следует остановиться на их корреляции с правом интеллектуальной собственности. Неизбежно возникает вопрос, можно ли использовать понятие «дипфейк» как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности (далее – РИД), объект авторского права?

Для разрешения поставленного вопроса видится необходимым обратиться к позиции, выраженной в решении Арбитражного суда города Москвы (далее – АС Москвы) от 30.11.2023 по делу № А40-200471/2023³, которая сводится к следующему. Так, объектом авторского права является и произведение, созданное путем использования дипфейковых технологий, с учетом того, что авторы внесли творческий вклад в его создание – написание сценария, съемка и так далее.

На 16 февраля 2024 указанный судебный акт находится на стадии обжалования. Стремительное развитие дипфейковых технологий и их относительно недавний общественный резонанс в РФ позволяют утверждать, что российская правоприменительная практика по вопросу «дипфейков» в сфере интеллектуальной собственности только начинает формироваться, в связи с чем данный процесс является примечательным.

В СМИ и научном сообществе указанное решение обсуждается под такими заголовками, как «Российский суд впервые признал дипфейк объектом авторского права»⁴ и т.п. Однако подобные тезисы представляются неверными, поскольку АС Москвы в вынесенном решении сделал акцент именно на аудиовизуальном произведении, отметив, что использование ДТ не исключает творческий вклад и не влияет на авторские права. На наш взгляд, объектом авторского права остается само аудиовизуальное произведение, поскольку, несмотря на обработку дипфейковыми технологиями, оно сохранило форму.

Дополнительно отметим, что по этой причине дипфейк не является и иным видом производного произведения для целей п. 1 ст. 1260 ГК РФ. В юридической литературе обсуждаются возможности, преимущества и недостатки модели правового регулирования «дипфейков» в качестве производного произведения⁵, авторы останавливаются на отсутствии необходимости подобного регулирования⁶.

Резонансным в развитии послышки, что дипфейк можно считать производным произведением, стал судебный акт 2020 г.: удаление из YouTube сгенерированных дипфейковыми технологиями юмористических

¹ Нейросеть создала ведущую прогноза погоды «Снежану Туманову». 22 марта 2023 // URL: <https://www.rbc.ru/life/news/641b04da9a794705a8502474> (дата обращения: 15.02.2024).

² Владимир Путин (почти) танцует и врывается в челленджи на видео. Статья инфлюенсером ему помогли технологии // URL: <https://medialeaks.ru/2201amv-trnd-putin-1face/> (дата обращения: 13.02.2024).

³ Решение Арбитражного суда города Москвы от 30.11.2023 по делу № А40-200471/2023. Доступ из <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ Российский суд впервые признал дипфейк объектом авторского права // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6380708> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵ Калятин В. О. Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? // Закон. 2022. № 7. С. 94.

⁶ Кастерин Н. Нарушение авторских прав созданием дипфейков. 5.5.2023 // URL: https://zakon.ru/blog/2023/5/5/narushenie_avtorskih_prav_sozdaniem_dipfejkov#_ftn2 (дата обращения: 15.02.2024).

начиток рэпера Jay-Z¹. Судебные инстанции США оценили полученное произведение в качестве производной работы, которая не обладает сходством с песнями Jay-Z.

Следует утверждать, что создатели дипфейковых технологий воспользовались РИД рэпера для создания произведения, которое само по себе отличается от «оригинала» и обладает «оригинальными» признаками, в действительности же представляя собой комбинирование голоса Jay-Z.

При гипотетическом перенесении вопроса в плоскость законодательства РФ создатель такого исполнения не мог бы сослаться на п. 4 ст. 1260 ГК РФ и утверждать, что была создана пародия или карикатура: в полученном произведении отсутствует связь с творчеством Jay-Z, был использован лишь его голос. Заметим, что в России были выдвинуты идеи правовой охраны голоса человека наряду с изображением².

Кроме того, в силу антропоцентричности современного гражданского законодательства РФ, предусматривающего требования к автору – физическому лицу, вносящему творческий вклад (ст. 1257 ГК РФ), AI не может быть автором. Представляется, что AI – это исключительно используемый человеком инструмент, функционирующий на основании программного кода, позволяющего механизму предлагать механизму различные варианты решений, и принципа вознаграждения (механизм осуществляет полезную, целесообразную деятельность и получает за это энергию).

Для получения более широкого представления о возможных моделях регулирования «дипфейков» необходимо изучить опыт КНР, которая не шла по пути запрета дипфейковых материалов, а установила требования к их маркировке во избежание введения зрителей в заблуждение³.

Представляются значимыми требования КНР о том, чтобы дипфейк с лицом или силуэтом гражданина был опубликован или использован с согласия такого гражданина, в противном случае производитель и оператор сайта подлежат ответственности.

Таким образом, видится неверным использовать понятие «дипфейк» как самостоятельный РИД, в том числе, объект авторского права (например, производное произведение). Факт обработки аудиовизуальных произведений дипфейковыми технологиями не является основанием для признания дипфейка новым объектом авторских прав, поскольку от подобной обработки аудиовизуальное произведение не перестает быть таковым, сохраняет форму, в связи с чем не создается «новый» объект, который бы претендовал на включение в перечень, представленный в ст. 1225 ГК РФ.

Гаврилова К. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

«Один за всех, или каждый за себя»: ответственность за нарушение исключительных прав при отсутствии согласованности действий причинителей вреда

Изначально задуманная как альтернатива взысканию убытков, компенсация за нарушение исключительных прав является достаточно распространенным способом защиты, о чем неоднократно высказывалось как в теории, так и на практике⁴.

В рамках настоящего исследования автор сознательно игнорирует иные аспекты компенсации, сосредоточив внимание на одной из «болевых точек» – взыскания компенсации по правилам солидарной ответственности ввиду отсутствия признака совместности (согласованности) совершаемых причинителями вреда действий. Полагаем, что данный вопрос приобрел особую актуальность в свете рассмотрения в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации законопроекта № 348960-8,

---

¹ Jay Z tries to use copyright strikes to remove deepfaked audio of himself from YouTube. Apr 29, 2020 // URL: <https://www.theverge.com/2020/4/28/21240488/jay-z-deepfakes-roc-nation-youtube-removed-ai-copyright-impersonation> (дата обращения: 15.02.2024)

² В Совфеде разработают проект об охране голоса человека. 16 октября 2023 // URL: <https://iz.ru/1589926/2023-10-16/v-sovfede-razrabotaiut-proekt-ob-okhrane-golosa-cheloveka> (дата обращения: 15.02.2024).

³ Сухачев С. Глубокие заблуждения: в КНР начали законодательно бороться с дипфейками // URL: <https://profile.ru/scitech/glubokie-zabluzhdeniya-v-knr-nachali-zakonodatelno-borotsya-s-dipfejkami-1249493/> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ Павлова Е. А., Калятин В. О., Корнеев В. А., Радецкая М. В., Евстигнеев Э. А., Кольздорф М. А., Туркина А. Е., Спиридонова Н. Б. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав (ч. 1) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 152–190; Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2017. № 2.

предусматривающего реформирование некоторых положений института компенсации за нарушение исключительных прав¹.

На сегодняшний день в случае образования цепочки нарушений со стороны разных нарушителей применяются правила о долевой ответственности. Например, цепочка возникает, если в изготовлении и распространении одной и той же партии товара участвуют изготовитель контрафактного товара, оптовые продавцы, мелкооптовые продавцы и розничные торговцы. Из-за отсутствия признака совместных (согласованных) действий данных лиц положения о солидарной ответственности не применимы².

Применение к подобным ситуациям норм о долевой ответственности порождает ряд не только несправедливых, но и негативных последствий для правонарушителя. Во-первых, если иск правообладателя заявляется к розничному торговцу (если он один был привлечен к ответственности)³, у последнего отсутствует право обращения с регрессным требованием к иным участникам цепочки. Во-вторых, существуют компании, специализирующиеся исключительно на делах о взыскании компенсации в произвольном порядке с разных нарушителей⁴ (например, от имени правообладателя обращаются к розничному торговцу, затем к оптовому продавцу, далее к мелкооптовому продавцу и т.д.), т.е. правообладатель получает возможность несоразмерно обогащаться за счет взыскания компенсации⁵. В конечном итоге, все эти аспекты очевидно свидетельствуют о нарушении интересов правонарушителей и правообладателей (потерпевшей стороны).

Оговоримся, что о привлечении к долевой ответственности можно размышлять лишь в том случае, если последующие действия каждого из нарушителей цепочки причиняют вред правообладателю⁶. Например, изготовитель произвел контрафактный товар, далее оптовый продавец отгрузил данный товар для его последующей продажи розничному продавцу, а последний реализовал товар конечному потребителю (количество участников цепочки может быть гораздо больше). Если каждое последующее действие считать за отдельное нарушение — необходимо применять правила о долевой ответственности. Однако, полагаем, что следует признать данное решение некорректным ввиду того, что при введении изготовителем контрафактной продукции товара «в оборот» права правообладателя уже нарушены; последующие действия лишь по распространению среди других участников цепочки в целях реализации товара и получению прибыли не приводят к увеличению убытков на стороне правообладателя⁷.

Для решения поставленных проблем предлагаем рассмотреть вопрос о привлечении подобной цепочки нарушителей к солидарной ответственности.

Согласно п. 6.1 ст. 1252 ГК РФ солидарно могут отвечать лишь лица, совместными действиями которых было нарушено исключительное право⁸. Толкование признака «совместно» можно обнаружить в п. 22 Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с

¹ Законопроект № 348960-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/348960-8>.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» № 348960-8 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/348960-8>.

³ Как правило, в большинстве случаев подобные иски правообладателей заявляются именно в отношении розничных торговцев, т.е. низшего звена цепочки. См., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

⁴ Евстигнеев Э. А. Проблемы совершенствования института компенсации в случае множественности на стороне нарушителя исключительных прав // Цивилистика. 2021. № 6. С. 18.

⁵ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.02.2024 № 11АП-18879/2023 по делу № А65-20402/2023 — истец отмечает, что «контроль цепочки продаж от производителя и до конечного покупателя должна соответствовать нормам закона и не допускать недобросовестного поведения владельца исключительных прав, направленного на распространение продукции на рынке с целью формирования условий незаконного, целенаправленного распространения продукции, с целью ее последующей скупки для подачи исков в массовом порядке с целью извлечения дохода в виде компенсаций за счет системы арбитражных судов и с использованием судебной системы и ее вовлечения в качестве посредника для извлечения прибыли» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2024).

⁶ Иванов Н. В. Компенсация за нарушение исключительного права в виде двукратной стоимости контрафакта и убытки правообладателя. Вестник экономического правосудия Российской Федерации. № 3. 2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2024).

⁷ Также о возникновении ряда исключений: Иванов Н. В. Компенсация за нарушение исключительного права в виде двукратной стоимости контрафакта и убытки правообладателя. Вестник экономического правосудия Российской Федерации. № 3. 2022 // Доступ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2024).

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Российская газета. № 289. 22.12.2006.

привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»¹ согласно которому на признак совместности указывает согласованность, скоординированность и направленность действий причинителей вреда на реализацию общего для всех намерения.

Однако, трудности начинаются в тот момент, когда действия причинителей вреда были не совместными и не согласованными². Допускается ли в таком случае применение норм о солидарной ответственности, учитывая тот факт, что солидарная ответственность возникает только на основании закона или договора?

В законопроекте № 348960-8 предлагается дополнить п. 6.1 ст. 1252 ГК РФ абзацем, что в случае его принятия будет изложено следующим образом:

«6.1. В случае, если одно нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации совершено действиями нескольких лиц совместно, такие лица отвечают перед правообладателем солидарно.

Ряд последовательных нарушений исключительного права, совершенных различными лицами в отношении одних и тех же контрафактных материальных носителей, может быть признан одним нарушением в том числе при отсутствии согласованных действий участников таких нарушений»³.

Анализ данного положения позволяет прийти к выводу о том, что разработчики законопроекта очевидно хотят решить проблему привлечения участников цепочки нарушителей при отсутствии согласованных, совместных действий к долевой ответственности, предлагая признавать их действия «единым нарушением» и привлекать их к солидарной ответственности.

Полагаем, что подобная возможность коренится в обязательственном праве. Анализ доктринальных позиций позволяет утверждать о наличии оснований для привлечения таких лиц к солидарной ответственности и без указания на это в прямой норме закона (в нашем случае, необязательно вносить изменения в п. 6.1 ст. 1252 ГК РФ, поскольку возможность привлекать в солидарном порядке участников цепочки вытекает из общих положений обязательственного права)⁴. Так, Е.А. Флейшиц, О. А. Красавчиков предлагали исходить из широкого толкования термина «совместность» и ориентироваться на «единый вред», причиненный такими лицами⁵. Аналогичной позиции придерживаются и современные авторы⁶.

Долгое время судебная практика исходила из буквального толкования п. 1 ст. 322 ГК РФ, полагая, что солидарные обязательства должны быть установлены законом⁷. Однако в последнее время появляется все больше судебных решений, поддерживающих прямо противоположную позицию⁸. К тому же, есть случаи, в которых суды при взыскании компенсации аргументируют решение со ссылкой на нормы о солидарной ответственности и указание цепочки нарушений «при достижении единого результата»⁹.

Таким образом, участников цепочки – изготовитель контрафактного товара – оптовый продавец – мелкооптовый продавец – розничный торговец следует привлекать к солидарной ответственности.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. март. 2018.

² Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective. 2015. P. 203.

³ Законопроект № 348960-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/348960-8>.

⁴ Galand-Carval S. Aggregation and Divisibility of Damage in France: Tort Law and Insurance // Oliphant K., ed. Aggregation and Divisibility of Damage. Wien – New York, 2009. P. 152 ; C. van Dam. European Tort Law. Second Edition. Oxford University Press, 2013. P. 331.

⁵ Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения // Курс советского гражданского права. М. : Госюриздат, 1951. С. 154–155; Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2005. С. 162–165 (по изд. 1958 г.).

⁶ См., например, Тололаева Н. В. Комментарий к статье 1080 Гражданского кодекса Российской Федерации. Вестник гражданского права. 2023. № 2 // СПС «КонсультантПлюс» ; Епихина Д. О. Ответственность за совместно причиненный вред. Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 8 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2024).

⁷ Тололаева Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография / Н. В. Тололаева. М. : Статут, 2020. С. 70.

⁸ См., например, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2023 № 13АП-351/2023, 13АП-352/2023 по делу № А56-29831/2022; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.01.2023 № Ф05-8532/2019 по делу № А41-40656/2018; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 7 июня 2021 г. № 307-ЭС21-96 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).

⁹ См., например, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2023 по делу № А40-43217/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).

Положения законопроекта призваны разрешить проблемы, возникающие при доленой ответственности. Однако, считаем, что необязательно закреплять подобную норму в тексте ГК РФ в силу того, что такая возможность исходит из общих положений обязательственного права.

Газизова А. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Злоупотребление исключительным правом патентообладателя (патентный троллинг)

Патентный троллинг (патентное рейдерство) является распространенным явлением во многих странах мира, в том числе и в России. Отечественные ученые относят патентный троллинг к особому виду интеллектуального мошенничества¹. Эта практика предполагает приобретение компанией или частным лицом патента не с целью изготовления, реализации продукции и предоставления услуг, а с целью получения прибыли.

А.Г. Барабашев отмечает, что патентные тролли приобретают патент и «замораживают» его до тех пор, пока кто-нибудь не изобретет технологию, имеющую сходные черты с «замороженным» патентом. Далее путем давления и угроз патентные тролли вынуждают приобрести спорный патент². Таким образом, патентные тролли, по сути, являются вымогателями, которые формально действуют в рамках закона³.

В России случаи патентного троллинга проявились в 1990–х гг. В качестве первого громкого разбирательства можно отметить спор, связанный с патентом «Сосуд стеклянный»⁴. Патентообладатели указанного решения стали предъявлять требования ко всем предприятиям, занимающимся производством пива и безалкогольных напитков в стеклянной таре, о заключении лицензионных договоров и выплате вознаграждения за использование спорного изобретения. Данный патент был аннулирован в 2000 году.

Рассматривая явление патентного троллинга, необходимо отметить иное явление, имеющее широкое распространение в зарубежных странах, которое преследует противоположные патентному троллингу цели, а именно – избежание патентного блокирования, потенциальных судебных разбирательств и т.п.⁵ Речь идет о форме конкурентного сотрудничества – «патентных пулах», создание которых разрешено в том случае, если лицензии третьим лицам предоставлялись на честных, разумных и недискриминационных условиях⁶. Перенятие опыта зарубежных стран, с нашей точки зрения, может стать достаточно эффективным инструментом патентной стратегии стимулирования инноваций с помощью заключения лицензионных договоров.

Патентный троллинг, напротив, часто вызывает судебные споры, так как приводит к задержкам в инновационных процессах, ограничивает конкуренцию и создает дополнительные издержки для компаний, особенно для малых и средних предприятий.

Один из основных аргументов против патентного троллинга заключается в том, что он разрушает инновационную среду, стимулирующую конкуренцию и развитие новых технологий. Компании, видя перспективы получения прибыли через судебные разбирательства, могут отказаться от инвестиций в исследования и разработки, поскольку такие вложения не обязательно приведут к мгновенной прибыли. Более того, эта недобросовестная практика может сдерживать инноваторов, которые опасаются нарушения патентных прав. Таким образом, изобретатели предпочитают избегать потенциальных конфликтов.

---

¹ Кузнецова О. В., Хорина Л. А. Патентный троллинг в России и в мире как форма злоупотребления правом // Молодой ученый. 2022. № 11 (406). С. 117–120.

² Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая (коллектив авторов ; под общ. ред. проф. В. В. Блажеева, проф. М. А. Егоровой; коллективная монография к 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)). М. : Проспект, 2021 // СПС Гарант (дата обращения: 20.03.2024)..

³ Доротенко Д. А. Правовые вопросы деятельности лиц, специализирующихся на предъявлении патентных исков («патентных троллей») // Правовая система современной России: проблемы и перспективы их преодоления : материалы III Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. А. Ф. Марукова и В. А. Кувакина. – Коломна, 2012. С. 194.

⁴ Калиниченко С. В., Торицын И. В. (1999) Стеклянный сосуд – патент РФ № 2139818. URL: <http://www.freepatent.ru/patents/2139818> (дата обращения: 10.02.2024).

⁵ Ивлиев Г. П., Зубов Ю. С., Эриванцева Т. Н., Калятин В. О. Использование патентных пулов в качестве одного из инструментов патентной стратегии, облегчающего доступ к запатентованным технологиям // Право и цифровая экономика.2023. № 1 (19). С. 8.

⁶ Конышева А. В. Патентный пул на рынке интеллектуальной собственности // Российское предпринимательство. 2012. № 17 (215). С. 40.

В настоящее время для защиты от патентного троллинга в рамках судебного разбирательства возможно ссылаться на ст. 10 ГК РФ, которая включает положения о злоупотреблении правом. Между тем в судебной практике пока не выработан единообразный подход по квалификации деятельности патентных троллей в качестве злоупотребления правом.

Об этом свидетельствует, в частности, дело № А40-29590/2020 по исковому заявлению компании «SQWIN» (далее – Истец) к компании «Samsung» (далее – Ответчик). Истец требовал запретить ввозить в Россию телефоны Ответчика и использовать в стране платежный сервис Samsung Pay. Истец ссылался на патент на изобретение – систему электронных платежей. В результате рассмотрения спора суд первой инстанции удовлетворил искивые требования, не квалифицировав действия Истца как злоупотребление правом¹. Между тем суд апелляционной инстанции постановил, что действия истца представляют собой злоупотребление правом, в связи с чем в удовлетворении искивых требований было отказано². В обоснование такого вывода были приняты во внимание следующие факты: неиспользование изобретения по патенту, срок такого неиспользования, срок между выдачей патента и направлением претензии, факт известности технического решения Ответчиков, а также факт достижения большого успеха функционирования сервиса Samsung Pay.

Также в рамках данного исследования считаем необходимым отметить механизмы борьбы с патентным троллингом. Одним из них является совершенствование подходов к оценке использования изобретения в продукте/способе, поскольку на данном этапе развития правового регулирования имеются сложности в правоприменительной практике. Например, в 2019 году А. Земсков подал иск против Delivery Club, указывая на нарушение его патента RU № 2407029 на «Способ и систему определения местоположения объекта на территории». Истец требовал компенсации от компании и запрета ее деятельности. Суд пришел к выводу, что Delivery Club использует альтернативный метод поиска координат пользователей, отличный от метода, указанного в патенте истца. Оказалось, что сервис по заказу и доставке еды из ресторанов и продуктов на дом «ZakaZaka», который использует компания, получает координаты от служб геолокации на устройствах Android или IOS, если пользователи дают им разрешение. Суд отклонил иск. А.В. Семенов, омбудсмен по интеллектуальной собственности, заявил, что действия истца напоминают патентный троллинг³. Судебной экспертизой, назначенной для рассмотрения данного дела, было установлено, что «действующая на дату вынесения определения нормативно-правовая база, в том числе часть четвертая ГК РФ, не содержит правовых норм, позволяющих анализировать и устанавливать сходство до степени смешения технического решения, охраняемого патентом на изобретение, и продукта/способа»⁴, что свидетельствует о необходимости совершенствования подходов

Другой метод борьбы – обеспечение большей прозрачности и доступности информации о патентах. Если компании и частные лица имеют возможность подробно ознакомиться со сходными результатами исследований и разработок, то они могут избежать возможных нарушений патентных прав, что снизит количество судебных разбирательств и патентного троллинга.

Необходимо также уделять больше внимания вопросам обеспечения конкуренции на рынке. Применение антимонопольного законодательства и политик, направленных на стимулирование конкуренции, способствует ограничению практики патентного троллинга и укреплению инновационной среды.

Подводя итоги, отметим, что совершенствование подходов к предоставлению правовой охраны патентам необходимо, чтобы обеспечить благоприятную среду для инноваций и развития новых технологий. Более строгая оценка патентных заявок, увеличение доступности информации о патентах и поддержка конкуренции на рынке – все это меры, которые можно принять для ограничения практики патентного троллинга и защиты прав инноваторов и компаний.

---

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27.07.2021 по делу № А40-29590/2020 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 18.02.2024).

² Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 24.03.2022 по делу № А40-29590/2020 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 18.02.2024).

³ Электронный ресурс // URL: <https://mbgazeta.ru/news/delivery-club-obvinili-v-narushenii-patenta-na-sistemu-opredeleniya-mestopolozheniya-klientov/> (дата обращения: 18.02.2024).

⁴ Решение Савеловского районного суда от 24.04.2019 по гражданскому делу № 2-33/2019 // СПС «Гарант» (дата обращения: 18.02.2024).

Гайнутдинова Д. М.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Студент

«Подражание отражает высшую форму лести»:**почему Коко Шанель не права применительно использования ИИ к объектам авторского права**

Согласно прогнозам McKinsey¹, в ближайшие пять лет искусственный интеллект (далее – ИИ) принесет около 150 миллиардов долларов прибыли в моде. Представляется возможность применения ИИ в области прогнозной аналитики, оптимизации производства, создания мультимедийного контента, в качестве личного стилиста и т.д. Наиболее известные примеры использования ИИ за последнее время – GenAI Revolve и MAISON® META², чат-бот SSEN®CE³, генеративный инструмент H&M Group⁴.

Однако плоды труда ИИ создают ряд правовых проблем, например, права авторских прав на дизайны, сгенерированные ИИ. Эта тема особенно актуальна, когда дело доходит до копирования в эпоху сверхбыстрой моды: поставщики быстрой моды традиционно ориентируются на одежду и аксессуары высокой моды. К примеру, судебные иски, поданные против Shein в прошлом году, является иллюстративным в этом отношении⁵. Истцы утверждают, что основанный в Китае и зарегистрированный в Сингапуре гигант не работает так же, как обычные компании быстрой моды, которые ищут вдохновение в интернете или нанимают компании прогнозирования трендов. Так, ритейлер быстрой модной одежды часто генерирует продукты ИИ, которые являются работой других дизайнеров.

Кто может претендовать на авторские права на контент, созданный ИИ?

Уже существуют различные программные обеспечения для генеративного дизайна, использующие алгоритмы для создания тысячи различных дизайнов. На показе мод «Fashion X AI: 2022-2023 International Salon» в Гонконге были представлены коллекции, разработанные международными дизайнерами с использованием системы ИИ AiDa.

В случае отсутствия претензии владельцев оригинального контента, которые используют чатботы для формирования ответа, возможно, что авторское право на результат работы может принадлежать отдельным пользователям либо компаниям, разработавшим ИИ, например, алгоритмы, лежащие в основе ChatGPT, были разработаны в OpenAI, поэтому компания, кажется, обладает авторским правом на них. Есть еще один вариант касательно владения контентом, созданным ИИ: сам ИИ. Ана Рамальо считает, что на произведения, созданные ИИ, можно распространить правовой режим общественного достояния, однако автор не исключает, что могут быть случаи, когда вклад человека и машины нелегко разделить или оценить, с чем сложно не согласиться⁶.

Если брать в пример Великобританию, то исходя из проведенной там консультации Правительства по ИИ и авторскому праву, возникли два противоположных взгляда. Технологический сектор считает, что авторские права на контент, созданный ИИ, должны принадлежать пользователям, в то время как творческий сектор хочет исключить этот контент из владения вообще. Правительство Великобритании не приняло

¹ McKinsey & Company – международная консалтинговая компания // URL:

<https://www.mckinsey.com/industries/retail/our-insights/generative-ai-unlocking-the-future-of-fashion>.

² Jenny Wang Revolve And Maison Meta Bring AI Fashion Week To Physical Runways // forbes.com [сайт]. URL:

<https://www.forbes.com/sites/jennywang/2023/05/11/revolve-and-maison-meta-bring-ai-fashion-week-to-physical-runways/?sh=16ef81b6392e> (дата обращения: 18.02.24).

³ Marc Bain Ssense Launches an AI-Based Personal Styling Chatbot // businessoffashion.com [сайт]. URL:

<https://www.businessoffashion.com/news/technology/ssense-launches-an-ai-based-personal-styling-chatbot/> (дата обращения: 18.02.24).

⁴ AI-driven retail: How H&M Group does it // hyperight.com [сайт]. URL: <https://hyperight.com/ai-driven-retail-how-hm-group-does-it/> (дата обращения: 18.02.24).

⁵ Designers sue Shein over AI ripoffs of their work // techcrunch.com [сайт]. URL:

<https://techcrunch.com/2023/07/14/designers-sue-shein-over-ai-ripoffs-of-their-work/#:~:text=The%20designers%20-%20Krista%20Perry%2C%20Larissa,is%20smart%20enough%20to%20misappropriate> (дата обращения: 18.02.24).

⁶ Ramalho Ana Will Robots Rule the (Artistic) World? A Proposed Model for the Legal Status of Creations by Artificial Intelligence Systems // Forthcoming in the Journal of Internet Law. URL: <https://ssrn.com/abstract=2987757> (дата

обращения: 20.02.24).

решение на основе результатов и вместо этого рекомендовало вести переговоры между заинтересованными сторонами¹.

Встает еще один аспект, касающийся экономического смысла: нет никакой пользы в присваивании собственности на имущественные права на работу программному обеспечению, которое его сгенерировало, ведь это право может быть реализовано только разработчиком системы ИИ (человеком), который создал образ. С точки зрения потенциальных правовых вопросов необходимо понять, подчиняет ли национальное, европейское и международное законодательство об авторском праве правовую защиту коллекции моды, созданной ИИ или при его поддержке, требованию участия человека в ее создании. Например, в Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 года² несколько раз упоминается концепция «автора», хотя и никогда не оговаривая ее человеческую природу. Итальянский закон об авторском праве³ предусматривает, что «произведения разума творческого характера, принадлежащие литературе, музыке, изобразительному искусству, архитектуре, театру и кинематографии, независимо от их способа или формы выражения, защищены этим законом». То есть любая ссылка на возможное требование о вкладе человека в целях защиты опущена снова.

Таким образом, все еще остаются сомнения относительно того, кто должен быть идентифицирован в качестве автора работы. Бюро авторских прав (USCO) в 2022 году подтвердило, что изображения, созданные системами ИИ, не защищены авторским правом. Этот вывод был сделан в контексте заявки на регистрацию графического романа «Заря рассвета», иллюстрации которого были созданы системой ИИ, несмотря на то, что Крис Каштанова (автор) самостоятельно написала текст книги.

Также в прошлом году окружной суд в округе Колумбия на иск создателя системы ИИ Creativity Machine Стивена Тайлера признал, что произведения искусства, созданные ИИ, не являются объектом авторского права, подтвердив решение Бюро по авторским правам США о невозможности регистрации двумерного произведения, созданного программой ИИ⁴. Судья Берил Элейн Хауэлл заявил, что «авторство человека является основным требованием авторского права». В 2021 году Апелляционный суд Великобритании также постановил, что ИИ не может быть указан в патенте в качестве изобретателя. Интересно то, что Тайлер выиграл суды в Австралии (DABUS – автономный изобретатель, однако изобретения все принадлежат Стивену Тайлеру) и ЮАР.

В частности, Закон об авторском праве, дизайне и патентах 1988 года Великобритании⁵ определяет компьютерно сгенерированные произведения как «те, что созданы компьютером в обстоятельствах, когда нет человеческого автора произведения», и предусматривает, что контент, сгенерированный ИИ, может быть защищен авторским правом, однако исходные данные, из которых чатбот генерирует результаты сложно проследить – они могут включать в себя произведения, охраняемые авторским правом.

В Европейском Союзе получила распространение идея регулирования ИИ на основе его способности нанести вред обществу, применяя «рисковый» подход: чем выше риск, тем строже правила. Таким образом, системы, относящиеся к непримиримому риску, будут запрещены; при высоком риске предполагается соответствие строгим требованиям (высокое качество наборов данных, ведение журнала активности, подробную документацию, человеческий надзор); ограниченный риск должен быть подвержен легким обязательствам по прозрачности, как раскрытие информации; а для минимального риска будут действовать рекомендации. Здесь, на наш взгляд, встает очевидный вопрос, насколько рационально использование «легких обязательств» в fashion-индустрии, подверженном постоянным нарушениям интеллектуальных прав.

В ряде стран есть прецеденты, когда по решению суда ИИ определяется в качестве инструмента, используемого человеком для создания произведения, защищаемого авторским правом – решение Народного суда округа Наньшань, Шэньчжэнь, провинция Гуандун, (2019) Юэ 0305 Мин Чу № 14010: Dreamwriter (программное обеспечение истца) автоматически создало статью о Шанхайском фондовом

¹ Consultation outcome «Artificial Intelligence and IP: copyright and patents»: утв. Управлением интеллектуальной собственности Великобритании от 29.10.21. URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/artificial-intelligence-and-ip-copyright-and-patents> (дата обращения: 19.02.24).

² Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (с изменениями на 28 сентября 1979 года) // Бюллетень международных договоров. № 9. Сентябрь. 2003 год.

³ Закон № 633 от 22.04.1941 «Об охране авторских и смежных прав» (с изменениями в соответствии с Декретом-законом № 142 от 21.09.2022) URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/585941> (дата обращения: 19.02.24).

⁴ D. C. Court Says № Copyright Registration for AI – Generated Artwork // URL: <https://www.thefashionlaw.com/d-c-court-says-no-copyright-registration-for-ai-generated-artwork-2/> (дата обращения: 21.02.24).

⁵ Закон 1988 года «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах» (глава 48, с изменениями, обновленная до 26.11.2020) URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20592> (дата обращения: 21.02.24).

индексе по запросу истца (Shenzen Tencent Computer System Co., Ltd), а ответчик (Shanghai Yingxun Technology Co., Ltd) опубликовал ее с тем же названием, содержанием и примечаниями¹. Суд постановил, что:

1. в соответствии со ст. 2-3 Имплементирующего регламента Закона об авторском праве произведение относится к интеллектуальным достижениям, которые обладают оригинальностью;
2. организация и выбор входных данных, шаблона и стиля иницировалась командой человека-разработчика Dreamwriter;
3. ИИ автоматически сгенерировал статью и в этом процессе человек не принимал участие. Суд указал, что произведение Dreamwriter является оригинальным, сформированным в результате деятельности человека.

Таким образом, вопрос о правосубъектности ИИ в отношении авторских прав в силу несовершенства, пробелов законодательства остается открытым, но достаточно актуальным. Феномен использования ИИ в модной индустрии развивается с быстрой скоростью, что требует эффективного анализа и изучения как судебной практики, так и доктрины.

Галкин Н. А.

Московский городской педагогический университет (МГПУ)

Аспирант

Вопросы правовой охраны нейро-каверов

Развитие искусственных нейронных сетей поражает с каждым днем. С их помощью можно сгенерировать все виды классического творчества. Вопрос качества пока остается под большим вопросом, но некоторые авторы, уже начинают бить тревогу и требовать остановить создание таких нейросетей.

В рамках данного исследования хотелось бы обратить внимание на музыку, генерируемую искусственным интеллектом. Причем можно выделить две категории таких объектов: музыка, сгенерированная с нуля и нейронная песня-кавер. Безусловно можно привести массу примеров искусственных генеративных нейронных сетей, направленных на создание музыки, одним из самых ярких примеров является Suno AI. Принцип работы довольно прост, пользователь задает базовые параметры, такие как жанр, темп, наличие текста (можно указать текст, а можно оставить на усмотрение нейросети). После этого сервис создает музыку или как мы считаем правильным назвать, объект генерации, для удобства мы будем использовать данный термин, под которым понимаем любой объект, созданный посредством искусственной нейронной сети.

По поводу авторско-правового регулирования объектов генерации существует несколько точек зрения. В соответствии с первой, правообладателем объекта генерации является правообладатель нейросети. Многие компании отмечают это в своих соглашениях с конечным пользователем, в целом такой подход является вполне логичным.

Вторая точка зрения, что автором объекта генерации является пользователь, который вложил творческий труд в промт (запрос для нейросети) и считается полноправным автором. Довольно спорная точка зрения, тут показателен следующий пример. Бюро регистрации авторских прав США зарегистрировало авторские права на произведение, созданное в «соавторстве» человека и нейросети. Художница Крис Каштанова написала сценарий комикса, а нейросеть Midjourney сгенерировала изображения, после чего автор объединила все в единое произведение, которое было зарегистрировано. Но позже Бюро отменило решение о предоставлении лицензии на комикс Zarya of the Dawn, ссылаясь на то, что изготовленные с использованием инструментов искусственного интеллекта художественные работы не могут подпадать под защиту авторских прав. Регистрация же произошла по ошибке, из-за того, что Бюро изначально не заметило применение нейросети². Таким образом, мы видим, что авторско-правовая охране не предоставляется даже в том случае, когда нейросеть выступает в качестве инструмента. Но при этом не можем не отметить, что имеется практика, когда суд Шеньчжэня, постановил, что статья, сгенерированная нейросетью, подлежит защите закона об авторском праве, что безусловно идет в разрез с практикой других стран³.

---

¹ Tencent против Yingxun Tech 深圳市腾讯计算机系统有限公司与上海盈讯科技有限公司著作权 URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010?ysclid=lsvcw8xnh3413809594> (дата обращения: 21.02.24).

² США отзывает у художницы лицензию на созданный при помощи нейросети комикс (28 декабря 2022 г.) Новостной портал Хабр // URL: <https://habr.com/ru/news/t/708146/> (дата обращения: 23.01.2024).

³ Китайский суд решил, что написанная ИИ статья защищена авторским правом (12 января 2020 г.) / Новостной портал Хабр // URL: <https://habr.com/ru/news/t/483620/> (дата обращения: 23.01.2024).

И третья точка зрения, которой придерживается автор, заключается в том, что объекты генерации в целом не являются объектами авторского права, из-за отсутствия одного из критериев охраноспособности произведения, а именно творческого труда. Конечно, здесь в целом можно руководствоваться статьей 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и исходить из понятия правосубъектности. При этом существует показательный пример, недавно в Арбитражном суде города Москвы¹ встал вопрос о том, является ли видео, созданное с помощью технологии deepfake (замена лиц, основная на нейросетях) объектом авторского права. Ответчик как раз и ссылался на отсутствие творческого труда, но суд данное утверждение отклонил, в связи с тем, что видео подготовлено группой авторов, написан сценарий, аудио сопровождение, то есть творческая работа, в том числе режиссёрская, два проведена. Стоит учитывать, что это решение суда первой инстанции, и нужно дождаться итога по данному делу.

Таким образом, на данный момент не существует единого подхода к определению правового статуса объектов генерации. Но мы склонны полагать, что музыкальные произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта, не являются объектами авторского права.

Здесь мы переходим ко второй группе, рассматриваемого явления, так называемые нейрокаверы. На просторах Интернета стали появляться известные песни в исполнении давно ушедших артистов. Например, можно найти песню «Группа крови» группы Кино в исполнении Винни Пуха, голос которому подарил Евгений Леонов еще в 1969 году. Таких примеров можно привести массу, умельцы берут материалы с голосом любимого артиста, оригинальный текст и музыку песни и получается, что известную песню «исполняет» человек, который никогда ее не исполнял. По сути нейро-каверы являются аудио дипфейками, так как помимо голоса известного человека, требуется акапелла оригинального исполнения, чтобы искусственный интеллект взял его за образец. Но здесь не нужно по каверами вокалоидов, то есть голосовых синтезаторов, у которых свой ИИ и свой голос.

Так, мы сталкиваемся с огромным количеством правовых проблем, в том числе не относящихся к авторскому праву. Во-первых, безусловно вопросы касающиеся репутации, чести и достоинства. Так как это все создается ради шутки, совмещение песен и личностей может быть крайне неординарным. Во-вторых, если говорить об авторском праве, то ИИ-каверы, как и другие каверы является нарушением авторского права, в случае если не спрашивается разрешение у правообладателя или автора изначального произведения. И в-третьих, самый интересный момент касается прав смежных с авторскими. С одной стороны, это исполнение, но в исполнении также важен творческий труд, поэтому считаем, что смежных прав на ИИ кавер как на исполнение не возникнет, а вот если рассматривать нейро-кавер как фонограмму, то в целом можно говорить о правовой защите.

Стоит отметить, что Google решила лицензировать голоса артистов². Сейчас в компании обсуждается как правильно лицензировать песни и голоса музыкантов, которые пользователи используют для создания новых комбинаций, посредством искусственных нейронных сетей. Безусловно, создание нейро-каверов, является незаконным, но покупка лицензии будет выходом из этой ситуации.

Таким образом, мы склонны придерживаться точки зрения, что объекты генерации, включая нейро-каверы не являются объектами ни авторских, ни смежных прав из-за отсутствия творческого труда. Беря во внимание судебную практику, можно предположить, что ИИ-каверы являются объектом смежных прав и охраняется в качестве фонограммы.

Гао Ю.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

Защита аудиовизуального произведения через подачу иска о плагиате сценария: эффективное средство для защиты аудиовизуальных произведений

С развитием технологий по распространению информации, время, в течение которого произведение становится известным широкой аудитории, значительно сократилось. Вместе с этим развитием возникли

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30 ноября 2023 г. по делу № А40-200471/2023 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb/8dedc372-21f6-4751-ab3c-8a320fe435ce/A40-200471-2023_20231130_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 23.01.2024).

² Google и Universal Music задумали лицензировать голоса музыкантов, чтобы брать деньги с авторов треков дипфейков» (9 августа 2023 г.) // Новостной портал VC.RU. URL: <https://vc.ru/media/788566-google-i-universal-music-zadumali-licenzirovat-golosa-muzykantov-chtoby-brat-dengi-s-avtorov-trekov-dipfejkov-ft> (дата обращения: 23.01.2024).

случаи нарушений авторских прав через «плагиат». В периоды, когда информационные технологии не были так развиты, случалось, что плагиаторы могли приписывать себе чужие интеллектуальные труды на протяжении многих лет, оставаясь незамеченными. Кроме того, проблемы, связанные с транснациональными плагиатами, могли способствовать таким ситуациям, когда плагиаторы могли «присваивать» чужие работы, и стать «автором».

Методы плагиата также эволюционируют с течением времени. Например, в литературе простое копирование оригинальных абзацев стало редкостью благодаря современным средствам обнаружения плагиата, которые могут находить сходства и совпадения на большой шкале. Были разработаны алгоритмы на основе преобразования Фурье для анализа и сравнения подозрительно сходных видео и аудиофрагментов, автоматически запрещающих пользователям загружать похожий контент. Поэтому современный плагиат часто принимает форму «продвинутого плагиата», при котором копируются основные идеи и логика произведения, придавая спорному произведению новое «выражение». В таких случаях обнаружение плагиата часто оказывается затруднительным, так как поверхностное сравнение не дает существенной информации, а понимание «ядра» произведения по-прежнему является областью, где технологии искусственного интеллекта еще недостаточно развиты.

Для определения такого типа плагиата даже самая простая литературная работа требует наличия читателей, знакомых с оригинальным произведением, чтобы оценить «сходные ощущения», возникающие после прочтения спорного произведения. Кроме того, чтобы быть справедливым, это «сходное ощущение» должно быть заметно среди широкой аудитории, чтобы подтвердить «существенное сходство». В случае аудиовизуальных произведений это сравнение становится еще более сложным. Объекты сравнения переходят от слов к изображениям и звукам, от простых произведений к сложным. Если кто-то хочет подать иск о нарушении авторских прав двух аудиовизуальных произведений, первым шагом будет определение автора произведения.

Согласно Гражданскому законодательству России¹, авторами аудиовизуальных произведений являются: 1) режиссер; 2) сценарист; 3) композитор, являющийся автором музыкального произведения (с либо без текста), специально созданного для данного аудиовизуального произведения; 4) художник-постановщик для мультипликационных фильмов. В Китае, согласно статье 17 Закона об авторском праве, авторские права на фильмы и телесериалы в аудиовизуальных произведениях принадлежат создателям (продюсерам). Различные правила в разных странах относительно авторов аудиовизуальных произведений и других сложных произведений делают сложным определение основных сторон дела о нарушении авторских прав.

В деле «Цюн Яо против Юй Чжэн», истец, Цюн Яо, выбрала подать иск о нарушении прав на ее сценарий. Такой подход позволяет сначала определить правообладателя, а именно Цюн Яо, а затем превратить более сложное «сравнение двух аудиовизуальных произведений» в «сравнение сценария со спорным аудиовизуальным произведением и его сценарием». Это позволяет упростить доказательство дела.

Однако такой подход также вызывает определенные затруднения. Защита авторских прав предоставляется для оригинального и творческого «выражения». Однако текст и аудиовизуальные средства явно отличаются своими методами выражения. Для проведения сравнения необходимо обращаться к «абстрактному разделению»², которое заключается в извлечении повествования и сюжета из текста и фильма. Таким образом, границы произведения расширяются, а этот вид защиты приближается к защите «идей». Однако «идеи» не защищены законом об авторском праве.

Без абстрактного разделения плагиаторы смогли бы копировать произведения, просто меняя имена персонажей и некоторые места сцен без каких-либо рисков. Таким образом, абстрактное выделение сюжета становится необходимым. Метод «теста на абстрактность», разработанный в деле «Computer Associates International, Inc. против Altai, Inc.»³, предполагает разделение произведения на разные части и отсеечение тех, которые не защищены авторским правом, таких как идеи, прежде чем сравнивать оставшиеся элементы. Например, фильм «Москва слезам не верит» можно разделить на:

1. Разные жизни трех девушек
2. Разные жизни трех женщин-студенток после выпуска из московской школы

¹ Ст. 1263 Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4: ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Lawrence v. Dana, 15 F. Cas. 26, 51 (C. C. D. Mass. 1869) абстрактное разделение. Электронный ресурс // URL: <https://law.resource.org/pub/us/case/reporter/F.Cas/0015.f.cas/0015.f.cas.0026.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).

³ Computer Associates International, Inc. v. Altai, Inc. Электронный ресурс // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Computer_Associates_International,_Inc._v._Altai,_Inc (дата обращения: 23.01.2024).

3. Три женщины-студентки, которые сделали разные выборы во время учебы, встретили разных мужчин и привели совершенно разные жизни

4. Три женщины-студентки – первая старательно готовилась к университету, но была предана в последний момент, вторая прошла «укороченный» путь и вышла замуж за спортсмена, а третья выбрала устойчивую жизнь с надежным мужчиной – что привело к трем совершенно разным жизням.

Эту классификацию можно и дальше делить на бесконечное количество тонкостей, но очевидно, что уровни выше третьего относятся к сфере идей. Защита этих аспектов ограничивает творческое пространство литературных произведений. Однако определение, какой именно уровень заслуживает защиты, является вопросом, который должен рассматриваться в современной охране интеллектуальной собственности в области произведений.

Кроме самого сюжета, также сложно учитывать порядок расположения событий в сюжете. Если нарушитель утверждает, что порядок событий отличается, как должен действовать правообладатель? Как суд будет оценивать, какая комбинация событий составляет новое произведение, а какие изменения не влияют на его суть. Как говорят в Китае: «В литературе нет первого, а в военном искусстве нет второго». В контексте «тысяча читателей, тысяча Гамлетов», различать плагиат произведения безусловно стало более сложной задачей.

В целом, подача иска о плагиате сценария может стать эффективным способом защиты аудиовизуальных произведений. Однако при определении и рассмотрении дел о копировании необходимо быть осторожным при абстрактном разделении произведения и осторожным использованием расширенного толкования «выражения».

Горбунова А. С., Петрова Т. А.
Президентская Академия (РАНХиГС)
Студенты

Актуальные проблемы судебной практики по спорам о сходстве товарных знаков до степени смешения

В настоящее время использование товарных знаков пользуется большим спросом, в связи с этим появляется много правовых аспектов, вопрос урегулирования которых еще не решен. Согласно статье 1225 Гражданского кодекса РФ товарные знаки являются приравненными к результатам интеллектуальной деятельности средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью)¹. Однако в судебной практике возникают проблемы, которые связаны с злоупотреблением правом на товарные знаки.

Так, например, в судебной практике существует проблема популяризации аналогов брендов. В деле № А40-283243/2022 был подан иск о взыскании компенсации за незаконное использование наименования сходного до степени смешения с товарными знаками. Истец является правообладателем товарных знаков «ЛЕПЕСТОК» и «Респиратор ЛЕПЕСТОК». На официальном сайте ответчика при описании товара «ПОЛУМАСКА ПРОТИВОАЭРОЗОЛЬНАЯ ИСТОК200 FFP1» было указано «(АНАЛОГ ШБ-1, ЛЕПЕСТОК-200)», а в отношении товара «РЕСПИРАТОР ШБ-1-200 FFP3» – «(АНАЛОГ Л-200, ЛЕПЕСТОК)», что вызвало угрозу смешения предлагаемых товаров с товарами истца.

Сравнив товарные знаки истца с использованным ответчиком на своем сайте спорным обозначением, суд посчитал их сходными, в связи с чем пришел к выводу о возможности реального их смешения в глазах потребителей. Однако суд также сослался на то, что каждый способ использования товарного знака, как предусмотренный, так и не предусмотренный в статье 1484 ГК РФ, ограничен единым принципом такого использования – осуществлением использования товарного знака с целью индивидуализации товаров, то есть приданием различительной способности товару или производителю в целях предотвращения смешения товаров². В силу приведенного ограничения правообладатель не вправе ограничивать третьих лиц в указании товарного знака в случае, когда такое указание не направлено на индивидуализацию товаров и не способно вызвать их смешения.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: Ч. 4: федер. закон от 30.11.1994 № 51 ФЗ: [ред. от 29.12.2017] // СЗ РФ. 1994. № 32.

² Гражданский кодекс Российской Федерации: Ч. 4: федер. закон от 30.11.1994 № 51 ФЗ: [ред. от 29.12.2017] // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 1484.

Также суд отметил, что словесное упоминание чужого товарного знака не является использованием этого знака, если не вызывает смешения продукции правообладателя и лица, использующего такое словесное упоминание¹.

Следовательно, представляется возможным указание товарного знака или сходного с ним обозначения с целями, отличными от цели индивидуализации товаров, работ или услуг, при отсутствии вероятности смешения различных товаров и производителей, и не является использованием товарного знака.

Более того, проблема однородности и правомерности требования о запрете использования обозначений отражена в определении ВС РФ от 01.12.2023. Истец обратился за защитой серии товарных знаков «Лепим и варим». Иск обоснован нарушением исключительных прав Компании на знаки обслуживания путем использования сходного с ними до степени смешения обозначения в деятельности подконтрольных Обществу отделов кулинарии.

Верховный суд пришел к выводу об использовании ответчиком обозначения ПЕЛЬМЕНИ ЛЕПИМ ВАРИМ при маркировке пельменей и вареников собственного изготовления, вводимых в гражданский оборот на одном из прилавков отдела кулинарии в магазинах розничной торговли SPAR и EVROSPAR². Несмотря на то что деятельность по реализации готовой кулинарной продукции и деятельность кафе не являются идентичными между собой видами деятельности, они имеют сходное назначение (удовлетворение потребности в готовых для потребления пищевых продуктах), являются взаимозаменяемыми в сфере услуг общественного питания и, следовательно, могут быть отнесены потребителями к одному и тому же источнику происхождения.

Кроме того, в данном деле отсутствуют выводы с обоснованием однородности данной деятельности и услуг общественного питания, закусовых, кафетериев, ресторанов, столовых, отделов кулинарии, услуг по приготовлению блюд и доставке их на дом в судебных актах.

Более того, изучив судебную практику, можно также выделить проблемные моменты в использовании товарных знаков. После начала специальной военной операции часть крупных иностранных брендов покинула российский рынок. Предприниматели начали активно подавать заявки на регистрацию товарных знаков, сходных с товарными знаками ушедших брендов. В марте 2022 года стало появляться много публикаций в СМИ о том, что Роспатент одобряет заявки на обозначения, сходные до степени смешения с товарными знаками иностранных компаний.

1 апреля 2022 года на официальном сайте Роспатента была опубликована позиция, согласно которой для получения правовой охраны на товарный знак, заявка проходит через несколько этапов экспертизы. «Наличие ранее зарегистрированного тождественного или сходного товарного знака, известных в России, является препятствием к регистрации заявленного обозначения»³ – сообщает Роспатент. В части 2 ст. 1483 ГК РФ упоминается термин «сходство до степени смешения»⁴, который относится к тем товарным знакам, которые потребитель может легко спутать с всемирно известными обозначениями брендов. Предприниматели, подающие заявки на регистрацию товарного знака сходные на обозначения популярных брендов или в точности повторяющие их обозначения, злоупотребляют своими правами на получение правовой охраны на свою продукцию.

В соответствии со статьями 1493 Гражданского кодекса все заявки на товарные знаки публикуются в официальном бюллетене еще до проведения всех возможных экспертиз для получения правовой защиты⁵. Стоит также отметить, что любые лица могут ознакомиться с информацией о заявках, поступивших в Роспатент.

---

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 ноября 2023 г. № С01-2152/2023 по делу № А40-283243/2022: СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407959733/?ysclid=lsepefsg663003007> (дата обращения: 08.02.2024).

² Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 декабря 2023 г. № 301-ЭС23-12433 по делу № А43-26747/2021: СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408019365/?ysclid=lsepf1itg220628140> (дата обращения: 08.02.2024).

³ Позиция Роспатента Федеральная служба по интеллектуальной собственности: Сайт Роспатента – 2022 URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/poziciya-rospatenta-01042022#:~:text=Наличие%20ранее%20зарегистрированного%20тождественного%20или,Государственном%20реестре%20товарных%20знаков%20РФ> (дата обращения: 08.02.2024).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации: Ч. 4: федер. закон от 30.11.1994 № 51 ФЗ: [ред. от 29.12.2017] // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 1483.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации: Ч. 4: ФЗ от 30.11.1994 № 51 ФЗ: [ред. от 29.12.2017] // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 1493.

Иностранная компания The Coca-Cola Company подала заявление в Суд по Интеллектуальным правам о признании недействительным решения Роспатента. Компания подала возражение против предоставления правовой охраны на товарный знак компании «Напитки из Черноголовки-АКВАЛАЙФ», аргументируя это тем, что товарные знаки «Фанта» и «Фантола» являются сходными до степени смешения по графическому, звуковому и смысловому критериям. Заявитель также считает, что его компания в связи с этим теряет часть своей потребительской аудитории, прибыли и имеет проблемы с репутацией. Заслушав аргументы сторон, СИП удовлетворил требования истца, согласившись с тем, что товарные знаки действительно сходны. Вышестоящая инстанция, рассмотрев кассационную жалобу ООО «Напитки из Черноголовки-АКВАЛАЙФ», приняла решение об отмене предыдущего решения и отправила спор на новое рассмотрение. В июле 2023 года судебный процесс был окончен, а компании The Coca-Cola Company было отказано в удовлетворении исковых требований.

Изучив данное дело, можно прийти к выводу о том, что принятие решения о сходстве до степени смешения основывается на нескольких критериях, а именно: визуальное сходство, сходство по смыслу и значению товарного знака, а также не мало важно то, к какому классу Международной классификации товаров и услуг относится продаваемый товар. В данном случае оба товарных знака относились к товарам 32-го класса МКТУ. Смысловые сходства обозначений отследить было не трудно, ведь в современном толковом словаре Ефремовой Т.В. дано определение слову «фанта»: «газированный тонизирующий напиток с апельсиновым вкусом», что описывало товары обеих компаний. А вот графически и визуально товарные знаки «ФАНТА» и «ФАНТОЛА» кардинально отличались.

Подводя итоги, можно отметить важные моменты в использовании сходных до степени смешения товарных знаков в судебной практике. Во-первых, компаниям возможно указывать товарный знак или сходное с ним обозначение с целями, отличными от цели индивидуализации товаров, работ или услуг, при отсутствии вероятности смешения различных товаров и производителей. Во-вторых, при рассмотрении вопроса о сходстве товарных знаков Роспатент основывается на такие критерии, как: визуальное сходство, сходство по смыслу и значению товарного знака, а также обращает внимание на то, к какому классу МКТ относится продаваемый товар.

Горина В. К.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Макияж как объект авторских прав

Объектами авторских прав могут быть любые произведения науки, литературы и искусства, созданные творческим трудом и выраженные в объективной форме. Ст. 1259 ГК РФ устанавливает открытый перечень таких объектов¹.

Соответственно, существуют объекты авторских прав, не названные законом, в частности, из-за их специфических свойств, например сохранение в объективной форме короткий промежуток времени. Таким объектом, видимо, является макияж – искусство оформления лица с помощью косметических средств красок, кремов, теней, а также само такое оформление².

Какой макияж относится к объектам авторского права?

Ответ на поставленный вопрос основывается на критериях, установленных законом. Первый – произведение должно быть создано творческим трудом автора. Автором макияжа является визажист – специалист по макияжу, по наложению косметического грима³. Автор создает уникальный по цветовой гамме и расположению элементов результат. При этом визажист задействует интеллектуальную деятельность, направленную на такой результат. В Информационной справке по вопросам, возникающим при применении п. 7 ст. 1259 ГК РФ, утвержденной постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 декабря 2022 г. № СП-21/33, указывается свойство узнаваемости как критерий творчества⁴. Важным

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: Ч. 4: ФЗ от 30.11.1994 № 51 ФЗ: [ред. от 29.12.2017] // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 1493.

² Толковый словарь Ожегова // URL: <https://gufo.me/search?term=%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D1%8F%D0%B6> (дата обращения: 30.01.24).

³ Указ.

⁴ Информационная справка по вопросам, возникающим при применении пункта 7 статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (части произведения) утверждена постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.12.2022 № СП-21/33. Электронный ресурс // URL: <http://ipcmagazine.ru/official->

моментом является то, что на узнаваемость влияет характер объекта авторского права, но при этом не влияет известность или популярность произведения. При определении творческого характера стоит обратить внимание на индивидуализирующие характеристики, т.е. особенности, в силу которых объект узнаваем даже при его использовании отдельно от всего произведения в целом.

Примером может служить дело 2000 года «Carell v. Shubert», связанное с бродвейским мюзиклом «Cats», где суд признал грим объектом авторского права, т.к. он был узнаваем и ассоциировался именно с указанной постановкой¹. Также суд признал нанесение макияжа на человеческую кожу полноценной «фиксацией».

Второй критерий, который позволяет произведениям приобрести охраноспособность, представляет собой выраженность в объективной (материальной) форме. Макияж, как следует из определения, наносится на лицо предназначенными для этого продуктами и, соответственно, приобретает объективную форму с момента нанесения последнего элемента. Закон позволяет выражать произведения в какой-либо объективной форме (письменной, устной, форме изображений и др.)².

Интересно, что материальным носителем такого объекта как макияж служит лицо человека. Может ли кожа лица человека быть таким носителем без дополнительной фиксации (например, фотографии)? Сложность в том, что макияж не сохраняется длительное время в объективной форме, подвергается различным внешним факторам, которые могут оказать влияние на вид оформления. Однако на наш взгляд данное свойство не влияет на охраноспособность макияжа в качестве объекта авторского права, т.к. он был выражен в объективной форме, и визажист сможет ее воспроизвести снова. К тому же, первичным в авторском праве является понятие формы, а не содержания.

Такой вывод подтверждает решение суда первой инстанции по делу о защите авторского права на макияж: «признак нестабильности, неустойчивости формы является признаком объекта и не свидетельствует об отсутствии самого объекта защиты»³. Ответчица создала макияж, сделала фотографию модели и опубликовала в сети, указав себя автором и предложив исполнение такого макияжа за оплату. Одним из доводов ответчицы была ссылка на то, что макияж не является объектом авторского права из-за его короткого относительно других объектов охраны выражения в объективной форме.

В апелляционной инстанции ответчица указывала на творческий характер при создании каждого из макияжей. Суд назначил экспертизу, результат которой опроверг творческий характер в макияже ответчицы, т.к. «он является результатом копирования с макияжа, сделанного истицей».

Согласно позиции судов, макияж подлежит защите, если он оригинальный, т.е. не предназначен для повседневного нанесения. Ежедневный макияж, который может проявляться в нанесении помады и карандаша на губы, туши для удлинения ресниц, румян и т.п., не охраняется законом. Такой макияж представляет собой технику нанесения.

Таким образом, речь как об объекте авторского права идет о макияже, созданном для фотосъемок и специальных мероприятий, для которых важна узнаваемость.

В ст. 1273 ГК РФ установлена возможность без согласия автора и без выплаты вознаграждения воспроизведение при необходимости и исключительно в личных целях правомерно обнародованного произведения. В рассмотренном ранее деле ответчица предоставляла возможность заказа макияжа на коммерческих условиях.

Последствиями признания макияжа в качестве объекта авторского права является наличие у автора исключительных прав, т.е. возможность использовать объект любым не противоречащим закону способом; личных неимущественных прав – право авторства, право на имя, право на обнародование и т.д. и иные права.

Таким образом, макияж, предназначенный для специальных мероприятий, охраняется законом, несмотря на обладание специфическими признаками.

---

cronicle/information-note-on-issues-application-paragraph-7-of-article-1259-civil-code-part-of-the-work^ (дата обращения: 30.01.24).

¹ Carell v. Shubert Organization, Inc., 104 F. Supp. 2d 236 (S.D. № Y. 2000) District Court, S.D. №ew York Электронный ресурс // URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/2503918/carell-v-shubert-organization-inc/> (дата обращения: 30.01.24).

² Гражданский кодекс Российской Федерации: Ч. 4: ФЗ от 30.11.1994 № 51 ФЗ: [ред. от 29.12.2017] // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 1493.

³ Решение Выборгского районного суда Санкт-Петербурга от 12 марта 2012 года по делу № 2-177/2012 Электронный ресурс // URL: https://vbr--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=433371770&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 31.01.24).

Горленко М. Д.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Проблемы защиты секрета производства (ноу-хау) в Российской Федерации

Для обеспечения потребностей современного рынка в праве интеллектуальной собственности выделилась особая категория объектов — нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности. Один из таких объектов — секрет производства, также называемый «ноу-хау» (от англ. know how — досл. «знать, как»), обрел повсеместное применение и по значимости не уступает «классическим» объектам интеллектуальной собственности, таким как произведения искусства или изобретения. Несмотря на это, законодательное регулирование ноу-хау нуждается в уточнении, разрешении коллизий и модификации под нужды современного оборота.

Понятие секрета производства появилось относительно недавно — в 1916 году в США¹. С того момента оно достаточно быстро распространилось в национальных юрисдикциях и международном регулировании. В российскую правовую систему данный институт попал в 1991 году через Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик². Регулировала его ст. 151 Основ, по содержанию почти идентичная современному законодательству³.

В настоящее время статус секрета производства определен в ст. 1465 Гражданского кодекса РФ⁴ как сведения любого характера о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, притом что обладатель принимает разумные меры для сохранения их конфиденциальности. Такое определение соответствует сложившейся международной практике (прим. ст. 39 Соглашений ТРИПС⁵) и достаточно полно раскрывает суть секрета производства.

Однако при определении соотношения понятия ноу-хау с некоторыми другими правовыми институтами возникают определенные трудности. В первую очередь данная проблема возникает при сопоставлении секрета производства с институтом коммерческой тайны, закрепленным в Федеральном законе «О коммерческой тайне»⁶ (далее также Закон о коммерческой тайне). Соотношение понятий «ноу-хау» и «коммерческая тайна» вызывает наименьшее количество вопросов: п. 1 ст. 3 обсуждаемого Закона дает понять, что «коммерческая тайна» — это режим. Отождествление режима и объекта интеллектуальной собственности невозможно в силу различия их природы. Проблема соотношения понятий «ноу-хау» и «информация, составляющая коммерческую тайну» (закреплено в п. 2 ст. 3 обсуждаемого Закона) сложнее и вызывает больше споров среди исследователей, придерживающихся двух противоположных точек зрения. Первая из них заключается в признании названных понятий идентичными⁷, в то время как вторая настаивает на их различии⁸.

Для решения последнего затронутого вопроса необходимо обратиться непосредственно к текстам ст. 3 Закона о коммерческой тайне и ст. 1465 Гражданского кодекса РФ. Тексты в значительной степени идентичны, однако имеющиеся различия крайне важны для понимания соотношения исследуемых понятий. Различие первое: информация, составляющая коммерческую тайну — «сведения любого характера (производственные...), в том числе [здесь и далее курсив авторский] о результатах...»; ноу-хау — «сведения любого характера (производственные...) о результатах...». Различие второе: информация, составляющая

---

¹ Еременко В. И. Секрет производства (ноу-хау) как объект исключительных прав в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Адвокат. 2008. № 5 // URL: <https://center-bereg.ru/h1469.html> (дата обращения: 11.02.2024).

² Там же.

³ Основы Гражданского Законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) // СПС «Гарант» (дата обращения: 11.02.2024).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2024).

⁵ Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (as amended on 23 January 2017) // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/500864> (дата обращения: 12.02.2024).

⁶ Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О коммерческой тайне» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2024).

⁷ Кончаков А. Б., Матвеева И. А. Соотношение понятий «коммерческая тайна» и «секрет производства» (ноу-хау) // Современная научная мысль. 2015. № 2. С. 197.

⁸ Фролова А. Д. Основные проблемы правового регулирования секрета производства (ноу-хау) в международном праве и национальном законодательстве Российской Федерации // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. 2017. № 2 (10). С. 120.

коммерческую тайну — «обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны»; ноу-хау — «обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны».

Из показанного видно, что секретом производства могут признаваться только сведения в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности. Также для признания охраноспособности ноу-хау введение режима коммерческой тайны не обязательно, что также было высказано в п. 144 Постановления Пленума Верховного Суда РФ 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

В то же время информацией, составляющей коммерческую тайну, могут быть признаны любые сведения (в том числе не признаваемые секретом производства), подпадающие под указанные в соответствующей статье критерии. Введение режима коммерческой тайны для таких сведений обязательно, в отличие от ноу-хау.

Таким образом, обсуждаемые понятия по своему содержанию близки, но отнюдь не равны. Хотя на практике многие объекты подпадают под оба понятия, может существовать секрет производства, не являющийся информацией, составляющей коммерческую тайну, и наоборот.

Описанное различие в значениях терминов может привести к некоторым отрицательным последствиям. Например, в п. 5 ст. 14 Закона о коммерческой тайне содержится норма о праве обладателя информации требовать, в частности в судебном порядке, от лица, случайно получившего доступ к охраняемой информации, сохранения конфиденциальности этой информации. Для секрета производства подобного правила не установлено, что ведет к его незащищенности, если в отношении него не установлен режим коммерческой тайны. Данная ситуация возникает при буквальном толковании описанных норм, однако возможно и расширительное толкование, с распространением действия нормы п. 5 ст. 14 Закона о коммерческой тайне на секрет производства. Однако выбор вида толкования остается за правоприменителем, что не способствует единообразию судебной практики.

В связи с изложенным представляется разумным внесение некоторых изменений в регулирование обсуждаемых институтов. Категорию «информация, составляющая коммерческую тайну» предлагается упразднить, а понятие секрета производства расширить для включения в него всех объектов, на данный момент относимых к информации, составляющей коммерческую тайну. Режим коммерческой тайны переименовать в «режим охраны секрета производства» и установить, как обязательный для введения в отношении соответствующего объекта.

Также обоснованным выглядит перенос нормы п. 5 ст. 14 Закона о коммерческой тайне в соответствующую главу Гражданского кодекса РФ и добавление в нее возможности взыскания неосновательного обогащения с указанного в п. 4 субъекта при условии, что он был предупрежден о наличии исключительного права на данный секрет производства. Это позволит улучшить защиту правообладателя ноу-хау и конкретизировать указание на «защиту своих прав» в п. 5.

Подводя итог, можно сказать, что институт секрета производства, безусловно, необходим современному гражданскому обороту. Однако, на данный момент имеются некоторые неточности в регулировании, исправление которых сделает институт максимально эффективным и отвечающим потребностям рынка.

Данов А. И.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблема определения критериев охраноспособности фотографических произведений

С появления в мире первой фотографии прошло уже почти 200 лет, но правовая охрана такого вида искусства начала формироваться намного позже, только во второй половине XIX века, с принятием Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений¹ (далее — Бернская конвенция) в 1886 году. Роль фотографии нельзя переоценить, в каждой семье хранятся альбомы с фотографиями далеких времен, это память о событиях прошлого, это наша история.

Проблема определения критериев охраноспособности фотографических произведений приобрела особую актуальность с развитием интернет-сети, с появлением интернет-маркетплейсов, социальных сетей, развитием СМИ и появлением высококачественных смартфонов с передовыми камерами и большого количества разнообразия фототехнических средств. Для индивидуализации своего продукта или своей

---

¹ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

странички в социальной сети люди стремятся дополнить их разнообразными фотографиями, чтобы привлечь к себе внимание. Возросло количество нарушений авторского права на такой вид произведения искусства. В России включение фотографического произведения в качестве объекта авторского права на законодательном уровне произошло намного позже лишь с ратификацией Российской Федерацией Бернской конвенции в 1994 году и принятием четвертой части ГК РФ, регулирующей весь спектр результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации.

В самой Бернской конвенции фотография упоминается в качестве охраняемого художественного произведения в ст. 2. В ней также указано, что к фотографическим произведениям приравниваются произведения, выраженные способом, аналогичным фотографии. Подробно данное истолкование никак не раскрывается в Бернской конвенции. В связи с этим возникает вопрос, какие способы запечатления окружающего мира подпадают под данную трактовку?

Если разбираться как образуется фотография, то с точки зрения техники данный процесс возможен путем отражения или излучения света от предмета (явления) фотосъемки на светочувствительных материалах (фотопленке или матрице), встроенных в фотоаппаратуру, фотокамеру. Очевидно, что под аналогичным способом выражения фотографии в конвенции подразумевался именно сходный с этим способ, то есть лучевой. Если рассматривать само слово «фотография», то с греческого оно переводится как *photos* – «свет» и *graphie* – «рисунок», что вместе означает «рисунок светом»¹.

Стоит заметить, что Бернская конвенция не апеллирует именно понятием фотография. В ней лишь указан термин – фотографическое произведение. Отсюда возникает проблема толкования данного термина. Что понимается под фотографическим произведением? Так, в учебнике под общей редакцией Л.А. Новоселовой под фотографическими произведениями понимаются художественные фотографии, отражающие творческое видение фотографа как художника².

Таким образом можно сделать вывод, что не любая фотография будет фотографическим произведением, а только такая, которая отражает творческое видение мира в глазах фотографа как художника (то есть имеет творческий характер). Не могут являться фотографическими произведениями, снимки, сделанные в автоматическом режиме, то есть без художественного замысла, в отсутствие критерия творчества, что подтверждает Пленум Верховного Суда РФ в пункте № 80 Постановления от 23 апреля 2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»³ (далее – Постановление от 23.04.2019 № 10). В качестве примера можно привести снимки, сделанные камерами дорожного движения или камерами, расположенными в метрополитене, несущие исключительно функцию охраны общественного правопорядка, без какой-либо творческой цели.

Стоит различать понятия «фотографическое произведение» как результат творческого труда и «фотография» как результат технического процесса, которая не является объектом авторских прав.

В п. 1 ст. 1259 ГК РФ Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) дублируется положение Бернской конвенции «фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии»⁴.

Автором произведения науки, литературы или искусства согласно ГК РФ, признается гражданин, творческим трудом которого оно создано.

Автором фотографического произведения признается не только профессионал, но и обычный человек без профессиональных навыков, даже простой пользователь смартфона, так как не имеют значения достоинство и назначение фотографического произведения.

Авторские права на фотографическое произведение возникают с момента его создания, регистрация для таких объектов не предусмотрена. Таким образом с момента нажатия на кнопку спуска затвора, возникает авторское право на фотографию.

На практике проблема отнесения той или иной фотографии к объектам авторских прав, связана прежде всего со сложностью определения критериев охраноспособности фотографического произведения.

Из положений ГК РФ можно выделить два критерия, а именно:

1) объективная форма выражения (включая нематериальную)

¹ Фотография // URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Photography> (дата обращения: 10.03.2024).

² Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. А. Новоселовой. М. : Статут, 2017. С. 52.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2024).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2024).

2) творческий характер

Если объективная форма выражения не вызывает вопросов, то творческий характер фотографического произведения на практике получает разное толкование.

Согласно пункту 80 Постановления от 23.04.2019 № 10, творческий характер объектов авторских прав презюмируется, пока не будет доказано иное. Помимо этого, в данном Постановлении сказано, что само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права. Тем самым Верховный Суд РФ не относит к критериям охраноспособности объектов авторских прав, в том числе к фотографическим произведениям, критерии новизны, уникальности и оригинальности.

Суд по интеллектуальным правам в своем Постановлении по делу № А24-1669/2013 разъяснил, что подразумевается под творческой деятельностью фотографа. Это деятельность фотографа, включающая: 1) выбор экспозиции, 2) размещение объекта фотоснимка в пространстве, 3) выбор собственной позиции для совершения фотосъемки, 4) установка света и/или адаптация своего местонахождения и места нахождения объекта фотосъемки под имеющееся освещение, 5) подбор световых фильтров для объектива, 6) выстановка выдержки затвора, 7) настройка диафрагмы, 8) настройка резкости кадра, 9) проявление фотопленки (для плёночных фотоаппаратов), 10) обработка полученного изображения при помощи специальных компьютерных программ (для цифровых фотоаппаратов)¹.

Таким образом наличие одного такого действия фотографа достаточно для признания творческого характера фотографического произведения.

Интересен опыт зарубежных стран: в Германии в законе о защите авторских и смежных прав, помимо критерия творческого характера и внешней формы выражения, существует и критерий оригинальности фотографического произведения. Оригинальностью по закону являются совокупность навыков и знаний, которые применил автор при производстве фотосъемки: использование разнообразных фильтров, объективов, фотомонтаж, коллаж, а также передача эмоций и настроения².

Сходные действия автора прописаны и в указанном выше постановлении Суда по интеллектуальным правам, таким образом, оригинальность, по нашему мнению, может быть включена в критерий творческого характера действий фотографа. Представляется целесообразным внести соответствующие уточнения в ГК РФ, тем самым разграничить фотографию и фотографическое произведение.

Подводя итоги, стоит отметить особую природу фотографических произведений. Решение суда о признании их объектами авторских прав или нет должно разрешаться применительно к каждому конкретному случаю, поэтому элемент субъективности здесь всегда имеет место.

Дворянкин Г. В.

Российская государственная академия
интеллектуальной собственности (РГАИС)
Аспирант

**Сравнительный анализ доктринальных подходов к возникновению соавторства
при создании аудиовизуальных произведений**

Аудиовизуальные произведения относятся к объектам авторского права, в создании которых нередко участвуют нескольких лиц. В результате совместной творческой деятельности возникают совместные интеллектуальные права на совместное произведение, а лиц, участвующих в такой деятельности, принято именовать соавторами. При этом не всегда произведение может быть признано созданным в соавторстве, для возникновения которого необходимо наличие совместного творческого труда, характеризующееся объективными и субъективными признаками³. В свою очередь, применительно к аудиовизуальному произведению законодатель императивно определил состав авторов, не назвав последних в качестве соавторов, тем самым породил множество доктринальных позиций относительно возникновения соавторства

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.03.2014 № С01-57/2014 по делу № А24-1669/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2024).

² Copyright Act – UrhG, Amended up to Act of 23 June 2021 // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21825> (дата обращения: 10.03.2024).

³ Об объективных и субъективных признаках совместного творческого труда см. Мартынова Е. Ю. Гражданско-правовой режим исключительного авторского права, принадлежащего нескольким лицам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Мартынова Елизавета Юрьевна. Пермь, 2019. С. 14.

на аудиовизуальное произведение. Все существующие точки зрения о правовом статусе авторов последнего можно свести к следующим трем подходам.

1. Авторы аудиовизуального произведения не являются соавторами. В рамках настоящего подхода ряд авторов прямо высказываются об отсутствии соавторства на аудиовизуальные произведения. Один из таких тезисов встречается в работе И.А. Чумакова, где исследователь указывает, что авторы аудиовизуального произведения соавторами не являются¹. Похожую позицию занимает П.В. Фомичев, однако стоит обратить внимание, что исследование ученого посвящено художественному фильму, как частному случаю аудиовизуального произведения².

Другие авторы не просто отрицают соавторство на аудиовизуальные произведения, а объясняют взаимодействие авторов иными категориями. Подобный тезис можно встретить в работе Е.С. Гринь, которая поддерживает В.А. Дозорцева в части его позиции о «сборном» авторстве³ в результате «сотрудничества»⁴. Позицию о возникновении «сотрудничества» можно встретить и в научной статье Н.И. Добряковой⁵.

2. Авторы аудиовизуального произведения являются соавторами. Позиции возникновения соавторства между авторами аудиовизуального произведения придерживается В.Л. Вольфсон, который указывает на его возникновение в силу закона, при этом отмечая, что фактическое взаимодействие указанных в законе авторов не всегда отвечает признакам соавторства⁶. На возникновение соавторства в силу закона указывает и Э.П. Гаврилов, делая замечание, что авторы аудиовизуального произведения не являются соавторами, а считаются ими⁷. Тезис о возникновении между авторами аудиовизуального произведения соавторства также поддерживается Я.А. Гончаровой, которая указывает на возникновение в настоящем случае двух видов соавторства – делимого и неделимого⁸. Сходный тезис встречается в комментарии П.В. Степанова, выделяющий частично-раздельное соавторство⁹.

3. Авторы аудиовизуального произведения являются соавторами в зависимости от каждого конкретного случая. Настоящая позиция встречается в диссертационном исследовании Н.В. Щербак, согласно которой решение вопроса о соавторстве в отношении аудиовизуального произведения зависит от каждой конкретной ситуации, возникающей при его создании, при этом речь идет о делимом соавторстве¹⁰.

Таким образом, на сегодняшний момент нельзя сказать, что в цивилистической доктрине имеется консенсус по вопросу возникновения соавторства при создании аудиовизуальных произведений. Одни авторы категорично исключают возникновение соавторства при создании аудиовизуальных произведений, другие, наоборот утверждают о его возникновении, в том числе в силу закона. Примечательна позиция Н.В. Щербак, которая занимает компромиссную точку зрения.

¹ Чумаков И. А. Понятие аудиовизуального произведения и отдельные особенности его правового режима / И.А. Чумаков // Вестник гражданского права. 2019. № 3. С. 103.

² Фомичёв П. В. Основные авторские и смежные с ними правоотношения, возникающие при создании и использовании художественного фильма как частного случая аудиовизуального произведения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Фомичев Пётр Вячеславович. — Москва, 2006. С. 31–32.

³ Гринь Е. С., Правовая охрана авторских прав : учеб. пособие для магистров / Е. С. Гринь; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский государственный юридический ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М. : Проспект, 2016. С. 55.

⁴ Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации. Сборник статей / Исслед. центр част. права. М. : Статут, 2005. С. 148.

⁵ Добрякова Н. И. О некоторых вопросах договорного регулирования создания учебных произведений, предусмотренных частью четвертой Гражданского кодекса РФ / Н. И. Добрякова // Правовые вопросы связи. 2008. № 1. С. 18.

⁶ Вольфсон В. Л. Стихийное соавторство: постановка проблемы и признаки правообъектности / В. Л. Вольфсон // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 4 (38). С. 88–89.

⁷ Э. П. Гаврилов также дополняет свою позицию следующим примером: «Если сценарист не принимает участия в работе по созданию аудиовизуального произведения, он становится соавтором в силу закона». (Гаврилов Э. П. Комментарий к части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Э. П. Гаврилов, В. И. Еременко М. : Экзамен, 2009. С. 115.

⁸ Гончарова Я. А. Проблемы реализации и защиты интеллектуальных прав на аудиовизуальные произведения в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Гончарова Яна Анатольевна. — Москва, 2018. С. 81.

⁹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой) (постатейный) : в 2 т. Т. 1 / С. А. Горленко, В. О. Калятин, Л. Л. Кирий [и др.] ; отв. ред. Л. А. Трахтенгерц; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2-е изд. М. : Проспект, 2020. С. 270 (автор комментария П. В. Степанов).

¹⁰ Щербак Н. В. Авторские и смежные права в системе интеллектуальных прав : дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3 ; 12.00.03 / Щербак Наталия Валериевна. — Москва, 2022. С. 208.

Едидович А. М.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Магистрант

Шоу-бизнес: особенности договорного сопровождения

В настоящее время сфера шоу-бизнеса существенно расширилась. В нее входят не только привычная нам деятельность артистов, но и творчество блогеров и даже проявления некоторых спортсменов.

Стоит отметить, что шоу-бизнес невозможен без грамотной пиар-компании и именно поэтому, первые рассмотренные договоры будут относиться к теме пиара.

Пиаром является любая деятельность, направленная на продвижение (формирование, развитие, поддержание и стимулирование интереса) и популяризацию личности и творчества артиста.

Для правового сопровождения пиара в шоу-бизнесе выделяют три варианта договора, которые могут быть заключены:

1. Договор возмездного оказания услуг (ст. 779 ГК РФ)¹. Этот договор предполагает, что исполнитель, чаще пиар-компания или пиарщик выполняет только определенный перечень услуг, например, организует участие артиста в публичных мероприятиях, организует интервью артиста, подготавливает текст интервью и публикации для размещения в СМИ и в социальных сетях, и т.д.

2. Агентский договор (ст. 1005 ГК РФ)². В рамках данного договора агент наряду с осуществлением всех необходимых для продвижения артиста действий обладает полномочиями по согласованию и заключению договоров на участие артиста в платных публичных и рекламных мероприятиях в том числе с правом получения денежных средств, процент от которых и составляет его агентское вознаграждение.

3. Смешанный – агентирование с элементами услуг. В смешанном договоре агентирование позволит придать договору элемент эксклюзивности.

Отдельного внимания заслуживает и продюсерский договор, который в законе прямо не закреплен, однако широко используется в сфере шоу-бизнеса, так как практически ни один проект или артист не обходится без своего продюсера.

Продюсерский договор относится к смешанному типу договоров, при этом какого-либо единого шаблона составить просто невозможно, так как необходимо учитывать особенности деятельности того или иного продюсера.

Чаще всего такой договор включает элементы следующих договоров: агентский договор, лицензионный договор, договор об отчуждении исключительных прав, договор оказания услуг, договор поручительства.

Продюсерским договором может регулироваться следующий перечень вопросов:

- Творческая деятельность артиста
- Продвижение в соц. сетях
- Концертная и рекламная деятельность
- Личные неимущественные права и др.

Еще одним важным аспектом в сфере шоу-бизнеса является организация концертов. В рамках названного аспекта можно выделить два варианта организации:

- 1) когда концерт организует сам артист или его продюсер;
- 2) когда концерт организует не сам артист (договор оказания услуг).

В первом случае построение процесса возможно с помощью договора аренды концертной площадки или же с помощью договора оказания услуг по предоставлению концертной площадки во временное пользование. Артист (а чаще всего его команда) в данном случае должен предусмотреть решение следующих вопросов: эксплуатации технического оборудования, способ продажи билетов, подобрать репертуар выступления, расстановка декораций, пожарная безопасность в случае использования пиротехнических средств, вывоз крупногабаритного мусора и т.д.

Во втором случае будет идти речь про договор оказания услуг. Согласно ст. 432 ГК РФ существенными условиями данного договора являются условия, согласно которым по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Как отмечают Алексеев В.И. и Карпов А.В., «обычно такие условия определяются исполнителем и оформляются в виде райдера. Райдер – это перечень требований исполнителя концертных

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) ст. 779 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.03.2024).

² Указ. ист.

услуг, состоящий из технической части, организационного характера»¹. В свою очередь у артиста возникают вполне стандартные обязанности: исполнить ранее обговоренный репертуар, вовремя приехать на концертную площадку, не допускать умышленной порчи технического оборудования и т.д. Вопросы безопасности площадки, эксплуатации декораций, продажи билетов будут лежать уже на заказчике. В указанном случае заказчик также должен не забыть заключить с Российским авторским обществом лицензионный договор на публичное исполнение произведений.

Также стоит отметить, что легального определения понятию «концерты» в законодательстве не предусмотрено. Однако на практике высказываются следующие мнения:

- 1) концерты – это публичное исполнение музыкальных произведений;
- 2) концерты – это театрально-зрелищное представление (сложный объект).

Так, в деле Суда по интеллектуальным правам № С01-402/2021² истец предъявил требование к ответчику о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на музыкальные произведения.

Исковые требования были удовлетворены частично. Ответчик не согласился с выводами о том, что в данном случае имело место публичное исполнение музыкальных произведений, он утверждал, что было исполнено сложное произведение – театрально-зрелищное представление «Музыка нас связала».

Доводы ответчика заключались в следующем: суды не установили надлежащим образом обстоятельства создания театрально-зрелищного представления и получения прав на использование результатов интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта.

По мнению же истца, суды обоснованно исследовали спорное театрально-зрелищное представление «Музыка нас связала» на наличие целостности творческого замысла с целью установления соответствия данного объекта признакам сложного объекта и распространения на него правового режима, установленного положениями статьи 1240 ГК РФ, и по результатам рассмотрения дела справедливо сделали вывод, что спорное мероприятие не является сложным объектом интеллектуальных прав, так как отсутствует признак целостности.

Суд пришел к выводу, что ответчик – организатор мероприятия получил право использовать спорные песни в составе сложного объекта по договору с музиздательством. Однако спорное мероприятие не обладает признаками сложного объекта, так как не имеет творческой целостности. Тексты выступления написаны под каждую песню отдельно и не связаны между собой единым замыслом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что верно избранная стратегия договорного сопровождения шоу-бизнеса зачастую позволяет обеспечить защиту интересов всех сторон, вовлеченных в данную индустрию.

Ефременко К. И.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

Промышленный образец как режим правовой охраны дизайна в сфере моды

В индустрии моды дизайн является ключевым объектом правовой охраны, поскольку он представляет собой результат интеллектуального труда. В связи с этим охрана дизайна в модной индустрии может осуществляться с помощью различных средств правовой охраны, включая авторское право, промышленные образцы и товарные знаки. Поскольку указанный вопрос является достаточно обширным, предлагается рассмотреть правовую охрану дизайна в индустрии моды как промышленного образца.

Промышленный образец – это один из видов интеллектуальной собственности, который относится к промышленному и кустарно- ремесленному производству. Такой объект должен быть новым, оригинальным и не иметь сходства с другими результатами интеллектуальной деятельности³.

На охрану общего впечатления направлена патентная охрана дизайна в качестве промышленного образца. В общем смысле промышленные образцы представляют собой объекты интеллектуальных прав, которые могут быть зарегистрированы для охраны дизайнов товаров. Зарегистрированный промышленный

---

¹ Алексеенко В. И. Важнейшие условия по договору возмездного оказания концертных услуг / В. И. Алексеенко, А. В. Карпов // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 4А. С. 159–164.

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 апреля 2021 г. № С01-402/2021 по делу № А12-7928/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.03.2024).

³ Михайлова И. А. Изменение правовой охраны средств интеллектуальной собственности в контексте предоставления правовой охраны промышленному образцу в сфере дизайна // Материалы Международной научно-практической конференции. Т. 2. 2019. С. 115.

образец предоставляет возможность правообладателю на исключительное использование всех моделей одежды, в дизайне которых использованы существенные признаки, производящие на потребителя впечатление, как охраняемый промышленный образец, в течение определенного периода времени. Поэтому если модная коллекция включает в себя уникальные объекты дизайна, их обладатели могут рассмотреть возможность регистрации этих результатов как промышленных образцов для обеспечения их правовой охраны.

Следует отметить, что Федеральным законом от 27.12.2018 № 549-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ были внесены изменения в статью 1392 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в соответствии с этими изменениями временная правовая охрана предоставляется не только изобретениям, но и промышленным образцам. Цель данного законопроекта состояла во введении процедур временной правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности в сфере дизайна. Так, согласно новой редакции статьи 1392, промышленному образцу, на который подана заявка в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности, со дня публикации сведений о заявке до даты публикации сведений о выдаче патента предоставляется временная правовая охрана в объеме, определяемом совокупностью существенных признаков промышленного образца, нашедших отражение на изображениях внешнего вида изделия, содержащихся в опубликованной заявке на промышленный образец, но не более чем в объеме, определяемом совокупностью существенных признаков, нашедших отражение на изображениях внешнего вида изделия, содержащихся в решении указанного федерального органа о выдаче патента на промышленный образец.

В национальной правовой системе дизайн может быть признан временно охраняемым в соответствии со ст. 1392 ГК РФ. Временная правовая охрана применима к дизайну, поскольку одной из его особенностей является быстрая смена его актуальности. Для получения временной охраны дизайна в России необходимо предоставить подробное описание объекта дизайна, его изображения или макет, а также оплатить государственную пошлину за регистрацию в Федеральной службе по интеллектуальной собственности – Роспатенте.

Временная правовая охрана промышленных образцов представляет из себя достаточно спорный вопрос, поскольку между подачей заявки и выдачей патента проходит значительное время. До выдачи патента исключительное право не возникает, следовательно, использование образца третьими лицами не считается нарушением патентных прав. Вместе с тем срок использования дизайнерских решений чаще всего является коротким, что делает получение патента бессмысленным. Поэтому в данной ситуации в первую очередь необходимо обсуждать интересы индустрии моды, так как модные коллекции меняются каждый сезон. Представляется, что можно рассмотреть способ охраны с помощью авторского права, без необходимости проведения регистрации.

Для сравнения, можно рассмотреть особенности правовой охраны модного дизайна в странах Европейского Союза (далее – ЕС). Европа является родиной некоторых из наиболее значительных в истории промышленных образцов, а также ряда самых известных дизайнеров, таких как Коко Шанель, Пьер Карден и Кристиан Диор. Следует отметить, что в европейских странах правовая охрана промышленного образца обычно регулируется европейской системой охраны интеллектуальной собственности – общим и отдельными законодательными актами. Основной способ правовой охраны дизайна в Европе – это регистрация промышленного образца в Европейском офисе интеллектуальной собственности (далее – EUIPO). EUIPO позволяет правообладателям получить охрану своего дизайна во всех странах – членах ЕС. В случае нарушения исключительных прав, правообладатель имеет право обратиться в суд за защитой своих прав и требованием компенсации. Каждая страна – член ЕС также может иметь национальную систему временной правовой охраны промышленного образца, которая может иметь свои собственные особенности и процедуры.

Также в ЕС предусмотрен такой режим правовой охраны для дизайна товаров с коротким жизненным циклом, как охрана незарегистрированного промышленного образца. Данный институт был введен в связи со стремлением к созданию общего рынка товаров и услуг Европы. Перед законодателями стояла задача создания правового режима, в котором не потребуются соблюдение формальностей, что позволит использовать преимущества патентного права без процедуры регистрации. Незарегистрированный промышленный образец был введен в действие Регламентом Совета ЕС № 6/2002 от 12 декабря 2001 г. о

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) ст. 779 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.03.2024).

промышленных образцах ЕС¹. Следует также выделить отличительные черты незарегистрированного промышленного образца - отсутствие требований о соблюдении формальностей, возникновение охраны с момента первого публичного раскрытия, непродолжительный срок правовой охраны (3 года), а также правообладателю предоставляется право препятствовать действиям, связанным с использованием скопированного результата интеллектуальной деятельности, однако, если третье лицо докажет факт самостоятельности создания дизайна, то правообладатель не сможет препятствовать использованию такого результата.

Незарегистрированный промышленный образец ЕС считается новым и обладающим индивидуальным характером пока не доказано обратное, в отличие от промышленного образца с временной охраной, который приближен к традиционной регистрации промышленного образца.

Таким образом, в России промышленный образец может быть временно охраняемым объектом интеллектуальной собственности. Правовая охрана дизайна модной коллекции может осуществляться на основе авторского права, а также через регистрацию промышленного образца или товарного знака. Относительно введения института незарегистрированного промышленного образца в российское законодательство можно сказать, что это окажет положительное влияние на отрасль, связанную с созданием дизайна одежды, и другие отрасли, связанные с производством товаров с непродолжительным жизненным циклом. Однако у данного института отсутствуют требования о соблюдении формальностей, что не позволяет отнести его к патентному праву, а также может потребовать терминологической и практической доработок.

Карпов Д. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

К вопросу о необходимости введения возможности распоряжения исключительным правом на наименование места происхождения товара

Потребность предпринимателей в средствах индивидуализации, используемых для индивидуализации товаров, традиционно производимых в определенной местности, несомненно растет, о чем свидетельствуют ежегодные отчеты Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент), в которых мы видим постоянный рост зарегистрированных наименований места происхождения товаров (далее – НМПТ) и географических указаний (далее – ГУ)².

Согласно действующему законодательству исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации включает в себя правомочие распоряжения, однако относительно возможности определения юридической судьбы исключительного права на средства индивидуализации законодатель зачастую устанавливает определенные ограничения ввиду особенности объекта таких прав. Средства индивидуализации часто используются в целях недобросовестной конкуренции, кроме того, распоряжение исключительными правами на них может вводить потребителя в заблуждение относительно товара, его изготовителя или места производства. Ввиду этого очевидно, что зачастую вводимые ограничения оправданы. В отношении НМПТ и ГУ вопрос об ограниченности оборотоспособности исключительных прав встает еще более остро в силу специфики таких объектов. Упомянутые выше средства индивидуализации производят на потребителя еще более яркое впечатление о товаре или услуге. К тому же доверие к НМПТ и ГУ, как правило, выше ввиду их государственной регистрации, чему предшествует длительная процедура проверки обозначения на соблюдение критериев охраноспособности.

Таким образом, возможность введения потребителя в заблуждение и недобросовестной конкуренции при использовании этих средств индивидуализации очевидно выше, поэтому более строгие требования к распоряжению исключительным правом кажутся рациональными. Однако действующее правовое регулирование может показать излишне императивным.

Согласно пункту 6 статьи 1519 ГК РФ, устанавливающему запрет на любое распоряжение исключительным правом на ГУ, а также пункту 3 статьи 1516 ГК РФ, который указывает на применение норм

---

¹ Регламент Совета Европейского Союза № 6/2002 от 12 декабря 2001 г. о промышленных образцах Европейского Сообщества // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2024).

² Ежегодное официальное издание Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) 2023 8-9 страница // URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/annual-report-2023-short-version.pdf> (дата обращения: 09.03.2024).

о ГУ в отношении НМПТ, можно сделать вывод о полном запрете на любое распоряжение исключительными правами в отношении этих объектов.

Однако ранее, до введения норм о ГУ, правоприменительная практика и разъяснения судов высших инстанций свидетельствовали о менее радикальном подходе. Так, согласно пункту 85 Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 «принадлежавшее индивидуальному предпринимателю исключительное право на наименование места происхождения товара (пункт 1 статьи 1519 ГК РФ), на коммерческое обозначение в качестве средства индивидуализации принадлежащего правообладателю предприятия (пункты 1 и 4 статьи 1539 ГК РФ) переходит по наследству только в случаях, если наследником является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель».

За несколько месяцев до введения норм о ГУ, которое имеет крайне сходную правовую природу с НМПТ, а именно 23.04.2019, вышла новая редакция выше упомянутого Постановления Пленума, которая исключила возможность перехода исключительного права на НМПТ в составе предприятия.

Действительно, распоряжение, например, с помощью лицензионного договора или договора об отчуждении исключительного права противоречит правовой природе этих средств индивидуализации, поскольку тогда бы происходило санкционирование на их использование частными лицами, а не государством. Такая возможность, как и многие другие способы распоряжения исключительным правом на НМПТ и ГУ, способствовали бы возможности введения потребителя в заблуждение и осуществления недобросовестной конкуренции при использовании средств индивидуализации.

Однако, когда речь идет о запрете распоряжения исключительным правом в составе предприятия, данное решение не кажется целесообразным. НМПТ и ГУ обретают сходную правовую охрану, поскольку отвечают определенным критериям: географическая принадлежность, определенное качество, репутация и т.д. Когда собственник отчуждает предприятие целиком, то очевидно, что не изменяется ни его территория, ни технология производства, ни качество производимой продукции. Тогда, почему бы правообладатель не мог передать право на НМПТ или ГУ хотя бы в отношении данного предприятия?

Некоторые ученые придерживаются сходного мнения. По мнению Л.В. Щербачевой, «такой переход прав на НМПТ в составе других имущественных прав представляется необходимым и обоснованным, ведь логично, что место нахождения предприятия, технология производства при эксплуатации предприятия другим лицом, арендатором, не изменится, а значит, не изменятся и особые свойства товаров, в отношении которых ранее было зарегистрировано НМПТ. Между тем запрет перехода этого права к арендатору и его оставление у предыдущего правообладателя влечет исключение этого средства индивидуализации из гражданского оборота и его неиспользование в дальнейшем»¹.

Помимо наследования, также не кажется проблемным допустить возможность иного отчуждения исключительных прав на НМПТ и ГУ в составе предприятия, например, путем продажи предприятия, в составе которого имеется НМПТ, аренды предприятия.

Даже если законодатель и категоричен в отношении абсолютно любого распоряжения исключительным правом на такие средства индивидуализации, то логичным выглядела бы возможность новых собственников предприятия получить правовую охрану НМПТ и ГУ в какой-либо упрощенной форме.

Учитывая все вышесказанное, считаю необходимым введение возможности распоряжения исключительными правами на НМПТ и ГУ в составе предприятия или хотя бы упрощенной процедуры регистрации НМПТ и ГУ для новых владельцев предприятия. Такое решение кажется рациональным, целесообразным и не противоречащим правовой природе средств индивидуализации, используемых для индивидуализации товаров, традиционно производимых в определенной местности.

Кашаева А. И.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Роль и значение презумпций в современном авторском праве

Ежегодно институт защиты авторских прав становится все более актуальным. Результаты интеллектуальной деятельности окружают каждого человека в его повседневной жизни. Некоторые из них помогают людям получать новые знания, другие облегчают их профессиональную деятельность, третьи скрашивают свое свободное время. Развитие цифровых технологий, таких как искусственный интеллект и виртуальная реальность, а также компьютеризация и глобализация сделали возможность обеспечения защиты

---

¹ Щербачева Л. В. Правомочие использования исключительного права на наименование места происхождения товара // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 101–104.

авторских прав более трудной. Это проявляется в сложности защиты как личных неимущественных, исключительных и иных прав.

Анализируя судебную статистику, можно сделать вывод о том, что за последнее десятилетие количество споров о защите авторских прав непрерывно возрастает. Это связано с развитием современных технологий, позволяющих создавать, размещать и получать доступ к объектам авторских прав более легким и быстрым способом. В связи с этим видится необходимым исследовать и проанализировать один из наиболее важных аспектов авторского права – презумпции. Актуальность исследования основных презумпций – творчества и авторства – обусловлена их повсеместным и постоянным применением при рассмотрении юридических споров по поводу нарушения авторских прав. В подобных спорах установить обстоятельства, имеющие юридическое значение, является чрезвычайно непростой задачей. Наличие презумпций делает судебный процесс значительно легче и менее затянутым по времени, так как освобождает стороны от бремени доказывания резюмируемых фактов. Презумпции, в том числе творчества и авторства, не только облегчают судебный процесс по спорам в области авторских прав, но и являются своеобразной гарантией для самих авторов.

Презумпция является «распространенной правовой конструкцией, представляющая собой правило, утверждающее наличие или отсутствие фактов до предоставления доказательств или запрещающее их опровержение»¹. Фактически презумпции в юриспруденции представляют собой предположения или допущения, которые считаются истинными до тех пор, пока не доказано обратное. Презумпции являются неотъемлемой частью практически всех отраслей права, например, презумпция невиновности в уголовном праве, презумпция вины в гражданском праве, презумпция экологической опасности, планируемой хозяйственной и иной деятельности в экологическом праве и иные. Авторское право также является отраслью права, в которой они играют немаловажную роль. Основной сложностью в разрешении споров, затрагивающей авторские права, является необходимость сохранения баланса интересов между авторами, иными правообладателями и лицами, использующими произведения.

Говоря о правовой природе презумпций, следует отметить, что большинство из них закреплены на законодательном уровне или же выведены в судебной практике. Они чаще всего затрагивают основные аспекты правоотношений, такие как, например, определение субъектного состава правоотношений, их права и обязанности, условия охраны и способы защиты объектов правоотношений. Главным достоинством презумпций является то, что они обычно создаются не как искусственные конструкции, сформулированные законодателем и судами, а как модели поведения субъектов правоотношений, закрепленные на основании практики, сложившейся в данной сфере².

Основными презумпциями в авторском праве являются презумпция творчества и презумпция авторства. Основываясь на п. 1 ст. 15 Бернской конвенции³ и ст. 1257 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)⁴ под презумпцией авторства следует понимать предположение о том, что автором произведения является лицо, указанное в этом качестве на оригинале, экземпляре произведения или иным подобным способом.

Эти нормы говорят, что в случае возникновения спорной ситуации автором объекта авторских прав будет считаться лицо, предоставившее оригинал или экземпляр произведения, на котором он указан как автор. Данное указание может быть размещено на титульном листе, в оглавлении или прямо в тексте произведения. Следовательно, лицо, указанное в качестве автора на произведении, считается таковым до тех пор, пока в ходе судебного разбирательства не будет доказано иное.

Презумпция авторства призвана облегчить доказывание самим автором его авторства в отношении произведения и тем самым защитить автора от необоснованных обвинений в плагиате⁵. Но также не следует недооценивать еще одну функцию презумпции авторства. Наличие любой презумпции в первую очередь рассчитано на преодоление ситуаций, когда установить какое-либо обстоятельство достаточно затруднительно или невозможно. В подобных случаях презумпции способствуют устранению правовой неопределенности и позволяют избежать непреодолимых трудностей в правоприменительной практике.

---

¹ Котельников Н. В., Мородумов Р. Н. Основные презумпции авторского права // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 4 (33). С. 285–289.

² Капырина Н. И. Презумпции в авторском и смежных правах, сравнительный опыт России и Франции // Журнал Суда по интеллектуальным правам : март 2023. Вып. 1 (39). С. 96–119.

³ Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9. С. 3–34.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023, с изм. от 14.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2024).

⁵ Авторское право и смежные права / под ред. проф. И. А. Близнеца. М. : Проспект, 2011. С. 416.

Следует отметить некоторые особенности применения презумпции авторства. Во-первых, она может применяться исключительно в том случае, если произведение было обнародовано с согласия автора. Во-вторых, распространяется и на неоконченные произведения тоже¹. В случае обнародования произведений анонимно или под псевдонимом, презумпция авторства также будет действовать. Положения ГК РФ устанавливают, что до момента раскрытия личности автора произведения, издатель, чье именование указано на произведении, является лицом, обладающим правомочием защиты авторских прав.

Презумпция творчества, в свою очередь, подразумевает под собой ситуацию, в которой результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом, пока не доказано иное. В отличие от презумпции авторства, данная презумпция не нашла четкого закрепления в Гражданском кодексе, однако Верховный суд в своем Постановлении «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» формулирует ее основные положения².

Практически для всех произведений науки, литературы и искусства творческий вклад автора в их создание очевиден. Однако, к объектам авторских прав относятся и иные результаты интеллектуальной деятельности, которые не обладают настолько выраженным творческим характером, например, некоторые виды фотографии, географические карты и схемы, всевозможные базы данных, а также программы для ЭВМ. Именно правоотношения, возникающие относительно подобных объектов, часто бывают спорными. Как в международно-правовых актах, так и нормах российского законодательства отсутствует определение «творческого труда», и его закрепление является в большей степени невозможным, поскольку каждый человек по-разному определяет действия, относящиеся к творческой деятельности.

В науке существует мнение, что оспорить презумпцию творчества практически невозможно. Долгое время она опровергалась путем доказывания отсутствия новизны, уникальности и оригинальности результата интеллектуальной деятельности, однако сейчас подобные доводы могут оказаться недостаточными, поскольку в своем Постановлении Верховный Суд РФ указывает, что «само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом»³.

Обе презумпции находят отражение в Бернской конвенции и в законодательстве большинства стран мира, например, в Французском кодексе интеллектуальной собственности, Законах об авторском праве Германии и США.

В США презумпция авторства основана на том, что автором произведения считается лицо, создавшее его в результате творческого процесса. В случае споров о праве авторства суды могут применять различные критерии для определения авторства, такие как доказательства о времени создания произведения, оригинальности и интеллектуального вклада автора.

Подводя итог всему вышеизложенному, необходимо отметить, что институт презумпций имеет огромное значение в российском авторском праве. Презумпции выступают своеобразным гарантом прав автора произведения, а также они призваны облегчить доказывание самим автором его авторства и тем самым защитить автора от необоснованных обвинений в плагиате. Также презумпции призваны закрепить сложившиеся экономические и социальные отношения и повысить правовую определенность для поддержки развития деятельности по созданию объектов интеллектуальной собственности. Исследование роли презумпций в авторском праве позволяет лучше понять механизмы защиты авторских прав, а также выявить возможные улучшения в законодательстве и практике применения авторского права. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать развитию эффективных механизмов защиты авторских прав и содействовать разрешению споров, связанных с авторством произведений.

---

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 03.12.2021 по делу № А56-6937/2020; определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.02.2021 № 307-ЭС20-23585 по делу № А56-93223/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.03.2024).

³ О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации № 5/29 от 26.03.2009 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 6.

Коада А. Е.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

К вопросу о разграничении понятий «адаптация» и «модификация» программ для ЭВМ и баз данных

Программы для ЭВМ и базы данных получили правовую охрану сравнительно недавно. Правовое регулирование отношений по поводу таких объектов развивается стремительно, однако все еще остаются вопросы, требующие более детального изучения и регламентирования.

Немаловажным элементом в исследовании исключительных прав на программное обеспечение и базы данных является изучение разновидностей ограничений таких прав, благодаря которым устанавливается баланс между интересами общества и правообладателя.

В указанном аспекте одной из значимых проблем является определение понятия «модификация», закрепленное законодателем не совсем четко и последовательно. Немаловажным также представляется его разграничение с понятием «адаптация», имеющее большое значение для квалификации правомерности использования объектов интеллектуальных прав. Для рассмотрения этого вопроса предлагается обратиться к легальным дефинициям названных способов использования, а также их определениям, данным в доктрине и судебной практике.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ вышеизложенные понятия содержатся в статьях 1270, 1280. Так, согласно подпункту 9 пункта 2 статьи 1279 ГК РФ под переработкой (модификацией) программы для ЭВМ или базы данных понимаются любые их изменения, в том числе перевод такой программы или такой базы данных с одного языка на другой, за исключением адаптации, то есть внесения изменений, осуществляемых исключительно в целях функционирования программы для ЭВМ или базы данных на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя. В подпункте 1 пункта 1 статьи 1280 ГК РФ понятие адаптации упоминается как случай свободного использования программного обеспечения и определяется как «внесение в программу для ЭВМ или базу данных изменений исключительно в целях их функционирования на технических средствах пользователя, исправление явных ошибок».

Итак, законодатель дает понятие модификации путем исключения действий, характеризующих адаптацию. Однако понимание модификации остается открытым для правоприменителя, что позволяет толковать его широко. В связи с этим могут возникать проблемы на практике.

При разделении понятий «модификация» и «адаптация» в законе использован лишь целевой критерий. Действия по адаптации программного обеспечения производятся с целью обеспечить работоспособность программы на конкретных устройствах пользователя. Что касается модификации, то здесь нет конкретных критериев для определения ее целей, главное – чтобы они не совпадали с целями адаптации².

Благодаря доктринальным позициям различия рассматриваемых понятий можно определить более четко. Так, выделяют следующие критерии изменений в исходный/объектный код программы, характеризующие их как адаптацию: 1) без внесенных изменений программного обеспечения (далее также – ПО) не является работоспособным; 2) благодаря таким изменениям ПО может функционировать на определенных технических средствах пользователя; 3) ПО становится неработоспособным также при отмене указанных изменений и при переносе таких изменений на другое техническое средство³.

Следовательно, адаптация является не сколько существенным изменением программы, сколько технической операцией, которую может совершить любой пользователь без согласия правообладателя в целях обеспечения функционирования ПО.

Модификация же сходна выпуску новой программы для ЭВМ, поскольку связана с внесением в программу более существенных изменений, чем адаптация. Использование такого «модифицированного» произведения на бездоговорной основе является само по себе нарушением авторских прав (как имущественные права, так и право на неприкосновенность произведения). Поскольку правообладатель

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Российская газета. 22.12.2006. № 289.

² Письмо Минцифры России от 27.01.2022 № П11-2-05-200-3571 «О рассмотрении обращений субъектов предпринимательской деятельности и заинтересованных лиц в сфере информационных технологий» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2024).

³ Чубукова С. Г. Практические критерии для квалификации адаптации программного обеспечения // Петербургский правовой портал. 2021. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2024).

программного обеспечения является так называемым «уникальным экспертом»¹ относительно внесения изменений в программу для ЭВМ, его мнение имеет большое значение и должно быть главенствующим.

При анализе судебной практики можно сделать вывод, что понятие «адаптация» используется судами в значении статьи подпункта 1 пункта 1 статьи 1280 ГК РФ. Полнота этой дефиниции не вызывает сомнений².

Между тем при характеристике «модификации» у судов сложились различные подходы. Наиболее часто встречающиеся определения дублируют легальную дефиницию – путем исключения из действий адаптации³. Однако встречаются и более интересные понятия. Так, например, под модификацией понимается изменение функциональности программы, появление новых свойств и возможностей программы, автоматизация неавтоматизированных ранее ручных операций, иные доработки, выходящие за пределы адаптации программы⁴.

Также судебная практика подтверждает описанное выше положение о том, что нарушением исключительных прав правообладателя является проведение действий по модификации ПО без его согласия. Суды удовлетворяют требования истцов о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на программное обеспечение при доказанности факта неправомерного использования ответчиком спорных программ. В частности, требование может быть удовлетворено, если установлено, что программные продукты запускались ответчиком без обязательного ключа защиты, что свидетельствует об их модификации, о незаконности использования программ для ЭВМ и нарушении исключительных прав истца⁵.

Таким образом, необходимо различать понятия «модификация» и «адаптация» при использовании программного обеспечения и баз данных, поскольку разграничение указанных понятий напрямую связано с правомерным и неправомерным использованием произведений. Ошибочная квалификация изменений в программное обеспечение или базу данных может привести к нарушению исключительных прав правообладателя результата интеллектуальной деятельности, а вследствие – и к возложению на пользователя ответственности за такое нарушение. Для более четкого разграничения рассматриваемых понятий предлагается руководствоваться выводами судебной практики и доктринальными позициями по этому вопросу.

Ковалева Я. Ю.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Пародия как объект авторского права

В п. 4 ст. 1274 Гражданского кодекса РФ закреплено, что создание произведения в жанре пародии на основе другого (оригинального) правомерно обнародованного произведения и использование этих пародий допускаются без согласия автора или иного обладателя исключительного права на оригинальное произведение и без выплаты ему вознаграждения. В соответствии с данной нормой не ясно, что вообще представляет собой пародия, каковы критерии отнесения объекта к пародиям, исходя из других нормативно-правовых актов, такой вывод также сделать нельзя. При этом отсутствие четкой регламентации данного объекта порождает ряд проблем, так как создание пародий влечет использование чужого оригинального произведения без согласия правообладателя, что при неправильном толковании существа пародий может существенно ограничить права правообладателя.

В законодательстве Российской Федерации не содержится легальное определение пародии. Для того чтобы выяснить содержание данного понятия можно обратиться к общеупотребимому значению, а затем попытаться соотнести со значением, применяемым в юриспруденции. Так, в соответствии со словарем

---

¹ Шмарева А. А. Пределы внесения изменений в программу для ЭВМ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2024).

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2023 № 09АП-53118/2023 по делу № А40-106312/2020; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.12.2018 № С01-1116/2017 по делу № А45-13248/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2024).

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.10.2018 № С01-658/2018 по делу № А53-27792/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2024).

⁴ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.08.2016 по делу № А40-154016/14-27-1300 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2024).

⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.11.2023 № С01-1929/2023 по делу № А36-7440/2022»; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.04.2023 № С01-526/2023 по делу № А60-24403/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Ожегова С.И., пародия – это «комическое или сатирическое подражание кому-чему-нибудь»¹. В соответствии с определением Ушакова Д.Н. пародия – «сатирическое произведение в прозе или в стихах, комически имитирующее, высмеивающее какие-нибудь черты других литературных произведений»².

При этом сложно соотносить данные общеупотребимые определения с юриспруденцией, так как филологическое и правовое понимание имеют разные задачи и цели. Поэтому некоторые ученые выделили характерные юридические признаки пародий. Так, Ворожевич А.С.³ выделяла следующие признаки пародии: 1) творческий характер; 2) нацеленность на создание комического эффекта; 3) между оригинальным произведением и пародией должна существовать ассоциативная связь; 4) пародия не должна смешиваться с оригинальным произведением; 5) предметом пародии должно быть оригинальное произведение. Витко В.С.⁴ выделяла следующие признаки пародии: комичный эффект; узнаваемость пародии из-за ее тесной взаимосвязи с оригиналом произведения. К данным признакам Герасимова Е.⁵ добавила такой признак как личный творческий вклад.

В судебной практике также можно выделить ряд признаков пародии. Так, в деле № А40-125210/09⁶ Арбитражный суд г. Москвы выделил такие признаки: пародия должна быть неизменно связана с комическим эффектом и должна быть сразу же узнаваема, соответственно, пародия не может быть совершенно отделена от оригинального произведения, так как в этом случае пропадает сам смысл создания пародии. В Постановлении Президиума ВАС РФ по делу № А40-38278/2012-12-166⁷ суд сделал вывод, что при создании пародии первоначальное оригинальное произведение должно быть в центре нового, а не быть его фоном.

В соответствии с вышеизложенным, можно выделить следующее определение пародии в юридическом смысле. Пародия – это самостоятельное произведение комического характера, предметом которого является другое оригинальное произведение, а признаком является узнаваемость оригинального произведения и творческий характер.

Важной проблемой при определении природы пародии является вопрос о заимствованиях из оригинального произведения. На данный момент законом не определен объем заимствований. При этом несомненным признаком пародии является именно узнаваемость из-за тесной взаимосвязи с оригиналом произведения, поэтому нельзя отрицать, что заимствования должны иметь место в достаточном объеме, чтобы пародия имела связь с оригиналом. Как правило, объем допустимых заимствований определяется уже судом индивидуально по каждому спору в отношении отдельной пародии, так как определить такой объем для всех видов пародий очень сложно. В пример можно привести одно из вышеназванных дел, когда суды разных инстанций по-разному определили допустимый объем заимствований. Так, в деле № А40-38278/2012-12-166 суды трех инстанций, рассматривая дело об использовании музыкальных произведений в телешоу «Стиляги», признали такое использование пародией. Суд кассационной инстанции отметил, что правообладатель не может запрещать создание пародии на том лишь основании, что меняется часть сложного произведения и при этом не изменяются иные его части, так как Гражданским кодексом РФ не регламентирован объем, способ или художественная форма использования оригинального произведения для создания пародии на него. Но в надзорной инстанции Президиум ВАС высказал иное мнение и указал, что правомерная пародия должна изменять не только одну часть сложного произведения, а все, в том числе и музыку.

По моему мнению, необходимо, чтобы допустимый объем заимствований распространялся только на объект пародирования. При этом допустимым можно считать использование и иных частей оригинального произведения, если их заимствование необходимо для связи с оригиналом произведения. При выяснении

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование, 2015. 1375 с.

² Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.).

³ Ворожевич А. С. Пародия как случай свободного использования объекта авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 10. С. 15–22.

⁴ Витко В. О правовой природе пародии // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права, 2019. № 4. С. 6.

⁵ Герасимова Е. Проблема правового регулирования создания пародии на произведение в РФ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2009. № 4. С. 26.

⁶ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.01.2011 по делу № А40-125210/2009 // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/454517374?ysclid=lsed2casnm599552519>.

⁷ Постановление Президиума ВАС РФ от 19.11.2013 № 5861/13 по делу № А40-38278/2012-12-166 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=382235&ysclid=lsedplzidl442064095#6d89m3UZUWd5ht7B>.

допустимого объема заимствований необходимо учитывать, что если из пародии можно убрать какую-либо заимствованную часть оригинального произведения без угрозы потери связи с оригиналом и без угрозы нанесения ущерба содержанию пародии, то в данном случае можно говорить о превышении допустимого объема заимствований. Так, если в пародии использовалось музыкальное произведение целиком, хотя было достаточно узнаваемой части, то в данном случае речь идет о превышении необходимого объема использования.

Следующей проблемой при определении правовой природы является вопрос о производном характере пародий. В науке существует две основные точки зрения по этому вопросу. В соответствии с первой точкой зрения пародию считают самостоятельным произведением. Так, В. Вольфсон утверждает, что «пародия должна быть признана самостоятельным, причем оригинальным, а не производным произведением; она не заслуживает ни суррогатного статуса изъятия, ни разрешительного режима переработки»¹. В соответствии со второй точкой зрения пародия является производным произведением. Большинство ученых обосновывают это тем, что пародия по способу создания всегда производна. Если обратиться к гражданскому кодексу, то там пародия прямо не отнесена к производным произведениям. Также при создании производного произведения требуется согласие автора оригинального произведения, но создание пародий такого требования не содержит, наоборот, там предусмотрено создание без согласия автора произведения.

По моему мнению, пародия является самостоятельным объектом, так как имеет существенные различия с производным произведением. Во-первых, в производном произведении при переработке основная мысль автора не меняется, а в пародии меняется идея оригинального произведения. Во-вторых, в производном произведении изменяется внешняя форма, а в пародии изменяется именно содержательная часть. Также на самостоятельный характер пародии указывает и то, что одним из выделяемых критериев пародии является творческий характер, который отсутствует в производном произведении.

Таким образом, пародия является самостоятельным объектом авторского права. Данная категория считается достаточно неурегулированной в современном законодательстве и судебной практике, ввиду чего возникает ряд проблем в правоприменении. Данные проблемы не позволяют в полной мере развиваться такому жанру как пародия. Поэтому необходимо решить эти проблемы путем внесения изменений в гражданское законодательство в части определения правовой природы пародий. Прежде всего, следует урегулировать вопрос с объемом заимствований, так как пробел в данном вопросе вызывает больше всего споров. Решение этой проблемы возможно по аналогии с цитированием путем определения в ГК РФ, что использование оригинального произведения в пародии правомерно в объеме, оправданном целью пародии.

Козин С. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Гражданско-правовой режим ремиксов музыкальных произведений

Согласно ст. 1259 ГК РФ, музыкальные произведения относятся к произведениям науки, литературы, искусства и признаются российским законодателем в качестве объекта правовой охраны². Соответственно, авторам музыкальных произведений в полной мере принадлежат авторские права, предусмотренные ст. 1255 ГК РФ.

С каждым годом на музыкальных стриминговых сервисах (таких, как Яндекс Музыка, VK музыка, Apple Music, Spotify и др.) возрастает количество музыкальных произведений, которые являются ремиксами иных композиций³. В связи с этим возникает вопрос об их правовом режиме. На сегодняшний день отсутствует четкое понимание юридической характеристики рассматриваемого объекта, а также комплексное представление о возможности совершения в отношении него тех или иных действий, направленных на возникновение правовых последствий, в силу чего данный вопрос является актуальным в настоящее время.

¹ Вольфсон В. Парадоксы правообъектности: цитата и аллюзия; пародия – пастиш // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2003. № 10. Ст. 11.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006. № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023, с изм. от 14.12.2023) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496 ; СЗ РФ. 2022. № 25. Ст. 4594.

³ См., например: Плейлист «Хиты в ремиксах» // музыкальный стриминговый сервис Apple Music. URL: <https://music.apple.com/ru/playlist/хиты-в-ремиксах/pl.6b9e0b740c9c48999b0c4679835715ab> (дата обращения: 09.02.2024).

Во-первых, следует дать определение понятию ремикса. Он представляет собой версию музыкального произведения, записанную позже оригинального варианта, как правило, в более современной аранжировке¹. Соответственно, ремикс является новой версией музыкального произведения. При этом необходимо отметить, что ремиксы могут создавать как сами авторы композиции, так и третьи лица.

Из проведенного анализа сущности ремикса следует, что он является производным произведением, то есть произведением, представляющим собой переработку другого произведения (пп. 1 п. 2 ст. 1259 ГК РФ).

Согласно ст. 1257 ГК РФ, автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Следовательно, лицо, создавшее ремикс музыкального произведения, признается его автором. В соответствии с п. 1 ст. 1260 ГК РФ автору производного произведения принадлежат авторские права на осуществленную переработку другого произведения.

Авторские права на производное произведение возникают у его автора вне зависимости от наличия согласия автора переработанного произведения на такую переработку, что находит свое подтверждение как в практике Конституционного Суда Российской Федерации², так и в доктрине авторского права³. Соответственно, создатель ремикса обладает авторскими правами на него и без согласия автора оригинального произведения на использование его композиции для создания ремикса.

Необходимо подчеркнуть, что законодатель устанавливает некоторые ограничения в отношении осуществления авторами производных произведений, принадлежащих им авторских прав. Их целью является защита авторских прав создателя оригинального произведения. В случае с ремиксом такие ограничения направлены на защиту прав автора изначальной композиции.

Рассмотрим обозначенные выше ограничения. Так, согласно п. 3 ст. 1260 ГК РФ, автор производного произведения осуществляет авторские права при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для создания производного или составного произведения. На практике данная норма означает, что автор ремикса не вправе реализовать исключительное право на созданное произведение без разрешения правообладателя оригинальной музыкальной композиции.

Под реализацией исключительного права на ремикс понимается, в частности, его распространение на стриминговые сервисы, публичное исполнение, а также совершение иных действий, предусмотренных ст. 1270 ГК РФ, которые направлены на использование ремикса. Таким образом, из вышеизложенного следует, что для совершения данных действий создателю ремикса требуется согласие автора оригинальной музыкальной композиции. Зачастую такое согласие может быть предоставлено в случае указания на автора изначального произведения либо же в случае выплаты ему части роялти⁴ или гонорара, полученной за использование ремикса.

Стоит отметить, что законодатель не устанавливает строгих требований к форме согласия автора оригинальной композиции на использование ремикса его автором. По нашему мнению, наиболее надежным способом фиксации согласия является лицензионный договор, предоставляющий автору ремикса право использовать его по смыслу ст. 1270 ГК РФ.

Необходимо еще раз упомянуть, что только само использование ремикса музыкального произведения требует согласия автора оригинальной композиции. Вышесказанное было отражено в абз. 4 п. 88 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому исключительное право автора производного произведения возникает в силу создания такого произведения, но осуществляться может только с согласия автора оригинального произведения⁵.

В данном контексте важно отметить, что автор ремикса не ограничен в осуществлении таких личных неимущественных прав, как право авторства, право на имя и право на неприкосновенность произведения по причине того, что осуществление автором ремикса данных прав не затрагивает интересов автора

¹ Что такое ремикс // Портал Disco Mixes. URL: <https://discomixes.ru/press/remix.htm> (дата обращения: 25.01.2024).

² См. подробнее: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2022 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Е. Мамичева» // СЗ РФ. 2022. № 26. Ст. 4584.

³ См., например: Гаврилов Э. П. Советское авторское право (Основные положения. Тенденции развития). М. : Наука, 1984. С. 115.

⁴ Роялти – это денежное вознаграждение, которое причитается автору музыкальной композиции за ее прослушивание на музыкальных стриминговых сервисах.

⁵ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

оригинальной композиции¹. Действительно, в силу того, что признание авторства осуществляется на результат собственного труда, оно не может быть ограничено автором первоначального произведения. Следовательно, данные личные неимущественные права автор ремикса вправе осуществлять независимо от согласия автора переработанного произведения.

Иначе дело обстоит с таким личным неимущественным правом автора, как право на обнародование. В соответствии с п. 1 ст. 1268 ГК РФ под данным правом понимается «право осуществить действие или дать согласие на осуществление действия, которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа, публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю либо любым другим способом». По нашему мнению, право на обнародование ремикса невозможно осуществить, не прибегая при этом к вышеупомянутым действиям по их использованию, в силу чего осуществление данного личного неимущественного права без согласия автора оригинальной композиции является нарушением его авторских прав.

Данный подход позволяет соблюсти баланс прав и законных интересов автора ремикса и автора оригинальной музыкальной композиции, поскольку охраняет авторские права первого при создании им произведения и в то же время не допускает нарушения прав второго в случае использования ремикса без его согласия.

Отдельного анализа заслуживает право автора ремикса музыкального произведения на защиту своего нарушенного права. В соответствии с п. 4 ст. 1260 ГК РФ в случае неправомерного использования производного произведения подлежат защите авторские права как автора производного произведения, так и автора оригинального произведения. Данная норма не дает четкого ответа на вопрос о том, подлежат ли защите права автора производного произведения в случае отсутствия согласия автора первоначального произведения.

По нашему мнению, ответ на данный вопрос содержится в абз. 3 п. 88 вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда, в соответствии с которым авторские права создателя производного произведения охраняются как права на самостоятельные объекты авторских прав независимо от охраны прав авторов использованных произведений. Соответственно, автор ремикса музыкального произведения имеет право на защиту своего нарушенного права вне зависимости от наличия согласия автора оригинальной композиции.

Итак, подводя итог, отметим, что гражданско-правовой режим ремиксов музыкальных произведений может быть определен с учетом следующих положений:

- 1) авторские права на данные произведения возникают вне зависимости от согласия автора оригинальной музыкальной композиции;
- 2) автор ремикса вправе осуществлять свои личные неимущественные права автора, за исключением права на обнародование, без согласия автора первоначального произведения;
- 3) реализовать свое исключительное право на ремикс, то есть использовать его по смыслу ст. 1270 ГК РФ, автор может только с согласия автора переработанной композиции;
- 4) защита авторских прав на ремикс осуществляется вне зависимости от наличия согласия автора оригинального произведения.

Таким образом, законодатель обеспечивает комплексную защиту прав автора ремикса, при этом учитывая права авторов первоначальных композиций, что способствует соблюдению баланса прав и законных интересов создателей ремиксов и авторов оригинальных музыкальных произведений.

Козлов Б. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Актуальные проблемы защиты интеллектуальных прав в Российском законодательстве

В настоящее время институт интеллектуальной собственности играет большую роль в жизни человека – как со стороны личных прав человека, так и со стороны получения им экономической выгоды. В современной экономике каждый товар, который был произведен какой-либо фирмой и распространен на определенный рынок сбыта, заключен в правовых рамках интеллектуального права в целях предотвращения издержек, которые возникают из-за недобросовестного поведения участников рынка, таких как: использование и кража чужих технологий, пиратство, подделка и, соответственно, присвоение прибыли за результаты интеллектуальной деятельности других лиц. Большая часть гражданского оборота как раз состоит из

---

¹ Блинец И. А., Витко В. С. Правовые позиции Конституционного Суда РФ в Постановлении от 16 июня 2022 г. № 25-П // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 5–30.

запатентованной продукции, а значит, вопрос о величине значимости интеллектуальной собственности не поднимается, но в связи с этим возникает другой вопрос, касающийся методов защиты и правового регулирования интеллектуальной собственности.

Важнейшим аспектом при поиске ответа на данный вопрос является соотношение норм, регулирующих сферу интеллектуальных прав, национального и международного законодательства. В основном, это связано с тем, что исторически в России данный институт появился совсем недавно — лишь в 2006 году, когда в силу вступила четвертая часть Гражданского кодекса РФ. Причина кроется в том, что в период советской власти интеллектуальная собственность рассматривалась как коллективное достояние, и понятие авторского права было не так актуально, как в современном мире. Поэтому после распада СССР и перехода к рыночной экономике, Россия столкнулась с необходимостью разработки и совершенствования законодательства в области интеллектуальной собственности, и опираться оно могло только на международные нормативные правовые акты. Именно потому, что Российское законодательство в данной сфере все еще недостаточно развито, чтобы решить актуальные проблемы необходимо проанализировать опыт законодательной деятельности других стран, которые являются передовыми в данной сфере, извлечь интересующие нормы, а в дальнейшем усовершенствовать их и встроить в уже существующую систему.

В эпоху вызовов, возникающих на пути Российской Федерации, и возможностей, который впоследствии поспособствуют ее развитию, особенно остро стоит вопрос, касающийся импорта товаров из-за рубежа. В связи с громкими внешнеполитическими событиями и последующими пакетами санкций в стране возникла нестабильная экономическая обстановка. Санкции были наложены не только со стороны других государств в виде различных ограничений торговли, но и со стороны Транснациональных корпораций. В связи с этим в Россию был ограничен ввоз множества товаров: начиная с бытовой химии, косметики, одежды, заканчивая автомобилями, компьютерными и мобильными устройствами, медицинскими препаратами и техникой, необходимой для производства и т.д. Во время наложения санкций экономика государства могла не выдержать подобные ограничения, ведь доля отечественного производства была не столь высока, чтобы удовлетворить спрос на рынке, поэтому были необходимы экстренные меры. Таким образом, было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 года — документ, который по своему существу временно легализовал параллельный импорт для отдельных групп товаров. Данное событие вызвало резкую реакцию международных организаций, неоднозначные оценки экспертов, а также достаточно большое количество денег в российскую экономику. Далее проведу подробный анализ такого явления как «параллельный импорт», его влияние на рынок и гражданский оборот.

Параллельный импорт — это процесс, при котором товары официально производятся и распространяются в одной стране, а затем несанкционированно ввозятся и продаются в другой стране без согласия правообладателя или производителя. В контексте интеллектуальной собственности, параллельный импорт относится к ситуации, когда продукты, защищенные патентами, авторскими правами или другими видами интеллектуальной собственности, легально выпускаются в одной стране правообладателем или производителем, затем импортируются и продаются в другой стране без согласия правообладателя. Это может привести к нарушению прав интеллектуальной собственности, поскольку правообладатель теряет контроль над ценами, качеством и дистрибуцией своих продуктов.

Понятие параллельного импорта вошло в РФ в 2002 году, и вплоть до 2009 года велась жесткая борьба с ним — к нарушителям применялись не только нормы гражданского, но и административного законодательства (далее — только гражданского). К 2018 году сложилась новая практика решения судебных дел, связанных с нарушением норм в данной сфере, которая предполагала наложение обязанности импортера реэкспортировать товар, то есть вернуть его в ту страну, в которой был приобретен товар. В конечном итоге, параллельный импорт в стране запрещен статьями 1359 и 1487 ГК РФ, за исключением отдельных групп товаров, упомянутых в Постановлении Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 года. Данное явление указывает на неопределенность в законодательстве.

Более того, запрет на параллельный импорт несет большое количество издержек, которые не оправдывают свою цену:

- 1) Контроль и надзор — Правительству необходимо обеспечить контроль и надзор над ввозимыми товарами, что требует значительных ресурсов на содержание органов, осуществляющих этот надзор
- 2) Судебные издержки, то есть рассмотрение дел, связанных с параллельным импортом, требуют значительных денежных, временных и трудовых затрат на судебные процедуры и решения
- 3) Юридические издержки — выделение средств на разработку, поддержку и развитие законодательства, регулиующую данную сферу

4)Альтернативные издержки: параллельный импорт расширяет выбор для потребителя, а повышение конкуренции и предложения на рынке способствует понижению цен на товары, что увеличивает покупательную способность граждан, что способствует стимулированию экономики в целом¹.

Помимо санкционно-реакционной предпосылки легализации параллельного импорта, у Российской Федерации есть также и правовая предпосылка.

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности или Соглашение ТРИПС – международное соглашение, входящее в пакет документов о создании Всемирной торговой организации. Соглашение устанавливает минимальные стандарты для признания и защиты основных объектов интеллектуальной собственности, данное соглашение также устанавливает общие положения, касающиеся регулирования данного института. Россия, как и множество других стран, подписала данное соглашение и в 2012 вступила во Всемирную Торговую организацию.

Во всем мире распространены 3 принципа – теории исчерпания права интеллектуальной собственности: региональный, национальный и международный.

Региональный принцип предполагает, что исчерпание прав на товарный знак происходит после первой продажи в какой-либо из стран, которые находятся в составе той или иной международной интеграционной организации.

Национальный признак говорит о том, что исчерпание прав наступает после первой продажи только в данной стране.

Международный принцип закрепляет, что исчерпание права на товарный знак происходит после первой продажи в любой точке мира, независимо от государства, соответственно, товар можно перепродавать без разрешения правообладателя, что по своей сути и является параллельным импортом.

Статья 6 соглашения ТРИПС говорит о том, что все страны – члены ВТО вправе самостоятельно выбрать принцип, согласно которому происходит исчерпание права, то есть его прекращения, а значит, что Российская Федерация на правах членства ВТО обладает свободой выбора принципа исчерпания права, равно тому, как это сделали США с международным принципом или Европейский Союз с региональным. А значит негативную реакцию² международного сообщества на частичную легализацию параллельного импорта в РФ можно считать необоснованной и неправомерной.

Подводя итоги, работа государственных органов должна быть нацелена не только на сам факт введения международного принципа исчерпания прав, но и на обеспечении участников рынка комфортными условиями. Когда речь заходит о легализации параллельного импорта важно отметить, что в первую очередь она должна распространяться на дефицитную группу товаров. Таким образом, должны соблюдаться интересы всех участников рынка: и потребителей, и правообладателей.

Коломенская Е. Е.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблемы правового регулирования отношений в сфере охраны служебных произведений в Российской Федерации

В настоящее время правоотношения в сфере интеллектуальной собственности связаны с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности в ходе выполнения автором произведения своих трудовых обязанностей. Объекты авторских прав также не являются исключением. В связи с этим необходимо упомянуть тот факт, что весомая часть произведений на сегодняшний день создаются именно в ходе трудовой деятельности работника. К примеру, создание служебных произведений является обязательным компонентом деятельности представителей таких профессий, как фотографы, художники,

---

¹ 15 сентября 2023 года глава Минпромторга Денис Мантуров, основываясь на данных Федеральной Таможенной службы, сообщил о том, что с 17 мая по схеме параллельного импорта в Россию было ввезено товаров на сумму 9,4 млрд долларов, из них в августе – 3,1 млрд долларов. Первый вице-премьер России Андрей Белоусов сообщил, что за 2022–2023 годы в РФ по параллельному импорту было завезено продукции на сумму более 70 млрд долларов.

² Ведомство по интеллектуальной собственности Европейского Союза, а также Ведомство по патентам и товарным знакам США прекратили все действия по сотрудничеству с Федеральной службой по интеллектуальной собственности России (Роспатентом) и Евразийской патентной организацией, штаб-квартира которой находится в Москве.

иллюстраторы, скульпторы. Данные специалисты создают свои произведения изобразительного искусства на основании п. 1 ст. 1295 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹.

Для того чтобы более детально погрузиться в особенности правоотношений в сфере интеллектуальной собственности в рамках создания служебных произведений, следует изучить нормативно-правовую базу. В п. 1 ст. 1295 ГК РФ установлено, что под служебным произведением подразумевается произведение науки, литературы или искусства, созданное в пределах установленных для работника (автора) трудовых обязанностей. Важно подчеркнуть, что спецификой служебных произведений является особая регламентация распределения прав субъектов правоотношений по их созданию и использованию. Исходя из общего правила, в соответствии с п. 2 ст. 1295 ГК РФ² исключительное право на служебное произведение принадлежит работодателю, если трудовым или гражданско-правовым договором между работодателем и автором не предусмотрено иное.

Однако необходимо выделить, что такие факты, как установление трудовых отношений между субъектами, совпадение сферы применения произведения со сферой деятельности работодателя или же факт создания автором произведения в рабочее время или с использованием и применением оборудования работодателя, не могут служить основанием для вывода о том, что созданное автором произведение является служебным³. Исходя из этого положения, становится очевидно, что создание произведения должно быть прямо закреплено в трудовых обязанностях работника⁴.

Кроме того, хочется обратить внимание на положения, сформулированные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, которые определяют произведение как служебное. Первый тезис связан с тем, что задание по созданию произведения должно обязательно входить в трудовые обязанности автора для того, чтобы отнести это произведение к служебному. Второй тезис заключается в описании факта использования автором для создания произведения материалов работодателя. Данный факт сам по себе не является основанием для признания произведения служебным, а не личным произведением работника. Третий тезис определяет, что само содержание трудовых обязанностей работника и факт создания произведения в пределах этих обязанностей доказываются работодателем, а не работником⁵.

Вопрос заключается в том, как разграничивать авторские и исключительные права в случае, если речь идет о том, что в момент создания произведения работник был в отпуске, не работал по причине выходных или праздничных дней. Если подходить к толкованию законодательства Российской Федерации буквально, то служебным произведением является только то произведение, которое создано в рабочее время при выполнении трудовых обязанностей.

Следует иметь в виду, что при доказывании статуса служебного произведения важны доказательства его передачи автором работодателю. Это может подтверждаться посредством подписания акта приема-передачи, предоставления работодателю носителя материальной (объективной) формы, направления электронной формы на корпоративную почту работодателя и передачи в любой иной форме, когда возможно восприятие творческого замысла автора. При этом только сам автор вправе решить, что произведение окончено и может быть передано работодателю. В связи с этим фактом будет интересно рассмотреть спор между художницей Айви Зильберштейн и Twentieth Century Fox о правах на персонажа Скрэта из «Ледникового периода». Персонаж был создан Айви Зильберштейн еще в 1999 году, но компания отказалась от его использования, хотя позже все-таки использовала его в мультфильме без согласия Айви Зильберштейн. В 2003 году суд признал, что права у студии и художницы на персонажа являются одинаковыми. Студия всего лишь перевела его в SD-формат, что является другой объективной формой выражения. Художница посчитала этого недостаточным и обжаловала решение суда. В итоге, киностудия прекратила использование данного персонажа в «Ледниковом периоде 6»⁶.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2024).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС «Гарант» (дата обращения: 05.02.2024).

³ Малахова Н. Л. Еще раз о статусе служебного произведения // Вестник право и управление № 3 – 2023 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-statuse-služebnogo-proizvedeniya> (дата обращения: 05.02.2024).

⁴ п. 104 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2024).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 05.02.2024).

⁶ Яковлев А. Б. Служебное произведение как объект авторского права по законодательству Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: сравнительно-правовой анализ // Вестник образования и право № 4 2016.

Еще одним интересным примером из отечественной судебной практики послужит следующее дело: программист по заданию работодателя приступил к реализации проекта, частью которого было соответствующее программное обеспечение. Именно в этот проект были привлечены иные работники работодателя, а итогом работы стало ноу-хау, имеющее служебный характер. Суд встал на пользу истца, поскольку компания-работодатель предоставила доказательства, которые заключались в том, что программное обеспечение для прибора разрабатывалось по техническому заданию руководства, также были выданы технические задания и составлены графики выполнения работ, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе программное обеспечение, были поставлены на учет. Однако работник данное ноу-хау зарегистрировал на себя, объяснив это позднее технической ошибкой. Несмотря на обстоятельства дела, суд признал факт нарушения исключительного права работодателя и взыскал с работника 300 тысяч рублей компенсации¹.

Дополнительно возможно отнести к признакам служебного характера создания произведения выплату вознаграждения от работодателя. При этом следует отметить, что вознаграждение носит не трудовой, а гражданско-правовой характер. Это тоже нередко приводит к возникновению споров. В одном деле на данное условие как раз и ссылался истец, который в рамках исполнения трудовых обязанностей создал произведение. Тем не менее, ответчик утверждал, что авторское вознаграждение было выплачено истцу в составе заработной платы. Исследовав все материалы дела, суд указал на то, что содержание трудового договора не устанавливает размер, условия и порядок выплаты авторского вознаграждения, которое должно быть выплачено сверх заработной платы. Вместе с тем при разрешении споров необходимо учитывать размер такого вознаграждения. Согласно законодательству Российской Федерации, безвозмездный характер отношений должен быть напрямую предусмотрен законодательством или договором. Соответственно, по своей природе передача прав должна носить возмездный характер. Однако в случае, если размер вознаграждения будет носить номинальный характер, то есть будет существенно ниже средних выплат по лицензионным договорам по аналогичному способу использования произведения, то такая сумма даст автору право оспорить права работодателя на произведение и вернуть себе исключительные права². Вследствие этого признаком служебного произведения можно считать исключительно возмездный характер отношений работника и работодателя³.

В заключение хочется отметить, что вопросы определения и признания произведения в качестве служебного являются актуальными и важными в современной правовой практике Российской Федерации. Особое внимание следует уделить проблеме выплаты вознаграждения автору, поскольку данное обстоятельство наиболее часто служит ключевым признаком при определении статуса произведения. Тем не менее, несмотря на существующие нормативные положения, возникают ситуации, когда определение статуса произведения вызывает споры и неопределенность. Это связано с тем, что технологический прогресс и изменения условий жизни человечества требуют периодического совершенствования правовых норм в этой области. Таким образом, вопрос правового регулирования служебных произведений в Российской Федерации остается важным объектом внимания для законодателя, самих специалистов и работодателей.

Корепина Д. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Момент возникновения исключительного права: неоднозначность вопроса в сфере патентного права

Национальная безопасность Российской Федерации во многом зависит от ее технологического суверенитета. В соответствии с Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁴ одним из стратегических национальных приоритетов Российской Федерации выступает научно-технологическое развитие страны, целью которого является обеспечение независимости и конкурентоспособности государства, что невозможно достичь без создания

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 31.03.2022 по делу № 33-11566/2022 // СПС Консультант (дата обращения: 05.02.2024).

² Новокшонова Н. А. Володина А. В. Служебные произведения: понятие и правовая природа. Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право 2023». Т. 8. Вып. 1 С. 10–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhebnye-proizvedeniya-ponyatie-i-pravovaya-priroda> (дата обращения: 05.02.2024).

³ Определение Верховного Суда РФ от 5 июня 2020 года № 78-КГ20-1 Сайт Верховного Суда Российской Федерации: URL: https://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1894160 (дата обращения: 05.02.2024).

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.02.2024).

эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации. Важным направлением государственной политики в области научно-технологического развития является повышение восприимчивости экономики и общества к новым технологиям. В качестве одной из эффективных мер по его реализации признано управление интеллектуальной собственностью, ее охрана и защита.

В последнее время «зафиксирован тренд» на увеличение количества заявок на объекты патентных прав. За прошедший 2023 год в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент) было подано почти 27 тысяч заявок на изобретения, 23 406 патентов на изобретения было выдано федеральным органом исполнительной власти. В качестве положительной тенденции отмечается активность российских компаний в области интеллектуальной собственности в наиболее важных технологических направлениях (медицинские технологии, биотехнологии, фармацевтика, автомобилестроение и др.)¹.

Согласно ст. 1349 Гражданского кодекса РФ² (далее – ГК РФ) к объектам патентного права относятся результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, отвечающие требованиям к изобретениям и полезным моделям, и результаты интеллектуальной деятельности в сфере дизайна, отвечающие требованиям к промышленным образцам.

Для получения правовой охраны и защиты объекты патентного права обязаны пройти государственную регистрацию в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (Роспатент). Именно эта процедура становится отправной точкой для признания созданных объектов охраноспособными. Однако вопрос о моменте возникновения исключительного права на объекты патентного права является на сегодняшний день наиболее спорным и дискуссионным.

В соответствии со ст. 1353 ГК РФ исключительное право на объекты патентного права признается и охраняется при условии их государственной регистрации. Данное положение находит свое подтверждение и в п. 1 ст. 1232 ГК РФ. Тем самым, пока сведения о результате интеллектуальной деятельности не будут внесены в соответствующий государственный реестр, нельзя говорить о наличии исключительного права на эти объекты.

Наряду с этим, ст. 1353 ГК РФ указывает на необходимость на основании регистрации получения такого охранного документа, как патент. Патент удостоверяет приоритет изобретения, полезной модели или промышленного образца и подтверждает авторство такого объекта. Тем самым, выдача федеральным органом исполнительной власти патента является условием пользования и распоряжения результатом интеллектуальной деятельности его автором или иным патентообладателем. Отсюда, можно сделать вывод о том, что государственной регистрации недостаточно для возникновения исключительного права на объект патентного права.

В то же время, патент, как и само исключительное право, начинают действовать с даты подачи заявки на выдачу патента. Именно дата подачи заявки в Роспатент определяет момент начала течения срока исключительного права на объекты патентного права. На это указывает и ст. 1361 ГК РФ, где право преждепользования на объект, определяется до даты приоритета объекта, т.е. до даты подачи заявки в регистрирующий орган. Однако, говорить, например, о защите исключительного права, которое удостоверяется патентом, можно лишь после государственной регистрации такого объекта.

Таким образом, складывается неоднозначная ситуация в отношении определения момента возникновения исключительного права, что, в свою очередь, порождает и различные позиции на этот счет. Как отмечает Л.А. Новосёлова, – процедура предоставления правовой охраны объектам патентного права урегулирована в гражданском законодательстве так, что вопрос о моменте возникновения исключительного права прямо не разрешен и до настоящего времени остается дискуссионным³.

С одной стороны, без государственной регистрации объект правовой охраны просто не существует. С другой стороны, именно патент выступает гарантом, подтверждающим и удостоверяющим в полном объеме исключительное право. На основании указанного, можно сделать вывод о том, процедура государственной регистрации и процедура выдачи патента находятся в прямой взаимосвязи и дополняют друг друга. Получение патента выступает определяющим моментом в признании исключительного права за патентообладателем, как бы завершая процесс государственной регистрации. Выдача патента порождает

---

¹ Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент). Годовой отчет 2023 года. // URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/annual-report-2023-short-version.pdf> (дата обращения: 03.03.2024).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СЗ РФ. № 52. Ст. 5496.

³ Новосёлова Л. А. Об особенностях некоторых правопорождающих фактов в патентном праве // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 12. С. 19–23.

возможность лица на законном основании решать дальнейшую судьбу запатентованного объекта, а также способность защиты такого объекта от посягательств третьих лиц.

Формируется и другая позиция, относительной которой, патент признается актом ретроспективного действия, т.е. имеет обратный эффект¹. В данном случае, исключительное право также возникает с момента получения (выдачи) патента, однако признается за правообладателем с момента даты подачи заявки в Роспатент.

Целесообразно обратиться к положениям гражданского законодательства о временной правовой охране объектов патентных прав, которая возникает со дня публикации сведений о подаче заявки в Роспатент и действует до даты публикации сведений о выдаче патента (ст. 1392 ГК РФ). Законодатель учитывает, что патентные права могут быть нарушены третьими лицами до официального государственного признания соответствующих патентных прав, в связи с чем, гарантирует уже патентообладателю, помимо прочего, право на получение денежного вознаграждения, размер которого определяется судом исходя из обстоятельства дела. Из указанных положений, следует, что несмотря на возможность ретроспективной реализации правообладателем права на вознаграждение², момент возникновения исключительного права также остается неразрешенным. А исключительное право на момент подачи заявки носит явный условный и ограниченный характер, т.к. необходимо, чтобы заявка была рассмотрена и одобрена соответствующим органом.

Тем самым, наличие в науке гражданского права различных точек зрения теоретиков и споров относительно момента возникновения исключительного права является обоснованным. Прослеживается явное несоответствие между нормами гражданского законодательства о возникновении исключительного права и положений о временной правовой охране. Следовательно, можно обозначить наличие пробелов в законодательстве относительно регулирования вопроса о моменте возникновения исключительного права. Для разрешения сложившейся ситуации, перспективным видится четкое указание в законодательстве конкретного момента возникновения исключительного права на объекты патентного права.

По мнению автора статьи, безусловно, нельзя не согласиться с тем, что исключительное право на объекты патентного права, возникает в силу государственной регистрации, т.к. в отличие от иных результатов интеллектуальной деятельности, например, объектов авторского права, государственная регистрация является обязательным условием для предоставления таким объектам охраны и защиты. Исходя из этого, исследуя вопрос о моменте возникновения исключительного права, стоит опираться все же на положения ст. 1353 ГК РФ. Однако, при этом, необходимо толковать понятие «государственная регистрация» в широком смысле и рассматривать, как самостоятельный институт, включающий в себя ряд взаимно дополняемых элементов: подача заявки, уплата госпошлины, внесение соответствующей записи в государственный реестр, проведение экспертиз, принятие решения о выдаче патента, а также выдача патента.

Тем самым, государственная регистрация выступает единой административной процедурой, а выдача патента и процесс подачи заявки в Роспатент признаются ее составляющими. Формируется так называемый юридический состав³, где завершающим юридическим фактом, способствующим формированию исключительного права – является момент выдачи (получения) патента. Лишь наличие в совокупности вышеперечисленных элементов может способствовать возникновению исключительного права. Однако в отдельности, каждое из этих действий возникновения такого права не влечет. Именно в этом проявляется особенность отношений, связанных с предоставлением государством правовой охраны и защиты на объекты патентного права.

---

¹ Гаврилов Э. П., Гаврилов К. М. Когда начинают действовать исключительные права // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2013. № 9. С. 32–36.

² «Датой возникновения временной правовой охраны является дата публикации сведений о заявке, но реализация прав, предоставляемых таким видом охраны, возможна лишь после получения патента на изобретение, в отношении которого возникла временная охранка. Именно это обстоятельство зафиксировано в п. 2 ст. 1392.» // Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) (отв. ред. Л. А. Трахтенгерц («Контракт» «Инфа-М», 2009)).

³ Новосёлова Л. А. Об особенностях некоторых правопорождающих фактов в патентном праве // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 12. С. 19–23.

Косова Д. Д.

Саратовская государственная юридическая академия

Студент

Правовая охрана товарного знака в России

В связи со стремительным развитием и усложнением экономических отношений важное значение имеет проблема правовой защиты результатов интеллектуальной собственности и средств индивидуализации, поскольку от защиты объектов интеллектуальной собственности зависит их коммерческое применение. Поэтому правовая охрана данного института является одной из основных задач Российской Федерации.

Точного определения результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в законе не содержится. Однако, Гражданский кодекс Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) включает в себя статью 1225, определяющую исчерпывающий перечень объектов интеллектуальной собственности. Одним из таких объектов является такое средство индивидуализации как товарный знак.

Статья 1477 ГК РФ определяет товарный знак как обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, признаваемое исключительным правом.

Некоторые виды товарных знаков определены в законе. В их число входят: словесные, изобразительные, объемные и др., а также они могут иметь разный цвет и цветовое содержание (ст. 1482 ГК РФ). Товарный знак может состоять из фирменного наименования, символов, коммерческого обозначения, звуковые и объемные обозначения, а также их комбинации.

Основным средством правовой защиты товарного знака служит государственная регистрация. Осуществляет регистрацию Федеральная служба по интеллектуальной собственности или Роспатент (ст. 1480 ГК РФ). В государственный реестр вносятся сведения о регистрации товарных знаков, в связи с чем выдается соответствующее свидетельство. Данная правовая процедура позволяет юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям официально его использовать и именовать продукцию для коммерческой реализации, а также делает возможным передачу права использования товарного знака на основе лицензионного договора.

Правообладатель товарного знака, исходя из статьи 1485 ГК РФ, имеет право использовать знак охраны, что свидетельствует о правовой защите средства индивидуализации и запрете использования товарного знака без согласия правообладателя. Это позволяет вести законную борьбу с конкурентами, требовать устранения незаконно размещенного, контрафактного материального носителя из оборота (ст. 1515 ГК РФ), иначе недобросовестные участники гражданских правоотношений могут быть привлечены к гражданско-правовой, уголовной или административной ответственности. Необходимо отметить, что ввиду неиспользования и невостребованности на протяжении трех лет, правовая охрана товарного знака может быть отменена (п. 1 ст. 1486 ГК РФ). В ноябре 2023 года Верховный Суд РФ опубликовал Обзор о спорах по товарным знакам², в соответствии с 1 пунктом которого неиспользование товарного знака не признается злоупотреблением правом, кроме того, урегулирован вопрос добросовестности правообладателя. В законодательстве определены основания отказа в госрегистрации (ст. 1483 ГК РФ).

Данная область права содержит большое число проблемных вопросов, причинами которых является наличие пробелов в законодательстве, а также отсутствие единства в судебной практике по решению аналогичных вопросов.

Актуальной проблемой также является неоднородное разрешение дел судами по вопросам, связанным с установлением размера компенсации. В соответствии с п. 4 ст. 1515 ГК РФ суды назначают размер компенсации по своему усмотрению в зависимости от характера нарушения, что на практике приводит к различным решениям судов по аналогичным делам. В своем постановлении³ Конституционный Суд РФ признал данный пункт несоответствующим Основному закону⁴.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4 от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

² Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков от 15.11.2023 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461874/ (дата обращения: 10.02.2024).

³ Постановление КС РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подп. 1 ст. 1301, подп. 1 ст. 1311 и подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Российская газета. 2016.

⁴ Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 10.02.2024).

В п. 2 статьи 1229 ГК РФ указано, что исключительное право на средства индивидуализации может принадлежать одному или нескольким лицам совместно. Однако, в своем определении¹ Верховный Суд РФ установил, что, согласно российскому законодательству, не осуществляется регистрация исключительного права на товарный знак на несколько лиц, кроме как регистрации коллективного товарного знака. Большинство развитых стран практикуют регистрацию права на нескольких лиц, используя при этом дополнительные соглашения между лицами, что в последующем исключает возможность появления споров между ними.

В законодательстве отсутствуют нормы, регулирующие правовую охрану товарных знаков в сети Интернет (далее – Интернет). Развитие Интернета повлекло за собой появление большого числа доменных имен, не относящихся к числу охраняемых законом средств индивидуализации. В результате этого возник новый проблемный вопрос, связанный с использованием обозначения товарного знака в доменном имени сайта в Интернете. Нарушения связаны с использованием обозначений известных товарных знаков в доменном имени, вследствие чего происходит запутывание потенциальных потребителей. Согласно действующему законодательству, данные правоотношения регулируются нормами о правовой защите исключительных прав на товарный знак.

Таким образом, можно отметить, что на сегодняшний день важной и актуальной проблемой является законодательное регулирование правовой охраны товарного знака. Российское законодательство предоставляет большие возможности правообладателям в защите своих прав на товарные знаки, однако данную область законодательства необходимо развивать. Целесообразно дополнить Гражданский кодекс РФ статьями, регулирующими правовую охрану товарных знаков в сети Интернет.

Косова М. Д.

Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА)

Студент

Защита интеллектуальной деятельности блогера

С развитием информационных технологий перед законодателем встал вопрос о регулировании правоотношений, возникающих в сети Интернет. В процессе появления различных социальных сетей стали возрастать случаи нарушения авторских прав. В настоящий момент проблема защиты интеллектуальной деятельности блогеров как никогда актуальна, т.к. содержит большое множество неурегулированных вопросов и правовых противоречий.

В соответствии со ст. 44 Конституции РФ², каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технологического и других видов творчества, преподавания, а также защита интеллектуальной собственности. Данное конституционное положение можно отнести к деятельности блогеров, которые, в свою очередь, создают контент и осуществляют предпринимательскую деятельность в виде рекламы определенных товаров и услуг. Вместе с тем, сеть Интернет предполагает широкие возможности для быстрого распространения информации, что существенно затрудняет контроль и защиту контента.

Контент блогера и социальные медиа предоставляют платформы для выражения мнений, обмена идеями и создания интеллектуального содержания. Однако, существует проблема сохранения и защиты этого контента, поскольку он может быть легко скопирован, изменен или использован без разрешения автора.

Безусловно, в Российской Федерации данную сферу регулирует часть четвертая Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). В нем определены объекты авторского права, кто является автором произведения, вопросы, которые касаются исключительного права и так далее. Статья 1259 ГК РФ³ закрепляет объекты авторских прав, среди которых конкретно деятельность блогера не выделяется, но ее можно отнести к любому продукту творческого труда, например, к аудиовизуальному произведению. Согласно ст. 1263 ГК РФ аудиовизуальным произведением можно считать произведение, которое состоит из

---

¹ Определение ВС РФ от 03.07.2018 № 305-КГ18-2488 по делу № А40-210165/2016 // URL: https://юао.мск.мвд.рф/UVD_po_UAO/документы/верховный-суд-российской-федерации/item/14093854 (дата обращения: 10.02.2024).

² Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 07.02.2024).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ (ред. 13.06.2023) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.) Ст. 5496.

серии взаимосвязанных изображений и предназначено для зрительного, а также слухового восприятия с помощью соответствующих технических устройств. Таким образом, те же самые видеоролики, которые публикуются блогерами, можно отнести к данной группе объектов авторских прав.

Особенностью распространения норм авторского права на информационное наполнение веб-страницы, создаваемое блогером, можно считать возможность защиты имущественных интересов авторов, которые выражаются в получении прибыли за возможность пользования их результатами интеллектуальной деятельности другими лицами¹.

Что касается имущественных интересов авторов социальной страницы, канала, блога, так это то, что сам автор имеет целью получение дохода от размещения рекламы, полезной информации, которая относится к тематике, затрагиваемой блогером, а также его широкое распространение и продвижение среди пользователей.

В настоящее время на законодательном уровне статус блогера и особые способы защиты его интеллектуальных прав не урегулированы.

Безусловно, одним из методов защиты интеллектуальной собственности в сфере блогов является авторское право. Авторское право предоставляет права автору на свои произведения и охраняет их от несанкционированного использования. Он предоставляет автору возможность контролировать распространение его контента и требовать специальной компенсации за его использование. Также, авторское право позволяет автору указывать условия использования его произведений, например, запретить их коммерческое использование или требовать указания авторства при публикации.

В 2014 году предпринималась попытка урегулирования деятельности блогеров. Был введен Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей»². В нем закреплялись права и обязанности блогера, в числе нас интересующих, были нормы, которые давали право блогерам на поиск, получение, передачу и распространение информации допустимыми способами, а также право излагать от своего имени личные оценки и суждения. Но данные поправки оказались непрактичными и были отменены в 2017 году. Однако до сих пор данный вопрос не имеет правовой базы, но права блогеров в области охраны результатов их интеллектуальной деятельности можно защищать уже существующими способами.

Аспекты защиты интеллектуальной деятельности имеют свои особенности, вместе с тем они могут меняться в зависимости от самого нарушения и субъектного состава. Защита может осуществляться двумя способами: юрисдикционным и неюрисдикционным³. Что касается неюрисдикционной, то это та форма, которая заключается в действиях граждан и организаций без вмешательства в спор государственных органов. В свою очередь юрисдикционная форма защиты характеризуется участием государственных органов в решении спора. Средствами защиты в данном случае выступают иск или жалоба, поданная в орган государственной власти.

В ГК РФ закреплена ст. 12, с перечисленными в ней законными способами защиты гражданских прав. Среди них есть признание права, восстановление положения, которое существовало до нарушения права, самозащита права, компенсация морального вреда и др. Перечень, представленный в статье, не является исчерпывающим.

В этой связи особую важность приобретает научно-правовой анализ существующих методов защиты интеллектуальной собственности в сфере деятельности блогеров. В настоящее время наиболее актуальным и эффективным способом является регистрация прав на создаваемый контент. Это процедура, в рамках которой блогеры регистрируют свои права на контент в различных общественных или государственных организациях. Самой известной из числа таких организаций является Российское авторское общество. Регистрация позволяет блогеру, в случае возникновения спора, доказать свое авторство.

Вторым, не менее известным способом является депонирование. Этот способ применим к материалу, который не подлежит регулярным изменениям. В этом случае автор предоставляет копию материала на хранение в специальную организацию, которая фиксирует принадлежность авторских прав конкретному лицу, после чего выдается свидетельство о депонировании, которое будет надежным доказательством, в случае возникновения спора.

---

¹ Мимеева Н. Н. Видеоблог как объект авторского права // Молодой ученый. 2020. № 3 (293). С. 203–206.

² Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/ (дата обращения: 08.02.2024).

³ Ивнева Е. В., Кавшбая Л. Л. Защита авторских прав в сети Интернет // Endless light iNscience. 2022. С. 14–20.

В соответствии со ст. 1299 ГК РФ технические средства защиты авторского права — это любые технологии, технические устройства или их компоненты, которые обеспечивают контроль за доступом к произведению, предотвращающие либо ограничивающие совершение действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведения. В этой связи целесообразным видится законодательное внедрение технических методов защиты интеллектуальной собственности. Таким методом, возможно, явилось бы введение цифровых водяных знаков и технологий (цифровые метки), которые встраиваются в контент и могут быть использованы для его идентификации и защиты контента от несанкционированного копирования или изменения.

Ряд ученых считают, что существующие способы защиты контента, создаваемого блогерами, не всегда несут практическую пользу. Малоэффективным чаще всего признается уголовный способ защиты, поскольку в ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ указано, что основанием ответственности будет нанесение автору крупного ущерба. Но авторское право относится к группе личных неимущественных прав, следовательно, это нарушение повлечет за собой только возмещение морального вреда².

Самовольное копирование и распространение чужих материалов в сети Интернет достаточно сложно ограничить рамками закона. В настоящий момент большинство блогеров разрабатывают и выпускают всевозможные «гайды», курсы, чек-листы, связанные со спецификой их блога. Но недобросовестные пользователи все чаще стали выдавать полученную информацию с выпускаемых курсов блогеров за свою разработку.

Данная проблема с течением времени становится все более актуальной. На мой взгляд, самым оптимальным вариантом ее разрешения будет законодательное урегулирование деятельности блогеров, с указанием всех вытекающих прав и обязанностей, в том числе, эффективных способов защиты результатов их интеллектуальной деятельности.

Таким образом можно отметить, что вопрос, поднимаемый в статье, с каждым годом становится все более актуальным, поскольку сфера информационных технологий динамично развивается. Действующее российское законодательство нуждается в доработке, т.к. единого подхода к разрешению споров, связанных с нарушением прав граждан в области интеллектуальной деятельности в сети Интернет до сих пор не установлено.

Костина Е. М.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Студент

Проблема синтеза речи в праве интеллектуальной собственности

Синтез речи — процесс генерации компьютером человеческой речи. За последние десять лет данная технология получила сильное развитие, приобрела успех в применении в качестве бот помощников и аудио помощников, а также оказала влияние на некоторые профессии. Обозначенное в определенной мере в статье будет раскрыто.

Ключевым моментом для технологии синтеза речи стала разработка двух программ Wavenet и Tacotron 2 в 2016 и 2017 гг. соответственно. С помощью них идея о способности самостоятельного генерирования нейронной сетью человеческой речи, а не использование сохраненных в базе данных заготовок, стала возможной для реализации. Первоначально наличествовали недостатки, выражающиеся в неестественности звучания, в тяжеловесности, но вследствие доработки в последующих версиях они были устранены.

Обе программы используются в трудоемком и время затратном обучении нейронных сетей синтезу речи. Базой выступает записанный материал, который делается дикторами в пределах заключенного договора. Цель использования — обучение синтезу речи — должна быть прописана, но именно этот момент часто не соблюдается.

Для углубления в тему сначала представляется необходимым профессию дикторов охарактеризовать с позиции права интеллектуальной собственности, что представляется возможным, ведь осуществляемая ими деятельность имеет свойство творчества. Наибольшая связь прослеживается со смежным правом, а именно с нормами об исполнении, которыми охватывается такой вид труда, как чтение, декларация произведений литературы, искусства, народного творчества — все это тесно связано с работой дикторов. Упомянутые

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Притулин Р. В. Присвоение авторства (плагиат) как основание уголовной ответственности. Часть 1 ст. 146 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 84–89.

объекты авторского права создаются другим лицом или самим диктором, каких-либо ограничений по поводу этого не установлено. Тем самым, помимо смежных прав он может обладать и авторскими правами.

В число смежных прав исполнителя согласно ст. 1315 ГК РФ относятся: исключительное право, личные неимущественные права (право на имя, право авторства, а также право на неприкосновенность исполнения). Все они не зависят от наличия и действия авторских прав на исполняемое произведение, но соблюдение последних обязательно. Только для исключительного права через заключение договора допустимо осуществить распоряжение. В зависимости от совершенного выбора им может быть договор об отчуждении, лицензионный договор, а также не исключается возможность его реализации по служебному заказу. Исходя из общих положений о договоре, самостоятельное определение условий считается допустимым, кроме случаев, четко обозначенных законом.

Возвращаясь к вышесказанному, а именно к обучению нейронных сетей синтезу речи, представляется, что для правомерности использования сделанных дикторами звукозаписей заключается один из договоров с указанием условия о машинном обучении. Отсутствие сведений о передаче материала для подобной цели или указание на переработку не предполагает полученное безоговорочное согласие, однако, неурегулированность этих моментов законодательством ведет к злоупотреблению со стороны контрагентов. Дикторы для собственного блага стали включать в договоры формулировку, которой устанавливается запрет на применение записей для машинного обучения¹. Обозначенную проблему Союз дикторов России предлагает разрешить путем разработки формы отдельного лицензированного договора и закрепления условия о возможности применения созданной записи только в конкретном проекте, для которого она создается. А для использования этой же записи в других проектах обязательно заключение дополнительного соглашения².

Законодательный пробел создает осложнения для осуществления защиты прав. Например, в конфликте между Аленой Андроновой и Тинькофф банком, который заключается в использовании записей для синтеза речи без получения согласия, девушка в поданном иске ссылается на принцип добросовестности и п. 4 ст. 1315 ГК РФ, в котором устанавливается право на неприкосновенность исполнения. Под ним понимается право на защиту исполнения от какого-либо искажения, т.е. от внесения изменений, приводящих к извращению смысла или к нарушению целостности восприятия исполнения, в его запись при доведении исполнения до всеобщего сведения. Применение данной статьи нельзя назвать убедительным в полной мере, т.к. созданная исполнителем запись применялась для обучения, в процессе которого не подвергалась искажению. По итогу связь с ней прекратилась, и программа начала действовать самостоятельно. Позиция суда по данному вопросу остается неизвестной – судебное разбирательство еще не состоялось.

Таким образом, для нормализации правоотношений синтез речи следует нормативно урегулировать. Множество вопросов о нем порождается вследствие отсутствия в законодательстве сведений, в том числе и тех, которые в статье не были рассмотрены. Например, создатель нейронной сети или она сама обладает авторскими правами на создаваемые результаты при синтезе речи; как именно осуществляется на них защита; допустимо ли отнесение к одному из объектов права интеллектуальной собственности. Саму технологию не стоит признавать незаконной и требовать ее запрета, что подчеркивают и дикторы.

Крапивина Н. И., Минабутдинова А. И.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Студенты

Проблемы защиты исключительного права на товарный знак при реализации билетов через онлайн-агрегаторы

Продажа билетов через так называемые «консьеж-сервисы» по оказанию услуг по бронированию является, пожалуй, одной из главных проблем, с которой из года в год сталкиваются организаторы различных массово-зрелищных мероприятий. Суть указанной проблемы в том, что недобросовестные продавцы в целях извлечения как можно большей выгоды вводят потребителей в заблуждение путем использования в доменном имени сайтов обозначений, сходных до степени смешения с известными товарными знаками. Чрезмерное завышение цен, а зачастую, и недействительность купленных на таких сайтах билетов наносят вред деловой репутации правообладателей и приводят к конфликтным ситуациям с гостями мероприятий.

¹ Шаблон договора для диктора или актера озвучивания (дубляжа) // URL: <https://sodiro.ru/sojuz/shablon-dogovora-dlya-diktora-ili-aktyora-ozvuchivaniya-dublyazha/> (дата обращения: 11.02.2024).

² Какие нормы для синтеза голоса нужны дикторам? // URL: <https://sodiro.ru/sojuz/kakie-normy-dlya-sinteza-golosanuzhny-diktoram/> (дата обращения: 12.02.2024).

Незаконное использование товарных знаков в доменном имени, исходя из анализа судебной практики, является основанием для запрета такого использования судом и взыскания с нарушителей компенсации¹, несмотря на то, что многие создатели подобных платформ позиционируют себя лишь как агенты по предоставлению услуг бронирования.

Однако подобные санкции часто недостаточны – недобросовестные продавцы создают все новые и новые сайты с тем же содержанием, но измененным доменным именем, используя процедуру «редиректа», то есть переадресации с прежнего доменного имени на новый. По сути, нарушение формально устранено, но фактически такие платформы продолжают вести свою деятельность через сходный домен, нарушая, в частности, исключительные права на товарный знак правообладателя.

Исходя из вышеизложенного, возникает вопрос: какие действия предпринять правообладателю для пресечения подобных нарушений? Представляется, что на данный момент проблему удастся решить лишь одним путем, а именно каждый раз обращаться в суд за защитой нарушенного права при обнаружении вновь созданного доменного имени, содержащего обозначение, сходное до степени смешения с товарным знаком правообладателя, что довольно затруднительно в силу большого количества «зеркальных» сайтов.

Кроме того, проблемы могут возникнуть еще на досудебном этапе, поскольку для того, чтобы установить лиц, подлежащих ответственности за не разрешенную правообладателем продажу билетов на сторонних сайтах, нередко потребуются принять дополнительные действия, влекущие за собой как временные, так и материальные затраты.

В соответствии с п. 159 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)»², требование о пресечении действий, нарушающих право на товарный знак и выражающихся в незаконном использовании доменного имени (подпункт 2 пункта 1 статьи 1252, подпункт 5 пункта 2 статьи 1484 ГК РФ), может быть предъявлено к администратору соответствующего доменного имени.

На сегодняшний день существует несколько сервисов по предоставлению информации о доменном имени, в частности, о его администраторе. Более того, материалы, полученные посредством подобных ресурсов, наиболее распространенным из которых является сайт «Who is», допускаются в суде в качестве доказательства того, что ответчик является надлежащим. Однако в ряде случаев данные об администраторе доменного имени скрыты³, вследствие чего возникает процессуальное препятствие при подаче искового заявления в суд по причине неизвестности ответчика.

Несмотря на то что вышеуказанным Постановлением Пленума Верховного Суда РФ предусмотрена возможность истребования сведений об администраторе доменного имени у регистратора доменов, такая процедура также влечет за собой неоправданные затраты для правообладателя, которому необходимо как можно скорее добиться блокировки сайта, вводящего в заблуждение покупателей билетов. Дело в том, что практически каждый регистратор, действующий на территории Российской Федерации, в целях защиты персональных данных лица, являющегося администратором доменного имени, отказывается в предоставлении необходимой информации без направления адвокатского запроса. Более того, известны случаи, когда регистраторы доменных имен предоставляли недостоверные или неполные сведения, из-за чего требовалась дополнительная процедура идентификации в целях уточнения информации об администраторе, в то время как правообладатели терпели убытки.

Подводя итог вышесказанному, вопрос о защите исключительных прав на товарный знак спортивных клубов, театров, концертных агентств и иных организаторов массово-зрелищных мероприятий до сих пор остается открытым, поскольку недобросовестные продавцы могут с легкостью продолжать вести незаконную деятельность, дублируя свои сайты. Представляется, что одним из наиболее эффективных вариантов решения существующей проблемы станет создание условий для упрощенной блокировки сайтов, нарушающих исключительные права на товарный знак, во внесудебном порядке во избежание неоправданных расходов для правообладателя.

---

¹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 18.09.2023 по делу № А40-97710/23-110-801 // Картотека арбитражных дел // URL: <http://kad.arbitr.ru> свободный (дата обращения: 03.03.2024).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> свободный (дата обращения: 03.03.2024).

³ Решение Арбитражного суда Тюменской области от 10.02.2023 по делу № А70-17177/2022, Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 04.12.2019 по делу № А45-30832/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru> свободный (дата обращения: 03.03.2024).

Кузнецова В. А.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Актуальные вопросы использования товарных знаков, сходных до степени смешения с другими обозначениями: от теории к практике

Товарный знак является одним из средств индивидуализации товаров среди прочих однородных. Он обеспечивает узнаваемость продукции потребителями, вызывает определенное представление о качестве товара или услуги и, как следствие, вызывает регулярный спрос и конкурентное преимущество на рынке для его обладателя. Все перечисленные обстоятельства стимулируют хозяйствующих субъектов на товарном рынке подавать заявки на регистрацию товарных знаков, чтобы создать репутацию и защитить бизнес от недобросовестных конкурентов.

Согласно официальным данным годового отчета Роспатента¹, в 2023 году подано рекордное количество заявок на товарный знак. Их количество, по сравнению с прошлым календарным годом увеличилось на 27,8 %. Из которых 92 % заявок были поданы через электронные сервисы. В 2023 году в российское законодательство были внесены важные изменения в отношении товарных знаков, которые также повлияли на их популярность. Например, право регистрировать товарные знаки получили граждане, для использования их в коммерческих целях². Ранее регистрационные возможности были доступны для реализации только индивидуальным предпринимателям (далее – ИП) и организациям. Теперь круг субъектов расширился, что повлияло и на конкуренцию на рынке.

Статистика показывает, что рост количества зарегистрированных товарных знаков неизбежно ведет к тому, что создавать исключительно новые, не сходные с предыдущими объектами обозначения, становится всё труднее. В связи с этим, Роспатент в 2023 году запустил специальный сервис, который предоставляет доступ к сведениям о зарегистрированных знаках обслуживания и товарных знаках, в том числе об общеизвестных и международных товарных знаках, охраняемых на территории РФ в соответствии с Мадридским соглашением³. Новый сервис пригодится при анализе сходства обозначений. Сервис полезен тем, что поиск доступен не только по тексту, но и по смыслу, изображению и звучанию. Однако, несмотря на этот и многие другие способы избегания конфликтов со стороны правообладателей средств индивидуализации, всё же этот вопрос порождает споры на практике.

Недопустимость регистрации тождественных и сходных до степени смешения товарных знаков закреплена в пп. 1 и 2 п. 6 ст. 1483 ГК РФ⁴. Такие меры направлены на защиту интересов потребителей и предотвращение актов недобросовестной конкуренции. Во избежание отказа в государственной регистрации, на этапе разработки товарного знака следует провести исследование патентной чистоты обозначения, имея возможность доработать или изменить товарный знак для прохождения процедуры регистрации. Высокая степень уникальности такого средства индивидуализации является гарантией охраны и избежание судебных споров в дальнейшем.

Несмотря на прямой законодательный запрет использования похожих обозначений для однородных товаров, имеются практические примеры случаев, когда на регистрацию всё же подаются товарные знаки сходные до степени смешения с уже существующими. Причины этому могут быть разные: злой умысел, несогласие заказчика с результатами предварительной проверки на уникальность, либо вовсе отсутствие таковой. Известны случаи, когда специалисты Ведомства по результатам проверки приходят к выводу об отсутствии сходства и регистрируют товарный знак, однако, по мнению правообладателя более раннего обозначения, новый объект приводит к смешению товаров и введению потребителей в заблуждение. В таком случае допустимо оспаривание результатов экспертизы и как следствие предоставленной правовой охраны. Особое место в делах по таким спорам занимают результаты проведенных среди потребителей социологических опросов. Несмотря на факультативность предоставления такого рода доказательств, то есть они не являются обязательными и вносятся по инициативе одной из сторон конфликтной ситуации, можно с

---

¹ Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента) за 2023 год // URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/annual-report-2023-short-version.pdf> (дата обращения: 04.03.2024).

² Федеральный закон от 28.06.2022 № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024).

³ Роспатент. Платформа // URL: <https://searchplatform.rospatent.gov.ru/trademarks> (дата обращения: 04.03.2024).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024).

уверенностью заявить, что государственные органы с должным интересом относятся к таким опросам и полученным в них выводам.

Главная особенность сходства до степени смешения заключается в том, что несмотря на существующие различающиеся элементы в товарных знаках, в общем обозначения воспринимаются как идентичные, что вводит потребителей в заблуждение. Как было отмечено ФАС РФ: «Для признания сходства товарных знаков достаточно уже самой опасности, а не реального смешения товарных знаков в глазах потребителя»¹.

За последние годы изменилась практика рассмотрения споров в отношении товарных знаков компаний, ушедших с российского рынка. Копирование брендов и массовые иски — реальность, с которой столкнулся Суд по интеллектуальным правам (далее — СИП). При выявлении случая незаконного использования своих товарных знаков в России, зарубежные компании обращаются в суд. Всплеск числа исков спровоцировали нарушения со стороны недобросовестных представителей российского бизнеса, полагающие, что компании из недружественных стран, приостановившие бизнес на территории России не станут защищать свои права.

Например, один заявитель из Москвы подал заявки на регистрацию таких товарных знаков как: «Макдак», Starbucks, «Макдональдс», а компания из Краснодарского края — на марки Victoria Secret, Disney и Calvin Klein². Роспатент не поддержал подход российских заявителей и однозначно дал понять, что товарные знаки зарубежных правообладателей продолжают подлежать охране, даже если правообладатель бренда происходит из недружественной страны.

В практике рассмотрения споров встречаются различные подходы к данной проблеме. Так, например, в недавнем судебном разбирательстве американская компания «The Coca-Cola Company» выиграла иск к Роспатенту из-за принадлежащих «Черноголовке» товарных знаков Fantola. Компания заявляла, что знак является сходным до степени смешения с принадлежащим ей брендом Fanta. Товарный знак представляет собой выполненное стандартным шрифтом буквами русского алфавита словесное обозначение «Фантола». Правовая охрана ему была предоставлена с приоритетом от 14 сентября 2018 года до 14 сентября 2028 года. Коллегия Роспатента, изучив материалы дела, пришла к выводу «об отсутствии сходства до степени смешения между сравниваемыми обозначениями».

Еще один пример, связанный с копированием чужого бренда, тесно связан с актом недобросовестной конкуренции, в деле, рассмотренном СИП³. Правообладатель товарных знаков договорилась с ИП, что последний может продавать кондитерскую продукцию производства «Север-Метрополь» в своем кафе. После истечения срока действия договора, продолжил продавать продукцию под видом фирменной. Тогда владелец бренда пожаловался в антимонопольный орган. УФАС решило, что конкурент нарушил ст. 14.6 закона «О защите конкуренции»⁴ (запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с созданием смешения). СИП отметил, что после прекращения договорных отношений истец не мог использовать в оформлении своего кафе и вывески обозначения, похожие на товарные знаки «Север-Метрополь». Использование интеллектуальной собственности и деловой репутации петербургских кондитерских без разрешения и бесплатно — это «паразитарная конкуренция».

Верховный Суд Российской Федерации также напомнил, что наличие отдельных сходных элементов само по себе не свидетельствует о том, что товарный знак в целом ассоциируется с противопоставленными ему другими товарными знаками⁵. Таким образом, в ближайшие годы может стать больше споров из-за регистрации товарных знаков взамен ушедших брендов, которые в какой-то мере сходны с ними. Важно, что проблема определения сходства средств индивидуализации до степени смешения выходит за пределы региональной арбитражной практики и разбирается на таком высоком уровне.

---

¹ Постановление ФАС СКО от 12.02.2013 по делу № А32-27799/2011 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024).

² Копирование брендов и массовые иски: тренды споров о товарных знаках // URL: <https://pravo.ru/story/245774/> (дата обращения: 04.03.2024).

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.01.2024 по делу № А56-129733/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024).

⁴ Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024).

⁵ Определение № 300-ЭС19-26515 по делу № СИП-102/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2024).

Кузнецова Е. А.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Правовая природа авторских прав на фотографические произведения

В настоящий момент сложно представить коммерческий сектор без наличия у него собственного сайта и аккаунтов в социальных сетях, непосредственно информирующих пользователей интернет-сети об оказываемых им услугах и товарах, выставляемых на продажу. С целью продвижения и повышения внимания аудитории к продукции компании, на этих площадках размещают соответствующие изображения и аудиовизуальные материалы, в частности, фото и видеоконтент.

Вместе с тем, зачастую можно столкнуться с ситуацией, когда те самые материалы, размещаемые компаниями на своих сайтах, в социальных сетях, а также на маркетплейсах принадлежат иным правообладателям и используются без их согласия. Как правило, это приводит к взысканию компенсации в судебном порядке с нарушителя авторского права. Размер такой компенсации согласно ст. 1301 Гражданского кодекса составляет от 10 000 рублей до 5 000 000 рублей¹. При этом, механизмы защиты авторского права, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ), на наш взгляд, являются далеко не самыми эффективными.

В соответствии с положениями, изложенными в ст. 1265 ГК РФ, право авторства подразумевает собой в первую очередь правомочия признаваться автором произведения и использовать или разрешать использование произведения. Согласно п. 1 ст. 1259 ГК РФ, к объектам авторских прав законодатель относит среди прочего и фотографические произведения, и произведения, полученные способами аналогичными фотографии. Однако, действующее законодательство не содержит легального определения термина «фотографическое произведение».

Согласно ст. 1276 ГК РФ, свободное использование произведения возможно, если оно находится в месте, открытом для свободного посещения. В данном случае согласие автора или другого правообладателя не требуется. Тем не менее, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 (далее – ПП ВС № 10) говорится, что информационно-телекоммуникационные сети не относятся к таким местам. Соответственно, использование фотографического произведения из информационно-телекоммуникационных сетей (к которым относится Интернет) без согласования с правообладателем является незаконным².

Обсуждая вопрос авторских прав на фотографические произведения, необходимо подчеркнуть, что в большинстве случаев установить автора достаточно проблематично. Кроме того, иногда возникают споры о праве на авторство, например, если несколько людей претендуют на статус автора одного произведения³. Для установления авторства требуется детальное изучение обстоятельств создания произведения и наличие достаточных доказательств. Помочь с доказыванием может депонирование⁴. В России депонирование авторских прав на фотографии осуществляется путем регистрации авторского права в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент). Для этого необходимо подать заявление на регистрацию, приложить фотографию и другие необходимые документы, подтверждающие авторство и дату создания произведения. После рассмотрения заявления, Роспатент выдает свидетельство о регистрации авторского права на фотографию. Это свидетельство является официальным документом, подтверждающим авторство и права автора на фотографию в Российской Федерации. При наличии официального документального подтверждения авторства, автор фотографии может обращаться в суд с более вескими аргументами в свою защиту. Таким образом, депонирование авторских прав на фото может помочь укрепить позицию автора в судебных разбирательствах.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024).

³ Антонова Л. И. О доказательствах в делах о защите авторских прав // Право и управление № 5.2023. С. 197–198.

⁴ Шушина Е. В. Проблемы доказывания события и состава правонарушения при административном производстве по делам, связанным с охраной авторских прав // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2023. № 4 (105). С. 92–96.

Вышеизложенное неоднократно подтверждается в судебной практике. Так, решением Арбитражного суда Пермского края от 29 апреля 2021 г. по делу № А50-28924/2019¹, оставленным без изменения Постановлением Суда по интеллектуальным правам от 22 октября 2021 г. № С01-1639/2021 по делу № А50-28924/2019², за одну фотографию, незаконно используемую в коммерческих целях, с ответчика взыскана компенсация в размере 300 000 рублей. Взысканию компенсации в указанном размере способствовало доказанность истцом принадлежности ему исключительного права. При этом, суд учел то обстоятельство, что фотография использовалась в рекламных целях на интернет площадках с охватом «около 10 000 000 заинтересованных пользователей».

Интересным на наш взгляд является также Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17 марта 2021 г. № С01-212/2021 по делу № А83— 10708/2020, в соответствии с которым «Обществом «Восьмая заповедь» при обращении с иском был избран вид компенсации, взыскиваемой на основании пп. 1 ст. 1301 ГК РФ (в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда), в размере 400 000 рублей исходя из расчета 50 000 рублей за каждый факт нарушения исключительного права (3 факта размещения на интернет-сайте golden.symmetry.ru и 5 фактов размещения в социальной сети «ВКонтакте»). Рассматривая доводы кассационной жалобы о несогласии с определенными судами размером компенсации за нарушение исключительного права, суд кассационной инстанции отклонил их и в пользу истца была взыскана сумма в размере 400 000 рублей³.

Как правило, суды не выходят за пределы двукратного размера компенсации. Но есть исключения из этого правила. Так, решением Арбитражного суда Московской области от 19.11.2018 по делу № А41— 75551/2018, оставленным без изменения Постановлением Десятого арбитражного апелляционного суда от 5 февраля 2019 г. № 10АП-23256/18 и Постановлением Суда по интеллектуальным правам от 27 мая 2019 г. № С01— 350/2019 по делу № А41-75551/2018, взыскана в пользу истца компенсация за нарушение исключительного права на одну фотографию в размере 500 тыс. рублей, поскольку истец представил соответствующие доказательства в обоснование определенной суммы⁴.

Анализируя судебную практику по данной категории споров, можно сделать вывод об удовлетворении требований правообладателя и взыскании компенсации в большинстве случаев. Кроме того, некоторые компании зарабатывают именно, взыскивая подобные компенсации. Примером такой компании является ООО «Фортуна Технолджис», которой в 2023 году было подано более полутора тысяч исковых заявлений в арбитражные суды по всей России с целью взыскания компенсаций за незаконное использование фотографических произведений. Компания сотрудничает с фотографами, которые передают ей права на фотографии посредством договора цессии⁵ подает исковые заявления и взыскивает денежные средства. Данный пример лишь подтверждает высокую вероятность взыскания компенсации с нарушителя авторского права.

В связи с вышеизложенным, полагаем, что назрела необходимость внести следующие изменения в законодательство Российской Федерации с целью совершенствования правового регулирования авторских прав на фотографические произведения:

1. В п. 1 ст. 1259 ГК РФ внести дефиницию «фотографическое произведение» как творческого образа, зафиксированного на фотографии, который отражает взгляд автора на объект съемки, его эмоции, идеи или концепцию. Это уникальное изображение, созданное с помощью фотографической техники, которое является результатом творческого процесса и имеет авторское право на основе интеллектуальной деятельности. Это позволит установить предмет спора и надлежащий порядок доказывания принадлежности исключительных

---

¹ Решение Арбитражного суда Пермского края от 29.04.2021 по делу № А50-28924/2019 // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/T6VE9vtflbgv/> (дата обращения: 02.02.2024).

² Постановлением Суда по интеллектуальным правам от 22 октября 2021 г. № С01-1639/2021 по делу № А50— 28924/2019 // КАД Арбитр URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/df499182-4cbc-4d8a-a038-061abe07cb67/7d96479e-5afe-405a-8e73-4e85d5077bc6/A50-28924-2019_20211022_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.02.2024).

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17 марта 2021 г. № С01-212/2021 по делу № А83-10708/2020 // КАД Арбитр URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c0399310-cdb9-4ac1-bd3eabaffb579424> (дата обращения: 09.02.2024).

⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 мая 2019 г. № С01-350/2019 по делу № А41-75551/2018 // КАД Арбитр URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/05524782-7dcd-475f-84fb-5188e8c0c589> (дата обращения: 11.02.2024).

⁵ «Внимание! ООО «Фортуна технолджис» за июль...» | Юрист. Претензии и иски об авторских правах // ВКонтакте: // URL: https://vk.com/wall-187349747_6833 (дата обращения: 08.02.2024).

прав в процессе судебных прений, что предотвратит в последующем неоднозначного толкования термина судами.

2. Разработать информационный ресурс, содержащий официальный реестр фотографических произведений с указанием автора произведения и его контактов для согласования использования его фотографии и сходных до степени смешения произведений.

3. Обеспечить техническую возможность опубликования сведений на исключительные права третьих лиц, в частности, о депонировании в личном кабинете на информационном ресурсе «Госуслуги» и отображения данных о депонировании в вышеупомянутом реестре фотографических произведений.

Полагаем, что внесение соответствующих изменений в ГК РФ, а также формирование единой, однообразной судебной практики, поспособствует повышению защиты авторских прав на фотографические произведения.

Лысова А. В., Спирина П. А.

Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА)

Студенты

Искусственный интеллект как субъект права интеллектуальной собственности

Искусственный интеллект вошел в нашу жизнь совсем недавно тем не менее, он уже является незаменимым помощником во многих сферах деятельности человека. Сфера искусства не стала исключением. С помощью искусственного интеллекта создаются музыка, картины и другие произведения, способные выступать объектами авторского права, вследствие чего появились споры о принадлежности права интеллектуальной собственности. Возникает вопрос, кто же является автором произведения – система или человек, ею управлявший? Актуальность темы обусловлена в первую очередь стремительными темпами развития искусственного интеллекта. По прогнозам ученых, в определенный момент он встанет наравне с человеческим. Следовательно, стоит заранее озаботиться разработкой нормативно-правовой базы, которая определит наличие или отсутствие у искусственного интеллекта прав и обязанностей, в том числе авторского права.

Рассмотрение данной проблемы следует начинать с определения искусственного интеллекта. Так, В.Н. Синельникова и О.В. Ревинский называют искусственным интеллектом компьютерную программу, созданную человеком и способную создавать новую информацию или выраженные объективно результаты своей деятельности¹. А.В. Малышкин выделяет в качестве сущностных признаков искусственного интеллекта способность автономной работы и обмена данными с окружающей средой, способность обучаться на основе полученного в ходе обмена данных опыта и способность адаптировать свои решения под изменяющиеся обстоятельства². Обратим внимание на Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». Его положения определяют искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека³.

В научной литературе выделяют несколько моделей наделения искусственного интеллекта правосубъектностью: признание его объектом права, создание юридической фикции по аналогии с

---

¹ Синельникова В. Н., Ревинский, О. В., Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности. 2017. № 4. С. 17–27.

² Малышкин А. В., Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы / А. В. Малышкин // Вестник СПбГУ. Серия «Право», 2019. Т. 10. № 3. С. 444–460.

³ Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2024).

юридическими лицами, отождествление правосубъектности искусственного интеллекта с человеческой и создание для него собственной правосубъектности¹.

Рассмотрим правовое положение искусственного интеллекта в российском праве интеллектуальной собственности. Согласно статье 1228 ГК РФ, автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, то есть человек². О возможности принадлежности авторского права другим субъектам речи не идет. Кроме того, в ГК упоминаются сроки сохранения права интеллектуальной собственности на произведения: в течение всей жизни автора и 70-ти лет после его смерти. В соответствии с пунктом 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», искусственный интеллект выступает лишь средством для создания произведения, а не его автором³.

Почему же так происходит? Обратим внимание на такую черту субъекта права как способность вырабатывать, выражать и осуществлять единую волю⁴. Данный аспект играет важную роль в определении правового положения искусственного интеллекта. Воля в гражданском праве – это внутреннее стремление участника гражданско-правовых отношений, направленное исключительно на достижение определенного правового результата⁵. Воля также лежит в основе дееспособности как одной из составляющих гражданской правосубъектности. Следовательно, чтобы искусственный интеллект мог стать субъектом права, необходимо доказательство наличия у него воли и умения самостоятельно распоряжаться ею. Современная наука считает подобное возможным в случае, если разработка искусственного интеллекта пойдет по биохимическому пути⁶. Но тогда возникнет коллизия: если автором произведения, согласно ГК РФ, может быть только человек, то какие права должна иметь сущность, обладающая волей и способная творить?

Поскольку открытия в сфере разработки искусственного интеллекта происходят всё чаще, существует необходимость пересмотра законодательного регулирования интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта и ее результатов. Мы хотели бы обозначить свое видение решений проблемы.

Так, с нашей точки зрения, из всех вышеперечисленных моделей наделения искусственного интеллекта правосубъектностью самой оптимальной является наделение его особой правосубъектностью. Данная область еще не исследована достаточно тщательно с точки зрения права, однако нельзя исключать последующей интеграции искусственного интеллекта в основную правовую систему.

При решении данного вопроса, на наш взгляд, можно взять за основу правосубъектность лиц в возрасте до 14 лет. Согласно действующему российскому законодательству, такие лица могут быть авторами произведений и изобретателями, однако реально распоряжаться результатами интеллектуальной собственности могут их родители и иные представители, с учетом мнения малолетних. Можно поступить следующим образом: за искусственным интеллектом закрепить возможность выступать автором результата интеллектуальной деятельности, но при этом не исключать контроля человека за этим правом. На данном этапе научного развития искусственный интеллект уступает человеческому, а потому не может обладать столь же широким спектром прав, однако в будущем возможность распоряжаться интеллектуальным правом должна быть ему предоставлена.

В заключение стоит отметить, что предложенные меры являются первичными и с развитием искусственного интеллекта могут быть всячески изменены и дополнены. Мы не исключаем постепенной интеграции правового статуса произведений, созданных искусственным интеллектом, в основное право интеллектуальной собственности с учетом всех особенностей, характерных для его творчества.

¹ Ладенков Н. Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью / Н. Е. Ладенков // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки, 2021. № 3. С. 12–20.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья. ФЗ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 года) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2024).

⁴ Абинов И. О. Правовая охрана объектов промышленной собственности, созданных искусственным интеллектом / И. О. Абинов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 28 (423). С. 143–150. URL: <https://moluch.ru/archive/423/93999/> (дата обращения: 08.02.2024).

⁵ Мейер Д. И., Русское гражданское право. М., 2010. С. 298.

⁶ Биричева Е. В. Воля в концепции сильного искусственного интеллекта / Е. В. Биричева // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации: 4-й молодежный конвент УрФУ: материалы международной конференции 26 марта 2020 года. Екатеринбург : Изд во Урал. ун та, 2020. С. 1009–1012.

Маловичко Е. А.

Саратовская государственная юридическая академия

Студент

Авторское право в период санкций

Авторское право сегодня активно развивается и как следствие этого, вопросы, связанные с защитой этого права, являются актуальными не только для Российской Федерации, но и имеют значение во всем мире. Подтверждением этого тезиса служит принятие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, которая закрепляет вопросы интеллектуальной собственности¹.

Если обращаться к главному закону нашей страны – конституции, то статья 44 гарантирует каждому свободу всех видов творчества². Предоставляя такие широкие гарантии, государство обязуется защищать права обладателей авторского права.

Учитывая сегодняшнюю геополитическую ситуацию, при которой на нашу страну странами Европейского Союза и Соединенными Штатами Америки были наложены санкции во всех отраслях жизнедеятельности. В том числе, они коснулись и вопросов, связанных с авторским правом. Именно этому вопросу будет посвящена данная работа. Такое давление со стороны мирового сообщества значительно повлияло на экономику нашей страны, что привело к прекращению и запрету выплат патентообладателям из недружественных стран. Это стало одной из форм ответа на санкции против России. Другим же примером может служить легализация параллельного импорта, при котором через дружественные страны к нам стали завозиться оригинальные товары и продукты интеллектуальной собственности, без согласия и ведома правообладателя.

Если обращаться к позиции нашего государства, то Правительство Российской Федерации теперь имеет право самостоятельно определять перечень продуктов интеллектуальной собственности, в отношении которых не могут применяться нормы части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, это стало возможно благодаря принятию Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³. Принятие данного законопроекта как раз позволило Правительству частично легализовать параллельный импорт⁴.

Если более детально рассматривать понятие параллельного импорта, то можно сделать закономерный вывод, что оно связано с принципом исчерпания права. Он наступает, когда владелец авторским право по каким-то причинам не может запретить ввоз в страну легальной продукции своего бренда или где указан его товарный знак. Из этого следует, что такой товар (обладающий товарным знаком) может быть продан в Российской Федерации, если он был законно приобретен за рубежом у правообладателя или иного лица. До ввода санкций у крупных компаний имелись свои дистрибьютеры, которые занимались ввозом и продажей товаров обладателя авторского права (товарного знака) на территории нашей страны. При параллельном импорте теперь возможно продавать товар без официальных дистрибьютеров, если продукт произведен владельцем авторского права или введен в гражданский оборот за границе с его согласия.

Ярким примером может служить ситуация с кинопрокатом, когда голливудские фильмы официально на территории Российской Федерации не имели официального проката. На помощь пришла компания WesternRus, которая начала продавать отечественным кинотеатрам доступ к показу зарубежных фильмов, посредством передачи определенных ключей с фильмами. В наши кинотеатры стали поставяться копии из стран СНГ, в частности Казахстана. Но в этом примере ситуация повернулась другим образом. Компания WesternRus стала считать эти копии своей собственностью, а себя – обладателями авторским правом на них, так как они осуществляли официальный дубляж голливудских фильмов на территории СНГ, а российская студия дубляжа RedHeadSound с помощью ключей кинотеатров делала альтернативный дубляж и отправляла его в кинотеатры, по сути, нарушая авторское право и правообладателей товарным знаком (брендом)

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): от 21.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

² Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. от 1 июля 2020) // Российская газета. 1993. 25 дек. 2020.

³ Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2024).

⁴ Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 (ред. от 28.06.2023) «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2024).

фильмов, и студии WesternRus, которая заявляла о своих авторских правах на ключи фильмов. До суда дело не дошло, компания WesternRus просто объявила об уходе с российского рынка и параллельный импорт западных фильмов закончился.

Другим важным примером может служить дело «Свинки Пеппы». В марте 2022 года большой резонанс произвело беспрецедентное решение Арбитражного суда Кировской области от 3 марта 2022 года, по поводу отказа от защиты исключительных прав на товарные знаки и произведение изобразительного искусства – рисунок «Свинка Пеппа». Суд постановил, что истец (правообладатель – Entertainment One UK Limited) является юридическим лицом, зарегистрированным и ведущим деятельность на территории Великобритании, которая приняла ограничительные (политические и экономические) меры против России. При этом суд посчитал, что данный факт является общеизвестным и имеет преюдициальное значение для настоящего спора. Суд расценил действия правообладателя как злоупотребление правом¹ и отказал в удовлетворении иска. В своем отказе суд сослался на Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций», который регулирует исключительно валютные отношения между Россией и недружественными странами, при этом споры между резидентами и юридическими лицами не регулирует². Второй арбитражный апелляционный суд отменил решение Арбитражного суда Кировской области, так как не согласился, что в действиях компании Entertainment One UK Ltd есть признаки злоупотребления правом и постановил взыскать компенсацию в размере 20 000 рублей за нарушение исключительных прав. Суд по интеллектуальным правам оставил кассационную жалобу без удовлетворения.

Рассмотрев примеры и правовое регулирование авторского права на территории Российской Федерации в период санкций, можно сделать следующий вывод: государство старается минимизировать экономические убытки, посредством введения параллельного импорта продуктов авторского права, а также формирует ряд ответных мер на законодательном уровне, к которым можно отнести Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 и поддержка данной отрасли. Эта поддержка выражается в налоговых льготах и выделении субсидий на создание высокотехнологичных цифровых платформ.

Манафова Э. Ш.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Регистрация аромата в качестве товарного знака

Товарным знаком является уникальное обозначение, индивидуализирующее продукт или услугу. Гражданским кодексом РФ установлен открытый перечень видов товарных знаков, подлежащих регистрации Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатентом). Самими распространенными являются словесные и изобразительные или комбинированные из них обозначения, однако существуют и достаточно экзотические виды. Например, к таким можно отнести обонятельные знаки.

Российское законодательство не содержит ни прямого запрета, ни прямого разрешения на регистрацию аромата в качестве товарного знака. При этом в связи с открытостью перечня видов товарных знаков следует заключить, что предоставление в качестве товарного знака правовой охраны аромату допускается российским законодательством³.

На практике при попытке регистрации заявители сталкиваются с определенными трудностями из-за отсутствия четкого законодательного регулирования данного вопроса. Так, например, одной из основных проблем видится требования к содержанию заявки на товарный знак. В соответствии со ст. 1492 Гражданского кодекса РФ такая заявка должна содержать описание заявленного обозначения, однако сложно говорить о возможности человека объективно и точно описать запах – нередко встречаются случаи, когда один и тот же запах воспринимается и характеризуется разными людьми по-разному.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): от 21.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

² Указ Президента РФ от 28.12.2022 № 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 09.08.2023) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.02.2024).

³ Право интеллектуальной собственности : учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2024. С. 24.

Помимо этого, невозможно направить запах, например, в форме флакона с духами, на оценку экспертам Роспатента. Это связано с тем, что пакет документов в заявке предусматривает включение двух экземпляров заявляемого обозначения, один из которых «приводится в заявлении под кодом «540» путем воспроизведения с использованием средств компьютерной техники либо путем вклеивания изображения (фотография, типографский оттиск и т.п.), выполненного на плотной, прочной бумаге форматом 8 x 8 см. (допускается 8 x 10 см.). Второй экземпляр заявляемого обозначения того же размера представляется на подписанном приложении»¹. Сложно представить представление аромата в любой из названных форм. Это приводит, в том числе, к сложностям с определением уникальности регистрируемого обозначения, поскольку у эксперта Роспатента отсутствует возможность проведения объективной проверки заявленного обозначения. Еще большей проблемой представляются споры относительно товарных знаков, сходных до степени смешения. Так, можно видеть, что на уровне нормативного правового регулирования не предусмотрена форма, подходящая для полноценной регистрации такого товарного знака.

Проблема регистрации обонятельного товарного знака является актуальной не только для России, но и для всего мирового сообщества. Например, часто для регистрации товарного знака требуется представить его графическое обозначение. Сложно представить исполнение данного требования, когда речь идет об ароматах. В таком случае возможность регистрации обонятельного обозначения присутствует де-юре, но де-факто ее реализация невозможна.

Несмотря на сложности, которые влечет за собой попытка зарегистрировать аромат в качестве товарного знака, такие прецеденты имели место как в зарубежном опыте, так и в отечественном.

Впервые обонятельный товарный знак был зарегистрирован в конце XX века в США². Описывался он как «высокий, эффектный, свежий, цветочный аромат, напоминающий цветки плюмерии». Такое описание кажется достаточно общим, не позволяющим отграничить данный аромат от других подобных, однако товарный знак был зарегистрирован.

Были случаи, когда при настолько общем описании обозначения в регистрации товарного знака отказывали. Например, в деле Sieckmann против Немецкого ведомства по патентам и товарным знакам (дело С-273/00) в регистрации аромата, который описывался как «бальзамически-фруктовый с легким оттенком корицы», было отказано. К данному описанию была приложена химическая формула запаха. Однако Европейский Суд посчитал, что химическая формула не отражает аромат, а также не является достаточно четкой и точной. Письменное описание обозначения суд назвал недостаточно объективным и точным, а также обратил внимание на отсутствие графического изображения товарного знака, отметив, что образец аромата является недостаточно долговечным.

В Российской Федерации первый товарный знак, содержащий обонятельный элемент, был зарегистрирован в 2012 году натурпарфюмером. Свидетельство было выдано на обозначение «кожаный аромат»³. Надо отметить, что знак состоял из множества элементов, он включал в себя изобразительную, словесную, тактильную и обонятельную часть.

Анализируя проблему с точки зрения теории и практики, можно прийти к выводу о нехватке регулирования отношений, возникающих при регистрации специфических товарных знаков. В данный момент отсутствуют четкие критерии, позволяющие зарегистрировать обонятельный товарный знак. Отечественный опыт регистрации подобных обозначений еще слишком мал, чтобы вывести закономерности в требованиях к описанию, а зарубежный опыт достаточно противоречив.

Таким образом, на данный момент необходима четкая регламентация требований для регистрации обонятельных товарных знаков. Также для большей эффективности разумным видится создание отдельных баз данных для подобных обозначений и обеспечения отдельного доступа к ним.

---

¹ Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.02.2024).

² Дмитриева Е. О., Дмитриев О. В. Проблемы правоприменения в отношении особых («нетрадиционных») товарных знаков и знаков обслуживания // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2019. № 1. С. 83.

³ Товарный знак № 470375 зарегистрирован 10.09.2012.

Мартынова З. И.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Правовой аспект коммерциализации интеллектуальной собственности в контексте региональной интеграции

«Инвестиции в интеллектуальную собственность представляют собой в настоящее время одно из самых перспективных и нужных направлений»¹. Поэтому необходимо тщательнее рассмотреть этот вопрос в контексте региональной интеграции и международного сотрудничества.

Особенности реализации инвестиций в ИС. Рассмотрим вопрос об особенностях реализации таких инвестиций. Почему это выгодно: несомненная ценность, долгосрочные перспективы. Сложности таких инвестиций: необходимость защиты, ограниченные источники финансирования и высокая степень инноваций и риска, связанного с ними.

Международное законодательство по защите интеллектуальной собственности.

– ЮНЭСКО: постоянно проводит политику по правовой защите объектов ИС, что необходимо также и для привлечения.

– ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности) имеет 24 международных универсальных договора по регулированию сферы ИС, которые делятся на: договоры общего содержания, о глобальной системе охраны ИС и «договоры о классификациях»². Наиболее важные: Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.)³, Бернская конвенция (1886 г.)⁴, создание БИРПИ – органа для администрирования Парижской и Бернской конвенций, Римская конвенция (1961 г.)⁵.

– ООН (Организации Объединенных Наций) закрепила стандарты и правила для защиты интеллектуальной собственности, которые успешно регулируют коммерциализацию ИС и обеспечивают правовую систему.

– Всемирная декларация по интеллектуальной собственности⁶ (ВД ИС). Влияние на коммерциализацию ИС: обязывает страны-члены принимать правовые меры регулирования, на законодательном уровне поддерживает развитие инноваций и инвестирование в объекты ИС, активно осуществляет политику гармонизации и стандартизации правовых норм в сфере регулирования коммерциализации ИС.

Организация Всемирной торговой организации (ВТО) и ее роль в коммерциализации интеллектуальной собственности:

ВТО внесла значительный вклад в развитие международного торгового пространства, в том числе и интеллектуальной собственностью. В правовом аспекте ВТО также сыграла важную роль: она поспособствовала заключению торгового соглашения ТРИПС⁷, которое на постоянной основе приводится при анализе положения права интеллектуальной собственности в контексте международных отношений. ТРИПС устанавливает основные стандарты в сфере ИС, а его положения являются базой для регулирования данной сферой по всему миру⁸.

---

¹ Шпинева Ю. С. Инвестирование в интеллектуальную собственность: особенности реализации // Colloquium-journal. 2020. № 3 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investirovanie-v-intellektualnuyu-sobstvennost-osobennosti-realizatsii> (дата обращения: 08.03.2024).

² Хасанов Э. Р. Роль международных организаций в сфере охраны интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11 (191). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mezhdunarodnyh-organizatsiy-v-sfere-ohrany-intellektualnoy-sobstvennosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 08.03.2024).

³ Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.02.2024).

⁴ Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.02.2024).

⁵ Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Заключена в Риме, 26.10.1961) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.02.2024).

⁶ Всемирная декларация по интеллектуальной собственности (ред. от 26.06.2000) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.02.2024).

⁷ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ред. от 06.12.2005) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.02.2024).

⁸ Мирских И. Ю. Особенности правового регулирования и охраны интеллектуальной собственности в зарубежных странах // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 21. URL:

Роль международных судебных органов в разрешении споров по интеллектуальной собственности. Международные судебные органы играют важную роль в сфере интеллектуальной собственности.

– Верховный суд США, помимо разрешения споров, осуществляет окончательное толкование закона, на которое в дальнейшем ссылаются суды, верховный суд США также устанавливает прецеденты, которые не менее важны для судебной практики.

– Европейский Суд по правам человека разрешает споры касаясь нарушения прав интеллектуальной собственности, которые могут возникать между государством и частными лицами или между самими частными лицами.

– Стоит упомянуть МЦРИС – Международный центр по рассмотрению инвестиционных споров, он рассматривает споры непосредственно между инвесторами и государствами.

Это не весь список судебных органов, но вышеперечисленные играют наибольшую роль в международном законодательстве.

Анализ глобальных трендов в коммерциализации интеллектуальной собственности. Данные тренды необходимо рассмотреть в рамках нашей темы, так как, проанализировав их, будет возможно дать новым направлениям правовой статус, и возможно рассмотреть перспективы развития коммерциализации ИС в ближайшие годы.

– Патентный троллинг: простыми словами это покупка патента без его использования и дальнейшая подача иск на кампанию за нарушение авторских прав. Такие иски ничем не подкреплены, иск просто отклонят, но это всё равно занимает у судебной системы время и создает дополнительный информационный шум, негативно сказывающийся на акциях компаний и на положении ИС¹.

– Развитие новых отраслей таких как: IT-технологии, фотоника и нанотехнологии. У них есть все шансы стать основой грядущего VI технологического уклада.

– Рост числа поданных патентных заявок: ценность и важность защиты своих интеллектуальных активов развивается, это приводит к увеличению количества патентных заявок, это говорит о развитии технической инновации и конкуренции на международном уровне.

Коммерциализация интеллектуальной собственности – это перспективное направление, которое положительно влияет на экономику, инновационный потенциал стран, а также на рост ВВП и появление новых рабочих мест. Кроме того, оно помогает налаживать межрегиональные связи, способствует развитию международного законодательства.

Несмотря на положительное влияние коммерциализации ИС, есть также опасность слишком большой концентрации интеллектуальной собственности у нескольких крупных игроков, монополизация еще нового и «сырого» направления будет тормозить его развитие и негативно складываться на экономике и развитии инноваций.

Учитывая вышесказанное можно сделать вывод о важности соблюдения адекватных стандартов защиты прав интеллектуальной собственности, а также о необходимости постоянного развития законодательства учитывая стремительное развитие новых сфер и направлений интеллектуальной собственности.

Можаева К. С.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

Студент

Влияние санкций на интеллектуальную собственность

Изменение геополитической обстановки и установление со стороны иностранных государств по отношению к Российской Федерации и российским лицам все новых и новых односторонних ограничительных мер стало оказывать непосредственное влияние на права и обязанности участников интеллектуальной собственности. Интеллектуальная собственность играет важную роль в развитии экономики и инноваций, поэтому необходимо изучить и проанализировать, какие последствия оказывают санкции на эту область.

В статье рассмотрены последствия влияния санкций на защиту интеллектуальной собственности в России, а также их воздействие на инновационную деятельность и технологический прогресс. Мы также

<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-i-ohrany-intellektualnoy-sobstvennosti-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 10.03.2024).

¹ Никулина О. В., Кочеткова С. Ю., Возжова А. А. Анализ тенденций развития международной торговли объектами интеллектуальной собственности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 3.

проанализируем возможные пути преодоления этих вызовов и развития интеллектуальной собственности в условиях санкций.

Ограничительные меры (санкции) оказали значительное влияние на интеллектуальную собственность в России. Рассмотрим, что собой представляет интеллектуальная собственность. «Интеллектуальная собственность – это результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации предпринимателей и юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которые охраняются законом. Ее можно воспринимать как совокупность прав автора или иного правообладателя, позволяющих распоряжаться этими нематериальными объектами, запрещать и разрешать их использование третьим лицам»¹. Другими словами, интеллектуальные права – это общее название достаточно большого набора прав. В результате наложения ограничительных мер российским компаниям стало сложнее использовать интеллектуальную собственность иностранных компаний, которые покинули российский рынок. Такое положение вещей создает предпосылки к ухудшению доступа к новым технологиям, продуктам и услугам, что может замедлить инновационное развитие отраслей экономики. Также экономические санкции могут привести к увеличению случаев злоупотребления правообладателями своими полномочиями, например, для необоснованного ограничения появления определенных товаров на рынке. Все вышеуказанные обстоятельства могут привести к дефициту товаров и услуг, что негативно скажется на экономике и обществе в целом. Поэтому, Россия официально отвергает законность односторонних экономических санкций, основывая свое решение на нормах международного права. В этой связи поддержка России другими странами для отмены таких мер на уровне ООН² и Совета по правам человека ООН³ представляется логичной. Россия и Китай высказывают общую позицию по вопросу односторонних санкций в Декларации о роли международного права 2016 года⁴. Однако такие документы не обладают юридической обязательностью, а имеют характер рекомендаций.

Воздействие ограничительных мер (санкций) существенно повлияло на экономическую обстановку в России, что привело к принятию ответных мер в отношении стран недружественных стран в области интеллектуальной собственности. Так, ранее ГАРАНТ.РУ писал, что «патентообладателям из недружественных стран не будет выплачиваться компенсация. Также был легализован параллельный импорт – ввоз из-за границы в Россию оригинальных товаров без согласия правообладателя, а также принудительная лицензия»⁵.

«Параллельный импорт – это ввоз в страну товаров без согласия производителя или правообладателя. Этот механизм называется «параллельным», так как импорт идет одновременно с поставкой от официальных дилеров»⁶. В контексте экономических санкций, использование параллельного импорта может быть одним из способов смягчения воздействия ограничений на доступ к интеллектуальной собственности. В России параллельный импорт разрешен в определенных случаях, и это может помочь компаниям обойти санкции и получить доступ к товарам и услугам, которые были заблокированы из-за политических или экономических причин. Ирина Ахмедова, руководитель практики интеллектуальной собственности и персональных данных Клифф, что «некоторые зарубежные фирмы, которые ушли с отечественного рынка, используют параллельный импорт, чтобы продолжать бизнес в России»⁷. Однако следует помнить, что использование параллельного импорта может вызвать противодействие со стороны правообладателей, которые могут пытаться защитить свои интересы и ограничить такую практику. Василий Зуев, руководитель практики интеллектуальной собственности Интеллектуальный капитал. Он обсуждал способы борьбы с поступлением поддельной продукции в рамках параллельной торговли «надо иметь в виду, что суды не учитывают ссылку ответчиков,

¹ Источники права интеллектуальной собственности // КонсультантПлюс URL: <https://www.consultant.ru/edu/center/training/ip/theme1/> (дата обращения: 11.02.2024).

² Резолюция № 74/154 «Права человека и односторонние принудительные меры» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 18.12.2019). URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/154> (дата обращения: 11.02.2024).

³ См.: Resolutions adopted by the Human Rights Council on 3 October 2014. № 27/21 «Human rights and unilateral coercive measures» // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/> (дата обращения: 11.02.2024).

⁴ Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права от 25.06.2016 // URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1873729/ (дата обращения: 11.02.2024).

⁵ Интеллектуальная собственность в России: как повлияли санкции? // Гарант.ру URL: <https://www.garant.ru/news/1542302/> (дата обращения: 11.02.2024).

⁶ Что такое параллельный импорт и как он работает в России // РБК.Тренды URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/6285e79c9a7947bcff6e7dfc> (дата обращения: 11.02.2024).

⁷ Влияние санкций и авторство ИИ: тренды в интеллектуалке // Право. URL: <https://pravo.ru/story/250055/> (дата обращения: 11.02.2024).

которые незаконно использовали чужую интеллектуальную собственность, на действие параллельного импорта, если они нарушили интересы правообладателей до введения этого механизма»¹.

Основной аспект, который вызывал тревогу в деловом сообществе в связи с введением контрсанкций и приостановкой операций некоторых зарубежных компаний, касался мер по защите интеллектуальной собственности, особенно в отношении их товарных знаков. Роспатент подтвердил получение заявок на регистрацию товарных знаков, которые сильно напоминали бренды компаний, завершивших свою деятельность в России или покинувших рынок. Увеличение таких запросов также было зафиксировано управляющим партнером юридической компании PATEN^oTUS, патентным поверенным РФ Дмитрием Маркановым. «Заявители в большинстве случаев руководствовались существенными изменениями в законодательстве, которые принимали беспрецедентные изъятия из Гражданского кодекса»². Тем не менее, Роспатент уточнил, что правовая защита товарного знака не должна быть прекращена при остановке или завершении деятельности компании на территории России.

Одно из таких дел – № А28-11930/2021³. Оно касается нарушения исключительного права на товарный знак по международным регистрациям № 1212958 и № 1224441, а также произведения изобразительного искусства – рисунки «Свинка Пеппа», «Папа Свин». Кейс интересен тем, что следование санкционному режиму, суд сослался на Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций»⁴. Суд расценил действия правообладателя как злоупотребление правом. Однако суд кассационной инстанции отменил решение суда первой инстанции и частично удовлетворил исковые требования, так как после изучения обстоятельств дела и оценки имеющихся доказательств суд пришел к выводу, что мотивы, по которым суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, не соответствуют нормам материального права. Суд апелляционной инстанции не согласился с выводом суда первой инстанции о злоупотреблении истцом правом, поскольку на территории Российской Федерации гарантирована равная охрана интеллектуальной собственности иностранных организаций, включая те, которые зарегистрированы в Великобритании. Поэтому само по себе предъявление иска не может быть признано недобросовестным действием в соответствии со статьей 10 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵.

Таким образом, ограничения и запреты, налагаемые на страны или компании, могут значительно затруднить процесс обмена знаниями, технологиями и инновациями. Это может привести к ограничению развития интеллектуальной сферы и ущемлению прав на интеллектуальную собственность. Поэтому необходимо разработать более гибкие и эффективные механизмы контроля и регулирования санкций, чтобы минимизировать их негативное воздействие на интеллектуальную собственность и способствовать свободному обмену знаниями и технологиями.

Нистратова А. А., Парезева В. Е.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студенты

Становление института принудительного лицензирования в Российской Федерации в условиях санкций

В связи с уходом иностранных юридических лиц (далее – ЮЛ) с российского рынка особую актуальность приобрел вопрос принудительного лицензирования, под которым понимается предоставление права

---

¹ Влияние санкций и авторство ИИ: тренды в интеллектуалке // Право. URL: <https://pravo.ru/story/250055/> (дата обращения: 11.02.2024).

² Влияние санкций и авторство ИИ: тренды в интеллектуалке // Право URL: <https://pravo.ru/story/250055/> (дата обращения: 11.02.2024).

³ Решение АС Кировской области от 3 марта 2022 г. по делу № А28-11930/2021.

⁴ Указ Президента Российской Федерации «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» от 28.02.2022 № 79 // Парламентская газета. с изм. и доп. в ред. от ред. от 09.06.2022, с изм. от 09.08.2023.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2024).

использования результата интеллектуальной деятельности (далее – РИД), исключительное право на которое принадлежит другому лицу¹.

В статье исследуется указанный институт, сформулированы предложения по его развитию. Также в работе проанализирована практика применения института принудительного лицензирования в Российской Федерации применительно к отдельным РИД и средствам индивидуализации (далее – СИ).

Принудительное лицензирование отдельных объектов приобрело распространение после пандемии. Так, Правительством РФ была выдана принудительная лицензия на изобретения, связанные с производством лекарственного препарата, предназначенного для лечения COVID-19². Сейчас основными условиями для выдачи принудительной лицензии являются неиспользование или недостаточное использование объекта правообладателем, а также необходимость его применения для публичных нужд.

Отдельного внимания заслуживают правила о принудительном лицензировании товарного знака. В ст. 21 Соглашения по торговым аспектам права интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС) установлено общее правило о запрете принудительного предоставления лицензий на использование товарных знаков³.

При этом другие международные акты косвенно указывают на возможность принудительного лицензирования такого СИ. Так, например, в пп. (е) п. (1) ст. 11 Договора о законах по товарным знакам 1994 г.⁴ регламентируются изменения владельца товарного знака решением суда или законом. Изменение владельца властным актом, а не по воле правообладателя, может быть истолковано по-разному, в том числе как выдача принудительной лицензии. Сходное положение закреплено в ст. 11 Сингапурского договора о законах по товарным знакам 2006 г.⁵.

Таким образом, указанное лицензирование допускается отдельными международными договорами. В России правила о принудительном лицензировании товарных знаков закреплены в ст. 1239, 1360, 1362 Гражданского кодекса России (далее – ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 1486 ГК РФ для заинтересованного лица, полагающего, что правообладатель не использует товарный знак в течение 3 лет непрерывно, закреплены две возможности: направить правообладателю предложение обратиться в Роспатент с заявлением об отказе от права на товарный знак либо предложить ему заключить с заинтересованным лицом договор об отчуждении исключительного права на товарный знак. В случае отказа либо отсутствия ответа от правообладателя у заинтересованного лица возникает право обратиться в суд с иском о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака.

По нашему мнению, в п. 1 ст. 1486 ГК РФ закреплены нормы о лишении права на товарный знак. Аналогичные нормы применяются и в других юрисдикциях – например, в Китае существует похожий механизм – иск о досрочном прекращении товарного знака в связи с его неиспользованием⁶.

Пирогова В.В. выделяет и другой способ принудительного лицензирования – принудительное предоставление прав на товарный знак третьим лицам⁷. В этом случае потенциальный лицензиат должен представить уполномоченным органам доказательство наличия производственных и иных ресурсов, которые обеспечат качество лицензируемых товаров и услуг, их соответствие стандартам первоначального правообладателя.

Этот способ получил отражение в современной судебной практике, а именно в деле № А56-126541/2023 по иску ООО «Пивоваренная компания «Балтика» к Carlsberg Breweries A/S. В связи с уходом из РФ Carlsberg Breweries A/S инициировала расторжение лицензионных соглашений об использовании компанией «Балтика» товарных знаков организации. Компания «Балтика» обратилась в Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области с требованиями о признании недействительным одностороннего отказа от лицензионных соглашений в отношении брендов Carlsberg и Grimbergen, а также о принятии обеспечительных мер. Суд принял решение запретить Роспатенту осуществлять государственную регистрацию прекращения зарегистрированных прав использования товарных знаков по соответствующим

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Статья 1239 (ред. от 25.02.2022) // СЗ РФ. 1994 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2024).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 3718-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2024).

³ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (с изменениями на 6 декабря 2005 года) от 15.04.94 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2024).

⁴ Договор о законах по товарным знакам от 27 октября 1994 года // Официальный портал «Кодекс» (дата обращения: 07.02.2024).

⁵ Сингапурский договор о законах по товарным знакам. Ратифицирован Федеральным законом РФ от 23 мая 2009 года № 98-ФЗ // Официальный портал «Кодекс» (дата обращения: 07.02.2024).

⁶ Закон Китая о товарных знаках, 2019. Статья 49, 64 // Портал законов Китая СЮ (дата обращения: 18.02.2024).

⁷ Пирогова В. В. Интеллектуальная собственность : учебник. МГИМО МИД России, 2014. С. 215–240.

лицензионным (сублицензионным) договорам¹. В сущности, решением суда без учета мнения правообладателя за компанией «Балтика» было оставлено право осуществлять права по лицензионному договору. Стоит обратить внимание на то, что Carlsberg оставили за Балтикой права использования материалов, находящихся на территории России до 1 апреля 2024 года, так что наличие ресурсов для производства товаров, качество которых соответствует качеству товара лицензиата, Балтика сможет подтвердить.

Таким образом суд отдал приоритет внутрисударственным интересам. В свете этого решения, важно отметить, что ТРИПС² принудительное лицензирование запрещено. Вместе с тем, за правообладателем сохраняется возможность осуществлять меры по защите исключительных прав на товарный знак, например, обратиться с иском о компенсации за нарушение прав на товарный знак³.

Принудительное лицензирование распространяется и на сферу использования программного обеспечения (далее – ПО). Как известно, в конце 2023 года Европейский Союз (далее – ЕС) опубликовал 12-й пакет санкций, направленный против российских ЮЛ, индивидуальных предпринимателей (далее – ИП) и органов власти. Изменения коснулись предоставления ПО российским ЮЛ, а именно запрет на его продажу, поставку, передачу, экспорт⁴. Такие ограничения нанесли непосредственный ущерб деятельности ЮЛ и ИП, а потому предоставление доступа необходимо.

Обратим внимание, что закрепленный в ГК РФ механизм принудительного лицензирования позволяют продолжать использование ПО с разрешения суда несмотря на запрет самого иностранного правообладателя. Вместе с тем, как было указано выше, это возможно только в случаях, предусмотренных законом.

В свете ранее указанного 12-го пакета санкций возникла потребность законодательного расширения перечня случаев принудительного лицензирования. С целью разрешения данной проблемы в 2023 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, устанавливающий возможность выдачи принудительных лицензий на объекты авторских и смежных прав, чтобы предотвратить «риски отката культуры соблюдения интеллектуальных прав» и «обеспечить доступ граждан к научным, культурным ценностям», как указали в пояснительной записке⁵. То есть отечественные ЮЛ смогут через суд получать недоступные лицензии на РИД из недружественных стран, которые отказали российским контрагентам в прямой продаже⁶. Принудительная лицензия может сохранить баланс интересов правообладателя и лицензиатов, но в законопроекте есть недочеты, а именно неурегулированность отношений, складывающихся при реализации предложений о лицензировании, что затрудняет предлагаемое нормативное регулирование отношений. Как представляется, принудительное лицензирование может сохранить баланс интересов правообладателей и лицензиатов. Обратим внимание, что ряд положений Законопроекта требует дальнейшей разработки. В частности, отсутствует механизм реализации принудительного лицензирования ПО.

Наряду с реализацией механизма принудительного лицензирования следует обратить внимание и на установление гарантий качества товаров, ассоциируемых у потребителей с определенными товарными знаками. В этой связи представляются необходимыми организация и контроль за соблюдением правил, установленных в п. 2 ст. 1489 ГК РФ, а именно требований обеспечить соответствие качества товаров, на которые лицензиат помещает лицензионный товарный знак, требованиям к качеству, устанавливаемым лицензиаром. Норма предусматривает право лицензиара осуществлять контроль за соблюдением этого условия, но в случае с принудительной лицензией необходим другой механизм, например, стимулирование

---

¹ Определение АС Санкт-Петербурга и ЛО от 17.01.2023 по делу № А56-126541/2023 // Картотека арбитражных дел: сайт «Арбитра.КАД» (дата обращения: 20.01.2024).

² Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (с изменениями на 6 декабря 2005 года) от 15.04.94 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2024).

³ Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2023 г. // vsrf.ru (дата обращения: 12.02.2024).

⁴ The 12th package of sanctions targeting Russia via Regulation[№](EU) 2023/2878 and Regulation[№](EU) 2023/2875, amending Regulation[№](EU) 833/2014 and Regulation[№](EU) 269/2014 (collectively, «12th EU Russia Sanctions Package»), 18 December 2023 // AN[№]official website of the European[№]Union[№] (дата обращения: 13.02.2024).

⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 184016-8 «О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности (дата обращения: 14.02.2023).

⁶ Законопроект № 184016-8 «О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности (дата обращения: 14.02.2023).

внутреннего контроля на предприятии лицензиата или возложение функций по контролю на иных лиц, например, на органы государственной власти.

Таким образом, институт принудительного лицензирования в России получил стремительное развитие в последние годы. Вместе с тем требуется совершенствование юридических механизмов защиты прав лицензиаров и потребителей, а также унификация судебной практики по данному вопросу.

Нисуев Г. О.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Настольная игра как сложный объект интеллектуальной собственности

Сегодня, в мире цифровых технологий и интернет-развлечений, индустрия настольных игр не остается в тени и завоевывает сердца людей всех возрастов. Такие игры, собирая вокруг себя друзей или семью за одним столом, создают неповторимую атмосферу праздника и веселья. Но мир «настолок» не стоит на месте, каждый год появляются новые версии различных игр, и резонно возникает вопрос правовой охраны настольных игр.

В перечне объектов, охраняемых авторским правом, приведенном в ст. 1259 ГК РФ, настольная игра в качестве самостоятельного объекта охраны не упоминается. Однако последующий анализ вышеупомянутой статьи ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что отдельные составляющие настольной игры – упаковка, игровое поле, правила, игровой реквизит и прочие элементы – охраноспособны.

Упаковочная коробка (авторское право, регистрация товарного знака, патентное право). Увидев настольную игру впервые, потребитель прежде всего сталкивается с дизайном упаковочной коробки. Согласно ст. 1259 ГК РФ, объекты дизайна отнесены к объектам авторских прав и подлежат правовой защите. Автор изначально является обладателем исключительного права на объект дизайна.

Также следует учитывать, что дизайн упаковки состоит из отдельных элементов, каждый из которых потенциально может быть зарегистрирован в качестве товарного знака, исключительное право в отношении которого подлежит правовой охране. Важно понимать разницу между товарным знаком и логотипом. Согласно ст. 1477 ГК РФ, охраняется исключительное право именно на товарный знак, который служит для индивидуализации товаров. Логотип, в отличие от товарного знака, не имеет определения на законодательном уровне и не охраняется в качестве самостоятельного средства индивидуализации, однако активно используется в практике с целью индивидуализировать товар или производителя и сделать их узнаваемыми для потребителя. Это не означает, что логотип совсем не охраноспособен. Если он представляет из себя изображение – охраняется исключительное право автора изображения. Кроме того, есть возможность его регистрации в качестве товарного знака.

В случаях, когда упаковка имеет уникальную форму, ее можно защитить путем получения патента на промышленный образец.

Наименование (регистрация товарного знака). Следует обратить внимание на наименование настольной игры, которое, как правило, указывается на упаковочной коробке. По аналогии с рассмотрением логотипа, с точки зрения гражданского права, наименование игры не подлежит защите авторским или патентным правом. Но, в случаях, когда необходимо обеспечить защиту наименования, его можно зарегистрировать отдельно в качестве товарного знака.

Игровое поле (авторское право, патентное право). Во многих играх основные действия происходят на игровом поле. Как и в случае с упаковочной коробкой, права на дизайн игрового поля также подлежат защите авторским либо патентным правом. С точки зрения объектов авторского права игровое поле может быть рассмотрено как произведение дизайна.

Игровое поле можно также рассматривать как объект с уникальными деталями, например, если оно имеет оригинальную форму, уникальное расположение сегментов хода и собственную цветовую гамму. Согласно ст. 1352 ГК РФ, игровое поле может быть признано промышленным образцом, если оно обладает новизной, оригинальностью и не вводит потребителя в заблуждение.

Однако не все игровые поля являются объектами интеллектуальной собственности, так как некоторые из них могут быть общедоступными или стандартизированными, например, шахматная доска. В таких случаях дизайн игрового поля может быть свободно использован без нарушения авторских прав.

Игровой реквизит (авторское право, патентное право). Возникает вопрос о защите прав на игровой реквизит – фишки, игральные кости, фигуры и другие атрибуты настольной игры, которые могут рассматриваться как произведение дизайна или полезная модель. Согласно ст. 1351 ГК РФ, при патентовании технических решений в качестве полезных моделей необходимо соблюдать условия новизны и

промышленной применимости. Игровой реквизит может также рассматриваться как самостоятельный объект авторского права, такие как произведение дизайна, живописи, рисунка и др.

Персонажи (регистрация товарного знака). Немаловажным элементом многих игр являются уникальные персонажи, которые влюбляют в себя игроков своим уникальным внешним видом и захватывающей предысторией. Герой игры подлежит регистрации в качестве товарного знака в целях недопущения несанкционированного использования или копирования его образа другими лицами. Один из самых ярких примеров регистрации персонажа в качестве товарного знака – банкир из всемирно известной игры «Мопоролу».

Игровая механика. Одним из наиболее дискуссионных вопросов в отношении правового режима элементов настольных игр, как объектов интеллектуальной собственности, является защита игровой механики. Опираясь на мнения разработчиков настольных игр, механикой настольной игры можно определить совокупность правил, определяющих последовательность, тип и принципы действий игроков. Рассматривая под данным углом понятие механики, законодатель видит в ней абстракцию, не подпадающую под ст. 1259 ГК РФ, которая исключает защиту идей, концепций, принципов, методов и так далее.

Некоторые правоведы предлагают рассматривать правила настольной игры в качестве литературного произведения, но это не приведет к разрешению проблемы, так как такой вид защиты позволяет пресечь лишь копирование текста правил, но не самих идей или концепции игры.

Стоит отметить, что ст. 1350 ГК РФ закрепляет, что с точки зрения патентного права условия игры на звание изобретения претендовать не могут, соответственно, запатентовать их возможности нет. Однако практика защиты игровой механики с помощью патентов существует в случаях патентования ее как способа решения конкретной проблемы, характерной для определенного типа игр. Данное решение может включать в себя расширение игровых возможностей, добавление новых элементов или устранение существующих недостатков.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что настольная игра является сложным объектом, включающим в себя несколько результатов интеллектуальной деятельности, права на каждый из которых подлежат правовой охране.

Новицкий А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Доведение до всеобщего сведения как способ использования объектов авторских и смежных прав в сети Интернет

Активное развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет пользователям глобальных сетей открывать для себя новые способы творчества и распространения произведений, созданных на виртуальных платформах. Это становится причиной необходимости государственного урегулирования обращения результатов интеллектуальной деятельности, поскольку возникает огромный пласт общественных отношений, который фактически не урегулирован нормами права. К тому же возникают вопросы и о методах регулирования цифровых отношений, так как меняется сама сущность взаимодействия субъектов-участников.

Доведение произведения до всеобщего сведения как способ использования (распространения) был впервые закреплен в Договоре ВОИС по авторскому праву в 1996 году¹. Согласно данному соглашению таким использованием является любое сообщение произведений для всеобщего сведения по проводам или средствами беспроводной связи. Данное правомочие впервые было закреплено в Законе РФ «Об авторском праве и смежных правах»², а затем перешло и в часть 4 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)³. Согласно ст. 1270 ГК РФ доведением произведения до всеобщего сведения признается распространение произведения «таким образом, что любое лицо может получить доступ к произведению из любого места и в любое время по собственному выбору». Важно отметить, что предоставление доступа к произведению на цифровых или иных площадках является реализацией двух правомочий одновременно: доведение до

¹ Договор ВОИС по авторскому праву (Женева, 20 декабря 1996 г.) // Бюллетень международных договоров. 2016. № 12.

² Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 № 5351-1 // СПС «КонсультантПлюс» (утратил силу).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4: ФЗ от 18.12.2006 № 230-ФЗ: [ред. от 29.12.2017] // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

всеобщего сведения и права на воспроизведение. Исходя из этого, при нарушении исключительного права необходимо установить, каким именно способом были нарушены законные права и интересы лица.

Однако, несмотря на закрепление в международном акте данного правомочия, возникают правовые вопросы, связанные с особенностями некоторых объектов, использование которых осуществляется на онлайн-площадках. Так, в настоящий момент не существует международного договора, в котором бы закреплялись особенности правовой охраны «инвестиционных» баз данных. В связи с этим правовая охрана осуществляется на основе принципа взаимности: предоставляется правовая охрана, если аналогичная норма закреплена и в праве иностранного государства.

Кроме того, в силу специфики доведения произведения до всеобщего сведения требуется установить, в какой объективной форме допускается использование такого произведения. Исключительное право является следствием создания самого произведения и не зависит от публикации в Интернете или на других платформах. Таким образом, можно сделать вывод, что сама форма объекта не зависит от способа его распространения, а доведение до всеобщего сведения через Интернет является способом предоставления пользователям произведения в форме цифровой копии.

Следует отметить, что некоторые произведения возможно передавать в цифровой форме и без утраты определенных их свойств, в то время как иные теряют полностью или частично свои характеристики. Например, некоторые копии произведения науки, литературы и искусства можно передавать без существенных изменений в цифровом варианте (пп. 1 п. 1 ст. 1225 ГК РФ), поскольку текстовая или графическая форма данных объектов авторских прав сохраняется и в электронном виде. Ярким примером противоположной группы объектов являются произведения архитектуры, которые могут передаваться в форме графического изображения или в виде чертежей через сети Интернет. Следует выделить и те объекты, которые изначально созданы в цифровой форме. К ним можно отнести базы данных, а также программы для ЭВМ (пп. 2, 3 п. 1 ст. 1225 ГК РФ).

Субъекты доведения произведения до всеобщего сведения также обладают особенностями в связи с цифровой формой их участия. Помимо правообладателя исключительным правом также следует выделить и группы субъектов, которые являются «проводниками» произведения на цифровых платформах. К ним относятся лица, оказывающие физическим и юридическим лицам на возмездной договорной основе услуги по предоставлению доступа к сети Интернет (например, физические или юридические лица, оказывающие услуги по размещению различной информации в сети Интернет), лица, осуществляющие административные функции на открытых цифровых площадках (администраторы сайтов), а также лица, осуществляющие управление материалом на сайтах с ограниченным доступом для пользователей (например, модераторы интернет площадок с платной подпиской). Однако в законодательстве Российской Федерации на данный момент отсутствует правовое закрепление статуса данных лиц, который необходим для наиболее верного определения роли того или иного субъекта доведения до всеобщего сведения произведения¹.

Особенности правового регулирования доведения до всеобщего пользования в сети Интернет также обусловлены цифровой спецификой. Доступ предоставляется не к самому произведению, а файлам, в которых содержится объект. Также возможна передача данных и через ссылки, которые и предоставляют в свою очередь доступ к файлам с произведением. При данном способе доведения до всеобщего сведения необходимо установить, каким образом предоставляется доступ к произведению. Так, например, сеть «ВКонтакте» использует html-код, который отсылает пользователя на определенную позицию на сервере, где хранятся файлы с произведением, что исключает копирование данных материалов и не нарушает законные права и интересы правообладателя.

При обращении в суд с исковым заявлением в случае неправомерного доведения произведения до всеобщего сведения необходимо установить, какую цель имело данное правонарушение, поскольку оно может затрагивать и иные правомочия собственника. Например, доведение до всеобщего сведения произведения возможно также одновременно с нарушением права на воспроизведение данного объекта. В таком случае, исходя из общего экономического интереса действий лица, нарушившего права и интересы правообладателя, усматривается единое нарушение исключительного права на произведение. Данная позиция также подтверждается судебной практикой. Так, в пункте 56 постановления № 10 Верховного Суда РФ закрепляется следующее: «использование результата интеллектуальной деятельности или средства

---

¹ Дейнеко А. Г. Право на доведение произведения до всеобщего сведения: объектно-субъектный анализ // Труды по интеллектуальной собственности. 2012. Т. XI. № 2. С. 125–151.

индивидуализации одним лицом различными способами, направленными на достижение одной экономической цели, образует одно нарушение исключительного права»¹.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что несмотря на довольно широкий пласт нормативно-правовой базы, направленной на урегулирование доведения произведения до всеобщего сведения, остаются открытыми вопросы, связанные с субъектно-объектным составом правоотношений, а также спецификой самого использования произведений на цифровых площадках.

Петюшкина Ю. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблемы охраноспособности общеизвестных товарных знаков

Товарные знаки широко используются для идентификации бизнеса, развития бренда, формирования позитивного образа на рынке. По товарным знакам потребители различают производителей товаров и услуг, формируют свое представление об их свойствах. Зачастую решение потребителя о приобретении того или иного товара или услуги зависит именно от популярности бренда. Этот критерий стимулирует конкуренцию и способствует развитию и улучшению качества продукта.

Однако нередко возникают ситуации, когда конкуренты используют сходное до степени смешения обозначение, которое может ввести потребителя в заблуждение относительно источника происхождения товара или услуги. В связи с этим производители стремятся зарегистрировать товарный знак, а затем добиться признания его общеизвестным, поскольку такие товарные знаки предоставляют правообладателю больше преимуществ. Вместе с этим правообладатели могут столкнуться с некоторыми трудностями.

Конвенция по охране промышленной собственности (ст. 6bis)² относит принятие решения о признании товарного знака общеизвестным компетентному органу страны регистрации.

В России правила о признании товарного знака общеизвестным закреплены в ст. 1508 и 1509 Гражданского кодекса РФ³. Законодательство предусматривает три условия, при соблюдении которых товарный знак может быть признан общеизвестным:

- 1) широкая известность обозначения в РФ;
- 2) у соответствующих потребителей;
- 3) в отношении товаров (услуг) производителя.

Материалы и сведения, подтверждающие общеизвестность товарного знака, установлены в п. 17 Приказа Минэкономразвития России от 27.08.2015 № 602⁴.

Однако у правообладателей все равно возникают трудности в подтверждении общеизвестности товарного знака, в связи с чем Роспатент часто отказывает в такой регистрации.

Например, одним из доказательств широкой известности товарного знака является приложение списка населенных пунктов, в которых реализовывался товар (услуга). Так, общество с ограниченной ответственностью «О'КЕЙ» с заявлением о признании недействительным решения Роспатента от 19.04.2017 об отказе в признании словесного товарного знака «О'КЕЙ» по свидетельству РФ № 265651 общеизвестным и об обязанности Роспатента зарегистрировать обозначение «О'КЕЙ» в качестве товарного знака, общеизвестного в РФ⁵. В качестве одного из доказательств общеизвестности товарного знака Общество приложило распечатку с сайта сети «О'КЕЙ» со списком городов, в которых находятся гипермаркеты и/или супермаркеты «О'КЕЙ». Роспатент отказал в признании товарного знака общеизвестным, поскольку посчитал,

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 89 // СПС «КонсультантПлюс».

² Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883)(ред. от 02.10.1979) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023, с изм. от 14.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Приказ Минэкономразвития России от 27.08.2015 № 602 (ред. от 07.06.2017) «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по признанию товарного знака или используемого в качестве товарного знака обозначения общеизвестным в Российской Федерации товарным знаком» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.09.2015 № 39065).

⁵ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.03.2018 № C01-35/2018 по делу № СИП-354/2017 // URL:

<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=MyFkka&base=SIP&n=37920#SeIn3UmojyMu7wo>.

что «представленные доказательства свидетельствуют о незначительном географическом охвате использования обществом на территории Российской Федерации товарного знака»¹.

Суд, удовлетворив требования Общества, пришел к выводу, что наличие магазинов сети не во всех субъектах РФ не говорит об отсутствии широкой известности товарного знака. Кроме того, суд отметил, что «с учетом неравномерного распределения численности и плотности населения по территории РФ могут выступать критериями широкой известности товарного знака в РФ численность населения и плотность его проживания на определенной территории, а не географический охват такого использования».

Помимо этого, согласно подходу, изложенному в подпункте «b» пункта 1 статьи 2 Рекомендации ВОИС, географический район использования товарного знака является лишь одним из критериев определения общеизвестности товарного знака.

Правообладатели могут столкнуться с отказом в признании товарного знака общеизвестным, поскольку Роспатент и суды уделяют большее внимание интенсивности использования товарного знака. Президиум Суда по интеллектуальным правам (далее – СИП) рассмотрел кассационную жалобу общества с ограниченной ответственностью «Ульяновский автомобильный завод» (далее – общество «УАЗ»), которому было отказано в признании обозначения «UAZ» в качестве общеизвестного товарного знака. СИП отметил, что «общеизвестность товарного знака может следовать не только из интенсивного использования товарного знака в какой-либо определенный период времени, но и из иных обстоятельств, например, длительной, широко известной истории обозначения»², а также обратил внимание судов на то, что перечень доказательств, подтверждающих общеизвестность обозначения, не является исчерпывающим в соответствии как с международными договорами, так и с национальным законодательством РФ.

Президиум СИП рассмотрел кассационную жалобу Роспатента на решение СИП по иску общества с ограниченной ответственностью «Газпром нефть» об обязанности Роспатента повторно рассмотреть заявление общества о признании его товарного знака общеизвестным.

Роспатент, отказывая в таком признании, основывался на том, что представленные обществом документы не содержат сведения о постоянном и длительном использовании именно спорного товарного знака в том виде, как он зарегистрирован.

Президиум СИП не согласился с доводом Роспатента и справедливо указал, что длительность использования – лишь один из факторов, которые приводят к следствию – признанию обозначения общеизвестным³, поскольку ни в национальном законодательстве Российской Федерации, ни в международных договорах не содержится требований о длительном использовании обозначения для признания его общеизвестным.

В доктрине также подчеркивается трудности в признании товарных знаков общеизвестными. Например, авторы в работе «Права на товарный знак: монография» на основе анализа судебных актов приходят к выводу о том, что «процедура признания товарных знаков общеизвестными является достаточно сложной»⁴. Горян Э.В. и Рахманкулов И.Р. пришли к выводу о том, что правоприменительная практика вывела новые, не установленные в законодательстве, критерии для признания товарных знаков общеизвестными⁵.

Таким образом, на основе анализа научных работ и практики Суда по интеллектуальным правам в отношении признания товарных знаков общеизвестными⁶ можно сделать вывод о том, что такая практика является неоднородной, а также имеются сложности в толковании и применении норм международных договоров и национального законодательства РФ.

---

¹ Там же.

² Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 04.06.2018 № С01-276/2018 по делу № СИП-556/2017 // СПС Консультант+.

³ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 14.11.2018 № С01-876/2018 по делу № СИП-676/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Права на товарный знак : монография / Д. В. Афанасьев, А. С. Ворожечич, В. В. Голофаев [и др.] ; отв. ред. Л. А. Новоселова. М. : Норма, Инфра-М, 2016. 144 с.

⁵ Горян Элла Владимировна, Рахманкулов Ильяс Рафикович Критерии признания общеизвестным товарного знака или обозначения в Российской Федерации // Территория новых возможностей. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-priznaniya-obscheizvestnym-tovarnogo-znaka-ili-oboznacheniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 11.02.2024).

⁶ «Обзоры судебной практики за период с 1 января 2018 г. по 30 июня 2023 г., представленные в «Классификаторе постановлений президиума Суда по интеллектуальным правам» (Кольцдорф М. А., Осадчая О. А., Ульянова Е. В., Оганесян А. Н., Алимурарова И. К., Капырина Н. И.) (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Племянникова А. Н.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Возмещение упущенной выгоды как способ защиты исключительных прав на секрет производства (ноу-хау)

В законодательстве Российской Федерации правовому регулированию секрета производства (ноу-хау) посвящена 75 глава Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹. В соответствии с ст. 1465 ГК РФ правовой охране в качестве ноу-хау подлежат сведения двух видов: о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности. Данные сведения могут носить организационный, технический, производственный и любой другой характер, но обязательно должны соответствовать трем условиям правовой охраны: 1) информация должна иметь действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности третьим лицам, 2) у третьих лиц должен отсутствовать свободный доступ к информации на законном основании, 3) обладатель сведений должен принять разумные меры для соблюдения их конфиденциальности (в частности, с использованием режима коммерческой тайны).

Результаты интеллектуальной деятельности, на которые может быть распространен режим ноу-хау, могут быть охраняемыми или способными к правовой охране. Такими объектами могут быть только сведения в научно-технической сфере, как патентоспособные, так и не патентоспособные². Режим ноу-хау является альтернативной формой охраны технических решений, он имеет ряд преимуществ перед патентной охраной, в частности, правообладатель не рискует размещением информации о решении в открытых источниках, что может привести к ее незаконному использованию³.

Обладатель секрета производства приобретает исключительные права на объект в момент обеспечения условий предоставления правовой охраны. Прекращаются исключительные права на секрет производства в момент утраты конфиденциальности информации, составляющей содержание ноу-хау и появления у неограниченного круга лиц доступа к ней⁴. В содержание исключительного права на секрет производства входит право использовать сведения любым не противоречащим закону способом, запрещать или разрешить другим лицам использовать ноу-хау, распоряжаться исключительным правом⁵. Использование ноу-хау реализуется самим правообладателем посредством практического применения сведений, в частности, при производстве товаров и оказании услуг. Распоряжение исключительным правом происходит, в частности, путем отчуждения исключительных прав, заключения лицензионного соглашения или договора коммерческой концессии.

Несмотря на то что режим ноу-хау позволяет сохранить коммерчески ценную информацию в тайне от конкурентов, он не может обезопасить правообладателя от неправомерной утечки информации в результате промышленного шпионажа или разглашения информации работниками правообладателя. Рассмотрим виды нарушений прав на секрет производства и способы защиты для правообладателя.

Согласно ст. 1472 ГК РФ к нарушениям исключительного права на секрет производства относятся: неправомерное получение сведений, составляющих содержание секрета производства, их использование или разглашение. Неправомерным получением признается приобретение доступа к информации без законного основания (например, в виде трудового или гражданско-правового договора). Неправомерное использование ноу-хау предполагает практическое применение сведений при осуществлении хозяйственной деятельности субъектом, не уполномоченным на то правообладателем, а также использование ноу-хау способом, не предусмотренным лицензионным соглашением. Разглашение сведений предполагает их незаконную передачу третьим лицам, которые не обязаны сохранять их конфиденциальность. Дискуссионным в правовой доктрине является вопрос о самой возможности в таком случае применения мер защиты и мер

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024).

² Еременко В. И. Особенности правовой охраны секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну // Законодательство и экономика. 2014. № 12. С. 22–42.

³ Гаврилов Э. Гражданско-правовая защита и охрана секретов производства и коммерческой тайны // Хозяйство и право. 2014. № 7. С. 41–56.

⁴ Ворожевич А. С. Исключительное право на ноу-хау (секрет производства): сущность, границы, проблемы защиты // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 130–187.

⁵ Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 3 / В. В. Безбах, Д. А. Белова, Г. К. Дмитриева [и др.] ; отв. ред. В. П. Мозолин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2012 (на первом листе – 2013). С. 336, 337 (авторы текста – Д. А. Белова, В. П. Мозолин).

ответственности, ведь при разглашении сведения теряют конфиденциальность, которая является условием предоставления правовой охраны ноу-хау. Правоприменитель исходит из противоположной позиции, предоставляя защиту правообладателям разглашенных ноу-хау¹.

Гражданско-правовая защита исключительных прав на ноу-хау осуществляется следующими способами: пресечение действий, представляющих собой нарушение исключительного права и возмещение убытков. Необходимо рассмотреть подробнее каждый из способов.

Пресечение действий, представляющих собой нарушение исключительного права на секрет производства, является реализацией права правообладателя запрещать использовать ноу-хау другим лицам. Данный способ защиты может быть применен автономно или одновременно с возмещением убытков. Использование исключительно данного способа защиты возможно при нарушении исключительного права на ноу-хау лицом, действующим добросовестно, то есть не обладающим информацией о том, что использование неправомерно, например, при получении сведений случайно или вследствие незаконных действий другого лица. В таком случае правообладатель не может требовать возмещения убытков.

В соответствии со ст. 1472 ГК РФ нарушитель исключительного права на секрет производства обязан возместить убытки, если иная мера ответственности не установлена договором. Согласно ст. 15 ГК РФ в состав убытков включены реальный ущерб и упущенная выгода. Реальный ущерб при нарушении исключительных прав состоит из расходов, которые необходимо произвести для восстановления нарушенного права. Упущенная выгода правообладателя может быть рассчитана исходя из его недополученных доходов или из размера дохода, который получил нарушитель в результате незаконного использования сведений². Представляется целесообразным рассмотреть подробнее состав упущенной выгоды при нарушении прив на ноу-хау.

Универсальную упущенную выгоду составляют лицензионные платежи, которые при нормальных условиях гражданского оборота нарушитель должен был бы выплатить за предоставления права использования секрета производства (роялти). Право на возмещение такого вреда возникает во всех случаях нарушения исключительных прав. В доктрине существуют различные точки зрения на правовую природу данного вида убытков: они рассматриваются как реституционные убытки (нарушитель осуществляет реституцию своего неосновательного обогащения), убытки, монетизирующие ценность права (при расчете роялти устанавливается ценность объекта)³. Определение размера данного вида убытков возможно исходя из суммы денежных средств, которые правообладатель получал по ранее заключенным лицензионным соглашениям. Однако, правоприменительная практика показывает, что не все секреты производства являются объектами лицензионных соглашений; условия использования ноу-хау по ранее предоставленным лицензиям могут отличаться от обстоятельств использования ноу-хау нарушителем; цена предыдущих лицензий может быть завышены или занижена исходя из практики отношений сторон (например, аффилированность). Вследствие указанных причин цена по ранее заключенным лицензионным соглашениям не может быть абсолютным критерием при решении вопроса о размере упущенной выгоды в виде роялти, в связи с чем при определении размера упущенной выгоды необходимо учитывать средние ставки роялти на рынке, стоимость производимого продукта, наличие или отсутствие конкуренции между правообладателем и нарушителем.

Имущественные потери правообладателя могут также образоваться в результате падения спроса на его продукцию. Производя товар с использованием ноу-хау, нарушитель переманивает часть клиентов правообладателя секрета производства. В таком случае размер убытков может определяться как разница между доходом, который правообладатель мог бы получить при отсутствии нарушения, и фактически полученным доходом. При выборе данного способа расчета убытков правообладателю необходимо будет доказать реальную возможность получения доходов, например, факт наличия приготовлений к реализации определенного объема продукции.

Правообладатель при расчете упущенной выгоды вправе исходить из размера дохода, полученного нарушителем⁴. Существенным недостатком данного способа расчета убытков является отсутствие у

---

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10 октября 2019 года по делу № А40-180850/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 июня 2020 г. № С01-494/2020 по делу № А45-14237/2018.

³ Ворожечин А. С. Исключительное право на ноу-хау (секрет производства): сущность, границы, проблемы защиты // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 130–187.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

правообладателя точной информации о доходах нарушителя и, соответственно, возможном размере требований.

При неправомерном раскрытии сведений, составляющих содержание ноу-хау, они не только утрачивают конфиденциальность, но и могут попасть в доступ неограниченного круга лиц. В таком случае исключительное право на секрет производства прекращается, а размер убытков необходимо рассчитывать, опираясь на рыночную стоимость исключительного права. При определении итоговой стоимости целесообразно учитывать затраты правообладателя на создание ноу-хау, средние цены на подобные объекты, прогнозируемые доходы правообладателя и т.д.

Таким образом, возмещение упущенной выгоды является основным способом защиты исключительных прав на секрет производства; правоприменительная практика сталкивается с трудностями при определении размера убытков, ведь для защиты нарушенных прав истцу необходимо доказать не только наличие прав на секрет производства (соответствие сведений условиям правовой охраны), но и реальную возможность получения доходов или факт получения доходов нарушителем. Предоставление такой информации является сложной задачей, ведь для получения конкурентных преимуществ обеспечивается конфиденциальность процесса производства товаров с использованием ноу-хау.

Плешакова А. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Плагиат и рерайт как проблема авторского права

В современном мире развитых технологий большое значение имеет сеть «Интернет». Всемирная паутина позволила человеку расширить свои возможности, поэтому сейчас абсолютно каждый может опубликовать свою статью, художественную работу, фотографическое произведение, при этом, становясь полноправным автором. Нередко встречаются случаи, когда третье лицо выставляет чужую работу за свою, что является плагиатом, но как же существуют различные ремиксы, рерайты, цитаты и отсылки в книгах и статьях? Именно над этой проблемой я задумалась в процессе изучения литературы по теме.

Литературные, музыкальные, фотографические и другие произведения – это объекты авторского права. Авторское право является личным неимущественным правом, тесно связанным с имущественными отношениями. Существует ряд исключительных прав, принадлежащих автору, которые не могут быть ограничены, за исключением тех случаев, которые указаны в ст. 1229 п. 5 ГК РФ. Исключительное право автора на произведение закреплено в ст. 1256 п. 1 ГК РФ. Важно отметить, что исключительные права могут быть как тесно связаны с личностью автора, так и иметь обособленный характер, что позволяет включить их в экономический оборот¹. Исходя из ст. 1229 п. 1 абз. 2 ГК РФ, можно определить, что невозможно использование результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации без разрешения автора, ведь в этом случае будет применяться уголовное или административное законодательство о незаконном присвоении авторства.

Важно отметить, что в части 4 ГК понятие «плагиата» отсутствует, поэтому нет точного определения этого термина, но смысл его можно найти в других кодексах. В уголовном и административном законодательстве плагиат классифицируется как «незаконное присвоение авторства» (ст. 146 УК РФ) и «незаконное использование произведения, полезной модели, промышленного образца» (ст. 7.12 КоАП) соответственно. Обобщая эти два определения и выводя одно общее, можно сказать, что плагиат – это незаконное использование чужого результата интеллектуальной деятельности, которое предполагает отсутствие согласия автора на использование, распространение и изменение произведения. «Плагиатом» может считаться также превышение допустимого объема цитирования, то есть излишнее использование произведения другого автора, которое не удовлетворяет целям его применения, но это стоит относить к неправомерному использованию произведения другого автора². Свободно цитировать можно лишь в информационных, научных, учебных или культурных целях, но с обязательным указанием автора, согласно ст. 1274 ГК РФ. Главным критерием при оценивании допустимости использования определенного объема цитирования является цель цитирования. Использование чужого произведения должно помогать отразить творческий замысел автора, дополнить его собственный результат интеллектуальной деятельности. В июле 2020 года научно-консультативный совет при Суде по интеллектуальным правам опубликовал Протокол № 22, в котором утверждается, что главным фактором является процентное соотношение цитаты к объему

¹ Право интеллектуальной собственности А. П. Альбов, С. В. Николюкин, Москва 2022 год, стр. 25.

² «Комментарий судебной практики. Вып. 23» под ред. Ярошенко К. Б., стр. 99.

создаваемого автором текста. К сожалению, закон не предусматривает определенное процентное соотношение оригинальности и цитирования для каждого вида произведения, но при обращении к судебной практике можно заметить, что процент заимствованного текста/изображения должен составлять не более 13 % (так как в деле № А40-69432/15 плагиат 14,6 % Арбитражный суд города Москвы не признал оправданным, но при этом в деле № А40-48760/2016 13 % сходство было признано допустимым). Но не стоит забывать про ст. 1240 ГК РФ, в которой указано то, что включение чужого результата интеллектуальной деятельности в состав сложного объекта может быть произведено посредством договора об отчуждении исключительного права, что в очередной раз подчеркивает необходимость оповещения и получения согласия автора произведения на его использование, распространение, копирование.

Если «плагиат» – это понятие, которому можно найти объяснение в уголовном и административном законодательстве, а также судебной практике и определить опасность этого явления, то «рерайт» нигде не закреплен официально. Это явление заключается в «измененной версии исходного текста, в котором использована замена слов и грамматических конструкций с сохранением смысла первоисточника», как это охарактеризовал арбитражный суд Новгородской области¹. Насколько законно перефразировать оригинальный текст и выдать новое произведение за свое авторское, при этом, не отметив автора? Анализируя законодательство об авторском праве, рерайт можно идентифицировать как по ст. 1259 п. 2 абз. 1 ГК РФ «производные произведения, то есть произведения, представляющие собой переработку другого произведения», соответственно, рерайт будет объектом авторского права и защищаться законом равно как и оригинальное произведение, которое послужило основой для изменения, так и по ст. 1266 ГК РФ «искажение произведения», что является уже незаконным действием и нарушением авторского права. Следовательно, если расценивать «рерайт» как непосредственную «перепись» произведения, то есть взять лишь главную идею, мысль у оригинального произведения, то эти действия будут идентифицированы по ст. 1259 ГК РФ, но в случае замены каких-либо частей оригинала или нескольких слов синонимами, при этом оставляя части исходника, то это вне закона.

Итак, плагиат и рерайт являются разными понятиями, которые характеризуют разные явления. Плагиат представляет собой полное или частичное заимствование чужого результата интеллектуальной собственности, а рерайт – изложение смысла оригинального произведения в отличной форме от оригинала или же незаконное изменение чужого произведения. Оба этих явления представляют собой общественную опасность, так как из-за заимствования чужих идей и концепций уменьшается процент уникального результата интеллектуальной деятельности, что, несомненно, сказывается на науке, а также непосредственно и на самих «плагиаторах», так как они не готовы воспроизводить новую информацию, заниматься творческой деятельностью, а лишь повторять уже готовый материал.

Пупкин Е. Б.

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Студент

Не творю, а генерирую: об авторском праве на произведения, созданные искусственным интеллектом

В прошлом веке имитация когнитивных функций человека казалась утопией, описанной в романах Ф. Дик. На данный момент технологиями искусственного интеллекта (далее – ИИ) пронизано большинство сфер общественной жизни. Несмотря на это, правовое регулирование ИИ не отличается динамизмом, хотя повсеместно появляются прецеденты о написании книг в соавторстве с чатом GPT или продаже изображений, выполненных нейросетями (чат-боты на основе ИИ-технологий по созданию генеративного контента).

Ярким примером нарушений, исследуемых в работах Е.А. Афанасьевой, Е.А. Ефименко, П.М. Морхат, является несоблюдение требований авторского права на результаты интеллектуальной деятельности физических лиц². В частности, в отношении произведений литературы и искусства.

¹ Дело № А44-1211/2023 между Митюновым А. Г., МАУ «Редакция газеты «Новгород» и ООО «Домовёнок» об информации, порочащей репутацию лица. Понятие «рерайта» был употреблено в контексте дублирования информации с сайта учреждения ООО «Домовёнок» – с электронного СМИ «Интернет-газета «Новгород» Редакцией. Суд частично удовлетворил иск истца – часть иска с обвинением Редакции была отказана в удовлетворении.

² Морхат П. М. Правосуъектность юнитов ИИ. М. : Юнити-Дана, 2018.

При этом Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 утверждена стратегия развития ИИ в стране, ключевым принципом которой является защита прав и свобод человека¹. Но отсутствие методики исполнения данного принципа приводит к нарушению авторского права и пользователями, и разработчиками ИИ. Первый блок злоупотреблений связан с защитой контента, используемого при обучении ИИ. Иллюстрацией такого нарушения является эксплуатация разработчиками чата GPT художественных произведений Джорджа Р.Р. Мартин, М. Коннелли, Д. Франзен в процессе создания ИИ-моделей GPT 3.5 и GPT 4². Интересно, что решение данной проблемы было выработано отечественной практикой, а именно: привлекать авторов для создания собственной теоретической базы, которая впоследствии используется для обучения ИИ.

Неограниченный доступ к ИИ-технологиям привел к появлению категории контента, который с позиции формально-правового метода относится к объектам авторского права: произведения, созданные чатом GPT, нейросетями. В связи с этим С. Талер попробовал признать авторство или зарегистрировать патент на результаты генерации ИИ, что увенчалось успехом в Австралийском суде³. Суд указал, что наименование заявителя на получение патента «agent» в законодательстве страны может быть истолковано и в качестве физического лица, и в качестве неодушевленного предмета, создавшего изобретение. Фактически, авторство было признано за ИИ, что является резонансным событием для международной правовой действительности и ставит вопрос: кто является автором произведений, созданных с использованием ИИ-технологий?

Например, при обращении к машиноцентрическому подходу, в соответствии с которым авторство признается за ИИ, возникает необходимость пересмотра введенной римским правом концепции правосубъектности. Другой вариант регулирования – создание «электронного лица» с особым набором прав (например, право на неприкосновенность). Доводы в опровержение сводятся к отсутствию необходимости в признании субъекта, не обладающего самостоятельным интересом, автором. Разумно это и с точки зрения ответственности за нарушение авторских прав, возложение которой на ИИ не сможет реализовать ее гражданско-правовую цель, а именно: восстановление нарушенного права. Судебная практика обоснованно склонна причислять ИИ-технологии к объектам гражданских прав⁴.

Компания OpenAI, придерживаясь антропоцентрической концепции, в «Правилах пользования» указала, что все права на произведения, созданные с участием их ИИ-продукта (чат GPT), передаются пользователю⁵. Фактически это является поощрением создания контента, не содержащего творческий элемент. Последний является обязательным для признания произведения объектом авторского права исходя из буквального толкования норм статьи 1257 Гражданского кодекса РФ⁶.

Закон «Об авторском праве США» помимо «минимальной творческой искры» обязательным элементом выделяет личное участие автора⁷. Соответственно, важно учитывать долю самостоятельности ИИ при генерации контента. Конечный продукт всегда формируется при помощи человека, как минимум посредством запроса. По этой причине необходимо указывать, что произведение создано с участием ИИ-технологии и степень такого участия.

Еще одним субъектом, рассматриваемым в качестве автора результата генерации ИИ, является разработчик. Подход нашел отражение в проекте Закона, подготовленного В.В. Архиповым, В.Б. Наумовым⁸. Предлагается признать разработчика ИИ не только собственником, но и правообладателем на все результаты деятельности ИИ. Но присутствует ли связь между сгенерированным текстом и творческим вкладом разработчика? Способен ли разработчик отслеживать действия всех пользователей с произведениями, сгенерированными его нейросетью? Тем не менее данная концепция позволяет определиться с субъектом гражданско-правовой ответственности за нарушение авторского права.

Таким образом, предлагается не изменять подход к ИИ как к объекту авторского права, не наделяя нейросеть правосубъектностью. Дополнение перечня статьи 1259 Гражданского кодекса РФ как «произведение, созданное с использованием ИИ-технологий», станет предпосылкой к адаптации понятия «автор» к технологическим реалиям XXI века. Автором такого объекта должно признавать пользователя

¹ О развитии ИИ в РФ: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490-ФЗ.

² Class action lawsuit District of New York from 12.04.23 № 1:23-cv-8282-SHS. URL: <https://clck.ru/38gDJX>.

³ Judgment Federal Court of Australia from 30.07.21 «Thaler v Commissioner of Patents FCA 879» № 108 of 2021. URL: <https://ljl.su/2Ja>.

⁴ Решение Шэньчжэньского районного суда Наньшань от 24.12.2019 № 0305-14010, URL: <https://clck.ru/38gDmT>.

⁵ «Terms of use». URL: <https://openai.com>.

⁶ Гражданский кодекс РФ: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

⁷ Об авторском праве США: Закон США от 19.12.1976 № 94-553.

⁸ Архипов В. В., Наумов В. Б. «Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс РФ в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» // Право и информация: вопросы теории и практики. СПб., 2018. С. 12–56.

нейросети, при условии, что вложенный им в продукт труд составляет не менее половины. При этом «сотрудничество» с ИИ считать соавторством в его стандартном понимании на данный момент не представляется возможным. Признать автором результата генерации ИИ разработчика неверно, так как его творческий труд был вложен исключительно в создание программы. Соответственно, следует пересмотреть изложенные в главе 70 Гражданского кодекса РФ нормы относительно программы ЭВМ как объекта авторского права, чтобы реализация предложенных изменений не казалась призрачной.

Рябова С. К.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Современные проблемы права интеллектуальной собственности

Актуальность данной темы обусловлена увеличением ценности в современном мире продуктов интеллектуальной деятельности, что определяет будущий потенциал страны во всех сферах жизни общества. В настоящий момент интеллектуальные ресурсы играют ключевую роль в развитии государства. Знания и информация стали конкурентоспособным показателем стран на мировом рынке, ведь обладание уникальными нематериальными благами возвышает их.

Проблем, связанных с интеллектуальной собственностью, существует немало. Многие из них возникают из-за недостаточной регулируемости в законодательстве. В ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации дается исчерпывающий перечень объектов интеллектуальной собственности, но с быстрым ростом цифровизации стали появляться другие объекты, которые не имеют никакого правового регулирования¹. Например, к таким объектам относятся: сообщества в социальных сетях, стримы, дополнительный функционал в видеоиграх, доменное имя и многое другое. Особенно часто возникают споры, связанные с сообществами в социальных сетях. Есть несколько мнений по защите прав на контент группы. Одни ученые считают, что группа в социальных сетях может являться объектом прав изготовителя базы данных и рассматривают ее как объект смежного права². При таком мнении защита контента будет производиться по ч. 4 ГК РФ.

Вторая точка зрения заключается в том, что необходимо учитывать фактические обстоятельства, а именно возможности администратора группы. Этот тезис имеет ряд недочетов, связанных с технической возможностью создателей сообщества, ведь социальные сети дают шаблоны, по которым публикуется информация. Это мнение не дает признать сообщество объектом смежного права, что значительно усложняет его защиту.

Третья группа исследователей выступает за то, что сообщество в социальных сетях следует квалифицировать в качестве сложных объектов (ст. 1240 ГК РФ) или составных произведений (ст. 1259 ГК РФ). В таком случае необходимо доказать, что контент в сообществе является совокупностью творческого труда из различных составных элементов³. Конечно же доказать это не так легко, но данный способ упрощает защиту групп в социальных сетях.

В последнее время серьезной проблемой являются «пиратские сайты», которые используют объекты авторского права. Проблемы пиратских сайтов для авторского права включают в себя незаконное распространение интеллектуальной собственности, ущерб для авторов и правообладателей, а также потерю доходов от продаж лицензий и прав на использование материалов. Пиратские сайты предоставляют доступ к копиям книг, фильмов, музыки, программ и других материалов без разрешения авторов или правообладателей. По отчетам InterMedia за последние 2 года увеличился рынок «пиратских сайтов», а меры, которые применяются для блокировки этих сайтов не справляются с огромным объемом нелегального контента⁴. Существуют пути решения данной проблемы, а именно необходимо работать с платформами, которые публикуют на своих ресурсах «пиратский контент», также нужно осведомлять владельцев сайтов о

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1.08.2021) // URL: http://www.consultant.ru/document/95cons_doc_LAW_64629/2a4870fda21fdffc70bade7ef80135143050f0b1/ (дата обращения: 9.02.2024).

² Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016. С. 184.

³ Янковский Р. М. Социальные сети: Вопросы защиты исключительных прав пользователей // Право интеллектуальной собственности: Сб. науч. тр. / отв. ред. Афанасьева Е. Г. М., 2017. С. 119–131.

⁴ Доходы пиратов выросли практически в 2 раза // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/12/2023/65896e129a79474c80f47ffc?fromtg=1.

вреде использования информации, защищенной авторским правом, и о том, какие последствия могут возникнуть при его распространении.

Статья 1270 ГК РФ закрепляет исключительное право на произведение и запрет на переработку интеллектуальной собственности без согласия правообладателя. Но возникает вопрос, что считается переработкой. В данной статье назван не полный перечень способов, поэтому тяжело точно определить являются ли какие-то примеры переработкой, соответственно, нарушают они право на интеллектуальную собственность или нет. Данный вопрос достаточно остро стоит у нас в стране, и по нему есть большое количество судебной практики. Один интересный случай был связан с детской игрушкой «Овечка Жужа». Суд по интеллектуальным правам установил, что игрушка не является переработкой зарубежной овечки «Cottonsocks the Sheep». В рамках этого спора ответчик смог представить доказательства того, что дизайн его игрушки был создан обособленно и имеет сходства с другой игрушкой только в элементах, которые признаются неохраняемыми и неоригинальными¹. Данная проблема усложняется из-за распространения искусственного интеллекта, который сам не обладает правосубъектностью, но может создавать новое произведение на основе уже созданных до этого творческих работ. Может ли считаться результат его деятельности объектом интеллектуальной собственности? На этот вопрос пока нет ответа ни в одном законодательстве планеты. Для решения проблемы переработки интеллектуальной собственности необходимо провести усовершенствование методов экспертиз, а также необходимо внесение изменений и дополнений в нормативные правовые акты. Также при установлении авторского права важно конкретизировать, какие именно элементы являются интеллектуальной собственностью.

В заключении следует отметить необходимость разработки эффективных механизмов защиты прав интеллектуальной собственности, а также улучшения правовых механизмов регулирования для поддержки инновационного развития в стране. Проблемы, связанные с определением авторства в социальных сетях, пиратскими сайтами и нарушениями авторских прав при переработке результатов интеллектуальной деятельности, требуют системного подхода и совместных усилий со стороны законодателя, правообладателей и общественности, чтобы достичь их разрешения. Существует потребность использования международной судебной практики для урегулирования этих вопросов. Поддержка интеллектуальной собственности является важным фактором для стимулирования инноваций и экономического роста, поэтому развитие современных методов защиты прав интеллектуальной собственности представляет собой стратегическую задачу для России. Только при наличии эффективной защиты интеллектуальной собственности можно обеспечить справедливые условия для правообладателей и стимулировать творческую активность в обществе.

Саитбаталова Д. М.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблема правовой регламентации дипфейков. Опыт зарубежных стран и перспективы России

Процессы быстрого совершенствования программного обеспечения, а также различных аппаратных средств, в значительной мере влияют на развитие новых технологий. Так, за последние несколько лет одним из ключевых вызовов цифровой действительности стала технология «deepfake» (далее – дипфейк). Риски популяризации дипфейков активно обсуждаются на крупных международных форумах и площадках, в частности, о данной проблеме не раз говорили: Организация Объединенных Наций (ООН), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), исследовательские центры ведущих университетов мира и многие другие.

Несмотря на существенную актуальность проблемы дипфейков, прежде чем перейти к анализу особенностей правового регулирования указанной технологии, стоит обозначить, что в настоящее время понимают под данной категорией. В отечественной доктрине отсутствует законодательное закрепление указанного термина, однако большинство авторов сходятся в мнении о том, что под дипфейками стоит понимать «преднамеренно искаженные аудио, видео и иные файлы с использованием технологии глубокого обучения («deep learning» – глубокое обучение, «fake» – ложный)»². В международной практике,

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.04.2017 № С01-162/2017 по делу № А40-137876/2015.

² Гринь Е. С. Дипфейки и искусственный интеллект: вопросы правового регулирования / Е. С. Гринь, пред. ред. совета В. Н. Синюков. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. С. 117–120.

аналогичное определение данного термина было использовано в Отчете Европейского парламента¹. Исходя из указанных определений, технологию работы дипфейков можно представить следующим образом: специальный алгоритм или их совокупность анализирует большие объемы разнообразного контента и впоследствии, используя полученные данные, подменяет его в зависимости от поставленной цели. Таким образом, данная технология представляет собой особый процесс трансформации и синтеза, основанный на принципах работы искусственного интеллекта.

Количество дипфейков в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» неуклонно растет – по прогнозам аналитиков показатели будут возрастать и в будущем. На данный момент отсутствует единая статистика применения дипфейков в информационной среде, однако нам удалось собрать статистические данные, полученные различными исследовательскими группами. По состоянию на 2019 год в сети было выявлено 14 678 единиц дипфейк-контента², в 2020 г. – 85 047³, 2021 г. – 145 227⁴, 2022 г. – 390 650, 2023 г. – более 500 000⁵. Так, из приведенных данных можно заметить, что количество дипфейков в сети неуклонно растет, в процентном соотношении с 2019 года по 2023 год количество синтезированных, фальшивых материалов увеличилось на 3312, 5 %. Таким образом, несмотря на отсутствие единой статистики применения дипфейков, существующие на сегодняшний день данные заставляют задуматься о рисках применения указанной технологии.

В настоящее время, правительства многих государств ведут масштабную работу, направленную на усовершенствование своих правовых систем в части регулирования дипфейков. Так, в Китайской народной республике 1 марта 2022 года был введен в действие акт: «Provisions on the Management of Algorithmic Recommendations for Internet Information Services» (Положение об алгоритмах). Данным положением были уставлены два основных вектора борьбы с дипфейками, во-первых, обязательная маркировка подобной искусственно созданной информации, во-вторых, меры пресечения распространения вредоносного контента.

В Соединенных Штатах Америки также на федеральном уровне уставлена обязательная маркировка синтетического контента. В целях противодействия распространению дезинформации и распознавания дипфейков Управлением перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA) была инициирована государственная программа по анализу медиаматериалов. В рамках данной программы реализуются два основных проекта: MediFor (Media Forensics) направлен на разработку инструментов и методов медиа-криминалистики, позволяющих с высокой степенью точности выявлять фальсификации и манипуляции в медиаконтенте; SemaFor (Semantic Forensics) фокусируется на семантическом анализе медиаконтента, с целью выявления ложных или вводящих в заблуждение смыслов, а также определения контекста и происхождения информации⁶. В заключение стоит отметить, что в Федеральном бюро расследований США (FBI) действует Центр жалоб на интернет-преступления (Internet Crime Complaint Center), в который можно обратиться с заявлением о неправомерном применении дипфейков в свой адрес. Аналогичные методы правовой регламентации дипфейков предусмотрены в таких странах как: Республика Сингапур, Австрия, Великобритания. При этом, важно отметить, что уголовная ответственность за порнографические дипфейки предусмотрена во всех вышеперечисленных странах, при этом наиболее серьезные наказания предусмотрены в Южной Корее, Китае и Японии⁷.

В Российской Федерации правовое регулирование в сфере борьбы с дипфейками находится на стадии формирования. В частности, 1 ноября 2018 года был подписан Меморандум о сотрудничестве в сфере охраны

¹ Taking deepfakes in Europe's policy. European Parliamentary Research Service. Scientific Foresight Unit (STOA) PE 690.039 – July 2021. URL:

[https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/690039/EPRS_STU\(2021\)690039_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/690039/EPRS_STU(2021)690039_EN.pdf).

(дата обращения: 29.02.2024).

² Официальный сайт телемедиагруппы «CNN». URL: www.edition.cnn.com/2019/10/07/tech/deepfake-videos-increase/index.html (дата обращения: 01.03.2024).

³ Отчет компании Sensity «The State of Deepfakes». URL: www.sensity.ai/reports (дата обращения: 01.03.2024).

⁴ Отчет Всемирного экономического форума. Официальный сайт. URL: www.weforum.org/agenda/2021/04/are-we-at-a-tipping-point-on-the-use-of-deepfakes (дата обращения: 01.03.2024).

⁵ Исследование ООН Global Pulse. Официальный сайт. URL: <https://genevasolutions.news/science-tech/deepfakes-are-getting-more-real-and-so-are-the-security-threats-un-dialogue> (дата обращения: 01.03.2024).

⁶ Официальный сайт проекта «Media Forensics». URL: www.grfc.ru/grfc/news/detail/index.php?ID=49515 (дата обращения: 03.03.2024).

⁷ Например, в ноябре 2021 года гражданин Японии был приговорен к лишению свободы сроком на два года и штрафу в размере 2,5 млн иен по уголовному делу о создании порнографических дипфейков.

исключительных прав в эпоху развития цифровых технологий¹. Данным Меморандумом предусмотрена обязанность операторов поисковых систем исключать из результатов поиска ссылки на нелегально размещенные аудиовизуальные произведения по заявлениям правообладателей.

В отечественном законодательстве содержится ряд положений, на которые можно сослаться в случае судебного спора о распространении недостоверной информации. Например, статьей 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусмотрен порядок ограничения доступа к информации, нарушающей законодательные положения. Уголовная ответственность предусмотрена за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, а также за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (статья 207.1 УК РФ). К административной ответственности лицо может привлечено в случае распространения фейковых новостей (статья 13.15 КоАП РФ). Кроме того, в Российской Федерации предпринимаются действия по совершенствованию технических возможностей выявления синтетических звуковых и визуальных медиа. Так, в марте 2022 года, коллектив ученых из Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН при сотрудничестве с Московским физико-техническим институтом сформулировал и разработал новаторский подход к обнаружению фальсификаций (спуфинга) в сфере мобильных технологий распознавания лиц с использованием встроенной стереокамеры. В свою очередь, в августе 2022 года, ПАО «Сбербанк» реализовало и оформило патент на инновационные технологии, предназначенные для идентификации дипфейков². Данные технологии, объединенные в единую систему, обладают способностью с высокой степенью достоверности распознавать искусственно модифицированные изображения лиц на видеоматериалах.

Вместе с тем, правовое регулирование в данной сфере далеко от совершенства, как было указано ранее, на сегодняшний день в законодательстве отсутствует легальное определение термина «дипфейк», ввиду его сложной правовой природы. В связи с этим, нами на основе имеющихся доктринальных положений были выработаны два возможных варианта определения категории «дипфейк»:

1) признание дипфейка производным произведением – для этого потребуется признание присутствия переработки, осуществленной искусственным интеллектом. Однако в данном случае, встает вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта, так как нам необходимо соответствие критерию творческого характера деятельности;

2) признание дипфейка объектом смежных прав, по аналогии с фонограммой, ввиду того, что он представляет собой технический монтаж существующих произведений с помощью искусственного интеллекта.

На сегодняшний день современному человеку в огромном цифровом пространстве весьма сложно провести границу между реальным и поддельным. Распространение фальсифицированных текстов, недостоверных изображений, аудио-, видео-файлов, сгенерированных при использовании технологии дипфейков, дезориентирует пользователей информационной среды, подрывает доверие к источникам информации. В подобной ситуации становится затруднительным поиск достоверных фактов, необходимых для адекватного анализа действительности и формирования объективной картины мира, именно поэтому доскональное правовое регулирование дипфейков приобретает особую важность в современном мире.

Сапрыкина П. Н.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблемы правовой охраны интернет-сайтов

В XXI веке трудно переоценить значение сети «Интернет» в жизни общества. На начало 2022 года в России насчитывается 129,8 млн пользователей сети Интернет (89 % от общей численности населения)³. Причин, по которым человек обращается в Интернет, большое множество, но каждое действие в интернет-

---

¹ Меморандум о сотрудничестве в сфере охраны исключительных прав в эпоху развития цифровых технологий от 01.11.2018 URL: <https://roem.ru/wp-content/uploads/2018/11/2018.11.01.itog.memorandum.pravki.po.pdf> (дата обращения: 05.03.2018).

² Официальный сайт информационного портала «РИА-Новости». URL: www.ria.ru/20220817/dipfeyki-1810194087.html?ysclid=lc5zcmvwar357509370 (дата обращения: 05.03.2024).

³ Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика // URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samyie-vazhnye-cifry-i-statistika/> (дата обращения: 27.02.2024)/.

пространстве так или иначе связано с использованием сайта – базовой составляющей цифровой среды, выступающей средством для опубликования и распространения информации. И, руководствуясь статистическими данными о росте числа интернет-пользователей в России, можно сделать вывод о значительной интеграции интернет-сайтов в оборот. Но, несмотря на очевидную популярность и значимость интернет-сайта в современном мире, на сегодняшний день существует сложность в определении его гражданско-правового режима. Более того, в силу быстрого развития технологий и появления новых видов интернет-сервисов, законодательство не всегда успевает дополняться и модернизироваться. Поэтому правовая характеристика и регулирование современных интернет-сайтов, имеющих сложную и многоуровневую информационную структуру, остаются частичными, фрагментарными. По этой причине возникает вопрос: что представляет интернет-сайт, и какой правовой охране он подлежит?

В федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» можно найти дефиницию исследуемого объекта. Так, в соответствии с пунктом 13 статьи 2 вышеупомянутого Федерального закона под сайтом в сети «Интернет» понимается совокупность программ для электронных вычислительных машин и другой информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой устанавливается через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети «Интернет»¹. По моему мнению, в законе дано хорошее описание интернет-сайта с технической стороны, но мало что сказано о нем как результате интеллектуальной деятельности. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ) интернет-сайт – это объект интеллектуальных прав. Пункт 2 статьи 1260 ГК РФ относит его к составному произведению². При таком подходе охране подлежит индивидуальный порядок подбора и компоновки различной информации, содержащейся на сайте. Составитель в данном случае имеет авторские права. Но веб-сайты не всегда ограничиваются в своем содержании только объектами авторского права и смежных прав. Всё зависит от функционального назначения, которое может быть весьма разнообразным. Так, например, существует сервер, который способствует запуску компьютерных игр и приложений. Содержание данного сервера является неким алгоритмом, поэтому создатель в 2021 году запатентовал платформу виртуализации и стриминга приложений и компьютерных игр в качестве изобретения³. Также современные сайты очень часто одновременно сочетают в себе различные охраняемые объекты. И на мой взгляд неудобным и проблемным остается то, что сегодня не найти основания для определения интернет-сайта как целостного объекта. Регулированию подлежат только его компоненты по отдельности.

Так, исходный код сайта рекомендуется регистрировать как базу данных или программу для ЭВМ, чтобы удостоверить свое авторское право. «Лицо» сайта – иконку и название можно регистрировать как товарный знак. На уникальный дизайн сайта оформляют патент на промышленный образец. И, например, в случае «приобретения» интернет-сайта необходимо получить исключительные права на использование каждого его элемента. Именно поэтому все чаще возникают идеи и дискуссии о том, как должен быть устроен правовой режим интернет-сайта.

Одной из наиболее популярных идей является отнесение интернет-сайта к сложным объектам. Данная категория остается малоизученной, более того ситуация осложняется отсутствием легальной дефиниции. Но тем не менее в доктрине выявили такой отличительный признак сложного объекта как многокомпонентность, то есть наличие в составе сразу нескольких разнородных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности⁴. И, например, Басманова Е.С. приходит к выводу, что современный интернет-сайт, который объединяет в себе различные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, полностью отвечает признакам сложного объекта⁵. Однако в действующем законодательстве, а именно статье 1240 ГК РФ сложные объекты изложены исчерпывающим образом. В список входят кинофильм, иное аудиовизуальное

---

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

³ Алгоритм согласования видеопотока для платформы облачных игр LOUDPLAY // URL: <https://searchplatform.rospatent.gov.ru/patents> (дата обращения: 29.02.2024).

⁴ Амбарян А. Г. Сложные объекты авторских прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 7–14.

⁵ Басманова Е. С. Интернет-сайт как объект имущественных прав : автореф. дис. па соискание ученой степени кандидата юридических наук // URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004802271.pdf?ysclid=lt4owhvmxp373395597 (дата обращения: 27.02.2024).

произведение, театрально-зрелищное представление, мультимедийный продукт, база данных¹. Как самостоятельный объект среди сложных объектов интеллектуальных прав интернет-сайт не перечислен. Более того, Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Постановлении от 30 ноября 2010 г. № 10521/10 по делу № А23-4426/09Г-20-238² сделал вывод о том, что перечень сложных объектов не подлежит расширительному толкованию. Как иной вариант предлагается отнести сайт к категории мультимедийных продуктов, однако это возможно только в случае, если он обладает признаками виртуальности и интерактивности³.

Существует позиция, что на интернет-сайт можно смотреть через призму сложной базы данных. Согласно пп. 2 п. 2 ст. 1260 ГК РФ под базой данных понимается систематизированная и представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), которая может быть определена и обработана с помощью электронной вычислительной машины⁴. Однако Басманова Е.С., рассуждая на эту тему, видит в сайте и сложной базе данных больше различий. Так, если база данных является итогом творческого труда составителя, то организация информации на интернет-сайте может быть выполнена как одним человеком, так и группой лиц. База данных – это набор данных, в то время как интернет-сайт – совокупность данных и команд. И в отличие от базы данных, у веб-сайта нет четких рамок, так как он функционирует в открытом интернет-пространстве и может иметь связь с другими серверами с помощью гиперссылок. Следовательно, однозначно определить сайт как базу данных не предоставляется возможным, потому что многие сайты имеют более сложную структуру и функционал, что выходит за рамки стандартного понимания базы данных.

Подытоживая всё вышесказанное, можно сказать, что на сегодняшний день нет однозначного подхода в вопросе определения правовой охраны интернет-сайта. Будучи результатом интеллектуальной деятельности, он может представляться в разных формах. Если сайт комплексный, то его предлагают рассматривать как сложный объект. Сайт, который представляет собой страницу, имеющей только зашифрованный программный код, может быть рассмотрен как база данных. В случае полного отсутствия творческого элемента у сайта, например, когда он создается лишь в качестве некой формы для представления информации, можно и вовсе говорить об отсутствии исключительного права на него.

Полагаю, что необходимо проводить дальнейшую законотворческую работу по определению правовой охраны исследуемого в статье объекта интеллектуальных прав. Сегодня большинство интернет-сайтов имеют сложную многоуровневую структуру, поэтому весьма вероятно, что в скором времени законодатель признает их собственную исключительную природу и содержание. Результатом такого признания видится предоставление комплексному интернет-сайту полной и самостоятельной правовой охраны.

Сбытова Е. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Критерии охраноспособности произведений уличного вида изобразительного искусства как объектов авторского права

Произведением признается конкретный результат авторской творческой деятельности, зафиксированный в объективной форме и ставший доступным для чувственного восприятия, а также запечатленный на материальном носителе или озвученный в устной форме⁵.

Итак, одним из критериев охраноспособности любого произведения является творческий характер его создания, то есть только произведение, созданное творческим трудом, подлежит правовой охране. Так, согласно действующему законодательству автором произведения искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано (ст. 1257 ГК РФ). Таким образом, критерий творчества выступает в

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч). Ст. 5496.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 30.11.2010 № 10521/10 по делу № А23-4426/09Г-20-238 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 2.

³ Котенко Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт. М. : Проспект, 2013.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч). Ст. 5496.

⁵ Близнац И. А., Гаврилов И. П., Добрынин О. В. Право интеллектуальной собственности : учебник / под ред. И. А. Близнаца. 2-е изд., перераб. доп. М. : Проспект, 2016. С. 51–52.

качестве предпосылки авторско-правовой охраны произведения¹. Данное обстоятельство подтверждается также п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 (далее – ПП ВС РФ № 10) «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: судам при разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что по смыслу статей 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом². Следовательно, установлена презумпция творчества / творческого характера труда. По мнению В. И. Серебровского творчество – это умственная деятельность, направленная на создание идеальной модели, образов, противоположная деятельности механического характера, при которой используются технические приемы и средства³. Если кто-либо захочет опровергнуть творческий характер произведения, сможет обратиться, например, за автороведческой экспертизой. Значит, вывод также будет зависеть от субъективной оценки эксперта. Однако в судебном процессе данная экспертиза не будет иметь первостепенного значения, так как никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы (ч. 2 ст. 67 ГПК РФ).

Как было сказано выше, с творческой характеристикой произведения связана сама принадлежность произведения определенному физическому лицу, благодаря творческому труду которого было создано произведение – автору. Действительно, ведь нельзя признать ни автором, ни соавтором лицо, которое помогало с подбором цвета краски или поставщика материалов для создания произведения. Подтверждение данного суждения можно найти в п. 83 ПП ВС № 10: «не дает оснований к признанию соавторства оказание автору или соавторам технической и иной помощи, не носящей творческого характера».

Как же быть с теми произведениями уличного вида, которые похожи на произведения живописи, но не точь-в-точь повторяют их (например, лицо, используя свое воображение и креативные идеи, изобразило на стене дома картину известного художника с некоторыми отличиями, например, в размере, цвете и в самой конструкции произведения, то есть преобразовал произведение искусства)? По мнению автора данной работы, в данном случае применима по аналогии норма о производном произведении (ст. 1260 ГК РФ). Согласно п. 87 ПП ВС РФ № 10 «переработка произведения предполагает создание нового (производного) произведения на основе уже существующего». Обратимся к доктрине. При создании производного произведения происходит определенное заимствование элементов оригинального произведения, но при этом производное произведение воплощается в иной внешней форме, что придает ему творческую самостоятельность (Е. А. Павлова)⁴. Данная точка зрения находит свое отражение и в судебной практике⁵. Однако существует и иная точка зрения. Так, например, В. С. Витко считает, что нельзя согласиться с мыслью о том, что воплощение произведения в иной внешней форме придает ему творческую самостоятельность, поскольку творческий труд автора, конечно, не заключается в изменении или создании внешней формы⁶. Однако несмотря на это следует обратить внимание, что само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права (п. 80 ПП ВС РФ № 10). Стоит отметить также, что право на переработку произведения принадлежит его правообладателю (например, самому автору) (пп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ), следовательно, иному лицу требуется получить согласие на переработку данного произведения.

Отметим, что большинству данных произведений (особенно граффити) присуща анонимность. Причинами этого является и боязнь быть привлеченным к ответственности (например, за порчу чужого имущества), и непринятие данной деятельности обществом (многие граждане негативно относятся к данным произведениям из-за различных причин: непонимание смысла изображений, а также из-за того, что некоторые рисунки содержат неприличные слова и т.д.). Однако стоит обратить внимание, что «граффити-

¹ Михайлов С. В. Презумпция творческого характера (оригинальности) объектов авторских прав // *Lex russica*. – 2021. Т. 74. № 10. С. 11.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Российская газета*. № 96. 06.05.2019.

³ Серебровский В. И. *Вопросы советского авторского права*. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 33–34.

⁴ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г. Е. Авилов, К. В. Всеволожский, В. О. Калятин [и др.] ; под ред. А. Л. Маковского. М. : Статут, 2008. С. 286.

⁵ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 29.04.2019 № 10АП-6035/2019 по делу № А41-54653/17 // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление ФАС Уральского округа от 01.09.2011 № Ф09-5444/11 по делу № А60-45012/2010 // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Витко В. С. *Понятие формы произведения в авторском праве*. М. : Статут, 2020. С. 149.

культура, изначально развивавшаяся как контркультура, сегодня почти не имеет отношения к протесту. Граффити активно перерастает в форму досуга и вид развлечения»¹. Поэтому в настоящее время чаще всего именно представители такого направления граффити как бомбинг (нелегальное и быстрое по времени нанесение граффити) нарушают законодательство, а их граффити отрицательно оцениваются населением. В связи с вышеизложенным выделим еще одну проблему, связанную с признанием объектом авторского права произведения уличного вида. Как отмечает М. Я. Кириллова, «любое произведение законом признается объектом авторского права, если оно создано самостоятельно конкретным автором»². Следовательно, на большинство уличных произведений не распространяется правовая охрана? Ч. 1 ст. 1265 ГК РФ говорит о том, что автору произведения принадлежит право использовать или разрешать использование произведения без указания имени, то есть анонимно. Следовательно, и по отношению к анонимным произведениям осуществляется правовая охрана.

Также стоит обратить внимание на то, что «творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств» (п. 80 ПП ВС № 10). То есть нет разницы использует ли уличный художник при создании уличного произведения кисти или баллончик, главный критерий – наличие творческого характера его деятельности. Также существуют примеры использования неклассических способов воплощения творческих замыслов. Так, например, португальский художник Александр Фарто известен тем, что использует вместо кисти дрель, молоток и др.³.

Следующим критерием охраноспособности является объективная форма произведения, ведь авторским правом охраняется именно форма произведения, а не его содержание. Представляется, что все произведения уличного вида обладают таким признаком как объективная форма, ведь уличные художники всегда изображают свои произведения на какой-либо поверхности, благодаря чему рисунки доступны для восприятия другими лицами, то есть не только самим автором. Также данный критерий закреплен в п. 3 ст. 1259 ГК РФ, согласно которому авторские права распространяются на произведения, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе в форме изображения. Именно выраженное в объективной форме уличное произведение может быть подвергнуто всесторонней внешней оценке общества, а также именно после того, как произведение перестанет быть только в сознании автора, а отобразится во внешнем мире, произведение получает защиту. Также стоит отметить, что объективная форма, как правило, совпадает с понятием материальной формы, однако все-таки понятие объективной формы более широкое⁴. Действительно, ведь видом объективной формы является не только материальная форма, но и устная. Однако применительно к произведениям уличного вида изобразительного искусства однозначно можно сказать, что для них характерна именно материальная форма (уличные произведения – граффити, стрит-арты, муралы – изображаются на стенах домов, заборах, асфальте и др.). При этом, несмотря на неразрывную связь материального носителя и выраженного в нем произведения, собственник соответствующей вещи и автор произведения обладают самостоятельными правами на эти объекты (ст. 1227, 1291 ГК РФ).

Итак, критерии охраноспособности произведений уличного вида изобразительного искусства как объектов авторского права в общем виде совпадают с критериями, предъявляемыми ко всем произведениям, однако имеют и ряд особенностей, некоторые из которых были рассмотрены в настоящей работе. Сфера уличного искусства является популярной, а вопросы, связанные с ней актуальными и многоаспектными, ведь вместе с трансформацией общества появляются и новые направления в уличном искусстве, и новые способы создания самих произведений уличного вида изобразительного искусства (например, спрей-арт). Представляется, что необходимо более детальное законодательное регулирование данной сферы.

¹ Колосов Андрей Сергеевич. Граффити-культура в культуре современной России : дис. ... канд. культурологии наук : 24.00.01 / Колосов Андрей Сергеевич; [Место защиты: Государственная академия славянской культуры]. – Москва, 2015. С. 16.

² Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части четвертой / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2011. С. 115.

³ Кабалина Д. А. Особенности предоставления авторских прав уличным художникам // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 12. С. 48.

⁴ Гришаев С. П. Правовая охрана произведений науки, литературы и искусства как объектов авторского права по новому законодательству Российской Федерации // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2007.

Смирнов Г. М.

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ВГУЮ (РПА Минюста России)

Студент

Ответственность провайдера хостинга за нарушения интеллектуальных прав, совершенные третьими лицами

Институт информационного посредника возник в отечественном праве интеллектуальной собственности 11 лет назад. Введение нормы, закрепленной в ст. 1253.1 ГК РФ, было обусловлено бурным ростом цифровизации и активным развитием информационных процессов, нуждающихся в правовом регулировании. В п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ перечислены критерии, определяющие статус информационного посредника. Исходя из буквального толкования нормы, можно констатировать, что подобным субъектом является провайдер хостинга.

Провайдер хостинга – лицо, организующие функционирование сервера, на котором размещаются сайты в интернете; его задача – предоставление доступа к серверу на возмездной основе и его техническое обслуживание.

Рассмотрим случаи, когда провайдер не привлекается к ответственности за нарушение прав со стороны владельца сайта с учетом норм материального права и подходов, сложившихся в судебной практике.

Согласно предписаниям ст. 1253.1 ГК РФ, провайдер хостинга должен соответствовать двум ключевым условиям:

иметь неосведомленность в нарушении исключительного права со стороны контрагента;

принять меры по устранению допущенного нарушения.

С первым условием все однозначно – провайдер хостинга занимается своей деятельностью и не контролирует материал, который размещают владельцы сайта. Тут наблюдается разделение труда, что вполне естественно.

Со вторым условием сложнее: правообладатель может обратиться к провайдеру и потребовать принять меры по предотвращению нарушения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности (РИД) или средство индивидуализации, провайдер перестает предоставлять услуги, конфликт исчерпан. При этом, встает вопрос о казусе, когда правообладатель реализует право на судебную защиту без предварительной подачи досудебной претензии.

Судебная практика по данному вопросу неоднородна. В арбитражных судах сформировалась позиция о «трех условиях и основном правиле», освобождающих информационного посредника от ответственности. В частности, провайдер не должен размещать РИД или средство индивидуализации; не нести ответственность за нарушения, совершенные контрагентом (по условиям соглашения с провайдером несет владелец/пользователь сайта); провайдер предпринял меры для предотвращения правонарушения. Следовательно, презюмируется, что правообладатель должен обратиться с претензией/уведомлением¹.

Ряд остальных критериев закреплены в Постановлениях Высшего Арбитражного Суда РФ № 10962/08 и № 6672/11. Среди этих параметров ВАС выделяет:

степень вовлеченности информационного посредника в процесс передачи, хранения и обработки информации;

возможность контролировать и изменять ее содержание;

иные положения, обозначенные указанными актами толкования права.

При этом важно учесть, что неотъемлемой частью данных споров является досудебное обращение правообладателя к провайдеру, позволяющие последнему принять соответствующие меры – например, прекратить техническое обслуживание, обеспечивающие функционирование сайта на сервере.

Иной подход складывается в судах общей юрисдикции. Категория дел, связанных с защитой авторских и смежных прав в интернете относится к подсудности Московского городского суда (ч. 3 ст. 26 ГПК РФ) и предусматривает возможность принятия предварительных обеспечительных мер.

В настоящее время суды общей юрисдикции не проводят полного разграничения деятельности провайдера и его клиентов (владельцев сайта). Провайдер на основе договора представляет владельцу сайта доступ к серверу и затем обеспечивает техническое обслуживание данной платформы. Если владелец сайта разместил на данной веб-странице объект интеллектуальной собственности, он несет полную ответственность

---

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30.09. 2015 по делу № А56-77036/2013. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/cfa86acd-3399-4e8d-bb62-c4d465850882> (дата обращения: 07.02.2024).

за свои действия, исходя из презумпции вины в допущенном нарушении, если им не будет доказано обратное (П. 78 ПП ВС РФ № 10).

Аналогичная позиция содержится в решении Арбитражного суда Московской области – ответственность за распространение содержания сайта через сеть «Интернет» несет администратор доменного имени¹.

Мосгорсуд в решении по делу № 3-794/2023 частично согласился с данным подходом и взыскал компенсацию за нарушение исключительного права с владельца сайта, при этом удовлетворив требование истца о запрете провайдеру создавать технические условия, обеспечивающие размещения данного РИД в интернете. Мотивировал он это следующим: так как провайдер оказывал услуги в тот момент, когда опубликовывалось аудиовизуальное произведение (фильм), значит провайдер технически поспособствовал опубликованию данного РИД.

В деле № 3-1527/2023 суд указал, что провайдер должен был предвидеть наступление неблагоприятных последствий своего бездействия, а в деле № 3-1338/2023, что нарушение имущественного права на РИД, допущенное владельцем сайта, свидетельствует о причастности провайдера, поскольку последний позволял владельцу находиться на сервере и не представил доказательств, подтверждающих отсутствие его вины.

В результате, действующая редакция п. 5.1 ст. 1252 ГК РФ при рассмотрении дела в суде общей юрисдикции позволяет заявителю не использовать досудебный порядок урегулирования спора, предъявляя требование о возмещении убытков или о взыскании компенсации. При этом если заявляются иные требования о защите исключительного права, для них данный подход также не является обязательным по смыслу абз. 3 п. 5.1 ст. 1252 ГК РФ.

В связи с изложенным предлагается авторская модель по усовершенствованию отечественного законодательства в части предъявления требований к провайдеру хостинга:

внести изменения в нынешнюю редакцию п. 5.1. ст. 1252 ГК РФ, закрепив предписание о необходимости в подаче досудебной претензии в случае обращения с требованием, закрепленным в пп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ, причем, при потенциальной подаче искового заявления как в арбитражный суд, так и в суд общей юрисдикции;

в абз. 2 и 3 п. 5.1 ст. 1252 ГК РФ добавить ранее названное средство защиты, подпадающие под претензионный порядок и соответственно, исключить норму о возможности не оповещать правообладателя при использовании данного способа защиты (из абз. 3 настоящего правила).

Сухбаатар А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

В чем заключается творческий характер в производных произведениях?

В первую очередь производные произведения являются «произведениями», т.е. объектами авторских прав². Соответственно, требования для признания интеллектуальной деятельности объектом авторского права распространяются также на производные произведения, иначе говоря, они должны являться результатом творческого труда и должны быть выраженными в объективной форме³.

Требование о творческом характере производного произведения имеет решающее значение, поскольку если данное произведение не создано творческим трудом автора, то он не может считаться самостоятельным объектом авторского права, и, соответственно, у автора (переработчика) не возникнут какие-либо исключительные права. Иными словами, право автора на производное произведение возникает в силу его творческого характера. Закон не предусматривает охрану тривиальных произведений, копирующих широко известные образы и решения. Однако в законе не уточняется, в чем заключается творческий вклад автора в производных произведениях⁴. В связи с этим возникает вопрос: может ли включение части произведения без изменения в другое произведение носить творческий характер?

В зарубежной литературе можно обнаружить, что там критерий творчества состоит из двух самостоятельных признаков: оригинальности (произведение создано автором самостоятельно, а не путем

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.03.2023 по делу № А41-64002/21. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a8eb3e1f-499f-44bb-85d0-541b041c3f6d> (дата обращения: 09.02.2024).

² Гражданский кодекс Российской Федерации ч. 1-2 ст. 1259 ГК РФ.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации ст. 1257 и ч. 3 ст. 1259 ГК РФ.

⁴ Туркина А. Е. К вопросу об ограничении права на создание производных произведений в США // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2022. Вып. 4 (38). С. 101–106. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_101.

скопирования чужих произведений) и креативности¹. В деле *Gardenia Flowers, Inc. v. Joseph Markovits, Inc.* суд Нью-Йорка указывает, что требование креативности является отдельным и отличным от оригинальности, и ссылается на труд Ниммеров: «Там, где креативность относится к характеру самой работы, оригинальность относится к характеру вклада автора в работу». В Германии и США понятия «креативность» и «индивидуальность» почти отождествляются. Понимание индивидуальности и способы ее измерения наиболее развиты в прецедентном праве Германии. Разрешая спор, германский суд должен исследовать, в какой степени личность автора нашла отражение в произведении. Личность автора проявляется в произведении в совокупности его индивидуальных или своеобразных элементов, и при этом это не касается новизны. Несомненно, каждая работа индивидуальна, но эта индивидуальность должна достигать определенного уровня. Степень индивидуальности называется уровнем творческого характера (*Schöpfungshöhe, Gestaltungshöhe, реже Werkhöhe*). Так, Верховный суд США в деле *Feist Publications v. Rural Telephone Service* также указал, что произведение должно обладать хотя бы некоторой минимальной степенью креативности, чтобы получить охрану.

Таким образом, в германском и американском правовых порядках индивидуальное, креативное произведение противопоставляется обычной, банальной, тривиальной «ремесленной работе», и при этом творческий характер является показателем измеримым в каждом конкретном случае.

В отечественной литературе выделяют два подхода к определению творческого характера в широком смысле: объективный и субъективный. При субъективном подходе считается, что произведение должно отражать в себе личность и индивидуальность автора, его уникальный авторский стиль и тому подобное. При данном подходе считается, что результат интеллектуальной деятельности создан творческим трудом, пока не доказано иное, соответственно, устанавливается презумпция творческого труда автора.

Сторонники объективного подхода связывают творческий вклад с новизной, иными словами при оценке творчества исходят из анализа внешне объективированного результата. Так, Московский городской суд в своем определении указал на критерий творчества через два признака: «Основным критерием признания того или иного результата охраняемым объектом авторского права являются самостоятельные усилия автора по его созданию, которые приводят к возникновению произведения, имеющего отличия от других произведений того же рода. Поэтому свидетельством творческого характера того или иного объекта может служить его отличие от других объектов того же рода»². Исходя из этого видно, что суд при оценке творческого характера учитывает новизну, и тем самым применил при квалификации творческого характера объективный подход. Таким образом, в законодательстве и судебной практике применяется по большей части комплексно субъективно-объективный подход.

Во-вторых, производное произведение – это переработка другого произведения, в связи с чем возникает вопрос, связанный с определением степени использования оригинального произведения. С одной стороны, согласно постановлению Пленума № 10, переработка произведения предполагает создание нового (производного) произведения на основе уже существующего. Иначе говоря, для квалификации произведения производным не требуется внесение изменений в изначальное произведение, соответственно, простое включение произведения в состав другого может приводить к созданию производного произведения. Ключевым фактором является творческий вклад автора производного произведения. Однако закон не указывает, в чем именно такой вклад должен состоять. Правовая позиция ВС РФ совпадает с Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года, из которой следует, что переработка определяется не как трансформация формы произведения, а как новое выражение его «существа», т.е. главной идеи или того, что именно делает его оригинальным и творческим. Д.А. Братусь отметил, что если исходное произведение включено без каких-либо изменений, но в творческой манере в производное произведение, считается, что первое существует в производном не само по себе, а в новом качестве, т.е. все-таки изменяется (в широком смысле). В качестве примера исследователь приводит «Капричос» Гойи в «Капричос Гойи» Сальвадора Дали.

Однако ряд ученых не согласны с такой трактовкой постановления Пленума № 10. По мнению В.С. Витко, включение (воспроизведение) оригинального произведения в состав другого, создаваемого творческим трудом переработчика, едва ли может быть признано переработкой, являющейся творческим актом, и поэтому создаваемое таким способом произведение не может быть признано производным, а можно квалифицировать как незаконное воспроизведение чужого произведения под прикрытием создания

¹ Abrams H. B. *Originality and Creativity in Copyright Law*. Law & Contemporary Problems, 1992. Т. 55. № 2. Р. 14.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 30 сентября 2015 г. по делу № 33-26418/2015 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы: [сайт]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/f1eef4eb-ef10-418d-98e5-d80f5f86d427> (дата обращения: 01.03 2024 г.).

производного произведения¹. Д.В.Мурзин считает, что в таком случае можно говорить о наличии цитировании и применять правила цитирования. А.П. Евсеев утверждает, что произведение, которое включает в себя часть другого произведения, может также рассматриваться в качестве составного, но не как производное.

С другой стороны, существует мнение, что для создания производного произведения (переработки) требуется внесение изменений в изначальное произведение². При этом такие изменения должны являться результатом творческого труда³. Такой подход получает поддержку от ряда ученых. При таком толковании творческий вклад заключается в переработке произведения, т.е. в изменении оригинального произведения, состоящим в замене элементов оригинального произведения частями, созданными творческим трудом переработчика⁴.

Таким образом, творческий характер производного произведения законом презюмируется с той лишь оговоркой, что оно должно быть создано именно человеком — пусть с применением технических средств и в отсутствие «новизны, уникальности и (или) оригинальности» внешней формы этого результата интеллектуальной деятельности. Помимо этого, законодатель допускает, что включение части произведения без изменения в другое произведение можно носить творческий характер. Анализируя вышеуказанное можно сказать, что в Германии творческий характер рассматривается с субъективного подхода, как и в РФ, но в немецком правовом порядке отсутствует презумпция творческого труда автора, а есть уровень творческого характера (Schöpfungshöhe, Gestaltungshöhe). На наш взгляд, такое немецкое регулирование является более целесообразным, поскольку в настоящее время на ответчика возложено бремя доказывания отсутствия творческого характера у произведения истца, что на практике приводит к освобождению суда от проведения качественного исследования объекта охраны. Можно предположить, что введение презумпции стало следствием непонимания того, что такое творческий вклад и как его выявлять в производных произведениях. Стоит отметить, что в 2014 г. Судом по интеллектуальным правам была предпринята смелая попытка отойти от презумпции творческого характера. В постановлении № С01-57/2014 по делу № А24-1669/2013 он указал, что, рассматривая иски о взыскании компенсации за нарушение авторских прав, суду следует устанавливать, является ли конкретный результат деятельности физического либо юридического лица объектом авторского права, независимо от того, заявлялось ли об этом участниками процесса. Однако эта позиция влияния на судебную практику не оказала и более ни одним судом не приводилась.

Толмачев Р. С.

ИЗиСП при Правительстве РФ

Аспирант

К вопросу о соотношении принудительного лицензирования с иными случаями ограничения исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности

Как известно, правообладателю результата интеллектуальной деятельности (далее — РИД) принадлежит наиболее объемный комплекс имущественных прав, позволяющий ему осуществлять использование такого результата и распоряжение исключительным правом на него (пункт 1 статьи 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)).

При этом наличие у правообладателя исключительного права на РИД предусматривает для него исключительный круг правомочий, принадлежащих только ему. При этом круг таких правомочий дифференцируется в зависимости от конкретного РИД или средства индивидуализации. Так, например, в отношении объектов авторского права такой круг правомочий установлен положениями статьи 1270 ГК РФ, а в отношении объектов патентного права положениями статьи 1358 ГК РФ.

¹ Витко В. С. Комментарий правовых подходов, сформированных Судом по интеллектуальным правам по вопросам производных произведений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 44–59. DOI: 10.58741/23134852_2023_3_5.

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 октября 2020 г. по делу № А40-150262/2019.

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 декабря 2022 г. по делу № А40-100965/2021.

⁴ Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. М., Юрсервитум. 2016. С. 303. См. также: Ворожевич А. С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 182.

Как в зарубежной¹, так и в российской² литературе исключительное право на РИД принято именовать легальной монополией правообладателя на принадлежащий ему результат технического или иного творчества. Эта легальная монополия включает в себя две составляющих: негативную, предусматривающую запрет для третьих лиц использовать без согласия правообладателя РИД, и позитивную, предусматривающую возможность использовать результат интеллектуальной деятельности любым не запрещенным законом способом. Оба составляющие отражены в положениях пункта 1 статьи 1229 ГК РФ.

Вместе с тем законодатели практически всех юрисдикций установили объективные ограничения действия исключительного права. В частности, согласно российскому законодательству к таким ограничениям относятся:

1. срок действия исключительного права (статья 1230 ГК РФ);
2. территория действия (статья 1231 ГК РФ);
3. случаи свободного использования (статьи 1272-1280, 1306, 1359, 1361, 1422, 1456, 1487 ГК РФ);
4. принудительное лицензирование (статьи 1239, 1362, 1423 ГК РФ)
5. использование РИД в интересах национальной безопасности Российской Федерации (статья 1360 ГК РФ).

Правовой основой для установления указанных случаев изъятия из легальной монополии правообладателя стали положения целого ряда международных соглашений. Так, в отношении объектов авторских и смежных прав случаи ограничения исключительного права установлены Бернской конвенцией по охране литературных и художественных произведений (пункт 2 статьи 9), Договором ВОИС по авторскому праву (статья 10), Договором ВОИС по исполнениям и фонограммам (статья 16), Соглашением по торговым аспектам интеллектуальной собственности (статья 13). Кроме того, международные соглашения также устанавливают случаи ограничения исключительных прав в отношении объектов патентного права и товарных знаков (промышленной собственности). В частности, подобные ограничения также предусмотрены в Соглашении по торговым аспектам интеллектуальной собственности (статьи 17, 26 и 30).

Вместе с тем представляется интересным обратить внимание на рассмотрение принудительной лицензии как вида ограничения исключительного права на РИД и соотнести его с некоторыми другими видами ограничений.

Под принудительной лицензией понимается предоставление лицу права использовать охраняемый РИД, исключительное право на который принадлежит иному лицу, без согласия правообладателя, на основании и в пределах, установленных судебным решением с выплатой ему вознаграждения.

Как уже отмечалось ранее принудительное лицензирование представляет собой предусмотренное нормами международного и национального права изъятие из легальной монополии правообладателя в отношении принадлежащего ему исключительного права на объект интеллектуальных прав. Вопросы принудительного лицензирования посвящены положения статей 1239, 1362 и 1423 ГК РФ.

Использованию РИД в рамках принудительного лицензирования присущи следующие особенности.

Во-первых, принудительное лицензирование предусматривает особую процедуру приобретения заинтересованным лицом права на использование соответствующего объекта интеллектуальных прав.

Так, согласно статье 1239 ГК РФ право на использование РИД, исключительное право на который принадлежит другому лицу, предоставляется только на основании решения суда с целью установления фактов, свидетельствующих о неиспользовании или недостаточном использовании такого результата, что приводит к недостаточному предложению товаров, в которых выражены соответствующие РИД. Кроме того, судебная процедура выдачи принудительной лицензии на РИД позволяет определить соразмерность ограничения гражданского права правообладателя и утвердить справедливые условия использования РИД потенциальным лицензиатом, в том числе объем использования изобретения, полезной модели или промышленного образца, размер, порядок и сроки платежей (статья 1362 ГК РФ).

Таким образом, использование объектов патентного права на основании принудительной лицензии допустимо только при соблюдении следующих условий:

- 1) объект не используется либо недостаточно используется патентообладателем;
- 2) указанное поведение приводит к недостаточному предложению соответствующих товаров, работ или услуг на рынке;
- 3) условия принудительной лицензии утверждены решением суда.

¹ Nuno Pires de Carvalho. The TRIPS Regime of Patent Rights. Kluwer Law International, 2010. P. 339.

² Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. М., 1956. С. 22 ; Пиленко А. А. Право изобретателя. М., 2001; Джермакян В. Ю. Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ // СПС «Гарант».

Указанный порядок и условия принудительного лицензирования явным образом демонстрирует отличие данного способа ограничения исключительного права от случаев свободного использования, условия которых прямо предусмотрены в законе и не требуют никакой процедуры приготовления к использованию РИД и оформления отношений по его использованию.

В некоторых случаях свободное использование РИД требует лишь выплаты соразмерной компенсации, которая осуществляется *post factum* (статья 1245, подпункт 3 статьи 1359 ГК РФ).

Дискуссионным представляется вопрос о правовой природе использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов в интересах национальной безопасности (статья 1360 ГК). Из буквального толкования указанной нормы остается неясным, является ли такое использование случаем свободного использования РИД или случаем принудительного лицензирования.

Как отмечалось ранее, свободное использование объекта интеллектуальных прав не требует соблюдения каких-либо формальных процедур для того, чтобы допустить возможность использования заинтересованным лицом, охраняемого РИД. Такому лицу достаточно лишь оказаться в ситуации, предусмотренной гипотезой соответствующей нормы о свободном использовании.

Вместе с тем конструкция нормы, предусмотренной в статье 1360 ГК РФ, содержит определенную процедуру дозволения использования РИД. В частности, заинтересованное лицо вправе использовать изобретение, полезную модель или промышленный образец только при условии, что такое использование:

- 1) санкционировано Правительством Российской Федерации;
- 2) такое использование обусловлено крайней необходимостью, связанной с обеспечением обороны и безопасности государства, охраной жизни и здоровья граждан;
- 3) правообладатель соответствующего объекта патентного права должен быть в кратчайшие сроки уведомлен о принятии такого решения.

Особое внимание следует обратить на способы оформления использования РИД в рамках свободного использования, принудительного лицензирования и использования в интересах национальной безопасности. Так, свободное использование и использование в интересах национальной безопасности представляют собой случаи бездоговорного использования результата интеллектуальной деятельности, когда как в рамках принудительного лицензирования заключается лицензионный договор между правообладателем (лицензиаром) и заинтересованным в использовании лицом (лицензиатом), притом что такой договор заключается без учета воли одной из сторон. Более того, в случае, когда заключается принудительная лицензия на использование РИД, судебная процедура предусматривает согласование условий такого использования. В свою очередь, решение Правительства Российской Федерации об использовании РИД в интересах обеспечения интересов национальной безопасности носит экстренный характер, ввиду чего границы использования соответствующего результата не подлежат согласованию с правообладателем.

Оценивая вышеуказанные доводы о соотношении условий предоставления права на использование РИД в рамках принудительной лицензии с условиями использования РИД в интересах обеспечения национальной безопасности, а также с условиями свободного использования РИД можно прийти к выводу, что использование РИД в интересах обеспечения национальной безопасности не является частным случаем ни свободного использования, ни принудительного лицензирования.

Тренина С. В.

Донецкий государственный университет

Студент

Правовая природа и особенности произведений цифрового искусства

Стремление человека развиваться, привело его к веку цифровых технологий, которые положили начало четвертой революции или говоря иными словами «Индустрии 4.0». Промышленная революция затрагивает все сферы общественной жизни общества и искусство не является исключением. На протяжении нескольких лет в сфере искусства происходит цифровая трансформация, которая затрагивает изобразительные, поэтические, музыкальные, театральные и другие области искусства. Последствием такой эволюции является возникновение новых общественных благ, благодаря которым образуются новые правоотношения. В связи с этим появляются определенные трудности в правовом регулировании таких «неординарных» объектов, которые создаются не традиционным путем, а с помощью цифровых инструментов и средств.

Понятие цифрового искусства в законодательстве отсутствует, поэтому на сегодняшний день нет общей терминологии для обозначения данного понятия. В процессе своего развития «цифровое искусство» постоянно изменялось, отсюда в отраслях науки можно встретить различные наименования данного понятия. Например, раньше на рубеже 1960–1990 гг. его называли «компьютерным искусством», чуть позже

«мультимедийным» или «киберискусством», в наши дни на просторах Интернета можно встретить термин «медиаискусство» или «искусство новых форм», который образовался в конце XX века. Данный термин зачастую используется по отношению к кино и видео, а также к разновидности звукового искусства и других похожих форм. Также широко известны такие термины, как «виртуальное искусство», «digital art», «машинное творчество» и многие другие. При этом, во всех случаях трактовки определения авторы не разграничивают их сущность и правовую характеристику¹.

Для гражданского права определение данной терминологии и выявление характеристики данных явлений, их разграничение имеет первостепенное значение.

На сегодняшний день известно два основных подхода к определению искусства: эссенциализм и группа неэссенциальных подходов. В эссенциализме искусство формируется с помощью описания его сущности, данный подход преимущественно показывает неизменную сущность искусства. В противоположной группе уклон идет не на содержание, а на функционирование и проявление искусства, то есть данная группа изучает искусство с помощью его изменений. В научной практике больше склоняются ко второй группе².

Исходя из этого можно сказать, что в науке термин «цифровое искусство» до сих пор остается предметом споров. Одной из главных проблем такой неопределенности является отрицание данного феномена как искусство.

Однако наиболее подходящее определение для «цифрового искусства» выдвинул А.С. Завьялов, он понимает цифровое искусство как «художественную практику», которая в качестве своего материала использует «цифровое инфопространство»³. Художественные практики сегодня известны как арт-практики – новый язык современности. Они постоянно развиваются, их главная задача заключается в преобразовании платформ, где происходит демократизация рынка, все большее влияние приобретают новые онлайн-платформы и социальные сети.

Таким образом, вместе с цифровым форматом образуется своего рода «цифровая среда», которая отличается от всех других пространств, создаваемых человеком. Особенность цифровой среды заключается в том, что с помощью нее возможно полностью перенести материальные объекты в нематериальный цифровой мир.

Стремительное развитие цифровых технологий привело к возникновению новых разновидностей объектов авторского и смежного права. В частности, к ним можно отнести компьютерную анимацию, цифровую живопись, различные произведения изобразительного искусства, ASCII art известное как искусство из символов и многое другое.

Правовая природа объектов цифрового искусства неоднозначна, поэтому требует детального анализа. В соответствии со ст. 1 Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. и п. 1 ст. 1259 ГК РФ и объектами авторских прав признаются произведения науки, литературы и искусства, независимо от их достоинства, назначения произведения и способа выражения⁴. При этом главная особенность цифровых объектов является их форма выражения. В п. 3 ст. 1259 ГК РФ содержится перечень форм выражения произведений искусства, где они могут быть выражены в какой-либо объективной форме, включительно в письменной и устной форме, в форме изображения и звуко- или видеозаписи, а также в объемно-пространственной форме⁵.

Помимо объектов авторского права, цифровые произведения представляются объектами смежных прав, которые тоже имеют свое цифровое выражение. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 1304 ГК РФ рассматриваются все исполнения объектами смежных прав, при этом, если данные исполнения выражаются в форме, позволяющей их воспроизведение и распространение с помощью технических средств и в цифровой форме.

Исходя из этого можно выделить особенности, которые свойственны данным цифровым объектам. Им присущи характерные признаки такие, как способ нахождения. Они могут храниться на физическом и виртуальном носителе, это в соответствии с законодательством свидетельствует, что приведенные объекты являются объектами авторского права. Также для обеспечения обширного пользовательского просмотра

¹ Кристиана, Пол. Цифровое искусство. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 59.

² Бондарева Я. В., Орлова, И. И. Цифровое искусство: методология изучения. Вестник ТвГУ. Серия «Философия (1). С. 138.

³ Завьялов А. С. Цифровое искусство как объект социально-философского анализа: М., 2017. С. 89.

⁴ Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.legislation.gov.uk/eudr/2001/29/contents> (дата обращения: 26.11.2023). –

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. – 25.12.2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

размещается в сети Интернет. При этом все объекты являются сложными, они создаются при помощи автора, посредством компьютерных технологий¹.

Цифровая форма объектов авторского и смежного права имеет ряд особенностей относительно правового режима, которые еще не получили должного законодательного урегулирования. К ним можно отнести уникальность защиты прав приведенных объектов, интеллектуальная деятельность которых непосредственно размещается в сети Интернет, наличие других соответствующих систем распространения объектов, воплощенных в аналоговой и в цифровой форме, что указывает на наличие разного правового режима договоров и их поставок.

Как известно арт-объекты создаются в цифровой среде, а также существуют в рамках этого пространства, отсюда возникают трудности в их правовой защите. Проблема защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет становится все более актуальной в связи с быстроходным развитием технологий, так как правовые механизмы по урегулированию, внушительно отстают от создания новых технологий. Поэтому стремительное развитие цифрового мира спровоцировало массовые злоупотребления в области цифрового искусства. Последствие такого пробела является рост таких правонарушений, как пиратство, плагиат, неправомерные загрузки и другие противоправные действия.

При защите цифровых объектов возникают особые сложности, в силу их нематериальности в сети Интернет. Так как такое творчество без особых усилий можно обезличить, путем не указания автора или незначительного видоизменения. В частности, это свойственно для арт-пространства, в таком случае под нарушение подпадают такие права, как право на неприкосновенность произведения и право авторства.

Чтобы не допускать таких деяний множество стран прикладывают усилия к разработке различных законов и кодексов, для регулирования прав на цифровые объекты.

Несмотря на все меры по защите авторских прав на интеллектуальную собственность в судебной практике до сих пор встречаются случаи отвержения того или иного объекта цифрового искусства в качестве творческого труда, которому также необходима правовая охрана.

Таким образом, возникает необходимость закрепления в законодательстве цифрового творчества в качестве объекта авторского права. Однако, здесь берет свое начало другая трудность, которая заключается в отсутствии в статье 1259 ГК РФ, охраняемых авторским правом объектов. Отсюда возникает множество споров, так как воссоздать все существующие объекты авторского права, созданных посредством цифровых технологий затруднительно, потому что классификация данных объектов разнообразна и может быть неисчерпаема.

Рассмотрев приведенную информацию, можно заключить, что для устранения возникших дискуссий считаем необходимым закрепление в законодательстве в качестве объекта авторского права объектов творчества, существующих в цифровой форме, путем включения их в статью 1259 ГК РФ. Это будет способствовать устранению образовавшегося пробела в законодательстве и обеспечению полноценной правовой охраны прав авторов таких объектов.

Углов С. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Особенности определения контрафактных экземпляров произведения

В соответствии с пунктом 3 статьи 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации² в случае нарушения исключительного права правообладатель вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права.

Законодательно предусмотрено три модели исчисления компенсации за нарушение исключительного права на произведение (статья 1301 Гражданского кодекса Российской Федерации), а именно:

1) твердая компенсация в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения;

2) компенсация, рассчитанная в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения;

---

¹ Горбачева Е. О. Правовая природа объектов цифрового искусства (digital art) // Молодой ученый. 2023. № 10 (457). С. 76.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

3) компенсация, рассчитанная в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель.

С одной стороны, может показаться, что вторая модель очень простая для расчета компенсации. Но на практике стороны не всегда могут четко определить, что именно является контрафактным экземпляром произведения.

В Солнцевском районном суде города Москвы рассматривалось дело № 02-3085/2023 о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на фотографию¹. В данном деле автор научной работы был представителем Ответчика.

Краткая фабула дела. Девушка сделала фотографию посуды в 2019 году и загрузила ее в общей доступ на сайт Pinterest без какой-либо пометки на то, кто является автором фотографии. Данное фото стали использовать продавцы на маркетплейсах в своих объявлениях в целях продажи этой посуды. В 2023 девушка обратилась с иском к одной из таких компаний с требованием о выплате ей компенсации за нарушенное право.

Истец, утверждая о нарушении его права, просил взыскать с Ответчика компенсацию в размере 412 040 руб. 00 коп. Размер компенсации определен следующим образом: в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения. Таким образом, Истец настаивал на том, что Ответчик продает контрафактную продукцию.

Ответчик возражал против такого расчета компенсации, мотивируя это следующим.

Пункт 4 статьи 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации² делает попытку определения контрафактных материальных носителей: в случае, когда изготовление, распространение или иное использование, а также импорт, перевозка или хранение материальных носителей, в которых выражены результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, приводят к нарушению исключительного права на такой результат или на такое средство, такие материальные носители считаются контрафактными.

На уровне судебной практики также была сделана попытка дать определение контрафактных экземпляров произведений, так в пункте 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2006 № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах»³ было отмечено следующее: «Контрафактными являются экземпляры произведения и фонограммы, изготовление и распространение которых влечет за собой нарушение авторских и смежных прав».

Товар продавца нельзя было признать контрафактным, в силу использования чьей-то фотографии для продвижения продаж товара – как этого требовал Истец

К тому же в пункте 59 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴ указывается, суд по своей инициативе не вправе изменять способ расчета суммы компенсации.

Истец понял, что допустил ошибку и изменил способ расчета компенсации на фиксированную сумму, уточнив искимые требования. В противном случае суд должен был отказать в удовлетворении искимых требований Истца.

По мнению автора, законодателем допущен пробел в праве. В Гражданском кодексе Российской Федерации закрепляется способ расчета компенсации от стоимости контрафактных экземпляров произведений, но при этом отсутствует легальное определение контрафакта. Попытка дать легальное определение в 1252 статье Гражданского кодекса Российской Федерации не дает четкого представления о понятии контрафактного экземпляра произведения. На уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации пробел также не устранен. На практике люди часто пытаются использовать именно второй способ расчета компенсации ввиду того, что размер компенсации получается большим и его легко

¹ Официальный сайт Солнцевского районного суда города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/solncevskij/services/cases/civil/details/be9406b0-fa16-11ed-9090-2da347376b4c?participant=%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%84-%D0%BC> (дата обращения: 25.02.2024).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2006 № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

рассчитать и обосновать. При этом отсутствие легального определения контрафактных экземпляров произведений может привести к злоупотреблению правом со стороны правообладателей.

Таким образом, для устранения неопределенностей в правоприменительной практике законодателю следует разработать и ввести более четкое проработанное определение контрафактных экземпляров произведений.

Уткина В. К.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

**Обеспечение нотариусом доказательств в сети Интернет в рамках судебного способа защиты
исключительного права на товарный знак:
опыт Российской Федерации и Китайской Народной Республики**

В последнее время проблема защиты исключительного права на товарный знак стала весьма актуальной как в Российской Федерации, так и в Китайской Народной Республике. С целью привлечения нарушителя исключительного права на товарный знак к ответственности лицо, на имя которого зарегистрирован товарный знак (правообладатель), обращается в суд. Но для того, чтобы требование правообладателя было удовлетворено, ему необходимо зафиксировать подобное нарушение.

Обращение к нотариусу за обеспечением доказательств в сети Интернет является одним из эффективнейших способов получения и закрепления доказательств, необходимых для защиты прав и законных интересов в судебном порядке в Российской Федерации и в Китайской Народной Республике. Опыт по защите исключительного права на товарный знак именно этих стран будет рассмотрен в рамках данной статьи.

Если обратиться к российскому законодательству, то такому нотариальному действию, как обеспечение доказательств, посвящена глава XX Основ законодательства о нотариате (далее – Основы)¹. В статье 102 Основ говорится, что рассматриваемое нотариальное действие совершается нотариусом по просьбе заинтересованного в нем лица. При этом стоит заметить, что целью обеспечения доказательств является исключение возможности их утраты, уничтожения и непредставления².

Нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если у обратившегося лица есть основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным. Одним из таких оснований можно назвать риск уничтожения данных, хранящихся в сети Интернет³. Это особенно актуально для защиты исключительного права на товарный знак, поскольку довольно часто нарушение данного права происходит именно в сети Интернет.

Так, в Суде по интеллектуальным правам рассматривалось дело о нарушении исключительных прав на товарные знаки и произведения изобразительного искусства. Согласно материалам дела, в ходе просмотра сайтов в сети Интернет компания Entertainment One UK Limited (далее – истец) узнала о размещении на сайте и социальных сетях, принадлежащих Федоровой Елене Александровне (далее – ответчик), предложений о продаже торта с нанесенными на него изображениями героев анимационного сериала «Свинка Пеппа (Peppa Pig)», обладателем исключительных прав на которые является истец. С целью подтверждения факта нарушения исключительного права на товарный знак, представитель истца обратился к нотариусу для обеспечения доказательств в сети Интернет. По итогу совершения нотариального действия нотариусом был составлен протокол, содержащий скриншоты страниц сайта сети Интернет со сведениями о принадлежности сайта ответчику, а также информацию о предлагаемых к продаже через Интернет тортах с изображениями героев анимационного сериала «Свинка Пеппа (Peppa Pig)». Судебный процесс завершился тем, что суд удовлетворил требования истца и взыскал с ответчика компенсацию в размере 238 998 рублей⁴.

¹ Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. 13 марта 1993 г.

² Бегичев А. В. Методическое пособие по обеспечению доказательств нотариусами // Инфотропик Медиа. 2018. С. 8.

³ Методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами (утв. решением Правления ФНП, протокол от 26 июня 2023 года № 10/23) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 ноября 2023 года № C01-2324/2023 по делу № A14-5558/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

В статье 11 Закона о нотариате Китайской Народной Республики закреплено, что нотариальное действие по обеспечению доказательств совершается нотариусом по заявлению физического или юридического лица¹. Обеспечивая доказательства, нотариус должен соблюдать положения Гражданского процессуального кодекса Китайской Народной Республики.

Согласно статье 72 Гражданского процессуального кодекса Китайской Народной Республики, обстоятельства, которые подтверждены нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания. Оспорить нотариальный акт возможно только при наличии достаточных для этого доказательств². Данное положение содержится и в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации³.

Стоит сказать, что в Китайской Народной Республике проблема защиты исключительного права на товарный знак также достаточно распространена. Китайские юристы связывают увеличение количества нарушений исключительного права на товарный знак с развитием сервисов онлайн-торговли, на которых число недобросовестных онлайн-продавцов, использующих известные торговые знаки для реализации своей продукции, растет с каждым годом. И именно обеспечение нотариусом доказательств в сети Интернет является одним из основных способов получения неопровержимых доказательств⁴.

Так, например, компания по производству часов (далее – компания А) узнала, что ее компания-конкурент (далее – компания В) продавала продукцию с зарегистрированным товарным знаком компании А через приложение WeChat. Тогда компания А обратилась в суд с исковыми требованиями прекратить нарушение ее исключительного права на товарный знак и взыскать с компании В соразмерную компенсацию ущерба. С целью закрепления факта нарушения ее права Компания А обратилась к нотариусу для обеспечения доказательств, размещенных на платформе WeChat. Впоследствии нотариусом был составлен протокол, в котором были отражены тексты и изображения, размещенные Компанией В в WeChat, которые использовались ею для реализации продукции. В итоге компания А выиграла судебное разбирательство⁵.

Обеспечение доказательств нотариусом, в том числе доказательств в сети Интернет, имеет следующие преимущества:

1. При совершении данного нотариального действия нотариус всегда использует только лицензионные программы. В нотариальном протоколе подробно отражается всё, что размещено на сайте в сети Интернет, описывается сама процедура осмотра, а также указывается вся информация о технических средствах, с помощью которых был произведен осмотр сайта. К протоколу могут прилагаться скриншоты, облегчающие визуальное восприятие информации, которая содержится в сети Интернет⁶.

2. Нотариусу присущи объективность и беспристрастность, данные принципы являются одними из основополагающих в нотариальной деятельности⁷. При совершении нотариального действия по обеспечению доказательств в сети Интернет нотариус сохраняет нейтральную позицию и не принимает чью-либо сторону, поэтому фальсификация нотариусом доказательств маловероятна.

3. Нотариусы всегда действуют в рамках закона. Так, например, при совершении нотариального действия по обеспечению доказательств в сети Интернет нотариус руководствуется соответствующими нормами гражданского процессуального законодательства⁸.

Рассмотренные положительные аспекты характерны как для Российской Федерации, так и для Китайской Народной Республики.

Таким образом, подводя итоги, стоит сказать о том, что по мере проникновения информационных технологий в нашу жизнь, в обществе всё больше возрастает потребность в нотариальной защите прав

---

¹ Notary Law of the People's Republic of China. Notary Law in China. URL:[<https://wfyaulawyers.com.au>]. (дата обращения: 13 февраля 2024 г.).

² Civil Procedure Law of the People's Republic of China. Laws & Regulations. URL:[<https://www.lawinfochina.com/>]. (дата обращения: 13 февраля 2024 г.).

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 20 ноября 2002 г., № 220.

⁴ Article/china-notarial-protection-of-trademark-rights. Article | Asia IP – Intellectual Property News and Analysis. URL:[<https://asiaiplaw.com/>]. (дата обращения: 07 – февраля 2024 г.).

⁵ Там же.

⁶ Preservation of evidence through notarization China | Law.asia. URL:[<https://law.asia/notarisation-preservation-of-evidence/>]. (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

⁷ Article/china-notarial-protection-of-trademark-rights. Article | Asia IP – Intellectual Property News and Analysis. URL:[<https://asiaiplaw.com/>]. (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

⁸ Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. 13 марта 1993 г.

граждан и юридических лиц, поскольку нотариат является одним из наиболее надежных правовых институтов¹.

Протокол обеспечения доказательств, составленный нотариусом в результате совершения нотариального действия по обеспечению доказательств в сети Интернет, способствует отстаиванию интересов стороны, участвующей в судебном процессе по защите исключительного права на товарный знак. С помощью него лицо, чье право было нарушено, может доказать, что нарушение действительно произошло. При совершении данного нотариального действия нотариус оказывает помощь судам в осуществлении правосудия и облегчает им работу по обеспечению доказательств, необходимых для правильного рассмотрения дела².

Хаустова Ю. Ю.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Охраноспособность татуировок как объекта авторского права

Действующее законодательство Российской Федерации понимает под объектами авторского права произведения науки, литературы и искусства, созданные творческим трудом автора³. Статья 1259 ГК РФ содержит открытый перечень объектов авторских прав, что подтверждается указанием законодателя на «другие произведения». Однако, ГК РФ не закрепляет легального понятия «произведения», которое используется, в том числе, при определении перечня объектов авторского права. В.И. Серебровский предлагает следующее определение: «Произведение – это совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения»⁴.

В настоящее время существуют два критерия охраноспособности объектов авторского права: творческий характер произведения (в некоторых странах используется термин оригинальность) и наличие объективной формы выражения произведения. В пункте 80 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что судам при разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что по смыслу статей 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом⁵.

Вследствие стремительного развития цифровых технологий создателям различных художественных произведений все чаще приходится сталкиваться с необходимостью защиты своих авторских прав. Данная проблема коснулась и мастеров тату-искусства, так как эскизы татуировок переносятся в цифровой формат и используются в качестве части образа персонажей кинофильмов или видеотелесериалов.

Татуировки и их эскизы прямо не перечислены в законодательстве в качестве объектов авторского права, но обращаясь к критериям охраноспособности и правоприменительной практике зарубежных стран, можно отнести подобные произведения к объектам авторских прав, ведь татуировки являются продуктом творческой деятельности человека, и имеют свою объективную форму закрепления и выражения посредством нанесения на человеческую кожу.

Особый интерес с теоретической и практической точки зрения представляет вопрос правовой охраны татуировок, уже нанесенных на тело человека.

Проблема охраноспособности татуировок, нанесенных на кожу человека, возникла в США при рассмотрении ряда дел. Судебная практика в Российской Федерации на данную тематику на данный момент

---

¹ Begichev A. V. Remote Digital Technologies for Notary Protection of the Rights of Economic Activities Participants // Smart Innovation. Systems and Technologies. 2022. С. 165.

² Корсик К. А. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате // Фонд развития правовой культуры. 2018. С. 237.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

⁴ Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 32.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

отсутствует. Споры по факту нарушения авторских прав заставляют задуматься кому же все-таки принадлежат права на изображение, носителем которого выступает человек: тату – мастеру или носителю татуировки.

Спор *Whitmill v. Warner Bros. Entertainment, Inc* был связан с авторскими правами на татуировку на лице боксера Майка Тайсона. В комедии «Мальчишник 2: Из Вегаса в Бангкок» одному из персонажей нанесли на лицо аналогичную татуировку. Тату-мастер Уитмилл обратился в суд с иском о нарушении авторских прав к киностудии Warner Bros. Entertainment, Inc. В обоснование своих требований истец заявил, что сразу после нанесения татуировки Майк Тайсон подписал документ, согласно которому «все произведения искусства, эскизы, наброски, имеющие отношение к его татуировке, в том числе фотографии его татуировки являются собственностью Уитмилла». Суд отказался удовлетворить требование истца о запрете показа фильма, ссылаясь на публичные интересы, однако указал, что «татуировки могут охраняться авторским правом, однако это не означает распространения авторского права на лицо мистера Тайсона или ограничений на использование мистером Тайсоном собственного лица, как заявляет ответчик, равно как и не означает, что человек не может удалить или изменить свою татуировку»¹.

Таким образом, татуировки, нанесенные на тело человека, могут являться объектом авторского права.

Еще одно дело было в 2016 году, тату студия *Solid Oak Sketches* подала в суд иск на издательство *Take-Two* за использование в серии игр *NBA 2K* изображений татуировок известных спортсменов на игровых персонажах. В иске говорилось, что игра нарушает права студии на татуировки, которые есть у Леброна Джеймса, Кеньона Мартина и Эрика Бледсоу. Федеральный суд Нью-Йорка принял решение, что использование татуировок издательством *Take-Two* было «*de minimis*» или слишком незначительными, чтобы заслуживать внимания, а подразумеваемая лицензия (*implied license to use the Tattoos as part of their likeness*) на их использование была получена. Судья обратила внимание на экспертный анализ, который показал, что «только от 0,000286 % до 0,000431 % игровых данных *NBA 2K* посвящено татуировкам»².

Таким образом, отсутствие указания в законодательстве на татуировку в качестве охраноспособного объекта не говорит о невозможности ее отнесения к объектам авторского права. Учитывая, что татуировка в своей объективной форме на специфическом материальном носителе не может быть отчуждена от ее носителя, случаи свободного использования произведения в личных целях дополняются возможностью демонстрации в местах, общедоступных для восприятия неограниченным количеством людей. Данные споры имеют определенную специфику, ведь затрагивают не только права тату-мастера, как создателя, но и человека – носителя тату, личность которого может придать данной татуировке определенную степень известности и узнаваемости. Иностранные суды при рассмотрении данной категории споров принимали во внимание в том числе права носителей татуировок на свободное распоряжение своей внешностью, образом. Изложенная специфика, по нашему мнению, может быть воспринята и отечественным правоприменителем при рассмотрении похожих дел о защите татуировки как объекта авторского права.

Чекурова Д. И.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Интернет-мемы сквозь призму права интеллектуальной собственности: теоретические и практические аспекты

В связи с активным развитием интернет-творчества все чаще приходится говорить о необходимости правового регулирования в соответствующей области. Одним из проявлений интернет-творчества является создание интернет-мемов. Мемы, являясь материалом, создание и распространение которого трудно контролировать, вызывают множество вопросов. Какова их правовая природа? Требуется ли правовое регулирование отношений, возникающих по поводу их создания? Необходимо ли считать нарушением авторских прав создание и распространение мемов? Кто обладает правами на мем? Российский и зарубежные правовые порядки все еще не знают четких ответов на эти вопросы.

Обратимся к опыту зарубежных стран. Так, в США, Канаде, Индии и в ряде иных государств применяется доктрина добросовестного использования (от англ. «*fair use*»). Для того чтобы свободно использовать интернет-мем, необходимо, чтобы соответствующие действия удовлетворяли четырем требованиям: некоммерческий характер использования; заимствование контента из опубликованного материала;

¹ King Y. M. The challenges «acing» copyright protection for tattoos // *Oregon law review*. – Eugene, 2013. – Vol. 92. No. 1. – P. 129–162.

² *Solid Oak Sketches v. Take-Two* // URL: <https://www.documentcloud.org/documents/6819709-SolidOak.html> (дата обращения: 20.02.2024).

несущественность использования оригинального произведения; отсутствие влияния на стоимость исходного произведения¹.

Интерес представляет отечественное регулирование в рассматриваемой области. Судебная практика вынесла дефиницию интернет-мема, с которой трудно поспорить: «под интернет-мемом понимается информация в той или иной форме (медиаобъект, то есть объект, создаваемый электронными средствами коммуникации, фраза, изображение, концепция или занятие), как правило, остроумная и ироническая, спонтанно приобретающая популярность, распространяясь в Интернете разнообразными способами (посредством социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров и прочего), обозначает также явление спонтанного распространения такой информации или фразы (вошло в употребление в середине первого десятилетия XXI века)»². При этом, на субъектов нельзя распространять действие ст. 1273 ГК РФ о свободном воспроизведении в личных целях. Представляется, что интернет-мемы следует квалифицировать как «иные произведения» в рамках п. 1 ст. 1259 ГК РФ; при этом они относятся, по общему правилу, к производным произведениям, так как представляют из себя переработку изображений. Такое определение правовой природы интернет-мемов позволяет осуществить анализ применимости ряда положений отечественного права, в том числе авторского, к ним.

1. Согласно п. 3 ст. 1260 ГК РФ, создатели произведений могут реализовывать свои авторские права при соблюдении прав авторов оригинальных произведений. Следовательно, отсутствие разрешения правообладателя приводит к нарушению его исключительного права, что, со всей очевидностью, повсеместно происходит на практике. Однако справедливы утверждения некоторых авторов о том, что пользователи интернета преобразуют оригинальные произведения с тем, чтобы дать им новый контекст и наполнить новым значением³; при этом такое использование есть способ коммуникации и в определенном смысле служит интересам общества (так как мемы представляют собой особый культурный феномен) и самого правообладателя (в связи с тем, что произведение благодаря созданию и распространению мемов может стать более известным⁴). В этой связи, как представляется, целесообразным было бы дозволить использование мемов пользователями в некоммерческих целях, переняв тем самым опыт зарубежных стран; невозможно представить в действительности сценарий, где бесчисленное количество пользователей заключает соглашения с автором оригинального произведения.

2. Использование мемов в коммерческих целях без согласия автора следует признавать нарушением авторских прав. При этом в литературе существует позиция, согласно которой наиболее эффективным представляется заключить лицензионный договор с автором; таким образом, впоследствии не возникнет проблема доказывания добросовестности использования произведений автора⁵.

3. В случае использования чужого изображения для создания интернет-мема необходимо согласие лица, изображенного на фотографии (ст. 152.1 ГК РФ); при отсутствии согласия такое лицо может потребовать удалить изображение, пресечь его распространение и так далее. Однако в отечественной судебной практике⁶ нередко применяются положения Федерального закона «О персональных данных»⁷.

4. Специфична ситуация, когда одно изображение является основой для создания сотен различных интернет-мемов. Авторские права в таком случае разграничить фактически нереально; соавторства по ст. 1258 ГК РФ также не возникает. Такой контент, как представляется, по правовому статусу ближе к произведениям фольклора (пп. 3 п. 6 ст. 1259 ГК РФ) в связи с отсутствием (невозможностью определения) конкретных авторов; он может свободно использоваться любым лицом.

¹ Ananyaa B., Soumya S. Memes and Copyright Protection. URL:

<https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=c4f84fc0-41d7-4191-bdf1-ff13781cd4c6> (дата обращения: 01.02.2024).

² Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 03.08.2020 по делу № А56-123039/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Asay C., Sloan A., Sobczak D. Is Transformative Use Eating the World? // Boston College Law Review. 2020, P. 905.

⁴ А. С. Ворожечев. Установление границ исключительных авторских прав в контексте цифровизации и развития интернет-творчества (обзор) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 4 (34). С. 75.

⁵ Slavick Scott J. I Can Haz Copyright Infringement? Internet Memes and Intellectual Property Risks. URL: <https://www.mondaq.com/unitedstates/copyright/208786/i-can-haz-copyright-infringement-internet-memes-and-intellectual-property-risks> (дата обращения: 01.02.2024).

⁶ Решение Мещанского районного суда Москвы по делу № 2-1869/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4vBASyiROdU/> (дата обращения: 01.02.2024).

⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

5. Интернет-мемы уже долгое время регистрируются в качестве товарных знаков. Суд по интеллектуальным правам указывает¹, что закон не запрещает регистрировать интернет-мемы как товарные знаки, если они не обладают непристойным, антигуманным содержанием, и если они не нарушают орфографию русского языка. Также Суд указывает, что для регистрации интернет-мема в качестве товарного знака требуется наличие у него узнаваемости: так, Роспатент правомерно отказал в регистрации фразы «Как тебе такое, Илон», поскольку она не обладает различительной способностью².

6. Зарубежной судебной практике известны случаи разрешения споров, касающихся использования соответствующих товарных знаков без согласия правообладателей (например, дела «Сердитой Кошки»³, «Нян Кэта»⁴ и другие). Говоря об отечественной практике, нельзя не упомянуть серию споров, связанных с правами на «Ждуна», скульптуру, ставшей известной российским пользователям в 2017 г. Российская компания на основании исключительной лицензии обладает правом использования соответствующего произведения изобразительного искусства и на этом основании активно ведет деятельность по защите исключительных прав; таких дел десятки, и мотивировочная часть решений судов нередко совпадает, поэтому, представляется, следует рассмотреть некоторые аспекты.

Так, компания подала в суд на социальную сеть «ВКонтакте» в связи с созданием последней бесплатного набора стикеров с изображением Ждуна. Однако суд не усмотрел нарушения прав истца в связи с тем, что набор стикеров содержит юмористическую отсылку к соответствующему интернет-мему и обладает комической целью его использования, то есть представляет из себя пародию на произведение (п. 4 ст. 1274 ГК РФ). Такой подход, как представляется, не лишен логики, однако не всегда может быть применим по нескольким причинам. Во-первых, интернет-мем может содержать комментарий не к изначальному произведению или его контексту, а к определенному явлению объективной действительности, что не соответствует понятию пародии; еще Высший Арбитражный Суд Российской Федерации указывал, что первоначальное произведение не может являться лишь вспомогательным средством при создании пародии⁵. Иной подход привел бы к неоправданному расширению сферы свободного использования, что потенциально способствовало бы злоупотреблениям на практике, в связи с чем менять существующие правила нецелесообразно⁶. Отметим, что в некоторых случаях Суд по интеллектуальным правам все же признает сатирическую оценку конкретных событий, выраженную в интернет-мемах, карикатурой⁷. Во-вторых, пародия подразумевает создание отдельного производного произведения, что не всегда происходит с интернет-мемами. Пользователи, создавая мем, порой лишь вносят дополнительное, не охраняемое авторским правом, содержание в оригинальное произведение. Такое «дополнительное содержание» может подразумевать простое изменение подтекста, добавление надписей – в таких случаях самостоятельного производного произведения, необходимого для квалификации явления как пародии, не появляется.

Таким образом, интернет-мемы представляют особое значение для современного общества, в связи с чем их правовой режим надлежит регулировать. В данный момент мемы в зависимости от их содержания и характера создания можно квалифицировать как производные произведения; данное явление, как представляется, может выступать в качестве пародии и карикатуры, а также фольклора. При создании и распространении интернет-мемов в коммерческих целях надлежит получать разрешение автора (или заключать соответствующий лицензионный договор), ровно как требуется получить разрешение при использовании чужого изображения как основы для мема. De lege ferenda некоммерческое использование интернет-мемов следует признать случаем свободного использования, поскольку иное регулирование не представляется возможным, и, в сущности, необходимым.

¹ Решение Суда по интеллектуальным правам от 25 мая 2023 г. по делу № СИП-155/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 17 июля 2023 г. № С01-725/2023 по делу № СИП-1109/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Lily Rose. Grumpy Cat owner awarded over \$ 700 000 in coffee lawsuit. URL: <https://www.latimes.com/food/sns-dailymeal-1868030-drink-grumpy-cat-owner-wins-coffee-lawsuit-20180124-story.html> (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ Timothy B. Lee. Warner Brothers sued for unauthorized use of Nyan Cat and Keyboard Cat. URL: <https://arstechnica.com/tech-policy/2013/05/warner-brothers-sued-for-unauthorized-use-of-two-feline-internet-memes/> (дата обращения: 01.02.2024).

⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 19 ноября 2013 г. № А40-38278/12-12-166 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ А. С. Ворожечин. Установление границ исключительных авторских прав в контексте цифровизации и развития интернет-творчества (обзор) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 4 (34). С. 72.

⁷ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 08.06.2022 № С01-768/2022 по делу № А40-106935/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Щедрин Г. А.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Организации коллективного управления правами как неотъемлемый элемент правоотношений интеллектуальной собственности

Уже в XIX веке авторы пришли к мысли о том, что практически невозможно собирать справедливое вознаграждение с пользователей за использование результатов интеллектуальной деятельности. Именно так в 1850 г. во Франции впервые была внедрена система коллективного управления правами авторов, композиторов и музыкальных издателей, в последующем распространившаяся на весь мир¹.

В современной России отношения, связанные с передачей прав авторов, регулируются гражданским законодательством. Именно так в статье 1242 ГК РФ закреплено положение, позволяющее авторам, исполнителям, изготовителям фонограмм, а также иным обладателям авторских и смежных прав создавать основанные на членстве некоммерческие организации, на которые в соответствии с полномочиями, предоставленными им правообладателями, возлагается управление соответствующими правами на коллективной основе (Организации, осуществляющие коллективное управление авторскими и смежными правами – далее ОКУП). Таким образом, отечественное законодательство предусматривает механизм представительства, осуществляемый через заключение лицензионных договоров. На основании простой неисключительной лицензии ОКУП на возмездной основе предоставляет пользователям право на использование произведения, а правообладатель получает вознаграждение (роялти) за вычетом доли ОКУПа, установленной в рамках договора между правообладателем и ОКУПом.

Основными причинами, ставшими катализатором необходимости формирования ОКУПов стала сложность управления правами: с ростом числа авторов, исполнителей и правообладателей стало сложнее управлять и защищать их права. ОКУПы предоставляют механизмы централизованного управления правами, сокращая транзакционные издержки и упрощая процесс лицензирования. Среди прочего можно также выделить:

Цифровизация контента: с появлением цифровых технологий и интернета контент стал более легко доступным, что привело к увеличению объема и сложности управления правами. ОКУПы помогают авторам и правообладателям защитить свои интересы и получить справедливую компенсацию за использование своих произведений в цифровом формате.

Международные стандарты: с целью обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности на международном уровне возникла потребность в создании организаций, способных эффективно взаимодействовать с другими аналогичными организациями по всему миру.

Необходимость сбора и распределения отчислений: Организации коллективного управления помогают в сборе платежей за использование авторских и смежных прав и их последующем распределении между правообладателями.

Как было ранее упомянуто, действующий правовой режим предусматривает две формы представительства ОКУПов: в силу договора и в силу закона. Организации, действующие на договорной основе (без государственной аккредитации), управляют правами ограниченного круга правообладателей, заключивших лицензионный договор с ОКУПом. Представительство в силу закона могут осуществлять только аккредитованные организации. Отличие аккредитованного ОКУПа от неаккредитованного заключается в том, что аккредитованные ОКУПы могут управлять правами как тех, кто заключил с ними договор, так и тех, кто этого не сделал в соответствии с п. 3 ст. 1244 ГК РФ. Это означает, что автор может отказаться от управления своими правами аккредитованным ОКУПом в любое время, направив письменное уведомление о своем решении. Это право предусмотрено п. 4 ст. 1244 ГК РФ.

На момент написания настоящей статьи существует всего четыре аккредитованные организации, осуществляющие коллективное управление правами авторов: УПРАВИС (Ассоциация правообладателей по защите и управлению авторскими правами в сфере изобразительного искусства); ВОИС (Всероссийская организация интеллектуальной собственности); РАО (Российское авторского общества) и РСР (Российский союз правообладателей). В свою очередь УПРАВИС осуществляет управление и защиту авторского права при реализации права следования фотографов, художников, скульпторов и других авторов произведений

---

¹ Общество музыкальных авторов, композиторов и издателей ((Société des auteurs, compositeurs et éditeurs de musique, SACEM) // URL: <https://www.sacem.fr/>.

изобразительного искусства¹. ВОИС осуществляет управление смежными правами изготовителей фонограмм и исполнителей, в то время как РАО реализует управление авторскими правами². В свою очередь РСП осуществляет функции по управлению как авторскими, так и смежными правами.

Помимо правоотношений, предусмотренных гражданским законодательством, ОКУПы также способны реализовывать право на предъявления иска в защиту прав, свобод и законных интересов как неопределенного круга лиц, так и лиц, обратившихся в ОКУП с просьбой о защите нарушенных прав. Участие ОКУПа в процессе возможно и без привлечения правообладателя по предмету иска³.

Система управления правами авторов обладает некоторой организационной неточностью. Именно так законом не регулируется проблематика пропорциональности распределения ресурсов ОКУПов по управлению правами авторов. Зачастую, ОКУПы предоставляют более качественное управление правами для тех правообладателей, кто в потенциале способен принести большую прибыль. Также законом до конца не определена природа особой конструкции договора о передаче прав управления ОКУПу. В связи с этим определенная часть представителей цивилистического сообщества признает деятельность организаций по коллективному управлению авторскими и смежными правами в качестве разновидности услуг. Однако ни специфика осуществляемой организациями деятельности, ни особенности заключения договора по коллективному управлению не позволяют отождествить его с договором возмездного оказания услуг⁴.

Отношения, связанные с передачей права управления произведением часто становятся предметом исков со стороны пользователей прав и правообладателей. Именно так в деле № А40-224162/2017-134-324 ООО «ЮрБИЗ» (далее – «Истец») обратилось в арбитражный суд с исковым заявлением к АО «Первый канал» (далее – «Ответчик») о защите прав на музыкальное произведение и взыскании компенсации в размере 400 000 рублей за неправомерное использование произведения. Истцом было установлено, что в эфире Первого канала в телепередаче «Что? Где? Когда?» арт-группой «Сопрано Турецкого» исполнялось музыкальное произведение «Танго разбитых сердец», правообладателем которого является Истец на основании договора отчуждения исключительного права. Истец указывает, что не заключал никаких договоров с Ответчиком и, соответственно, не давал ему разрешение на использование произведения, а тем более на осуществление его переработки. Суд на основании заключения эксперта установил, что спорное произведение, действительно, является переработкой музыкального произведения «Танго разбитых сердец», что является прямым нарушением статьи 1240 гражданского кодекса. Ответчик, в свою очередь, привел доводы о том, что осуществлял использование произведений на основании договора, заключенного с РАО, поэтому оно является правомерным. Суд не согласился с доводами ответчика сославшись на то, что договор, заключенный ответчиком с РАО, не предусматривает всех способов использования, необходимых для включения и использования произведения в составе аудиовизуального произведения (АВП), в частности, такого способа, как переработка. К тому же, РАО в принципе не могло предоставить Ответчику разрешение на включение произведения в состав сложного объекта (АВП) и переработку, так как не является его правообладателем, и государственная аккредитация РАО распространяется только на случаи использования произведения способом их сообщения в эфир и по кабелю, а также публичного исполнения. В связи с этим, суд счел доводы Ответчика необоснованными и удовлетворил требования Истца в полном объеме⁵. Данное судебное решение показывает, что ОКУП, как орган управления, зачастую может совершать неправомерные действия, способные оказать негативные последствия, как на пользователях прав, так и на правообладателях. В связи с этим передача больших прав для ОКУПов (в том числе внедрение механизма принудительного лицензирования по отношению к сиротским произведениям) может поставить под угрозу законность механизма коллективного управления прав.

Таким образом, организации коллективного управления правами представляют собой важный инструмент предоставления прав, действующий в интересах как пользователей, так и правообладателей. Именно по этой причине необходимо внедрение законодательных механизмов регулирования деятельности подобных организаций с целью недопущения злоупотребления правами со стороны ОКУПов.

¹ Ассоциация Правообладателей по защите и управлению авторскими правами в сфере искусства (УПРАВИС) // URL: <http://www.upravis.ru/?ysclid=lt1y4a8s5k988988829>.

² Всероссийская организация интеллектуальной собственности (ВОИС) // URL: <https://rosvois.ru/?ysclid=lt1yz8hn6h277951541>.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ. Ст. 46 // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁴ Семенникова Н. Сущность и правовая природа договора коллективного управления авторскими и смежными правами // Авторское право и смежные права. 2018. № 11. С. 54.

⁵ Решение от 20 декабря 2018 г. по делу № А40-224162/2017 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/3U2KhBMsFox0/?ysclid=lct1fyhpy7474554764>.

Щербинин В. С.
НИУ ВШЭ Санкт-Петербургский филиал
Магистрант

Интернет-мемы как объекты интеллектуальной собственности: культурный и правовой аспекты

Интернет в последнее десятилетие стал генератором новых культурных объектов. Кроме технических наук, он так же стал интересен представителям гуманитарных и общественных дисциплин. Интернет – новое культурное пространство, изучением которого занимаются ученые из разных областей знания по всему миру. И один из самых ярких культурных объектов, порожденных Всемирной сетью, это интернет-мемы. За смешными изображениями, видеороликами и шуточными песнями скрывается более глубокий контекст, чем представляется обычному пользователю.

В связи с возникновением судебной практики и практики Роспатента, мы считаем, что необходимо ознакомиться не только с юридическими, но и с культурологическими, филологическими и психологическими аспектами мемов, необходимыми для грамотного правового регулирования.

История понятия, которым принято определять юмор из Интернета, корнями восходит к естественным наукам, однокоренным можно считать термин «мимикрирование» – защитное свойство живых организмов уподобляться по цвету или по форме другим существам¹.

Термин «мем» распространился в науке благодаря труду Ричарда Докинза «Эгоистичный ген». Английский этолог предложил теорию, согласно которой культура состоит из самовоспроизводимых частиц по аналогии с генами. То есть, так же как и ген, мем – единица хранения и передачи информации, но только в сфере культуры².

При этом неизвестно, кто и когда стал применять данное понятие для обозначения того, что мы понимаем под мемами сегодня. Ученые из многих областей знания рассматривают данное явление с различных позиций, расширяя его функциональность.

С точки зрения социологии, мемы – это идеальный идентификатор общественного мнения, потому что отражают переживания социальных групп, которые можно отследить в реальном времени благодаря откликам.

Психологи утверждают, что мемы помогают людям пережить трудные ситуации. Американское исследование, проведенное в период пандемии, доказало, что просмотр ироничного контента положительно влияло на респондентов³. Ученые, изучающие способы человеческой коммуникации, описывают мемы как новый способ социализации. Понимание того или иного юмора в Интернете становится важным маркером принадлежности к группе: верное раскодирование, воспроизведение и передача могут служить подтверждением принадлежности к социальной группе⁴.

Лингвист А.В. Вешнякова возводит образование мемов к языковым играм как к творческой деятельности носителей языка⁵. Популярной позицией является причисление мемов к фольклорному жанру. А.В. Изгаршева, посвятившая диссертацию изучению феномена мема, установила, что он обладает следующими базовыми особенностями, характерными для устного народного творчества: безавторство, широкая распространенность, выражаемая в функционировании различных форм фольклора (вариантов), вариативность, творчески-эстетическая основа⁶.

Таким образом, интернет-мем – это фольклорный жанр творчества в области медиа, спонтанно приобретший популярность за счет коллективного создания и распространения в Интернете произведений, в основе которых лежит популярное явление, оказывающий положительное психологическое влияние, обладающий способностями к объединению вокруг себя индивидуумов.

¹ Электронный ресурс. URL: <https://gramota.ru/meta/mimikriya> (дата обращения: 05.02.2024).

² Электронный ресурс. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/21327/> (дата обращения: 05.02.2024).

³ Myrick J. G., №abi, R. L., & Eng, № J. (2022). Consuming memes during the COVID pandemic: Effects of memes and meme type on COVID-related stress and coping efficacy. *Psychology of Popular Media*, 11(3), 316–323.

⁴ Зиновьева Надежда Андреевна Воздействие мемов на интернет-пользователей: типология интернет-мемов // ВЭПС. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-memov-na-internet-polzovateley-tipologiya-internet-memov> (дата обращения: 06.02.2024).

⁵ Вешнякова А. В. Лингвокреативный аспект интернет-мемов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 6-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-aspekt-internet-memov> (дата обращения: 06.02.2024).

⁶ URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvisticheskaya-interpretatsiya-internet-mema/read> (дата обращения: 06.02.2024).

Открытый список произведений, зафиксированный ст. 1259 ГК РФ, формально позволяет признать мемы объектом авторских прав, поскольку они соответствуют немногочисленным признакам охраноспособности: созданы творческим трудом, созданы человеком, имеют объективную форму в виде изображений, видеороликов или музыки.

Самый известный спор в российской судебной практике № А56-123039/2019 произошел вокруг между ООО «ВКонтакте» и ООО «СИ ДИ ЛЭНД КОНТАКТ» вокруг созданных ответчиком бесплатных стикеров с изображением скульптуры, именуемой в российском Интернете «Ждун», правами на которое обладал истец по исключительной лицензии с автором статуи. Для решения этого дела суды использовали следующую аргументацию: пользователь обнародовал с согласия автора фотографию его скульптуры, другие пользователи интернета сделали из скульптуры интернет-мем, что включает в себя целый комплекс различных произведений, социальная сеть подхватила тренд и создала стикерпак, и потому требования лицензиара не могут быть удовлетворены, ведь ответчик создал свои произведения не на основании оригинальной скульптуры, а на основании интернет-мема, поэтому спорный стикерпак суд признал пародией на произведения пользователей, а потому иск лицензиара не был удовлетворен.

Данное решение создало путаницу в сообществе, поскольку многие решили, что суд признал мемы в качестве пародий, так же как и стикеры, хотя в судебных актах акцент был совсем иным. Суд по интеллектуальным правам, отказывая в удовлетворении кассационной жалобы, указал следующее: «Судами первой и апелляционной инстанции установлено, что спорный набор стикеров как вариация созданного коллективными усилиями пользователей российского сегмента сети «Интернет» интернет-мема «Ждун», является пародией». Слово «коллективное» достаточно часто встречается в решениях трех инстанций, в связи с чем можно говорить о том, что практика признает за мемами режим фольклора, говоря о коллективном создании. Интернет-мем рассматривается судом как явление, ведь суд не изучал каждое отдельное видео или каждое отдельное изображение, созданное пользователями, в связи со «Ждуном». Исходя из подобной аргументации, в силу положений закона, интернет-мем – в принципе, не охраняется авторским правом.

Подобный подход к мему как к социальному явлению вполне логичен, однако по отдельности у каждого мема есть конкретный автор. И если абстрагироваться от рассматриваемого дела, то существуют еще сотни, если не тысячи, вариаций мемов, основанных как независимо (человек снял себя на видеокамеру, сказал что-то остроумное или гротескное, за счет чего обычное – для создателя – видео стало «вирусным» в Интернете), так и на основе переработок самых разных произведений (литературы, кино, видеоигр, видеороликов, видеоблогов и прочее).

Для решения подобной ситуации справедливыми кажутся два варианта признания охраноспособности мемов и разрешения споров с правообладателями основного произведения:

1) Применение доктрины fair use (добросовестное использование). Доктрина, свойственная авторскому праву США, в основе которой лежит гибкая оценка допустимости свободного использования произведения. В отличие от отечественного подхода, где в законе строго указаны способы свободного использования, Закон США об авторском праве устанавливает принципы добросовестности использования: цель и характер использования, объем и существенность заимствований, воздействие на рынок

2) Осознанная публикация контента и саморегулирование соцсетей.

Кроме того, использование мемов мы можем наблюдать не только в произведениях, но и в средствах индивидуализации.

Регистрация мемов в качестве товарных знаков – верный способ получения выгоды за счет их узнаваемости, привлечения внимания потребителей.

В судебной практике существуют два противоречивых дела: серия дел по поводу отказа Роспатента в регистрации товарного знака «ROSSIAN®O» – кальки на шутливый «руссиано», которым политики предлагали заменить американо, в которых СИП встал на сторону заявителя.

Напротив, в деле № СИП-1109/2022 Суд по интеллектуальным правам поддержал решение Роспатента об отказе в государственной регистрации в качестве товарного знака обозначения «Как тебе такое, Илон?», поскольку спорное обозначение не обладает различительной способностью.

Полагаем, что подобная противоречивость решений вызвана исключительно фактором времени. Если еще несколько лет назад мемы считались чем-то несерьезным, то после пандемии мы наблюдаем изменения в решении СИП. При этом в обоих случаях Роспатент отличился незыблемостью позиции, что регистрация мемов как товарных знаков – прямое противоречие положениям п. 1 ст. 1483 ГК РФ. Как, по нашему мнению, верно указало патентное ведомство, и поддержал Суд по интеллектуальным правам в деле № СИП-1109/2: «Монополизация прав на указанное известное обозначение заявителем приведет к возможности запрета его использования иными лицами в том случае, если они также захотят использовать данное обозначение для привлечения внимания к своей деятельности».

Порождаемые Интернетом отношения подчас трудно, а то и совсем невозможно урегулировать правилами традиционных институтов права интеллектуальной собственности, так как последние были созданы для классических объектов, вроде литературных произведений и товарных знаков. Однако, на наш взгляд, это все-таки возможно, если вникнуть в сущность новых явлений.

История – далеко не линейна, а скорее, имеет форму спирали, когда явления прошлого повторяются в новых формах, однако их суть остается прежней. Анекдоты, которые рассказывали век назад, приобретают форму изображений с ироничным содержанием, но остаются продуктом народного творчества. На данный момент существует возможность заполнять пробелы с помощью того правового инструментария, который мы имеем на данный момент.

Круглый стол

«Перспективы цифрового взаимодействия в трудовом праве и праве социального обеспечения: теоретические и практические аспекты»

Аршакуни Д. А.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Вызовы и риски внедрения цифрового взаимодействия в праве социального обеспечения

В настоящее время цифровое взаимодействие становится неотъемлемой составляющей современного общества, оказывая влияние на различные сферы жизни, включая сферу права социального обеспечения. В связи с активным развитием информационных технологий многие государства и организации принимают меры по внедрению цифровых платформ для обеспечения социального обеспечения своих граждан. Однако такие инновации несут в себе определенные риски, которые могут негативно сказаться на эффективности и справедливости реализации социальных программ. В статье будут рассмотрены основные риски цифрового взаимодействия в контексте права социального обеспечения, а также возможные подходы к их устранению.

Угрозы и риски для конфиденциальности и целостности данных являются одной из основных проблем при цифровом взаимодействии в контексте права социального обеспечения. Конфиденциальность персональной информации граждан и целостность данных могут подвергаться угрозам и рискам, которые могут негативно сказаться на доверии к системам социального обеспечения и на эффективности реализации социальных программ. Рассмотрим две основные угрозы подробнее:

1. Потенциальная возможность несанкционированного доступа к персональной информации граждан.

В процессе цифрового взаимодействия, в особенности при передаче и хранении данных, существует риск, что злоумышленники и несанкционированные лица могут получить доступ к персональной информации граждан. Это может включать такие данные, как имена, адреса, номера социального страхования, финансовая информация и другие личные данные, которые являются конфиденциальными.

Доступ к такой информации несанкционированными лицами может привести к различным негативным последствиям, включая мошенничество, незаконное использование данных и другие противоправные действия. Поэтому обеспечение надежной защиты персональных данных является крайне важным аспектом при разработке и реализации систем социального обеспечения.

2. Уязвимости систем хранения и передачи данных.

Другой важной угрозой является наличие каких-либо недостатков в системах хранения и передачи данных. Уязвимости могут быть связаны с ошибками в программном обеспечении, неактуальными или слабо защищенными протоколами передачи данных, недостаточным контролем доступа к системе и другими техническими проблемами.

Эти уязвимости могут использоваться злоумышленниками для несанкционированного доступа к данным, внесения изменений или подделки информации, а также для проведения атак на систему в целом. Успешное использование уязвимостей может привести к нарушению целостности данных, компрометации конфиденциальной информации и другим серьезным последствиям.

Для того чтобы предотвратить наступление всех рисков, которые были упомянуты выше, следует разработать специальное законодательство в сфере права социального обеспечения, которое будет не только кодифицировать все устоявшиеся нормы, но и будет состоять из новых норм, которые бы смогли регулировать цифровизацию данной отрасли права на должном уровне.

Разработка законодательства в области цифровизации права социального обеспечения является важным шагом для обеспечения эффективного и безопасного использования информационных технологий в сфере социальной защиты. Внедрение цифровых технологий в эту область позволяет повысить эффективность работы, сократить бюрократические процедуры и облегчить доступ граждан к социальным услугам.

Основные принципы, которые следует учитывать при разработке законодательства в этой области, включают:

1. Защита конфиденциальности данных: законодательство должно предусматривать меры по обеспечению защиты персональных данных граждан. Это включает принципы минимизации сбора и

использования данных, установление строгих правил для обработки и передачи данных, а также обязательства по обеспечению безопасности и конфиденциальности информации.

2. Обеспечение доступности и удобства использования: законодательство должно гарантировать, что цифровые решения в области социального обеспечения будут доступными и удобными для использования гражданами. Это может включать разработку интуитивно понятных интерфейсов, упрощение процедур взаимодействия с системой, а также предоставление дополнительных услуг и поддержки для лиц, испытывающих трудности с использованием цифровых технологий.

3. Установление четких правил и процедур: законодательство должно определить четкие правила и процедуры взаимодействия между гражданами, органами социального обеспечения и цифровыми системами. Это включает установление сроков предоставления услуг, прав и обязанностей граждан и органов, а также регулирование вопросов безопасности и ответственности при использовании цифровых ресурсов.

4. Обеспечение технической надежности: законодательство должно устанавливать требования к технической надежности цифровых систем, используемых в области социального обеспечения. Это может включать соблюдение определенных стандартов безопасности, регулярное тестирование и обновление систем, а также обязательства по предотвращению и устранению технических сбоев и инцидентов.

5. Прозрачность и участие: законодательство должно предусматривать механизмы прозрачности и участия граждан в процессе цифровизации права социального обеспечения. Это включает право граждан на получение информации о сборе и использовании их данных, возможность обращения и обсуждения вопросов связанных с цифровизацией, а также механизмы защиты прав и интересов граждан в сфере цифровой социальной защиты.

Также крайне необходимо, чтобы нормы права социального обеспечения регулировали проблемы неравенства доступа граждан к цифровым технологиям, которые повсеместно внедряются государством.

Чаще всего, ограничение доступа к цифровому взаимодействию связано с принадлежностью граждан к определенным социальным группам – к примеру, пожилые граждане, низкодоходные группы населения, люди с ограниченными физическими возможностями. Именно поэтому нормы права социального обеспечения должны регулировать порядок предоставления гражданам возможности для цифрового взаимодействия, что может выражаться в обеспечении доступа к техническим средствам, сотрудничестве государства с неправительственными организациями по защите интересов граждан, а также в обучении навыкам по использованию внедренных цифровых технологий.

Цифровое взаимодействие в рамках правового обеспечения должно внедряться несколькими способами. Прежде всего, хочется отметить путь модернизации уже имеющегося законодательства, а именно Закона о защите персональных данных. Это является важной задачей в условиях постоянного развития информационных технологий и цифровизации общества. Будет необходимо укрепить механизмы защиты прав граждан на конфиденциальность и безопасность своих персональных данных. Важно разработать более жесткие меры по предотвращению утечек данных и незаконному их использованию (один из упомянутых рисков цифровизации общества). Нельзя не сказать про совершенствование механизмов защиты персональных данных, а именно о необходимости развития и внедрения новых технологий и методов шифрования данных, которые смогли бы должным образом обеспечить их надежную защиту от несанкционированного доступа. Таким образом, органам государственной власти предстоит проделать серьезную работу для того, чтобы внедрить цифровое взаимодействие субъектов права социального обеспечения на высоком уровне.

Баландина А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Искусственный интеллект в сфере трудового права: возможности и ограничения

Прогрессивное развитие искусственного интеллекта оказало значительное влияние на трансформацию правовых отношений, в том числе и на отношения, возникающие в процессе осуществления трудовой деятельности. Данный инструмент обладает существенным потенциалом для преобразования рынка труда, однако, его использование в дальнейшем может вызвать ряд правовых и этических вопросов. В связи с этим необходимо грамотно оценить долгосрочные перспективы использования искусственного интеллекта и обозначить допустимые границы его использования.

Дискуссии о возможных применениях обученных нейросетей в подборе персонала стали открытием, захлестнувшим многочисленные научные конференции. В связи, с этим перед российским законодателем возникла сложная задача: с одной стороны, принимая во внимание Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», где одной из

национальных целей развития России выступает цифровая трансформация общества, необходимо обеспечить условия практического применения новейших научных разработок, в том числе в сфере трудовых отношений. С другой стороны, нельзя допустить в данных обстоятельствах дискриминацию соискателей и работников при использовании таких разработок, обесценивания роли норм морали и нравственности как социальных регуляторов трудовых отношений¹.

На сегодняшний день многие крупные компании уже начинают использовать искусственный интеллект, как инструмент для автоматизации рутинных задач. Например, уже в 2017 году «М. Видео» стала использовать отечественный робот-рекрутер «Вера», с целью отбора резюме кандидатов для первичного телефонного интервью по ключевым словам, географии, возрасту, опыту и должности. «Вера» стала не просто чат-ботом, а настоящим помощником для специалистов по отбору персонала. Благодаря ей рекрутеры смогли забыть о рутинных задачах и сосредоточиться на главном – поиске лучших кандидатов для компаний. Данный инструмент может осуществить оперативный поиск резюме, соответствующий заданным требованиям, реализовать взаимодействие с кандидатами, как при помощи видео-собеседования, так и телефонных звонков, используя технологию распознавания речи, а также по итогу собеседования может сформулировать отчет с заинтересовавшими компанию кандидатами. Однако нужно понимать, что оценка соискателей осуществляется исключительно на основе данных и критериев, которые уже установит само предприятие, в поисках своего идеального кандидата. Таким образом, может возникнуть ситуация, когда обученный искусственный интеллект будет отдавать преимущественное право только тем кандидатам, чьи характеристики сходны с данными работников данной компании, которые уже были внесены в общую базу данного работодателя, в связи с чем может возникнуть необоснованный отказ в заключение трудового договора. В перспективе данное обстоятельство может нарушать запрет на прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора, установленный в ч. 2 ст. 64 Трудового кодекса Российской Федерации.

В 2019 году Сбербанк внедрил искусственный интеллект, созданный для оценки соискателей, с целью «предсказания» увольнения работников. Данный механизм детально изучает резюме потенциальных работников, учитывая предыдущие места трудоустройства.

О нововведении рассказал управляющий директор Центра развития компетенций по исследованию данных банка Андрей Черток, выступая на конференции Scoring Day 2023. Он обозначил, что, если предыдущее место работы соискателя было связано с работой в сфере косметологических услуг, то ему будет сложнее адаптироваться к работе в отделении банка в качестве консультанта, в связи с чем может возникнуть большая вероятность, что он уволится. Просчитать риски расторжения трудового договора с потенциальным кандидатом крайне важно для работодателя, однако, подобные механизмы отбора соискателей могут стать причиной необоснованного ограничения прав при заключении трудового договора.

С появлением главы 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников» Трудового кодекса Российской Федерации у работодателей возникла потребность в контроле за выполнением трудовых обязанностей работниками, осуществляющими свои трудовые функции дистанционно. С данной задачей прекрасно могут помочь современные цифровые инструменты. Некоторые крупные зарубежные компании, в частности, «Амазон», уже научились увольнять работников автоматически, а именно по результатам контроля за выполнением работниками трудовых обязанностей с помощью сенсоров и систем слежения². Решение о прекращении допуска работника на территорию работодателя и о завершении трудовых отношений принимает обученная нейросеть на основе алгоритмического управления процессами. Однако данная система была раскритикована за свой дискриминационный и бесчеловечный характер.

В заключении необходимо отметить, искусственный интеллект может автоматизировать рутинные задачи, повысить эффективность работы, улучшить качество подбора персонала, поэтому его использование может стать мощным инструментом для повышения эффективности, но только при условии его разумного и этичного использования. Для этого необходимо выделить несколько критериев, на которые нужно акцентировать внимание при применении современных технологий в трудовом праве, а именно справедливость, объективность и прозрачность. Помимо этого, важно предусмотреть возможность для обжалования автоматических решений с целью сохранения законных прав работников, а также обеспечить участие профсоюзов в процессе адаптации искусственного интеллекта в компаниях. Соблюдение этих границ позволит использовать новейшие технологии этично и эффективно.

---

¹ Щербакова О. В. – Влияние моральных норм и нравственных принципов на правовое регулирование трудовых отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 Е., С. 6.

² Филипова И. А. Трудовое право: вызовы информационного общества // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 8.

Бережная Д. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

**Правовое регулирование труда в условиях цифровой реальности:
основные тенденции развития законодательства
на примере дистанционных трудовых отношений**

В настоящее время в обществе происходит неминуемый переход из индустриальной экономики на новый стандарт развития информации посредством «сквозных» цифровых технологий, так называемое постиндустриальное общество.

Трансформация человеческого бытия, в условиях проникновения «цифры» во все сферы ее жизни, включая трудовую деятельность человека, привело к «адаптации» законодательства, регулирующего трудовые правоотношения. В соответствии с Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» определен вектор, устанавливающий условия для формирования в России общества знаний, задающий цель, которая станет достижима благодаря цифровизации права, в том числе, и трудового права¹.

Понятие «цифровизация» можно определить как «переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую»², «использование цифровых технологий для создания и сбора ценностей новыми способами»³ и, наконец, отождествление с автоматизацией⁴. Так или иначе, цифровизация представляет собой процесс, включающий механизмы по созданию, внедрению и применению цифровых систем и технологий, а также трансформацию инструментов для взаимодействия государства, общества и человека. По мнению А.М. Лушников и М.В. Лушниковой, компьютерные технологии изменили не только характер передачи информации и условия труда, но и жизненный уклад людей. Особое внимание авторы уделяют вопросу существования традиционных трудовых отношений в современных реалиях⁵. Под традиционными, надо полагать, понимаются трудовые отношения, определяемые признаками исходя из ст. 15 ТК РФ, а именно: личный характер, определенная работа (трудовая функция), действие работника как экономически слабой стороны, по указанию и в пользу работодателя, обладающего «хозяйской властью», за обусловленное вознаграждение.

Совершенствование правового регулирования в сфере трудовых отношений привело к появлению новых вариантов занятости, самозанятости и других «атипичных» форм, с использованием программно-аппаратных комплексов и платформ, например, подсистемы «Электронный кадровый документооборот» Единой цифровой платформы «Работа в России»⁶. Трансформация классического правоотношения привела и к ряду других изменений в ТК, как то: легализация дистанционного труда в 2013 г.⁷, замена трудовых книжек на электронные⁸, введение электронного документооборота⁹.

У некоторых авторов по данному вопросу бытует мнение, что вносимые сегодня в законодательство о труде изменения носят скорее точечный, а не повсеместный характер¹⁰. Более радикально высказался Н.Л.

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Распоряжение Правительства Москвы от 11 октября 2010 г. № 2215-РП «О Концепции обеспечения жителей города Москвы телекоммуникационными услугами для получения социально значимой информации путем создания условий равного доступа к кабельному телевидению и интернет-ресурсам».

³ Данеева Ю. О. Теоретический подход к цифровизации: обзор зарубежной литературы и новые направления исследования // Хроноэкономика. 2019. № 5 – С. 53–58.

⁴ Белевцев А. А.: «Цифровизация – это фундаментальный тренд». URL: <https://clck.ru/38pD6g> (дата обращения: 10.02.2024).

⁵ Лушников А. М., Лушников М. В. Трудовое право и цифровая экономика: российский опыт в контексте мировых тенденций // Ежегодник трудового права: сб. науч. статей. Вып. 10 / отв. ред. Е. Б. Хохлов. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 20.

⁶ Постановление Правительства РФ от 13 мая 2022 г. № 867 «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России».

⁷ См.: гл. 49.1 ТК РФ, введенную Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ.

⁸ См.: ст. 66.1. ТК РФ, введенную Федеральным законом от 16.12.2019 № 439-ФЗ.

⁹ См.: ст. 22.1, 22.2, 22.3 ТК РФ, введенных Федеральным законом от 22.11.2021 № 377-ФЗ .

¹⁰ Белицкая И. Я., Кузнецов Д. Л., Орловский Ю. П., Черняева Д. В. Особенности регулирования трудовых отношений в условиях цифровой экономики : монография / под общ. ред. Ю. П. Орловского, Д. Л. Кузнецова. М. : Юридическая фирма Контракт, 2018. С. 6.

Лютов, указывая на то, что «законодатель скорее занимается латанием дыр в существующей правовой ткани, нежели ее адаптацией к изменяющейся реальности сферы труда»¹. А вот мнение А.М. Куренного за совершенствование Кодекса и вообще трудового законодательства однозначно: «Трудовой кодекс в этих условиях показал себя вполне достойно»². Л.А. Чиканова уверена, что «трудовое право как отрасль права переживет еще не одну промышленную революцию. Это подтверждается не только позицией многих представителей науки трудового права, но и опытом ряда зарубежных стран»³.

Таким образом, можем определить, что цифровизация изменяет способы осуществления трудовой функции, организацию производства и процесс взаимодействия между работниками и работодателями в условиях перехода с индустриальной экономики на постиндустриальную.

Со времен включения нормы (главы 49.1. ТК РФ «Особенности регулирования труда дистанционных работников»), прошло ни много ни мало одиннадцать лет, в течение которых многое что изменилось. По мнению К.Д. Крылова, цифровизация и пандемия стали триггерами кардинальной трансформации трудовых отношений⁴. В связи с этим, объективно возникает необходимость рассмотрения некоторых вопросов российского законодательства, регулирующего дистанционный труд.

Давая определение понятию «дистанционной (удаленной) работы», целесообразней всего выделить отличительные признаки трудового договора дистанционного работника. Во-первых, выполнение трудовой функции происходит вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположение в другой местности); во-вторых, вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя; в-третьих, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования для осуществления взаимодействия между работником и работодателем в случае возникновения вопросов, связанных с выполнением трудовой функции, исходя из ч. 1 ст. 312.1 ТК РФ.

Важно уяснить, что ранее не были нормативно отождествлены понятия «дистанционная работа» и «удаленная работа», в связи с чем возникал спор о том: что есть дистанционная, а что удаленная работа? (Особенно остро в период «коронавирусных ограничений»). Первую точку зрения представила Федерация Независимых Профсоюзов России, рассматривающая данные понятия как два самостоятельных вида работы, при этом, дистанционная работа оформляется заключением трудового договора, а удаленная – дополнительным соглашением к трудовому договору⁵. Другую точку зрения поддерживает Международная организация труда (МОТ), которая рассматривает удаленный режим работы, как одну из форм дистанционной работы⁶. Так или иначе, с 2021 года в связи с принятием Федерального закона от 08.12.2020 № 407-ФЗ рассматриваемые понятия синхронизированы.

Формулировка «сетей связи общего пользования» ранее не была известна трудовому законодательству. Нормативное определение содержится в ст. 13 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», исходя из которого следует, что для осуществления электронного взаимодействия между работодателем и работником при дистанционной работе возможно использование телефонной связи, различных мессенджеров, а также обмен изображений и электронных образов документов. При этом, время взаимодействия дистанционного работника с работодателем включается в рабочее время и, соответственно, оплачивается (ч. 6 ст. 312.4 ТК РФ).

В современной редакции ТК РФ определено три вида дистанционной работы: постоянная, временная, периодическая (ч. 2 ст. 312.1 ТК РФ). При этом, в соответствии с ч. 3 ст. 312.4 ТК РФ возможен смешанный тип работы, предусмотренный соглашением сторон об условии и порядке вызова работодателем дистанционного работника для выполнения им трудовой функции на стационарном рабочем месте или его выхода на работу по своей инициативе, за исключением случаев, прямо указанных в ст. 312.9 ТК РФ.

¹ Лютов Н. Л. Трансформация трудового правоотношения и новые формы занятости в условиях цифровой экономики // Жур. российского права. 2019. № 7. С. 116.

² Куренной А. М. Необходимость срочного создания нового Трудового кодекса: идея фикс? // Ежегодник трудового права: сб. науч. статей. Вып. 10 / отв. ред. Е. Б. Хохлов. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 42 .

³ Чиканова Л. А. Модернизация законодательства о труде: актуальные проблемы / Л. А. Чиканова // Жур. российского права. 2022. № 12. С. 74.

⁴ Крылов К. Д. Современная трансформация российского и международного трудового права // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 4. С. 6.

⁵ Федерация Независимых Профсоюзов России о различие дистанционной и удаленной работы.. URL: <https://clck.ru/38pC3T> (дата обращения: 14.02.2024).

⁶ Удаленный режим работы в условиях пандемии COVID-19: руководство для работодателей. Женева : Международное бюро труда, май 2020 // URL: <https://clck.ru/38ofNpZ> (дата обращения: 14.02.2024).

В части регулирования вопроса о взаимодействии дистанционного работника и работодателя посредством обмена электронными документами законодатель устанавливает новое требование, обязывающее получение обратной связи посредством направления друг другу подтверждения в срок, установленный коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором или дополнительным соглашением к трудовому договору (ч. 3 ст. 312.3 ТК РФ).

Касаемо режима рабочего времени и времени отдыха дистанционного работника в нынешней редакции указано, что коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору, может определяться режим рабочего времени, а при временной дистанционной работе – продолжительность и (или) периодичность выполнения работником трудовой функции дистанционно (ч. 1 ст. 312.4 ТК РФ). Как в новой, так и в старой редакции, предусмотрено условие, благодаря которому дистанционный работник может в одностороннем порядке устанавливать режим своего рабочего времени.

Немаловажной считается дополнительная гарантия или, можно даже сказать, диспозитивное требование к работодателю, согласно которому «выполнение работником трудовой функции не может являться основанием для снижения ему заработной платы» (ст. 312.5 ТК РФ). До принятия данной нормы были случаи¹, когда такое положение неоднократно нарушалось, в связи с чем, например, в отношении педагогических работников в условиях предупреждения распространения коронавирусной инфекции и, как следствие, организации обучения на дому с использованием дистанционных технологий Минпросвещения России определил, что «применение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий не снижает норму часов педагогической работы и не может являться основанием для уменьшения размера заработной платы, включая компенсационные и стимулирующие выплаты, в том числе при переводе работников (педагогических и иных) на режим удаленной (дистанционной) работы»².

Обязанности работодателя в части охраны труда дистанционных работников остались неизменны. Однако, по справедливому мнению А.В. Менкенова, факт наступления несчастного случая на рабочем месте, подлежащего сохранению на момент происшествия, и доступ к которому ограничен для работодателя по причине, например, нахождения дистанционного работника за границей, никак не зафиксирован³. Также может встать вопрос о доказывании того обстоятельства, что полученные травмы дистанционным работником были связаны именно с деятельностью в интересах работодателя, а не в связи с выполнением домашних дел⁴.

Приведенный анализ некоторых положений главы 49.1. ТК РФ, позволяет сделать вывод о том, что дистанционный (удаленный) труд в России получает все большее распространение и развитие. Однако, рассмотренные новеллы в части урегулирования трудовых отношений дистанционного работника, позволяют заключить, что на данном этапе развития трудового законодательства не разрешены ряд вопросов, как-то: отсутствие права дистанционных работников на объединение; не решен вопрос распространения законодательства на несовершеннолетних работников; не разработаны специальные нормы об особенностях расследования и оформления от несчастного случая с дистанционным работником и др.

Богданова А. А., Каримова В. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Цифровая дискриминация в сфере труда: миф или реальность?

На протяжении нескольких столетий в разных странах мира было, есть, и без всякого сомнения, будет существовать в наше время такое понятие, как «дискриминация». Понятие «дискриминация» произошло от латинского языка (*discriminatio*). Терминологический словарь разъясняет понятие дискриминации, как «преднамеренное ущемление прав, интересов отдельных лиц, социальных групп, организаций, государств по сравнению с другими»⁵.

¹ Например, Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 21.06.2022 № 33-12333/2022 по делу № 2-2150/2021.

² Письмо Министерства просвещения РФ от 10 апреля 2020 г. № ВБ-806/08 «Об обеспечении сохранения уровня заработной платы отдельных категорий педагогических работников».

³ Менкенов А. В. Дистанционная работа: трансграничные трудовые отношения // трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 32–35.

⁴ Азметова Э. А., Вадулина Н. В. Особенности расследования несчастных случаев при дистанционной работе // Безопасность труда в промышленности. 2021. № 7. С. 19–23.

⁵ Осипян А. Л. Терминологический словарь Коррупция в высшем образовании / А. Л. Осипян. – 2009.

Впервые термин «дискриминация» нашел свое отражение в 26 статье Международного пакта «О гражданских и политических правах», принятый 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, в котором содержится положение о том, что «все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона». Вышеупомянутая статья прямо запрещает всякого рода дискриминации и данный закон должен гарантировать всем лицам равную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку.

С учетом развития трудовых отношений появился специализированный орган – Международная организация труда (далее – МОТ), занимающаяся охраной и защитой трудовых прав. Именно МОТ в 1 статье Конвенции № 111 «Относительно дискриминации в области труда и занятий» определила дискриминацию, как «всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на признаках расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национальной принадлежности или социального происхождения и имеющие своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей или обращения в области труда и занятий»¹. Таким образом, в общеправовом значении «дискриминация» – это несправедливое, отличающееся в негативную сторону от общепринятых норм права и морали, намеренное ограничение и умаление прав и свобод человека и гражданина.

МОТ провозгласила в вышеупомянутой Конвенции основополагающий принцип в трудовой сфере, как принцип «запрета дискриминации». Данный принцип закреплен в отдельной статье (ст. 3 ТК РФ) Трудового кодекса РФ. Этим подчеркивается значимость и актуальность данного принципа в сфере трудовых отношений². Это означает, что любой мотив, который назван в данной статье является нарушением трудового права, если он не относится к деловым качествам работника.

Основная цель трудового законодательства – обеспечить необходимые правовые условия для достижения наилучшего согласования интересов сторон в сфере трудовых отношений. Законодательство стремится быть актуальным и учитывать изменения в обществе, расширяя разнообразие правового регулирования труда. Особенно это проявляется с учетом развития цифровизации. В научной литературе часто используется термин «цифровая дискриминация». Появление цифровых форматов в правовых отношениях привело к усиливающейся дискриминации определенных групп населения.

Термин «цифровая дискриминация» описывает ситуацию, когда определенная группа людей ограничена в своих возможностях из-за отсутствия доступа к современным технологиям. Это проблема, которая существует во всем мире.

Актуальность данной статьи проявляется в том, чтобы проанализировать, существует ли на самом деле так называемая «цифровая дискриминация в сфере трудовых отношений».

Внедрение цифровых технологий во все сферы деятельности человека может рассматриваться как положительной, так и отрицательной тенденцией. Данный процесс охватывает и сферу трудового права как непосредственно, так и опосредованно. С одной стороны, цифровые технологии, искусственный интеллект, новые виды программного обеспечения ведут к автоматизации труда и повышению производительности труда, что положительно с точки зрения экономической целесообразности для работодателей. Но, с другой стороны, цифровизация стала фактором к появлению косвенной дискриминации работников.

Как упоминалось выше, дискриминация при трудоустройстве не должна быть связана с имущественным, социальным критериями, а также с происхождением. С развитием общества прижизнилось, что внедрение цифровых технологий приведет к сглаживанию дискриминации по отношению к этим трем аспектам, но на деле цифровизация лишь усилила дискриминацию граждан в сфере труда по этим трем критериям. В силу объективных причин, человек не может заранее узнать в какой семье он родится, в какой местности он будет проживать, какой имущественный достаток у него будет. На современном этапе развития существуют территории, которые не имеют доступ к развитым цифровым технологиям в силу их экономической отсталости. И люди, соответственно проживающие на данных территориях уже в силу факта проживания на такой территории, становятся не конкурентоспособными на рынке труда, так как они не будут обладать навыками, которые хотел бы видеть работодатель у потенциальных работников. Либо же в силу возраста, имущественного положения или иных особенностей, люди не обладают соответствующими навыками по работе в цифровом пространстве. Мы можем утверждать, что люди находятся в цифровой изолированности. Это является проявлением косвенной дискриминации в сфере труда через такой феномен как цифровая дискриминация. Цифровая дискриминация проявляется по отношению к уже социально неблагополучным людям, что усиливает социальную дифференциацию и неравный доступ к гарантиям трудовых прав и свобод.

---

¹ Конвенция № 111 Международной организации труда относительно дискриминации в области труда и занятий (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ).

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024).

Как правило, к лицам, для которых характерна «цифровая бедность», относятся пожилые люди, малоимущие, мигранты, представители этнических и языковых меньшинств.

Одним из ярких примеров цифровой дискриминации является использование искусственного интеллекта работодателем при отборе кандидатов на должность, так называемые кадровый скоринг. Скоринг-специальная технология, позволяющая классифицировать потенциальных работников на различные группы в зависимости от интересующих характеристик. В основе данной системе лежит создание скоринговых карт, которые содержат набор характеристик и весовых коэффициентов, выраженных в балах. Искусственный интеллект определяет общий балл кандидата и на основе этого принимается решение о приеме на работу или отказе, и в то же время прогнозируется успешность работника при выполнении им возложенных на него трудовых функций. Тут возникает вопрос, где же здесь дискриминация? Ответ очевиден, что при создании искусственного интеллекта, который лежит в основе действия скоринговой системы отбора, человек задает ряд параметров к потенциальному работнику на основе существующих в обществе предубеждениях, предрассудках (к примеру, что молодой сотрудник более продуктивен и обладает совершенными навыками в работе с цифровыми технологиями и т.д.), это в свою очередь может приводить к ошибкам при отборе кандидатов, что будет косвенным проявлением дискриминации.

Использование алгоритмов искусственного интеллекта при отборе кандидатов на соответствующие вакансии (систему скоринга), порождают еще одну форму дискриминации по возрастному критерию известную как «эйджизм»¹. Эйджизм проявляется в нескольких вариациях- в возможностях трудоустройства, доступа к программам обучения, заработной плате. В условиях цифровизации этот феномен проявляется в профессиональной сегрегации- то есть отдельные рабочие места фактически предназначаются молодежи и закрепляются за ними. Эйджизм на работе – вид возрастной дискриминации, который запрещен в России. Так, Трудовой кодекс РФ не допускает указывать работодателям желаемый возраст кандидата в вакансии. По данным ФОМ в 2022–2023 годах эйджизм на собеседованиях стал встречаться чаще, чем 10 лет назад. Работодатели чаще всего отказывают людям старшего возраста, чем молодым, так как данная возрастная группа:

- не владеет современными технологиями и не готовы их осваивать;
- не готовы менять мировоззренческие установки, мышления;
- испытывают трудности в коммуникации, если руководство младше их.

Все вышеперечисленные положения и примеры подтверждают факт существования цифровой дискриминации не только в теории, но и на практике. На наш взгляд с этой проблемой необходимо бороться на четырех уровнях-международном, федеральном, региональном и локальном путем взаимодействия и коммуникации между уровнями. Возможно необходимо ввести запрет на использование работодателями скоринг-систем при проведении собеседования и отбора кандидатов. Такая мера поможет минимизировать проявление цифровой дискриминации. Также одной из мер противодействия цифровой дискриминации можно рассмотреть введение термина «цифровая дискриминация» и оформления данного феномена в виде предмета регулирования отдельного ФЗ, так как цифровая дискриминация проявляется не только в сфере трудового регулирования, но и в других сферах деятельности человека. В отдельной главе данного федерального закона оформить запрет цифровой дискриминации в сфере труда, внешние формы дискриминации, последствия ее применения и ответственность.

Таким образом, феномен «цифровая дискриминация» имеет проявление в трудовой сфере как в теории, так и на практике. Ее существование требует правового регулирования как на международном уровне, уровне отдельно взятого государства, а также локальном уровне.

Васильева А. С.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Студент

Новации в учете рабочего времени дистанционного работника

Процесс цифровизации заставляет изменяться имеющиеся в трудовом праве институты. Одним из таких институтов является рабочее время. Под рабочим временем понимается время, в течение которого работник в соответствии с правилами внутреннего распорядка и условиями трудового договора должен исполнять трудовые обязанности и иные периоды времени, которые приравниваются к рабочему времени².

¹ Клепикова Е. А., Колосницына М. Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. № 1. С. 69–88.

² ст. 91 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2002 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Продолжительность рабочего времени определяется установленными временными промежутками. Под нормальной продолжительностью понимается 40 часов в неделю. Из данной нормы могут быть изъятия: для отдельных категорий работников устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени, неполное рабочее время. Может ограничиваться ежедневная рабочая смена.

Институт рабочего времени строится на контроле работодателя за работником¹. С одной стороны, приведенные нормы являются гарантией для работника, с другой стороны, работодатель может требовать от работника исполнения трудовых обязанностей в установленные часы.

Работодательский контроль в офисе осуществлять проще: за работником можно следить непосредственно, при необходимости обратиться к данным пропускной системы.

В свою очередь, осуществление контроля работодателем за работником вне офиса находится в определенном противоречии с конституционным принципом неприкосновенности частной жизни, поскольку в действующем законодательстве четко не обозначены пределы контроля за выполнением трудовой функции дистанционным работником.

Не разрешен вопрос о возможности видеослежения за дистанционным работником: в письме Роструда от 17.04.2021 № ПГ/08368-6-1 поясняется, что посещение дистанционного работника работодателем противоречит закону, но ничего не говорится о возможности видеонаблюдения².

Во Франции для ограничения вмешательства установлен запрет на звонки в нерабочее время, например, «право на отключение» (the right to disconnect), закрепляющие право дистанционного работника с окончанием рабочего времени, выйти в офлайн и не реагировать на сообщения работодателя, и коррелирующий запрет работодателя принуждать работника находиться в онлайн за пределами рабочего времени³.

Дистанционных работников пытаются контролировать с помощью использования тайм – трекеров⁴, а именно: по средствам использования компьютерных программ фиксировать время подключения и отключения работника от дистанционных платформ для работы. Однако нахождение работника в системе не обязательно будет связано с выполнением им трудовых обязанностей или наоборот, с бездействием вне системы. В 2021 году компания Xsolla проанализировала время, которое работники находились в рабочих электронных сервисах, выявила 147 «не вовлеченных» и «малопродуктивных» работников и уволила их. Оценка производилась по количественной характеристике, а не по результатам работ⁵.

В организациях также применяется такой элемент контроля как периодическое фотографирование экрана монитора. Выводы из данной формы контроля могут быть противоречивыми. Например, в течение 10 минут сделано 2 снимка, согласно которым в указанное время работником открыт один и тот же чертеж, но это не является подтверждением того, что работник не осуществлял трудовых обязанностей.

Используется форма «фотография рабочего дня». Работник прописывает, какие задачи и в какое время он выполнял в течение рабочего дня. Отчасти, она может быть полезна для последующего нормирования выполняемых задач. В то же время нет оснований считать, что приведенные в ней данные являются достоверными.

Работодатель дистанционного работника ограничен в количественном и качественном критерии слежения за работником. Он может следить за ним только в рабочее время и не может быть уверен в том, исполняет ли работник свои трудовые обязанности. В судебной практике часто возникают споры о выполнении работником трудовых обязанностей удаленно. Работодатель издает приказ о дистанционной работе, но потом не доверяет работнику, ссылается на то, что согласно анализу учета рабочего времени

---

¹ Редикульцева Е. Н. Правовое обеспечение дисциплины труда дистанционных работников // Академическая публицистика. 2021. № 8-1. С. 84–90.

² Письмо Роструда от 17.04.2021 № ПГ/08368-6-1 // Нормативные акты для бухгалтера. 2021. № 14.

³ Gschwind L., Vargas O. *Telework and its effects in Europe // Telework in the 21st Century. An Evolutionary Perspective* / J. C. Messenger (ed.). Cheltenham; Northampton: Edward Elgar; Geneva : International Labour Office, 2019. P. 36–75.

⁴ Игнатьева Е. Контроль дистанционных работников с помощью тайм-трекеров // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2022. № 5. С. 67–80.

⁵ Камитдинов Н. «Хамство со стороны компании»: почему массовое увольнение из пермской Xsolla было ошибкой // Forbes Russia, 4 августа 2021 г. URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/436637-hamstvo-so-storony-kompanii-pochemu-massovoe-uvolnenie-iz-permskoy> (дата обращения: 17.02.2024).

работник не в полной мере исполнял свои трудовые обязанности, и в связи с этим не выплачивал заработную плату¹.

Вопрос об оценке эффективности работника не по затраченному времени, а по объему выполняемых задач, поднимается в теории и практике.

В Германии обсуждается вопрос о доверительном рабочем времени («Vertrauensarbeitszeit»). По законодательству Германии работодатель не обязан производить учет начала и конца рабочего времени. В соответствии с § 3 Закона о рабочем времени («Arbeitszeitgesetz (ArbZG)») установлено, что общая положительность рабочего времени не может превышать восьми часов. Согласно § 16 Закона о рабочем времени («Arbeitszeitgesetz (ArbZG)») работодатель обязан учитывать сверхурочную работу². Из данных норм выводится возможность использования доверительного рабочего времени. Работник сам следит за своим рабочим временем, а работодатель доверяет ему.

Доверительное рабочее время не закреплено в нормативных правовых актах Германии, но находит отражение в судебных актах.

В решении 2013 года Федеральный суд по трудовым спорам в Германии дал определение доверительному рабочему времени: оно означает, что работодатель отказывается от определения начала и окончания ежедневного рабочего времени и доверяет тому, что данный работник выполнит свои трудовые обязанности в отношении времени даже без контроля³.

В 2019 году Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) принял решение, где проанализировал обязательность ведения учета работодателем начала и окончания рабочего дня. Заявителем выступил национальный суд Испании. Он указывал, что по законодательству Испании есть обязанность вести учет только сверхурочного рабочего времени, учет «нормального» рабочего времени производится только для отдельных категорий работников, контроль рабочего времени влечет обработку персональных данных, это риск вмешательства в частную жизнь работника. ЕСПЧ вынес решение, что учитывать начало и окончание рабочего времени необходимо, т.к. работник является слабой стороной и требует дополнительной защиты, если работодатель будет самостоятельно вести учет рабочего времени, тогда у работника больше гарантий, что не будет превышена нормальная продолжительность рабочего времени⁴.

В 2020 году мир столкнулся с массовым переводом работников на дистанционную форму работы. Выделилась бесперспективность попытки учета рабочего времени дистанционного работника. В зарубежных странах были предприняты попытки адаптировать рабочее время под новую форму работы.

Федеральный суд по трудовым спорам в Германии не стал кардинально пересматривать сложившуюся практику доверительного рабочего времени. В решениях пояснял, что обязательность фиксации рабочего времени не меняет бремя доказывания в процессе. Суд вынес решение, что бремя доказывания отработанного рабочего времени и сверхурочно отработанных часов лежит на работнике, реализуемом путем предоставления графика отработанного времени. Если работодатель не оспорит указанный график, то производится взыскание. При этом в обоснование своей позиции работодатель может приводить любые доказательства: выписки из электронных систем пропусков, электронных систем, оценка результатов труда работников⁵ и т.п.

Оценка работы дистанционных работников исключительно по ее результатам при отсутствии у работодателя необходимых нормативов труда и оценки трудозатрат (оценки временных затрат на конкретную задачу работника и т.п.) – может создать пространство для злоупотребления со стороны работодателя.

Для обеспечения баланса между интересами работодателя и возможностями работника целесообразно установить ограничения при внедрении «доверительного» рабочего времени.

---

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2023 по делу № 88-29496/2023 // ГАС РФ «Правосудие»; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02.08.2022 по делу № 88-14744/2022 // ГАС РФ «Правосудие».

² Arbeitszeitgesetz vom 6. Juni 1994 // BGBl. I S. 1170, 1171.

³ «Vertrauensarbeitszeit «bedeutet nur, dass der Arbeitgeber auf die Festlegung von Beginn und Ende der täglichen Arbeitszeit verzichtet und darauf vertraut, der betreffende Arbeitnehmer werde seine Arbeitspflicht in zeitlicher Hinsicht auch ohne Kontrolle erfüllen» // 5 AZR 767/13. URL: <https://www.bundesarbeitsgericht.de/entscheidung/5-azr-767-13/#:~:text=%E2%80%9EVertrauensarbeitszeit%E2%80%9C%20bedeutet%20nur%2C%20dass,BAG%206> (дата обращения: 13.02.2024).

⁴ Europäischer Gerichtshof: Urteil vom 14.05.2019 – C-55/18 // URL: <https://www.iww.de/quellenmaterial/id/208894> (дата обращения: 17.02.2024).

⁵ 5 AZR 359/21 URL: <https://www.bundesarbeitsgericht.de/entscheidung/5-azr-359-21/> (дата обращения: 17.02.2024); 5 AZR 474/21 URL: <https://www.bundesarbeitsgericht.de/entscheidung/5-azr-474-21/> (дата обращения: 17.02.2024).

Целесообразно изменить существующий порядок учета рабочего времени в отношении дистанционных работников. Вместо контроля за временем начала и окончания рабочего дня и за количеством отработанных часов установить контроль за результатами деятельности работника. Привести в организации нормирование выполняемых работником задач. Соотнести время, которое расходуется на выполнение обязанностей, и квалификацию работников. В зависимости от этого распределять работнику нагрузку на день и на неделю. В дальнейшем, оценивать работника не по времени, а по результату.

Мартовецкая М. О.
Саратовская государственная
юридическая академия (СГЮА)
Студент

Будущее правового регулирования в сфере труда в результате внедрения искусственного интеллекта.

В настоящее время по всему миру распространяется тенденция цифровизации. Логичным продолжением данного процесса по мнению большинства исследователей является переход современного общества от индустриального к цифровому, что впоследствии порождает наступление Четвертой промышленной революции.

Российская Федерация является одной из развивающихся стран и данные технологические процессы находят свое отражение в различных сферах жизни общества.

Особенно большое внимание уделяется развитию и внедрению искусственного интеллекта (далее – ИИ). Данные новшества оказывают значительное влияние на жизнь российского общества и на действующее законодательство. В том числе данные изменения воздействуют на отрасль трудового права. Поскольку эффективность правового регулирования на складывающиеся общественные отношения в сфере труда должна учитывать и отражать развивающиеся обстоятельства в трудовом законодательстве.

На сегодняшний день можно заметить, что в РФ уже было положено начало развивающейся тенденции цифровизации. Данное положение можно подкрепить наличием множества федеральных проектов и национальных стратегий, которые ставят определенные цели и задачи по развитию цифровых технологий в РФ, что показывает необходимость и актуальность рассмотрения данного вопроса. В качестве примера хотелось бы привести национальную программу «Цифровая экономика РФ»¹, национальную стратегию «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»² и федеральный проект «Искусственный интеллект»³. Также, нельзя не обратить внимание на изменения, которые складываются в сфере труда в связи с современными условиями. А именно, внедрение цифрового документооборота, переход к использованию электронной трудовой книжке, дистанционной работе и т.д. Данные преобразования находят свое отражение в нормативных правовых актах, но в будущем законодателю предстоит еще более обширная работа в области трудового законодательства.

В данной статье хотелось бы проанализировать как цифровизация, а в частности использование ИИ и роботизации в сфере труда повлияет на правовое регулирование трудовых отношений, на определенные общественные процессы, а также какие проблемы могут возникнуть в ходе данных событий.

В научных кругах присутствует множество дискуссий на тему использования ИИ в сфере труда. Зачастую точки зрения различных ученых коренным образом отличаются друг от друга, поэтому для того чтобы разобраться в данном вопросе необходимо понять, что из себя представляет ИИ, который вызывает совершенно различные реакции в обществе.

В основном суть ИИ заключается в том, что он способен осуществлять какие-либо практические задачи, генерируя функции мозга человека, т.е. ИИ имеет навык к обучению, в том числе и самообучению и выполнению определенных действий наравне с человеком в различных обстоятельствах и условиях.

В трудовой сфере на данном этапе развития ИИ находит свое применение в ходе выполнения повторяющихся задач. Кроме того, ИИ реализует автоматизацию различных организационных процессов и способен усовершенствовать и облегчить круг обязанностей работодателя в результате осуществления контроля над трудовой деятельностью работников и подбора кадров, т.к. в ходе сбора, изучения и

---

¹ Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.

² Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ Федеральный проект «Искусственный интеллект», 2020. URL: <https://ai.gov.ru/strategy/federalnyy-proekt-ii/>.

систематизации необходимой информации о предполагаемых работниках ИИ способен выделить подходящие кандидатуры, что содействует экономии времени работодателя.

Особый интерес для трудовой сферы представляет неразрывно связанная с ИИ роботизация, т.к. роботы тоже способны осуществлять практические задачи в рамках заданной программы и обладать различным функционалом.

Современные исследователи выделяют достаточно широкий перечень областей, в которых возможно эффективное применение робототехники, а в качестве значительного преимущества можно выделить использование роботов при осуществлении тяжелых, однотипных работ, которые представляют опасность для жизни и здоровья человека.

Особое внимание привлекают роботы, созданные с помощью ИИ, которые одновременно обладают оболочкой и когнитивными функциями, что способствует расширению набора опций в результате взаимодействия с окружающим миром и перемещением.

В перечисленных положениях были указаны преимущества использования ИИ в сфере труда, но также необходимо выделить проблемы, возникновение которых возможно в ходе данных процессов.

Огромные опасения в обществе вызывает вопросы по поводу того, в какой мере ИИ сможет заменить человеческий ресурс, а также будущее работников, которые могут быть лишены своих рабочих мест в результате конкуренции с ИИ.

На данном этапе развития предполагается, что ИИ может лишиться рабочих мест работников, средней или более низкой квалификации, в частности такими являются работники сферы обслуживания и торговли, охранники, сборщики и т.д. Определив данный перечень и проанализировав статистику можно прийти к мнению, что при внедрении ИИ в данные сферы, около 40 % работников будут лишены своих рабочих мест. Ввиду этого наблюдаются огромные риски развития высокого уровня безработицы, что может привести к серьезным последствиям, таким как значительное расслоение общества, увеличение преступности, маргинализации и т.д.

В том случае, когда процесс по замене большого числа работников ИИ произойдет, законодателю необходимо предусмотреть все возможные риски и обеспечить определенные меры защиты тем лицам, которые могут остаться без работы. Кроме того, необходимо продумать, чтобы в ходе данных изменений не были нарушены фундаментальные права человека на труд, установленные Конституцией РФ.

В качестве примера можно привести следующие положения:

- 1) Обозначить перечень работ, в которых использование ИИ нецелесообразно;
- 2) Обеспечить квотирование на некоторые рабочие места;
- 3) Работникам чей круг обязанностей подвергнется роботизации необходимо обеспечить переобучение

и в дальнейшем трудоустройство;

4) Обеспечение правового регулирования трудовых правоотношений в результате создания новых рабочих мест, на которых человек будет непосредственно трудовые функции, используя ИИ.

Как уже говорилось ранее в связи с повышенной ролью ИИ в области труда, предстоит большая работа в сфере трудового законодательства.

Первым делом необходимо определить какое место ИИ будет занимать в трудовых правоотношениях, будет ли он субъектом или объектом, а также важно определить ответственное лицо за действия ИИ, т.к. несмотря на огромное количество достоинств и способность оказать значительную помощь работникам и работодателям, не стоит забывать о том, что действия ИИ могут нести разрушительный характер и в некоторых случаях угрожать жизни и здоровью человека, что можно заметить в ходе реализации различных экспериментов. В результате одного из них при управлении автомобиля с помощью ИИ, были найдены определенные недочёты, вследствие чего насмерть был сбит пешеход. И это не единственный пример, когда новейшие разработки ставят под угрозу жизнь и здоровье человека.

ИИ может стать как объектом, так и субъектом трудовых правоотношений. В первом случае ответственность за действия ИИ будет нести либо, работодатель, либо разработчик. Во втором случае существует огромное количество сомнений как на практике будет реализована правосубъектность ИИ. Одни ученые-правоведы считают, что если ИИ выполняет определены функции наравне с человеком, способен самостоятельно принимать решения, то ему можно присваивать статус субъекта, с наличием вытекающих из этого прав, обязанностей, гарантий и несения ответственности.

Но другая половина исследователей сомневается по поводу правосубъектности ИИ, так как не считают, что он в полной мере обладает признаками, которые присущи человеку, как субъекту.

Обобщая сказанное, необходимо подчеркнуть, что данный переход к развитию цифровизационных процессов неизбежен и окажет огромное влияние на все сферы общества и современное законодательство. Данные изменения нужно принять, как необходимость на данном этапе экономического развития, но не стоит

забывать о тех последствиях, которые могут наступить при неосторожном использовании и злоупотреблении ИИ, так как в первую очередь в соответствии с основными направлениями РФ и принципами, которые отражены в национальной стратегии, ИИ должен действовать человеку во благо, а не во вред.

Медянская В. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

К вопросу о некоторых особенностях организации труда дистанционных работников

Развитию экономики и повышению производительности труда на основе цифровизации посвящено значительное число программных документов, направленных на долгосрочные структурные изменения в экономике, например, Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹, а также «Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения»².

В последние годы наблюдаются активные и стремительные изменения в законодательстве в связи с появлением новых форм занятости. В период начала пандемии Covid-19 более половины работников из различных отраслей были переведены на дистанционную работу, что впоследствии сказалось и до сих пор сказывается на организации и развитии бизнеса. Например, многие работодатели перешли в так называемую «облачную работу», трудоустроив работников исключительно на дистанционную работу. Для них данное явление является благоприятным способом оптимизации расходов на приобретение в собственность или аренду офисных помещений, а также иных расходов³. Работодатели не только по-новому осуществляют организационные функции, но и все в большей степени овладевают современными технологиями, тем самым повышают мощность производства и, как следствие, получение большей прибыли. Именно поэтому необходимо обратить внимание на законодательное регулирование условий организации дистанционного труда, поскольку внедрение новых технологий в работу требует должного внимания, в первую очередь, со стороны работодателей.

Дистанционная работа обладает специфическими особенностями, среди которых на уровне Трудового кодекса Российской Федерации (далее ТК РФ) установлены порядок заключения трудового договора и взаимодействия работодателя и работника при приеме на работу, режим рабочего времени и времени отдыха, специфика организации работы, особенности прекращения трудового договора с дистанционными работниками и т.д.

Анализ главы 49.1 ТК РФ, посвященной особенностям регулирования труда дистанционных работников, позволяет прийти к выводу, что уже была проделана колоссальная работа по совершенствованию правового регулирования их труда, однако, в практической деятельности можно наблюдать некоторые нерешенные вопросы в этой сфере, поскольку на практике до сих пор возникает ряд недостатков и неудобств особенно для работников.

Одной из наиболее проблемных статей, как представляется, является статья, раскрывающая особенности организации труда дистанционных работников. По смыслу ст. 312.6 ТК РФ обязанностью работодателя является обеспечение своих дистанционных работников всеми необходимым оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами для выполнения своей трудовой функции. В свою очередь, эти работники либо с согласия, либо с ведома работодателя должны использовать предоставленные им оборудования и средства. Если работник использует свое или арендованное оборудование, то работодатель должен выплачивать компенсацию и возмещать расходы. Однако судебная практика показывает, что данная норма урегулирована слишком расплывчато, что по сути является законодательным пробелом.

Так, истцу работодателем было дано задание и предоставлено все необходимое оборудование для выполнения трудовой функции в ходе дистанционной работы (ноутбук, мышь для ПК, принтер, бумага, модем для выхода в интернет, мобильный телефон и сим карта к нему). Однако к назначенному времени справка о

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20 ст. 2901.

² Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике от 02.10.2020 (одобрен Правительством РФ 23.09.2020, протокол № 36, раздел VII) (№ П13-60855 от 02.10.2020).

³ Шония Г. В. Дистанционное выполнение работником трудовой функции: проблемы теории и правоприменения // Lex russica. 2023. Т. 76. № 6. С. 48–56.

выполнении задания временно переведенным работником предоставлена не была, вследствие чего в дальнейшем к нему было применено дисциплинарное взыскание в виде выговора. Во время судебного разбирательства было установлено, что работодатель не смог обеспечить надлежащие условия труда для выполнения рабочего задания, поскольку не провел проверку работоспособности всех устройств и оборудований, поэтому работник не имел возможности выполнить задание из-за технической неисправности и низкой скорости интернета¹. Это свидетельствует о недостаточном урегулировании вопроса об организации труда дистанционных работников.

Другим примером может послужить судебное разбирательство, в ходе которого истец с начала своего трудоустройства осуществлял трудовые функции дистанционно, однако работодатель не отразил в письменном трудовом договоре характер работы, несмотря на неоднократные требования о приведении трудового договора в соответствие с фактическими трудовыми отношениями. Затем работник был незаконно уволен, однако по решению суда восстановлен на месте прежней работы. После восстановления истца в должности работодатель стал поручать ему различные рабочие задания, не обеспечив для их выполнения всеми необходимыми документами и, более того, материальными ресурсами, в том числе ноутбуком, что фактически лишило его физической возможности исполнять трудовые обязанности. Несмотря на это, работодатель применил дисциплинарное взыскание в виде замечания, затем выговора и увольнения². В ходе чего прослеживаются неправомерные действия ответчика, выразившиеся в нарушении обязанности по обеспечению техническими средствами, трудовых прав работника и, как следствие, причинение морального вреда.

Представляется целесообразным внести дополнения в ст. 312.6 ТК РФ. В ней необходимо, во-первых, предусмотреть сроки, в течение которых работодатель обязан предоставить все необходимое оборудование для успешного выполнения задач, поставленных перед работником. Например, таким промежутком временем может являться 5-дневный срок в рабочие дни, когда работодатель либо предоставляет имеющееся у него оборудование, либо закупает новое и передает его работнику. Во-вторых, помимо этого, следует установить такую обязанность работодателя, как проверку надлежаще установленного удаленного рабочего стола, работоспособность всего оборудования и высококачественного скоростного интернета. Зачастую рабочие платформы и оборудование в целом работает с перебоями, что затрудняет или делает невозможным выполнения поставленных задач, поэтому является разумным проверять качество виртуального пространства как особого места для реализации трудовой функции. И, в-третьих, на законодательном уровне требуется закрепить обязанность работника в ходе организации дистанционного труда, как незамедлительное уведомление работодателя о неисправности предоставленного оборудования с целью немедленного устранения всех препятствий для осуществления трудовой функции на должном уровне.

Таким образом, дистанционный труд является неотъемлемой частью российской социально-экономической жизни. Система регламентации правового регулирования труда в Российской Федерации в последние годы испытывает существенные изменения вследствие внедрения цифровизации. Именно она смогла ускорить многочисленные процессы и позволить апробировать новые формы взаимодействия труда между работодателями и работниками. Однако в ходе правоприменительной деятельности выделяются проблемные аспекты, которые необходимо решать путем совершенствования действующего законодательства. Поэтому современное трудовое право должно трансформироваться, так как труд в виртуальном пространстве привел к другим юридическим обязанностям и контролю как со стороны работодателя, так и работника.

Павельская П. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Влияние искусственного интеллекта на трудовые отношения: настоящее и будущее

Искусственный интеллект стремительно развивается и охватывает все новые сферы жизни общества. Российскими учеными даже был введен специальный термин «сингулярность ИИ» – явление, при котором технология превзойдет когнитивные способности людей и появится новый уровень интеллекта,

---

¹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22.12.2021 по делу № 88-20593/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.03.2023 по делу № 88-5894/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

недостижимый для людей¹. По состоянию на начало 2024 года различные решения на базе искусственного интеллекта применяют уже около 40 % российских работодателей.

Некоторые результаты влияния цифровизации, а прежде всего, технологий искусственного интеллекта (ИИ) можно заметить уже сейчас, но несомненно одно: в будущем изменений будет еще больше. К таким изменениям, которые за последние годы стали привычными, относятся:

- использование компьютерных программ с элементами ИИ, взявших на себя часть задач, ранее выполнявшихся работниками;
- распространение алгоритмического управления, осуществляемого системами ИИ и позволяющего автоматизировать распределение нагрузки между работниками, оценивать результаты их труда и контролировать рабочий процесс;
- рост популярности платформ цифрового труда, работа которых построена на алгоритмах ИИ, и многие другие.

Стоит отметить, что, говоря о внедрении искусственного интеллекта в производство и сферу услуг, экономисты отмечают новые возможности для повышения производительности труда, а социологи подчеркивают привлекательность для работодателя в качестве работников лиц с высоким уровнем цифровых навыков, способных взаимодействовать с системами искусственного интеллекта (как виртуальными, так и киберфизическими, т.е. роботами)².

С другой стороны, влияние искусственного интеллекта будет проявляться и в утрате многими профессиями практической необходимости: работодатели будут задействовать ИИ там, где это экономически выгодно – например, если его сервисное обслуживание будет дешевле, чем нанять работника. Таким образом:

- практически у каждого работодателя максимально цифровизируются все рабочие процессы;
- системы ИИ смогут занять некоторые рабочие места (ряд существующих профессий исчезнет);
- взаимодействия «человек – система ИИ» станут встречаться все чаще;
- ИИ фактически сможет «подменять» работодателя, поскольку будет принимать решения, касающиеся работников, основываясь на анализе собранных данных.

Это в существенной степени повлияет на положение сторон трудовых отношений. Для работодателя этот аспект является, скорее, положительным.

Так, работодатель сможет использовать результаты анализа данных системы ИИ, получая высоковероятные прогнозы на будущее в отношении любого работника (что делает возможным принятие решений опережающего характера). Однако здесь стоит отметить, что обработка персональных данных (далее – ПД) работника не должна противоречить общим требованиям, указанным в ст. 86 ТК³. Работодатель должен сообщить работнику о целях, предполагаемых источниках, способах получения, а также о характере подлежащих получению ПД. Тем не менее, здесь может нарушаться требование, содержащееся в п. 6 указанной статьи, а именно: при принятии решений, затрагивающих интересы работника, работодатель не имеет права основываться на персональных данных работника, полученных исключительно в результате их автоматизированной обработки или электронного получения.

Из положительного также можно отметить, что работодатель сможет передавать все больше функций системам ИИ, способным эффективно управлять, освобождая работодателя от непосредственного участия в решении.

Примечательно, что система ИИ может стать как помощником работодателя, снимающим с него управленческую нагрузку, и одновременно повышая качество управления, так и заменить работодателя вовсе. Отдельные зарубежные авторы уже обращают внимание на то, что в доктрине трудового права такая точка зрения еще совсем не развита: «Сегодня большую часть задач работодателя в отношении индивидуальных трудовых отношений может выполнять искусственный интеллект. В ближайшее время эта тенденция станет еще более заметной... представляется целесообразным начать дискуссию о субъектности искусственного интеллекта как работодателя»⁴.

---

¹ Национальный портал в сфере Искусственного интеллекта (ИИ) и применения нейросетей в России. URL: <https://ai.gov.ru/> (дата обращения: 09.03.2024).

² Филипова И. А. Стратегия развития искусственного интеллекта и последствия ее реализации для трудового права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право, 2022. № 1. С. 5–27.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

⁴ Stefanski K. The Issue of the Subjectivity of Artificial Intelligence Acting for an Employer // Studies on Labour Law and Social Policy, 2022. Vol. 29. No. 2. P. 95.

Для работников этот аспект, скорее, негативный, т.к. системы искусственного интеллекта будут решать лишь те задачи, которые поставлены работодателем. Рабочие процессы будут выстроены по алгоритмам, отступление от которых для человека далеко не всегда останется доступным из-за контроля ИИ, тем самым снижается возможность творческого подхода к выполнению заданий. Также можно предположить появление следующих проблем:

1. конкуренция людей с роботами за рабочие места (где первые вынуждены совершенствоваться, но все равно проигрывают вторым), т.е. произойдет снижение спроса на работников. Также могут нарушаться основные принципы трудового регулирования трудовых отношений, установленные в ст. 2 ТК РФ¹, например: равенство прав и возможностей работников; обеспечение равенства возможностей работников без всякой дискриминации на продвижение по работе с учетом производительности труда и квалификации.

Может нарушаться и право работника, указанное в ст. 21 ТК² на подготовку и дополнительное профессиональное образование. Необходимы повышенные обязательства работодателей в этих вопросах как для защиты интересов работников, так и для удовлетворения потребностей работодателей в высококвалифицированных специалистах, способных взаимодействовать с постоянно обновляющимися системами искусственного интеллекта.

С большой вероятностью произойдет замещение работников, выполняющих работу дистанционно, на виртуальные системы ИИ нового поколения, что тоже приведет к исчезновению ряда профессий.

2. влияние на организацию и охрану труда работников. Риски могут быть связаны с непредсказуемым поведением системы ИИ, слишком высоким темпа работы, стрессом работника от контакта с такими системами и т.п. В будущем здесь представляется необходимым дополнить ст. 214 ТК в части обязанностей работодателя в области охраны труда, а именно: обязать работодателя обеспечить безопасные условия труда при взаимодействии с ИИ, а также разработать новые стандарты безопасности труда на локальном уровне.

3. будут необходимы преобразования, касающиеся нормирования труда. В ст. 160 ТК³ указано, что нормы труда могут быть пересмотрены по мере совершенствования или внедрения новой техники и технологии. Таким образом, работодателю необходимо будет учитывать перегрузки, с которыми столкнутся работники, взаимодействующие с системами ИИ;

Конечно, на сегодняшний день искусственный интеллект еще не так развит, так как действует в интересах человека. Тем не менее появление сильного искусственного интеллекта, обладающего сознанием, — это одна из целей развития искусственного интеллекта, указанная в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года⁴.

«Создание универсального (сильного) искусственного интеллекта, способного, подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям, является сложной научно-технической проблемой... Решение этой проблемы может привести не только к позитивным изменениям в ключевых сферах жизнедеятельности, но и к негативным последствиям, которые сопутствуют развитию технологий искусственного интеллекта» (п. 9 Раздела II). Такой подход может привести к признанию искусственного интеллекта субъектом права.

В настоящее время субъектом права может быть только физическое или юридическое лицо, которое будет нести ответственность за действия ИИ, но тем не менее число сторонников наделяния правосубъектностью искусственного интеллекта растет. Несомненно, решение вопроса о признании искусственного интеллекта субъектом права — это проблема будущего, однако из-за цифровизации, частью которой является внедрение ИИ в производство и сферу услуг, трудовую сферу одной из первых затронут такие изменения. Необходимость для права реагировать на изменения, происходящие в сфере труда, происходят из неизменно растущего влияния искусственного интеллекта на занятость. Цель такого правового реагирования — «дать людям наилучшие шансы против машин»⁵.

В заключении стоит отметить, что указанные тенденции, ведущие к изменению фактического положения работодателя и работника, связанному с растущим дисбалансом в соотношении сил, потребуют изменений в правовом статусе субъектов трудового отношения. С учетом того, что работник является более слабой

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

³ Там же.

⁴ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁵ Melyptaki G., Riczu Z., Mate D., N°ingrum P. K. The Role of the Artificial Intelligence in the Labour Law Relations in European and Asian Aspect // *Insan ve Insan*, 2021. Vol. 8. Iss. 30. P. 80.

стороной отношений, необходимыми становятся: включение в трудовое законодательство норм, обеспечивающих его реальную защиту в условиях распространения искусственного интеллекта на практике, и, возможно, даже разработка новых принципов регулирования труда в целях сохранения идеи антропоцентризма.

Непринятие своевременных мер, гарантирующих каждому право на труд, обусловит необходимость поиска государством существенных дополнительных финансовых источников для решения проблемы возможной безработицы путем принятия новых мер социального обеспечения.

Многие опасения, связанные с широким распространением искусственного интеллекта, оцениваются неоднозначно и прогнозируют немалое количество проблем. Мы, в свою очередь, должны понимать, что искусственный интеллект должен ориентироваться на человека, а не выступать подавляющей его силой.

Палевич В. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Студент

Влияние роботизации промышленности на возникающие трудовые отношения и рост безработицы

В современном мире роботизация стремительными темпами внедряется в жизнь человека. Есть сферы, где ее внедрение только начинается, но также есть и те, в которых уже можно говорить о широком ее распространении. Многие думают, что процесс роботизации далек от обычных людей, поскольку в доступной для всех сфере услуг, роботизация еще не сильно продвинулась. Хотя они не замечают, как давно появились автоматы, которые наливают кофе вместо бариста, банковские терминалы, которые могут положить деньги на ваш счет, без присутствия работников банка, кассы самообслуживания в магазинах, рядом с которыми вы не встретите кассиров. Роботизация стала новым важным этапом в трудовых отношениях. Развитие технологий и человеческого общества в целом порождает постоянные изменения на рынке труда. Каждый год появляются новые достижения в области науки и техники, что приводит к исчезновению отдельных профессий¹. Однако, на их место приходят новые специальности, которые отвечают запросам современности. Маловероятно, что в начале XXI века кто-то предполагал, что появятся абсолютно новые индустрии, в которых будут работать и проводить время миллионы людей. Согласно отчету аналитической компании №elson, уже к 2030 году около 42 % профессий будут подвержены той или иной форме автоматизации². Безусловно, говоря о развитии роботизации, встает вопрос о риске развития безработицы. Ведь уже есть примеры профессий, в которых люди уже совсем не нужны или их участие не такое важное.

Самой развитой, на данный момент, областью, в которой на постоянной основе внедряются роботы, можно назвать промышленную сферу. С помощью элементов искусственного интеллекта удалось заменить огромное количество рабочей силы. По всему миру, на каждом заводе есть роботизированная система, которая заменяет труд десятков, сотен людей. Такие системы задействованы в медицине, образовании, автостроении, военной отрасли, но в промышленной сфере она преобладают. Стремлению развития роботизации и автоматизации способствовала холодная война между СССР и США³. Страны пытались опередить друг друга в создании новых роботизированных систем. Стоит уточнить, что соперничество двух мировых держав, способствовало развитию роботизации промышленности не только внутри этих стран, но и во многих других. Поскольку изобретения американских и советских ученых, стали использоваться по всему миру. Например, созданная советскими учеными ЭВМ М-20 – 1958, на момент создания была самой быстродействующей в мире.

Стоит отметить, что промышленный рынок в сфере робототехники один из наиболее быстрорастущих и продвинутых. В основном данный рынок заполнен не столько роботами, а робототехническими системами, то есть совокупностью информационно-сенсорных, механических и микроконтроллерных управляющих устройств, которые функционируют для выполнения заданной операции. По оценке Research and Markets,

---

¹ Зайцева И. Ю. Занятость и безработица в России: анализ основных тенденций // Иркутский национальный исследовательский технический университет. 2018. № 5 (1). С. 44–46.

² Отчет аналитической компании №elson // URL: <https://www.embracingfuturepotential.com/what-jobs-may-disappear-by-2030> (дата обращения: 25.02.2024).

³ Баева А. С. Теоретические аспекты оценки уровня занятости и безработицы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5. С. 93–95.

мировой рынок промышленных роботов в 2018 году достиг объема в 16,9 миллиардов долларов¹. Ожидается, что среднегодовые темпы роста рынка в период с 2019 по 2024 гг. составят 12 %, а объем достигнет 31,7 миллиардов долларов. По объемам отгруженной продукции в 2018 году в мире установлено 420 тысяч роботов. Данный показатель, по оценкам экспертов, будет расти в темпе 12,7 % в год и достигнет 774 тысяч роботов в 2024 году. За столь короткий срок, то есть за 6 лет, число промышленных роботов вырастет в 1,8 раз. Исходя из данной тенденции, можно сделать вывод, что прогресс на промышленных предприятиях неизбежен. Количество роботизированных систем будет увеличиваться, вслед за ними будет уменьшаться необходимость в найме людей в тех сферах, в которых будет применяться роботы, в основном это низкоквалифицированные рабочие, выполняющие обычные бытовые задачи. Но в то же время, появится необходимость в найме специалистов, которые будут непосредственно управлять данными робототехническими системами.

Так же, в перспективе, можно отметить рост роботизации на промышленных предприятиях в России, благодаря тесным экономическим отношениям с Китаем, который на сегодняшний день является крупнейшим рынком промышленных роботов в мире. В 2022 году ежегодные установки в количестве 290 258 единиц заменили предыдущий рекорд 2021 года, увеличившись на 5 %. Это последнее достижение примечательно, поскольку оно даже превышает результат 2021 года, который увеличился на 57 % по сравнению с 2020 годом. **Не сложно догадаться, что в 2024 число роботов будет расти в геометрической прогрессии.** Специалисты из университета Питтсбурга собрали данные, из которой сделали следующие выводы: увеличение роботизации на одно среднеквадратичное отклонение снижает вероятность трудоустройства человека на 6 %, увеличивает вероятность прекращения любой рабочей деятельности на 1 % и увеличивает вероятность сообщения о статусе безработного на 5 %². По данным Международной организации труда (МОТ), в Китае число рабочих мест, утраченных из-за автоматизации и роботизации, продолжает расти. Программы переподготовки и обучения работников становятся все более важными в свете этих изменений. Россия же по уровню роботизации очень далека от Китая в мировом рейтинге. В подтверждение этому можно привести статистику. В России насчитывается 6 роботов на 10 тысяч работников, а среднемировой показатель составляет 113 на такое же число сотрудников. Популярная платформа онлайн-рекрутинга в России hh.ru, привела статистику активных вакансий в промышленной сфере. Большинство вакансий по итогам 2023 года в сфере промышленности в России вошли инженеры-конструкторы, слесари, машинисты, электромонтажники, сварщики, токари, технологи и операторы производственной линии³. Исходя из этой статистики, можно сказать, что есть большое количество вакантных мест в данной сфере. Стоит отметить, большое количество вакансий для специалистов электромонтажа и сварки. Это говорит о том, что на данный момент сотрудники со средним образованием очень востребованы. Но не стоит забывать и о высококвалифицированных специалистах, ведь с появлением новых автоматизированных систем появится необходимость в сотрудниках, которым будет необходимо управлять ими.

Хочется сказать, что рост роботизации в промышленной сфере является важным этапом в трудовых отношениях. Безработица – это проблема, которую нужно решать путем создания необходимости присутствия человека на промышленных предприятиях⁴. Внедрение роботов в промышленность связано исключительно с тем, чтобы заменить монотонный человеческий труд и повысить его эффективность. Так же, стоит отметить тот факт, что применение роботов исключает человеческий фактор, тем самым повышая точность работы. Вышеперечисленные функции роботов являются положительными, если смотреть на них через призму необходимости высокой квалификации для работников. Ведь в будущем, когда роботы будут заменять неквалифицированных или низкоквалифицированных рабочих, у людей появится необходимость повышать свою квалификацию, для того чтобы быть востребованными на рынке труда. Безусловно, государство должно дать возможность повышения своей квалификации, обеспечить гарантиями. Например, в статье 12 ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» предоставлена для граждан гарантия, выраженная в осуществлении мер активной политики занятости населения, включая бесплатное получение услуг по профессиональной ориентации и психологической поддержке, профессиональному обучению и

---

¹ Аналитическое агентство по исследованию рынка // URL: <https://aussieamiga.com/technology> (дата обращения: 25.02.2024).

² Статья газеты «Коммерсантъ»: // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6478428> (дата обращения: 05.03.2024).

³ Статистика платформы онлайн-рекрутинга hh.ru // URL: <https://https://hh.ru/article/31415> (дата обращения: 25.02.2024).

⁴ Азимова М. Т. Современный рынок труда и проблемы его функционирования // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 1. С. 7–13.

дополнительному профессиональному образованию по направлению органов службы занятости¹. Это ключевая статья, которая определяет необходимость применения мер для снижения уровня безработицы. Но также следует применять не только меры повышения квалификации граждан, но и меры по развитию инфраструктуры и инвестиций в промышленности для создания новых рабочих мест, содействию в развитии малого и среднего бизнеса в промышленной сфере для стимулирования занятости, реализации государственных программ поддержки занятости и создания новых рабочих мест. Все вышеперечисленные меры необходимы для снижения риска роста безработицы в промышленной сфере, которая возникает в связи с внедрением искусственного интеллекта.

Парфенова В. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Влияние цифровизации на проблему дискриминации в сфере труда

Дискриминация в различных ее проявлениях остается острой и противоречивой проблемой в мировом сообществе, но до сих пор не удается выработать действенного механизма, способного разрешить данный вопрос. Наиболее распространенной формой дискриминации является дискриминация в сфере труда, определение которой можно найти в нормативных правовых актах как международного, так и национального права. Запрещение дискриминации в сфере труда – один из фундаментальных принципов регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, согласно Декларации МОТ «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда»². В соответствии со ст. 1 Конвенции МОТ № 111 «О дискриминации в области труда и занятий» под дискриминацией понимается: «всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на признаках расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национальной принадлежности или социального происхождения, и имеющие своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей или обращения в области труда и занятий; и всякое другое различие...»³. В нашей стране принципу недопущения дискриминации в области труда уделяется особое внимание, что подтверждается его закреплением в Конституции РФ⁴, а также вынесением его в отдельную статью Трудового кодекса РФ, в которой регламентируется принцип недопустимости ограничения в трудовых правах и свободах или в получении каких-либо преимуществ вне зависимости от «пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника»⁵. Понятие деловых качеств работника дается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2⁶. Хотелось отметить, что Трудовой кодекс РФ содержит примерный перечень обстоятельств, регламентирующих области проявления дискриминации в сфере труда, это означает, что любой мотив, а не только названный в ст. 3 ТК РФ, является нарушением равных возможностей в трудовых отношениях, если он не относится к деловым качествам работника. В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 указано, что суд при рассмотрении конкретного дела сам решает, имела ли место дискриминация при отказе в заключении трудового договора. Если суд установит, что работнику отказано в приеме на работу по обстоятельствам,

¹ Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 № 565-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2023.

² Декларация Международной организации труда от 18.06.1998 «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» // Официальный сайт ООН URL: Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации – Декларации – Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы (un.org) (дата обращения-11.02.2024 19:24).

³ Конвенция № 111 Международной организации труда от 25.06.1958 «О дискриминации в области труда и занятий» // Официальный сайт ООН URL: Конвенция о дискриминации в области труда и занятий [Конвенция 111] – Конвенции и соглашения – Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы (un.org) (дата обращения-13.02.2024 17:12).

⁴ Ст. 37 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. 04.07.2020. № 8198.

⁵ Ст. 3 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Российская газета 31.12.2001 № 256.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса РФ» // Российская газета. 08.04.2004. № 72.

связанным с его деловыми качествами, то данный отказ считают обоснованным¹. Таким образом, при установлении обстоятельств, носящих дискриминационный характер, суд должен для конкретной правоприменительной ситуации исключить возможность неправомерного ограничения прав и свобод, не выходя за рамки, предусмотренные законодательством, а также вынести решение на основе субъективного внутреннего усмотрения, что, по мнению Деменевой Н.А. порождает неоднозначность и двойственность судебной практики². В.И. Крусс считает, что определение критериев дискриминации зависит от конкретного общества, в конкретный исторический период с учетом социальных, геополитических и культурных условий³. Н.М. Митина подчеркивает нецелесообразность закрепления полного перечня оснований дискриминации, в связи с учетом их множественности, одной из причин которой стал «резкий переход к рыночному хозяйствованию в нашей стране и как следствие снижение регулирующей роли государства в экономике в целом»⁴. Я считаю, что формы проявления дискриминации действительно зависят от конкретного исторического этапа развития общества, от социального, политического, экономического контекста, и закрепление в нормативных правовых актах закрытого перечня оснований, регламентирующих формы дискриминации, нерационально.

В настоящее время процесс развития информационных технологий достиг достаточно высокого уровня, привел к формированию цифровой реальности и цифровизации всех сторон жизни человека, цифровые технологии стали стратегическим приоритетом развития инновационной составляющей политики большинства стран. В соответствии с Концепцией технологического развития на период до 2030 года, «реализация целей технологического развития потребует большого количества высококвалифицированных специалистов»⁵, исходя из данного утверждения, можно сделать вывод, что данный процесс не обошел стороной сферу трудовых отношений. Как повлиял процесс цифровизации на формы дискриминации труда в современном мире? На поставленный вопрос нельзя ответить однозначно. С одной стороны, цифровизация позволяет снизить некоторые проявления дискриминации в сфере труда, которые несколько лет назад были на пике актуальности, например, прослеживается постепенное сокращение гендерного неравенства в процессе трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. Лушников А.М. в качестве одной из форм гендерной дискриминации труда выделяет дискриминацию, связанную с разным уровнем доступности некоторых должностей и профессий для женщин и мужчин⁶. Использование новых информационных технологий привело к появлению новой формы занятости — дистанционной работе, которая позволяет расширить возможность совмещения работы с ведением быта, уходом за детьми, но при этом положение женщины на рынке труда не снижается. Свободный график работы позволяет женщинам проходить курсы повышения квалификации, что, в свою очередь, способствует развитию профессиональных качеств ценного работника в условиях конкурентного рынка труда⁷. Хочется отметить, что в современном мире дистанционная работа обеспечивает женщинам равные с другими работниками возможности реализации права на труд. На основании Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.⁸ также можно сделать вывод о росте занятости женщин, имеющих детей. Таким образом, цифровизация способствовала уменьшению случаев проявления гендерной дискриминации, в частности дискриминации женщин. С другой стороны, интенсивное внедрение цифровых технологий принесло с собой ряд проблем, одной из которых является появление новых форм цифровой дискриминации труда. В настоящее время работодатель при приеме на работу огромное значение придает наличию у потенциальных работников универсальных технических знаний и навыков, соответствующих новым

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса РФ» // Российская газета. 08.04.2004. № 72.

² Деменева Н. А. Защита от дискриминации в сфере труда: проблемы теории и практики. Новосибирск : Экор-книга, 2014. — 210.

³ Крусс В. И. Дискриминация и дифференцированный подход к обладателям конституционных прав и свобод // Государство и право. 2005. № 12. С. 30–38.

⁴ Митина Н. М. Запрещение дискриминации в сфере труда как один из основных принципов трудового права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. М., 2006. 212 с.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.» // СЗ РФ. 29 мая 2023 г. № 22 ст. 3964.

⁶ Лушников А. М. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития. Новации в развитии учения о трудовых правах-М. : Проспект, 2022., С. 265.

⁷ Тонких Н. В. Исследование отношения женщин к социально-экономическим условиям дистанционной занятости // Вестник Омского университета. Серия : экономика. Екатеринбург.: 2018. С. 153–166.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 – 2030 гг. // СЗ РФ. 2 января 2023 г. № 1 (ч. III) ст. 477.

стандартам и требованиям. Практически в каждой профессии происходит трансформация квалификационных требований и пересмотр минимального уровня профессиональных компетенций, главная проблема в данном случае заключается в том, что некоторые категории населения (люди предпенсионного и пенсионного возраста, малоимущие лица и т.д.) зачастую не имеют технических средств для овладения необходимыми знаниями и навыками. Цифровой разрыв стал новой формой дискриминации труда. Данная проблема вызывает вопросы как в науке трудового права, так и в судебной практике. С одной стороны, необходимые квалификационные требования в рамках цифровизации могут рассматриваться в качестве деловых качеств работника, но с другой стороны, в нашей стране не предусмотрены меры, содействующие всеобщему цифровому просвещению, что позволяет причислить вышеуказанную проблему к новой форме дискриминации-цифровой дискриминации.

Таким образом, актуальность проблемы дискриминации труда на протяжении исторического развития человечества не перестает снижаться. Все чаще мы сталкиваемся с новыми формами дискриминации в сфере труда, устранение которых требует от законодателя большей разработки и изучения. Влияние цифровизации на проблему нельзя оценить однозначно, оно носит комплексный и многоаспектный характер. Активное развитие информационно-коммуникационных технологий несет в себе как преимущества – повышение гибкости рынка труда и мобильности рабочей силы, снижение проявления некоторых форм дискриминации труда (например, гендерной дискриминации), так и недостатки – повсеместное увеличение случаев нарушения прав граждан в трудовых отношениях. Как отмечает И.Я. Киселев на современном этапе обосновывается необходимость закрепления и последовательного развития прав человека в области труда¹. Основная функция государства в этом – поддержание стабильности, исключения разных форм дискриминации как в традиционных трудовых отношениях, так и в современных нестандартных формах занятости. Я считаю, что важнейшую роль в создании условий снижения дискриминации труда играет государство, поэтому необходимо более расширенное внедрение мер, содействующих цифровому просвещению населения.

Погодина Е. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Осуществление контроля (надзора) в трудовой сфере с использованием информационных технологий

В современном мире информационные технологии проникают во все сферы нашей жизни, включая трудовую сферу. За последние несколько десятилетий произошел резкий рост использования инструментов и систем контроля и надзора за работниками. В данной статье рассматриваются вопросы, как информационные технологии помогают осуществлять контроль в трудовой сфере и какие преимущества и недостатки с этим связаны.

Одним из основных средств контроля являются системы мониторинга рабочего времени. Благодаря им работодатели могут отслеживать активность и эффективность работы своих сотрудников.

Система учета рабочего времени сотрудников – это программное обеспечение, которое отслеживает поведение специалистов за ПК в рабочее время. Эти системы записывают данные о времени начала и окончания работы, простоях, перерывах и т.д. Результаты представляются в виде графических отчетов, скриншотов и видео мониторов персонала.

Такой контроль позволяет работодателям иметь представление о том, сколько времени сотрудник действительно тратит на работу и на сколько он продуктивен. Это может быть полезно для оптимизации рабочих процессов и повышения эффективности работы компании.

Многие сотрудники, чья деятельность предполагает работу на компьютере, используют его не только по должностной необходимости: 46 % опрошенных ежедневно читают личную почту или новости, 33 % общаются по личным вопросам в мессенджерах, 26 % тратят рабочее время на социальные сети. Более 64 % работников тратят за компьютером от 15 минут до одного часа в день на личные цели, 70 % используют ресурсы для того, чтобы переключить внимание и передохнуть. Кроме того, практически все работники уверены, что запрет на пользование отвлекающими ресурсами на их производительности никак не скажется².

¹ Киселев И. Я. Трудовое право в условиях рыночной экономики: опыт стран Запада. М.: Рос. акад. наук ИНИОН, 1992. 90 с.

² ООО «Хэдхантер»: информационный ресурс / учредитель частная акционерная компания с ограниченной ответственностью «Хэдхантер фсю лимитед». Москва. Обновляется в течение суток. URL: <https://hh.ru/article/12195?ysclid=lt5m56lafp462436429> (дата обращения: (29.02.2024).

Многочисленной судебной практики по увольнению работника за нецелевое использование сети «Интернет» на служебном ПК в рабочее время не сложилось, но работодатель вправе привлечь работника к дисциплинарной ответственности при условии закрепления в локальных нормативных актах перечня запрещенных ресурсов.

В 2020 году в Краснотурьинский городской суд Свердловской области поступило исковое заявление от Ф. И. О.1 о признании незаконным приказа о применении дисциплинарного взыскания, взыскании денежной компенсации морального вреда, указав, что 17.01.2020 приказом №* была привлечена к дисциплинарной ответственности в виде замечания в связи с использованием служебного компьютера в целях, не связанной с исполнением служебных обязанностей. Ф. И. О.1 не согласна с приказом, по существу, а также полагает, что работодателем была нарушена процедура применения дисциплинарного взыскания. Просит признать незаконным п. 1 приказа № 13-л/с от 17.01.2020, взыскать с ответчика в ее пользу компенсацию морального вреда в размере 20 000 рублей.

Ответчик не согласен с требованиями истца, обосновывая тем, что Ф. И. О.1 должна соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, регламентированные в учреждении, где содержится запрет использования имущества работодателя в личных целях. Данное требование также отражено в приказах и инструкциях, с которыми истец была ознакомлена при приеме на работу.

Суд удовлетворил требования Ф.И.О.1 частично, так как достоверно выяснил из доказательств ответчика, что с рабочего компьютера происходили выходы в сеть «Интернет», не связанные со служебной деятельностью не представляется возможным. Также работодателем была нарушена процедура наложения дисциплинарного взыскания, поэтому судом п. 1 приказа «О дисциплинарном взыскании» отменен¹.

Кроме систем мониторинга рабочего времени, информационные технологии также предоставляют возможности для контроля за соблюдением правил безопасности на рабочем месте. С помощью видеокамер и специальных систем видеонаблюдения можно обеспечить контроль за происходящим на предприятии. Это позволяет предотвратить непредвиденные ситуации и обеспечить безопасность сотрудников. Также системы видеонаблюдения могут использоваться для расследования инцидентов, произошедших на рабочем месте, что способствует установлению ответственности и принятию соответствующих мер.

Для правомерного видеонаблюдения на рабочем месте работодателю необходимо разработать или внести изменения в локальный нормативный акт, уведомить работников о записи, получить согласие на обработку биометрических персональных данных, с ответственных за видеонаблюдение работников нужно взять обязательство о неразглашении персональных данных, установить информационные таблички о видеонаблюдении.

Установка систем видеонаблюдения часто приводит к возникновению трудовых споров. Работники обращаются в суды, которые достаточно редко встают на их сторону в вопросах правомерности осуществления работодателем видеонаблюдения².

Согласно Определению третьего КСОЮ от 03.07.2023 № 88-14171/2023: работодатель поставил камеру видеонаблюдения в помещении для отдыха и питания. Суд отметил, что такое нарушение недопустимо. Можно устанавливать камеру только на рабочих местах, в производственных помещениях, на территории организации для целей, которые связаны с исполнением трудовых обязанностей работников. Размещение камеры в комнате отдыха не соответствует этим целям и нарушает право на неприкосновенность частной жизни сотрудников³.

Роскомнадзор расценивает установку видеоаппаратуры как изменение условий трудового договора, которое следует оформлять в порядке, предусмотренном ст. 74 ТК РФ, но суды придерживаются противоположного мнения.

---

¹ Решение Краснотурьинского городского суда Свердловской области от 26.05.2020 по делу № 2-290/2020 // SudAct.ru. URL: https://sudact.ru/regular/doc/0DnbSWWxtS5V/?regular-txt=%D0%BD%D0%B5%D1%86%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B5+%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%B0&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_1709197918923&snippet_pos=6012#snippet (дата обращения: 29.02.2024).

² Гарант.ру: сетевое издание / учредитель ООО «НПП «Гарант СЕРВИС». Москва. Обновляется в течение суток. URL: <https://www.garant.ru/news/1297070/?ysclid=lt7lfvp67l518257824> (дата обращения: 29.02.2024).

³ Определение третьего КСОЮ от 03.07.2023 по делу № 88-14171/2023 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=92688#ak5xh5Ud5N#MHdMA> (дата обращения: 29.02.2024).

Стоит отметить, что использование информационных технологий для осуществления контроля в трудовой сфере вызывает определенные этические и правовые вопросы. С одной стороны, контроль может быть полезным инструментом для повышения результативности работы и защиты интересов организации. С другой стороны, он может ограничивать личную свободу и приватность работников. Поэтому важно соблюдать правила и нормы, регулирующие использование информационных технологий для контроля в рабочей среде.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что информационные технологии значительно упрощают осуществление контроля (надзора) в трудовой сфере. С их помощью можно эффективно отслеживать рабочее время, обеспечивать безопасность на рабочем месте и повышать производительность сотрудников. Однако необходимо учитывать всевозможные аспекты, чтобы обеспечить справедливость, уважение прав и свобод всех субъектов трудовых отношений.

Тимашок В. Д.

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ВГУЮ (РПА Минюста России)

Студент

Перспективы использования цифрового рубля как инструмента развития системы социального обеспечения в Российской Федерации

Последние события десятилетия, включая пандемию и воздействие геополитических факторов, обострили необходимость трансформации денежно-кредитной и платежной системы. Поддержка денежного суверенитета и финансовой стабильности в условиях экономической и политической неустойчивости оказались главным мотивом для внедрения цифрового рубля – новой, третьей формы денег, наравне с наличными и безналичными¹. Цифровой рубль будет эмитироваться Центральным банком Российской Федерации (ЦБ РФ, Банк России), который выступает гарантом безопасности расчетов.

На сегодняшний день цифровой рубль находится на стадии «пилотного» проекта: реализуется проработка базовых операций в ряде российских банков. Введение цифрового рубля в массовый оборот планируется с 2025 года², к этому моменту необходимо устранить все риски при введении рубля в массовое обращение. Представители Банка России неоднократно заявляли о возможностях цифрового рубля, среди которых большой резонанс вызвал вопрос об «окрашивании» новой формы денег. Существуют опасения масштабного контроля государства над частными финансами, однако данный механизм «окрашивания» пока не применяется, а для дальнейшего использования потребует серьезных изменений в бюджетном и смежном законодательстве.

Способность цифрового рубля мониторить денежные потоки следует использовать с осторожностью. Данные социальных опросов подтверждают сомнения граждан: 28 % опрошенных не хотят пользоваться цифровым рублем из-за недоверия к новому финансовому инструменту³. Контроль за этой формой денежных средств должен быть точечным и осуществляться в тех сферах, которые предполагают целевое использование финансовых ресурсов. Такой сферой является государственное социальное обеспечение граждан.

Так, в 2021 году была утверждена «Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года»⁴, которая определяет направления развития процессов предоставления мер социальной поддержки на базе цифровых технологий. В документе подчеркивается, что назрела необходимость адаптации сферы социального обеспечения к новым цифровым реалиям с учетом возможностей актуальных цифровых технологий, лучших мировых и отечественных практик

---

¹ Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций.. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74662042/> (дата обращения: 25.02.2024).

² Эльвира Набиуллина: ЦБ перейдет к массовому внедрению цифрового рубля в 2025 году.. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/654b6e989a794766e1a9a3ab> (дата обращения: 25.02.2024).

³ Более трети опрошенных россиян не понимают, что такое цифровой рубль.. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17413117> (дата обращения: 25.02.2024).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 г.» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2024).

государственного управления и растущих ожиданий и требований граждан к получению государственных и муниципальных услуг¹.

Ввиду изложенного целесообразно внедрить цифровой рубль в систему расчетов при выплате целевых социальных пособий, а также форм социальной поддержки, таких как материнский капитал, единовременная компенсационная выплата при рождении ребенка, пенсия по инвалидности ребенку и иных. Данное нововведение позволит гражданам обезопасить свои финансы, а государству убедиться в получении социальных выплат гражданами. К достоинствам цифрового рубля в качестве инструмента выплаты социальных пособий сто́ит отнести следующие:

1) защита публичных финансов. Использование цифрового рубля позволит государству не допустить незаконного завладения денежными средствами до их получения;

2) повышение скорости и удобство получения выплат. Внедрение цифрового рубля в систему социального обеспечения позволит увеличить скорость обработки данных за счет автоматической сверки предоставленной информации с доступной базой данных, полученной через Госуслуги и Социальный фонд России²;

3) целевое использование социальных выплат. Благодаря внедрению цифрового рубля в систему социальных платежей, появится возможность отслеживания целевого расходования денежных средств. Для каждого целевого социального платежа будут определены категории благ, на которые потратить цифровые рубли будет невозможно. Государство может быть уверено в полной адресности и открытости выплаченных средств, а также данные и активы на электронном кошельке будут защищены внутренними механизмами платежной системы.

Новые возможности и риски внедрения цифрового рубля тесно связаны. В этой связи необходимо устранить ряд препятствий.

1. Важно детально проработать границы использования цифрового рубля в системе социальных выплат. Так, например, одним из способов траты материнского капитала является ежемесячная выплата на ребенка, если среднедушевой доход семьи составляет не больше двух прожиточных минимумов в регионе, где проживает семья. Сейчас потратить выплату можно на любые цели, однако цифровой рубль позволит ограничить использование материнского капитала. Ограничения должны быть минимальными, поскольку расходы в семье с ребенком могут быть самыми разными – от покупки продуктов питания до улучшения условий проживания ребенка. Определенно подлежит ограничению алкогольная и табачная продукция, а также другие категории товаров, не относящиеся к заботе о детях.

2. Консервативность и недоверие граждан к новой технологии могут негативно повлиять на ее внедрение. Это объясняется непониманием сущности и преимуществ цифрового рубля. Для борьбы со скептицизмом населения необходимо проводить просветительскую работу, оказывать бесплатные юридические консультации, а также популяризировать использование новой формы денег через различные льготы и стимулы.

3. Ограниченная доступность сети Интернет. Существует вероятность, что не все граждане получат возможность перейти на цифровую форму социальных выплат, поскольку доступ к сети Интернет затруднен в удаленных местностях. Прежде чем внедрять цифровой рубль, государству необходимо принять меры к расширению зоны покрытия сети Интернет. В настоящее время проблема решается через федеральный проект «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», благодаря которым россияне смогут войти в сеть Интернет даже в труднодоступных местностях. Проект будет реализован до 2030 года³, что совпадает с графиком внедрения цифрового рубля в массовый оборот.

Таким образом, при грамотном внедрении цифрового рубля в систему социального обеспечения с учетом мнения и ожидания социальных групп, возможно добиться положительных изменений в данной сфере. Активная информационная кампания, направленная на различные возрастные группы населения, в особенности на старшее поколения, поможет повысить лояльность к новой форме денежных средств.

---

¹ Гасумова С. Е., Безруков А. В., Старшинова А. В. Ожидания граждан от цифровизации в сфере социальной защиты и социальных услуг // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. № 2. С. 317.

² Князев Е. В., Дорофеев М. Л. Использование цифрового рубля для развития системы социального обеспечения России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 62. С. 68.

³ Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи.. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1086/> (дата обращения: 25.02.2024).

Толокина Е. И.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Аспирант

О некоторых проблемах подготовки и дополнительного профессионального образования работников в условиях цифровой трансформации

Трудно не согласиться с тем, что в XXI веке важнейшим личным неимущественным трудовым правом каждого работника является его право на подготовку и дополнительное профессиональное образование. В современных реалиях практически всем без исключения работодателям необходим работник с индивидуальным набором качеств и знаний, которые отвечают потребностям нового времени. В связи с изложенным, большая роль, конечно, отводится не только работнику, который должен самостоятельно испытывать потребность в непрерывном обучении, но и работодателям, которые заинтересованы в постоянном профессиональном развитии своих работников.

В условиях цифровой трансформации сегодня гражданам для развития профессиональной мобильности на рынке труда доступно в том числе и бесплатное профессиональное обучение, дополнительное профессиональное образование в рамках федеральных проектов. Так, например, в настоящее время действует федеральный проект «Содействие занятости» национального проекта «Демография» в рамках которого определенные категории граждан могут на безвозмездной основе выбрать любое направление, востребованное в том или ином регионе Российской Федерации, и освоить образовательную программу, получив по окончании документ о квалификации¹. Таким образом, работник, самостоятельно обучаясь, может влиять на свою конкурентоспособность на рынке труда, уровень заработной платы, условия труда. Работник сам должен стремиться себя развивать в профессиональном плане, пополнять имеющиеся у него знания, пользоваться всеми возможностями, которые бесплатно предоставляет государство, а также пользоваться возможностями, которые предоставляет ему работодатель. Только такими усилиями можно достичь максимального эффекта. Полученных когда-то работником знаний уже становится недостаточно, многие процессы становятся автоматизированными, применяются технологии искусственного интеллекта. Это означает, что знания работника должны быть такими, которые опережают возможности искусственного интеллекта, техники.

В Рекомендации Международной организации труда (далее – МОТ) № 195 «О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение» отмечается, что образование, подготовка кадров и непрерывное обучение имеют основополагающий характер и должны быть неотъемлемой частью социальной политики государств². Аналогичный вывод содержится также в недавно принятой рекомендации МОТ № 208³. Таким образом, международное сообщество уже давно подчеркивает в своих документах важность непрерывного обучения на протяжении всей жизни. Раньше такой необходимости не возникало, сейчас же оно становится нормой обычной жизни каждого мыслящего человека. Кроме того, многие ресурсы находятся в открытом доступе. Широкий багаж знаний дает работнику больше возможностей, в том числе возможностей влиять на качество своей трудовой жизни. К сожалению, не все работники используют предоставленные им возможности. Некоторые работники не обучаются ввиду своей длительной работы на одном и том же рабочем месте, привычного образа жизни и понятной рутинной работы, другие попросту ленятся. Но так будет не всегда, поскольку общество не стоит на месте.

Сегодня работодатели требуют от работника не только достижения целей, поставленных перед ним, но и нестандартный подход к выполнению возложенных на работника трудовых обязанностей, отход от шаблонных методов работы, поиск эффективного способа решения трудовых задач. Все изложенное свидетельствует о том, что сегодня работодателю нужен качественно иной работник. Такой работник должен

---

¹ Постановление Правительства РФ от 13.03.2021 № 369 (ред. от 05.10.2023) «О предоставлении грантов в форме субсидий из федерального бюджета некоммерческим организациям на реализацию мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» // СЗ РФ. 2021. № 13 (ч. I). Ст. 2230 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2024).

² Рекомендация № 195 Международной организации труда «О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение» (Принята в г. Женеве 17.06.2004 на 92-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2024).

³ Рекомендация № 208 Международной организации труда «О качественных программах ученичества» (Принята в г. Женеве 16.06.2023 на 111-й сессии Генеральной конференции МОТ) // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_norm/relconf/documents/meetingdocument/wcms_885285.pdf (дата обращения: 21.01.2024).

обладать комплексными междисциплинарными знаниями, быть разносторонним, развитым, а значит, он должен профессионально развиваться. Таким образом, важность непрерывного образования подчеркивается повсеместно. Оно становится качественно иным. Например, в указе Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» указывается на необходимость стимулирования работодателей к принятию мер, направленных на приобретение сотрудниками компетенций в области искусственного интеллекта и в смежных областях его использования¹.

Сегодня рынок труда нуждается в поддержке со стороны государства. В ряде случаев такие меры предусмотрены. Так, например, в 2024 году важнейшей мерой государственной поддержки является компенсация затрат работодателей на организацию профессионального обучения и дополнительного профессионального образования работников предприятий оборонно-промышленного комплекса и граждан, ищущих работу, для трудоустройства на таких предприятиях². Таким образом, для важнейших сфер государственной жизни предусмотрены дополнительные льготы и гарантии, что, конечно же, позитивным образом скажется для нашей страны при выполнении ключевых задач внешней и внутренней политики.

Безусловно, с развитием общественных отношений каждый действующий правовой механизм требует дополнительной корректировки. Изложенное относится и к институту подготовки и дополнительного профессионального образования работников. Для реализации права работников на подготовку и дополнительное профессиональное образование важное значение имеют положения ч. 4 ст. 196 ТК РФ, в которой закреплена обязанность работодателя обеспечить профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование работников в тех случаях, когда это является условием выполнения работниками определенных видов деятельности. Однако указанная обязанность работодателя не подкреплена соответствующим правом работника. Не предусматривается также ответственность работодателя в рассматриваемом случае. Вместе с тем, подобного рода пробелы в нормах закона в определенных случаях могут привести к увольнению такого работника, поскольку он не обладает необходимой квалификацией, а значит, имеет место нарушение трудовых прав работника. Таким образом, в рассматриваемом случае большое усмотрение относится к работодателю, который определяет потребность работников в подготовке и дополнительном профессиональном образовании, что также не оказывает позитивное влияние на работника³. Работник вынужден искать собственные ресурсы, в том числе и ресурсы материального характера, для своего профессионального обучения.

Определенные практические проблемы возникают при реализации ответственности работников, которые обучаются за счет средств работодателей. Ответственность, предусмотренная ст. 249 ТК РФ, является более справедливой по сравнению со ст. 207 ТК РФ, поскольку ученик мог приступить к работе, но отработать незначительное время. В этом случае у работодателя формально не возникает права на взыскание расходов. Иным образом реализуется ответственность работника по ст. 249 ТК РФ.

В науке трудового права Н.В. Новиковой дискутируется вопрос о правовой сущности отработки. Исходя из анализа законодательных норм, отработка не является принудительным трудом, в связи с чем имеется необходимость внести соответствующие дополнения в ст. 4 ТК РФ⁴.

Обучение работника всегда делает его более конкурентоспособным, поскольку он приобретает новые современные знания. Однако такое явление не всегда приносит пользу работодателю, поскольку пройдя обучение, работник может принять решение об увольнении. Обязанность по установлению таких причин

---

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 11.10.2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2024).

² Постановление Правительства РФ от 29.11.2023 № 2021 «Об утверждении Правил предоставления и распределения в 2024 году субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при реализации региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» по реализации дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 49 (ч. IV). Ст. 8772 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2024).

³ Головина С. Ю. Конституционные принципы и права в сфере труда и их конкретизация в трудовом законодательстве России // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 141.

⁴ Новикова Н. В. Проблемы защиты инвестиций работодателя в образование работников и лиц, ищущих работу, средствами трудового права // Lex russica. 2020. № 5. С. 157–166.

возлагается на работодателя (ст. 249, 247 ТК РФ). В противном случае взыскать расходы на обучение не представляется возможным¹.

Определенные трудности возникают и со сроком отработки. Так, ученые Н.Н. Тарусина, А.М. Лушников и М.В. Лушникова усматривают в больших сроках признаки принудительного труда². Кроме того, в ст. 249 ТК РФ желательно предусмотреть, какие периоды времени не входят в срок отработки.

Таким образом, в действующем российском законодательстве, действительно, имеются некоторые проблемы, связанные с реализацией исследуемого в настоящей статье права работников. Важно понимать, что сегодня сам работник, не дожидаясь соответствующего решения работодателя, может влиять на уровень и качество своих профессиональных знаний, поскольку в настоящее время государство предоставляет для этого большие, в том числе бесплатные возможности, которых раньше не было. Нужно ими лишь грамотно пользоваться. Работодателю в свою очередь также необходимо стремиться постоянно и непрерывно развивать своих работников. Только тогда можно достичь максимального результата.

Узликова Д. О.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Электронный документооборот в трудовом праве: преимущества и недостатки

В современном мире происходит активное внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни, то есть происходит цифровизация. Ее суть состоит в переносе данных и информации из традиционных форматов в цифровой вид. Данное явление имеет множество преимуществ: повышение эффективности работы, улучшение качества услуг, увеличение доступности информации и упрощение ее хранения, обработки и передачи. Конечно же, цифровизация не обошла стороной и сферу Трудового права: Федеральным законом от 22.11.2021 № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации»³ в Трудовой кодекс РФ были внесены статьи об электронном документообороте в сфере трудовых отношений. Актуальность данной темы особенно возросла в период пандемии COVID-19, когда переход в дистанционный формат работы значительно ускорил процесс внедрения электронного документооборота в область трудовых правоотношений.

В соответствии со ст. 22.1 ТК РФ «Под электронным документооборотом в сфере трудовых отношений (далее – электронный документооборот) понимается создание, подписание, использование и хранение работодателем, работником или лицом, поступающим на работу, документов, связанных с работой, оформленных в электронном виде без дублирования на бумажном носителе (далее – электронные документы), за исключением случаев, предусмотренных настоящей статьей⁴.

Данному нововведению предшествовал эксперимент, проводимый в 2020 году в соответствии с ФЗ от 24.04.2020 № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой»⁵. Это мероприятие было одним из первых в трудовых отношениях, которое затронуло цифровизацию трудового права. Предполагалось использование документов, связанных с работой, в электронном виде, без дублирования на бумажных носителях. При этом работодатель, в соответствии с локальными нормативными актами, самостоятельно устанавливал перечень таких документов и предоставлял работникам право выбора: участвовать в эксперименте или нет. После оценки эффективности и результативности эксперимента были исследованы все плюсы и минусы электронного кадрового документооборота и внесены соответствующие изменения в трудовое законодательство.

На современном этапе яркий пример использования электронного кадрового документооборота в трудовых отношениях можно увидеть в обмене документами между работодателем и работником, выполняющим свои обязанности дистанционно. Электронный формат трудового договора позволяет упростить процедуру принятия работника на работу, так как процесс становится менее затратным по времени

---

¹ Кейзеров Д. М. Материальная ответственность работников в условиях рыночной экономики современной России: некоторые проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005. С. 103.

² Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В. Социальные договоры в праве : монография. М. : Проспект, 2017. С. 350.

³ Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» от 22.11.2021 № 377-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» от 24.04.2020 № 122-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

и ресурсам. При этом по письменному заявлению работника работодатель обязан направить ему оформленный в надлежащем виде экземпляр трудового договора на бумажном носителе.

В соответствии со статьей 22.1 ТК РФ электронный документооборот осуществляется с помощью специальных информационных систем:

- Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России»
- «Единой системы идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме»

Постановление Правительства РФ от 01.07.2022 № 1192 «Об утверждении Правил взаимодействия информационной системы работодателя, позволяющей обеспечить подписание электронного документа в соответствии с требованиями Трудового кодекса Российской Федерации, хранение электронного документа, а также фиксацию факта его получения сторонами трудовых отношений, и федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»¹ утверждает основные цели и порядок взаимодействия информационной системы работодателя и федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». Данные Правила распространяются только на тех работодателей, которые приняли решение об использовании информационной системы работодателя для осуществления электронного документооборота. Следует отметить, что в соответствии со ст. 22.2 ТК РФ «Переход на взаимодействие с работодателем посредством электронного документооборота осуществляется с письменного согласия работника, за исключением случая, указанного в части седьмой настоящей статьи. Отсутствие согласия работника на взаимодействие с работодателем посредством электронного документооборота признается отказом работника от такого взаимодействия. При этом за работником сохраняется право дать указанное согласие в последующем».²

«Единые требования к составу и форматам документов, связанных с работой, оформляемых в электронном виде без дублирования на бумажном носителе» утвержденные приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 20 сентября 2022 года № 578н³ определяют обязательные структурные элементы электронных документов, форматы файлов.

Важной особенностью электронного документооборота является обязательное использование электронной подписи. Она бывает простой и усиленной. Усиленная, в свою очередь, подразделяется на неквалифицированную и квалифицированную. Работодатель при создании и заверении электронных документов, заключении трудовых договоров, ученических договоров использует усиленную квалифицированную электронную подпись, работник же может применять как усиленную квалифицированную, так и усиленную неквалифицированную электронную подпись, а также простую электронную подпись. Стоит подчеркнуть, что отсутствие у лица электронной подписи не может являться основанием для отказа в приеме на работу или для увольнения работника. В соответствии с трудовым законодательством работодатель несет все расходы, связанные с получением работниками электронных подписей. Отсюда вытекает один из недостатков электронного документооборота: особенно это касается больших компаний и предприятий, так как для того, чтобы сделать электронные подписи всем работникам, придется потратить большую сумму, что в свою очередь может привести к экономическим проблемам.

Существуют и другие минусы. Например, проблема хранения электронных документов и их сохранность. Сейчас практически во всех информационных системах используется автоматическое сохранение документов, но никогда нельзя исключать возможность сбоя в работе техники, риск появления вирусных программ. Чтобы электронные документы не были безвозвратно утеряны, следует создавать резервные копии, а также постоянно обновлять и совершенствовать программное обеспечение.

Не стоит забывать и про человеческий фактор. Невнимательность и неграмотность некоторых сотрудников может привести к неправильному вводу данных в электронные документы, что, конечно же,

¹ Постановление Правительства РФ от 01.07.2022 № 1192 «Об утверждении Правил взаимодействия информационной системы работодателя, позволяющей обеспечить подписание электронного документа в соответствии с требованиями Трудового кодекса Российской Федерации, хранение электронного документа, а также фиксацию факта его получения сторонами трудовых отношений, и федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» // СПС «КонсультантПлюс».

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Приказ Минтруда России от 20.09.2022 № 578н «Об утверждении единых требований к составу и форматам документов, связанных с работой, оформляемых в электронном виде без дублирования на бумажном носителе» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.09.2022 № 70317) // КонсультантПлюс.

станет причиной нарушения функционирования всей системы электронного кадрового документооборота. Поэтому огромное внимание нужно уделять обучению персонала по использованию информационных систем.

Несмотря на рассмотренные недостатки, электронный документооборот имеет и массу преимуществ. Во-первых, экономия бюджета. В настоящее время предприятия тратят достаточно большие суммы на обеспечение отделов бумагой, принтерами, картриджами и иными необходимыми материалами для хранения бумажных документов.

Во-вторых, экономия времени. На подписание документов, перемещение их между отделами и корпусами, поиск необходимых бумаг в архиве уходит очень много времени, а электронный документооборот значительно сокращает это время.

В-третьих, предотвращение дублирования информации и автоматическое формирование архива.

Таким образом, можно сказать, что трудовые отношения динамичны и постоянно изменяются, но остается ряд проблем, недостаточно разработанных на законодательном уровне. Например, не прописаны последствия отказа сотрудников от перехода на новую систему документооборота, также вызывает беспокойство сохранность персональных данных работников и обеспечение информационной безопасности в целом. Чтобы урегулировать применение электронного документооборота внутри организации, необходимо принять локальные нормативные акты с учетом мнения профсоюза в порядке, установленном статьей 372 ТК РФ¹, определяющие внутренний регламент с описанием порядка работы организации с системой.

Чапчева Е. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Электронная трудовая книжка: реалии и перспективы дальнейшего развития в эпоху цифровизации

Предшественниками введения трудовых книжек в России были формулярные списки о службе, введенные Петром I в 1722 г. вследствие принятия Табели о рангах². После Октябрьской революции начинается новый этап в истории нашей страны – появление трудовых книжек. С приходом большевиков в 1918 г. был издан Декрет о трудовых книжках, согласно которому трудовая книжка является не только документом, подтверждающим наличие трудовой деятельности, но и документом, удостоверяющим личность, а с 1919 г. впервые вводилась обязанность иметь трудовые книжки для всех граждан страны в возрасте от 16 лет, что сопоставимо с действующим трудовым законодательством. В декабре 1918 г. был принят первый кодифицированный акт в сфере труда – Кодекс законов о труде РСФСР. Согласно статье 80 Кодекса, «каждый трудящийся обязан иметь трудовую книжку, в которую заносятся отметки о произведенных им работах и полученных вознаграждениях и пособиях»³. В дальнейшем форма трудовых книжек подвергалась различным изменениям, но тем не менее, трудовые книжки оставались основным документом о трудовой деятельности работников.

В настоящее время российское законодательство о труде находится на новом этапе своего развития, который связан, прежде всего, с утверждением в 2019 году национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴. В действующем Трудовом кодексе РФ (далее – ТК РФ) трудовым книжкам отводится отдельная статья (ст. 66 ТК РФ), согласно которой «трудовая книжка установленного образца является основным документом о трудовой деятельности и трудовом стаже работника»⁵. Трудовые книжки в бумажном формате ведутся и хранятся у работодателя.

Невозможно отрицать, что столь стремительное развитие информационных технологий затрагивает все сферы жизни общества, это касается и сферы трудовых отношений. 16 декабря 2019 года был принят Федеральный закон № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде». В связи с принятием данного федерального закона в ТК РФ появилась новая статья 66.1 ТК РФ, согласно которой «работодатель

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

² Суетина Н. М., Зарецкая М. Г. Трудовая книжка: история и современность. Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». Вып. 1. 2020 с. 54–69.

³ Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. // СПС Кодекс.

⁴ «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

формирует в электронном виде основную информацию о трудовой деятельности и трудовом стаже каждого работника и представляет ее в установленном законом порядке для хранения в информационных ресурсах Социального фонда РФ».

С 1 января 2021 года в Российской Федерации начался переход на электронные трудовые книжки. Соответственно, согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 439-ФЗ от 16.12.2019 работодатели были обязаны уведомить по 30 июня 2020 года включительно каждого работника в письменной форме об изменениях в трудовом законодательстве, связанных с формированием сведений о трудовой деятельности в электронном виде, а также о праве работника путем подачи работодателю соответствующего письменного заявления, сделать выбор между продолжением ведения работодателем трудовой книжки на бумажном носителе или предоставлением ему работодателем сведений о трудовой деятельности в электронной форме¹. Важным является тот факт, что переход на электронный формат ведения трудовой книжки является правом, а не обязанностью работника.

По 31 декабря 2020 года включительно каждый работник подавал работодателю письменное заявление либо о продолжении ведения работодателем бумажной трудовой книжки, либо о предоставлении ему работодателем сведений о трудовой деятельности в электронном формате². Информация о поданном заявлении также включается в сведения о трудовой деятельности. Если работник не подал работодателю ни одного из вышеуказанных заявлений, работодатель продолжает вести его трудовую книжку в бумажном виде. Однако в данном случае работодатель наряду с бумажной трудовой книжкой вносит сведения о трудовой деятельности в электронную версию, так как Федеральным законом от 16 декабря 2019 г. № 436-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» введена обязанность работодателей с 1 января 2020 года представлять в СФР сведения о трудовой деятельности³.

Работнику, подавшему письменное заявление о предоставлении ему работодателем сведений о трудовой деятельности в электронном формате, работодатель не позднее трех дней с момента подачи заявления выдает трудовую книжку на руки и освобождается от ответственности за ее ведение и хранение. При выдаче трудовой книжки в нее вносится соответствующая запись, которая заверяется подписью работодателя или лица, ответственного за ведение трудовых книжек, а также печатью работодателя (кадровой службы). Кроме того, после выдачи бумажная трудовая книжка не теряет своей силы и продолжает использоваться наравне с электронной, так как она является источником сведений о трудовой деятельности до 2020 года, поскольку в электронной версии фиксируются только сведения начиная с 2021 года.

Особое внимание стоит уделить порядку подачи работодателю одного из вышеуказанных заявлений лицами, которые не имели возможности по 31 декабря 2020 года включительно это сделать. В соответствии с ч. 6 ст. 2 Федерального закона № 439-ФЗ от 16.12.2019 они вправе сделать это в любое время, подав работодателю по основному месту работы, в том числе при трудоустройстве, соответствующее письменное заявление. Существует две категории таких лиц, во-первых, это работники, которые по состоянию на 31 декабря 2020 года не исполняли свои трудовые обязанности и ранее не подали одно из письменных заявлений, но за ними сохранялось место работы, в том числе на период временной нетрудоспособности, отпуска, отстранения от работы. Во-вторых, это лица, имеющие стаж работы по трудовому договору, но по состоянию на 31 декабря 2020 года не состоявшие в трудовых отношениях и до указанной даты не подавшие одно из письменных заявлений.

Кроме того, важным изменением является то, что согласно ч. 8 ст. 2 Федерального закона № 439-ФЗ от 16.12.2019 формирование сведений о трудовой деятельности лиц, впервые поступающих на работу после 31 декабря 2020 года, осуществляется в соответствии со статьей 66.1 ТК РФ, то есть сразу в электронном формате, а трудовые книжки на бумажном носителе на указанных лиц не оформляются. При этом в соответствии с письмом Роструда от 15.09.2021 № ПГ/26715-6-1 уведомлять сотрудника о том, что бумажная трудовая книжка ему не оформляется, работодатель не обязан⁴.

Институт электронных трудовых книжек является довольно новым для России, но тем не менее, уже представляется возможным выделить его достоинства и недостатки. Среди таких достоинств можно выделить уменьшение бумажного документооборота посредством создания единой информационной системы

---

¹ Федеральный закон от 16.12.2019 № 439-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» // СПС «КонсультантПлюс».

² Указ. соч.

³ Указ. соч.

⁴ Письмо Роструда от 15.09.2021 № ПГ/26715-6-1 // СПС «КонсультантПлюс».

Социального фонда РФ по хранению данных о трудовой деятельности работников, а также невозможность подделать данные о трудовом стаже. Кроме того, исключается риск потери или утраты трудовой книжки.

Однако недостатками нового формата являются сбои в работе серверов, что вызывает опасения работников по поводу качества безопасности новой информационной системы, и как следствие, возможности несанкционированного доступа к их персональным данным в результате взлома или хакерских атак. Кроме того, не во всех регионах России есть доступ к стабильному широкополосному и скоростному интернету, что затрудняет внедрение новой системы в технически необеспеченные регионы. Ошибки при переносе данных с бумажных носителей на электронные могут привести к потере данных о трудовой деятельности, что затрудняет доказательство трудового стажа, необходимого для назначения пенсии.

Если говорить о перспективах дальнейшего развития института электронных трудовых книжек, то, во-первых, следует отметить, что легального определения электронной трудовой книжки на сегодняшний день в трудовом законодательстве нет, в связи с чем возникает некая правовая неопределенность. Представляется возможным из анализа ч. 1 и ч. 2 ст. 66.1 ТК РФ внести их законодательное определение, например, электронная трудовая книжка – это совокупность сведений в электронном формате о трудовой деятельности и трудовом стаже работников, предоставляемых работодателем для хранения в информационных ресурсах Социального фонда РФ. Во-вторых, новый формат трудовых книжек имеет больше преимуществ, чем недостатков, которые являются решаемыми. По данным Парламентской газеты более 17 миллионов граждан России сделали выбор в пользу электронной трудовой книжки, отказавшись от бумажной версии. Если проводить поэтапную работу по повышению цифровой грамотности населения, то, полагаю, эта цифра будет только расти. В-третьих, как уже отмечалось, в электронные трудовые книжки вошли сведения о трудовой деятельности только до 2020 года в общем виде, в связи с чем встает необходимость проведения процедуры ретроконверсии данных¹. Ретроконверсия позволит добавить названия должностей и отметки об особых условиях работы, например, в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Таким образом, после стабилизации работы системы, где хранятся сведения о трудовой деятельности, и повышения технической оснащенности регионов России в будущем возможен полномасштабный переход на электронные трудовые книжки. Однако данный процесс должен быть поэтапным, чтобы учесть и решить все возможные проблемы, связанные с трансформацией трудовых книжек на бумажном носителе в электронный формат. Внедрение электронных трудовых книжек – это не только новый опыт для нашей страны, но и серьезный шаг, который в дальнейшем может повлиять на структуру и содержание трудовых и иных связанных с ними отношений.

Швыркаева О. А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ННГУ)

Магистрант

О некоторых рисках внедрения искусственного интеллекта в сферу труда

В настоящее время процесс цифровизации затрагивает каждую сферу человеческой деятельности². Темп развития современных технологий во всем мире повышается с каждым днем. Многие страны давно осознали необходимость непрерывной разработки и применения инноваций, что позволит на десятилетия вперед обеспечить их экономическое преимущество на международном рынке. Среди всех цифровых технологий ярко выделяется искусственный интеллект (далее – ИИ), вопросы применения которого становятся предметом дискуссий не только в научном сообществе.

Интеграция ИИ и иных технологий не является бесследным процессом: их внедрение оказывает влияние на сложившиеся общественные отношения, видоизменяет их, в результате чего появляется необходимость в их урегулировании. Постоянное расширение области применения ИИ несомненно воздействует на сферу труда. Отмечается существенное ускорение цифровизации общественных отношений: на сегодняшний день использование технологий ИИ встречается в сельском хозяйстве («умные фермы»), промышленности («умные

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 12 и 16 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» от 24.02.2021 № 30-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

² Новикова М. В., Белова Е. А. Влияние цифровизации на трудовые отношения // Социальные новации и социальные науки. 2022. № 1 (6). С. 130–139.

фабрики»), транспортной (беспилотные автомобили), банковской (виртуальные ассистенты), юридической (судопроизводство) и многих других сферах¹.

Современные технологии, несомненно, создаются на пользу общества (например, нейроимпланты и нейропротезы). Представляется, что нейропротезы, оснащенные ИИ, не только помогут восстановить утраченные человеком функции (собственно, для чего они и разрабатываются), но и улучшат его способности: работник с нейропротезом сможет напрямую взаимодействовать с техникой, станет наиболее эффективным по сравнению с «обычным» работником и, вероятно, достигнет лучшего результата².

Применение ИИ, а также робототехники позволит сократить или отказаться от использования человеческого труда в опасных для жизни и здоровья условиях. Замена рабочих в горнодобывающей, металлургической и ряде других отраслей считается рациональной, так как способствует предупреждению негативного воздействия на человека. Проблема нехватки рабочей силы в некоторых областях труда тоже становится решаемой в силу возможности использования инновационных технологий.

Однако непрерывное совершенствование ИИ и его повсеместное внедрение в производственные процессы таит в себе немало потенциальных рисков.

Использование ИИ и роботизация сферы труда гарантировано повлекут утрату людьми своих рабочих мест. Уже сегодня в результате цифровизации происходит замена части работников (например, чат-боты в банках). Как было отмечено ранее, использование современных технологий в опасных и тяжелых условиях труда является целесообразным, но процесс распространения разрабатываемых инноваций на все сферы общественной жизни объективен и повлечет вытеснение работников-людей, а также исчезновение ряда профессий. Наряду с утратой работы можно в целом отметить нынешнюю проблему затрудненности трудоустройства. Ученые-социологи подчеркивают, что именно потеря работы является существенной угрозой для полноценной жизни и серьезным психологическим потрясением для человека³.

В то же время некоторые исследователи считают проблему масштабной безработицы гиперболизированной, отмечая, что применение ИИ призвано помочь работникам, избавив их от выполнения рутинных механических задач и делегируя им осуществление функций более сложного характера⁴.

Ряд авторов выделяет категории работников, которые маловероятно столкнутся с безработицей в результате технологической замены: представители творческих профессий, руководители, дипломаты, воспитатели, няни и другие⁵. Однако уже сейчас есть технологии, которые способны осуществлять творческую деятельность (например, Ai-Da, Aiva). В связи с этим, ввиду безостановочного улучшения и разработки новых технологических решений невозможно отрицать использование ИИ в той или иной области в будущем.

Активное распространение оснащенных ИИ нейроимплантов планируется уже в ближайшие десятилетия. Цель нейропротезирования в первую очередь заключается в создании для инвалидов достойного уровня жизни и в выравнивании возможностей с людьми без инвалидности. Вместе с тем, существует реальный шанс приобретения последними таких технологий для усиления своих естественных способностей (имплантация чипов, обеспечивающих ускорение реакции, увеличение памяти), что будет создавать еще большее неравенство между людьми⁶. Запрещать не нуждающимся по медицинским показаниям, но желающим приобрести лицам использовать такие технологии будет расцениваться как дискриминация по отношению к ним в сравнении с инвалидами. Запретить последним приобретение означает идти вразрез с назначением нейропротезирования. В то же время останутся те, кто либо не будет заинтересован в использовании ИИ-протезов, либо не сможет себе их позволить. Последствия киборгизации представляются неоднозначными также ввиду неопределенности статусов работника-инвалида с нейропротезом, работника с нейропротезом

¹ Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учеб. пособие, 2-е изд., обновленное и дополненное / И. А. Филипова. Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского, 2022. 275 с.

² Филипова И. А. Трансформация правового регулирования труда в цифровом обществе. Искусственный интеллект и трудовое право: научное издание / И. А. Филипова. Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского, 2019. 89 с.

³ Danaher J. Will life be worth living in a world without work? Technological unemployment and the meaning of life. URL: <https://philpapers.org/archive/DAN^WLWB.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

⁴ Степанов К. А., Кушнарев А. С. Искусственный интеллект в сфере труда: тенденции, проблемы, перспективы развития // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 209–221.

⁵ Lee K.-F. Artificial Intelligence Is Powerful – And Misunderstood. Here's How We Can Protect Workers // Time. 2019. January, 11. URL: <https://time.com/5501056/artificial-intelligence-protect-workers/> (дата обращения: 27.01.2024).

⁶ Филипова И. А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании // Lex russica. 2021. № 9 (178). С. 119–130.

и без такового¹. Предположительно потребуются изменять условия охраны труда и защиты, повышать социальные гарантии отдельных категорий работников. Данный вопрос требует особого урегулирования нормами трудового права, ведь уравнивание их в положении будет несправедливым.

Проблемным также представляется вопрос правового статуса «умных» роботов. Существуют различные юридические концепции наделения ИИ-роботов правосубъектностью: (1) наделение их правовым статусом физического лица, (2) юридического лица, (3) создание конструкции электронного лица и другие². Стремление определить правовой статус ИИ первоначально вызвано вопросом ответственности за вред, причиненный имуществу, жизни и здоровью при применении ИИ-технологий. Остановившись на трудовых отношениях, некоторые ученые категорически отрицают возможность наделения ИИ статусом работника ввиду возникновения противоречий с основными принципами и началами отечественного права³. Также подчеркивается, что именно непризнание ИИ работником создает основное преимущество его использования – он не приобретает права и гарантии, закрепленные в трудовом законодательстве. Однако нельзя гарантировать сохранение действующего регулирования в будущем ввиду ежедневного совершенствования цифровых технологий.

Внедрение ИИ в сферу труда также влечет риски для психического состояния работников. Эмоциональное выгорание, переутомление, тревожность возникают, в частности, из-за сложности в адаптации работников к новым, регулярно обновляющимся технологиям. Также необходимость постоянного контроля за функционированием ИИ и возможность возложения на работника ответственности в случае причинения ИИ вреда повышают эмоциональное напряжение и уровень стресса.

Наряду с вышеуказанными рисками объективно возникают вопросы конфиденциальности и безопасности при применении технологий ИИ и робототехники. Если существуют те, кто создал современную технологию такого уровня, значит найдутся и способные ее взломать. Уязвимость ИИ может привести к нарушению прав и законных интересов, охраняемых законом тайн (коммерческой, банковской и т.д.), что повлечет существенный ущерб.

Возникновение новых и изменение уже существующих отношений является рядовым состоянием социальной реальности. Технологические сдвиги в результате Четвертой промышленной революции в будущем могут привести к трансформации понимания субъектов трудового права, правовых институтов и трудовых правоотношений в целом. От законодателя требуется своевременное реагирование на вызовы промышленного прогресса. В юридической литературе выдвигаются различные перспективы реагирования права на применение современных технологий:

- перспектива торможения процессов технологического развития путем полного или частичного запрета использования инноваций;
- перспектива призыва к развитию и распространению новых технологий;
- перспектива гибкого регулирования с недопущением первого или второго варианта в их самых ярких проявлениях.

Последний вариант считается оптимальным и поддерживается наибольшим количеством цивилистов.

Исключить растущее влияние цифровых технологий на труд невозможно, поэтому законодателю необходимо учесть как преимущества, так и риски применения ИИ, робототехники и иных цифровых технологий при совершенствовании правового регулирования из-за меняющихся отношений, не допуская в сфере труда и в обществе в целом создания условий для усиления таких негативных социальных явлений, как дискриминация и социальное неравенство.

Ялковская В. О.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Новые технологии в трудовом праве. Платформа занятости.

В условиях активного развития информационных технологий и глобальной цифровизации общества, правовая система сталкивается с необходимостью адаптации к новым условиям. Этот процесс неизбежно

---

¹ Камалова Г. Г. Вопросы правосубъектности роботов и систем искусственного интеллекта // Информационное право. 2019. № 2. С. 35–39.

² Eidenmueller H. The Rise of Robots and the Law of Humans // Oxford Legal Studies Research Paper. 2017. № 27. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2941001 (дата обращения: 27.01.2024).

³ Лескина Э. И. Искусственный интеллект в сфере труда // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 111–117.

затрагивает все сферы правового регулирования, включая трудовое право. Информатизация, проникая в каждый сектор социальной сферы, требует от права оперативного отражения этих изменений, что влечет за собой формирование нормативной базы, регулирующей данные изменения. Трудовое право, как неотъемлемая часть правовой системы, также подвергается изменениям. Новые технологии оказывают значительное влияние на рынок труда, изменяя характер взаимодействия между работниками и работодателями на всех этапах трудового процесса. Перед правительством встает задача адаптации трудового законодательства к новым условиям, обеспечивая гармоничное развитие трудовых отношений в контексте цифровой трансформации общества.

В соответствии с выполнением поручений, поставленных Президентом и Правительством РФ, касающихся повышения трудовой мобильности граждан РФ, Федеральная служба по труду и занятости в 2014 году осуществила разработку обновления интернет-портала «Работа в России». Он начал осуществлять свою работу 03.07.2015, что соответствует решению, принятому Государственной комиссией по вопросам ИТ.

Портал «Работа в России» представляет собой крупнейшую в РФ базу данных о вакансиях, насчитывающую более 1,9 миллиона предложений. На ресурсе также размещено свыше одного миллиона резюме, и зарегистрировано более 17 миллионов пользователей.

Портал интегрирован в систему электронного правительства РФ, обеспечивая связь с основными информационными системами и элементами инфраструктуры, в том числе с Единой системой идентификации и аутентификации, Системой межведомственного электронного взаимодействия и Единым порталом государственных и муниципальных услуг. Учетные записи пользователей на портале Госуслуги синхронизированы с порталом «Работа в России», что позволяет использовать одни и те же учетные данные для входа.

Кроме базовых функций размещения вакансий и резюме, портал предлагает уникальные сервисы: инструменты для оценки доступности места работы, включая картографические приложения для планирования маршрутов, и систему оповещения о новых вакансиях.

Одним из инновационных достижений портала является интеграция специализированных сервисов, таких как проверка проектов трудовых договоров и голосовое сопровождение контента для людей с нарушениями зрения, что расширяет доступность использования платформы.

ФЗ от 16.12.2019 № 439-ФЗ «О внесении изменений в ТК РФ в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде»¹ внес существенные корректировки в ТК РФ, предусматривая электронный формат формирования ключевой информации о трудовой деятельности и стаже сотрудника организации. Данный переход направлен на минимизацию административных издержек, связанных с оформлением трудовых отношений, и усиление мер по обеспечению конфиденциальности трудовых данных. В результате законодательные изменения предполагают постепенный отказ от использования бумажных трудовых книжек в пользу их электронных аналогов.

С 01.07.2021 произошло значительное обновление и расширение общероссийской базы вакансий на портале «Работа в России». Это стало возможным благодаря принятию Федерального закона от 28.06.2021 № 219-ФЗ², который внес корректировки в законодательство, а именно в ФЗ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в РФ»³. В результате этих изменений, портал «Работа в России» преобразован в Единую цифровую платформу в сфере занятости и трудовых отношений.

Нововведения, закрепленные в ФЗ № 219-ФЗ, устанавливают, что помимо традиционного очного обслуживания, службы занятости теперь обязаны предоставлять услуги дистанционно и без необходимости подачи заявления со стороны граждан. Такие меры, хотя и были обусловлены первоначально условиями, вызванными пандемией COVID-19, но это в полной мере соответствует современным трендам в информационно-коммуникационных технологиях и направлено на улучшение услуг в сфере трудоустройства.

Важно отметить, что введение ФЗ № 219-ФЗ не означает отказа от очных визитов в центры занятости. Граждане по-прежнему имеют возможность выбирать наиболее удобный формат получения услуг.

---

¹ Федеральный закон от 16.12.2019 № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» // СЗ РФ, № 51 (ч. I), 23.12.2019, ст. 7491.

² Федеральный закон от 28.06.2021 № 219-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и статью 21 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ, № 27 (ч. I), 05.07.2021, ст. 5047.

³ Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ, № 17, 22.04.1996, ст. 1915.

Единая цифровая платформа обеспечивает стандартизацию процесса предоставления государственных услуг в области занятости. Она также создает единую систему для мониторинга и управления качеством работы органов государственной службы занятости, основываясь на унифицированных стандартах и критериях. Это позволяет повысить эффективность и доступность услуг в сфере занятости на всей территории Российской Федерации.

№ 219-ФЗ задал новые рамки для взаимодействия работодателей, граждан и служб занятости в цифровом пространстве. Особое внимание в законе уделено необходимости центров занятости осуществлять регистрацию населения в ЕСИА при Едином портале государственных и муниципальных услуг. Это обеспечивает единую и упрощенную процедуру подачи заявлений для граждан через Единую цифровую платформу, особенно в случаях, когда у граждан отсутствует подтвержденная учетная запись на портале Госуслуг.

Закон № 219-ФЗ также расширил базу доступных вакансий, установив требования к размещению информации о вакансиях от органов государственной власти, местного самоуправления и крупных работодателей (с численностью персонала более 25 человек) на Единой цифровой платформе.

Изменения в статье 16.2 Закона о занятости населения в РФ определили Единую цифровую платформу «Работа в России» как федеральную государственную информационную систему, что подчеркивает ее значимость и масштаб в системе государственных услуг. Роструд, назначенный оператором платформы, несет ответственность за координацию ее работы.

С 1.01.2024 года начал действовать обновленный ФЗ от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»¹, задающий новые границы для регулирования рынка труда. Важно отметить, что прежний закон, датированный 19 апреля 1991 года (№ 1032-1), продолжает действовать до 1 января 2025 года, за исключением некоторых статей, подлежащих изменениям. Эти изменения будут внедряться поэтапно.

Данным законом в главе 4, в статьях 17, 18 и 19 определяется назначение Единой цифровой платформы, ее оператор и порядок функционирования. Особое значение имеет ст. 19 которая уточняет порядок функционирования платформы, включая установление правил информационного взаимодействия между различными участниками. Это обеспечивает прозрачность и доступность информации, а также способствует эффективному взаимодействию между гражданами, работодателями и государственными органами в сфере труда.

Начиная с 1 января 2024 года, в соответствии с Федеральным законом от 12.12.2023 № 565-ФЗ, введены новые правила для предоставления отчетов в центр занятости. Все уведомления о событиях в организации, таких как сокращения, банкротство, ликвидация и другие значимые изменения, теперь должны подаваться исключительно через портал «Работа в России». До этого момента, работодатели с определенной численностью персонала могли напрямую или по почте передавать в центр занятости информацию о вакансиях и изменениях в структуре своей организации. Однако, с вступлением в силу нового закона, такая возможность была отменена, и теперь все отчеты должны осуществляться через единую цифровую платформу, независимо от размера компании.

Для улучшения работы данного портала предлагается внести ряд изменений в области диверсификации спектра вакансий. Добавление вакансий, связанных с проектными работами позволит привлечь к сервису людей, заинтересованных в подработках, а также самозанятых которые могут быть привлечены к данному типу трудовой деятельности. Еще одним направлением для портала «Работа в России» является добавление вакансий, связанных с волонтерской деятельностью.

Портал «Работа в России», первоначально созданный как онлайн-база вакансий и инструмент для содействия в трудоустройстве и подборе персонала, теперь играет ключевую роль в взаимодействии работодателей и Центра занятости населения. Ранее портал использовался для отслеживания изменений в численности и занятости персонала во время пандемии, но сейчас его роль существенно расширилась, делая его центральной площадкой для взаимодействия между работодателями и государственными органами в сфере труда. Эта интеграция новых технологий в трудовое право способствовала более эффективному функционированию рынка труда, подчеркивая важность технологических инноваций в адаптации законодательства к современным условиям.

---

¹ Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ, № 51, 18.12.2023, ст. 9138.

Круглый стол **«Роль семейного законодательства** **в масштабе национальной демографической политики»**

Адамокова Д. З.
НОК «Институт права» АГУ
Студент

Влияние социальных пособий на семейно-брачное поведение в России

Семья всегда была, есть и остается одним из самых основных институтов общества. Семейно-брачное поведение являются показателем происходящих изменений в обществе, к таким показателям можно отнести – социальные, экономические и культурные. Брачное поведение – это «поведение, целью и задачами которого является удовлетворение потребности человека в браке, поведение, связанное с выбором брачного партнера¹.

Изменения семейно-брачного поведения в обществе происходят из-за того, что люди определенным образом реагируют на события, потрясения, кризисы, происходящие в мире. В России показатели рождаемости стали снижаться ближе к концу XX века, свой огромный след в этом оставила и Великая Отечественная Война (1941–1945 гг.). Фактором демографического кризиса также явилось число разводов, выросло количество неполных семей, и определенную моду приобрел «гражданский» брак и дань моде запада, где классические семейные ценности сместили ценности отдельных лиц с их самореализацией, что впоследствии привело к демографическому кризису.

Следует отметить, что демографический кризис в Российской Федерации длится достаточно давно и крайне затянулся, об этом свидетельствует и значительное сокращение численности населения, и это вызывает беспокойство не только среди граждан, но и среди законодателей и политиков.

Представители власти принимают ряд мер, направленных на актуализацию традиционных семейных ценностей и оказании помощи, направленной на воспитание и содержание детей в уже существующих семьях.

Соответственно, данная тема имеет как научный, так и практический интерес, и является достаточно актуальной.

Стоит отметить, что меры, применяемые государством, иногда являются недостаточными, и проблема низкой рождаемости, остается одной из основных проблем, стоящих перед государством и обществом.

Предоставление социально-экономической помощи в виде различных выплат, услуг и ряда других мер направлена на оказание влияния на изменение и улучшение поведения семей в Российской Федерации.

Следует отметить, что выплаты, как регулярные, так и единовременные оказывают помощь семьям улучшить жилищные условия и поддерживают материнство, ведь за все время существования материнского капитала данной льготой воспользовались более 11 млн человек. Исходя из этого, невозможно не заметить то, что социальная политика России оказывает нужное влияние на рост численности населения страны и такая политика действительно помогает семьям. В Российской Федерации действует ряд национальных программ направленных на рост семейных ценностей, такие как «Здоровье», «Доступное жилье», федеральная программа «Дети России» и ряд социальных проектов и в соответствии с Указом В. В. Путина от 22 ноября 2023 г. № 875 2024 год был объявлен годом семьи.

К сожалению, данной социальной политике присуще как положительные, так и отрицательные стороны. Принимая законы о помощи неполным, малоимущим и многодетным семьям, государство никак не могло ожидать того, что это приведет к «краху» семейно-брачных отношений, ведь многие семьи были в какой-то степени вынуждены оформлять фиктивный развод для получения социальных пособий.

Официальный развод исключает одного из членов семьи при расчете среднедушевого дохода на каждого члена семьи, а также позволяет избежать отказа в получении пособий по причине отсутствия официального дохода, что используется семьями, где один из родителей работает не официально². Большую

---

¹ Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М. : Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления. 1996. 304 с.

² Габараева М. Р. Влияние социальных пособий на семейно-брачное поведение в республике Северная-Осетия Алания // Социодинамика. 2022. № 8. С. 14–25.

роль, конечно же, играет то, что такое фиктивное расторжение брака в РФ не приводит к нарушению законодательства и за это никаких отрицательных санкций со стороны государства не предусмотрено. Можно сказать, что граждане пользуются шансом обогатиться за счет государства, проживая в то же время в «гражданском» браке и воспитывая детей в полной семье. Возможно, это связано с низкой оплатой труда и нехватки средств необходимых для комфортных и благополучных условий семьи для проживания с детьми, но, по моему мнению, необходимо предотвратить такую бесконечную череду бракоразводных процессов и издевательство над традиционными семейными ценностями.

Я считаю, что для предотвращения таких ситуаций, государство должно помогать абсолютно каждому ребенку, рожденному и воспитывающемуся в нашей стране независимо от возможностей семьи и количества рожденных в данной семье детей. Абсолютно каждый ребенок достоин счастливой и прекрасной жизни в кругу близких людей, и государство не должно выбирать, какой ребенок достоин помощи от него, а какой нет. Ведение такой политики в будущем предотвратит фиктивные разводы и повысит демографию страны, т.к. каждый родитель будет уверен в том, что завтра он не останется наедине с ребенком без материальной помощи от государства и не будет вынужден идти на такие крайние меры, как фиктивное расторжение брака.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что помощь от государства в виде социальных выплат сыграла огромную роль в семейно-брачном поведении граждан страны. Так или иначе, ныне действующая политика помогла многим семьям переступить черту бедности и улучшить свое благосостояние!

Барцкиян А. Р.

НОК «Институт права» АГУ

Студент

Современные меры стимулирования рождаемости в Российской Федерации

Человеческая цивилизация с момента своего возникновения подвержена процессам связанными с изменениями численности населения и одной из основных проблем современности относится демографическая проблема.

В Российской Федерации демографическая политика заключается в увеличении продолжительность жизни граждан и снижении показателей смертности, а демографическая ситуация определяется тенденцией рождаемости. Безопасность государства, а также его способность к развитию напрямую зависят от рождаемости в стране.

Стимулирование рождаемости является основой демографической политики, ведь происходящие в последнее время демографические процессы носят скорее отрицательный характер, чем положительный.

На сегодняшний день в РФ наблюдается низкий рост рождаемости. Так, к примеру, в 2015 г. родилось 1,9 млн детей, в 2023 г. – 1,2 млн детей, что является наименьшим показателем с 1999 г. По прогнозам, рождаемость в период с 2023 по 2027 гг. может значительно сократиться. Показатель начнет расти лишь с 2028 г., в связи с этим негативные тенденции в демографической динамике имеют множество отрицательных последствий для общества и государства. К существенным последствиям можно отнести: сокращение численности населения, его стремительное старение, ухудшение трудового потенциала страны, отсутствие замещения поколений, значительное преобладание женского населения.

По Указу В. В. Путина 2024 г. объявлен годом семьи, в следствии чего, основной упор государственной политики будет направлен на защиту и сохранение традиционных семейных ценностей.

Президент РФ В. В. Путин определил национальную цель, суть которой состоит в достижении устойчивого роста численности населения государства. Соответственно, для достижения поставленной цели надо увеличить рост рождаемости.

На данный момент в России действуют ряд мер направленных на поддержку семей и на рост рождаемости.

К ним можно отнести:

– материнский (семейный) капитал, который берет свое начало с 2007 г., средства федерального бюджета направляются в Социальный фонд Российской Федерации на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, установленных Федеральным законом¹:

- выплаты в связи с рождением либо усыновлением ребенка как ежемесячные, так и единовременные;
- пособия нуждающимся семьям на детей от 3 до 7 лет;

---

¹ О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федер. закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // СЗ РФ. 2007 г. № 30. Ст. 3115.

– действия, направленные на сохранение репродуктивного здоровья граждан, и вспомогательных репродуктивных технологий, а также на качественную и доступную медицинскую помощь женщинам во время беременности и родов, а также новорожденным детям;

– обеспечение доступным жильем семья с детьми.

Так как основной и значительной материальной поддержкой является материнский (семейный) капитал, хотелось бы заострить внимание именно на нем. Выдача сертификатов материнского (семейного) капитала положительно повлияла на динамику среди показателей рождаемости. С начала введения данной программы, то есть с 2007 года число родившихся составляло 1 610 122 человек и в последующем наблюдается численный прирост.

В соответствии с данной статистикой логично предположить, что численность населения выросла, и достаточно значительно, но в действительности наоборот, число родившихся с 2016 года стало меньше по сравнению с другими годами, это связано тем, что размер материнского (семейного) капитала индексируется и влияет на естественный прирост населения и в связи с этим, отслеживается прямая связь размера материнского (семейного) капитала и рождаемости, ведь тем выше размер материнского (семейного) капитала, тем выше и показатель рождаемости. Исследования Росстата показали, что 6 процентов граждан разного возрастного ценза решили родить второго ребенка непосредственно из-за поддержки материнского(семейного) капитала.

Для решения проблемы касающейся демографии можно предпринять следующие дополнительные меры поддержки:

1) Поднять размер материнского капитала, что позволит семьям чувствовать безопасность как социальную, так и материальную.

2) Доплаты на региональном уровне семьям с двумя и более детьми в возрасте до 7 лет без связи с материальным положением семьи.

3) Создание условий направленных на благополучное развитие детей, а именно: местами детских садов, бесплатные путевки лагеря и ряд других мер;

4) Создание и реализация программ по охране репродуктивного здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни населения.

Современное общество нуждается в пропаганде семейной культуры, где такие понятия как – семья, дети получают правильную смысловую нагрузку. Семейные ценности надо внедрять с юности, чтобы к моменту заключения брака молодежь имела традиционные семейные ценности.

Исходя из вышеизложенного, принятые на данный момент меры не способны в полной мере решить проблемы рождаемости в нашей стране. Комплекс предложенных мер смог бы положительно повлиять на демографическое состояние Российской Федерации.

Бурделя С. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Некоторые аспекты рассмотрения дел о взыскании алиментов с родителя, имеющего высокий уровень дохода (сверхдоход)

В условиях современного российского общества, характеризующегося целым рядом сложных социально-экономических процессов, институт брака и семьи претерпел значительные изменения, что оказало существенное влияние на его сохранение. Согласно статистическим сведениям, количество разводов за 2022 год составило 682 850, что значительно превышает показатели предыдущих лет.¹ В подобных условиях алиментные обязательства (далее – алименты) приобретают особую актуальность.

При совместном проживании родителей (в большинстве случаев, если родители состоят в браке) ребенок живет вместе с ними, при раздельном – как правило, с одним из них. В свою очередь, у проживающего отдельно родителя или родителя, уклоняющегося от несения расходов на содержание ребенка, возникает обязанность по уплате алиментов².

Алименты – это денежные средства на содержание несовершеннолетних детей или совершеннолетних нетрудоспособных членов семьи, которые могут перечисляться добровольно или взыскиваться в судебном порядке.

---

¹ Федеральная служба государственной статистики // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.02.2024).

² Ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации.

Важно отметить, что процесс взыскания алиментов оказывает существенное влияние на демографическую ситуацию в стране, поскольку именно возможность обеспечения реализации этого права в ряде случаев оказывается решающим фактором при принятии решения о рождении ребенка.

Вопрос о праве ребенка на получение алиментов решен законом однозначно: родитель, проживающий отдельно, или недобросовестный родитель обязан предоставлять ребенку содержание. Взыскание алиментов является не правом, а обязанностью родителя, проживающего совместно с ребенком (или «опекающего родителя»)¹. При этом, суд обязан удовлетворить требование о взыскании алиментов на ребенка, даже если ребенок не нуждается в финансовой поддержке (п. 18 постановления Пленума ВС РФ № 56²).

Согласно ст. 81 и ст. 83 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ, Кодекс) алиментные обязательства могут быть установлены как процентах от дохода алиментоплательщика, в фиксированной сумме, так и в совокупности. Вместе с тем, нормами СК РФ определено, что приоритетно алименты на детей взыскиваются с родителей в долях к заработку и (или) иному доходу лица, а в случаях, когда взыскание алиментов в таком порядке невозможно или затруднительно, – в твердой денежной сумме.

Следует отметить, что долевой принцип взыскания алиментов был сформирован еще в первой половине прошлого века в п. 29 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР³. Представляется, что для советского государства такой подход был вполне оправдан: почти все плательщики алиментов имели стабильный заработок, установить который не составляло труда, а уровень жизни в различных регионах страны был примерно одинаковым.

В настоящее время приоритетное применение принципа долевого взыскания представляется неэффективным. Такой порядок, несомненно, удобен для суда и взыскателя, поскольку не требует сбора и оценки каких-либо доказательств, кроме установления количества детей, на содержание которых взыскиваются алименты. Между тем, как справедливо отмечает Шелютто М.Л., долевой принцип не учитывает разумные потребности ребенка в зависимости от его возраста и конкретных условий жизни, размер дохода родителя, с которым ребенок проживает, необходимые расходы, которые несет каждый из родителей в его жизненной ситуации, траты бывшего супруга, непосредственно связанные с пребыванием у него иждивенца⁴.

При высоких доходах плательщика взыскание алиментов по вышеупомянутому принципу влечет их назначение в размере, явно превышающем потребности ребенка. Чрезмерно высокий размер алиментов, превышающий разумные потребности ребенка, оценивается в судебной практике как соответствующий интересам ребенка, однако, как представляется, возведение последнего в непререкаемый абсолюте в подобной ситуации не соответствует целям правового регулирования алиментных отношений. Таким образом, при высоком доходе плательщика алиментов целесообразнее прибегнуть к установлению алиментов в твердой денежной сумме.

Согласно п. 23 постановления Пленума ВС РФ № 56 (далее – позиция ВС РФ) высокий уровень доходов у родителя, обязанного уплачивать алименты, сам по себе не относится к установленным ст. 83 СК РФ обстоятельствам, при которых возможно взыскание алиментов в твердой денежной сумме. При этом, если судом будет установлено, что взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя существенно нарушает интересы одной из сторон, алименты могут быть взысканы в твердой денежной сумме. Соответственно, взыскание алиментов в твердой денежной сумме является правом, а не обязанностью суда, где последний может прибегнуть к этому способу только в случаях, когда требующая назначения алиментов в твердой сумме сторона докажет, что применение общего правила существенно нарушает ее интересы. При этом, в рассматриваемой категории дел обязанность доказывания возлагается, как правило, на плательщика алиментов. Проблема состоит в том, что доказать нарушение прав плательщика алиментов установлением алиментов в долях к его доходу, если речь идет о сверхдоходах, – невозможно.

Какие аргументы можно привести в поддержку этой точки зрения? Основной заключается в том, что нет необходимости предоставлять ребенку излишнее содержание. Так, в частности, Шелютто М.Л. ссылается на

---

¹ Для целей настоящей статьи определение «опекающий родитель» относится и ко всем категориям лиц, выполняющим функции законного представителя ребенка, проживающего с ним.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10.05.1937 «Об изменении действующего законодательства РСФСР в связи с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Шелютто М. Л. «О необходимости изменить правила и практику определения размера алиментов на несовершеннолетних детей» // Закон. 2018. № 6. С. 34.

целевой характер алиментов, на обязанность родителей удовлетворить потребности ребенка и обеспечить ему достойные условия жизни в пределах своих способностей и финансовых возможностей, непосредственно соответствующие уровню жизни родителей, а не предоставлять переизбыток материальных благ¹. Именно такой подход диктуют предписания ст. 27 Конвенции о правах ребенка (далее – Конвенция)², применение которого свела на «нет» ранее упомянутая позиция ВС РФ.

Следует полагать, что необходимость доказывания нарушения прав означает, что суд не рассматривает предоставление ребенку переизбытка материальных благ в качестве «излишней обязанности родителя» и считает это нормальным, раз уж один из родителей «сверхбогат». Интересно, что ст. 27 Конвенции активно применяется российскими судами в делах, связанных с защитой прав детей, в том числе и на получение алиментов. Таким образом, можно констатировать противоречия позиции ВС РФ тому пониманию алиментного обязательства, которое дается нормами международного договора, где такое толкование п. 1 ст. 83 СК РФ, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, – неприемлемо.

Вместе с тем, позицию ВС РФ по делам, связанным с установлением алиментов для лиц, получающих сверхдоходы, не представляется возможным конкретизировать – доступ к актуальной судебной практике по семейным делам практически прекращен (ст. 15 Федерального закона № 262-ФЗ)³, а размещенная в открытых источниках практика кассационных судов не отличается единообразием. Фактически, все обобщения судебной практики касаются вопросов назначения алиментов в условиях, когда плательщик ограничен в средствах, и не затрагивают вопросы назначения алиментов в условиях сверхдоходов одного из родителей.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что в отношении сверхдоходов позиция ВС РФ не отрицает применения положений п. 1 ст. 83 СК РФ как способа защиты прав плательщика алиментов, но приводит к тому, что это право не обеспечено исполнением. Решить проблему сверхалиментов представляется возможным посредством усиления правовых гарантий, предоставляемых плательщику алиментов на случай злоупотребления «опекающим родителем» правом на получение содержания, в частности допущением отказа во взыскании алиментов в заявленном размере при наличии факта такого злоупотребления.

Наряду с этим, толкование, которое ВС РФ дает п. 1 ст. 83 СК РФ в части защиты прав должника, получающего сверхдоходы, не соответствует пониманию категории «алименты», которое дается нормами международного договора, участником которого является Россия, как продолжатель СССР⁴. Автору представляется, что это несоответствие нуждается в устранении актом ВС РФ, который бы также содержал в себе ряд правил оценки доказательств по соответствующей категории дел. Например, представляется разумным использовать дифференцированные ставки алиментов, применяемых в законодательной и правоприменительной практике ряда иностранных государств – Германии⁵, Франции⁶ и др., позволяющих принимать во внимание размер дохода плательщика, а также интересы ребенка – получателя алиментов.

В заключение отметим, что одного только акта ВС РФ недостаточно для решения данной проблемы. Учитывая широкие возможности для субъективного судебного усмотрения при разрешении семейных дел, публикация решений способствовала бы большему единообразию в толковании и развитии законодательства, регулирующего семейные правоотношения.

---

¹ Указ. соч, С. 35.

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации».

⁵ Дюссельдорфская таблица (Dusseldorfer Tabelle), принятая Высшим земельным судом г. Дюссельдорфа в 1962 г. и согласованная с другими Высшими земельными судами Германии // URL: <https://www.famrz.de/arbeitshilfen/duesseldorfer-tabelle.html> (дата обращения: 07.02.2024).

⁶ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 // СПС «КонсультантПлюс».

Буторова Е. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Необходимость государственного контроля за выплатой алиментов родителями, живущими отдельно от ребенка: вопросы теории и практики

Одной из важнейших функций российского семейного законодательства является защита интересов ребенка. К числу охраняемых прав несовершеннолетних относят право на содержание и достойный уровень жизни. Так, в ст. 38 Конституции Российской Федерации говорится, что забота о детях, которая включает в себя материальную поддержку, является обязанностью обоих родителей¹. Та же идея раскрывается в п. 2 ст. 27 Конвенции о правах ребенка – лица, занимающиеся воспитанием ребенка, обязуются обеспечивать ему достойный уровень жизни. В п. 1 ст. 18 акцентируется внимание на том, что оба родители должны нести равную ответственность за детей, Семейный кодекс Российской Федерации (далее СК РФ) также закрепляется обязанность родителей содержать несовершеннолетних детей². Как справедливо отмечает И.Г. Король, родительские права и обязанности должны быть равными и не должны зависеть от их имущественного и иного положения родителя³. Помимо прочего, в 80 статье СК РФ упоминается возможность родителей заключить соглашение о выплате средств на содержание детей (об уплате алиментов). Если такое содержание не уплачивается, его можно взыскать в судебном порядке⁴.

Неуплата алиментов обоими, либо одним из родителей нарушает одно из важнейших прав ребенка – право на достойное содержание и развитие. Однако на данный момент в России существует большая проблема со взысканием алиментов с родителей-должников. Несмотря на то что абсолютное большинство требований о взыскании алиментов в пользу детей удовлетворяются судами, исполнение таких решений часто вызывает проблемы – из официальных заявлений ФССП следует, что в России на 01.01.2023 было 771,2 тыс. неоконченных исполнительных производств по делам о взыскании алиментов⁵. На официальном сайте Росстата представлена статистика, которая отображает процент детей до 16 лет, которым предусмотрены выплаты на содержание от родителей, но которые не получают их – статистика велась с 2013 по 2021 год и процент колеблется от 21.3 до 12.5⁶. Однако эти цифры не являются точным отражением действительности. На практике распространена ситуация, когда дети остаются у одного из родителей, который воспитывает их самостоятельно, без обращения за помощью ко второму родителю. Такие родители не подают на алименты по разным причинам.

Предполагаем, что наиболее часто подобные ситуации возникают, когда родитель, который не обращается за правом на алименты: 1. избегает общения со вторым родителем; 2. плохо знаком с законами и может ошибочно полагать, что смысла обращаться в суд нет; 3. не имеет достаточных физических или моральных сил, чтобы вступать в судебные тяжбы; 4. опасается другого родителя (возможно применение угроз и т.д.)

Как правило, в ситуациях, когда один родитель не обращается ко второму родителю с подобными требованиями, государство не принимает ответных действий. Подтверждением того, что обращение в суд с требованием о взыскании содержания является правом, а не обязанностью родителей, является ст. 106 СК РФ, где применяется формулировка «вправе», а не «обязуется». Однако в п. 3 ст. 80 СК РФ закрепляется, что в подобных случаях орган опеки и попечительства вправе самостоятельно предъявить искомое требование – например, когда оба или один из родителей лишаются родительских прав. Как справедливо отметила А.М. Нечаева, предъявление таких исков для органов опеки и попечительства может являться правом, что следует из буквального толкования данного пункта статьи, но также оно может являться

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023).

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2024).

³ Король И. Г. Обязанности родителей в отношении своих детей // Право и государство: теория и практика, 2023. С. 229.

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2024).

⁵ Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2022 году. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/2837777 (дата обращения: 01.02.2024).

⁶ Доля детей в возрасте до 16 лет, в отношении которых имеется задолженность с выплатой алиментов, назначенных по решению суда, в общей численности детей, которым назначены алименты ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61022> (дата обращения: 01.02.2024).

обязанностью при наличии определенных обстоятельств. Например, когда оба родителя уклоняются от содержания и воспитания ребенка и при этом между ними не было заключено соглашения о содержании несовершеннолетнего, а также не ведется судебных споров. В таком случае, если органы опеки и попечительства не вмешиваются, права ребенка будут грубо нарушены¹. Тем не менее, в большинстве случаев, когда проживающий с ребенком родитель отказывается от каких-либо требований ко второму родителю о содержании их общего ребенка, не происходит никакой реакции от государственных органов, в том числе от органов опеки и попечительства.

Можно провести параллель с аналогичной ситуацией в отношениях по опеке. Опека устанавливается над малолетними и недееспособными гражданами, признанными таковыми на основании решения суда. Это одна из форм устройства несовершеннолетнего в семью. Данный институт принадлежит как к отрасли семейного, так и гражданского права, он включает в себя «бережное отношение к личным и имущественным правам ребенка»². Опекун является законным представителем опекаемого (в нашем случае ребенка, оставшегося без попечения родителей), и он обязуется соблюдать законные интересы ребенка. К таким интересам можно отнести получение причитающихся денежных средств, в том числе содержания от родителей, лишенных родительских прав.

В данном случае законодатель обращает внимание на то, что опекуны не имеют права собственности на имущество подопечных, в том числе на денежные выплаты. Таким образом, опекуны не имеют права распоряжаться денежными средствами опекаемых, и в том числе отказываться от их получения³. У опекуна также как у родителей есть возможность обратиться за алиментами путем заключения соглашения с алиментоплательщиком, либо, в случае отказа, добиваться выплат через суд. В случае отказа от обращения с требованием выплаты алиментов в пользу опекаемого, опекун может быть отстранен от своих функций по инициативе органов опеки и попечительства по причине ненадлежащего исполнения своих обязанностей⁴.

Таким образом, на примере отношений опекаемого и опекуна показано, что взыскание алиментов в пользу ребенка является реализацией его имущественных прав. И несмотря на то, что родитель может самостоятельно выполнять обязанности по воспитанию и содержанию ребенка, отсутствием обращения ко второму родителю он не создает более благоприятные для ребенка материальные условия, а напротив, от отказывается от такой возможности.

В качестве решения сложившейся проблемы можем предложить органам опеки и попечительства взять на себя задачу по контролю за исполнением обоими родителями своих обязанностей по содержанию детей во всех случаях отдельного проживания родителя с ребенком. Вероятнее всего, это повлечет за собой увеличение административных и уголовных дел, а сумма задолженности по алиментам по стране значительно возрастет. Однако при таком развитии событий нарушение родительских обязанностей всего лишь выйдет из тени. Некоторые родители начнут выплачивать причитающееся детям содержание и тем самым дадут им дополнительные средства для развития. В случае же, если родитель, с которым проживает ребенок, откажется от получения средств от второго родителя, можно будет открыть отдельный счет на имя ребенка, который перейдет ему при достижении им совершеннолетия, тем самым будут созданы наиболее благоприятные финансовые условия для несовершеннолетнего и его права будут соблюдены в полной мере.

Волков П. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Существование и оборот микродолей в праве общей собственности на жилые помещения

Общая собственность возникает при поступлении в собственность двух или нескольких лиц имущества, которое не может быть разделено без изменения его назначения (неделимые вещи) либо не подлежит разделу в силу закона (п. 1 ст. 244 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)). Общая собственность может

¹ Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (отв. ред. А. М. Нечаева) 3-е изд., перераб. и доп. – «Юрайт», «Юрайт-Издат», 2011 г. // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.02.2024).

² Бархо С. Ю. Понятие и сущность института опеки и попечительства и его эволюция в российском гражданском праве // E-Scio, 2020. № 12 (51).

³ Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об опеке и попечительстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2024).

возникать как при приобретении нового имущества, так и при его продаже, дарении, наследовании несколькими лицами и совершении иных предусмотренных законом сделок.

Прежде всего следует раскрыть, какие именно объекты понимаются под жилым помещением. В соответствии с п. 1 ст. 16 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) к жилым помещениям относятся жилые дома, части жилых домов, квартиры, части квартир и комнаты¹.

В сфере жилищных правоотношений на протяжении многих лет существует проблема дробления права собственности на жилые помещения на незначительные доли (далее – микродоли). Проблема состоит в том, что возможность деления права собственности на жилые помещения на большое количество долей, принадлежащих разным лицам, привела к появлению квартир, микродоли в праве собственности на которые приобретались для регистрации по месту нахождения такой квартиры, зачастую без цели и фактической возможности проживания в ней., что, в частности, способствовало легализации незаконной миграции, а также ухудшению криминогенной обстановки. Также покупка микродоли в праве собственности на квартиру давала собственнику право на получение различных социальных выплат и пособий, таких как выплаты семьям с детьми, молодым семьям, пособие по беременности и родам. Особенно это касается г. Москвы, где размер социальных выплат выше, чем в других регионах страны. При этом количество долей в праве собственности на квартиру могло быть таким, что на одного собственника приходилось менее одного кв. м. жилого помещения.

К примеру, на сайте Прокуратуры города Москвы 11 ноября 2022 г. была опубликована информация об оспаривании сделок по дарению микродолей в квартире по адресу: г. Москва, ул. Маршала Новикова². При общей площади квартиры 43,3 кв. м. право собственности на нее было разделено на несколько долей, одна из которых делилась еще на 320 микродолей. Эти доли в период с декабря 2021 по апрель 2022 г. на основании договоров дарения приобрели в собственность 286 граждан., членами их семей после приобретения микродолей получено более 10 млн рублей социальных выплат. Наличие у сособственников долей в размере около 0,31 % предоставило им право регистрировать в квартире иных лиц, при отсутствии возможности предоставления таким лицам в пользование изолированного жилого помещения, соразмерного их долям в праве собственности. В ходе проверки Хорошёвская межрайонная прокуратура пришла к выводу, что сделки по дарению микродолей имели мнимый характер: «Таким образом, доли в квартире приобретались без намерения использовать их для проживания, что свидетельствует о мнимости сделок дарения, на основании которых лицами приобретено право собственности». В результате было возбуждено уголовное дело по фактам фиктивной регистрации граждан по месту жительства и мошенничества при получении выплат по ч. 4 ст. 159.2 Уголовного кодекса РФ. Хорошёвский районный суд города Москвы требования прокуратуры удовлетворил, признал договоры дарения недействительными и прекратил право собственности лиц, которые приобрели такое право по указанным договорам дарения. Упомянутая квартира является лишь одним из примеров массовой регистрации физических лиц в одном жилом помещении и, хотя подобные масштабы встречаются не часто, данная проблема в целом является довольно распространенной.

Следующей проблемой существования микродолей в праве собственности на жилое помещение стала угроза захватов квартир. В таких ситуациях один из собственников каким-либо образом передавал свое право на долю в праве собственности на жилое помещение третьим лицам, которые создавали препятствия для пользования жилым помещением остальными собственниками и принуждали других собственников продавать принадлежащие им доли. Для уклонения от соблюдения права преимущественной покупки другими собственниками, предусмотренного ст. 250 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)³ продавец оформлял сделку путем заключения соглашения о переходе права собственности к займодавцу в счет уплаты долга по фиктивному договору займа под залог доли в праве собственности на квартиру. Еще одним способом передачи доли в праве собственности третьему лицу было заключение договора дарения части доли, а впоследствии продажа оставшейся части одаряемому уже как собственнику, что также позволяло избежать соблюдения преимущественного права покупки.

---

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (редакция от 19.12.2023), URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/acea5c086639bea3d5b43d3c6dca2d6dc7806005/?ysclid=lqdaq3i9d485122202 (дата обращения: 06.01.2024).

² Информация на сайте Прокуратуры города Москвы от 11.11.2022., URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=78135960 (дата обращения: 06.01.2024).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (редакция от 24.07.2023, с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.10.2023), URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/a4495f31ced2c9ba7baaad36968a88142d61c92b/?ysclid=lqe3sjo0se2757215 (дата обращения: 06.01.2024).

В связи с тем, что подобные сделки формально соответствовали законодательству, признать их недействительными в судебном порядке чаще всего не представлялось возможным. В пример можно привести решение Черёмушкинского районного суда г. Москвы от 25 ноября 2015 г. по делу № 2-7771/15¹. В данном деле истец заявляла требования к ответчикам о признании недействительными договора дарения и последующего договора купли-продажи доли в праве собственности на квартиру. Истец и один из ответчиков являлись собственниками долей в праве собственности на квартиру. Истцу стало известно, что между ответчиками был заключен договор дарения доли в праве собственности на квартиру, а позже – договор купли-продажи оставшейся доли в праве собственности на квартиру одного из ответчиков, являвшегося сособственником вместе с истцом. Истец посчитала, что сделка по дарению доли в праве собственности на квартиру является притворной, поскольку на самом деле была совершена одна сделка по купле-продаже доли одного из ответчиков. Одним из доводов истца, подтверждающим притворность сделки по дарению, было указание на то, что заключение в первую очередь договора дарения позволило исключить необходимость извещения других собственников о продаже доли в праве собственности на квартиру. Истец указывала, что покупатель сам в квартире не проживает и фактически только создает ей препятствия в пользовании квартирой. Суд в удовлетворении исковых требований отказал, указав, что в соответствии со ст. 209 ГК РФ собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Признаков мнимой сделки в материалах дела суд также не усмотрел. В этом деле суд указал на п. 1 ст. 250 ГК РФ из которого следует, что сособственники не могут воспользоваться преимущественным правом покупки, когда доля продается одному из них, поскольку в данном случае продавцу принадлежит право выбора того участника общей долевой собственности, которому он желает продать свою долю либо, когда она не продается, а отчуждается каким-либо иным допустимым законом способом.

Попытки разрешения проблемы существования и оборота микродолей в праве собственности на жилые помещения предпринимаются на протяжении нескольких последних лет. К примеру, 21 декабря 2017 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 346930-7², призванный урегулировать вопрос существования микродолей в праве собственности на жилые помещения. Согласно пояснительной записке, законопроект направлен на предотвращение злоупотреблений собственниками жилых помещений своими правами путем совершения сделок, в результате которых возникает общая долевая собственность на жилое помещение, при этом размер долей в праве собственности является незначительным, что затрудняет участие жилого помещения в гражданском обороте и не позволяет использовать жилое помещение для проживания в нем. Также в пояснительной записке говорилось: «...законопроектом предлагается установить общее правило о том, что доля в праве общей собственности на жилое помещение может быть образована при условии, что размер доли каждого из сособственников обеспечит ему возможность вселения в жилое помещение при соблюдении учетной нормы площади жилого помещения (ст. 50 Жилищного кодекса Российской Федерации). Это правило не будет распространяться на случаи, когда доля в праве собственности на жилое помещение возникает в результате приватизации или при наследовании жилого помещения, а также на случаи, когда право общей долевой собственности возникает в силу закона». Немаловажным является еще одно положение, в соответствии с которым законопроектом предусматривается ограничение права собственника на вселение в принадлежащее собственнику жилое помещение третьих лиц, если в результате такого вселения на каждого проживающего в таком помещении будет приходиться менее учетной нормы площади жилого помещения. В случае, если на одного человека будет приходиться менее учетной нормы, вселение будет допускаться при наличии судебного решения о признании членом семьи собственника или в случаях, если проживание лица в жилом помещении допускается в соответствии с законом. К сожалению, законопроект пока был рассмотрен только в первом чтении. Во время второго чтения появилась необходимость внесения поправок, срок представления которых был назначен на 24 апреля 2023 г. Дальнейшего рассмотрения законопроекта не последовало.

Следующей ступенью в решении проблемы микродолей в праве собственности на жилые помещения мог стать законопроект № 43326-8, внесенный в Государственную Думу 20 декабря 2021 г.³. Данным

---

¹ Решение Черёмушкинского районного суда от 25.11.2015 по делу № 2-7771/15,, URL: sudact.ru/regular/doc/OsDjHoU8IkT/ (дата обращения: 06.01.2024).

² Информация на сайте Автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности от 21.12.2017,, URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/346930-7> (дата обращения: 06.01.2024).

³ Информация на сайте Автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности от 21.12.2017,, URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42326-8> (дата обращения: 06.01.2024).

законопроектом предлагалось запретить отчуждение долей в жилых помещениях посемейного проживания третьим лицам, не являющимся собственниками такого жилого помещения. Отчуждение было бы возможно только между собственниками либо путем продажи объекта целиком с последующим разделом денежных средств пропорционально долям собственников. Законопроект был принят к первому чтению, но Государственной Думой не рассматривался. Одной из причин приостановки в продвижении этого законопроекта можно назвать неоднозначность его последующего применения в случае, если данный законопроект будет принят. Так, этим законопроектом могут ущемляться права собственников, желающих продать свою долю в праве собственности на жилое помещение, но не способных это сделать в силу отказа других собственников от выкупа доли или от совместной продажи. О решении подобных коллизий в законопроекте не говорится. Данная проблема неоднократно отмечалась в правоприменительной практике, например, в определении Верховного Суда от 8 октября 2019 г. № 74КГ19-9. В этом определении поднимался вопрос о правомерности понуждения сособственников к выкупу доли собственника, желающего продать свою долю в праве собственности: «Право выделяющегося собственника на выплату ему стоимости его доли может быть реализовано лишь при условии, что другие участники долевой собственности не возражают принять в свою собственность долю выделяющегося собственника, в противном случае искажается содержание и смысл статьи 252 Гражданского кодекса Российской Федерации, призванной обеспечить соблюдение необходимого баланса интересов всех участников долевой собственности». На основании этого можно сказать, что изменения, которые планировалось внести в ГК РФ законопроектом № 43326-8 нельзя назвать удачными.

На данный момент важнейшим этапом в разрешении проблемы микродолей в праве общей собственности на жилые помещения является вступление в силу Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 310-ФЗ). В ст. 2 этого закона содержится дополнение к ст. 30 ЖК РФ, согласно которому «собственник жилого помещения не вправе совершать действия, влекущие возникновение долей в праве собственности на это помещение, а обладатель доли в праве общей собственности на жилое помещение не вправе совершать действия, влекущие разделение этой доли в праве общей собственности, если в результате таких действий площадь жилого помещения, приходящаяся на долю каждого из сособственников и определяемая пропорционально размеру доли каждого из сособственников, составит менее шести квадратных метров общей площади жилого помещения на каждого сособственника. Сделки, заключенные с нарушением правил, предусмотренных настоящей частью, являются ничтожными. Положения настоящей части не применяются при возникновении права общей долевой собственности на жилое помещение в силу закона, в том числе в результате наследования по любому из оснований, а также в случаях приватизации жилых помещений»¹. Также в этом законе в ст. 3 предусмотрено, что указанное правило не применяется для сделок, заключаемых в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». В ст. 4 указано, что положения ст. 30 ЖК РФ в редакции Закона 310-ФЗ применяются к отношениям, возникшим после вступления в силу данного закона. Отдельно стоит отметить, что данный закон не призван полностью устранить возможность возникновения микродолей в праве собственности на жилые помещения, поскольку в упомянутой ст. 2 говорится о возможности возникновения общей долевой собственности в результате наследования или приватизации, без указания на допустимый размер возникающих долей. Не изменится также и положение собственников микродолей, даже таких, которые составляют менее 6 кв. м. жилого помещения, которые приобрели такие микродоли до 1 сентября 2022 г. Также Закон 310-ФЗ не содержит запрета на совершение сделок с уже существующими микродолями.

Неоднозначными остаются мнения по поводу возможности сделок с такими микродолями. Например, на сайте Алтайской краевой нотариальной палаты в разделе, касающемся вступления в силу Закона 310-ФЗ, содержится толкование ст. 4 данного закона, согласно которому положения статьи следует понимать буквально, следовательно, любые сделки, такие как купля-продажа или дарение могут совершаться в отношении существующих микродолей без каких-либо ограничений². Противоположным высказанному является мнение Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее –

---

¹ Федеральный закон от 14.07.2022 № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421888/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ (дата обращения: 06.01.2024).

² Информация на сайте Алтайской краевой нотариальной палаты от 06.12.2022., URL: <https://22.notariat.ru/ru-ru/news/altapress-voprosy-i-otvety-ob-ogranichenii-dlya-sdelok-s-mikrodolyami-v-nedvizhimosti-2212> (дата обращения: 06.01.2024).

Росреестра). В одном из своих новостных объявлений Росреестр указал на невозможность совершения каких-либо сделок с микродолями, составляющими в физическом выражении менее 6 кв. м.: «Теперь при рассмотрении документов в Росреестре государственный регистратор выдаст письменный отказ, если доля в праве собственности на жилье в физическом выражении составляет менее 6 кв. м. При этом даже нотариальное удостоверение договора купли-продажи не поможет, поскольку сделки, совершенные с нарушением указанного в законе минимального размера доли, являются ничтожными. Изменения не коснутся лишь наследства, использования материнского капитала или приватизации»¹. Интересной является позиция Росреестра о возможности принудительного выкупа остальными собственниками незначительных по площади микродолей. В том же объявлении Росреестр указывает на то, что Закон 310-ФЗ упростит порядок признания доли незначительной и возможность обжалования в судебном порядке остальных сособственников выплатить компенсацию собственнику такой микродоли.

На сегодняшний день проблема существования микродолей в праве собственности на жилые помещения полностью решена быть не может, поскольку тот же Закон 310-ФЗ лишь ограничивает создание новых микродолей, не распространяя свое действие на уже существующие, к тому же данный закон содержит и небольшой ряд исключений, позволяющих создавать новые микродоли. Хотя были предприняты попытки совершенствования законодательства в части возникновения, существования и оборота микродолей, принимаемые меры пока немногочисленны и противоречивы. Закон 310-ФЗ, как уже было сказано, является важным этапом в решении проблемы микродолей, но на данный момент отсутствует практика применения положений этого закона в том объеме, который необходим для дальнейшего развития способов решения тех проблем, которые могут возникать при осуществлении сделок с долями в праве собственности на жилые помещения. Данная проблема не нова и ее решение было бы невозможно принятием всего одного закона, но начало решению возникающих на практике вопросов было положено и дальнейшее развитие законодательства зависит от количества и качества той правоприменительной практики, которая будет складываться в ближайшие годы.

Жарова А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Запрет аборт и демография: почему ограничения не решают демографическую проблему

17 июля 2023 года Министр здравоохранения Российской Федерации в рамках выступления заявил о необходимости законодательного ограничения продажи препаратов для прерывания беременности. По заявлению Министра, препараты должны быть переведены на предметно-количественный учет в целях улучшения демографической ситуации на территории Российской Федерации. Дополнительно было отмечено, что существует необходимость обсуждения вопроса запрета на процедуру медикаментозного аборта в частных клиниках².

По последним официальным данным Минздрава России в 2022 году количество аборт в России снизилось на 3,9 % в сравнении с предыдущим календарным годом, тем самым составив 395 тысяч против 411 тысяч. Число аборт не по медицинским основаниям сократилось на 5,3 %, с 189 тысяч в 2021 году до 179 тысяч в 2022 году³. Основными причинами использования лекарственных средств для прерывания беременности на ранних сроках называют бедность, несовершеннолетний возраст, наличие трех или более детей, а также иные социальные мотивы⁴. Статистические данные показывают, что количество аборт в стране снижается, несмотря на отсутствие ограничений на их проведение.

---

¹ Информация на сайте Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 08.09.2022., URL: <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/rosreestr-po-moskve-ne-registriruet-doli-v-kvartire-menee-6-kvadratnykh-metrov/?ysclid=lr3bxdgst5828698159> (дата обращения: 06.01.2024).

² Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18295763> (дата обращения: 03.03.2024).

³ МИА «Россия сегодня». Число аборт в России снижается, согласно отчету Минздрава. URL: <https://ria.ru/20230507/abort-1870258118.html> (дата обращения: 03.03.2024).

⁴ Кудин С. А. О причинах прерывания беременности у женщин детородного возраста // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения. 2007. № 2. — стр. 29-30.

По данным ВЦИОМ большая часть россиян отнеслись к инициативе Минздрава России с предостережением. Так, согласно опросу, 55 % опрошенных не поддерживают предложение ограничения свободной продажи препаратов для прерывания беременности; каждый третий – поддерживает¹.

В рамках настоящей работы следует отметить, что существует идея о законодательном ограничении аборт. Так, РПЦ выдвинула инициативу о выводе аборт из системы обязательного медицинского страхования и создании специализированных учреждений по проведению процедуры прерывания беременности вне рамок системы здравоохранения².

Предлагаемые инициативы по больше части обосновываются необходимостью решения демографической проблемы и конституционными ценностями.

Однако при обсуждении данных инициатив забываются возможные негативные последствия ограничения или запрета аборт. Так, ограничение аборт имеет за собой ряд негативных последствий для здоровья женщин и их репродуктивных прав, так как материнство – это право, а не обязанность. Каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия³. Данные ограничения и запреты могут привести к увеличению числа небезопасных аборт, которые проводятся вне медицинских учреждений и могут быть смертельно опасны для жизни женщины.

В исторической ретроспективе следует отметить имевшиеся законодательные ограничения. Так в 1936 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР, установившее запрет на проведение аборт⁴. Данное решение имело широкую поддержку со стороны женщин-тружениц.

После запрета количество аборт, согласно официальной статистике, резко сократилось, а рождаемость увеличилась⁵. Однако этот эффект был временным. Факторы, препятствующие рождаемости оказались сильнее пронаталистской политики правительства. После 1937 года количество зарегистрированных аборт начало неуклонно расти⁶. Запрет привел к развитию системы нелегальных аборт, которые выполнялись не только врачами, но и людьми без медицинского образования, и самоаборт. Органы здравоохранения не были готовы к увеличению рождаемости, что привело к переполненности родильных домов и увеличению смертности среди новорожденных. В 1940 году материнская смертность в городах составила почти 4 тыс. случаев, при этом более половины смертей были связаны с нелегальными абортами.

Стало очевидно, что запрет аборт негативно влияет на демографическую ситуацию, поэтому Указом от 23 ноября 1955 г. постановление о запрещении аборт было отменено⁷.

В сравнительном аспекте следует отметить опыт Польши. В данном государстве одно из самых строгих антиабортных законодательств среди стран Европы. Закон 1993 года разрешал прервать беременность только в случае изнасилования, угрозы жизни матери или серьезных заболеваний у плода. В 2021 году Конституционный суд Польши признал неконституционным последнее из этих оснований. После данного изменения начались массовые протесты женщин, которые выступали против ужесточения закона об абортах, так как данное решение сделало аборт незаконными практически во всех случаях, включая тяжелую и необратимую инвалидность, а также опасные для жизни заболевания плода.

Все это привело к появлению так называемого «абортивного туризма», когда женщины уезжают в другую страну с целью совершения прерывания беременности там, где закон или доступ к абарту более простой, чем в их родной стране.

---

¹ Сетевое издание ВЦИОМ. Таблетки против беременности в свободной продаже: за и против. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tabletki-protiv-beremennosti-v-svobodnoi-prodazhe-za-i-protiv> (дата обращения: 03.03.2024).

² Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18360875> (дата обращения: 03.03.2024).

³ Статья 56 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб.: Летний сад, 1999. Ср. данные из другого источника: 47980 аборт за первые шесть месяцев 1936 года и 12199 аборт за последние шесть (Avdeev A., Blum A., Troitskaya I. L'avortement et la contraception en Russie et dans l'ex-URSS: histoire et présent // Dossiers et Recherches. № 41. Paris, INED: 1993: 68).

⁶ Так, 1940 году на долю аборт приходилось 10,8 % всех беременностей, причем в городах этот показатель достигал 22%.

⁷ Указ Президиума ВС СССР от 23.11.1955 «Об отмене запрещении аборт» // СПС «КонсультантПлюс».

Исторический и зарубежный опыт показывает, что независимо от того, существует ли законодательный запрет проведения аборт, женщины все равно прерывают нежелательную беременность любыми способами, будь то незаконное проведение аборта в подпольных условиях или путем проведения данной процедуры в другой стране.

Так почему же ограничение абортов не приведет к повышению рождаемости, а лишь подорвет общественное здоровье и уведет практику проведения абортов в латентную форму? Запрет на аборты или их ограничение может привести к увеличению роста подпольных абортов и самоабортов, использование народной медицины для прерывания беременности, которые могут нанести необратимый вред репродуктивной функции женщин.

Ограничение доступа к абортам может привести к краху семейных ценностей и повышению числа разводов, так как не каждая семья готова выдержать груз социальной ответственности при рождении нежеланного ребенка, что в свою очередь может привести к увеличению детей-отказников в роддомах.

Запрещая или ограничивая аборты происходит искажение статистики, так как формально число абортов по отношению к числу родов уменьшится, но нелегальные аборты будут проходить мимо статистики. Исходя из этого, на деле не будет увеличено ни число рождаемости, ни число населения.

Все это говорит о том, что данная мера не является эффективным инструментом для решения демографической проблемы, так как она не устраняет коренные причины нежелательных беременностей и не способствует улучшению общего демографического состояния.

Следует отметить альтернативные меры для повышения рождаемости. Например, важно оказывать социальную поддержку семей: предоставлять льготы для многодетных семей, реализовывать программы по увеличению размера выплат материнского капитала. Здесь же стоит отметить про развитие системы здравоохранения: обеспечить доступность и качество медицинской помощи, в том числе репродуктивной медицины и программы планирования семей.

Также нужно оказывать поддержку молодежи, так как создание условий для успешной карьеры, стабильного дохода, доступного жилья и высококачественного образования может стимулировать молодых людей к созданию семей с детьми.

Семья – это фундамент, на котором строится общество, поэтому необходимо повышать интерес людей к семейным ценностям, развивать культуру и традиции. Один из хороших примеров для повышения интереса к семье в обществе – введение нового предмета в школьной программе «Семьеведение», где подростков будут готовить к будущей семейной жизни и рождению детей, а также передача подросткам базовых знаний из области психологии и педагогики¹.

Таким образом, исторические и международные примеры показывают, что запрет абортов не способствует решению демографической проблемы. Более того, ограничения даже не решают основных проблем, которые в большей части влияют на демографическую ситуацию в стране, такие как экономическая нестабильность, высокий уровень безработицы, сложный доступ к качественной медицинской помощи и социальной поддержки для семей. Важно принимать комплексные меры, а не ограничивать репродуктивные права женщин, что может повлечь еще более серьезные проблемы в области здравоохранения и прав человека.

Кривошеева А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Правовые аспекты раздела эмбрионов между супругами

В современных реалиях особо важным направлением социальной политики Российской Федерации является увеличение рождаемости. В 2018 году принят национальный проект «Демография»², ключевые цели которого направлены на подъем демографических показателей среди населения.

В качестве одного из средств достижения целей можно выделить увеличение количества проведения процедур экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО), которые проводятся за счет базовой программы обязательного медицинского страхования. В связи с этим значительно выросло число семей,

---

¹ МИА «Россия сегодня». В российских школах может появиться обязательный предмет семьеведение. URL: <https://ria.ru/20231115/shkola-1909510558.html> (дата обращения: 03.03.2024).

² Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 296 (ред. от 11.12.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан».

воспользовавшихся процедурой ЭКО¹, что предполагает возможность заморозки оплодотворенных яйцеклеток для дальнейшего использования.

В судебной практике стали возникать споры о разделе между бывшими супругами эмбрионов в качестве совместно нажитого имущества. Актуальность данной проблемы заключается так же в том, что эмбрион нельзя считать вещью (ввиду отсутствия прямого указания на это в законе и этических соображений). Поскольку Семейный кодекс Российской Федерации содержит перечень того, что относится к общему имуществу супругов, раздел эмбриона представляется весьма затруднительным. В этом можно увидеть пробел в законодательстве.

В российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «эмбрион». Юридическая доктрина содержит разные подходы к данному вопросу, эмбрион рассматривается как субъект права, объект права или особое правовое явление².

Эмбрион нельзя рассматривать как полноценный субъект права, поскольку он не обладает правосубъектностью и даже теоретически не имеет возможность самостоятельно осуществлять свои права. Конституция Российской Федерации закрепляет, что права и свободы принадлежат каждому человеку с момента рождения, поэтому говорить об эмбрионе как о субъекте права не представляется возможным.

Отнесение эмбриона к объекту права так же является весьма спорным. Статья 128 ГК РФ не содержит указания на то, что эмбрион относится к объекту гражданского права. Эмбрион нельзя рассматривать как вещь, поскольку он не участвует в гражданском обороте. Кроме того, эмбрион потенциально обладает жизнеспособными свойствами.

Подход рассмотрения эмбриона в качестве особого правового явления исходит из того, что эмбрион рассматривается как промежуточное звено между субъектом и объектом права³.

Спор относительно дальнейшей судьбы замороженного эмбриона нередко возникает у супругов в процессе развода или фактического распада семьи. Наиболее возможные варианты развития событий в таких случаях – это столкновение между субъективным правом женщины на подсадку эмбриона и нежеланием мужчины нести обязанность по уплате алиментов.

В зарубежной практике есть несколько позиций относительно возможности разрешения подобных споров. Первая исходит из первоначального волеизъявления супругов, а именно проведение процедуры ЭКО.⁴ Такой подход, скорее всего, исходит из понимания наличия замороженного эмбриона как своеобразного «права требования». Гражданско-правовое регулирование в российском праве основывается на том, что в основе сделки лежит совпадение воли и волеизъявления субъекта. Однако применение презумпции соответствия воли и волеизъявления обоих супругов в делах о разделе эмбрионов не является полностью целесообразным, так как процедура подсадки эмбриона имеет тесную связь с межличностными отношениями.

Вторая позиция основывается на принципе достижения взаимного согласия между супругами, третья опирается на судебское усмотрение, так как исходит из необходимости уравновесить интересы сторон, четвертая позиция направлена на учет политики государства в подобных спорах⁵.

В российском законодательстве отсутствует детальная разработка алгоритма действия сторон при решении подобных споров, поэтому суды опираются на положения договоров об оказании медицинских услуг. Одно из таких дел было рассмотрено в 2015 году⁶: после расторжения брака бывший супруг обратился в суд с целью не допустить осуществление подсадки эмбрионов. Для этого он подал иск о расторжении договора с медицинской организацией. Однако согласно условиям информированного согласия, прилагаемого к договору, в случае расторжения брака судьбу эмбрионов определяет супруга. Таким образом, судом в удовлетворении иска было отказано.

Позиция суда при решении этого спора основана на принципе свободы договора. Отказ в удовлетворении иска бывшего супруга не учитывает его интересов в части нежелания иметь каких-либо отношений с бывшей супругой, в том числе алиментных обязательств.

¹ URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/01/17/1015383-v-rossii-rastet-chislo-provedennih-tsiklov-eko>.

² Белова Д. А. Правовая природа эмбриона invitro // Lex russica № 6. 2019. С. 31–32.

³ Еремеева О. И., Сайфуллина Н. А. К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека // Инновационная наука № 3. 2016. С. 40–41.

⁴ Жирикова К. А. Эмбрион человека: правовой режим или правовой статус // Семейное и жилищное право № 1. 2022. С. 3–6.

⁵ Федосеева Н. Н. Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1. С. 36–39.

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 марта 2015 г. по делу № 33-9401.

В правовой доктрине преобладает точка зрения, согласно которой подобный вариант разрешения споров об эмбрионах является наиболее правильной, поскольку в большей мере соответствует принципу гуманизма и защищает права матери¹. Но эта позиция не позволяет прийти к балансу интересов бывших супругов.

Практика Европейского Суда по правам человека исходит из другой позиции. В деле «Эванс против Соединенного Королевства»² Суд посчитал, что уничтожение замороженных эмбрионов заявительницы не является нарушением права на жизнь, поскольку момент начала жизни устанавливается каждым государством самостоятельно. Кроме того, суд признал правомерной позицию бывшего сожителя заявительницы, который произвел отказ от дальнейшего хранения замороженных эмбрионов.

С формальной точки зрения подписание информированного согласия должно являться подтверждением воли сторон. Однако такой подход полностью перекладывает ответственность за принятие решения и в конечном счете проведение процедуры на самих супругов.

Кроме того, предоставление права определять судьбу эмбриона после расторжения брака только одному из бывших супругов приравнивает эмбрион к имуществу, которое делится после расторжения брака (фактического распада семьи). Это противоречит этическим нормам и не в полной мере соответствует российскому законодательству.

В другом споре о праве распоряжаться судьбой эмбриона после прекращения фактических семейных отношений суд сослался на отсутствие зарегистрированного брака между гражданами, с которыми медицинская организация заключала договор на проведение ЭКО³. Судом не были приняты доводы представителя истца о том, что в данном случае право женщины стать матерью должно преобладать над нежеланием мужчины иметь детей, поскольку последний уже имеет ребенка. Несмотря на то что по договору об оказании услуг в случае прекращения семейных отношений распоряжаться судьбой эмбрионов будет женщина, клиника отказала в удовлетворении данного требования, поскольку для этого было обязательно наличие факта расторжения брака.

В зарубежной практике существует позиции, что эмбрионы являются людьми и обладают правосубъектностью. Верховный суд штата Алабамы вынес решение, по которому замороженные эмбрионы считаются детьми, что было связано с возможностью привлечения к ответственности за их случайное уничтожение. Таким образом, наделение эмбриона правовым статусом нацелено на регулирование поведения других лиц, способных причинить вред при криоконсервации. Данный подход направлен, в первую очередь, на защиту прав потенциальных родителей, выделение эмбриона как полноценного субъекта права само по себе представляется затруднительным.

Несмотря на преобладание частноправовых интересов в гражданском и семейном законодательстве, оставлять вопрос определения судьбы эмбрионов полностью на усмотрение бывших супругов не является целесообразным. Это не позволяет соблюсти баланс интересов всех субъектов права и зачастую противоречит публичным интересам.

Алгоритм определения судьбы замороженных эмбрионов после расторжения необходимо закрепить в правовых нормах. В отношении данного вопроса в силу специфики предмета регулирования должен преобладать императивный метод.

Современное законодательство не выработало единого подхода к пониманию того, что из себя представляет эмбрион в плоскости права.

При решении споров о судьбе эмбрионов следует исходить из необходимости учета баланса интересов обоих супругов и достижения согласия между ними. Законодательное регулирование данного вопроса необходимо, поскольку сложно соблюсти баланс интересов супругов в подобных делах.

Выработка четкого законодательного подхода к разрешению споров по поводу судьбы эмбриона приведет к стабилизации отношений по процедуре ЭКО.

---

¹ Останина Е. А. Право на свое тело: распоряжения в отношении органов, тканей, клеток и эмбрионов с позиций гражданского права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 8.С. 24–28.

² Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 10 апреля 2007 года (жалоба № 6339/05).

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 8 июля 2021 г. по делу № 33– 27798/2021.

Крикса А. К.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Семейное право, как средство демографической политики государства

В последние годы в России широко обсуждаются проблема повышения рождаемости. Темы демографии, семейной политики, семейного законодательства в этом дискурсе очень часто смешиваются, поэтому необходимо сразу разграничить данные понятия по смыслу.

Целями государственной семейной политики являются поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав членов семьи в процессе ее общественного развития¹. Таким образом, семейная политика государства имеет несколько направлений: во-первых, развитие семьи, как социального института, в соответствии с целями, которые определяет государство, во-вторых, социально-экономическая поддержка семей (которая регулируется правом социального обеспечения), в-третьих, совершенствование семейного законодательства. Стоит отметить, что в Концепции государственной семейной политики основной акцент сделан именно на социально-экономической поддержке семей, о развитии семейного законодательства не сказано почти ничего.

В науке под семейной политикой понимают деятельность государства, направленную на предоставление социальных гарантий и создание условий для выполнения семьей своих функций². Демографическая политика – это целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения³.

Для стран с низким уровнем рождаемости, со стареющим населением, к которым относится Россия, целью демографической политики, прежде всего, является повышение суммарного коэффициента рождаемости или привлечение иммигрантов. Данная политика необходима государству для того, чтобы демографическая нагрузка на трудоспособное население не становилась чрезмерной. Ведь в странах, прошедших второй демографический переход – развиваются процессы резкого снижения рождаемости, повышения возраста, в котором люди рожают и вступают в брак, роста доли незарегистрированных браков. Эти общественные изменения часто объясняются усилением идей индивидуализма, автономии личности, интеллектуальной эмансипации и самореализации, возрастанием роли женщин в обществе и обретение ими равными с мужчинами правами⁴.

Такими образом, демографическая политика Российской Федерации направлена на то, чтобы увеличить рождаемость в России, в первую очередь для того, чтобы стабилизировать демографическую нагрузку на трудовое население, которого в ближайшие годы неизбежно будет становиться все меньше.

Еще римский юрист Ульпиан ввел классическое разграничение права на публичное и частное. К публичному было отнесено то право, которое относится к пользе государства, к частному праву – то право, которое регулирует отношения отдельных лиц⁵.

Демографическая политика, безусловно, относится к публичному праву, которое направлено на достижение национальных целей. Семейная политика государства также, в большинстве своем, связана не с семейным, а с социальным законодательством, которое также является публичным. Семья выступает объектом демографической и семейной политики.

Семейное право традиционно относится к частному праву и регулирует отношения частных лиц на принципах автономии воли и равенства. Согласно ст. 2 Семейного кодекса РФ⁶ семейное законодательство регулирует следующие группы общественных отношений. Во-первых, это отношения, связанные с установлением условий и порядка вступления в брак, прекращения брака и признания его не действительным. Во-вторых, личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи. В-третьих, эти же

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года // СПС «КонсультантПлюс».

² Дармодехин С. В. Государственная семейная политика: принципы формирования и реализации // Семья в России, 1995. № 3–4. С. 5–24.

³ Демография. Электронный учебник. Калабихина И. Е., Калмыкова Н. М., Денисов Б. П., Кучмаева О. В., Нефедова Т. Г., Оксиненко В. Г., Чудиновских О. С., Эченик В. Х. 2023 г., / Экономический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова // URL: <https://books.econ.msu.ru/Demography/chap18/18.2/>.

⁴ Указ. соч. Глава 16.1.

⁵ Новицкий И. Б. Римское право : учебник / И. Б. Новицкий. М. : Зерцало-М, 2018. С. 11.

⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // КонсультантПлюс.

отношения между другими родственниками и иными лицами. В-четвертых, отношения по устройству детей, оставшихся без попечения родителей.

Вышеуказанные отношения являются по своей сути частноправовыми. Однако, в некоторых случаях в семейном праве проявляется публично-правовой элемент. Это административно-правовые отношения по осуществлению функций органами записи актов гражданского состояния (регистрация брака и расторжения брака в органах загса, регистрация рождения ребенка, регистрация перемены имени и фамилии ребенка, установление отцовства и др.) и отношения, связанные с осуществлением органами опеки и попечительства функций по выявлению, учету и устройству детей, оставшихся без попечения родителей¹.

Следовательно, государство вмешивается в семейные отношения только в исключительных ситуациях для защиты детей, а также выполняет функции регистратора.

Важно отметить, что демографическая ситуация в стране тесно связана с семейным законодательством. Проработанность институтов этой отрасли права влияет на уверенность участников общественных отношений в своей правовой защищенности. Институт брака, институт совместной собственности супругов, институт алиментных обязательств оказывают влияние на вышеуказанное чувство защищенности. Чем уверенней женщина том, что в случае рождения ребенка вне брака или в случае развода отец будет выплачивать алименты на ребенка, тем с большей вероятностью, она принимает решение о рождении этого ребенка. Однако можно ли исходя из этого сделать вывод, что институты брака, совместной собственности, алиментных обязательств – это институты демографической политики?

Для того чтобы ответить на этот вопрос нужно вообразить следующий мысленный эксперимент. Предположим, что институт алиментных обязательств исключен из Семейного кодекса и этот факт приводит не к уменьшению рождаемости, а к тому, что многие мужчины, не опасаясь возможного взыскания алиментов в будущем, с большей вероятностью выступают за рождение ребенка, а также с большей вероятностью уклоняются от воспитания и содержания своих детей. Предположим, что вышеуказанный эксперимент привел к повышению рождаемости. Однако немногие придут к выводу, что эта мера – успех демографической политики, потому что семейное право – это частное право.

Все институты семейного права должны строиться исходя из принципов справедливого баланса интереса между этими частными субъектами. Государственные, публичные цели не должны вмешиваться в частное право, не должны формировать институты семейного права. Даже если некоторое изменения семейного законодательства могут оказать положительное влияние на демографию, при принятии решения об изменении законодательства, в первую очередь, в расчет должен браться справедливый баланс между частными лицами.

Так, например, в цивилистической науке часто возникает вопрос о придании юридического статуса фактическим брачным отношениям². Возможно, придание легального статуса таким отношениям в какой-то мере позитивно скажется на демографии, а, возможно, и наоборот – негативно. Однако, как уже было сказано, при решении этого частноправового вопроса необходимо оценивать аргументы, лежащие в частноправовой сфере, например, возможность применяя института совместной собственности, или проблемы в области наследования. Именно частноправовая дискуссия должна двигать семейное право вперед.

В июне 1917 г. великий дореволюционный цивилист И.А. Покровский издал книгу «Основные проблемы гражданского права». Рассуждая о частном и публичном праве, он написал следующее: «Даже область семейственных отношений мы можем представить себе организованной по началам публичного права. Вообразим, что какое-нибудь государство, задавшись целью количественного улучшения прироста населения, пришло к мысли организовать и эту область отношений по принципу государственной повинности: все мужчины, находящиеся в известном возрасте и обладающие нормальным здоровьем должны вступать в брак и притом с женщинами, указанными им соответствующей властью. Пусть подобный порядок вещей кажется нам полной нелепостью и недопустимым посягательством на самые интимные стороны человеческой личности, – но он все же мыслим»³, а через 4 месяца после издания книги произошла Октябрьская

¹ Семейное право : учебник для бакалавров / отв. ред. С. О. Лозовская. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2018. С. 10.

² Альбикив И. Р. Защита прав и интересов лиц, состоящих в фактических супружеских отношениях: проблемы и правовые особенности их разрешения // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 14–15.

Чигрина Е. В. О проблемах правового регулирования фактических брачных отношений // Известия БГУ. 2015. № 6.

³ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. 8-е изд. М. : Статут, 2020. (Классика российской цивилистики) – 351 с.

революция. В 1941 году в СССР был введен «налог на бездетность»¹, который был отменен только в 1992 г. Указанный налог был непосильным для многих граждан, например, в 1949 году налог для сельского населения составлял для не имеющих детей – 150 рублей в год, имеющих одного ребенка – 50 рублей, двух детей – 25 рублей в год².

Думаем, для большинства людей подобная экспансия публичных норм в абсолютно частные по своей сути, семейные вопросы, кажется недопустимой, и именно поэтому семейное право должно оставаться сферой частноправового регулирования. Государство, безусловно, может и должно заботиться о национальной демографии. Многие государственные меры в этой области являются очень успешными, например, по оценкам демографов³ программа материнского капитала дала 0,15 рождений в расчете на одну женщину условного поколения, что является очень хорошим показателем эффективности. Государство и дальше должно развивать систему позитивных демографических стимулов. Однако эти демографические стимулы должны оставаться в публичном праве и не должны детерминировать семейное законодательство.

Сергеева К. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Суррогатное материнство как способ реализации демографической политики

В настоящее время демографическая ситуация в Российской Федерации составляет одну из ключевых национальных проблем. По данным Федеральной службы государственной статистики, численность населения России к 1 января 2023 года составила 146,45 млн человек, и с каждым годом этот показатель будет снижаться – это связывают с демографическим кризисом в конце 90-х годов, что, однако, является не единственной причиной негативной демографической перспективы. Снижение рождаемости и увеличение смертности, ухудшение состояния здоровья населения – все это в значительной степени влияет на демографическую ситуацию в России⁴.

Как уже было отмечено, проблемы со здоровьем населения являются одной из причин снижения рождаемости, что приводит к ухудшению демографической ситуации. Для решения этого вопроса некоторые граждане обращаются к суррогатному материнству, которое с каждым годом приобретает все большую популярность, несмотря на весьма неоднозначное отношение общества к нему.

Каждая страна по-разному относится к институту суррогатного материнства. Связано это и с отношением общества к данному институту: противники считают, что оно превращает детей в подобие товара, а наем женщин для вынашивания чужого потомства – разновидность эксплуатации; сторонники полагают, что для пары, бездетной из-за неспособности женщины зачать или выносить плод, это единственный способ получить генетически «своего» ребенка, следовательно, это не коммерциализация деторождения, а гуманный человеческий акт, приносящий суррогатной матери материальную компенсацию и моральное удовлетворение от приносимой ею пользы⁵. В некоторых странах оно полностью запрещено (Китай, Франция, Германия), где-то оно разрешено исключительно в некоммерческих целях (Великобритания, Канада), а где-то активно развивается и поддерживается государством. К таким странам относят Колумбию, Белоруссию, и, конечно, Россию. Именно поэтому для нас особенно важно рассмотреть, каким образом государство и медицинские организации способствуют совершенствованию данного процесса.

В медицине суррогатное материнство относят к вспомогательным репродуктивным технологиям, что под собой подразумевает процедуры, включающие в себя манипуляции *in vitro* с человеческими репродуктивными клетками с целью добиться наступления беременности⁶. При этом перенос эмбрионов, полученных после оплодотворения *in vitro*, осуществляется не генетической матери, а третьему лицу женского пола, которое в медицинской практике называется гестационным курьером, или проще говоря суррогатной

---

¹ Указ Президиума ВС СССР от 21.11.1941 о налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР // Ведомости Верховного Совета СССР 1941 г. № 42.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1949. № 12; ГАПК. Ф. 181. Оп. 14. Д. 448. Л. 2.

³ Слонимчик Фабиан, Юрко Анна Вячеславовна Оценка влияния политики материнского капитала в России // Демографическое обозрение. 2015. № 3.

⁴ Сапунов А. В., Сапунова Т. А., Багян Г. А. «Анализ актуальной демографической ситуации в Российской Федерации», Естественно-научные исследования-№ 33 (1), Москва, 2021, стр. 188.

⁵ Русанова Н. Е. «Суррогатное материнство в современной демографии». Народонаселение-№ 1, Москва, 2009, стр. 41.

⁶ Пересмотренный ИКМАРТ и ВОЗ словарь терминов ВРТ, 2009, стр. 1.

матерью. Законодательное закрепление суррогатное материнство находит в п. 9 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: это вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору о суррогатном материнстве, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям и которые состоят в браке между собой (генетическая мать и генетический отец), либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям (генетическая мать).

В настоящее время суррогатное материнство регулируется путем законодательных актов. Так, наиболее полное представление о суррогатном материнстве представлено в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором помимо понятийного аппарата представлены требования к участникам правоотношений, а также некоторые их права. В Семейном кодексе Российской Федерации указаны нормы о записи родителей в книге записей рождений и оспаривании отцовства и материнства. Немаловажным в данной сфере является Приказ Минздрава от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению», который в свою очередь регулирует медицинский аспект суррогатного материнства, устанавливая противопоказания к проведению процедуры. Последним нормативным правовым актом, регламентирующим данную область права, является Федеральный закон «Об актах гражданского состояния», в котором указана норма о получении согласия суррогатной матери на запись доноров клеток в качестве родителей.

Существует мнение, что программы суррогатного материнства могут способствовать улучшению демографической ситуации в России: чем большее число граждан, имеющих проблемы со здоровьем, обратятся за подобными услугами, тем больше вероятность того, что процент рождаемости в нашей стране будет выше. Однако, статистика показывает совершенно иную ситуацию.

Несмотря на то что в России на протяжении долгого времени развиваются вспомогательные репродуктивные технологии, некоторые внешние факторы повлияли на их распространение за последние несколько лет, а именно коронавирусная пандемия и санкционные меры других стран. Так, в связи с неблагоприятной пандемийной обстановкой число детей, рожденных с помощью услуг суррогатного материнства упал в три раза: с 213 детей в 2020 году до 81 ребенка в 2021. Особое значение имеет медицинское оборудование, которое преимущественно приобреталось в зарубежных государствах- по этой причине некоторые российские граждане предпочитают обращаться к услугам суррогатных матерей за границей, опасаясь за то, что в Российской Федерации данная процедура будет проведена ненадлежащим образом. Импортзамещение оборудования и необходимых лекарственных средств не всегда является возможным, а уровень производства качественного и модернизированного оснащения в России пока не вышел на уровень массового обеспечения. Стоит отметить и другие факторы снижения спроса, такие как повышение стоимости оказания услуги. В настоящее время данный вид вспомогательной репродуктивной технологии становится все дороже, а платежеспособность потенциальных клиентов становится все ниже, что также влияет на востребованность суррогатного материнства в нашей стране.

Несомненно, учитывая вышеуказанные тезисы, именно государство должно инициировать действия по решению данных вопросов с целью формирования стабильного спроса на проведение услуг по суррогатному материнству. Для решения вышеуказанных вопросов в рамках национального проекта «Демография» создан ряд мер, направленных на улучшение демографической ситуации и поддержку населения в этой области. Однако, стоит отметить, что поддержка на законодательном уровне касается только проведения экстракорпорального оплодотворения, которое, как и суррогатное материнство, является видом вспомогательной репродуктивной технологии, но имеет ряд характерных отличий (например, медицинские показания и способ оплодотворения). Среди мер поддержки ЭКО-возможность проведения процедуры по полису обязательного медицинского страхования. Результаты данной государственной поддержки ежегодно отражаются в Письмах Федерального фонда обязательного медицинского страхования и Минздрава России о выполнении циклов ЭКО за определенный период¹.

Таким образом, можно прийти к следующему выводу: хотя и суррогатное материнство не влияет в значительной степени на демографическую ситуацию в России исходя из статистических данных, тем не менее данный институт имеет немаловажное значение для формирования семьи как полностью сформированной ячейки общества (ведь зачастую именно услуги по суррогатному материнству являются

---

¹ Паспорт федерального проекта «Демография» в области финансовой поддержки семей при рождении детей.

единственным выходом для рождения ребенка при определенных заболеваниях и патологиях). В нашем государстве существуют условия не только для поддержания высокого уровня проведения данных процедур, но и для его последовательного развития как с технологической точки зрения, так и с точки зрения правовой регламентации. В связи с тем, что в настоящее время на государственном уровне поддерживается экстракорпоральное оплодотворение, остается надеяться, что опираясь на этот опыт, суррогатное материнство как вид вспомогательной репродуктивной технологии также получит свое признание в будущем.

Щепина Д. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Правовые аспекты регулирования репродуктивных прав человека

Последние десять лет демографическая ситуация в Российской Федерации претерпевает кризис, который характеризуется сокращением численности населения. Если проанализировать статистику за десятилетия прошлого века, то можно прийти к выводу, что пик рождаемости наблюдался в 1960 г. и составил 2,78 млн человек. После этого показатель постепенно падал. В 70-е гг. показатель составил 1,9 млн, в 80-е гг. отличились подъемом в 2,2 млн человек. Однако, в 90-е гг. показатель уже не достигал отметки 2 млн человек, а колебался от 1,3 млн до 1,94 млн. Последующие годы, исходя из статистических данных, характеризовались уменьшением такого показателя, как рождаемость¹.

Среди причин данного явления современные исследователи называют: большое число аборт, низкий уровень дохода, неудовлетворенность населения жилищными условиями, малодетная структура современной семьи, а также увеличение возраста женщины на момент рождения первого ребенка и т.д.

В связи с вышеназванными факторами правоведы обращают внимание о возможности формирования четвертого поколения прав человека, связанных с репродуктивным здоровьем населения.

Ключевым аспектом репродуктивного поведения является потребность в детях². Анализ правовых позиций исследователей в данной сфере позволяет сделать вывод о том, что под «репродуктивные права» человека состоят из нескольких аспектов. Во-первых, это права граждан на охрану их репродуктивного здоровья, во-вторых, это свободное принятие решений в отношении рождения или отказа от рождения ребенка, и в-третьих, право на получение квалифицированной медицинской и психологической помощи в данной сфере.

Отечественная юридическая наука еще не сформулировала единое понимание репродуктивных прав. До настоящего времени между учеными ведутся споры по поводу места репродуктивных прав человека в общей классификации прав. Так, одна группа исследователей-юристов утверждает, что данная категория не является самостоятельной и не следует рассматривать отдельно от субъективных прав человека; категория «репродуктивные права мужчин и женщин» носит относительный характер и не может быть использована в юриспруденции³.

Другая группа исследователей определяет репродуктивные права самостоятельными правами. В обосновании своей позиции они ссылаются на то, что данная категория прав признана международным сообществом и закреплена в международных правовых актах⁴. Ученые-юристы данной группы придерживаются точки зрения об имплементации международных норм о репродуктивных правах мужчин и женщин в законодательство Российской Федерации.

Так, например, международный подход к репродуктивным правам изложен во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.⁵, где впервые право человека на жизнь получило юридическое закрепление, Воззвании

---

¹ Показатели рождаемости. Статистика Российской Федерации. URL: <https://rosinfostat.ru/rozhdmost/html> (дата обращения: 18.02.2024).

² Литовка В. А. Теоретические основы анализа репродуктивного поведения // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 288.

³ Спирина А. Б. Актуальные вопросы правового регулирования отношений по применению вспомогательных репродуктивных технологий / А. Б. Спирина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 2091–2095. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53421.htm> (дата обращения: 18.02.2024).

⁴ Хазова О. А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования / О. А. Хазова // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 4. С. 16–18.

⁵ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Библиотечка Российской газеты. 1999 г. Вып. № 22 – 23.

Тегеранской конференции по правам человека, принятом 13 мая 1968 г.¹, где в пункте 16 было провозглашено право родителей правом свободно и с чувством ответственности определять число детей и сроки их рождения. Также большую роль в развитии прав репродуктивных прав сыграла Международная конференции по народонаселению и развитию, состоявшаяся в Каире в 1994 г., так как международным сообществом официально были признаны репродуктивные права человека и др.

Третья группа юристов свою точку зрения обосновывают тем, что юридическая природа репродуктивных берет начало в конституционных правах человека и гражданина. Поэтому, основываясь на вышесказанном, данная группа исследователей считает необходимым выделение категории репродуктивных прав как мужчин, так и женщин в отечественной юридической науке и законодательстве².

Стоит отметить, что обособленная группа ученых полагает, что данная категория прав не может рассматриваться под призмой традиционной классификации прав и свобод в связи со своей спецификой. Поэтому, так как репродуктивные права имеют прямо отношение к репродуктивному здоровью нации, то должны рассматриваться как четвертое поколение прав человека³.

Так, например, российский ученый-правовед, специалист в области прав человека, Г. Б. Романовский утверждает, что репродуктивные права находятся в тесной связке с правом на жизнь и поэтому, по его мнению, ошибкой будет рассмотрение репродуктивных правах человека как самостоятельных субъективных прав. Данный специалист утверждает, что «репродуктивные права» нельзя рассматривать в качестве полностью сформировавшейся научной категории, являющейся элементом субъективных прав, в связи с тем, что «репродуктивные права» являются относительными и, естественно, не являются основными правами человека. Однако, безусловно, то или иное воздействие на репродуктивные процессы затрагивает личные права граждан⁴.

Несмотря на то что Е. В. Перевозчикова и О. А. Хазова полярно определяют место репродуктивных прав, но имеют сходное представление об исследуемой категории. Так, Е. В. Перевозчикова рассматривает репродуктивные права через призму прав на продолжение рода, то есть несколько этапов, включающие в себя: принятие решения о зачатии ребенка, планирование количества детей, определение интервалов между их рождением⁵. В свою очередь, О. А. Хазова, в продолжении данной концепции определяет репродуктивные права как право всех граждан свободно и самостоятельно решать вопросы, связанные с деторождением, иметь доступ к необходимой для этого информации и медицинской помощи⁶.

К сожалению, отечественное законодательство не содержит ни дефиниции «репродуктивных прав», ни гарантий по реализации прав граждан в сфере репродукции как деятельности, в том числе и репродуктивного здоровья, не определена ответственность за нарушение прав в данной сфере. Однако, некоторые нормативные правовые акты все же хоть не прямо, но упоминают репродуктивные права или же так или иначе связаны с ними.

Например, в ст. 19 Конституции Российской Федерации речь идет о гарантии со стороны государства равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола: мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации⁷. В Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» установлена ответственность государства за сохранение и

¹ Воззвание Тегеранской конференции: принято 13 мая 1968 г. на междунар. конф. по правам человека в Тегеране // Организация Объединенных Наций // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_57.shtml (дата обращения: 18.02.2024).

² Герасименко Н. С. Институт репродуктивных прав человека в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. наук : 12.00.02 — конституционное право, муниципальное право. ФГАО ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2021. С. 30–40.

³ Перевозчикова Е. В. Сущность репродуктивных прав человека / Е. В. Перевозчикова // Сб. научных докладов и сообщений. Владимир : изд. Маркат, 2003. С. 75–78.

⁴ Романовский Г. Б. Теоретические проблемы права человека на жизнь: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Пенза, 2006. С. 11.

⁵ Перевозчикова Е. В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань : Казанский гос. ун-т имени В.И. Ульянова-Ленина, 2006. С. 9–10.

⁶ Хазова О. А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // Конституц. право: восточноевроп. обозрение. 2000. № 4. С. 16.

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

укрепление здоровья граждан России, регламентированы права беременных женщин¹ и матерей, право на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона². В Трудовом кодексе Российской Федерации регламентирован отпуск по беременности, родам, по уходу за ребенком, право на неполное рабочее время при наличии ребенка, о переводе на другую работу беременных женщин и женщин, имеющих детей до полутора лет, отпуска работникам, усыновившим ребенка, а также установлены перерывы для кормления ребенка³.

Анализ законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время регламентирован лишь порядок использования программ вспомогательных репродуктивных технологий. Например, вышеназванный Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» содержит соответствующие нормы, Указ Президента Российской Федерации от 9 декабря 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» одной из задач по укреплению репродуктивного здоровья населения называет обеспечение доступности и повышения качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья, в том числе с применением вспомогательных репродуктивных технологий⁴.

Как справедливо было отмечено Е.И. Козловой и О.Е. Кутафиным, что только жизненная важность и социальная значимость как для конкретного человека, так и для всего общества и государства являются решающим критерием отнесения прав и свобод человека к требующим закрепления в Основном законе страны⁵.

Таким образом, отечественный законодатель при регламентации вопросов, связанных с воспроизводством населения, подавления демографического спада, использования различных методов вспомогательных репродуктивных технологий, в своей правотворческой деятельности уделяет внимание определенной области здравоохранения, а не репродуктивным правам человека. Поэтому, охрана и защита репродуктивных прав конституционно-правовыми методами необходима и представляет особый интерес в научных кругах.

---

¹ Горская Е. Ю. Правовой статус беременной женщины: межотраслевой аспект // Lex russica. 2023. № 1 (194). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-beremennoy-zhenschiny-mezhotraslevoy-aspekt> (дата обращения: 21.02.2024).

² Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учеб. 2-е изд. М. : Юристъ, 2009.С. 179.

Круглый стол «Обеспечение интересов семьи в нотариальной практике»

Абдулаева Т. И.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

Основные вопросы обеспечения интересов семьи в нотариальной практике

Интересы и обязанности каждого члена семьи тесно переплетаются со структурой взаимосвязей с правами, свободами и интересами остальных членов семьи, а также любых других граждан, имеющих отношение к семейным делам¹. Права в поле семьи базируются на близких личных взаимоотношениях, которые могут носить как положительный, то есть доверительный характер, так и отрицательный, неуважительный. Каждый гражданин может рассчитывать на правовое обеспечение свободы выбора в сфере семейных интересов, однако свобода эта ограничивается соблюдением прав и интересов других членов семьи. Современное семейное законодательство развивается в тенденциях научного осмысления моральных и духовных основ семьи, а также с учетом нравственного происхождения любых семейных отношений, что является основополагающим отличием отрасли семейного права от других сфер юриспруденции.

Особенности правовой защиты семейных интересов проистекают из двойственного понимания семьи как обособленного института социума. С одной стороны, социологически семью можно трактовать как добровольный союз на основе родства, брака, принятия на воспитание и др., который отличается общностью интересов, взаимным уважением и заботой друг о друге. С другой стороны, юридически семья представляет собой группу лиц, обладающую правами и обязанностями по отношению друг к другу, так же обусловленными родством или браком. Таким образом, семейное право охватывает обширную сферу взаимоотношений между людьми, связь которых в рамках одной семьи регламентируется не только нравственными и моральными ориентирами, но и юридически закрепленными нормами ответственности за соблюдение прав свобод и интересов друг друга².

Современная нотариальная практика обеспечения интересов семьи испытывает на себе влияние текущей социально-экономической ситуации: развиваются новые виды имущественных отношений, меняется вектор соблюдения/злоупотребления интересами членов семьи, растет число запросов на обеспечение правовой защиты от действий третьих лиц, расширяется сфера взаимосвязей правового регулирования и прямой либо косвенной защиты прав и интересов членов семьи.

Правовое регулирование семейных взаимоотношений является наиболее важным и основополагающим гарантом защиты интересов семьи в целом и отдельных ее членов. Семейное право направлено на охрану отношений между членами семьи и защиту от противоречащих интересам семьи ситуаций. Нотариат здесь выступает стороной, законодательно призванной обеспечить соблюдение прав, обязанностей и договоренностей членов семьи, начиная от деятельности по разъяснению различных правовых аспектов и вплоть до документального заверения юридических и частных процессов взаимоотношений между членами семьи³.

Особенности нотариальной практики в защите интересов семьи обусловлены сложностью конструкта семьи как части социально-общественной жизни (как «ячейки общества»): сложная и тесная взаимосвязь правоотношений с моральными семейными установками и личными интересами членов семьи ставит закон перед необходимостью учета конкретности частных нравственных устоев семьи. При этом государство, как основной гарант правовой защиты, определяет для себя возможности лишь защиты уже нарушенных прав или интересов кого-либо из членов семьи. Нотариальная же практика способна охватить ту часть семейно-правовых взаимоотношений, которая не связана с конкретным нарушением свободы выбора члена семьи, —

---

¹ Подробно об интересах семьи см. Елисеева А. А. Интересы российской семьи: правовые подходы к пониманию // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 6. С. 17–21.

² Кудрявцева Л. В. Актуальные проблемы семейного права : учеб. пособие / Л. В. Кудрявцева, С. А. Куемжиева, Л. В. Масленникова. Краснодар : КубГАУ, 2020. 101 с.

³ Волкова В. А. Защита прав слабой стороны семейных правоотношений // Актуальные проблемы семейного и гражданского права. Сборник научных работ студентов магистратуры. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2019. С. 12–17.

сюда относятся различные варианты регулирования частных семейных взаимоотношений в формате соглашений, договоров, распоряжений, удостоверений и др.¹

Растущая доля применения в семейной сфере различных форм гражданско-правовых договоров и сделок диктует необходимость повышенных гарантий обеспечения интересов членов семьи, в том числе несовершеннолетних. Нотариат призван обеспечить весь функционал соглашений в рамках семьи, включая подробное информирование о последствиях принимаемых юридических решений и вариантах развития семейных отношений².

Наиболее частым запросом нотариусу в сфере семейного права остается удостоверение договоренностей по имущественным и неимущественным правам членов семьи. В первую очередь, это связано с обеспечением защиты интересов наиболее уязвимых членов семьи – несовершеннолетних детей. Нотариальное заверение сделок и соглашений между членами семьи призвано учесть интересы каждого из них на договорной основе, по рассмотрению возможных компромиссов, и заключается исключительно добровольным характером сторон.

Среди проблемных мест нотариального обеспечения защиты интересов семьи можно выделить следующие основные сферы, связанные с нотариальным удостоверением:

– Брачного договора, который может быть заключен как до гражданской регистрации брака, так и после, и может включать правовые аспекты, не ограничивающие права и свободы каждого супруга на выбор супругов³;

– Соглашения о разделе общего имущества, которое в случае заключения до начала бракоразводного процесса значительно упрощает его процесс и позволяет оптимально сохранить имущественные интересы ребенка/детей;

– Алиментного соглашения, заключаемого с обязательным присутствием обеих сторон и в случае изменения/расторжения также требует присутствия обеих сторон и нотариального заверения старых и новых обязательств⁴;

– Соглашения на совершение сделок с имуществом (приобретение или продажа), которое является совместно нажитым либо которое таковым становится⁵;

– Защиты неимущественного права супругов и детей в виде согласия на выезд за границу, которое требует нотариального удостоверения для прохождения пограничного контроля⁶;

– Одной из новелл гражданского законодательства является нотариально заверенное совместного завещания супругов, охватывающего различные аспекты наследования и распоряжения имуществом⁷.

В целом, нотариальная практика обеспечения интересов семьи не исчерпывается перечисленными сферами, однако выделенные проблемные места являются наиболее важными в соблюдении интересов каждого члена семьи. Нотариат служит удостоверению заключенных в семье соглашений, неся при этом ответственность как материальную, так и репутационную, что позволяет свести к возможному минимуму мошеннических действий в семье. Добросовестность работы нотариуса гарантирует ему взаимное согласие членов семьи в распределении их интересов, и возникающие проблемы в защите интересов кого-либо зачастую оказываются связаны с недостаточностью имеющегося законодательства в том или ином аспекте семейного права.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что нотариус в разрезе семейных правоотношений имеет немаловажные функции такие как право разъяснительные, охранительные и правоустанавливающие.

Посредством осуществления данных полномочий нотариус выступает правовым арбитром, который в рамках регулирования данных отношений является гарантом защиты прав и свобод каждого члена семьи.

---

¹ Саенко Л. В. Особенности регулирования семейных правоотношений в нотариальной практике / Л. В. Саенко, Г. Фадеева // Бизнес. Образование. Право. 2013. № 1 (22). С. 269–272.

² О роли нотариата в сфере обеспечения защиты семейных права и интересов см. Елисеева А. А. Роль современного нотариата в обеспечении реализации государственной семейной политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2019. № 3. С. 42–50.

³ Солоненко Н. С. Частные и публичные интересы в семейном праве // Вестник науки. 2023. № 10 (67). С. 315–321.

⁴ Ведерникова И. И. Общая характеристика нотариальной деятельности в правовом регулировании брачно-семейных отношений // Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник научных статей по материалам XXI международной научно-практической конференции. Киров, 2022. С. 28–37.

⁵ Дудкина И. А. Роль и значение участия нотариуса в оформлении имущественных прав субъектов гражданско-правовых отношений // Вестник магистратуры. 2023. № 1-1 (136). – С. 131–133.

⁶ Войтович Е. П. Семейные соглашения в международном частном праве // Lex russica. 2022. № 5 (186). С. 45–52.

⁷ Рузакова О. А. Новеллы российского законодательства о защите семейных прав // Lex russica. 2022. № 8 (189). С. 139–147.

Василевская В. В.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Магистрант

Обязательное нотариальное удостоверение договора суррогатного материнства как гарантия обеспечения частных (семейных) интересов

Суррогатное материнство – один из самых противоречивых институтов в современном обществе. С одной стороны, это возможность для бездетных пар обрести счастье родительства, с другой – это сложный комплекс этических, моральных и правовых вопросов.

Правоотношения между суррогатной матерью и генетическими родителями ребенка имеют договорную природу. Однако правовая квалификация данного договора остается неопределенной в настоящее время, что приводит к непрекращающимся дискуссиям в научном сообществе о правовой природе и форме данного договора.

При рассмотрении договора суррогатного материнства как договора возмездного оказания услуг ученые отмечают их бесспорное сходство. Одной из определяющих характеристик является возмездность договора. Безвозмездность такого договора – это скорее редкость¹.

Противоположной является точка зрения о договоре суррогатного материнства как особой договорной конструкции в семейном праве. Аргументация заключается в невозможности применения гражданско-правовых норм к данному договору, поскольку он имеет определенную специфику.

Особый объект договора суррогатного материнства, а также особый характер личных неимущественных отношений между женщиной, родившей и выносившей ребенка, и супругами, являющимися сторонами договора, противоречат квалификации договора суррогатного материнства как возмездного оказания услуг².

Другие ученые определяют данный договор как смешанный и рассматривают его в качестве непоименованного договора³. Так, С.Ю. Чашкова считает, что регулирование договора должно осуществляться общими положениями об обязательствах и договорах, а также нормами об односторонне обязывающих обязательствах по аналогии в необходимых случаях⁴. Это объясняется тем, что у суррогатной матери преобладает имущественный интерес в получении содержания и выплат, а у потенциальных родителей – неимущественный интерес в отношении получения родительских прав.

Точка зрения о договоре суррогатного материнства как о самостоятельном договоре предлагает в качестве решения межотраслевое регулирование нормами семейного и гражданского права⁵.

Мы делаем вывод, что полное регулирование договора суррогатного материнства возможно лишь при учете всех его особенностей и выделении его в качестве самостоятельного вида договора.

Возможно восполнить действующие пробелы в законодательстве путем особого регулирования, не делая выбор только в пользу семейно-правовых или гражданско-правовых норм. Это обуславливается особым объектом договора и влиянием биоэтики.

Основываясь на комплексном использовании норм гражданского и семейного права, является целесообразным закрепить форму договора суррогатного материнства.

По нашему мнению, обязательная нотариальная форма является единственно верным решением. Это обуславливается важностью и сложностью данных общественных отношений, а также необходимостью создания повышенной ответственности за несоблюдение условий и формы договора.

Нотариус, обладающий особым статусом согласно российскому законодательству, будет выступать в качестве удостоверяющего субъекта. Он, в первую очередь, будет выступать гарантом обеспечения частных интересов. В случае возникновения спора между сторонами при заключении и формировании положений договора нотариус будет выступать как некий «медиатор», способный разрешить конфликты сторон

---

¹ Митрякова Е. С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. С. Митрякова. Тюмень, 2006. 175 с.

² Лебедева О. Ю. Некоторые проблемы правового регулирования вспомогательной репродукции в свете нового Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» / О. Ю. Лебедева // Медицинское право. 2012. № 2. С. 16–20.

³ Брагинский М. И. Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. М. : Статут, 2007.

⁴ Чашкова С. Ю. Свобода формирования условий договора о суррогатном материнстве как нетипичной договорной конструкции / С. Ю. Чашкова // .

Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. №2. С. 58–64.

⁵ Пестрикова А. А. Проблемы договора о суррогатном материнстве // Гражданское право. 2006. № 2. С. 15.

касательно содержания договора и помочь в его составлении, основываясь на обширных знаниях в нескольких отраслях права.

Необходимо урегулировать ответственность сторон по договору. Например, суррогатная мать отказывается от записи в качестве отца и матери родителей-заказчиков. В таком случае она должна будет выплатить денежное возмещение, поскольку целью договора для суррогатной матери является имущественная выгода, а для генетических родителей – отцовство и материнство. По нашему мнению, в таком случае будет действовать принцип справедливости в отношении обеих сторон.

Обязательная нотариальная форма также позволит решить приведенную выше ситуацию. Так нотариально удостоверенный договор суррогатного материнства, составленный в соответствии с требованиями законодательства, будет подразумевать добровольное согласие суррогатной матери на запись в качестве родителей заказчиков и обязанность передать им ребенка.

Ребенок, выступая в качестве объекта договора, находится в уязвимом положении с точки зрения законодательства. В российской судебной практике известны случаи квалификации действий сторон по договору как уголовного преступления¹.

Так суррогатное материнство в российской и мировой практике рассматривается в качестве торговли людьми, если договор возмездный и присутствует биологическая связь между суррогатной матерью и ребенком². То есть суррогатная мать не должна состоять ни в каком родстве с заказчиками. В противном случае, у суррогатной матери будет присутствовать генетический материал, который при возникновении спора будет иметь определяющее значение. Она будет рассматриваться в качестве генетической (родной) матери, и при передаче ребенка родителям-заказчикам ее действия будут образовать состав преступления, предусмотренный уголовным законодательством. Мы предлагаем запретить родственникам потенциальных родителей выступать в качестве суррогатной матери на законодательном уровне, а нотариальная форма обеспечит законность участия всех субъектов в договоре посредством удостоверения нотариусом их личностей и проверки на наличие родства.

С точки зрения биоэтики невозможен возмездный договор суррогатного материнства. С этической стороны он является аморальным и преследует коммерческую выгоду. Кроме того, ребенку присваиваются признаки товара и потребительские свойства. При этом с точки зрения медицины – это эффективный способ борьбы с бесплодием, который набирает все большую популярность и дает возможность семейным парам обрести и реализовать их родительские права и обязанности.

По нашему мнению, возможен как возмездный, так и безвозмездный договор суррогатного материнства. Поскольку наличие вознаграждения и выплат компенсирует суррогатной матери ее затраты по договору на медицинские обследования, а также гарантирует качественное исполнение по договору потенциальным родителям. При безвозмездном договоре суррогатная мать удовлетворяет свой моральный и нравственный интерес в помощи нуждающимся бесплодным парам.

Таким образом, договор суррогатного материнства – это самостоятельный вид договора, которому необходимо особое регулирование, включающее нормы гражданского, семейного и медицинского права. При этом предполагается как возмездность, так и безвозмездность данного договора. А для исключения случаев неурегулированности договора сторонами и заблуждения относительно положений договора предлагаем закрепить в Семейном кодексе главу «Договор суррогатного материнства», определив существенные условия, содержание договора и установить обязательную нотариальную форму. Она позволит гарантировать защиту прав потенциальных родителей, суррогатной матери и рожденного ребенка.

---

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Чеченской Республики от 07.10.2019 № 22К-398/2019 по делу № 22К-398/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jZRJYgrUEZr> (дата обращения: 16.02.2024).

² См.: Совместное совпадающее мнение судей Винсента А. Де Газтано, Паулу Пинту Де Альбукерке, Кшиштофа Войтычека и Дмитрия Дедова по Делу «Парадизо и Кампанелли против Италии» (жалоба № 25358/12) // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=506071#y7ppuxSXjKksKm0H> (дата обращения: 16.02.2024).

Горбатовская Ю. А.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

**Соглашение об использовании технологий искусственной репродукции человека
(суррогатном материнстве) для обеспечения интересов участников соглашения
и рожденного ребенка: вопросы нотариальной практики**

В настоящее время одним из возможных способов регулирования отношений между членами семьи является договор. На протяжении довольно длительного времени он не применялся в регулировании семейных отношений, но в связи с современными тенденциями развития, в российском законодательстве сложилась определенная система договоров, регулирующих семейные отношения: брачный договор, соглашение об уплате алиментов, соглашение о разделе имущества, договор суррогатного материнства и другие. Это привело к необходимости обеспечения защиты прав и интересов членов семьи, заключающих данные соглашения. Значительную роль в данном вопросе выполняет нотариус, удостоверяя договоры, регулирующие семейные правоотношения, однако не для всех договорных обязательств в семейно-правовой сфере предусмотрено обязательное нотариальное удостоверение. Несомненно, стороны по своему согласию могут предусмотреть нотариальную форму для любого семейного соглашения¹.

Законодатель не устанавливает для относительно нового для российского правопорядка соглашения об использовании технологий искусственной репродукции человека (суррогатном материнстве) обязательное нотариальное удостоверение, оно заключается в простой письменной форме.

Многие правоведы, среди которых Афанасьева И.В.², Малиновская Е.Г.³, Борисова Т.Е., придерживаются позиции необходимости нотариального удостоверения данного договора. По их мнению, нотариальная форма позволит проверить правильность его заключения и истинную волю сторон, а также придаст большую степени надежности соглашению.

Стоит отметить, что в Государственную Думу был внесен законопроект, который предлагал введение нотариального заверения договора суррогатного материнства, но, к сожалению, предложенные изменения не были внесены в действующее законодательство.

На данный момент нормативно-правовая база в области правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий, в частности суррогатного материнства далеко не является совершенной и не отвечает потребностям практического применения. Существующие нормы не позволяют сторонам, заключившим договор быть уверенным в его надлежащем исполнении. В первую очередь это связано с тем, что согласно п. 4 статьи 51 СК РФ⁴ лица, состоящие в браке и давшие письменное согласие на применение методов искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, могут быть записаны родителями только в случае получения согласия женщины, родившей ребенка. В связи с этим, к сожалению, нет уверенности в том, что суррогатная мать передаст ребенка после его рождения и даст такое согласие. Поэтому неоднократно возникают конфликтные ситуации.

Так, одно из наиболее резонансных дел об отказе передавать детей биологическим родителям произошло в Санкт-Петербурге с семьей Фроловых⁵. Супруги долгое время не могли завести детей и решились на процедуру суррогатного материнства, но после рождения их сыновей суррогатная мать отказалась их передавать Фроловым, обуславливая это привязанностью к детям еще во время беременности. После череды судебных разбирательств суд Санкт-Петербурга все же обязал суррогатную мать передать детей биологическим родителям⁶. К сожалению, прийти к такому решению удастся не всегда, ведь российское законодательство не предусматривает возможность при оспаривании материнства и отцовства ссылаться на

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 05.12.1994 № 32. Ст. 163 с изм. и доп. в ред. от 01.10.2023.

² Афанасьева И. В. Правовое регулирование суррогатного материнства // Медицинское право. 2007. № 2. С. 21.

³ Малиновская Е. Г. Договорное регулирование семейных отношений в России и Беларуси : автореф. дис., канд. юрид. наук. М., 2007. С. 28.

⁴ Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. — 1996 г. — № 1. — с изм. и доп. в ред. от 26.10.2023.

⁵ Чужая мама. Суррогатная мать передумала отдавать детей настоящим родителям // URL: <https://aif.ru/society/people> (дата обращения: 04.03.2024).

⁶ Суд в Санкт-Петербурге постановил передать детей, рожденных суррогатной матерью, биологическим родителям // URL: <https://www.1tv.ru/news/2017-02-21> (дата обращения: 04.03.2024).

проведение процедуры суррогатного материнства. Верховный Суд РФ в одном из своих постановлений¹ выявил дифференцированный подход при рассмотрении конфликта интересов между сторонами данного договора. Так, им было отмечено, что несогласие суррогатной матери в передачи ребенка генетическим родителям не является безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц и предоставления им ребенка. Судам при решении данного вопроса стоит учитывать следующие обстоятельства: наличие или отсутствие заключенного договора, его существенные условия, причины отказа и иные обстоятельства, к тому же действовать при этом необходимо исключительно в интересах ребенка. Таким образом, для биологических родителей были установлены и разъяснены основания для обжалования отказа суррогатной матери в передаче ребенка.

На наш взгляд, для предотвращения подобных ситуаций и необходимо введение обязательной нотариальной формы договора суррогатного материнства. Нотариальное удостоверение данного соглашения будет презюмировать согласие суррогатной матери на запись биологических родителей в органах записи актов гражданского состояния как родители рожденного ей ребенка. Таким образом, это будет выступать дополнительной гарантией защиты интересов супругов, заключающих данный договор и побуждать к выполнению обязанности передачи ребенка после его рождения.

Кроме того, договор суррогатного материнства непосредственно затрагивает права ребенка, рожденного в результате применения технологий искусственной репродукции человека². В данном случае он является самой незащищенной стороной и поэтому его благополучие должно быть в приоритете.

Нередко возникают ситуации, когда генетические родители отказываются от ребенка в связи с наличием у него патологий, заболеваний и по другим причинам. Так в Волгограде семья отказалась забирать родившуюся девочку у суррогатной матери в связи с тем, что они хотели мальчика³. Девочка осталась у родившей ее женщины, записавшей ее на свое имя. Но могут быть и иные ситуации, когда суррогатная мать дала согласие на регистрацию ребенка его генетическими родителями, а они впоследствии отказались от него, в таком случае его воспитание и надзор за ним осуществляется государством в лице специализированных учреждений.

На наш взгляд, обязательная нотариальная форма договора суррогатного материнства сможет помочь справиться с данной проблемой. Заключаемый между сторонами и удостоверенный нотариусом договор, может стать основанием для внесения записи потенциальных родителей в качестве родителей ребенка в книги записи актов гражданского состояния независимо от воли данных сторон по требованию органа опеки и попечительства для защиты прав и интересов появившегося на свет ребенка при отказе обеих сторон договора от регистрации его рождения.

Помимо обязательной нотариальной формы договора суррогатного материнства для защиты интересов ребенка, необходимо обеспечить ведение реестра таких договоров, что позволит осуществлять контроль за соблюдением законодательства при исполнении данного соглашения. К тому же, в декабре 2022 года был подписан закон о запрете суррогатного материнства для иностранцев. По словам спикера Государственной думы Вячеслава Володина, данная мера позволит предотвратить торговлю детьми, продажу на органы и передачи в однополые пары⁴. Для наиболее качественного контроля за данным запретом и другими положениями законодательства и стоит осуществлять ведение реестра договоров суррогатного материнства.

Стоит отметить, что крайне важна обеспеченная в силу законодательного закрепления беспристрастность и независимость нотариуса для учета интересов обеих сторон и получении равной правовой защиты.

Нотариальное удостоверение договора суррогатного материнства также может способствовать сохранению тайны рождения ребенка. Действующее законодательство не предусматривает норму, которая бы давала возможность привлечь к ответственности за разглашение тайны суррогатного материнства. В связи с этим нотариус по согласованию сторон может прописать в договоре положения об ответственности в случае разглашения сведений, связанных с рождением ребенка, которые будут иметь обязательную силу в связи с

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» от 16.05.2017 // Российская газета. – 2017 г. – № 110. – с изм. и доп. в ред. от 26.12.2017.

² Борисова Т. Е. Договор суррогатного материнства: актуальные вопросы теории, законодательства и практики // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 10.

³ Хотели мальчика: родители отказались забирать у суррогатной матери ребенка из-за пола // URL: <https://www.volgograd.kp.ru/daily/27064/4132711/> (дата обращения: 04.03.2024).

⁴ Путин подписал закон о запрете суррогатного материнства для иностранцев // URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/482703> (дата обращения: 04.03.2024).

нотариальным удостоверением, что будет способствовать защите прав как генетических родителей, так и рожденных детей.

Как правило, договор суррогатного материнства является возмездным и предполагает передачу довольно большой суммы денег¹. Для осуществления расчетов при нотариальном удостоверении сделки возможно использование депозитного счета нотариуса. В таком случае именно нотариус будет контролировать момент передачи денежных средств и сделает это только после выполнения всех условий, которые были обозначены в заключенном и удостоверенном договоре, что значительно будет снижать возможные риски как для суррогатной матери, так и для генетических родителей ребенка.

Таким образом, законодательное закрепление обязательного нотариального удостоверения договора суррогатного материнства будет способствовать повышению эффективности реализации данного института на практике², а также усилит обеспечение защиты интересов прежде всего родившего ребенка, генетических родителей и суррогатной матери.

Деньгин А. Г.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Аспирант

Правовое положение супругов в наследственном договоре и совместном завещании супругов

В рамках проводимой в отечественном праве реформы наследственного права в результате принятия Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»³ (далее ГК РФ) у супругов появилась возможность распорядиться совместно нажитым, а также и личным имуществом на случай смерти путем заключения и удостоверения совместного завещания супругов и наследственного договора.

На данный момент в доктрине существует несколько, абсолютно полярных, точек зрения на юридическую природу и характеристику совместного завещания супругов как сделки, направленной на распоряжение имуществом на случай смерти. Наиболее преобладающим в научной литературе стóит считать взгляд на совместное завещание как на одностороннюю сделку с множественностью лиц на стороне завещателя (супруги), в которой супруги согласуют, как правило, самостоятельные волеизъявления, касающиеся распоряжения имуществом на случай смерти, что является важнейшим различием от договора.

Важнейшим отличием совместного завещания от наследственного договора является момент возникновения правовых последствий для сторон (участников) рассматриваемых сделок, направленных на распоряжение имуществом на случай смерти. Вне зависимости от формы и направленности воли супругов по распоряжению имуществом на случай смерти, завещание будет исполняться исключительно после смерти одного из супругов.

В свою очередь наследственный договор стóит рассматривать как сделку между наследодателем и потенциальными наследниками, в рамках которой могут содержаться обязанности по совершению каких-либо действий имущественного или неимущественного характера, в том числе указание по исполнению завещательных отказов или завещательных возложений (п. 1 ст. 1140 ГК РФ). Таким образом, важнейшим элементом наследственного договора является момент возникновения прав и обязанностей сторон такого договора. В рамках наследственного договора на наследника (наследников) могут быть возложены определенные обязанности различного характера (как имущественного, так и неимущественного), которые он обязан исполнять с момента заключения и удостоверения наследственного договора до момента смерти наследодателя.

Согласно п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ супруги в рамках наследственного договора могут определить порядок перехода прав на общее имущество супругов или имущество каждого из них в случае смерти каждого из них,

---

¹ Проанализировав различные данные в средствах массовой информации, нами был сделан вывод, что в среднем, размер вознаграждения составляет от 1 миллиона рублей и более. Однако в каждом конкретном случае сумма будет варьироваться в зависимости от обстоятельств и договоренности. К примеру, за рождение двойни осуществляется доплата в размере 200-300 тысяч рублей.

² Борисова Т. Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики : монография. М. : Проспект, 2015. С. 139.

³ Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

в том числе наступившей одновременно, к пережившему супругу или к иным лицам¹. Исходя из толкования положений ст. 1140.1 ГК РФ, может быть ситуация, в рамках которой в наследственном договоре, заключенном между супругами, были возложены на одного из супругов обязанности различного характера, но поскольку права и обязанности, возникающие из наследственного договора неотчуждаемы и непередаваемы никаким способом, то возникает проблема защиты прав умершего супруга-стороны наследственного договора (наследника по наследственному договору). Участие супругов в качестве сторон наследственного договора основывается на фидуциарном (доверительном) аспекте. С момента составления и нотариального удостоверения совместного завещания супругов или наследственного договора до открытия наследства может пройти приличный отрезок времени, в период течения которого могут произойти серьезные изменения формального характера и между самими супругами. Вопрос отмены каждого из рассматриваемых завещательных распоряжений в определенный момент времени стоит наиболее актуально и остро. Совместное завещание супругов, согласно абзацу 5 п. 4 ст. 1118 ГК РФ один из супругов в любое время, в том числе после смерти другого супруга, вправе отменить совместное завещание. Предполагается, что супруги, составляя совместное завещание, надеются на всецелую защиту со стороны законодателя, реализацию личной воли на случай смерти каждого из супругов и правомочие на отмену пережившим супругом совместного завещания супругов является существенным нарушением положения умершего супруга в аспекте наследования по совместному завещанию супругов. Конструкция наследственного договора позволяет супругам, являющимися сторонами наследственного договора, в случае изменения ряда обстоятельств, произвести корректировку условий договора. Но любое изменение условий, тем более отмена наследственного договора или совместного завещания после смерти одного из супругов – не должно допускаться. В перспективе развития законодательства, регулирующего вопрос отмены совместного завещания супругов после смерти одного из них, стоит обратиться к немецкому законодательству, которое ограничивает право пережившего супруга на отзыв (отмену) завещательного распоряжения².

Неясным представляется аспект выявления и выделения обязательной доли в рамках наследования как по наследственному договору, так и по совместному завещанию. Законодатель закрепил положения о том, что условия наследственного договора и совместного завещания действуют в части, не противоречащей правилам настоящего Кодекса об обязательной доле в наследстве (в том числе об обязательной доле в наследстве, право на которую появилось после заключения наследственного договора), однако, в правоприменительной практике еще не выработал четкий механизм ее реализации.

Правовые последствия для совместного завещания супругов и наследственного договора в случае расторжения брака или признания брака недействительным идентичны: они утрачивают силу (п. 4 ст. 1118, абз. 2 п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ). Раскрывая аспект соотношения наследственного договора и совместного завещания супругов, стоит указать то, что наследственный договор отменяет действие совершенного до заключения этого наследственного договора совместного завещания супругов. Однако, обратного указания на приоритет последующего совместного завещания над наследственным договором, законодателем не выделено. Определение правового положения супругов в рамках правоприменения рассматриваемых наследственных новелл требуется в целях надлежащего определения взаимных прав и обязанностей относительно распоряжений супругов, содержащихся в завещательном распоряжении, определения порядка реализации воли на случай смерти супруга (супругов).

Существующие законодательные пробелы, не позволяющие в полной мере раскрыть юридическую природу правового положения супругов в совместном завещании и наследственном договоре, в перспективе окажут негативное влияние на вектор развития правоприменительной практики.

Развитие совместного завещания супругов и наследственного договора должно строиться на четко определенных законодателем правовых гарантиях положения супругов в рамках реализации собственной воли на случай смерти, что позволит всецело применять новые наследственные конструкции в правовом поле.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

² Форушкина Екатерина Алексеевна, О сходствах и различиях между наследственным договором, в котором участвуют супруги, и совместным завещанием супругов, Семейное и жилищное право № 01/2023.

Каньшин Я. Э.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Защита имущественных прав сожителей-иждивенцев наследодателя

Несмотря на то что в отечественном праве отсутствует понятие «гражданский брак», в обществе данный термин часто используется при описании отношений, складывающихся при совместном проживании «гражданских супругов», которые сопровождаются ведением общего хозяйства и фактически тождественны семейно-брачным отношениям¹. Вместе с тем, судебная практика знает множество примеров того, как несоблюдение надлежащего порядка оформления брачных отношений приводит к тому, что в случае смерти сожителя у лица отсутствуют основания вступления в наследство, в силу чего он может остаться без средств к существованию или даже без крыши над головой. Так как в подобных ситуациях зачастую оказываются пенсионеры и инвалиды, находившиеся на иждивении покойного, ограничение имущественных прав несет прямую опасность для их жизни.

В соответствии с п. 2,3 ст. 1148 ГК РФ, граждане, которые не входят в круг наследников с 1 по 7 очереди наследования, однако ко дню открытия наследства являлись нетрудоспособными и не менее года до смерти наследодателя являлись его иждивенцами и проживали с ним, наследуют вместе и наравне с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию, а при отсутствии других наследников по закону иждивенцы наследуют самостоятельно в качестве наследников 8 очереди. Также, согласно п. 1 ст. 1149 ГК РФ, иждивенцы имеют право на обязательную долю в наследстве. По смыслу ст. 1148 ГК РФ, очевидно, что ее положения должны защищать права в том числе и «гражданского супруга» наследодателя². Стоит упомянуть, что, согласно позиции некоторых исследователей теоретических аспектов семейного и наследственного права, «гражданских супругов», следуя примеру многих зарубежных стран, было бы справедливо включить в круг наследников по закону³. Однако, по мнению С.Г. Долгова, отсутствие стремления сожителей к

Оформлению брачных отношений в установленном законом порядке говорит об их нежелании приобретать права и нести обязанности, которые следуют из таких отношений, в следствие чего они не могут претендовать на «преференции» со стороны государства⁴. По нашему мнению, первая точка зрения, с некоторыми оговорками, является более справедливой.

Согласно пп. «а» п. 31 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о наследовании», к нетрудоспособным относятся граждане, достигшие пенсионного возраста, а также граждане, признанные инвалидами I, II и III группы, независимо от назначения им пенсии по инвалидности⁵. Несмотря на обоснованность включения данных положений, они по большей части обобщают практику применения норм, содержащихся, в частности, в ст. 11 ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»^{6,7}. Вместе с тем, пп. «в» п. 31 вышеуказанного Постановления Пленума (согласно которому при оценке доказательств, представленных в подтверждение нахождения на иждивении, необходимо оценивать соотношение оказываемой наследодателем помощи и других доходов нетрудоспособного), представляет намного больший интерес для правоприменительной практики, так как разрешение вопроса: «какая помощь может считаться основным источником дохода?» стало камнем преткновения в спорах, связанных с установлением факта нахождения лица на иждивении.

Знаковым в вопросах разрешения подобных споров судами стало Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 5-КГ20-66-К2, отменившее необоснованные решения нижестоящих судов, которые встали на сторону ДГИ г. Москвы и тем самым нарушили имущественные права

---

¹ Альбиков И. Р. Взаимоотношения совместно проживающих лиц Семейное и жилищное право. 2010. № 4. С. 6–8 // СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Альбиков И. Р. К вопросу об общетеоретической характеристике наследственных прав фактических супругов. «Семейное и жилищное право», 2012, № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Долгов С. Г. Наследование после смерти сожителя/сожительницы: вопросы правоприменения. «Наследственное право», 2021, № 4) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О страховых пенсиях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

иждивенца наследодателя, являющегося пенсионером и инвалидом II группы¹. Из данного определения можно сделать ряд крайне важных выводов.

Во-первых, при установлении факта совместного проживания основополагающим доказательством является свидетельство о временной или постоянной регистрации, а также акт комиссии социальной защиты населения.

Во-вторых, наиболее надежным доказательством получения содержания является регулярное поступление на банковский счет иждивенца денежных средств наследодателя, при этом их перечисление необязательно должно осуществляться непосредственно с банковского счета последнего, а может быть связано, например, с регулярными платежами по договору аренды имущества, заключенного между наследодателем и третьими лицами.

В-третьих, в подобных спорах показания свидетелей являются крайне важным доказательством, в следствие чего суду следует их учитывать и давать соответствующую оценку (примечательно, что в 2019 году ВС РФ выразил диаметрально-противоположное мнение по данному вопросу и не посчитал свидетельские показания ближайшего родственника доказательством совместного проживания наследодателя и его сожителя²).

В ходе дальнейшего анализа судебной практики можно заключить, что сам факт превышения доходов наследодателя не может свидетельствовать о нахождении его сожителя на иждивении³; обеспечение наследодателем сожителя продуктами питания и вещами бытового пользования не доказывает факт нахождения на иждивении⁴; факт нетрудоспособности сам по себе не является доказательством нахождения на иждивении⁵; наличие у сожителя имущества, которое могло и может приносить доход также учитывается при определении существенности помощи наследодателя⁶.

Резюмируя вышеизложенное, становится очевидным, что вышеупомянутое определение ВС РФ было вынесено по делу, в котором нахождение истца на иждивении было настолько явным, что сам факт его обращения в суд высшей инстанции является абсурдным. Практика же сложилась таким образом, что суды, сталкиваясь с фактами, которым не было дано соответствующей оценки в решениях вышестоящих судов по аналогичным делам, зачастую не становятся на сторону сожителя наследодателя. Вместе с тем, в данном определении ВС РФ напомнил, что установление факта нахождения на иждивении в судебном порядке является не единственным способом защиты гражданами своих прав, о чем также говорит ст. 265 ГПК РФ⁷.

В XIV главе Основ законодательства РФ о нотариате содержится перечень фактов, удостоверяемых нотариусом, и факт нахождения на иждивении в этом списке отсутствует⁸. По мнению А.В. Бегичева, данный список является исчерпывающим и удостоверение других фактов не входит в полномочия нотариуса⁹. Вместе с тем, согласно абз. 12.11 Методических рекомендаций ФНП, при выдаче свидетельства о праве на наследство по закону на обязательную долю нотариус должен проверить наличие документов, которые подтверждают факт нетрудоспособности наследника на день открытия наследства и (или) нахождения его на иждивении наследодателя в соответствии с требованиями ст. 1148, 1149 ГК РФ, ст. 8.2 ФЗ № 147-ФЗ, п. 31 Постановления пленума ВС РФ № 9¹⁰. Отсылка к вышеупомянутому Постановлению говорит о том, что оценка обстоятельств, подтверждающих факт нахождения сожителя на иждивении, в том числе соотношения

---

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.07.2020 № 5-КГ20-66-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 73-КГ19-3 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2023 № 88-10672/2023 по делу № 2-41/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.03.2022 № 88-5394/2022 по делу № 2-197/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31.10.2023 по делу № 88-26932/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 22.01.2019 по делу № 33-2386/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Бегичев А. В. Нотариат : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2018 – 288 с. ISBN № 978-5-392-24185-9. С 203. – Текст- непосредственный.

¹⁰ Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол № 03/19) // СПС «КонсультантПлюс».

оказываемой наследодателем помощи и других доходов сожителя, входит в полномочия как суда, так и нотариуса. Стоит также уточнить, что факт иждивенчества устанавливается не только для вступления иждивенца в наследство. Он так же необходим, например, для назначения пенсии по потере кормильца. В этом случае его установление входит в компетенцию СФР, однако близкая родственная связь между иждивенцем и наследодателем будет необходимым условием. Можно предположить, что полномочия нотариуса ограничиваются лишь установлением этого факта в рамках наследственного дела, что, несмотря на неоднозначную бесспорность данного факта, не вступает в коллизию с действующими нормами права и соответствует позиции ФНП.

К сожалению, зачастую нотариусы отказываются устанавливать факт иждивенчества и требуют его установления в судебном порядке, а суды, в свою очередь, крайне редко становятся на сторону сожителя наследодателя. Эта практика делает крайне затруднительной защиту прав «гражданского супруга». В связи с тем, что наследники по закону в подавляющем большинстве случаев добровольно не станут отказываться от своей доли в наследственной массе в пользу сожителя наследодателя, только изменение подхода к рассмотрению данных споров судами, а также увеличение роли нотариата способны изменить устоявшуюся практику, в которой решение суда фактически является единственным способом защиты прав иждивенцев, а предусмотренные законом альтернативы в действительности не применяются.

Манухова К. В.

Северо-Западный институт (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

К вопросу об обеспечении интересов членов семьи при заключении соглашения об уплате алиментов

Соглашение об уплате алиментов – институт, позволяющий во внесудебном порядке на условиях взаимной выгоды разрешать вопросы алиментного обеспечения¹, а также влекущий за собой упрощение и ускорение бракоразводного процесса. Немаловажным свойством алиментного соглашения является присущая ему сила исполнительного листа², позволяющая напрямую обращаться к уполномоченным субъектам за соответствующим взысканием в случае уклонения от исполнения обусловленных в нем положений.

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации³ прямо предусматривает, что семейные конфликты могут привести к утрате семейных связей, что, в свою очередь, не может не отразиться на дальнейшем психологическом и социально-экономическом благополучии членов семьи.

Учитывая аспекты и тенденции развития нынешнего общества, где каждый ценит свое время, репутацию и старается избегать излишних стрессовых ситуаций, невозможно обойти стороной возможность заключения алиментного соглашения, предусматривающего широкий диспозитивный разгон сторон при формулировании условий такого соглашения. Одним из аргументов в пользу заключения названного семейно-правового договора, как альтернативы решению суда по вопросу об алиментах, может служить обусловленная его природой потенциальная возможность скрыть от работодателя и иных лиц наличие такого соглашения.

Обращаясь к статистическим данным, отметим, что данный институт востребован субъектами соответствующих отношений. Так, по итогам первого квартала 2023 года за удостоверением такого документа обратилось почти 14 000 человек⁴, в то время как за 2020 год в целом – чуть более 37 200 раз⁵, что превысило показатель 2019 года примерно на 20 %. Таким образом, на сегодняшний день мы наблюдаем положительную динамику применения алиментных соглашений.

¹ См.: Ладочкина Л. В., Хмелева Т. И. Соглашение об уплате алиментов: существенные и иные условия // Вестник Поволжского института управления. 2022. № 5. С. 93.

² См.: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ, № 41, 08.10.2007, ст. 4849.

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ, № 35, 01.09.2014, ст. 4811.

⁴ См.: Всё лучшее – детям: как алиментные соглашения защищают их права. – ФНП 19.04.2023. URL: <https://32.notariat.ru/ru-ru/news/vsyo-luchshee-detyam-kak-alimentnye-soglasheniya-zashchayut-ih-prava-2304> (дата обращения: 17.01.2024). – свободный. – Текст: электронный.

⁵ См.: Решить вопрос с алиментами – удобнее и надежнее через нотариуса. – ФНП 09.08.2021. URL: <https://32.notariat.ru/ru-ru/news/reshit-vopros-s-alimentami-udobnee-i-nadezhnee-cherez-notariusa> (дата обращения: 17.01.2024). – свободный. – Текст: электронный.

При заключении соглашения об уплате алиментов особое внимание уделено форме такого соглашения, а, соответственно, роли и профессионализму нотариуса, поскольку фактически именно от его действий зависит итоговое содержание документа, которое, в конечном счете, и определяет уровень обеспеченности интересов членов семьи.

Среди императивных границ условий, которым должно соответствовать алиментное соглашение, стоит отметить положение закона, согласно которому размер алиментных выплат должен быть не менее установленной законом нормы. Остальные же положения алиментного соглашения носят диспозитивный характер, что, с одной стороны, позволяет сторонам установить наиболее удобные/выгодные для себя условия, порядок и сроки уплаты, а с другой стороны, защита интересов членов семьи возлагается на третье независимое лицо, перед которым возникает обязанность соотнести желаемые требования обратившихся лиц с законностью их осуществления, а также с последствиями для иных членов семьи в случае включения тех/иных положений в содержание алиментного соглашения.

На сегодняшний день определенным недостатком рассматриваемого нами института является отсутствие прямого закрепления в Семейном кодексе РФ возможности взыскать неустойку за просрочку уплаты алиментных платежей по статье 115 СК РФ в том случае, если стороны соглашения об уплате алиментов не позаботились об этом заранее и не включили соответствующее положение в соглашение, в то время как возможность взыскать неустойку в размере, установленном в Кодексе, содержится в отношении лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда.

При этом, поскольку к семейным отношениям субсидиарно применяются нормы гражданского законодательства, то при отсутствии в соглашении об уплате алиментов условия о неустойке, взыскатель не лишен возможности начислить на просроченную сумму алиментов проценты по статье 395 ГК РФ за неисполнение денежного обязательства (законная неустойка).

Однако в целях усовершенствования активно применяющегося в повседневной жизни алиментного соглашения предлагается внести изменения в пункт 1 статьи 115 СК РФ, прямо указав ответственность в виде уплаты неустойки за просрочку алиментных платежей в случае, если стороны не установили соответствующее положение в тексте соглашения.

Кроме того, необходимо учитывать, что действующее законодательство не устанавливает запрет на заключение соглашения об алиментах при наличии у плательщика алиментов признаков неплатёжеспособности и кредиторской задолженности. Напротив, в случае банкротства такого лица требование о взыскании алиментов обладает преференцией перед иными требованиями кредиторов¹.

Основное заблуждение кредиторов сводится к тому, что они исходят из процентного показателя согласованного сторонами размера алиментов, а не из абсолютной величины денежных средств, что, в свою очередь, порождает судебные споры, связанные с требованиями об оспаривании алиментного соглашения, о признании его недействительным или о включении в реестр требований кредиторов.

Согласно судебной практике факт недействительности такого соглашения не может быть обоснован через ссылку на ухудшение этим соглашением положения иных кредиторов по обязательствам с более низкой очередностью удовлетворения. Соглашение об уплате алиментов в рассматриваемой ситуации может быть признано недействительным только в части и при условии установления завышенного характера размера алиментов², что подчеркивает приоритет прав ребенка на уровень жизни, необходимый для его полного и всестороннего развития, а также значимость интересов семьи в целом, как категорий, находящихся под защитой социального государства.

Соглашение об уплате алиментов широко применяется в зарубежных странах. Так, например, в Австрии, Франции и Швейцарии сложилась практика, согласно которой при расторжении брака супруги предоставляют

---

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.08.2018 по делу № 305-ЭС18-1570, А40-184304/2015. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=548178&cacheid=958E899704C9BEEBDF332DA53B9C2F05&mode=splus&rnd=0.6783835643770739#GU1Dm5UqVJrwmRD1> (дата обращения: 01.03.2024). — свободный. — Текст: электронный.

² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.10.2017 № 310-ЭС17-9405(1,2) по делу № А09-2730/2016. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=517289&cacheid=2DE8D13E29A84D7A56C4E13A970FA069&mode=splus&rnd=0.6783835643770739#aW9Jm5UoAIEWeBq8> (дата обращения: 01.03.2024). — свободный. — Текст: электронный.

оформленное соглашение об уплате алиментов, а в Италии вступление в последующий брак возможно исключительно при условии предоставления такого соглашения¹.

В Российской Федерации 2024 год объявлен Годом семьи², что в очередной раз подчеркивает ценность семейных традиций, а также значимую роль семейных отношений в становлении и развитии подрастающего поколения. Для обеспечения прав и законных интересов членов семьи на законодательном уровне разработаны различные формы их урегулирования, примером одной из которых является соглашение об уплате алиментов.

При заключении алиментного соглашения наблюдается ограничение вмешательства со стороны государства, которое сводится исключительно к требованию о нотариальной форме соглашения и соблюдению минимального размера алиментов, установленного действующим законодательством.

В настоящий момент соглашение об уплате алиментов становится всё более востребованной и эффективной конструкцией, позволяющей повышать уровень обеспеченности интересов заинтересованных лиц и экономить время договаривающихся сторон.

Никифорова М. К.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Магистрант

Брачный договор в России – гарант обеспечения интересов семьи? Сравнительный анализ заключения брачного договора в Российской Федерации и Арабской Республике Египет

Понятие «брачный договор» появилось в российском законодательстве сравнительно недавно. Возможность заключения между супругами договора, изменяющего законный режим имущества супругов, была впервые упомянута в 1994 г. в ст. 256 Гражданского кодекса РФ, а в последующем, с принятием Семейного кодекса РФ данный договор получил наименование «брачный» и ему стала посвящаться отдельная глава.

Семейный кодекс, закон о защите прав детей и другие, связанные с семейными отношениями законы часто используют понятие «интересы семьи». Эта формулировка обычно относится к защите прав и благополучия членов семьи, включая детей, и обеспечению стабильности и справедливости внутри семейного сообщества.

Законодательство Российской Федерации, которое предусматривает институт брачного договора, продолжает развиваться и совершенствоваться, в то время как у россиян еще окончательно не сформировалось отношение к данному документу, как к соглашению, определяющему имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения.

В январе 2021 г. Президент РФ В. В. Путин выразил свою точку зрения касательно брачно-семейных отношений, сказав, что не считает брачный договор «хорошим способом организации семейной жизни», в основе брака должно быть доверие, подчеркнул Президент³.

Согласно статистике Федеральной нотариальной палаты, в 2020 г. в России было заключено 147,9 тыс. брачных договоров, в 2021 г. – 152,2 тыс. Для сравнения: в 2014 г. супруги подписали всего 27 978 договоров за год, т.е. меньше почти в 5 раз⁴.

Однако, несмотря на ежегодный рост количества брачных договоров, их популярность в Российской Федерации по-прежнему невысока. По мнению большинства граждан РФ, брачный договор носит негативный характер и многими воспринимается как некая программа будущего расторжения брака или рассматривается как проявление недоверия к супругу.

---

¹ См.: Нестерова Д. А. Алиментные обязательства в Российской Федерации и зарубежных странах // Вопросы российской юстиции. 2022. № 18. С. 244.

² См.: Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ, № 48, 27.11.2023, ст. 8560.

³ Путин выразил свое отношение к брачному договору // Известия. URL: <https://iz.ru/1116006/2021-01-25/putin-vyrazil-svoe-otnoshenie-k-brachnomu-dogovoru> (дата обращения: 29.02.2024).

⁴ Аналитическая информация // Федеральная нотариальная палата. URL: <https://notariat.ru/ru/news/upolnomochen-zaverit-brachnyj-dogovor> (дата обращения: 29.02.2024).

В соответствии со ст. 40 Семейного кодекса РФ брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, которое определяет их имущественные права и обязанности в браке и (или) в случае его расторжения¹.

Содержание брачного договора может быть многообразным, супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности и установить режим долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов, как в отношении имеющегося, так и в отношении будущего².

Брачный договор может быть заключен как до государственной регистрации заключения брака, так и в любое время в период брака в письменной форме и подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Если брачный договор заключается до государственной регистрации брака, его юридическая сила начинается свое действие со дня государственной регистрации брака³.

Рассматривая брачный договор (контракт) в странах, проповедующих ислам, можно с уверенностью сказать, что в Арабской Республике Египет, например, к нему прибегают значительно чаще.

Ключом к пониманию любого исламского брака (95 % всех браков в Египте являются исламскими) является договор, заключаемый двумя сторонами. С юридической точки зрения брачный договор устанавливает ряд прав и обязанностей между парой, которые оказывают долгосрочное влияние на многие аспекты их жизни. В исламском праве брак рассматривается как договор, основная функция которого – сделать отношения между мужчиной и женщиной законными⁴. Действительный и эффективный брачный договор определяет соответствующие законные права и обязанности жены и мужа, а также другие права и обязанности, общие для них обоих. К контракту относятся со всей серьезностью, и ему предшествует ряд длительных переговоров, почти все из которых сосредоточены вокруг материальной защиты женщины и ее будущих детей после того, как она вступит в брак. Тем не менее, брачный договор может включать условия, выгодные для одного или обоих супругов. Условия, указанные в контракте, варьируются от закрепления права женщины расторгнуть брак до соглашения о том, что ни одна из сторон не может покинуть город, в котором они согласны жить, и даже о том, что муж не может жениться на другой женщине. Контракт, само собой разумеется, также выступает в качестве средства объединения различных членов двух семей и дает им возможность подробно обсудить предварительные условия бракосочетания. Самое главное, брачный контракт символизирует публичное признание формирования законного союза, которое будет санкционировано как в религиозном, так и в социальном отношении и знаменует начало семьи, ухода и воспитания детей⁵.

Брак требует предложения (иджаб) от одной стороны и принятия (кубул) от другой стороны. Более того, не может быть брака без свободного согласия, и такое согласие не должно быть получено путем обмана, принуждения или неправомерного влияния. Стороны мусульманского брака могут заключить любое добрачное или послебрачное соглашение, которое подлежит исполнению по закону, при условии, что оно разумно и не противоречит политике ислама. Условия брачного договора также могут быть изменены в пределах, предусмотренных законодательством, в соответствии с индивидуальными случаями. Для всех мусульманских браков в Египте характерен формализованный набор переговоров, которые начинаются после определения пригодности брачных партнеров. Прелюдией к брачному контракту является помолвка, то есть просьба мужчины руки определенной женщины в браке. Именно в этот момент мужчина подойдет к ее семье, чтобы описать свой статус и обсудить с ними брачный контракт и их соответствующие требования.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). Ст. 40 // КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/1145738bdc5c1e965075d73362277a4370c55961/ (дата обращения: 29.02.2024).

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). Ст. 42 // КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/497f052f1260df20dcbb1700e0e71423cf350878/ (дата обращения: 29.02.2024).

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). Ст. 41 // КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/f740df81e619df139f0525c103792da82a176aa7/ (дата обращения: 29.02.2024).

⁴ Исламский брачный контракт. URL: <https://family.jrank.org/pages/442/Egypt-Islamic-Marriage-Contract.html> (дата обращения: 29.02.2024).

⁵ Переговоры о браке в Египте. URL: <https://family.jrank.org/pages/441/Egypt-Marriage-№egotiation.htm> (дата обращения: 29.02.2024).

Чтобы помолвка была действительной, обе стороны должны знать обстоятельства другой стороны и знать характер и поведение потенциального супруга. Эта информация получается посредством запросов, расследований и прямого контакта пары в присутствии сопровождающего. Как только предложение мужчины будет принято женщиной или теми, кто по закону имеет право действовать от ее имени, помолвка состоится. Однако помолвка не представляет собой брачный договор: это просто взаимное обещание вступить в брак между двумя сторонами, не имеющее юридической силы ни для одной из них¹.

Для большинства современных египтян семья остается центральным и наиболее важным институтом в их повседневной жизни. Лишь немногие люди живут независимо от своих ближайших родственников, а о домохозяйствах, состоящих из одного человека, практически не слышно². Люди всех классов постоянно подчеркивают и защищают важность семьи в обществе и нации. Вопросы, касающиеся семейных отношений, гендерных ролей и власти, широко распространены в обществе. Кроме того, правильное функционирование семьи является частью религиозного диалога, который все чаще слышен во всех слоях общества.

Исходя из вышеизложенного, можно резюмировать, что институт брачного договора в мусульманских странах имеет определенную специфику в сравнении с Россией и заключается в интересах брачующихся, их семьи.

В семейном праве Российской Федерации брачный договор регулирует исключительно имущественные правоотношения сторон, не допускается включение таких условий, которые бы затрагивали личные неимущественные отношения супругов.

Так можно ли сказать, что брачный договор в российском законодательстве является гарантом обеспечения интересов семьи?

Этот документ позволяет супругам изменить режим общей совместной собственности и, конечно, обеспечить защиту имущественных интересов супругов, и в этом его положительный смысл, поскольку благодаря договору супруги самостоятельны в решении вопросов, связанных с имуществом.

Однако брачный договор имеет и свои недостатки. Например, зачастую данный документ является проявлением злоупотребления правом на изменение законного режима собственности, поскольку целью его заключения может быть уклонение супруга от исполнения долговых обязательств.

Также в договор не могут быть включены вопросы, которые относятся к личным неимущественным интересам супругов, что является главной отрицательной стороной, поскольку для большинства семей урегулирование вопросов, не связанных с имуществом, может быть важнее для сохранения брака.

Таким образом, все вышеперечисленное позволяет утверждать, что в современном российском обществе брачный договор не в полной мере защищает интересы супругов и существует необходимость изменения действующего семейного законодательства с целью принятия мер, направленных на наиболее эффективное обеспечение интересов российской семьи.

Попова Н. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Нотариальное согласие супруга на совершение сделок: публичный или частный интерес?

Супружеские отношения регулируются законодательством, включая такие аспекты, как совершение сделок. Одним из важных механизмов защиты интересов супругов и семьи в целом является получение согласия на совершение сделок. Этот институт позволяет предотвратить возможные правонарушения и конфликты между супругами при осуществлении имущественных операций. Но какой характер этого согласия – публичный или частный? Вопрос о том, кто и как может дать свое разрешение на осуществление определенной операции, вызывает споры и разногласия. В данной статье мы уделим внимание выдаваемым супругами согласиям, учитывая актуальную практику по данному вопросу, а также мнение ученых на этот счет.

Согласие супруга на совершение сделок – важный инструмент, используемый в правовой системе для защиты интересов супругов и предотвращения возможных споров и конфликтов в браке. Супруги владеют, пользуются, распоряжаются общим имуществом по обоюдному согласию. При совершении определенных сделок, закон требует, чтобы супруг, который не является непосредственным участником сделки, оформлял свое согласие на ее совершение нотариально (п. 3 ст. 35 СК РФ³).

¹ Арабские семьи. URL: <https://family.jrank.org/pages/159/Bedouin-Arab-Families.html> (дата обращения: 29.02.2024).

² Определение семьи в Египте. URL: <https://family.jrank.org/pages/443/Egypt.html> (дата обращения: 29.02.2024).

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. – 1996 – № 1 – ст. 16.

Вступая в брак, супруги обязуются уважать и защищать интересы друг друга. Имея право на свободное распоряжение своими собственными правами и имуществом, они должны также учитывать интересы и запросы партнера. Согласно п. 2 ст. 35 СК РФ: если один из супругов принял решение распорядиться совместно нажитым имуществом, то предполагается, что его действия полностью согласованы с другим супругом. Хотя важно отметить, что СК РФ не содержит даже упоминания о публичных и частных интересах¹.

О.Ю. Кравченко предложил такое разграничение интересов на частное и публичное: частный интерес затрагивает интересы индивида, а публичный – интересы государства.

Д.И. Дедов развил отличную позицию от О.Ю. Кравченко. По его мнению, разграничение частных интересов и публичных исходит не от самого права, а от защищаемых им интересов. Частному характерны интересы определенного лица, которым проявляются им в конкретном правоотношении, вне зависимости от того, защищены ли они правом. Если такая защита имеется, то частные интересы становятся одновременно и публичными.

Законодательством предусмотрено, что частный интерес не должен противоречить публичным интересам социума. В свою очередь, публичные интересы обязаны быть выгодными для всех носителей частного интереса.

Исходя из вышесказанного, представляется, что нотариальное согласие супруга на совершение сделки все же имеет больше признаков частного интереса, чем публичного по таким причинам:

- Супруги имеют общую собственность. Решение о продаже общего нажитого имущества – это важный шаг, который может оказать значительное влияние на финансовые интересы обоих партнеров;
- Равноправие и участие в семейных вопросах. Содержание брака зачастую граничит с равноправием, что включает в себя совместное принятие решений в имущественных вопросах и не только;
- Защита от неблагоприятных сделок. Нотариальное согласие супруга на совершение сделок может иметь дополнительную роль предотвращения возможных мошеннических и нечестных действий одного из супругов в ущерб другому. Этот инструмент позволяет предупредить необдуманные финансовые решения, совершение вредных сделок, снятие крупных сумм денег с общих банковских счетов и другие подобные ситуации, которые могут нанести ущерб не только интересам одного супруга, но и всей семье.

Нотариальное согласие супруга может быть воспринято и как гарантия сохранения и защиты этого частного интереса.

Нотариальное согласие супруга обычно требуется в отношении таких юридических сделок, как продажа, купля-продажа, обмен или дарение недвижимого имущества и других сделок, которые могут повлиять на финансовое положение семьи. Главной целью требования нотариального согласия является защита интересов супругов от возможных неблагоприятных последствий, которые могут возникнуть из-за представления интереса семьи только одним супругом.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод, что частный интерес больше ориентирован на защиту интересов семьи и супругов. Нотариальное согласие супруга в таких случаях является обязательным, чтобы обеспечить согласие обеих сторон и предотвратить возможные негативные последствия для одного из супругов².

Рассмотрим конкретные примеры частного интереса в нотариальном согласии супруга на совершение сделок.

Один из практических примеров, который можно привести, связан с ситуацией, когда один из супругов желает продать общую недвижимость, но другой супруг не хочет соглашаться на сделку. В данном случае, судья принимает во внимание обстоятельства, связанные с совместной собственностью, и может решить, что супруг, отказывающийся от согласия, имеет обоснованные основания для этого, например, если продажа недвижимости повлечет потерю жилья или другие серьезные негативные последствия.

Другой пример касается случаев, когда один из супругов желает заложить общую недвижимость, но другой супруг выражает недовольство и не желает давать согласие на это. В такой ситуации суд может принять решение, что отсутствие согласия супруга на залог является основанием для отказа в регистрации залога, поскольку отсутствие согласия может указывать на то, что сделка может нанести серьезный ущерб интересам супруга или внести значительное несоответствие между правами и обязанностями сторон.

Далее следует рассмотреть ситуацию, в которой один из супругов желает привлечь заемные средства, заложив общую недвижимость, но другой супруг не выражает согласия. В этом случае суд может принять

---

¹ Звенигородская Н. Ф. Договор о разделе имущества супругов: теория и практика // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3 (9). С. 114–119.

² Бакушкин А. В. Некоторые проблемы практики применения положений законодательства об общей совместной собственности супругов // Нотариальный вестник. 2021. № 6. С. 56–62.

решение в пользу защиты интересов супруга, выражающего нежелание согласиться на сделку. Например, если невозможность погашения займа может привести к значительным долговым обязательствам, это может привести к серьезным негативным последствиям, которые суд будет принимать во внимание при принятии решения¹.

Также стоит рассмотреть ситуации, когда один из супругов намерен совершить сделку, которая может повлечь за собой юридические последствия для совместной собственности, но другой супруг не соглашается с этим. Например, при покупке недвижимости с использованием семейных сбережений. В этом случае суд будет анализировать факторы, связанные со справедливостью и разумностью сделки, а также с ее потенциальными последствиями для супруга, не желающего давать согласие. Если суд придет к выводу, что такая сделка будет рискованной для супруга или семейных интересов, то согласие может быть отклонено.

Таким образом, мы пришли к выводу, что нотариальное согласие супруга на совершение сделки имеет частный интерес. Несмотря на большое количество мнений ученых о разграничении публичного и частного интереса, ближе всего нам пришлось позиция О.Ю. Кравченко, которым было сказано: частный интерес затрагивает интересы индивида, а публичный – интересы государства. Также есть несколько весомых причин отнести согласие супруга на совершение сделки к частному интересу, в целях сохранения равноправия партнеров в решении семейных вопросов, предохранения от неблагоприятных сделок, сохранения имущественного состояния семьи, интересы которой обеспечиваются при нотариальном удостоверении согласия супруга, требуемого для заключения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации.

Шашкова Я. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Роль нотариуса в обеспечении защиты имущественных прав несовершеннолетних членов семьи

Эффективная система защиты и обеспечения прав несовершеннолетних представляет собой важное направление развития правового государства, выступает одним из ключевых приоритетов современного общества. Неотъемлемой частью семейной политики Российской Федерации является процесс формирования и совершенствования действенного правозащитного механизма в отношении несовершеннолетних. В нашей стране уделяется достаточно пристальное внимание данному вопросу, особенно на федеральном уровне. Так, согласно ст. 38 Конституции РФ «материнство и детство, семья находятся под защитой государства»², что придает указанным ценностям статус конституционных принципов. Кроме того, Указом Президента РФ³ 2018–2027 годы объявлены Десятилетием детства, и одной из целей данного акта является улучшение государственной политики в сфере защиты детей.

Семейное законодательство закрепляет за ребенком право на защиту своих интересов, но поскольку он, в силу возраста и уровня психофизиологического развития, не имеет возможности в полной мере реализовать такое право, то в большей степени эта защита должна осуществляться «родителями (лицами, их заменяющими),... органом опеки и попечительства, прокурором и судом»⁴.

Особая же роль в осуществлении прав несовершеннолетних принадлежит такому правовому институту как нотариат, который призван обеспечивать «защиту прав и законных интересов граждан... путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации»⁵. Важно отметить, что нотариальная деятельность сама по себе не осуществляет прямую защиту прав граждан, в том числе и несовершеннолетних, однако она способствует такой защите. Функции нотариата имеют превентивный характер, что проявляется в уменьшении вероятности

¹ Артемьева Н. В. Согласие на совершение сделок: применение новелл гражданского законодательства в нотариальной практике // Нотариальный вестник. 2022. № 12. С. 7–11.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изм., одобрен в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 года) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СЗ РФ. 2017. № 23. Ст. 3309.

⁴ Ст. 56, Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁵ Ст. 1, Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. № 49. 13.03.1993.

возникновения и обострения конфликтов, предупреждении нарушений в большей степени имущественных правомочий ребенка.

На практике дети часто становятся собственниками недвижимого имущества, которое они получили в порядке дарения, в результате наследования. Важной правовой гарантией охраны прав и интересов несовершеннолетних в такой ситуации является положение закона о том, что «сделки по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему гражданину,... подлежат нотариальному удостоверению»¹. В этом случае нотариус осуществляет оформление и проверку на подлинность документов, связанных со сделкой отчуждения недвижимости. Кроме того, он проверяет соответствие такой сделки нормам законодательства, правомерность самого отчуждения имущества с целью недопущения ухудшения условий жизни несовершеннолетнего, его имущественных прав. Согласно правоприменительной практике нотариус перед удостоверением данной сделки «во всех случаях должен истребовать от законного представителя разрешение органа опеки и попечительства на совершение сделки»², что, на мой взгляд, также усиливает механизм защиты интересов детей. Участие нотариуса в таких правоотношениях обусловлено тем, что «отсутствие полной дееспособности лица как участника гражданского оборота влечет необходимость ее восполнения действиями иных субъектов»³. Практический аспект имеют изменения, вступившие в силу с 01.02.2019, в соответствии с которыми нотариус после удостоверения указанной сделки обязан незамедлительно представить необходимые документы в орган регистрации прав⁴.

Наиболее востребованной мерой социальной поддержки семей с детьми является предоставление материнского капитала, средства которого часто используют для улучшения жилищных условий. В связи с этим возникает проблема, касающаяся порядка оформления соглашения об определении долей в праве общей собственности приобретаемого жилья. В законодательстве не закрепляется положение об обязательном нотариальном удостоверении такого соглашения, что свидетельствует о допущении в данном случае простой письменной формы. Кроме того, такой подход подтверждается и позицией ВС РФ, согласно которой соглашение об определении размеров долей в праве общей собственности супругов и детей на жилое помещение «не является сделкой по отчуждению общего имущества, нажитого супругами в период брака, а потому отсутствие нотариального удостоверения соглашения, не препятствует его государственной регистрации»⁵. Однако полагаю, что необходимо изменить законодательное регулирование указанного вопроса и включить обязательное участие нотариуса в оформлении такой сделки. В первую очередь это важно для того, чтобы не допустить ситуацию, когда несовершеннолетним детям и вовсе не будут выделены доли в указанном соглашении, что, несомненно, может повлечь нарушение их имущественных прав в будущем.

В современных реалиях нередко родители ребенка принимают решение о расторжении своих отношений, однако этот факт никак не должен сказываться на их обязанности по содержанию несовершеннолетнего. Правовым механизмом, посредством которого родители могут достичь обоюдного согласия по вопросам имущественного обеспечения их ребенка, является соглашение об уплате алиментов, которое подлежит обязательному нотариальному удостоверению. В данных правоотношениях нотариус в первую очередь должен проверить содержательную часть такого документа, чтобы размер алиментов соответствовал семейному законодательству и не умалял имущественных прав несовершеннолетнего. Если же размер будет ниже минимально установленного законом предела, нотариус обязан отказать в удостоверении алиментного соглашения. В противном случае «суд вправе по требованию законного представителя несовершеннолетнего ребенка, органа опеки и попечительства или прокурора признать недействительным нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов»⁶. На мой взгляд, одной из существенных гарантий интересов ребенка является правовой статус алиментного соглашения, поскольку оно

---

¹ Ст. 54, Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственной регистрации недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение СК по административным делам Московского городского суда от 13 июля 2022 г. по делу № 33а-3766/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Чашкова С. Ю. Удостоверение нотариусом сделок, связанных с распоряжением недвижимым имуществом на условиях опеки, а также сделок по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 41–47.

⁴ Ст. 1, Федеральный закон от 03.08.2018 № 338-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. II). Ст. 5131.

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2022 № 5-КАД22-35-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ П. 56, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».

имеет силу исполнительного листа. И в случае если родитель перестанет выполнять условия соглашения, возможно сразу же обратиться в службу судебных приставов для принудительного взыскания денежной суммы и восстановления нарушенных прав несовершеннолетнего, минуя судебный порядок разрешения спора.

Соглашение о разделе общего имущества супругов также подпадает под требование обязательного нотариального удостоверения. Нотариусу при совершении такого нотариального действия следует учитывать положение закона, в соответствии с которым из имущества, подлежащего разделу, в обязательном порядке исключаются «вещи, приобретенные исключительно для удовлетворения потребностей несовершеннолетних детей»¹. Он обязан проанализировать, каким образом данная сделка будет затрагивать права ребенка.

Особый интерес в вопросе обеспечения защиты прав несовершеннолетних представляет участие нотариуса в наследственных правоотношениях. В том случае, когда наследниками выступают несовершеннолетние дети наследодателя, они в соответствии с гражданским законодательством относятся к категории лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве. И нотариус при удостоверении завещания обязан разъяснить завещателю содержание такого положения закона². Кроме того, при наличии будущего субъекта наследственных правоотношений, то есть ребенка, который зачат, но еще не родился, и который может быть потенциальным наследником, нотариус обязан приостановить выдачу свидетельства о праве на наследство и раздел наследственного имущества до момента рождения такого ребенка.

Следует отметить, что в настоящее время все большую прогрессивность получает тенденция расширения компетенции нотариуса в удостоверении действий, которые затрагивают интересы несовершеннолетних. Это вызвано высокой уязвимостью данной категории участников гражданского оборота, которые не могут в полной мере оценивать выгодность тех или иных сделок и должным образом защищать свои права. Восполнение неравного положения ребенка по сравнению с другими субъектами, часто осуществляющими злоупотребление его правами, обеспечивается, в том числе привлечением такого независимого гаранта как нотариус. Однако процесс совершенствования законодательства по регламентации процесса нотариальной деятельности в данной сфере правоотношений должен быть продолжен.

Шульгина В. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Магистрант

Трансформация процесса заключения брачного договора: нотариус как надлежащий гарант действительности брачного договора

Нотариус является необходимым субъектом для совершения значительного числа гражданско-правовых сделок «семейного» характера: в частности, нотариальное удостоверение необходимо для заключения брачного договора, соглашения о разделе имущества, оформления детско-родительских отношений (например, удостоверения соглашения о порядке общения с ребенком и об уплате алиментов, нотариального согласия родителя на выезд несовершеннолетнего ребенка за пределы РФ) и пр.

Одним из наиболее распространенных форм регулирования имущественных отношений супругов является заключение брачного договора. Согласно статистике Федеральной нотариальной палаты России, количество заключенных брачных договоров постоянно растет: по данным за 2021 г. количество заключенных брачных договоров выросло на 67 % за 5 лет³, по статистике за первое полугодие 2023 года пары заключили на 7,4 процента больше договоров, чем за аналогичный период 2022 года⁴. Тем самым постепенно повышается правовая грамотность и развивается правовое сознание населения, соответственно, граждане узнают о таком договоре, о его преимуществах и возможностях.

П. 2 ст. 40 СК РФ определяет, что брачный договор заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению.

В соответствии со ст. 163 ГК РФ, нотариальное удостоверение сделки представляет собой проверку законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение, и осуществляется

¹ Ст. 38, Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² П. 4.7, «Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров» (утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол № 03/21) // СПС «КонсультантПлюс».

³ URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/trend-na-brachnye-dogovory-prodolzhaet-nabirat-oboroty-2202> (дата обращения: 03.03.2024).

⁴ URL: <https://rg.ru/2023/08/16/liubov-po-kontraktu.html> (дата обращения: 03.03.2024).

специально уполномоченным лицом (нотариусом). Нотариальная форма сделки обязательна, если такое требование установлено в законе, а также если стороны установили нотариальное удостоверение в соглашении сторон. Для брачного договора нотариальная форма строго обязательна, и ее отсутствие влечет ничтожность такого договора (то есть он является недействительной с момента совершения).

Именно институт нотариата имеет первостепенную важность, поскольку является инструментом поиска баланса между публичным и частным в сфере права за счет обеспечения интересов отдельных лиц с одновременным соблюдением норм закона¹.

Закрепление обязательной нотариальной формы брачного договора создает повышенную ответственность государства в лице нотариуса за правильность удостоверения факта заключения брачного договора и его содержания во избежание потенциальных споров между супругами в будущем и обеспечения соответствия нормам закона. Перед нотариусом ставится две главных задачи: удостоверительная действительность воли сторон относительно заключения брачного договора и определения его условий (для этого в частности необходимо проверить личность сторон, их дееспособность, убедиться, что брачный договор заключается добровольно и стороны согласны с его условиями) и проверить содержание брачного договора на соответствие императивным нормам законодательства и иным нормативным правовым актам (нотариус проверяет, чтобы не нарушались интересы стороны и брачный договор не ставил одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, чтобы в договоре не было положений, регулирующих неимущественные аспекты взаимоотношений супругов, вопросы о детях и др.)².

Одним из возможных вариантов реформирования процедуры брачного договора может быть заимствование зарубежного опыта, например, ряда англо-американских стран, в которых обязательным условием при заключении брачного договора является проведение юридической консультации для каждой из сторон брачного договора.

Например, в Великобритании существует несколько сформированных судебной практикой условий, которые необходимо соблюсти при заключении брачного договора. Одним из таких условий является понимание последствий заключения брачного соглашения: супруги должны осознавать смысл и правовые последствия положений договора. Так как не каждое лицо способно объективно и профессионально оценить текст договора, оба супруга должны получить юридическую консультацию специалиста, который разъяснит их права и обязанности³.

В России регулированию института брачного договора посвящена глава 8 Семейного кодекса РФ. При этом российское законодательство не содержит требований относительно подготовительного этапа при заключении брачного договора: ст. 41 Семейного кодекса, регулирующая порядок заключения договора, касается только вопроса момента и формы его заключения.

С одной стороны, заимствование требования о проведении обязательной консультации сторон позволило бы супругам более осознанно подходить к данному процессу и снизить количество исков о признании брачного договора недействительным. Низкий уровень правовой грамотности приводит к тому, что многие не понимают последствий заключения брачного договора, часто такие договоры подписываются под принуждением, когда у второго супруга в силу его имущественной слабости или юридической незрелости нет возможности отказаться от договора или включить в него более благоприятные условия. Это приводит к тому, что впоследствии брачный договор оспаривается тем супругом, чьи права были нарушены, что отрицательно влияет на гражданский оборот и «авторитетность» института.

С другой стороны, в России роль нотариуса не сводится лишь к фиксации своей подписи на брачном договоре: на практике нотариус и его помощники часто принимают активное участие в составлении текста договора, консультируют супругов по отдельным вопросам, делают запросы в государственные органы, запрашивают правоустанавливающие документы на имущество, проверяют добровольный характер заключения договора и дееспособность каждой из сторон, тем самым минимизируя риски оспаривания брачного договора. В случае предъявления иска о признании брачного договора недействительным нотариус привлекается в деле как третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований, и дает свои объяснения по вопросу соблюдения надлежащей процедуры.

---

¹ Ярошенко Т. В., Чучак А. Особенности нотариального удостоверения брачного договора в период пандемии коронавируса // Нотариус. 2022. № 4.

² Антропова И. Р. Нотариальное удостоверение брачного договора // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. Вып. 2. С. 114–118.

³ *J v V (Disclosure: Offshore Corporations)* [2003] EWHC 3110 (Fam); [2004] 1 F.L.R. 1042.

На сайте Федеральной нотариальной палаты РФ представлена довольно подробная инструкция по подготовительному и основному этапу заключения брачного договора¹, что указывает на то, что стороны могут обратиться к нотариусу напрямую, без необходимости дополнительно прибегать к услугам юриста. После предварительной консультации нотариус сможет составить текст соглашения по установленной форме, разъяснить супругам их права и обязанности, ответить на все вопросы и скорректировать первоначальный план раздела (например, в случае, если наблюдается неравенство распределения активов). Безусловно, если стороны в силу своего высокого имущественного положения владеют множеством активов, в том числе, зарубежных, что требует заключения брачных договоров в нескольких юрисдикциях, а также если у сторон есть особый, спорный запрос (например, на установление зависимости раздела имущества от отдельных неимущественных аспектов), консультация юриста необходима для комплексного решения задачи, но нотариус в данной процедуре также представляется значимым и самостоятельным субъектом.

Более того, некоторые исследователи считают, что роль нотариуса в процессе заключения супругами брачного договора даже чрезмерно велика. Например, в качестве предложения, направленного на совершенствование правового регулирования семейно-брачных отношений и увеличение числа заключаемых договоров, Е. В. Ивнева и Л. Л. Кавшбая высказывают идею отменить право нотариусов требовать документальное подтверждение наличия имущества, а также более радикальную – отменить обязательную нотариальную форму заключения брачного договора, предоставив ЗАГСам право удостоверять брачные договоры одновременно с регистрацией брака². На наш взгляд, несмотря на то, что внедрение этих предложений упростило бы процесс заключения брачного договора³, они являются слишком радикальными и трансформируют саму природу брачного договора, превращая его из эффективного инструмента регулирования имущественных отношений супругов в формальную, административную процедуру, автоматически меняющую режим собственности в браке и не учитывающую реальные интересы сторон. Таким образом, на наш взгляд, действующий в России сейчас механизм заключения брачного договора, предусматривающий нотариальную форму брачного договора, является довольно эффективным. При этом процедура постепенно совершенствуется, в частности, с 2014 года функционирует единая электронная база нотариата, включающая реестр брачных договоров, с 2020 года стало возможным дистанционное удостоверение сделок двумя и более нотариусами, поэтому нахождение супругов в разных городах больше не является препятствием для заключения брачного договора. Требование об обязательном нотариальном удостоверении брачного договора является обоснованным, так как дает возможность компетентному уполномоченному лицу проверить не только соответствие самого договора требованиям закона и минимизировать риск признания такого брачного договора недействительным, но и удостовериться, что у супругов действительно есть самостоятельное желание заключить брачный договор, и их волеизъявление является добровольным.

---

¹ URL: <https://notariat.ru/sovet/pages/tag/brachnyi-dogovor/> (дата обращения: 06.03.2024).

² Ивнева Е. В., Кавшбая Л. Л. Актуальные вопросы развития института брачного договора в Российской Федерации: теория и практика // Теория и практика общественного развития. 2017. № 11.

³ Гарипова А. М. К вопросу о нотариальном удостоверении брачного договора // Вестник науки. 2020. № 5 (26).